P.O. rel.
003 Dal

СОЧИНЕНІЯ
ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

НОВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1861.

СОЧИНЕНІЯ
ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

ТОМЪ I.

СОЧИНЕНІЯ

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

НОВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

Коммиссіонера Московскаго и Казанскаго Университетовъ.

1861.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ

С.-Петербургъ, 20 января, 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ТОМЪ I

—

Стран.

I. Повѣрка 1
II. Бѣглянка 6
III. Воръ 14
IV. Сухая бѣда 18
V. Находка 22
VI. Искушеніе. 28
VII Цыганка 34
VIII. Капитанша 44
IX. Кандидаты 51
X. Варнакъ 56
XI. Кликуша 73
XII. Бредъ 85
XIII. Рогатина 92
XIV. Невѣста съ площади 105
XV. Мертвое тѣло 119
XVI. Самоваръ 127
XVII. Прокатъ 132
XVIII. Мандаринъ 144
XIX. Круговая бесѣда 149
XX. Другая круговая бесѣда 164
XXI. Напраслина 181
XXII. Осколокъ льду 186
XXIII. Разсказъ Верхолонцова о Пугачевѣ 197

XXIV. Цыганъ 207
XXV. Подтопъ 217
XXVI. Послухъ 221
XXVII. Архистратигъ 229
XXVIII. Кладъ 233
XXIX. Грѣхъ 245
XXX. Двухъ-аршинный носъ 255
XXXI. Крушеніе 266
XXXII. Степнячокъ 277
XXXIII. Бочка вина 289
XXXIV. Червоно-русскія преданія 304
XXXV. Подземное село 310
XXXVI. Удавлюсь, а не скажу 315
XXXVII. Ракита 323
XXXVIII. Займы 330
XXXIX. Свѣтлый праздникъ 342
XL. Безчестье 348
XLI. Петруша съ Параней 359
XLII. Кто кого одурачилъ? 373
XLIII. Четыре брака и одинъ разводъ 387
XLIV. Любовь по гробъ 397
XLV. Двѣ былины 410
XLVI. Братецъ и сестрица 418
XLVII. Мнимоумершіе 432
XLVIII. Боярыня — 434
XLIX. Фокусникъ — 455
L. Невольные соперники — 468

I.

ПОВѢРКА.

—

Было, говорятъ, гдѣ-то и когда-то присутственное мѣсто, въ которомъ засѣдало, между-прочимъ, нѣсколько членовъ изъ купечества. Люди эти, нельзя сказать, чтобы охотой на службу пошли: у каждаго изъ нихъ, кромѣ общаго блага, и свое собственное также было на умѣ; а служба, конечно, отнимала у нихъ много времени и заставляла иногда по неволѣ запускать свои дѣла. Лишь бы польза въ томъ была, такъ это бы все ничего: извѣстно, что собственнымъ своимъ благомъ надо жертвовать для блага общаго.

По обычному въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ порядку, господа члены эти не знали дѣла, да и не допускались вовсе секретаремъ къ дѣламъ, и, правду сказать, сами не очень о томъ тужили; они охотно принимали на себя съобща разныя издержки и пособія, лишь бы ихъ не слишкомъ отрывали отъ своихъ дѣлъ и не подвели, при случаѣ, подъ обухъ. Подписать журналъ и десятокъ-другой бумагъ — это ихъ не черезчуръ обременяло, особенно, если не было никакихъ постороннихъ, непріятныхъ и неумѣстныхъ настоя-

ній о предварительномъ прочтеніи подписываемаго. Все это досаждаетъ, потому-что отнимаетъ время, обременяетъ голову, вводитъ иногда въ раздумье и притомъ ни къ чему не служитъ, какъ уже было дознано на опытѣ нашими членами неоднократно въ прежніе годы ихъ служенія. «Пробовалъ, братецъ, и читать» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ на совѣтъ пріятеля: «да еще хуже выходитъ.» Поэтому, роковые горюны отбывали свое трехлѣтіе, ходили во все это время подъ страхомъ Божіимъ и человѣческимъ, и если все благополучно проходило, то служили три молебна, на которыхъ, какъ замѣчено было всѣми, молились отъ избытка чувствъ и клали земные поклоны отъ усердія души, потомъ задавали обѣдъ, не жалѣя издержекъ, и предавались опять спокойно мирнымъ своимъ занятіямъ. Нѣкоторые, однакоже, по какимъ-либо тревожнымъ случаямъ, сходили съ этого достохвальнаго поприща — если не калѣками, то по-крайней-мѣрѣ инвалидами, пожертвовавъ отечеству здоровьемъ своимъ и нѣсколькими годами жизни. Такъ бывали примѣры небольшихъ параличей, оставшагося навсегда біенія сердца и другихъ, большею частію нервическихъ недуговъ, которые услаждались для пріобрѣтателей ихъ развѣ одною только пользой, которую приносила такъ-называемая общественная служба ихъ всему страждущему человѣчеству.

При такомъ положеніи дѣлъ, милостивцы наши продали себя такъ-сказать секретарю, казначею, а отчасти и небольшому числу прочихъ чиновниковъ, которые распоряжались по собственному усмотрѣнію, застращивая членовъ, въ случаѣ какихъ-либо неумѣстныхъ сомнѣній, входящими и исходящими нумерами и шнуровыми книгами. И члены дѣлались послушными, смирными и покорными, не спорили, а молили только Бога, чтобы трехлѣтіе благополучно миновалось.

Однажды, начальникъ узналъ стороной, что въ оговоренномъ нами мѣстѣ для строгаго и разборчиваго критика нашлось бы кой-гдѣ и кой-въ-чемъ по сучку и по задоринкѣ;

а главное, что хуже всего, будто-бы и казна поступала въ ящикъ, подъ ключи и печати только временно, на одни сутки, наканунѣ урочнаго свидѣтельства; въ остальное же время казна эта была не мертвымъ, а живымъ капиталомъ, обращаясь тутъ и тамъ по рукамъ и принося казначею и секретарю небольшіе проценты. Чиновники эти были такъ снисходительны, что дозволяли даже и самимъ членамъ затыкать по-временамъ этими деньгами диры по торговымъ ихъ оборотамъ, съ тѣмъ, однакоже, какъ само собою разумѣется, чтобы члены эти, въ поощреніе на будущее время, платили за это и секретарю и казначею, каждому порознь, процента по два или по три на мѣсяцъ.

Объ этомъ-то узналъ мѣстный начальникъ. Не желая лѣзть въ петлю за другихъ, онъ тотчасъ принялъ въ-тихомолку свои мѣры. Ему бы ничего не стоило, какъ говорится, накрыть виновныхъ мокрымъ рядномъ; онъ могъ нагрянуть тотчасъ же съ шумомъ и громомъ, какъ снѣгъ на голову, потребовать казначея, секретаря, членовъ, освидѣтельствовать казну, заключить протоколъ объ отсутствіи ея, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ и проч.; но все это, какъ самъ онъ выражался, не обѣщало ему никакой пользы, кромѣ одного лишь вреда: при начетѣ и раскладкѣ, ему бы и самому не миновать своей доли, а за этимъ онъ вовсе не гонялся. И такъ, онъ началъ съ того, что сталъ поговаривать о безпорядкахъ, которые, какъ-де слухи до него доходятъ, оказываются вотъ въ такомъ-то мѣстѣ; «надобно добраться до этихъ господъ», продолжалъ онъ, «надобно порядкомъ до нихъ добраться: въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца непремѣнно буду тамъ и освидѣтельствую также казну.» Онъ съ намѣреніемъ далъ довольно-большой срокъ, чтобы успѣли приготовиться и въ-особенности собрать и внести деньги. Дня за три, онъ сказалъ наконецъ своимъ приближеннымъ, что въ такой-то день, часовъ въ 10 утра, хочетъ туда нагрянуть. Онъ зналъ положительно, что все это будетъ пере-

дано туда отъ слова до слова въ тотъ же день, и потому спокойно выжидалъ назначенный имъ самимъ срокъ.

Прибывъ на мѣсто, начальникъ принялъ видъ, будто намѣренъ повѣрять дѣлопроизводство, началъ заглядывать въ настольный, потомъ во входящій, требуя на выдержку отчета по нѣкоторымъ нумерамъ. Затѣмъ вошелъ онъ въ присутствіе, занялъ мѣсто и просилъ членовъ продолжать свои занятія. Не смотря на троекратное повтореніе этой просьбы, т. е. приказанія, члены могли только отвѣчать подобострастнымъ поклономъ, взглянувшись между собою въ страшномъ недоумѣніи: обыкновенныя ихъ занятія состояли въ балагурствѣ такого рода, которое вовсе неудобно было продолжать въ присутствіи строгаго начальника. Онъ обратился къ секретарю, указалъ на неразрѣшенныя бумаги, лежавшія отдѣльной кипой на столѣ, и приказалъ читать ихъ, обыкновеннымъ порядкомъ, какъ онъ выразился, хотя это здѣсь вовсе не былъ порядокъ обыкновенный.

Секретарь прочиталъ одну бумагу, начальникъ остановилъ его и спросилъ младшаго члена, какъ онъ думаетъ ее разрѣшить? Этотъ, не могши найтись въ такихъ трудныхъ и небывалыхъ обстоятельствахъ, счелъ за лучшее поклониться и отмолчаться. На повторенный вопросъ послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ. Начальникъ обратился къ слѣдующему члену, съ вопросомъ о его мнѣніи, но успѣхъ былъ тотъ же: глубокое молчаніе. Тогда начальникъ обратился къ третьему и сказалъ: «ну, а вы, я думаю, также одного мнѣнія съ этими господами?...»

Затѣмъ начальникъ всталъ, потребовалъ казначея, стряпчаго, спросилъ ключи, печать и пошелъ съ полнымъ присутствіемъ свидѣтельствовать казну. Онъ очень хорошо зналъ, что все было на этотъ случай пополнено и деньги собраны, хотя и съ трудомъ, и притомъ только на нѣсколько дней. Сумма была большая и, впрочемъ, оказалась вся въ наличности. Тогда похваливъ всѣхъ за исправность эту, въ которой–де онъ и никогда не сомнѣвался, начальникъ при-

гласилъ всѣхъ присутствовавшихъ приложить къ сундуку свои печати, а равно приложилъ и свою собственную, и нашелъ болѣе-удобнымъ, для избавленія членовъ отъ значительной отвѣтственности, особенно по недостатку особаго караула, передать денежный сундукъ для храненія на главную гауптвахту. Начальникъ не поскучалъ обождать до исполненія на дѣлѣ при немъ же этого распоряженія. Вслѣдъ затѣмъ, казначей былъ уволенъ.

У многихъ при этомъ, какъ говорится, лица вытянулись по шестую пуговицу; но деньги были спасены. Какимъ образомъ потомъ дѣйствительные и страдательные соучастники этой наличности между собою разсчитались — этого я не знаю.

II.

БѢГЛЯНКА.

—

Услужливый и толковый проводникъ по землѣ турецкой, привезъ меня къ ночлегу въ русскую деревню. Поразительно было встрѣтить тутъ всѣ обычаи и весь бытъ русскій, коренной, исконный, который даже не всегда и вездѣ можно найдти въ Россіи. Изба и почти вся утварь русскія, только посуда частію мѣдная, луженная внутри и снаружи, а частію глиняная, превосходной выдѣлки и вида: не горшки, а античные кувшины, урны и вазы...

Хозяинъ мой былъ расторопный мужичина, который обрадовался русскому гостю, много разспрашивалъ и самъ разсказывалъ и увѣрялъ, между-прочимъ, будто онъ уже родился въ Турціи, тогда-какъ, глядя на эту кулебяку съ бородой, въ красной рубахѣ, по неволѣ казалось, что она вотъ только-что перенесена за Дунай изъ-подъ Москвы.

Другой землякъ вошелъ въ избу, перекрестился по-ихнему и позвалъ хозяина съ собой. Осталась хозяйка, молодая, очень-видная женщина, въ русскомъ платьѣ, которой голосу я дотолѣ еще не слышалъ. Когда хозяинъ ушелъ, я заговорилъ съ нею, спросивъ ее, куда его позвали. «Тамъ какой-то старикъ пріѣхалъ» отвѣчала она, «уставщикъ, такъ

къ нему; они теперь тамъ всю ночь просидятъ.» По первому слову ея видно было, что синій сарафанъ носитъ она не съ дѣтства, и даже не слишкомъ-давно, промѣнявъ на него запаску или плахту. Я сказалъ ей смѣючись, что она изъ Новороссійскаго-края и чуть-ли не Херсонской губерніи. Она тяжело вздохнула, какъ-будто не вывела вздоха, робко оглянулась кругомъ, хотя и знала, что тутъ никого болѣе нѣтъ, вдругъ зарыдала, упала мнѣ въ ноги и взмолилась: «паночку, возьмите меня съ собой... что хотите заставляйте дѣлать, я буду вѣковѣчная работница ваша, только возьмите меня отсюда!..»

Нѣсколько успокоивъ ее съ трудомъ, я сталъ ее разспрашивать и, благодаря продолжительному отсутствію хозяина, безъ труда узналъ всю жалкую и любопытную жизнь бѣдной Домахи, которую здѣсь перекрестили, не знаю по какимъ примѣтамъ и соображеніямъ, въ Улиту.

«Я точно херсонская, вотъ изъ такого-то мѣста, выросла въ деревнѣ, говорила она: — а пятнадцати лѣтъ взята была во дворъ. Барыня полюбила меня, и когда, года черезъ три, стали просить меня добрые люди за сыновей своихъ, то барыня отказала и тому и другому, сказавъ мнѣ, что для меня будетъ женихъ хорошій. Ну, воля барская, подумала я: хорошій такъ хорошій; а мнѣ еще лучше посидѣть въ дѣвкахъ, не надокучило. На селѣ у насъ былъ прикащикъ, изъ крестьянъ же, старикъ трезвый. хорошій и таки не безъ добра: всѣ знали, что у него, кромѣ полнаго хозяйства и двухъ плуговъ воловъ, есть еще и хорошія деньги. За него ли барыня меня прочила — не знаю; но только какъ прошелъ Покровъ, да старосты пошли съ посошками по селу, такъ прикащикъ нашъ поклонился барынѣ въ ноги и сталъ просить меня за втораго сына, за Стецька. Барыня согласилась и стали меня готовить къ свадьбѣ.

«Стецько былъ человѣкъ хорошій, въ отца, а отецъ его богатъ, такъ мнѣ всѣ стали завидовать. Отца у меня не было, а мать плакала, радуясь моей долѣ. Глядя на людей

и я не тужила, и даже было-повѣрила имъ, что вотъ Богъ даетъ мнѣ счастье.

«Сказать правду, Стецько былъ человѣкъ хорошій и любилъ меня; безъ малаго годъ жили мы своимъ хозяйствомъ, какъ живутъ добрые люди. Хорошо мнѣ было тогда; и теперь, припоминая былое, не вѣрится, что было когда-то хорошо. Не въ волѣ счастье, а въ долѣ. Вдругъ откуда ни взялся недобрый человѣкъ... Богъ ему судья .. онъ и погубилъ насъ.

«Мужъ мой, бывало, трезвый, тихій, работящій, воротился въ одинъ вечеръ съ работы, какъ ровно самъ не свой, и всю ночь прошатался либо въ шинкѣ, либо и сама не знаю гдѣ, а утромъ воротился и завалился спать; тамъ опять куда-то ушелъ, а ночью сказалъ мнѣ, что хочетъ на волю въ туречину, гдѣ нѣтъ ни некрутчины, ни податей; гдѣ винограда, меда и молока вволю, и гдѣ наши, русскіе, живутъ какъ въ раю. Много онъ еще насказалъ мнѣ, что тамъ-де нѣтъ и работы, а всѣ лежебоки и всѣ отъ султана большое жалованье получаютъ, а земля такая, что все сама родитъ, а народу воля на всѣ четыре стороны, ступай куда хочешь. Я такъ и ахнула, заплакала-было, но онъ на меня прикрикнулъ, какъ еще со дня свадьбы нашей не случалось, и велѣлъ молчать, да собираться. Самъ онъ пробѣгалъ еще сутки двои, какъ бѣшеный, что и я въ немъ не могла узнать того человѣка, какимъ онъ былъ прежде; даже раза два страшно пригрозился на меня, когда я стала просить его, чтобы остался, да забылъ бы туречину, и стращалъ, что убьетъ меня, если я кому хоть слово скажу.

«У мужа своихъ денегъ было ста три; а какъ продавать все хозяйство ему нельзя было, чтобъ люди не догадались о недобромъ его замыслѣ, то онъ только продалъ по тихоньку пару воловъ, да въ ту ночь, какъ уже совсѣмъ мы собрались, взялъ у отца двѣсти рублей, да покинулъ ему записку, повинился во всемъ, просилъ, чтобъ не искали его, что онъ-де ушелъ на вольную сторону, чтобъ отецъ

не клепалъ за деньги на другихъ людей, а взялъ бы за эти деньги все наше хозяйство, и хлѣбъ и скотинку. Тамъ просилъ онъ въ письмѣ и отцовскаго благословенія — да гдѣ ужъ на такое дѣло благословить отцу! Охъ, не было тутъ его благословенія!» сказала она и сама залилась опять слезами.

«Вотъ, о полуночи, забравъ мѣшки съ хлѣбомъ, которые припасли мы на дорогу, помолились мы и пошли. Я не знала куда и зачѣмъ мы идемъ, и только путемъ объ этомъ услыхала отъ мужа. Давнишній бродяга — прости, Господи, мое согрѣшеніе! — который давно уже ушелъ изъ-подъ Москвы туда къ намъ, въ херсонскую, а оттолѣ вотъ сюда, въ туречину, пришелъ съ Дунаю на дубу, стоялъ въ лиманѣ въ камышахъ, и колобродилъ по шинкамъ и базарамъ, подбивая народъ идти съ нимъ въ туречину. Онъ-то, вишь, подбилъ и мужа моего, царство ему небесное, и наговорилъ ему обманомъ про турецкую землю, что про рай земной. Не стерпѣла я, стала плакать еще разъ и просить мужа, чтобъ раздумалъ, да не вѣрилъ бы такому шатуну; такъ онъ, сердечный, инно меня ударилъ... ударилъ въ первые и въ послѣдніе, и Богъ ему это проститъ, и не для жалобъ говорю я объ этомъ, а къ тому только, батюшка, что тихій, смирный былъ онъ человѣкъ, никогда никого не обижалъ, а меня даже словомъ никогда не тронулъ; а тутъ вотъ, какъ попала дурь эта въ голову, такъ и самъ не свой, и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ...

«Шли мы во всю ночь, со свѣтомъ залегли въ камышахъ, пролежали опять до ночи, тамъ пошли и пришли до свѣта на это мѣсто, гдѣ, по примѣтамъ, долженъ былъ стоять за камышами дубъ; тутъ ломились мы камышами по плавнѣ, часа три; изъ силъ выбились, такъ-что бросили-было и хлѣбъ; отдохнувъ, однако, пошли еще далѣе, по звѣздамъ, потому-что идешь по колѣни и по поясъ въ водѣ, а камыши лѣсомъ стоятъ, такъ-что свѣту Божьяго не видать, ну вышли мы, наконецъ, на самый берегъ лимана. Не услышалъ

Богъ молитвы моей; а я молчу, говорить не смѣю ничего, только молюсь: Господи, умилосердись надъ нами, дай намъ Богъ заплутаться тутъ, чтобъ и до вѣку не найдти ни дубка, ни хозяина его, а пошатавшись бы воротиться опять домой... нѣтъ: какъ только стала заниматься заря, то увидали мы въ сторонѣ, подъ берегомъ, этотъ злыдарный дубъ...

«Хозяинъ принялъ насъ ласково, обрадовался намъ, поднесъ вина — и мужъ меня заставилъ выпить — «вотъ», сказалъ тотъ, «видишь ли каково винцо? а и оно тамъ вольное, хоть самъ кури, хоть пей, хоть лей, хоть пожалуй шинкуй, ни на что нѣтъ запрету! А что», спросилъ онъ, когда поднесъ мужу, который, бывало, не пилъ вовсе, другой стаканъ: «а что, братъ, скажи правду, собралъ деньжонокъ сколько-нибудь? Вѣдь безъ денегъ нигдѣ не живется, вездѣ плохо! Мужъ мой и похвались ему, что сотъ шесть будетъ, да и ударилъ себя рукой по груди, гдѣ лежали деньги въ сумочкѣ. Хозяинъ обрадовался, это-де хорошо: вотъ заживешь, говоритъ, такъ заживешь, тамъ на эти деньги и дворъ и землю купишь, и сады и огороды, и все, что твоей душѣ угодно... вотъ заживешь, такъ ужъ будешь вѣкъ меня помнить... «Охъ!» продолжала она: «и точно, что заставилъ ты себя помнить, попутай и накажи тебя Богъ!.. Да нѣтъ, такіе, какъ ты, живутъ, а вотъ мужа моего сердечнаго ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

«На другую ночь, мы снялись съ якоря и вышли въ лиманъ. Такихъ же, какъ мужъ мой, что сманили отъ господъ на волю, было еще три человѣка, вотъ, что вы у насъ работника видѣли, такъ это одинъ изъ нихъ — а молодица я одна только была: тѣ, кто холостой, а кто жену покинулъ, да ушелъ одинъ. На дубу было съ хозяиномъ также три человѣка. Ночь прошла благополучно, а днемъ плыли мы недалеко: подошедши же подъ камыши, тамъ притаились. Вечеромъ опять снялись да пошли; и вѣтеръ и теченіе были попутные, такъ мы къ свѣту и вышли въ море. Насталъ опять вечеръ — и хозяинъ принялся поить гостей своихъ,

будто радуясь, что благополучно ушли. Всѣ перепились и уснули. Я долго сидѣла и плакала, мужъ на меня разсердился и прогналъ меня; такъ я и свернулась и улеглась на другомъ концѣ дуба, на носу, а они спали въ кормѣ. Съ зарей я проснулась, поглядѣла туда — еще спятъ всѣ. Немного погодя, я опять поглядѣла — что-то больно жаль стало мнѣ мужа — тѣ проснулись: кто сидѣлъ, кто ходилъ, а Степана не видать. Сердце такъ во мнѣ и заныло, словно тѣсно ему стало; что такое, по чемъ и по комъ — и сама не знаю. Поглядѣла я еще, пошла въ корму, пересмотрѣла всѣхъ — нѣтъ моего муженька... я къ одному, къ другому — всѣ молчатъ... Господи, что такое сталось надъ нами грѣшными? проклятые, что они надъ нимъ сдѣлали? За тѣмъ-то и спрашивали они, много-ли у тебя денегъ... Упоивъ его, хозяинъ снялъ съ него кожаный карманъ, а самого и выкинулъ въ море... Господи, успокой грѣшную душу его, прости и помилуй его, хоть за мученическую смерть!..»

Она было-замолчала, залившись слезами, а немного погодя опять взмолилась, чтобъ я ее увезъ въ Россію. Я просилъ ее досказать, что же сталось потомъ съ прочими и въ-особенности съ нею самою. «Да чтожъ!» сказала она, подгорюнясь: «богатаго-то мужика сманивъ обобрали, да утопили, а бѣдныхъ взяли въ кабалу: насчитали на нихъ за хлѣбъ, за провозъ, да просятъ еще деньги, за то-де, что увезли на волю, да въ вѣковѣчные работники и взяли ихъ; вотъ тебѣ и воля. А имъ, бѣднымъ, тутъ куда дѣваться? Все одна шайка, эти старые бродяги, всѣ за одного стоятъ, пожалуй еще убьютъ, не что возьмешь.»

— Ну, а ты же, какъ живешь?

— Да какъ, батюшка, сказала она и опустила голову, будто не смѣла глядѣть на меня прямо и тяжело вздохнула; — извѣстно, наше дѣло сиротское, такъ вотъ и живу.

— Да у кого же ты живешь?

— У хозяина.

— У какого хозяина?

— Да у того самого, что мужа-то сгубилъ, батюшка, что приходилъ за нами на дубу въ лиманъ; это онъ самый и есть... (Она робко оглянулась и снова залилась слезами.) Горькая участь моя, баринушка! и утопиться-то не дали мнѣ, когда я хотѣла было кинуться въ море, туда же, гдѣ безбожники утопили бѣднаго Степана; хозяинъ сперва обманывалъ меня, сталъ божиться, что мужъ мой пересѣлъ ночью на другой встрѣчный дубъ, и что мы его уже застанемъ здѣсь. Когда прибыли мы сюда, такъ стали утѣшать меня, что мужъ мой скоро будетъ, а послѣ сказали, что онъ пьяный утопился. Да нѣтъ, не вѣрила я имъ съ самаго начала: чуяло сердце мое, что они надъ нимъ сдѣлали. Разъ, одинъ работникъ нашъ, какъ хозяина не было дома, сталъ тосковать да каяться, что зачѣмъ послушался недобраго человѣка, да ушелъ сюда—и сталъ-было онъ меня подговаривать бѣжать съ нимъ, да и признался мнѣ, что хоть и былъ самъ въ то время хмѣленъ, а видѣлъ и помнитъ, что Степана обобрали и утопили.

— А ты какъ же тутъ живешь? продолжалъ я допытываться: — тоже работницей, или какъ?

— Да, отвѣчала она, будто нехотя:—и работаю, что въ домѣ нужно, извѣстно по хозяйству... только-что грѣха много на душу приняла... Неволя, баринушка, сами знаете, нашей сестрѣ одной куда дѣваться, когда своей воли нѣтъ!.. И зарыдала снова, и опять стала проситься со мной. — Онъ держитъ меня замѣстъ хозяйки, продолжала она, успокоившись немного: — и что я перенесла побоевъ, когда я не соглашалась на волю его, такъ ужь я и не знаю, какъ жива осталась...

Тутъ хозяинъ воротился, вошелъ спокойно въ избу, а Домаха, отворотившись, занялась хозяйствомъ и скрыла тревожное свое положеніе. Хозяинъ подсѣлъ ко мнѣ ласково и весело, сталъ бесѣдовать и распрашивать о всякой всячинѣ и выпроводилъ меня утромъ съ поклонами и поже-

ланіями, помянувъ нѣсколько разъ Бога, безъ котораго, по его словамъ, ни до порога, и отъ котораго онъ желалъ мнѣ и самъ себѣ ждалъ, коли Его святая воля будетъ, всякаго благополучія...

III.

ВОРЪ.

—

— Вотъ сторона, сказалъ пономарь, вошедши въ избу свою, гдѣ у него сидѣло нѣсколько гостей:—вотъ сторонка! а, чтобъ ихъ!.. У меня ночью съ тележонки колесо сняли! Вотъ не дрогнули бы руки этакаго мошенника на первой осинѣ повѣсить, какъ окаяннаго!

— Оно правда, сказалъ одинъ изъ гостей, старикъ съ почетной бородой: — что воровство ремесло плохое, и ворамъ спускать нечего; однако, сватушко, не проклинай его: воръ вору рознь.

— Какъ такъ? спросилъ пономарь: — спасибо что-ль я ему скажу, что онъ у меня, мошенникъ этакой сущій, укралъ колесо? Какъ же такъ, что по твоему воръ вору рознь? По мнѣ укралъ, такъ укралъ, и на осипу его!

— А вотъ какъ, сватушко: примѣромъ сказать, коли воръ твой, что снялъ у тебя колесо съ тележонки, надѣлъ его подъ свою телегу, по нуждѣ, да на немъ уѣхалъ, такъ это одно дѣло; коли онъ продалъ его, да купилъ хлѣба, такъ это другое; а коли онъ пропилъ его, отдалъ за стаканъ вина — такъ это опять третье; а еще, сватъ, вѣдь и это не одно, наткнулся ли воришко твой на этотъ грѣхъ,

или за тѣмъ пошелъ; въ первый ли разъ его попутало, аль ему дѣло это привычное.

— Правда, сказалъ третій гость: — вѣдь убить человѣка — не шутка, не воровству чета, да и то не ровёнъ часъ, не ровёнъ случай. Сказываютъ бывальщинку къ этому случаю, что-де какой-то курскій воръ сталъ грабить хохла, подсидѣвъ его на большой дорогѣ; хохолъ такъ оробѣлъ, что не смогъ и противиться: курянинъ повалилъ мужика, прижалъ колѣномъ, да выхвативъ ножъ положилъ его подлѣ на землю, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови *сороковаго!*» Какъ хохолъ мой услышалъ это, такъ откуда у него рысь взялась: исплошивъ курянина, выскочивъ изъ-подъ него да поваливъ его самого, онъ насѣлъ на него, да ухвативъ ножъ, сказалъ: Господи, благослови *перваго и послѣдняго*! Такъ тутъ не одно, что курянинъ бы зарѣзалъ хохла, аль хохолъ курянина

— Это другое дѣло, возразилъ пономарь: — извѣстно, для спасенія живота своего всякая тварь посягательствуетъ; за это и Богъ проститъ, а вору всякая мука по-дѣломъ, воръ идетъ на то, чтобъ человѣка обидѣть, вопреки законовъ божескихъ. Сказано: не укради; воръ всяческое раззореніе чинитъ и не кается, злобствуетъ противу рода человѣческаго; поваженный, что наряженный, кто разъ укралъ, воровать не перестанетъ; исправленіе вору—петля, да осиновый сукъ.

— Постой же, сватушко, остановилъ его первый: — ты выслушай теперь мою бывальщину! не о колесѣ твоемъ рѣчь: кто его укралъ, можетъ-статься, и стоитъ того, чего ты ему сулишь, про это я ничего не знаю; да за споромъ дѣло стало, такъ выслушай теперь, что я тебѣ скажу.

— Жилъ былъ богатый мужикъ; что ему дѣлается — всего вдоволь, такъ что въ избѣ тѣсно всему добру; онъ пристроилъ клѣть, да туда и сложилъ все залишнее. Богатому не спится, богатый вора боится, такъ и нашъ мужичекъ, нѣтъ-нѣтъ, да и выглянетъ опять ночью на дворъ,

чтобъ не было изъяну. Разъ также вышелъ онъ, да и сталъ прислушиваться: ему послышалось, будто кто прошелъ подлѣ клѣти, словно солома подъ ногами прошелестѣла. Притаивъ духъ, хозяинъ мой опять услышалъ какой-то шорохъ и пошелъ красться, какъ подъ волка. Добравшись до клѣти, онъ сталъ поглядывать изъ-за угла: анъ кто-то смотритъ на него изъ-за другаго угла. Хозяинъ откачнулся за уголъ, подумалъ, да опять выглянулъ, а тотъ тоже себѣ, да опять-таки на него глядитъ. Не знаю, долго ль они этакъ въ переглядушки играли, только-что воръ сталъ посмѣлѣе, высунулся на половину — и хозяинъ тоже, и глядятъ другъ другу прямо въ глаза. — «Что, братъ», спросилъ воръ потихоньку: «и ты никакъ на промыселъ вышелъ?» — Не што, землякъ, какъ видишь. — «Такъ пойдемъ, братъ, вмѣстѣ: и добыча, и грѣхъ и горе, все пополамъ». — Ладно, пойдемъ, да куда же? — «Да не знаю, братъ; я-то человѣкъ небывалый, признаться, еще въ первый разъ вышелъ — и страшно, да нечего дѣлать; давай вотъ ломать клѣть; это хозяинъ богатый, что нибудь да найдемъ.» — Ты въ первый, подумалъ хозяинъ: — такъ погоди жъ, я тебя отважу — въ другой разъ не пойдешь. Пожалуй, давай, сказалъ онъ, — да чѣмъ ломать! есть у тебя что?» — Нѣту, братъ, ничего; развѣ поискать тутъ плахи какой, да высадить дверь.» — Погоди-ка, сказалъ хозяинъ: — у меня вотъ есть отмычки; я, видно, позапасливѣе тебя; авось не придется ли которая. — Самъ досталъ съ пояса ключъ и отомкнулъ клѣть. Вошли. — Вотъ, говоритъ хозяинъ: — сундукъ стоитъ, ломай — а самъ пошелъ въ сторону, пошарить топора, либо безмена, чтобъ окрестить имъ вора. «Богъ съ нимъ», говоритъ этотъ: «и съ сундукомъ; мнѣ бы вотъ хлѣбушка найти — а тутъ-таки пахнетъ, братъ, свѣжимъ хлѣбомъ» — и пошелъ, потягивая носомъ. — Постой, сказалъ хозяинъ, вотъ я нашелъ: и подалъ ему съ полки хлѣбъ — а тотъ кинулся на хлѣбъ этотъ, ухвативъ его обѣими руками, и давай уплетать. — Что ты? не ужи-

налъ нонѣ, что ли? спросилъ хозяинъ, у котораго безменъ былъ уже въ рукѣ. «Какой ужинъ!» сказалъ воръ, а самъ, знай, ломаетъ да въ ротъ суетъ: «у меня, братъ, другіе сутки, кромѣ воды, ничего во рту не было, отощалъ совсѣмъ.» Поѣвъ немного, онъ перекрестился, забралъ съ полки цѣлый хлѣбъ, да еще початой, который надъѣлъ, и хочетъ идти.—Что же ты? спросилъ еще разъ хозяинъ:—заберемъ тутъ еще что подъ руку попадется: тутъ добра много! «Богъ съ нимъ и съ тобою», сказалъ воръ: «и самъ не хочу и другому закажу: слава Богу, что я до хлѣба добрался, на недѣльку будетъ съ меня, а болѣ ничего не надо.» — Ну, такъ поди же сюда, возьми вотъ мѣшечекъ муки, да отнеси домой, не бойся никого: кто спроситъ, такъ скажи, что хозяинъ далъ. — «Какъ хозяинъ? какой хозяинъ?» спросилъ оробѣвшій воръ.—Да, братъ, хозяинъ, вотъ онъ передъ тобой, и припасъ было на тебя обухъ!—Воръ какъ стоялъ, такъ и повалился ему въ ноги. — «Батюшка, не погуби!»—Вставай, я говорю, сказалъ хозяинъ, бери хлѣбъ свой, бери и муку и ступай съ Богомъ домой: счастливъ ты, что не позарился на другое добро; да смотри у меня, прибавилъ онъ, взваливая мѣшечекъ муки ему на плечо и показывая ему безменъ, котораго не выпускалъ изъ рукъ: — смотри, чтобъ впередъ нога твоя не была здѣсь, а не то я тебѣ дамъ памятку. .. Воръ откланялся, побожился и зарекся, что въ первый и въ послѣдній пошелъ на такое дѣло, перекрестился и пошелъ смѣло домой.

И пономарь согласился, что воръ вору рознь и что нельзя безъ суда присуждать всякаго вора на осину.

IV.

СУХАЯ БѢДА.

—

Послѣ скучнаго зимняго перѣзда, прибылъ я въ чувашскую деревеньку, гдѣ приходилось ночевать. Избушки, казалось, вросли въ землю; ихъ такъ занесло сугробами снѣга, что проѣзжіе, безъ малѣйшаго преувеличенія, глядѣли съ дороги въ крестьянскіе дворы какъ съ горы въ пропасть и легко могли бы вывалиться изъ саней, черезъ тынъ или кровлю на такой крестьянскій дворъ. Дымъ валилъ изъ трубъ тутъ и тамъ изъ-подъ снѣга, и я невольно припоминалъ сказочныя преданія о затопленныхъ деревняхъ съ церквами.

Меня привезли, по указанію, въ лучшую избу. Кому случалось гостить у чувашъ, тотъ знаетъ, что такое лучшая чувашская изба: это курная русская избенка, во всѣхъ отношеніяхъ худшая изъ дурныхъ. Хозяинъ хотѣлъ мнѣ подать такъ-называемаго квасу, пошелъ его искать подъ лавкой, досталъ оттуда деревянную чашку и подалъ ее мнѣ: я ему указалъ на плававшую въ квасу мертвую мышь; онъ взглянулъ, выкинулъ ее пальцами подъ лавку, поставилъ чашку къ сторонѣ, и пошелъ, чтобы мнѣ зачерпнуть квасу въ другую посудину. «Не трудись», сказалъ я ему:

«не надо; да скажи, пожалуй, для чего же ты не выплеснешь изъ чашки этотъ квасъ? Нешто ты станешь его пить?»—Ничего, отвѣчалъ онъ: слѣп*ая* отецъ па печи есть, *она* выпьетъ.

Мнѣ хотѣлось ѣсть и пить, и я, по обыкновенію путниковъ, потребовалъ молока или яицъ. Послѣднія хоть тѣмъ хороши, что ихъ нельзя опоганить. Хозяинъ сказалъ что-то хозяйкѣ, почесался, подумалъ и объявилъ, что молока и яицъ нѣтъ. Я не хотѣлъ вѣрить, чтобъ въ деревнѣ нельзя было достать того или другаго, и потому настаивалъ; хозяинъ увѣрялъ, что скотина пала еще съ осени, а курицы давно перевелись отъ постоевъ. Послѣ долгихъ настояній и уговоровъ, онъ объявилъ, что у одного только мужика есть дойная корова, прочія всѣ отказались послѣ чумы, но что онъ сомнѣвается, можно ли будетъ достать у этого мужика молока, и прибавилъ, когда уже выходилъ изъ избы: «намъ туда нельзя ходить.» Хозяйка не могла или не хотѣла мнѣ объяснить этого выраженія, и я поневолѣ выждалъ возвращеніе хозяина, съ какимъ-то парнемъ: его пошли, сказалъ мнѣ первый. Я далъ ему денегъ и наконецъ завладѣлъ кринкою молока. Наѣвшись и закуривъ трубку, я разговорился съ хозяиномъ, поподчивалъ его табакомъ и, вспомнивъ слова его, спросилъ объясненія, почему-де вамъ нельзя туда ходить? Онъ улыбался, почесывался, молвилъ что-то хозяйкѣ, которая засмѣялась, и на повторенный вопросъ мой отвѣчалъ только: «такъ, что нельзя, мы вишь не-другъ». Это еще болѣе завлекло мое любопытство, и я не отсталъ отъ чувашина, покуда онъ мнѣ не разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Есть народы, напр. китайцы и японцы, у которыхъ самоубійство ни по чемъ; трусъ по себѣ, китаецъ или японецъ, однакоже, будучи по своимъ понятіямъ обезчещенъ, поруганъ, считаетъ долгомъ вспороть себѣ брюхо. Увѣряютъ даже, что они дѣлаютъ это иногда, вмѣсто поединка, на зло другъ другу: если обиженный распоретъ себѣ жи-

вотъ, объявивъ при томъ имя своего обидчика, то этотъ обязанъ послѣдовать его примѣру: таковъ обычай, а обычай сильнѣе закона. Нѣчто похожее встрѣчается у чувашъ, хотя, можетъ быть, не въ той мѣрѣ и не въ такомъ общемъ распространеніи.

Чулка́, отецъ того хозяина, у котораго взято было теперь молоко, былъ негодяй и воришка. Попавшись разъ на воровствѣ у Ярмука, у отца моего хозяина, Чулка поплатился зубомъ, который выбилъ ему Ярмукъ пестомъ. Золъ былъ Чулка на это, потому-что люди не давали ему проходу, указывая на выбитый рѣзецъ; но дѣлать нечего: виноватый молчитъ, и Чулка также молчалъ. Въ отместку за зубъ свой, онъ рѣшился наказать Ярмука, укравъ у него лошадь. И тутъ Богъ его попуталъ: онъ попался съ лошадью, и поймалъ его опять самъ хозяинъ, Ярмукъ, но на сей разъ уже не удовольствовался тѣмъ, что отмялъ ему вволю бока, а связалъ его и представилъ начальству. Чулка убѣдительно отпрашивался, клялся, что больше у него воровать не станетъ, но Ярмукъ не хотѣлъ, видно, вводить его въ искушеніе и требовалъ расправы. Тогда Чулка поклялся отмстить ему съ такой злобой, что и Ярмукъ испугался было проклятій его и потому скрутилъ ему руки потуже, далъ еще двѣ заушины и тотчасъ же повезъ на своей подводѣ, со старостой или сотскимъ въ городъ.

Дѣло длилось, по обыкновенію, но наконецъ рѣшено было тѣмъ, чтобы наказать Чулка при полиціи, отдать его на поруки и оставить подъ присмотромъ. Приговоръ исполнили; но, по безпорядку, позабыли записать исполненіе въ журналъ и донести объ этомъ куда слѣдовало; черезъ мѣсяцъ, по случаю пересмотра вѣдомости нерѣшеннымъ дѣламъ, полиціи сдѣлано было подтвержденіе, чтобы наказать арестанта Чулка и оставить его на мѣстѣ жительства подъ присмотромъ. Чулка вытребовали, посѣкли и отпустили. Проходитъ еще мѣсяцъ; полиціи насылаютъ грозное приказаніе исполнить приговоръ немедленно и донести. Тутъ

уже подавно разбирать было некогда: Чулка въ третій разъ потянули, выместили на немъ выговоръ этотъ и неисправность пьянаго секретаря или письмоводителя, и наконецъ уже въ этотъ разъ донесли объ исполненіи и помѣтили дѣло конченнымъ.

Воротившись домой, Чулка былъ такъ золъ, что лѣзъ на стѣну; если бы онъ былъ не чувашинъ, то, конечно, посягнулъ бы на убійство своего заклятаго врага, Ярмука; но чувашинъ этого не сдѣлаетъ, и Чулка распорядился иначе; выждавъ ночь, онъ пошелъ и удавился на воротахъ Ярмука. Со свѣтомъ баба сунулась-было изъ избы съ ведрами по воду — и ахнула, кинувшись опрометью назадъ. Хозяинъ выскочилъ и стоялъ столбнякомъ. Онъ былъ не Японецъ, и потому вовсе не обязывался вспороть себѣ, въ честь повѣшеннаго сосѣда, брюхо, или послѣдовать его примѣру и удавиться; но Ярмуку грозила бѣда другаго рода, которая иногда стоитъ петли и веревки: судъ наѣдетъ со слѣдствіемъ и со всѣми принадлежностями къ нему и неминуемыми послѣдствіями...

Съ этихъ поръ, между семействами Ярмука и Чулка основалась вѣковѣчная вражда и ненависть, хотя одинъ изъ этихъ родоначальниковъ, какъ мы слышали, 20 лѣтъ назадъ удавился, а другой волею Божіею самъ собою скончался. Вражда эта простиралась до того, что никто изъ семьи Ярмука не ходилъ въ домъ Чулка, и обратно, почему хозяинъ мой и не хотѣлъ или не смѣлъ идти туда за молокомъ.

Такой висѣльникъ извѣстенъ у насъ въ народѣ подъ названіемъ *сухой бѣды;* и, говорятъ, понынѣ еще чуваши въ злобѣ своей грозятъ иногда другъ другу тѣмъ, что сулятъ на дворъ сухую бѣду, т. е. обѣщаютъ одинъ у другаго на дворѣ удавиться.

V.

НАХОДКА.

—

Послѣ отечественной войны, казаки возвращались на Донъ. Много-ли ихъ пошло и много-ли пришло—это, какъ Платовъ сказалъ, домашній счетъ; но тѣмъ, которые благополучно добрались во-свояси, было о чемъ пересказать, а, можетъ, было чѣмъ и порадовать своихъ: добычи было много. Полкъ шелъ черезъ Золотоношскій уѣздъ. День былъ воскресный; казаки, по тогдашнему обычаю, брели враздробь, кучками, а отсталые, либо подгулявшіе, тянулись и попарно, и по одному.

Плетется по столбовой дорогѣ казакъ, повѣсилъ голову, и думаетъ: конечно, оно нечего сказать, плакаться грѣшно, далъ Богъ и мнѣ поживу, не стыдно будетъ домой глаза показать; однакожь, другимъ-инымъ счастье послужило еще получше... вотъ, у Маслова, хоть онъ, кажись бы, и не то, чтобъ изъ самыхъ бойкихъ, особенно, какъ гдѣ дѣло пойдетъ въ настоящую, однакожъ, на это его пострѣла стало: у него подушка набита хорошо; и не пухъ, да мягко сидится — диво, что лошадь не подломится подъ нимъ — сѣдло, только что человѣку подъ силу поднять... и у Мухранова тожъ, червонцамъ счету нѣтъ — чай, до-

мой прiѣдетъ, со старухой своей въ недѣлю не сосчитаютъ... посылаетъ же Господь иному человѣку такое счастье... Есть, правда, есть и у меня, да не противъ ихъ... а вотъ тутъ еще и сапожишки купить надо, обносился совсѣмъ, прибавилъ онъ, поглядывая на сапогъ: — раздѣлывать подушку для этой малости не хочется, а что при себѣ было деньжонокъ, издержалъ все, т. е. прогулялъ, ну, да нашему брату нельзя, чтобъ ину-пору не развеселить сердце не выпить, то есть... а въ этихъ сапогахъ не доѣдешь до дому — нѣтъ, ужъ совсѣмъ плохи...

Въ это время идетъ ему навстрѣчу молодой парень, который возвращался отъ обѣдни, изъ ближняго села, домой. Онъ честно поздоровался съ казакомъ и пошелъ-было своимъ путемъ. Онъ въ это время думалъ про себя такъ: и немного бы человѣку надо, чтобъ вѣкъ прожить по людски, да по Божески, такъ и этого не откуда взять. Вотъ, еслибъ не воскресный день, такъ никто бъ меня не увидалъ въ новыхъ чоботахъ, да и то новое, потому что берегу, что въ праздникъ только обуваю, а куплены они ужъ давно. Воловъ только одна пара, а другой купить не на что; спрягаемъ съ сосѣдомъ, когда пашемъ, да за тожъ и я на него пашу — оно и тяжело, и не напашешься. А были бы у меня волы, пошелъ бы я чумаковать; повезъ бы муку, крупу, да сало въ Крымъ, а оттуда соль; а тамъ пошелъ бы на Донъ за таранью — вотъ бы и заработалъ копейку...

— Стой! закричалъ казакъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ: — стой, да снимай скорѣе чоботы, обмнѣяемся. Мужикъ глядитъ на него, ротъ разинувъ, ровно не слышитъ, что тотъ сказалъ; а казакъ, глянувъ еще разъ вздъ да впередъ по дороте, нѣтъ ли кого, замахнулся на бѣдняка саблей, да кричитъ: — изрублю всего, искрошу на мѣстѣ, снимай, говорю, сапоги, да бери мои! —«Господь съ тобою, что ты это дѣлаешь, землякъ?» взмолился хохолъ: «въ воскресный день, среди бѣлаго дня на разбой выѣзжаешь;

да побойся жъ Бога и побойся людей: тутъ теперь народъ ходитъ и ѣздитъ по дорогѣ.. » Какъ вытянетъ его казакъ полосой, плашмя, по спинѣ, такъ мой хохолъ тутъ же и присѣлъ на мѣстѣ, и скинулъ оба сапога въ одинъ мигъ, какъ вотъ пальцемъ кивнуть, и вскочилъ опять на ноги и подаетъ ихъ казаку; а тотъ еще кричитъ: «скорѣй! сымай, коли сымаешь!» — На, говоритъ бѣднякъ: — возьми, Господь съ тобой. Казакъ взялъ сапоги, оглянулся еще разъ кругомъ, слѣзъ и сталъ разуваться. Онъ не хотѣлъ ограбить мужика и увезти у него сапоги, а хотѣлъ только обмѣнять свои изношенные на пару новыхъ. — На, собака, подержи коня, сказалъ онъ, передавая чембуръ въ руки хохла: – да молись Богу, что не на такого напалъ: другой бы уходилъ тебя тутъ же на мѣстѣ, и кафтанъ-то снялъ бы съ плечъ. Самъ присѣлъ, снялъ съ себя проворно сапоги, сунулъ ихъ въ руки мужика и сталъ обувать новые.

Хохолъ держитъ въ одной рукѣ поводъ коня, въ другой старые, изношенные сапоги, глядитъ на нихъ, да и думаетъ; вотъ еще, чего добраго, заставитъ меня эти сапожишки надѣть! Хорошъ же я буду, какъ въ нихъ ворочусь домой! Вѣдь меня засмѣютъ люди, и хозяйка въ глаза наплюетъ, да таки и подѣломъ; это курамъ на смѣхъ, пойти въ воскресный день къ обѣднѣ въ новыхъ сапогахъ, а воротиться вотъ въ какихъ...

— А, чтобъ тебя чортъ взялъ и съ сапогами твоими! сказалъ казакъ, и мужикъ теперь только на него оглянулся: въ торопяхъ, казакъ нашъ насилу попалъ ногой въ голенище, да пяткой прихватилъ края и завернулъ внутрь; дергаетъ, тянетъ, суетъ ногу, да не справится; и что больше торопится, то хуже.

Мужикъ мой вдругъ словно свѣтъ увидѣлъ: какъ хватитъ онъ казака его же сапогами по лбу, закричавъ: «такъ обувай же, коли обуваешь!» да какъ вскочитъ на коня, да голыми пятками его по бедрамъ — только его и видѣли.

Казакъ вскочилъ-было да пустился за нимъ въ погоню—

такъ пѣшій конному не товарищъ, а тутъ еще одинъ сапогъ надѣтъ до половины, и нога запуталась въ голенищѣ. — Стой, сдѣлай милость, стой; на, возьми свои сапоги — кричитъ казакъ, запыхавшись, выбившись изъ силъ и спотыкаясь черезъ свои же ноги; такъ не слышитъ, видно мужикъ: знай несется во весь духъ, а скоро скрылся и слѣдъ простылъ.

Казакъ, привыкшій, можетъ-статься, обижать другихъ, но не привыкшій, чтобъ его обижали, сталъ рвать на себѣ волосы и плакать и вопить, какъ по родному покойнику. И то сказать, какъ ему теперь показаться въ полкъ, безъ лошади, безо всего, и какъ отовраться передъ начальствомъ? Бѣда да и только. Сѣлъ онъ, поправилъ и надѣлъ сапогъ, да пошелъ-было степью вслѣдъ за своимъ невольнымъ обидчикомъ, такъ раздумалъ и сталъ: куда я пойду, гдѣ я его найду? Простора на всѣ четыре стороны много, а кто былъ мужикъ этотъ и откуда, я не знаю. Подумалъ казакъ, плюнулъ, почесалъ затылокъ и воротился въ городъ.

Дорогою онъ останавливался раза два и заламывалъ руки; но страхъ и горе опять погнали его впередъ; къ начальству, подумалъ онъ, больше не къ кому идти теперь— должно быть, начальство разъищетъ.

Отъискавъ исправника, онъ принесъ жалобу, что-де сошедшись на дорогѣ съ мужикомъ, сталъ съ нимъ разговаривать, а тамъ спѣшился, да пошелъ по пути съ нимъ рядомъ, потомъ отдалъ ему поводъ лошади, отошедши на минуту въ сторону, а тотъ сѣлъ и ускакалъ. Опасаясь за такой случай большихъ непріятностей, исправникъ сталъ всѣми силами стараться отъискать виноватаго;—но прошло нѣсколько дней, всѣ разосланные съищики воротились и не нашли ничего. Казакъ не даетъ покоя исправнику, проситъ и плачетъ день и ночь, а наконецъ, въ отчаяніи, кается ему, глазъ-на-глазъ, во всей правдѣ и обѣщаетъ тысячу рублей, только бы найти сѣдло съ подушкой: остальное пусть пропадетъ. Ему сѣдло съ подушкой дороже лошади:

лошадь, говоритъ, была плохая, а сѣдло съ подушкой завѣтныя.

Протекло, однакожь, еще два дня; казакъ изъ себя выходитъ, сулитъ двѣ, три тысячи, признаваясь, что у него въ подушкѣ сѣдельной зашито было золотомъ шесть тысячъ рублей; исправникъ всѣ силы и средства употребилъ — нѣтъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Казакъ волосы рветъ на себѣ, а пособить нечѣмъ.

Вдругъ даютъ знать, что въ глухой балкѣ, въ степи, нашли казачью лошадь съ сѣдломъ, съ сумами, съ шинелью и другими вещами въ торокахъ. Исправникъ зоветъ казака, сказываетъ ему о находкѣ и говоритъ: поѣдемъ сейчасъ туда. Боже мой! казакъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости: обнимается и цалуется со всѣми, кается и проситъ прощенья, не сказывая въ чемъ — садится и ѣдетъ.

Пріѣзжаютъ на мѣсто; у моего казака духъ захватываетъ отъ страха и нетерпѣнія — спрашиваютъ сотскаго: у кого на дворѣ казачья лошадь? кому сдана на руки? — У меня, говоритъ сотскій. — Гдѣ она у тебя?. выводи сейчасъ на дворъ! Казакъ бросился напередъ, вслѣдъ за сотскимъ — моя, кричитъ, она и есть. Сбрую-то давайте пожалуйста, сбрую, сѣдло съ приборомъ, то есть. . Вотъ и сѣдло, и весь приборъ, и все, какъ нашли, говоритъ сотскій. — А подушка? подушка моя гдѣ? закричалъ не своимъ голосомъ казакъ, увидѣвъ голое сѣдло. — Вотъ тутъ, разбирай, сказалъ сотскій: какъ нашли, такъ и есть, все цѣло; вотъ это никакъ подушка, да только взрѣзана, вишь!

Казака почти обморокъ ошибъ на мѣстѣ. У него въ подушкѣ было золотомъ не шесть, а болѣе тридцати тысячъ рублей. Исправникъ посвисталъ, глядя на все это, пожалъ плечами, да и отошелъ. Тутъ взятки гладки! подумалъ онъ, и тотчасъ же велѣлъ подавать свою бричку.

Неподалеку отъ большой дороги, гдѣ казакъ такъ неудачно обмѣнялся сапогами, жилъ мужичокъ Охримъ, порядочный хозяинъ, но бѣдненекъ, хотя и не пьющій и ра-

ботящій. Видно, однакожъ, ему помаленьку счастье послужило: вскорѣ послѣ описаннаго нами случая прикупилъ онъ парочку воловъ и сталъ хозяйничать полнымъ плугомъ; на другой годъ, не прежде, прикупилъ еще двѣ пары, продавъ напередъ выгодно пшеницу; тамъ пошелъ чумаковать и видно торговалъ хорошо, потому что года черезъ четыре сталъ отправлять въ Крымъ и на Донъ возовъ по десяти и больше. Богъ ему помогъ, и онъ вскорѣ купилъ порядочный кусокъ землицы и выбрался жить на хуторъ; а когда люди привыкли уже къ тому, что у Охрима свой хуторъ, гдѣ онъ живетъ съ сыновьями и со снохами, и съ дочерьми, и съ зятьями, то не дивились болѣе и богатству его, хоть иные и моргали усомъ, когда бывала рѣчь объ этомъ, замѣчая, что съ работы будешь горбатъ, но не будешь богатъ.

Исправникъ, о которомъ мы говорили, давно уже былъ уволенъ отъ должности и жилъ у себя дома, также на хуторѣ, который и пріобрѣлъ на службѣ, вѣроятно, также работой, по крайней мѣрѣ, онъ всегда достояніе свое называлъ трудовымъ и *благо*-пріобрѣтеннымъ. Припоминая иногда происшествіе съ казакомъ, онъ перекашивалъ ротъ, поглаживалъ подбородокъ и говорилъ про себя: «да, счастливъ твой Богъ, Охримъ, что ты богатѣлъ осторожно, понемногу, и что я ужъ болѣе не исправникъ; а теперь бы я зналъ, гдѣ искать потрохи казачьей подушки!»

А казакъ? Товарищи прозвали его, послѣ этого происшествія, чоботомъ, и онъ, за слово это, каждый разъ лѣзъ въ драку, очертя голову. Говорятъ, онъ подъ конецъ едва-ли не сошелъ съ ума.

VI.

ИСКУШЕНІЕ.

—

Бореніе добра и зла, этихъ двухъ духовныхъ началъ въ человѣкѣ, тысячу разъ было представлено и описано въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: но я не помню, чтобъ гдѣ нибудь борьба эта представлена была такимъ очевиднымъ, осязательнымъ образомъ и въ такомъ простомъ, несложномъ видѣ, какъ она представляется въ слѣдующемъ истинномъ происшествіи.

Кто не знаетъ нашихъ разносчиковъ, коробейниковъ, лукошниковъ, офеней, которые разъѣзжаютъ по всей Россіи съ такъ называемымъ краснымъ и бакалейнымъ и всякимъ другимъ товаромъ и снабжаютъ всѣхъ хозяекъ въ деревняхъ и городишкахъ ситчикомъ, шелчкомъ, узорчикомъ, тесемочкой, петелькой и пуговкой, и иногда даже какой нибудь книжкой, сонникомъ, гадальщикомъ, писчей и пѣвейной бумагой, дѣтскими игрушками, курильными свѣчами. ладаномъ и стираксой — словомъ, почти всѣмъ, что необходимо въ семейномъ домашнемъ быту и чего не всегда достать можно въ уѣздномъ городѣ? Такой-то промышленникъ подъѣхалъ къ барскому двору, противу обыкновенія

этихъ людей, рысью: это было зимой, часу въ восьмомъ утра, когда только что разсвѣло. Лошадь была вся въ мылѣ, разносчикъ пріѣхалъ въ одиночку и, соскочивъ съ воза, поспѣшно снялъ шапку и перекрестился. Онъ, сидя на возу, почти также запыхался, какъ и лошадь его.

Вошедши во дворъ, на которомъ, какъ видно, случалось ему быть не въ первый разъ, потому что онъ торговалъ давненько, онъ освѣдомился у людей, всталъ–ли баринъ и просилъ доложить о себѣ, подошедши самъ вслѣдъ за человѣкомъ въ переднюю. «Скажи, что ничего не нужно» отвѣчалъ баринъ слугѣ: «я вѣдь только на прошедшей недѣлѣ съ ярмарки; у меня все закуплено.» Разносчикъ, который стоялъ въ сѣняхъ вплоть у дверей въ покои, подперши бороду рукой и наклонивъ голову противъ щелки притворенныхъ дверей, отступилъ на полшага, чтобы дать мѣсто возвращающемуся слугѣ, и, не выждавъ его отвѣта, лишь только тотъ растворилъ дверь въ переднюю, возвысилъ свой голосъ: «сельди есть голландскія, сыръ настоящій швейцарскій, помада, духи французскіе, жилеты аглицкіе, макароны, берлинская шерсть, баульчики, сахаръ, чай, кофе...»

Такъ какъ помѣщикъ отвѣчалъ на всю рѣчь эту: «Здорово, братецъ, здорово! Нѣтъ, теперь не надо мнѣ ничего», то нашъ офеня уже смѣло втерся въ двери, отвѣсилъ поклонъ и продолжалъ насчитывать товаръ свой; вѣдь помѣщикъ съ нимъ заговорилъ, такъ онъ считалъ себя въ правѣ войти и продолжать бесѣду. «Не надо, любезный, ничего» сказалъ тотъ; «я недавно запасся всѣмъ.» — Такъ хоть изюмцу возьмите, сударь, черносливу французскаго.. есть у меня и ножи преотличные, столовые и поварскіе. — «Да не надобно ничего.»—А изъ краснаго товара не требуется ничего-съ?—«Нѣтъ, ничего ненужно.»—Сдѣлайте милость, батюшка, прикажите хоть принести показать что нибудь, можетъ-статься, изъ бакалейныхъ приглянется что нибудь... игрушки дѣтскія, погремушки... «Да не надо же ничего,

тебѣ говорятъ!» — Батюшка, сдѣлайте милость, прикажите на дворъ взъѣхать, хоть сердце отвести, хоть духъ перевести...

— Да что съ тобой? спросилъ наконецъ помѣщикъ, видя этого человѣка, котораго онъ зналъ уже давно, въ какомъ-то безпокойствѣ, въ суетахъ и въ страхѣ.

— Батюшка, отозвался, вздохнувъ тяжело, владимірецъ: — кормилецъ! да со мной такіе страхи приключились, что я о-сю-пору сердца въ себѣ не ощупаю, ногъ подъ собою не слышу; ради вѣчнаго спасенія, прикажите на дворъ къ себѣ заѣхать — и лошадь замаялъ-было совсѣмъ — какъ отпрягу только, то разскажу милости вашей все — страхъ, инно волосъ дыбомъ стоитъ, шапка сама съ головы лѣзетъ...

Помѣщикъ успокоилъ его, позволилъ заѣхать на дворъ и отпречь, велѣлъ накормить заѣзжаго, а тамъ сталъ его разспрашивать. Послѣ многихъ вздоховъ, стоновъ и благодареній Богу, тотъ началъ такъ:

— Наше дѣло, сами изволите знать, батюшка, торговое; изъ года въ годъ, изо дня въ день, все въ пути въ дороженькѣ; такъ по мѣстамъ, гдѣ по привычкѣ пристаешь, есть добрые, знакомые люди. Вотъ, у меня и былъ, батюшка, недалече отсель такой хорошій, знакомый человѣкъ, у котораго я приставалъ, бывало, уже годовъ съ семь. Господь съ нимъ и Богъ его прости, родимый; не хочу и называть мѣста этого, не токма что его самого. Пріѣхалъ я вечоръ къ нему.—Здравствуй, молъ, Егоръ. Здравствуй, говоритъ—что, какъ у тебя по старому?—Да, благодаря Бога, ничего. Ну, слава Богу. — А заѣхать можно? — Для чего жъ? просимъ милости; еще, вишь, этакъ сказалъ, потому что онъ добрый, хорошій человѣкъ. Я заѣхалъ. Почемъ-молъ у тебя сѣно, овесъ?.. Ну, лошадь поставилъ, все убралъ, хозяинъ вороты заперъ — а дворъ хорошій, обнесенъ и крытый—я и пошелъ маленько въ избу, погрѣться

таки-погрѣться, а поѣсть-таки поѣсть, да опричь того и еще было у меня на умѣ одно дѣло: такъ, думаю, здѣсь можно, хозяинъ знакомый и хорошій, такой добрый человѣкъ, и чистая изба у него особнякомъ, топленая, такъ я туда и заберусь. Ну, пошелъ.

«Наше дѣло торговое, кормилецъ, а торгъ деньгу любитъ, а деньга счетъ любитъ. Мы, вишь, беремъ товаръ у хозяевъ за круговой порукой, потому что не хватаетъ силъ торговать на свой грошъ; забираешь товаръ гдѣ посподручнѣе; разочтешься, да деньги и ушлешь хозяину, либо съ своимъ братомъ, коли знакомый да туда ѣдетъ, либо по почтѣ; нечего дѣлать, ину пору лучше заплатить, да чтобъ только вѣрно дошли. Такъ либо тутъ, либо тамъ, надо выручку сосчитать путемъ: оно хоть и не Богъвѣсть что, какая выручка съ нашей торговли—не бывалыя это времена—да все сосчитать да услать надо. Вотъ, я и хотѣлъ позаняться вечеркомъ; взялъ съ собой мошну, а бумажникъ и такъ при мнѣ, да взялъ счеты и пошелъ въ избу — да вотъ было запамятовалъ, что взялъ съ собой еще и бирку, на которой, для памяти, помѣчалъ продажу.

«— Въ свѣтелку можно къ тебѣ на часъ, хозяинъ, коли нѣтъ заѣзжихъ?—Можно; да ты что хочешь дѣлать?—Надо бы мнѣ вотъ, — и указалъ на мошну. — Ладно, говоритъ, поужинай сперва съ нами; хозяйка уже собираетъ. Поужинали, помолились, поблагодарилъ я хозяина и хозяйку; онъ и зажегъ лучину и пошелъ, а я за нимъ.

«Сѣлъ я за столъ, высыпалъ деньги и сталъ считать и раскладывать: серебро особо, мѣдь особо, а тамъ опять цѣлковики по себѣ, полтинники тожъ, по десяткамъ, и мелочь, а самъ кладу на счеты. Съ костей да на-кости, позанялся, и признаться, не въ догадъ ничего, и не гляжу и не вижу, что около меня дѣется: хозяинъ-молъ хорошій, знакомый и добрый человѣкъ, такъ считаю, горя мало, чтобъ скорѣе покончить.

«Хозяинъ вышелъ было, притворивъ дверь, тамъ опять пришелъ, опять вышелъ, опять пришелъ, подновилъ лучину въ свѣтцѣ, да къ печи пошелъ, да опять таки къ дверямъ — я глянулъ на него, что-молъ онъ изъ угла въ уголъ мотается? онъ отвернулся да отошелъ, стало быть за какимъ нибудь дѣломъ хозяйскимъ пришелъ, думаю, пусть его: а самъ за свое. Опять онъ подошелъ, да какъ-то сталъ тяжело вздыхать, словно стонетъ; поворочался у конника, взялъ топоръ, положилъ его на лавку, вышелъ зачѣмъ-то, опять пришелъ, взялъ топоръ, да сталъ, словно призадумался; я глянулъ на него, а онъ стоитъ, сердечный, и самъ не свой, бѣлый какъ полотно, а глаза словно у звѣря...

«Вдругъ онъ, кормилецъ, какъ кинетъ топоръ отъ себя подъ кутникъ, да какъ крикнетъ не своимъ голосомъ: «Господи Іисусе Христе, избави меня отъ дьявольскаго искушенія!...» Я вскочилъ съ мѣста, ровно ошалѣвшій — онъ кинулся на меня .. кормилецъ, да какой страшный! сроду не видалъ я такого человѣка. Лице все у него дергаетъ, а самъ, словно въ лихорадкѣ, кинулся онъ на меня, ухватилъ меня за руку, да какъ закричитъ: «молись, молись! меня дьяволъ соблазняетъ, я хочу тебя убить; клади поклоны, читай молитвы...» Я упалъ передъ образомъ, а хозяинъ со мной рядомъ; я читаю молитвы, а онъ, знай, крестится, да кладетъ земные поклоны; ужъ я, кормилецъ, читалъ, читалъ, всѣ молитвы и каноны, сколько знаю на память, разъ по десяти каждую; тогда только, наконецъ, ему, видно, маленько отпустило: заплакалъ, взвылъ голосомъ и слезы полились ручьемъ...

«Я сгребъ въ торопяхъ со стола всѣ деньги въ полу, да вонъ изъ избы, бѣгомъ подъ навѣсъ; высыпалъ ихъ въ мѣшокъ, свернулъ, запряталъ, да перекрестившись запрягать... Руки дрожатъ, глаза меркнутъ, и не знаю какъ Богъ помогъ заложить... и погналъ я съ этого двора, и гналъ, что есть духу, до вашей милости, всю ночь; вотъ, батюшка, я и пріѣхалъ, не слышу ногъ подъ собой, ровно

самъ въ оглобляхъ былъ, ровно не своя голова на плечахъ; все помутилось... Слава Тебѣ, Господи, да вамъ спасибо; теперь только что маленько отдохнулъ.. А былъ онъ, кажись, человѣкъ добрый, и такой прехорошій...

VII.

ЦЫГАНКА.

—

Верстахъ въ двѣнадцати отъ Одессы есть нѣмецкая колонія на берегу моря, и туда выбирается изъ города на лѣто до 35-ти семей мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ, для купанья въ морѣ и чтобъ уйдти отъ нестерпимой жары и пыли. Колонія эта, которая нѣмцами называется Люстдорфъ, переиначена русскими въ Люстру и подъ этимъ названіемъ извѣстна во всемъ округѣ. Невдалекѣ отъ нея лежитъ селеніе мѣстныхъ жителей, смѣси русскихъ съ малороссіянами, Большой Фонтанъ; по другую сторону Люстры селеньице, Бурлацкая-Балка, гдѣ поселился всякій сбродъ, такъ называемые мѣщане; подальше, на Лиманѣ, поселены греки, арнауты и еще нѣмцы, но католики, тогда-какъ люстровскіе лютеране.

На этомъ пространствѣ всегда можно найдти кочующихъ цыганъ. Если семья этихъ природныхъ ковалей, кузнецовъ, найдетъ въ деревнѣ много работы и зазимуетъ тамъ, то имъ иногда отводятъ порожнюю избу; цыгане отъ этого въ дурную погоду не отказываются, но тотчасъ же дѣлаютъ въ хатѣ нѣкоторыя хозяйственныя измѣненія, для бо́льшихъ житейскихъ удобствъ: окна и двери выставляются

вонъ, какова бы ни была погода; безъ этого цыгану душно. Впрочемъ, походная кузница разбивается обыкновенно въ чистомъ полѣ, за селомъ, и, заключая въ себѣ также общее жилье всего цыганскаго семейства, состоитъ изъ ветхаго шатра, который однимъ краемъ примыкаетъ вплоть къ землѣ, между тѣмъ, какъ другой не доходитъ до земли на аршинъ: задъ загороженъ повозкой, а передъ открытъ. Шатеръ этотъ становится плотной стороной, смотря по времени года, то противъ солнца, то противъ дождя и вѣтра.

Полянка между селеніемъ и кабакомъ, по направленію къ морю, ничѣмъ не была занята, когда мы вечеромъ по ней прогуливались, а рано утромъ стояло тамъ два шатра изъ задымленнаго, чернаго отрепья. Это было въ понедѣльникъ, который, какъ увѣряютъ, празднуется цыганами вмѣсто воскресенья, и близость шинка, повидимому, была очень кстати: три цыгана пошатывались въ дверяхъ этого заведенія, размахивая руками и наклоняя въ раздумьи головы, не зная сами, куда они идутъ или намѣрены идти, въ шинокъ ли, или изъ шинка. Вскорѣ явились три цыганки, конечно жены ихъ, а за ними цѣлая толпа ребятишекъ, изъ которыхъ большіе тащили меньшихъ нагишомъ, и притомъ не такъ, какъ обыкновенно носятъ на рукахъ грудныхъ дѣтей, а переваливъ ихъ черезъ себя какъ ни попало, и придерживая ихъ также за что ни попало, за руку или за ногу. Бабы взяли мужиковъ своихъ подъ руки и вывели изъ шинка, убѣждая ихъ идти домой. Но тутъ, на чистомъ воздухѣ, однимъ изъ цыганъ овладѣла охота поплясать; онъ стряхнулъ съ себя навязчивую бабу и, приподнявъ руки, долго прилаживался и примѣрялся, но какъ-то не могъ справиться съ ногами. Веселое расположеніе его перешло и на двухъ его товарищей: и тѣ также пустились въ пляску, или, по крайней мѣрѣ, порывались къ тому всѣми силами, между тѣмъ, какъ жены ихъ хватали своихъ мужей то за руку, то за одежду, бранились и раста-

скивали ихъ врознь. Наконецъ, пляска ихъ кончилась, бабы нахлобучили на мужей своихъ шапки, и каждая потащила друга своего въ таборъ.

Одна изъ цыганокъ привлекла при этомъ случаѣ на себя особенное наше вниманіе: она была бѣлокура; одежда на ней была таже, какъ и на прочихъ, и какъ носятъ всѣ волошскія и бессарабскія цыганки: шерстяная, полосатая юбка, такой же поясъ, въ ладонь ширины, на головѣ платокъ, повязанный по цыгански, то есть, свисшій однимъ угломъ по спинѣ; на плечахъ рубашка, ноги босыя, а изъ подъ платка разстилаются всклоченныя космы, — но волосы эти были свѣтлорусые, тогда какъ всякому извѣстно, что у цыганъ волосы черные, какъ смоль. Мы посмотрѣли за нею вслѣдъ, и, занявшись предположеніями на счетъ этой необычайности, пошли своимъ путемъ.

На слѣдующій день, проходя къ морю мимо небольшаго цыганскаго табора, мы заглянули подъ шатры. Въ глубинѣ, подлѣ телѣги, была вырыта небольшая круглая ямка, надъ которою стоялъ столикъ, всего въ четверть вышины; русая молодая хозяйка со старухой, настоящей вѣдьмой, сидѣли за этимъ столомъ, поставивъ ноги въ ямку и кроили что-то изъ рядни́ны, если не изъ стараго мѣшка. Ножницы, безъ сомнѣнія, домашняго издѣлія, были въ родѣ тѣхъ, которыми стригутъ овецъ. Въ сторонѣ, болѣе напереди, другая ямка, кузнечный горнъ, съ парою безконечно-заплатанныхъ мѣховъ, которыми работала дѣвка, покачиваясь изъ стороны въ сторону, между тѣмъ, какъ хозяинъ ковалъ что-то на наковальнѣ, поставленной въ самой серединѣ шатра. По сторонамъ валялись ребятишки, изъ которыхъ одинъ игралъ привязанною на ниткѣ мертвою чайкой. Приходъ нашъ оживилъ все населеніе двухъ наметовъ: бабы стали нагло клянчить и канючить и тотчасъ же выгнали всѣхъ ребятишекъ въ пляску: замѣчательно, что у всѣхъ былъ хорошій слухъ, дикія пѣсни ихъ не оскорбляли уха. Только пожилые мужчины, хозяева, сохранили

при этомъ позорищѣ степенность свою, подавая видъ будто не заботились о томъ, что вокругъ ихъ дѣлалось; а бѣлокурая цыганка была молчаливѣе и скромнѣе прочихъ.

Вечеромъ мы сидѣли въ деревнѣ дома, въ палисадникѣ, и пили чай, какъ увидѣли знакомцевъ нашихъ, старую цыганку и бѣлокурую, которыя обходили всѣ дворы и собирали подаяніе. Старуха навьючила молодую шерстяною, полосатою переметною сумой, которая была ужъ порядочно набита картофелемъ и хлѣбомъ; старуха выпрашивала подаяніе, а молодая носила ношу. Онѣ подошли по очереди домовъ и къ намъ. Разглядѣвъ поближе бѣлокурую, мы еще болѣе убѣдились, что это не можетъ быть цыганка, и любопытство наше было сильно возбуждено. — Два, три вопроса ничего не рѣшили; русая цыганка молчала, или отвѣчала однимъ словомъ, а вѣдьма говорила за троихъ, разсыпаясь въ похвалахъ и пожеланіяхъ, и выпрашивая все, что только попадалось ей на глаза. «Подай милостинки, Христа ради», говорила она съ рѣзкимъ удареніемъ своимъ на каждомъ слогѣ: «и богатъ будешь, и хорошъ, и дѣти будутъ большіе.. подай, добра паня, оброкъ подушный платить, вотъ у нея»—указывая на молодую—«два маленьки близнятка...» У всѣхъ цыганокъ, какъ извѣстно, есть близнята; по крайней мѣрѣ, онѣ въ томъ увѣряютъ васъ, когда просятъ подаянія. Взявъ поданный ей хлѣбъ, старуха успѣла разглядѣть, что на столѣ есть сахаръ, и продолжала просить, для близнятъ же, по кусочку сахару. Когда она получила его, то стала освѣдомляться, нѣтъ ли старенькаго платьица, отопочковъ, паголенковъ или другихъ какихъ обносковъ? Я показалъ ей серебряную монету и глаза у нея заискрились какъ у волка; но я не далъ ей денегъ, а обѣщалъ дать, если молодая разскажетъ всю правду, какъ она попала въ цыганки. Послѣ продолжительной божбы, что бѣлокурая родилась въ таборѣ и настоящая цыганка, старуха жадно протянула руку — но я положилъ монету въ карманъ. Русая все молчала, но по пріемамъ

старухи видно было, что она рѣшилась добыть деньгу во что бы ни стало, и потому я настаивалъ, увѣряя ее при томъ, что я не съищикъ и не доносчикъ, и спрашиваю изъ одного только любопытства, но даромъ денегъ не отдамъ. «Она полька,» сказала наконецъ старуха, «изъ Польши; она сама къ намъ пришла, давно; ѣсть нечего было, голодъ, а она мала была, сирота — и пристала.» Я хотѣлъ слышать всѣ подробности этого отъ нея самой; старуха поощряла ее къ разсказу, повторяя по своему: говори, говори! Но бѣлокурая робко цѣдила слово за словомъ сквозь зубы и не хотѣла разговориться. Я отдалъ двугривенный старухѣ и велѣлъ ей идти своимъ путемъ. Она было снова окинула все глазомъ и стала просить еще хлѣбца съ масломъ, еще старый платочекъ и рубашку. Прогнавъ ее, я напоилъ молодую чаемъ, зазвавъ ее во дворъ, и наконецъ, не безъ труда, заставилъ разсказать ея похожденія.

Она точно была полька, помнила отчій домъ только очень темно, но увѣряла, что у нихъ были павлины и золотые воробьи, т. е. канарейки, и была также прислуга, изъ которой она одного помнила по имени. Она помнила также, что отецъ ѣзжалъ на охоту съ собаками; начавъ въ раздумьи щупать и поглаживать рукой бархатную кацавейку на женѣ моей, она какъ будто припомнила какой-то давнишній сонъ и сказала наконецъ, что у матери было точно такое платье, которое малютка любила гладить рукой; наконецъ, она думаетъ, что у нея были старшіе братья, а болѣе ничего не помнитъ. «Мала была» продолжала она, пожимая плечами: «ничего не знаю. Садъ былъ у насъ, и груши были; помню какъ старшій братъ,—должно быть, что братъ — лазилъ на дерево и трясъ груши, а я собирала. Больше ничего не помню» повторила она. «Пришла бѣда, стали поляки биться съ русскими — и этого я ничего не знала, только помню, что всѣ бранили и боялись москалей. Пришло къ намъ войско конное, что собиралось на москалей; храбровали они всю ночь, пѣсни пѣли, вино пили, а

на улицахъ разложили огни; помню, какъ я стояла съ бабой за воротами, слушала и смотрѣла, и баба учила меня бранить москалей. Вдругъ со всѣхъ сторонъ стали палить, всѣ бросились бѣжать; сдѣлалась такая давка, что баба насилу втащила меня въ хату: по улицамъ все стрѣляли; въ домѣ, вокругъ меня, кричали, плакали, молились и бранились; видно, отецъ и братья также бились на улицахъ, въ домѣ ихъ не помню; хата наша загорѣлась, солдаты набѣжали—больше ничего не знаю; какъ я вышла, что со мною было, ничего не помню—мала была, глупа Всѣ хаты горѣли. И ночь пришла, и день пришелъ, онѣ все еще горѣли, а я сидѣла въ саду и плакала. Одинъ ли вечеръ насталъ, два ли, не помню, а я все одна сидѣла въ саду, все хотѣла въ хату, а хаты нѣтъ и людей нѣтъ ни одного. Я ѣла груши, да сырую пшонку, и все плакала; а дымъ меня чуть не задушилъ. Я пошла бродить, сама не зная, гдѣ и куда, все бѣжала по дорогѣ и плакала; повстрѣчались мнѣ москали (солдаты)—дали хлѣба сухаго и напоили водой, пожалѣли меня, а сами пошли дальше. Я сперва бѣжала за ними слѣдомъ, потомъ утомилась, сѣла и уснула на мѣстѣ, а тамъ встала, да опять побѣжала дальше и пришла къ добрымъ людямъ; они стояли въ полѣ, какъ мы теперь стоимъ, и ихъ никто не трогалъ, ни москали, ни поляки; имъ было не страшно: хаты не ма у нихъ, скарбу не ма, одна лошаденка, да и та такая, что никому не годится—и не страшно. Я пришла къ нимъ; они накормили меня, спрашивали откуда я, хотѣли отвести домой—я ничего не знаю, только плачу. Пошли они на другое мѣсто, и меня взяли съ собой; опять меня спрашивали, много, не знаю ничего, только плачу. Такъ они пошли, а я все съ ними жь,—такъ и пристала къ нимъ и осталась при нихъ.

— Ну, а дальше что было, когда стала ты подростать?

— А дальше все ничего не помнила, не знала чья я; стала цыганка. Когда я выросла, такъ отдали меня замужъ за своего; вотъ и живемъ.

— Какъ же тебя, бѣдную, замужъ отдали? приневолили?

— Нѣтъ; зачѣмъ? неволи нѣтъ. Сказали, что пора, и пошли на Днѣстръ: тамъ, сказали, будетъ мужъ, и пришли, посмотрѣли; такой годится тебѣ? спросили: что жъ? коваль, молодой, чоботы есть свои, отецъ ятку (шатеръ) даетъ — годится. И отдали.

— Какъ же васъ вѣнчали? спросилъ я; но она не поняла меня и я съ трудомъ растолковалъ ей свой вопросъ.

— Нѣтъ этого у насъ, сказала она, махнувъ рукой: — такъ отдали.

— А праздникъ былъ?

— Праздникъ былъ; пили вино и пѣсни пѣли, а старухи плясали.

— Отчего же старухи, а не молодыя?

— Молодицамъ у насъ не хорошо плясать, а старухамъ можно.

— И дѣти есть у тебя?

— Есть, трое.

— Бѣлые или черные?

— Она засмѣялась и отвѣчала:

— Всякіе есть, и бѣлые и черные: одинъ черноволосый, а двое сами черные, а волосы бѣлые.

— Была ли ты когда нибудь послѣ опять на своей родинѣ?

— А Богъ знаетъ, можетъ быть, и была, коли жь я ее не знаю; Польша велика, а я была мала, глупа, не помню ничего.

— Такъ тѣ помнятъ, старики, которые тебя взяли тамъ?

— А Богъ знаетъ; можетъ и помнили бъ, да гдѣ они теперь? Старые померли оба, а тѣ пошли своей дорогой, когда отдали меня; они ходятъ по своимъ мѣстамъ, а мы по своимъ. Въ годъ, либо въ два разъ встрѣтимся, да опять и разойдемся.

— А, можетъ быть, дома твои родные живы, отецъ, мать, братья?

— А Богъ ихъ знаетъ! Нѣтъ, говорятъ, не живы. Всѣ пропали какъ война была, и погорѣли и пропали.

Старуха, обошедши рядъ домовъ, подошла опять къ нашимъ воротамъ, стояла, ухмыляясь, опершись на свой посохъ, будто спрашивая: «не-ужь-то-де бесѣда ваша все еще не кончилась?» Я спросилъ еще молодую, какъ ее зовутъ?—Юдвися, сказала она. Понявъ, что это было польское имя Людовика, я спросилъ еще: прежнее ли это имя ея, или оно дано ей цыганами?—Прежнее, отвѣчала она:— такъ меня звали дома; это я помнила, сказала добрымъ людямъ, которые меня, сироту, приняли, и такъ меня съ-тѣхъ поръ называютъ.

Старуха навьючила на Юдвисю полную на обѣ половины переметную суму, попробовала еще, голосомъ вкрадчивой довѣрчивости, выпросить ленточку: тамъ спросила: нѣтъ ли хоть ломаной подковы или другаго стараго желѣза, и, наконецъ, отправилась съ невѣсткой подъ свою ятку.

Я разсказывалъ, въ теченіе лѣта, многимъ посѣтителямъ люстровскихъ морскихъ водъ объ этой мнимой цыганкѣ и о приключеніяхъ ея. Мы полагали объявить объ этомъ въ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, что если кто нибудь изъ родныхъ ея остался въ живыхъ, то, можетъ быть, отзовется и отъищетъ свою потерянную дочь или сестру подъ закоптѣлымъ шатромъ цыганскаго табора. Всѣ цыгане нынѣ, по крайней мѣрѣ, приписаны къ какому либо мѣсту и считаются въ сословіи казенныхъ или господскихъ крестьянъ. Я собирался разспросить объ этомъ нашего цыгана, не показывая виду, для чего я это дѣлаю, и не сомнѣвался, что по этимъ разспросамъ можно будетъ, въ случаѣ нужды, его отъискать.

Въ одинъ вечеръ, когда мы опять, по обыкновенію, сидѣли въ надворномъ палисадничкѣ и пили чай, къ намъ во-

шелъ хорошо-одѣтый мужчина, лѣтъ около тридцати, съ усами, съ продолговатымъ польскимъ лицомъ и статною осанкой, въ соломенной широкополой шляпѣ и цифрованной венгеркѣ. Поклонившись, онъ сказалъ мнѣ, съ удареніемъ на каждый предпослѣдній слогъ: «Извините, я пришелъ къ вамъ на пару словъ. Я сегодня, сейчасъ только, слышалъ о похожденіяхъ одной цыганки, или дѣвочки, увезенной въ молодости цыганами—и мнѣ сказали, что вы лично ее видѣли и разспрашивали?

— Точно такъ, это справедливо.

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, разскажите мнѣ все, что вы объ ней знаете... я желалъ бы... она, можетъ быть... видите, у меня когда-то пропала безъ вѣсти маленькая сестра, и именно при такихъ обстоятельствахъ, какъ здѣсь разсказываютъ объ этой цыганкѣ: это было въ Любартовѣ.

Я ему разсказалъ все. Мелочи и подробности, которыя она помнила съ-издѣтства своего, а еще болѣе и самое имя Людовики убѣдили его, что это должна быть его сестра. Онъ былъ зажиточный помѣщикъ, пріѣхавшій сюда съ семействомъ для купанья. Разсказъ мой произвелъ въ немъ сильное волненіе; на глазахъ его навертывались слезы. Онъ былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать, какъ ее разлучить съ мужемъ, и будетъ ли это доброе дѣло, составитъ ли это ея счастье? А куда дѣваться съ ними, если они захотятъ остаться кочевыми цыганами? А можно-ли, слышавъ все это, оставить дѣло безъ вниманія и не заботиться о давно-потерянной и теперь случайно-отъисканной сестрѣ. — Напередъ всего, сказалъ я: вамъ надобно посмотрѣть на нее и разспросить ее, убѣдиться въ самоличности ея—а тамъ... подумайте. «Пойдемте вмѣстѣ», сказалъ онъ, взявъ меня за руку.

Подъ шатромъ нашли мы все въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ прежде, но на этотъ разъ Юдвися работала мѣхами, лежа между ними на колѣняхъ, а мужъ ея ко-

валъ. — Долго мы стояли, стараясь завязать съ нею разговоръ, но обстоятельства были къ тому самыя неудобныя. Товарищъ мой, въ сильномъ волненіи, уставилъ глаза на нее и не могъ доискаться языка. Замѣтно было, что старуха и мужъ ея стали какъ-то безпокойны: можетъ быть, послѣдній разговоръ мой съ Юдвисей, такъ живо напомнившій ей давноминувшее, растревожилъ ее, заставилъ грустить и задумываться — и въ такомъ случаѣ старуха, конечно, жалѣла, что допустила ее до такой бесѣды; поэтому присутствіе наше не могло быть ей пріятно; словомъ, было замѣтно, что они насъ дичились. Я увелъ посѣтителя, и мы сговорились выбрать болѣе удобное время для разспросовъ. Утромъ на другой день, мы снова пошли туда, но, дошедши при выходѣ изъ селенія до того мѣста дорожки, откуда виденъ былъ цыганскій шатеръ, нашли одно только порожнее мѣсто. Мы подошли: двѣ ямки—одна, служившая вмѣсто стульевъ или дивана, потому что въ нее ноги ставили; другая, гдѣ былъ горнъ, обозначали мѣсто бывшаго тутъ переноснаго жилья; болѣе не было никакихъ слѣдовъ. Молча побрели мы домой, и товарищъ мой во всю дорогу не сказалъ ни одного слова.

VIII.

КАПИТАНША.

—

Горемычное житье военнымъ барынямъ, да зато и пребойкія особы изъ нихъ удаются, истинно боевыя и военныя! Иныя даже службу фронтовую до послѣдней тонкости понимаютъ, знаютъ и шагъ, и выносъ ноги, и всѣ ружейные пріемы и постройки; порицая, по истинной справедливости, тѣхъ гг. офицеровъ, у которыхъ, по неопытности ихъ или по какому-то прирожденному недостатку, командныя слова ровно съ полки срываются; онѣ, напротивъ, знаютъ наперечетъ всѣхъ прилично-голосистыхъ сыновъ отечества по цѣлому корпусу, и для отдыха послѣ обиходныхъ, мелочныхъ дрязговъ скудельной жизни своей, съ большимъ удовольствіемъ развлекаются бесѣдой о томъ, какъ кто себя велъ и держалъ на послѣднемъ смотру или ученьи...

А стоянки, а переходы, вслѣдъ за мужьями, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, изъ мѣстечка въ городишко, а изъ городишка въ мѣстечко? Походная бричка, крытая, съ приправленными фартуками, обитая либо подкладочнымъ холстомъ, либо толстымъ зеленымъ сукномъ, иногда даже, для красы, съ красными выпушками? Въ брыку

эту впрягается пара коней, можетъ-быть, нѣкогда строевыхъ, обращённыхъ потомъ въ подъемныхъ, а наконецъ выранжированныхъ—пара коней этихъ, съ которыми здоровается мимоходомъ весь полкъ, называя ихъ по кличкѣ, васькой и мухортымъ, пыхтятъ и тащатъ весь домашній скарбъ семьи, состоящій изъ семи или десяти душъ; самихъ душъ этихъ я ужъ и не кладу въ счетъ, чтобъ не пугать ваську съ мухортымъ, но и души всѣ тутъ же на лицо, при своемъ добрѣ.... Переходъ за переходомъ, и притомъ шагъ за шагомъ, ковчегъ этотъ переваливается отъ привала къ ночлегу, а отъ ночлега на дневку, и опять на привалъ; походная семья до того обжилась съ чужимъ хозяйствомъ, что и не замѣчаетъ недостатка своего; хозяйская кочерга и ухватъ любой избы какъ-будто старые знакомые военной семьи, и самыя дѣтки даже привыкаютъ называть *домомъ своимъ* тотъ уголъ, въ которомъ прійдется на этотъ разъ переночевать...

Прибывъ на мѣсто стоянки, располагаются пошире, требуютъ отъ хозяина разной утвари на подержаніе, устраиваютъ жилье на скорую руку, какъ Богъ велѣлъ, и за тѣмъ спѣшатъ вытеребить помятые чепцы и отдать честь командиршѣ. Съ ровнями мы рѣдко знаемся; тутъ либо мы сами, либо мужья наши въ размолвкѣ, которая прикрывается развѣ однимъ только чинопочитаніемъ. Отдавъ этотъ долгъ природѣ, мы забираемъ сподручныя свѣдѣнія о сосѣдяхъ, о помѣщикахъ, и если удается намъ свести какое-нибудь мѣстное знакомство, то оно прибавляетъ изрѣдка пеструю страничку въ однообразную, строевую жизнь нашу...

На границѣ Бессарабіи, въ такъ-называемомъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ и самъ панъ, довольно-хлѣбосольный семьянинъ, стояла частичка полка, то-есть рота, съ капитаномъ своимъ. Полковникъ, молодой и веселый волокита, недавно переведенный изъ гвардіи, сталъ частенько навѣщать, по службѣ, эту роту, съ-тѣхъ-поръ, какъ побывалъ въ домѣ пана и вглядѣлся хорошенько въ молодую, прелестную хозяйку, которая была еще тѣмъ милѣе, что у мужа ея погреба сла-

вились своими винами, а въ особенности венгерскимъ. У каждаго свой вкусъ, и полковникъ находилъ, что венгерское даже и по себѣ, а тѣмъ болѣе при содѣйствіи такой милой хозяйки, пить очень-можно.

Итакъ, полковникъ опять пріѣхалъ и, кончивъ очень-скоро, по вѣрному глазу и опытности своей, пригонку амуниціи, отправился къ пану, и, разумѣется, былъ приглашенъ къ обѣду на рюмку венгерскаго, вмѣстѣ съ частію наличнаго штаба своего и съ ротнымъ командиромъ.

Ротная командирша, ожидая возвращенія мужа, сидѣла подъ раскрытымъ окномъ и дышала на вѣтеръ. Жара смертная; молдаванское солнце парило такъ, что собакамъ было лѣнь лаять на прохожихъ и даже воробьи молчали. Нянька съ дѣтьми уснула, но капитаншу разсердили мухи и она рѣшилась высидѣть полудникъ свой подъ окномъ, обмахиваться и глядѣть черезъ палисадникъ на улицу, то-есть, на раскаленный песокъ и голые каменья при-днѣстровской почвы.

Среди этой торжественной тишины и безмолвія на улицахъ, издали послышался глухой стукъ и какой-то вялый голосъ. Вотъ и развлеченье! Она, капитанша наша, стала прислушиваться, тщетно попытавшись выглянуть преждевременно изъ окна, гдѣ застила густая вишня: почему капитанша и не могла ничего разсмотрѣть. Въ это время, вошелъ деньщикъ съ ножомъ и сапожнымъ молоткомъ, собираясь на досугѣ наколоть къ вечеру сахару. «Иванъ», сказала барыня: «послушай, что́ это такое? Никакъ кто-то ѣдетъ?» Иванъ слегка прислушался, не сходя съ своего мѣста, и отвѣчалъ спокойно: — Это, сударыня, бричка Алексѣя Кирилыча — и прибавилъ: сахаръ колоть прикажете?

— Алексѣя Кирилыча! Такъ выйдь лучше, да погляди: стало-быть, это къ намъ. А я, Боже мой! не-ужь-ли они теперь къ обѣду ѣдутъ? Не можетъ быть! Скорѣе же, Иванъ,

да кофе надо сейчасъ готовить.... Вздумали-таки наконецъ пріѣхать, а долго не рѣшались...

Алексѣй Кириловичъ былъ женатый капитанъ другой роты, которая стояла верстахъ въ двадцати. Опытное ухо Ивана не ошиблось; бричка была точно Алексѣя Кириловича. Пара тощихъ клячъ, именно васька и мухортый, тащили ее походнымъ шагомъ. Понуривъ головы, они волокли эту колесницу, и деньщику Аркадію, добряку, но неописанному болвану, стоило большаго труда не дать васькѣ съ мухортымъ уснуть надъ своей работой. Походная бричка, въ видѣ фургона, была застегнута и закупорена отъ пыли кругомъ. Опытный путникъ легко разсудитъ, каково въ ней было сидѣть подъ этимъ тропическимъ солнцемъ; наша капитанша, глядя спокойно изъ окна на укутанную со всѣхъ сторонъ бричку, отерла себѣ потъ съ лица. Аркадій уговаривалъ лошадей прирысить немного, увѣряя ихъ, что вотъ уже пріѣхали, но онѣ отвѣчали на это, потряхивая дружно головами и продолжая выступать мѣрнымъ гусинымъ шагомъ.

Между-тѣмъ, хозяйка уже вскочила и въ два или три темпа надѣла на голову другой, запасный чепецъ и накинула болѣе-благовидный платокъ. Возвратившись въ ту же минуту, она спѣшила на встрѣчу гостямъ своимъ и чуть не обняла, съ пріятной улыбкой, Ивана, вошедшаго въ это время въ дверь. «Что же?» спросила она. — Да не знаю, сударыня, никакъ мимо, не къ намъ.—«Какъ же такъ? что это значитъ?»— Не знаю; да, видно, можетъ-статься, то-есть, не порожняя ли бричка-то, не въ починку ли, что ли, ее привезли; вотъ я погляжу... Но сильный стукъ и брякъ съ громкими восклицаніями раздался въ это время внезапно съ противной стороны; бричка катилась обратно, прыгая по песку съ камня на камень, и на этотъ разъ уже мчалась подъ-гору крупною рысью, такъ-что васька съ мухортымъ попеременно даже сбивались на меть, а немилосердый Аркадій все еще стегалъ ихъ и понукалъ. Подкативъ прямо

подъ крыльцо нашей капитанши (мы эту будемъ называть нашею, а ту чужою), бричка остановилась; Аркадій слѣзъ, ворча вслухъ: вотъ, не въ добрый часъ Господь понесъ; эка, подумаешь, притча... и согнали со двора!... За тѣмъ онъ принялся отстегивать запоны и высаживать, во-первыхъ, капитаншу; во-вторыхъ, сестру ея; въ-третьихъ, сынка, тамъ дочку, и еще сына, и дакъ далѣе; высадивъ же, наконецъ, семилѣтнюю, босую няньку, бывшій фурлейтъ, а нынѣшній деньщикъ, всунулъ голову въ пустую бричку и спросилъ: «ну, что? всѣ ли? аль еще кто есть? не потерять бы кого, бѣда!»

Чужая капитанша и весь причетъ ея перецаловались съ нашею и усѣлись съ разсказами. Наша осматривала гостей своихъ, не понимая, что все это значитъ: а что-нибудь не даромъ, что-нибудь да есть! И гостья, и сестра ея, одѣты не такъ, какъ одѣваются къ своей сестрѣ капитаншѣ: на первой было даже извѣстное шелковое, бурое платье; даже дѣтки всѣ были вычесаны и умыты. Хозяйка смалчивала, однакоже, до времени, зная уже, что Иванъ, во всякомъ случаѣ, узнаетъ отъ Аркадія все, что нужно. Подали кофе, послѣ непродолжительнаго стукотка въ сосѣдней комнатѣ, за которымъ слѣдовалъ знакомый шорохъ, при ссыпкѣ колотаго сахара въ жестянку. Разговоръ, по военному обычаю, не долго держался общихъ мѣстъ и перешелъ въ частную бесѣду и личности о начальникахъ, о томъ, кто что сказалъ и кто что на это отвѣчалъ, и что потомъ изъ этого вышло. Вдругъ дверь растворилась, и вошелъ нашъ капитанъ.

Поздоровавшись съ гостями и сказавъ, что-де слава-Богу, обѣдъ кончился, мóчи нѣтъ терпѣть въ эту жару — онъ во все время какъ-то посмѣивался и улыбался, поглядывая замысловато на свою гостью. Слово-за-словомъ, и она, смекнувъ, что тутъ уже скрывать было нечего, созналась въ какомъ-то замѣшательствѣ, что собралась-было съ первымъ визитомъ къ помѣщику, запоздала немного, и потому пріѣхала, какъ видно, не вó-время, не подозрѣвая, впрочемъ,

чтобы самъ полковникъ былъ тутъ... Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Бричка съ капитаншей вкатила во дворъ пана, когда этотъ, съ полковникомъ и другими гостями своими, сидѣлъ еще за обѣдомъ, который, впрочемъ, подходилъ къ концу, и потому венгерское уже сдѣлало свое дѣло. Обѣдали подъ широкимъ навѣсомъ, который придѣланъ былъ къ дому во всю длину его. Кто-то оглянулся и сказалъ тутъ полковнику: «а, вотъ и экипажъ вашъ пріѣхалъ!» Полковникъ, который вовсе не былъ еще расположенъ разстаться съ милою хозяйкою, подлѣ которой сидѣлъ, и съ венгерскимъ, стоявшимъ подлѣ него, вскочилъ, расходившись, со стола, и, не посмотрѣвъ вовсе, кто такой взъѣхалъ на дворъ, закричалъ зычнымъ голосомъ своимъ: »Куда васъ чортъ несетъ! убирайтесь!»

Аркадій, подобравъ мигомъ возжи, поворотилъ оглобли и помчался во весь опоръ со двора. Получивъ такое приказаніе полковника, онъ не считалъ нужнымъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій своего непосредственнаго начальства; а такъ-какъ ему приказано, по сдачѣ клади въ усадьбѣ, искать пріюта для лошадей у нашего капитана, то онъ, при такихъ обстоятельствахъ, и прикатилъ прямо къ нему подъ крыльцо. Тутъ полковникъ согналъ со двора, думалъ онъ, такъ ужъ намъ, на чужой сторонѣ, больше некуда дѣваться, какъ не къ своимъ.

Разъясненіе этой загадки, по какому поводу, то-есть, послѣдовало такое незаслуженное, позорное изгнаніе чужой капитанши съ панскаго двора, нѣсколько успокоило разобиженную командиршу роты, которая — не рота, то-есть, а капитанша — въ-самомъ-дѣлѣ поставлена была въ довольно затруднительное положеніе. Она сдѣлалась необычайно-любезною и милою въ обращеніи съ нашей капитаншей, которая, соболѣзнуя о такомъ непріятномъ случаѣ, и радуясь, какъ увѣряла, что онъ доставилъ ей удовольствіе принять у себя сослуживку, въ-самомъ-дѣлѣ, не печалилась

ни о чемъ, а радовалась—только не тому, а доброму уроку, который чужая капитанша получила за то, что отправляется къ помѣщикамъ на первый визитъ съ такимъ нагруженнымъ рыдваномъ, съ чадами и домочадцами и семилѣтней нянькой...

IX.

КАНДИДАТЫ.

—

Да чего же, скажите, нельзя употребить во зло и чего не съумѣетъ человѣкъ — или даже обстоятельства — перевернуть на изнанку? Я вамъ разскажу замѣчательный примѣръ по этому случаю, примѣръ, который не выходитъ у меня изъ головы въ-теченіе пятнадцати лѣтъ.

Что́ можно сказать противъ заведенія очереди при пріемѣ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія? Кто прежде записанъ, тотъ прежде и поступаетъ: этого требуетъ самая свята́я справедливость. Ныньче правительство отмѣнило вовсе кандидатство; но когда оно было, что же можно было въ сущности противъ него сказать? Кандидатство есть очередь по старшинству записки. Между-тѣмъ, послушайте, что изъ этого вышло.

Убогій дворянинъ, у котораго было всего-на́-все пятнадцать душонокъ за душой, и который, прослуживъ несчастливо, проживъ троихъ сыновей, состарѣлся, овдовѣлъ, жилъ съ ними въ такъ-называемой деревнѣ своей и, вмѣстѣ съ обѣднѣвшими отъ неурожаевъ крестьянами, едва только могъ питаться. Заботясь о дѣтяхъ, онъ успѣлъ воспользоваться благодѣяніемъ правительства и записалъ ихъ въ

одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Повторяю, не только не могъ онъ дать имъ дома какое-нибудь образованіе, но съ трудомъ только, и то, можетъ-быть, скудно, кормилъ ихъ. Записавъ ихъ, онъ спалъ спокойно и ждалъ очереди. Пріемное испытаніе пугало его иногда; но онъ всѣми силами старался передать дѣтямъ все, что могъ, занимался съ ними самъ день-денской съ утра до вечера, и ему казалось, что они будутъ приготовлены не хуже другихъ и даже, можетъ-быть, лучше многихъ.

Старикъ все болѣе и болѣе свыкался съ мыслію, что дѣти его пристроены; живучи одинъ, безъ службы и занятій, онъ день и ночь думалъ только объ нихъ и ни о чемъ болѣе не заботился. Онъ разсчитывалъ, когда имъ должна быть очередь къ пріему, сколько лѣтъ каждому изъ нихъ доведется пробыть въ корпусѣ, сколько рублишекъ онъ успѣетъ накопить въ это время для каждаго къ выпуску, въ какую цѣну возьметъ сукна для обмундировки, и наконецъ — какъ доживетъ, если Богъ дастъ, до того, что увидитъ дѣтей своихъ, всѣхъ трехъ, въ офицерскихъ мундирахъ, на царскомъ хлѣбѣ. Это казалось ему крайнимъ предѣломъ благополучія; другихъ желаній и молитвъ у него не было. Забота о пристройкѣ дѣтей занимаетъ всякаго порядочнаго отца; но здѣсь эта забота возрасла уже почти до нѣкотораго рода помѣшательства; по-крайней-мѣрѣ, старикъ объ одномъ только этомъ предметѣ могъ мыслить и говорить.

Сосѣдъ нашего старика, человѣкъ позажиточнѣе, также записалъ дѣтей своихъ — впрочемъ, старшихъ годами — въ одинъ изъ корпусовъ. По этому поводу, старикъ почасту ѣзжалъ къ сосѣду за справкой, не пишутъ ли чего изъ Питера, да не слыхать ли чего о томъ, скоро ли-де наши дѣти поступаютъ на очередь. Прошло года два, и сосѣдъ все еще не могъ сказать старику ничего положительнаго, утѣшая его, однакоже, тѣмъ, что, стоя въ кандидатахъ, дѣти ихъ неминуемо будутъ приняты. Но въ одинъ изъ

такихъ пріѣздовъ, сосѣдъ встрѣчаетъ старика вѣстію, которая поразила его какъ громомъ. Меня увѣдомляютъ, сказалъ сосѣдъ, что дѣти мои исключаются изъ кандидатовъ, какъ вышедшія изъ пріемныхъ лѣтъ. Это непріятно; что я теперь стану съ ними дѣлать? Куда я ихъ дѣну? Воспитать на свой счетъ тяжело; здѣсь въ глуши даже невозможно, а жить съ ними въ городѣ — на это меня не станетъ. Да, плохо, плохо, любезный сосѣдъ; смотрите, чтобъ и съ вами не случилось того же!

Сосѣдъ могъ бы и не договаривать этого предостереженія: оно не вело ни къ чему; тутъ мѣры помощи не зависѣли отъ озабоченнаго и удрученнаго родителя, а ему было тяжело и безъ того. Старикъ сдѣлался разсѣянъ, мраченъ, задумчивъ, поводилъ глазами туда и сюда, крѣпился, но видимо упалъ духомъ, и сосѣдъ уже не зналъ, что начать съ своимъ гостемъ. Этотъ сказалъ наконецъ, что ему какъ-то не здоровится, сѣлъ на тележку свою и поѣхалъ въ раздумьи домой.

Горькими слезами облилъ онъ на крыльцѣ троихъ дѣтей своихъ, разжалобивъ и ихъ и заставивъ рыдать въ угоду бѣднаго отца; потомъ онъ собрался съ духомъ, замолкъ и наружно нѣсколько успокоился. Но старикъ ночь не спалъ, а продумалъ до бѣла свѣта и все ничего не придумалъ. По расчету, онъ видѣлъ ясно — или напуганное воображеніе его въ томъ убѣждало — что на будущій годъ неминуемо та же участь должна постигнуть и его дѣтей; а что тогда съ ними будетъ — этого онъ не умѣлъ себѣ объяснить. Пущу ихъ по-міру, повторялъ онъ, пожимая плечами, вотъ все, что я могу для нихъ сдѣлать. Сошью каждому своими руками по котомкѣ — и съ Богомъ, кормитесь дѣтки, какъ птицы небесныя, и растите, какъ онѣ растутъ!

Въ тревожномъ, душевно-лихорадочномъ состояніи провелъ онъ дня три. Затѣмъ лицо его прояснилось; онъ обнималъ дѣтей безпрестанно съ какою-то страдальческою нѣжностью и украдкою утиралъ слезу; но въ немъ вообще

появилось какое-то мужество и рѣшимость. Никто не зналъ, да и не заботился о томъ, что онъ думаетъ и гадаетъ. О голышахъ заботиться некому.

«Я малодушенъ, сказалъ онъ однажды вечеромъ самъ себѣ: рѣшился, а медлю. Чего-жъ еще ждать? Ну, если первая почта привезетъ мнѣ вѣсть, что дѣти мои исключены? Тогда гораздо-труднѣе будетъ поправить дѣло; можетъ-быть, даже будетъ поздно — а теперь, когда они еще состоятъ кандидатами, это, легко, это зависитъ отъ меня... Онъ горько улыбнулся; потомъ лицо его приняло мрачный, почти дикій видъ; потомъ онъ вспомнилъ дѣтей, которыя уже спали; мгновенно выраженіе лица его смягчилось, слеза́ брызнула, и онъ пошелъ за перегородку, гдѣ спали его дѣти.

Съ разсвѣтомъ въ эту же ночь, одна изъ числа пятнадцати душъ нашего бѣднаго старика, то-есть, одинъ изъ крестьянъ его, прискакалъ на разбитой кляченкѣ къ сосѣду и со страху только разводилъ руками, хлопалъ губами и долго не могъ вымолвить ни одного слова. «Баринъ Богу душу отдалъ!» сказалъ онъ наконецъ, и смотрѣлъ какимъ-то дикимъ, будто сказалъ не то, или не такъ, или главнаго не договорилъ.

Старикъ въ эту ночь поднялъ на себя руку и лишилъ себя жизни. Этимъ средствомъ онъ надѣялся пристроить дѣтей, основываясь на благодѣтельномъ постановленіи, что ***круглые сироты не держатъ пріемнаго испытанія и принимаются во всякое время безъ очереди.***

— Нехороша твоя повѣстушка, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, послѣ всеобщаго молчанія, вскочивъ съ мѣста и выколачивая трубку: — моя будетъ лучше, только-что короче воробьинаго носа; а и она также гласитъ про кандидатство. — Отецъ привозитъ сына, дождавшись благополучно очереди, и смѣло представляетъ его на пріемное испытаніе, завѣряя, что онъ самъ не разъ прослушивалъ сына во всѣхъ наукахъ и что онъ все знаетъ твердо по программѣ.

«Очень рады» отвѣчаетъ инспекторъ: «привезите сына завтра въ 9 часовъ». Сына привезли; но онъ, что говорится, въ зубъ толкнуть не умѣетъ; стоитъ, бѣднякъ, да хлопаетъ глазами, будто впервые отъ роду слышитъ то, о чемъ его спрашиваютъ. Разумѣется, что ему забрили затылокъ. Отецъ прибѣгаетъ, отчаянный, разобиженный до-нельзя: «Помилуйте» говоритъ; «что вы со мной дѣлаете? Это нападки, воля ваша, нападки... Сынъ мой знаетъ все, все, милостивый государь; я его переспросилъ и теперь опять, и сегодня еще разъ...—Позвольте, окажите правосудіе, позвольте переспросить при васъ...» Извольте, отвѣчалъ въ недоумѣніи инспекторъ, любопытствуя увидѣть, какого рода будетъ испытаніе...

Отецъ беретъ въ руки программу, содержащую въ себѣ, какъ извѣстно, подробное исчисленіе всѣхъ предметовъ, изъ коихъ воспитанникъ долженъ быть приготовленъ; сынъ становится чинно передъ папенькой, и по слову: «ну, говори» — начинаетъ скороговоркой читать наизустъ всю программу...

Бѣдный отецъ! какъ онъ былъ разочарованъ, когда ему объяснили дѣло—и бѣдный сынъ, который убилъ нѣсколько мѣсяцевъ на то, чтобъ выдолбить или вызубрить на память претолстую печатную тетрадь, содержащую въ себѣ программу ученія.

X.

ВАРНАКЪ.

—

.... Мы похоронили его кой-какъ, не то что говорится просто, а бѣдно, какъ нельзя бѣднѣе. Онъ былъ здѣсь всѣмъ чужой, жилъ бобылемъ и не оставилъ полтинника на еловую домовину; нашлись однакожъ люди, которые, любя человѣка, не покинули и трупа его. Мертвый не безъ могилы, какова ни есть она. Посылали даже за попомъ, но дряхлый старикъ не могъ ѣхать 70 верстъ въ открытыхъ саняхъ и въ такую распутицу, а обѣщалъ поминать покойника у себя. Одинъ изъ варнаковъ-старожиловъ, человѣкъ самой почтенной, маститой наружности, но большой руки плутъ, который, въ чаяніи отпущенія ему одного смертнаго грѣха за проводы сорока покойниковъ, не упускалъ ни одного случая для пополненія этого счета, — читалъ надъ нимъ псалтирь. Провожали гробъ всего человѣкъ пятокъ, да большая сибирская собака, вѣрный Куланъ, не отстававшій въ послѣднія семь лѣтъ отъ своего хозяина. Это тотъ самый песъ, который грызся однажды съ волкомъ зѣвъ-въ-зѣвъ, заступившись за покойнаго, и наконецъ, при помощи его, одолѣлъ звѣря.

Пару глиняныхъ чашекъ своей работы, пару ложекъ,

тулупъ, стеганный поддѣвокъ, два полукафтана—одинъ плохой, другой получше, три рубахи и пару сапогъ, роздали мы такимъ же голышамъ, какимъ былъ заживо тотъ, на котораго мы справили теперь деревянный тулупъ и отмежевали вотчину въ косую сажень; письмовникъ Курганова и небольшую кипу листовъ, исписанныхъ рукою покойника, я взялъ съ собою. Этимъ жилье его опросталось и очистилось, потому что образъ, столъ и лавки были хозяйскіе, того крестьянина, у котораго покойникъ стоялъ, занимаясь то плотничаньемъ, то гончарнымъ ремесломъ. Онъ кормился этимъ, хотя прежде, въ Россіи то есть, какъ здѣсь говорятъ, бывалъ плотникомъ, а въ гончары попалъ только здѣсь, самоучкой. Но онъ содержалъ себя этимъ съ трудомъ и по нуждѣ, потому что рѣдкое населеніе и огромныя разстоянія нашего края не дозволяли ему развозить товаръ свой для продажи на сторону: а по сосѣдству, скопидомки жили бережно и били мало горшковъ. Сверхъ того, онъ послѣдніе два года много хворалъ и съ трудомъ только работалъ. Хозяинъ, выпроводивъ насъ, растворилъ окна и сталъ выметать свѣтелку, какъ это водится послѣ покойника, готовя ее, на случай, подъноваго постояльца. Долговъ не осталось впрочемъ послѣ него ни гроша; онъ разсчитался съ міромъ гладко.

Живучи столько лѣтъ по сосѣдству съ этимъ человѣкомъ и узнавъ его коротко, я дома призадумался. Сѣвъ съ трубкой у окна, я глядѣлъ на нашу преславную распутицу: по лицу земли, которой отъ вѣку до вѣку суждено было оставаться мерзлымъ материкомъ, мчалась и скользила мутная, грязная, пѣнистая волна; ужъ всѣ овражки заиграли, ледяныя клепки и обручи разсыпались, и зародышъ во всякомъ зернѣ копошился. Черезъ недѣлю уже все покроется зеленью; черезъ двѣ, ботва и листва густо покроютъ поле и лѣсъ; а на долго ли все это? — Бывало, мы съ покойникомъ въ это время исхаживали много, много пути: ружьишко за плеча, и пошелъ. Стрѣлокъ онъ былъ хорошій, и слу-

чалось, что промыслъ этотъ бывалъ для него прибыльнѣе гончарнаго. А товарищъ былъ онъ вѣрный, неизмѣнный, но давно ужъ хилѣлъ душой или сердцемъ, духовною утробой; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь плоть изнемогала подъ бременемъ и гнетомъ скорбящаго духа.

Я принялся разсматривать полученные мною, по самоуправному наслѣдству, листки, вѣрнѣе сказать, разрозненные лоскутки бумажки разной величины, писанные, судя по чернuламъ и почерку, въ разное время, но не менѣе того составляющіе одно цѣлое. На одномъ листкѣ было приписано съ поля: «Судъ на обидчиковъ моихъ», но это было замарано блѣдными, пожелтѣвшими чернилами, и пониже написано: «Грѣшное покаяніе мое.» На листкахъ были написаны то молитвы, повидимому имъ самимъ по какому либо случаю сложенныя, то письма, вѣроятно никуда не отправленныя, то замѣтки и короткія разсужденія разнаго рода, а главное, послѣдовательный рядъ отрывочныхъ воспоминаній. Здѣсь у насъ нѣтъ въ обычаѣ распрашивать людей о прошлой жизни ихъ и о поводѣ ихъ ссылки: тутъ всякаго цѣнятъ по тому, какимъ онъ себя покажетъ въ новыхъ отношеніяхъ своихъ, и не рѣдко случается, что люди близкіе, живучи вмѣстѣ по нѣскольку лѣтъ, вовсе не знаютъ кто и что они были и какъ сюда попали. Тоже случилось и съ нами: будучи много лѣтъ товарищами, мы другъ друга никогда не распрашивали о прошедшемъ, а проговаривались развѣ о томъ и семъ случайно, коли къ слову придется. По общимъ слухамъ, мы полагали, что онъ попалъ сюда по какому-то бѣдственному приключенію; самъ же онъ говаривалъ близкимъ, что въ преступленіи не виноватъ, а въ несчастіи своемъ самъ виновенъ; что преступленія нѣтъ на немъ, а грѣха много. Итакъ, изъ лоскутковъ и записокъ этихъ я впервые узналъ въ нѣкоторой подробности жизнь и похожденія этого человѣка. Передаю разсказъ этотъ, гдѣ только можно, его же словами; пополняю по необходимости то только, чего тутъ и тамъ не доставало.

Можетъ быть кого нибудь займетъ прямодушный разсказъ человѣка, давно уже умершаго для родины своей гражданскою смертію, закинутаго девятымъ валомъ судьбы въ новое отечество, для новой скудной жизни, а нынѣ уже вновь народившагося въ коренной отчизнѣ своей, для жизни духовной.

Покойная барыня наша — какъ начинаетъ онъ разсказъ свой—была, пожалуй что и добрая барыня, да больно причудлива и безтолкова. Чтó взбрело на умъ, тѣмъ и бредитъ, то и видитъ, а впередъ и по сторонамъ ничего. Не чая худа, творила она этимъ много худаго. Я выросъ у нея въ домѣ на старинномъ хозяйствѣ, гдѣ дворовыхъ было до сотни, гдѣ крохи со стола подбираются, яйца подъ курицами считаются, а кладь другая хлѣба ускользаетъ промежъ пальцевъ, а лишнія пустоши отдаются, по заведенному порядку, подъ съёмъ, по полтинѣ мѣдью за десятину. Меня приказано было учить грамотѣ и готовить въ конторщики, а учился я вмѣстѣ съ барченками, только за особымъ столомъ. Всѣ шалости дѣлались у насъ съ ними пополамъ и съ–обща; я никакъ уже не считалъ себя крестьяниномъ, а покрайности полубарченкомъ. Вотъ у меня и зародилась дурь немужицкая, а на барскую стать, и всѣ затѣи мои стали походить на барскія. Когда я бывалъ въ милости у барчатъ, за одно съ ними состряпавъ какую нибудь шалость, то меня кормили съ барскаго стола, а когда они, перессорясь между собою, доносили на меня, то молодаго конторщика сѣкли, въ острастку молодымъ господамъ, а иногда еще отправляли на кирпичный заводъ — ссылочное мѣсто, гдѣ запрещено было варево, а всѣ состояли на сухоядѣніи, на хлѣбѣ и водѣ.

Въ это время я отданъ былъ старшему изъ молодыхъ господъ нашихъ, однихъ со мною лѣтъ, для прислуги. И баринъ, и слуга подросли, и общія шалости ихъ, тайкомъ отъ барыни, мало по малу стали принимать уже иную, не совсѣмъ ребяческую складку. У барченка моего, при всѣхъ

дурныхъ замашкахъ такого воспитанія, было преподатливое сердчишко, раненько разогрѣтое въ дѣвичьей старой барыни, гдѣ не переводились швеи, вязеи и кружевницы всѣхъ разрядовъ и возрастовъ. Я былъ тутъ, по наряду, пособникомъ и помощникомъ, скоро и во мнѣ самомъ проснулось и заговорило ретивое—да не на тотъ ладъ. Для барина все это были однѣ игрушки да потѣхи, а за меня принялась она, дурь эта, злою сокрушительницею..... Скажу напередъ, что грѣха я не зналъ, а тоску нажилъ такую неизбывную, что почитай одурѣлъ.

И что за причуды и безсмысленныя затѣи роятся въ своевольномъ сердцѣ нашемъ, отколѣ берутся онѣ и куда норовятъ? Сѣнныхъ дѣвушекъ, ровней и дружекъ мнѣ на подборъ и выборъ, было десятка съ три; такъ вотъ не туда мы глазомъ накинули: подымай выше......

Стала догадываться тутъ чему-то старшая кружевница барынина, дѣвка съ сѣдою косой, да набранившись со швеями и вязеями, пошла да и донесла барынѣ обо всѣхъ шашняхъ ихъ и барчатъ, да кстати ужъ вплела туда и меня. Тутъ пошла по всему дому такая переборка, что я вижу страшный день этотъ передъ собою, будто все это сбылось только вчера.

Сѣнныхъ дѣвушекъ, швей и кружевницъ моихъ пересѣкли, которой полголовы о́стригли, которой косу обрѣзали; молодыхъ баръ переселили въ другіе покои, такъ что имъ не стало другаго выхода изъ дому, какъ черезъ комнату старой барыни—еслибъ не было оконъ; а меня тотчасъ же велѣно сдать въ рекруты.

На счастье, не то на бѣду мою — и самъ не знаю — у меня былъ дядя, старый конторщикъ, любимецъ старой барыни, тотъ самый, который отдавалъ землю въ оброкъ, по полтинѣ мѣди за десятину; онъ пожалѣлъ меня за молодость мою, говорилъ, что слѣдовало бы начать расправу съ баръ, а не съ меня, и приказалъ мнѣ тотчасъ бѣжать и хорониться дня три въ лѣсу, а послѣ держалъ меня у себя въ

подпольѣ. Черезъ нѣсколько дней, дядя вызвалъ меня оттуда, объявилъ прощенье и приказалъ тотчасъ же готовиться въ путь, на чужую сторону. Дѣло это сдѣлалось такъ: выждавъ, покуда у старой барыни прошло горячее сердце, онъ съумѣлъ приноровиться въ добрый часъ къ обычаю ея и упросилъ, чтобъ меня, замѣсто солдатства, выгнать на полуторный оброкъ. Онъ самъ внесъ за меня тотчасъ же оброку за полгода впередъ, приказалъ мнѣ стараться, какъ можно, объ уплатѣ его, выдалъ мнѣ изъ конторы билетъ и велѣлъ тотчасъ же отправляться, не мѣшкая ни минуты, чтобъ барыня не передумала. Съ нею это случалось.

На селѣ нашемъ водился одинъ общій промыселъ, переходившій по наслѣдству на всѣхъ, какъ болячка. Имъ однимъ и промышляли всѣ оброчные: строили барки, лодки и струги, ходили съ топоромъ, а также въ паромщики и перевозчики, по разнымъ мѣстамъ, а иные и просто въ бурлаки, на низовье. Какъ избалованный полубарченокъ, называемый въ шутку племянникомъ любимой барской курицы, а стало быть и бѣлоручка, я топора въ рукахъ не держивалъ. Однако дѣлать больше нечего, пошелъ я искать такого хозяина, чтобъ принялъ въ перевощики, поколѣ не навыкну порядкомъ къ топору.

Оброчные ребята жили у насъ въ городѣ Котахъ, и я пришелъ туда же. Отыскалъ я своихъ, поздоровался—кто потужилъ со мною, кто посмѣялся—иди, говорятъ, въ нашу артель, отъ своего не откидываться стать; хозяинъ знаетъ нашихъ и приметъ тебя, ты парень молодой, здоровый. Поглядѣлъ я на нихъ, какъ они живутъ, и какъ мнѣ съ ними жить доставалось — такъ только вздохнулъ, да скрѣпя сердце смолчалъ: изба на двѣ половины, называемая бѣлою за то, что печи съ трубами — печи во всю стѣну, палати во всю избу, нары чуть не во весь помостъ; народу набито видимо-невидимо... Тутъ въ Сибири ѣдятъ

нашего брата одни клопы *); ну, хоть и докучливо, да не такъ велика птица; а тамъ, одной крупной скотины, тараканов да прусаковъ, не огребешься, а мелкой пѣшей и конной рати, туча тучами. Нечего дѣлать однако; чужая сторона хоть и мачиха, да не отбыть ея. Пошелъ я въ плотники и въ паромщики, а какъ сказался хозяину, изъ какихъ я мѣстъ, то онъ принялъ меня безъ слова, зная по землякамъ моимъ наши промыслы. Черезъ мѣсяцъ времени и у меня въ рукахъ топоръ пошелъ повертываться не хуже, чѣмъ у людей, и зажилъ было я по людски....

Но, кого Господь чѣмъ захочетъ взыскать, взыщетъ, а покарать — такъ покараетъ. Что разъ сошло съ рукъ, на томъ таки суждено было мнѣ опять спотыкнуться и не сносить головы. Полубарскія затѣи у меня не шли съ ума; во снѣ и на яву одно грезится, что я-де молодецъ изъ молодцовъ, дѣтина, какого по бѣлу свѣту не сыскать и въ сказкѣ не сказать; и думается, и видится, какъ бы чудомъ какимъ въ люди выдти, черное житье да черную работу бросить, зажить бы дворянчикомъ, сладко съѣсть, мягко спать, да ходить въ тонкомъ суккнѣ; то видится вотъ княжна, не то царевна какая, полюбила меня не въ примѣръ прочимъ, къ себѣ призываетъ, всяческими милостями осыпаетъ, золотой казной одѣляетъ. Поди-де сюда, Иванъ крестьянскій сынъ, поди на бѣлы руки мои, подъ шелковы кудри мои, вотъ тебѣ дорогой подарочекъ: завѣтный золотъ перстень, алый шелковый платъ, да серебряна опоясочка; потри правой рукой золотъ перстень — быть тебѣ, на зло и зависть всѣмъ, молодымъ красавчикомъ, бояриномъ; тряхни золотой опоясочкой — не потовой мѣдный грошъ, а даровое золото посыплется; махни шелковымъ платочкомъ — я стою передъ тобой, что листъ передъ травой....

*) Въ Сибири блохъ нѣтъ, онѣ пропадаютъ даже на собакахъ; нѣтъ и тараканов.

По сосѣдству нашего плотничья подворья жилъ пребогатый купчина, а у него была однѣмъ одна дочь. Увидалъ я ее впервые, когда шла она съ отцомъ изъ церкви, въ праздничный день, разубранная, разукрашенная, ну волосъ въ волосъ моя сказочная царевна; и походка такая, и стать такая-жъ, и личикомъ какъ будто на нее похожа.... повязка съ жемчужною поднизью и назатыльникомъ, жемчужные борки ожерельемъ, такъ вотъ будто кто на мою красавицу горстями высыпалъ жемчугъ, вся имъ облита; сарафанчикъ штофный, розовый, съ золотой обошвой; тѣлогрѣя парчевая, бористая на черныхъ соболяхъ, фата кованая *)...

Ну, мнѣ ли, бобылю бездомному, ссыльному на полуторный оброкъ холопу, заглядываться на птицу такого полету, какова была Марѳа Петровна Столешникова?—Да на нее не смѣли умомъ накинуть и лучшіе купецкіе сынки котовской знати; ни одна сваха и подумать не смѣла о томъ, чтобы ступить ногою черезъ порогъ такого дома; всѣ котовцы и безъ разговору знали, что въ Котахъ нѣтъ дружки для этой пташки, а что знать повезутъ ее въ Москву—тамъ утерять ей завѣтную дѣвью волюшку свою, тамъ сложить дѣвичью красу...

Изъ первыхъ заработковъ справилъ я себѣ тонкаго сукна сибирку; деревенскую высокую шляпу съ подхватомъ замѣнилъ щегольскимъ *срѣзкомъ*, низкой шляпой на бекрень, купилъ и сапоги съ оторочкой и шелковый поясъ.... хоть ѣсть-не-ѣсть и пить-не-пить, а безъ этого не жить. Каждое воскресенье, каждый Божій праздникъ стерегъ я Марѳу Петровну, когда она шла чинно съ отцемъ, по выходѣ изъ церкви, спускаясь по ступенямъ съ широкой соборной паперти. Никто не замѣчалъ сумазбродныхъ продѣлокъ моихъ, никому конечно вдогадъ не было, чтобы, стояще-

*) Два неразрѣзныхъ шелковыхъ платка, ширинкой, съ золотыми цвѣтами.

му въ толпѣ черни, бездомному шатуну залицаться подъ кованую фату. Но Мароа Петровна видѣла и замѣчала меня. Отчего же она, дочь Петра Сидоровича Столешникова, видѣла и замѣчала барочнаго плотника, чернорабочаго, молодаго дѣтину съ лубковыми мозолями на ладоняхъ, за которымъ и всего-то животовъ было: крестъ да пуговица, рубаха красной александрейки, да топоръ съ ясеневымъ топорищемъ? Не знаю; а спросить объ этомъ ее мнѣ не доводилось; да едва ли только знала и сама она.

Сталъ я, какъ бары дѣлаютъ, ходить подъ окнами терема Мароы Петровны, сталъ чаще попадаться ей встрѣчу; ужь что со мною, горемычнымъ пентюхомъ, дѣлалось — не знаю, а не повидавъ Мароы Петровны дня три, бывало мнѣ хоть зарѣзаться, хоть утопиться; а увижу — опять разгуляюсь, опять свѣтъ ясный увижу передъ собою, и самъ съ собою какъ будто полажу.... Ни разу я съ нею не говаривалъ, никакихъ не было межъ нами пересыловъ, и никому на умъ не приходило, зачѣмъ я, грѣшный, каждый праздникъ хаживалъ въ соборъ къ обѣднѣ. Знать, некому было сказать мнѣ: ну съ нашимъ ли рыломъ въ соборъ къ обѣднѣ — будетъ съ насъ и въ приходскую! И у меня въ помыслѣ не было попытки, чтобы спознаться ближе съ Мароой Петровной, ниже поразмыслить о томъ, что я дѣлаю и куда бреду? — Шелъ день за днемъ, шесть дней хозяйской работы, а спать про себя; придетъ воскресенье, кто куда, у кого гдѣ какая погулка — у меня все одно, и другаго не надо. Только и было всѣхъ помышленій моихъ, словно одной этой встрѣчей былъ я и живъ, и сытъ, и пьянъ, и здоровъ; а какъ еще она осыплетъ меня взглядомъ своимъ, то пойду, бывало, своей дорогой, и духъ займется, и въ головѣ зашумитъ, словно передъ обморокомъ; и хожу послѣ этого цѣлую недѣлю королевичемъ, на четверть повыше всѣхъ генераловъ...

Работникомъ оставался я трезвымъ и хорошимъ, ни за одно дурное дѣло не брался, потому что худое мнѣ и на

умъ не шло, ради стыда передъ Мареой Петровной и передъ самимъ собою. Мнѣ вотъ казалось, будто она все видитъ, и слышитъ, и знаетъ, что я дѣлаю; такъ я себя ужъ и держалъ, чтобъ этого не бояться.

Вдругъ пронесся слухъ, что у Петра Сидорыча дочь просватана. Человѣкъ онъ въ городѣ былъ изъ первыхъ, к говору объ этомъ прошло не мало. Я прислушивался, разспрашивалъ, какъ бы изъ стороннягo любопытства и вижу, что слухъ походитъ на дѣло. Старикъ-де разсудилъ, что Мареѣ Петровнѣ пора замужъ; что самъ онъ ужь въ лѣтахъ и подъ-Богомъ ходитъ, а роду-племени нѣтъ, успокоить старости своей негдѣ, богатства передать некому; а куда-де пойдетъ оно, какъ я умру, а она останется круглой сиротой? Нахаловъ-то много, отбою не будетъ, а путнаго врядъ ли найдешь. Вотъ онъ и сталъ самъ прiискивать жениха, такого, чтобы взять его въ домъ, усыновить, передать исподволь при себѣ дѣла и оставить ему все свое богатство. Былъ у Петра Сидорыча какой-то старинный прiятель, такой, съ которымъ знались они смолоду, но жилъ онъ въ другой губернiи и торговалъ бѣдно. У этого прiятеля было двое сыновей, одинъ въ такихъ лѣтахъ, что годился въ дружки Мареѣ Петровнѣ. Вотъ Петръ Сидоровичъ и вздумалъ идти въ дѣлежъ со старымъ другомъ: отдай мнѣ, говоритъ, одного сына, а другой пусть остается тебѣ; я же за это передамъ ему достатокъ свой, помогу и тебѣ. Не видавъ нареченнаго зятька своего съ малыхъ лѣтъ его, Столешниковъ вызвалъ его и объявилъ съ плеча, что беретъ его замѣсто сына. Ты-де человѣкъ небогатый, неизбалованный, а изъ хорошей семьи; знаю я отца твоего, знавалъ и дѣда; чай, мотать не станешь, пойдешь по своимъ; авось станешь слушаться меня старика, поколь я живъ, а послѣ чтить будешь память мою.

Всякая самоувѣренность, самонадѣянность человѣка родится отъ себялюбiя и самотности его; оттого, что думаешь только о себѣ, и что мнѣнiе свое считаешь непогрѣшимымъ.

дѣда зналъ, такъ за дѣда бы и отдавалъ, а съ чего же взялъ отдавать за внука, котораго не знаешь? — Отъ увѣренности, что, коли я выберу, то будетъ хорошъ; а коли я жалую его своею милостію и богатствомъ, такъ онъ будетъ въ моихъ рукахъ: что́ захочу, то изъ него и сдѣлаю. — А для чего я хочу въ свою голову закабалить дочь, отдать ее, словно товаръ, съ товаромъ же и съ деньгами? — Для того, чтобъ было ко́му меня помянуть, почтить память мою; пуще всего мы боимся того, что со смертію и знатность, и богатство наше, все порѣшится, и помину ему не будетъ; даже некому будетъ поплакать по насъ, пожалѣть, — такъ купить хоть скорбника за свои деньги.... а развѣ скорбникъ этотъ не станетъ зырить смерти твоей, какъ воронъ крови?

Что́ было со мною — не знаю, какъ и сказать; какъ будто ничего, а какъ будто и послѣдній часъ мой насталъ. Ну чтожъ, просватана Марѳа Петровна, такъ просватана; кажется, меня это не касается; я кто же ей буду? — А тамъ опять, какъ захватитъ поперегъ сердца — кто его знаетъ, не разберешь. За себя я ея николи не чаялъ; что надо будетъ ей идти замужъ, — зналъ; вотъ оно бы, казалось, все въ порядкѣ.... такъ мнѣ бы вотъ хотѣлось положить голову свою за нее на плаху, только; а тамъ — лишь бы она знала это, да и выходила бы съ Богомъ за счастливаго и любаго. Вижу, что дурь одна по мнѣ ходила — да дѣваться некуда, такъ было, такъ и говорю. Кого жъ я полюбилъ болѣ, ее, или себя? — Коли ее, то для чего жъ подносить ей голову свою на плахѣ, на радость, что ли? Успокоить развѣ хотѣлъ я этимъ жизнь ея, упрочить семейное счастье? — Казнись же всякъ, глядя на меня; всѣ мы одни горшки, всѣ изъ одной глины вылѣплены.

Идемъ мы разъ какъ-то артелью съ работы; гляжу — у воротъ Петра Сидоровича бричка, и бричка чужестранная, въ Котахъ такой не бывало. Растворились ворота, прикащики низко кланяются, бричка въѣхала во дворъ. Это отецъ

съ сыномъ пріѣхалъ, привезъ на смотрины казать своего женишка. Рѣчи Петра Сидорыча къ нему я ужъ говорилъ; Марѳа Петровна, теремная жилица, знаетъ одну волю батюшкину; старики дѣло промежъ себя покончили и простились до осени. На Покровъ свадьба.

Встрѣчалъ и провожалъ я опять Марѳу Петровну, по старому, а заноза какая то засѣла; щемило, да и только. Она сердешная, бывало, никогда больше одного разу не взглядывала на меня, въ одну встрѣчу, хоть и случится стоять поодаль при ней долго, и теперь тожъ, этого обычая она не мѣняла, да словно взглянетъ на меня жалостливѣе, больнѣе прежняго. Память мутилась въ головѣ, сердце надрывалось; такъ я и бродилъ пестомъ, словно толокна въ ступѣ наѣвшись, ничего не зналъ, ничего не думалъ, ничего не помнилъ.

Пришла осень и Покровъ, пріѣхалъ и женихъ съ родителями, и заняли они цѣлую половину въ домѣ Столешникова, заранѣе приготовленную. Въ Котахъ огласилось, что быть скоро свадьбѣ; люди бѣгали смотрѣть на жениха, словно на бухарскаго посланника. Я не ходилъ, ровно все одно мнѣ, каковъ онъ ни будь. Что тутъ было толковъ! Одинъ не могъ надивиться, что Петръ Сидоровичъ отдаетъ такую цѣнную дочь за голыша, тогда какъ нашлись бы женихи-ровни; другой, для чего не беретъ онъ въ зятья знатнаго, почетнаго, чиновнаго, дворянскаго роду, умнаго, ученаго, образованнаго; для чего, пуще всего, не отдаетъ дочери за военнаго, которые бъ сразу расхватали и дюжину такихъ невѣстъ.... Я поглядѣлъ только, да и подумалъ про себя: не такой товаръ, чтобъ его на дюжины класть; и отошелъ въ сторону. Забившись въ самый темный уголъ полатей, я пролежалъ тамъ дуракъ дуракомъ, круглые сутки, сказавъ, что голова болитъ. Ее таки и воротило у меня къ затылку. Черезъ сутки я всталъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, на работу.

Сыграли сватьбу, и я стоялъ съ народомъ подъ окнами,

гдѣ столпился весь котовскій православный людъ; и глядѣлъ я на все, какъ помню, смирно и спокойно; знать я и былъ опять похожъ на себя, потому что никому, на меня глядя, никакой догадки въ голову не приходило.... да и кому же, вправду, пойдетъ на умъ така блажь.... ну, про это полно.

Замужемъ видѣлъ я Марѳу Петровну все рѣже да рѣже; какъ-то случая такого не выходило, да и самъ я будто выбился изъ силъ, будто сердце мое, жерновами измолотое, заглохло и притихло. Я ходилъ, какъ живой и правилъ всю работу, какъ слѣдуетъ.

Не много времени спустя, о молодомъ нашемъ прошли слухи недобрые. Что была у него, какъ говорится, дыра въ горсти, что моталъ безпутно, это бы не наше дѣло, Богъ съ нимъ; да худо то, что сталъ онъ горькимъ пьяницей и буяномъ, обидчикомъ молодой жены. Бился, бился съ нимъ Петръ Сидоровичъ, весь бѣлый свѣтъ виноватъ передъ нимъ и всѣхъ проклинаетъ, а самого себя не винитъ ни въ чемъ. Вотъ и прошелъ слухъ, что не сегодня, такъ завтра сгонитъ онъ сынка со двора совсѣмъ — а онъ замѣсто того самъ взялъ, да на утро и померъ.

Волей-неволей старикъ все добро свое покинулъ, съ собою не взялъ ничего. И пошелъ чортъ по клепкамъ, пошелъ зятекъ на просторѣ ходить такимъ козыремъ, что пыль столбомъ, дымъ коромысломъ. Безпутнѣе этого житья врядъ ли кто видывалъ, отродясь. Что она горя приняла — и не перечтешь, не перескажешь; Богъ одинъ про то и вѣдаетъ. А каково мнѣ-то было слышать все это — и про то Богъ одинъ вѣдаетъ, грудь одна знала да подоплека, а не сказывалъ я и о томъ никому. Вижу я только, встрѣтивъ ее въ кои годы разъ, что стала она сердешная на себя не похожа. Молчу да терплю.

Въ Котахъ былъ обычай: большое гулянье въ Духовъ день въ рощѣ. На гулянье это не попадалъ развѣ тотъ изъ котовцевъ, кто помиралъ наканунѣ. Старъ и малъ, съ чадами и домочадцами, баринъ и слуга, барыня и судомойка — словомъ, ни одного калѣки нищаго не оставалось въ

городѣ, который бы можно въ этотъ день ограбить и выпустошить до чиста, и сами хозяева и мѣстныя власти узнали бы объ этомъ не прежде, какъ воротившись къ свѣту домой,—все было въ рощѣ на гуляньѣ. Роща эта лежала за рѣкой, моста не было, а потому однимъ намъ, перевозчикамъ, и небыло праздника въ этотъ день, они одни его не знали. Что было лодокъ у нашего хозяина, всѣ исправилъ онъ и пустилъ къ этому дню въ дѣло; да и мы всѣ, сколько насъ было у него рабочихъ и плотниковъ, всѣ до одного сидѣли въ веслахъ.

Стало густо смеркаться; въ рощи повсюду вынырнули изъ потемокъ огоньки; шумъ, гулъ, крикъ и пѣсни несутся издали на рѣку, то громче, то глуше, по прихоти вѣтра; сколько концовъ далъ я взадъ и впередъ, ужъ и не помню, а стоялъ съ лодкой, усталый, у того берега, подъ рощей, выжидая хорошихъ сѣдоковъ домой. Я сидѣлъ, свѣсивъ голову промежъ плечъ, призадумавшись, колобродилъ умомъ нѣвѣсть гдѣ — то орломъ ширялъ, то бѣлымъ лебедемъ по поднебесью; дѣло безданное и безпошлинное, за то и безводное.— Перевозчикъ! взревѣлъ пьяный голосище почти надъ самымъ ухомъ моимъ, потому что хозяинъ этого голоса невольно свѣсился и наклонился впередъ — я вздрогнулъ и, оглянувшись, увидѣлъ Марѳу Петровну съ мертвецки пьянымъ хозяиномъ своимъ. Онъ мотался на покосныхъ ногахъ туда и сюда, ругался срамно и буянилъ; она, разодѣтая празднично, поддерживала его, ублажала въ страхѣ и умоляла сѣсть скорѣе въ лодку и ѣхать домой....

Я опомнился только, когда всплеснулъ веслами по мокрой зыби; молча гребъ я налóгомъ враспашную, то глядя тупо передъ себя, на несродную чету, то поверхъ, въ темную рощу, осыпанную огоньками, какъ звѣздами. Было ужъ поздно, и въ ней раздавались только одинокіе, запоздалые, да дружные хмѣльные голоса отсталыхъ гулякъ, въ родѣ того, котораго я везъ. Ему не сидѣлось, черезъ силу Марѳа Петровна удерживала его на мѣстѣ; неугомонный буянъ,

задорный и драчливый во хмѣлю, все придирался къ ней, ругался, и вдругъ ни съ того ни съ сего, полѣзъ драться. Надорвалось у меня ретивое, какъ она взвыла подъ его лапищами.... «На водѣ не драться», закричалъ я грознымъ голосомъ; онъ, заложивъ видно уши крѣпко, какъ будто не разслышалъ или не взялъ въ толкъ словъ моихъ, поглядѣлъ на меня, да опять за тоже. Я закричалъ на него остраст-кой еще погромче и привсталъ съ угрозой, только этого ему и надо было; онъ покинулъ хозяйку и сталъ придираться ко мнѣ. Я молчалъ и гребъ, не отзываясь ни чохомъ, ни вздохомъ; онъ же, освирѣпѣвъ, полѣзъ ко мнѣ драться, да не зналъ, какъ черезъ всю лодку дойти: то привстанетъ и опять осядется, какъ лодку качнетъ, то полѣзетъ на корачкахъ, бранится на чемъ свѣтъ стоитъ и кулаками издали на меня тянется. Я гребу все молча; Мароа Петровна сидитъ, плачетъ, хватаетъ его за полы, умоляетъ; онъ оретъ бранью и все лѣзетъ, хватаясь по краю—того и гляди вывалится; чтó я стану съ нимъ дѣлать? Наконецъ добрался таки онъ до меня и не унимается, лѣзетъ. Я сжалъ кулаки на веслахъ, положивъ зарокъ—молчать и не трогать его пальцемъ, а грести, хоть бей онъ меня, хоть чтó хочешь дѣлай. Онъ былъ такъ пьянъ, что и лыко не вязалъ, чай, не могъ бы меня и больно ударить. Вскинувшись вдругъ на меня зря и встрѣтивъ толчекъ веслами, которыя заносилъ я въ это время, налегая впередъ, онъ повалился подъ лавку, опять вдругъ вскочилъ на ноги, хотѣлъ пасть на меня стойкомъ, повихнулся бокомъ и со всего размаху перекинулся черезъ голову въ воду.

Это было по самой рединѣ быстрой, глубокой рѣки; грузный виномъ забіяка пошелъ ко дну, какъ топоръ, и пузыря не пустилъ. Чтó тутъ было, не съумѣю и сказать. Пробившись долго на мѣстѣ, чтобъ отыскать утопленника, и все по-пусту—его конечно уволокло теченіемъ, а и насъ также несло, ночь темна, я и потерялъ мѣсто самое и не могъ болѣе опознаться—я сѣлъ на свое мѣсто; руки

мои опустились, не могъ я приняться за весла, да и не зналъ, куда грести, что дѣлать; она сидѣла на своемъ мѣстѣ, въ кормушкѣ, оба мы молчали. И самъ я теперь не пойму себя, отчего я не сталъ кричать, не звалъ помощи, отчего не присталъ тотчасъ къ берегу, чтобъ заявить обо всемъ начальству; ничего не знаю: знаю только, что сидѣлъ я, подпершись локтями и глядя себѣ въ ноги, и что лодку несло водой, таща безпамятныхъ, невѣдомо куда.

Заря стала заниматься.— Куда грести, Марѳа Петровна? спросилъ я, насъ снесло далече. Это была первая моя рѣчь къ ней, потому что рѣчей не было у насъ, когда утонулъ хозяинъ ея; она словно была безъ памяти, я же прянулъ за нимъ, да выбившись изъ силъ едва опять попалъ въ лодку; охалъ, говорилъ ли что про себя, не помню, а бесѣды у насъ не было. — Куда грести, Марѳа Петровна? — Домой, проговорила она. — И вправду, куда жъ было еще грести, коли не домой; откуда такой глупый вопросъ взялся? Я опять молча налегъ на весла и чуть не къ полудню только выгребъ противъ воды до мѣста. Надо заявить, сказалъ я, опомнясь теперь; это было и всего-то второе слово мое къ ней.

Пошло слѣдствіе; меня стали винить, что я его утопилъ, что сгубили мы его вмѣстѣ; всѣ знали, каково житье ея было за покойникомъ, такъ оно бы, по людскому сужденію, дѣло сбыточное. Пуще всего уликой противъ меня было, что пропадали мы съ лодкой, невѣдомо гдѣ и зачѣмъ, почти до полудня, а не пристали тотчасъ въ ночи къ пристани и не заявили дѣла. Съ утра ужъ домашніе Марѳы Петровны спохватились хозяевъ, полиція и городъ всполошились, отыскивая пропавшихъ съ гулянья безъ вѣсти, и допросы ужъ начались.

Что мнѣ было говорить, что ей бѣдной сказывать передъ судомъ, чѣмъ оправиться?—А каково-то мнѣ было объ ѳту пору, что втянулъ я ее сердешную, однимъ только безразсудствомъ своимъ, въ такое дѣло?— Но есть на человѣческую глупость

Божья премудрость и милосердіе: Марѳу Петровну онъ прибралъ къ себѣ, въ неземные лики Свои, а мнѣ грѣшному велѣлъ искушаться еще, до сроку не изнемогая духомъ и не ропща. И не стану: одна голова не бѣдна, а и бѣдна, да одна.

Съ этого-то времени я и сталъ радушнымъ гостемъ земли, выжидая часу, когда Отецъ призоветъ къ себѣ блудныхъ дѣтей Своихъ. Кто что ни говори—въ гостяхъ хорошо, а дома будетъ лучше.

XI.

КЛИКУША.

—

Весною прибылъ я въ большую графскую вотчину, въ одной изъ сѣверныхъ губерній нашихъ, куда поступилъ я управляющимъ. Надобно сказать, что я дотолѣ крестьянами не управлялъ, кромѣ своего маленькаго имѣнія, на которомъ даже не могъ бы прожить самъ съ семействомъ; но я зналъ и любилъ хозяйство и занимался уже имъ давно, по книжному и наглядно. Я полагалъ, что нѣсколько знаю нашего крестьянина, бытъ, нужды, наклонности и замашки его, а потому и надѣялся сладить съ нимъ и принести нѣкоторую пользу. Словомъ, я съ большимъ усердіемъ и охотой занялся своею новою обязанностію и началъ съ того, что сталъ вникать во всѣ подробности крестьянскаго быта, и въ особенности мѣстнаго, бывшаго до меня, управленія. И вотъ, на первыхъ же порахъ, представился довольно замѣчательный случай для испытанія моихъ управительскихъ дарованій.

Разсматривая поданные мнѣ изъ конторы списки наличности разнаго рода, я, между прочимъ, остановился на одной довольно странной для меня статьѣ: въ какомъ-то валовомъ спискѣ наличныхъ, тягольныхъ и безтягольныхъ,

крестьянъ, бобылей, холостыхъ, престарѣлыхъ, калѣкъ, дряхлыхъ и хворыхъ, самымъ дикимъ и безтолковымъ образомъ перемѣшаны были: коровы, козы, овцы, люди, гуси, индѣйки — по тамошнему *торы*, — и бабы; въ томъ числѣ, между прочимъ, показано отдѣльно: *колдуновъ* 3, *кликушъ* 23.—Пересмотрѣвъ списокъ нѣсколько разъ и убѣдившись, что я не ошибаюсь, что колдуны и кликуши эти, хотя они и поставлены вслѣдъ за гусями и утками, относились не до какой либо извѣстной мнѣ породы домашнихъ животныхъ, а до людей, я велѣлъ позвать старшаго конторщика; дѣло очевидно требовало объясненія.

Что это? спросилъ я, указывая на вторую изъ сомнительныхъ статей. — Кликуши-съ, отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ напередъ со вниманіемъ и убѣдившись, что тутъ не было никакой описки.— Да это я вижу, но что жь это значитъ, отчего они кликуши, кто пожаловалъ ихъ въ это званіе! — Богъ ихъ знаетъ; колдуны, должно быть; онѣ какъ выкрикиваютъ или выкликаютъ, такъ на нихъ, на колдуновъ, то есть, показываютъ; испорчены, должно быть-съ.— Кто жъ у васъ завелъ порядокъ этотъ, чтобъ были кликуши и давно ли это ведется? — Давно будетъ-съ, чай споконъ-вѣку, и не впамять старикамъ. Безъ этого Божьяго наказанія никакъ нельзя, вотчина большая, сами изволите знать; это вѣдь здѣсь не только что у насъ, а по всему краю, дѣло извѣстное. Туда вонъ къ Шадринску, опять вотъ къ Чардыни. такъ ихъ и невѣсгь что. А по описямъ ведутся онѣ, то есть, значатся у насъ для порядка, еще отъ покойнаго графа; и тогда уже были онѣ, кликуши эти, только не много; для этого самаго и приказано было ихъ переписать; ну, а замѣстъ того онѣ пуще расплодились; такая бѣда, годъ-отъ-году все больше. — На работу ходятъ онѣ у васъ? — Которыя ходятъ, да плохо; какая у обѣдни выкликала, такъ ужъ на недѣлѣ не работница, отдыхаетъ. Что съ ними станешь дѣлать, вонъ, иной такъ и свои старики боятся и старосты; того гляди выкличетъ ихъ

по имени, какъ залаетъ по собачьи. — Что это значитъ? Я тебя не понимаю; ты знаешь, я человѣкъ новый: говори толкомъ, все.

Тогда я услышалъ вотъ что. Кликуши оказываютъ порчу и силу свою по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, во время службы, обычно на церковной паперти; какъ только заблаговѣстятъ къ Достойной, а иногда, какъ запоютъ Херувимскую, то одна изъ кликушъ, стоящихъ уже изъ предосторожности у самыхъ дверей въ церкви, или даже снаружи, на паперти, — одна изъ нихъ начинаетъ завывать дикимъ голосомъ или *голготать*, какъ выразился конторщикъ, и ее скорѣе выводятъ. Тутъ она начинаетъ заливаться всѣми голосами, дразнитъ всѣхъ звѣрей и животныхъ, особенно же кричитъ по свиному, лаетъ и воетъ собакой. Между тѣмъ, другія пристаютъ къ запѣвалѣ подголосками, подкатываютъ очи подъ лобъ, подворачиваютъ *талы*, какъ здѣсь говорятъ; руки и ноги и наконецъ все тѣло начинаетъ корчить и сводить судорогами; бабы мои падаютъ, закидываютъ головы, воютъ и ломаются на всѣ лады, до изнеможенія; ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь и оставляютъ въ покоѣ, а пришедъ въ себя, онѣ ничего не помнятъ. Иногда, въ неистовомъ крикѣ своемъ, безотвязно повторяютъ онѣ какое нибудь одно слово, ломая и коверкая его такъ, что надобно догадываться и добираться до него съ трудомъ: смыслъ и таинственное значеніе этого слова составляетъ надолго завлекательную загадку для народа, который считаетъ это пророчествомъ и выводитъ изъ того свои заключенія. Если кликуша выкрикиваетъ такимъ образомъ кого нибудь поименно, чье нибудь имя, то указываетъ этимъ на колдуна, который ее испортилъ: колдунъ этотъ, слыша такую очевидную улику, и самъ не смѣетъ отпираться отъ вины своей, а либо кается прямо, либо угрюмо молчитъ. Говорить нечего: улика налицо. Этихъ-то кликушъ и указываемыхъ ими колдуновъ, по заведенному изстари обычаю, вносили въ именные списки и показыва-

ли, какъ мы видѣли, въ особыхъ графахъ или статьяхъ, рядомъ съ *торами* и *дочьками*, то есть, индѣйками и свиньями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу здѣсь, что болѣзни кликушъ, въ прямомъ и строгомъ смыслѣ нельзя назвать притворствомъ, но можно, по справедливости, назвать шалью, дурью, которую бабы напускаютъ на себя, глядя на другихъ. Нервическіе и истерическіе припадки бываютъ, если не прилипчивы, то духовно или нравственно заразительны, возбуждая почти невольную переимчивость, поддерживаемую обычаемъ и неизвѣстными отношеніями мѣстности. Сильное нравственное сотрясеніе, особенно кстати приспособленное вліяніе страха, иногда въ болѣзняхъ этого рода оказываетъ волшебное пособіе; брось одна дурить, и вслѣдъ за нею, по причинѣ той же непостижимой переимчивости, всѣ вдругъ выздоравливаютъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ является отчасти и прямое притворство.

Я сталъ освѣдомляться, не лечили ль кликушъ этихъ, и услышалъ, что прежде много лечили, все дѣлали, что люди скажутъ, да ничего не было пользы. Ихъ, сударь, лечить нельзя, сказалъ конторщикъ самоувѣренно, потому что это наслано, по вѣтру пущено, то есть, онѣ испорчены. Бывало за покойнаго графа лекарей привозили изъ города, и много хлопотъ было, и денегъ потратили, а толку нѣтъ. Который дѣло свое знаетъ, такъ самъ отказывается, а другой, несмыслящій, пить даетъ снадобья разныя; ну отъ этого бывало еще хуже станетъ, и бросили. Возили и знахарей издалеча, самыхъ докъ; случалось, что иной отводилъ, да только, не на долго; до новаго мѣсяца только, а тамъ опять тоже. Рѣдко развѣ, когда сама на колдуна укажетъ, который испортилъ, и на того, который, то есть, можетъ осилить его, такъ поспоруются, да ино и одолѣетъ, который позабористѣе. А то, такъ вотъ они и имѣются у насъ и шатаются; и дома-то у нихъ не споро, хозяйство запущено, да и работу господскую мало какую исправля-

ютъ, по этому и отъ старыхъ господъ еще приказаніе было, чтобъ не трогать ихъ.

— А на богомолье ходятъ? спросилъ я.

— Ходятъ, какъ же, онѣ только этимъ и дышатъ и отъ злой смерти спасаются. Какъ весна вотъ только настанетъ, то и пойдутъ себѣ ватагами со всего околотка, и въ Воронежъ, и въ самый Кіевъ другія ходятъ; а нѣтъ, такъ хоть по здѣшнимъ монастырямъ, къ Сергію Радонежскому, а ино и въ Соловки. Иная воротится, ей словно получше, мѣсяцъ-другой ходитъ словно здоровая, а тамъ опять схватитъ; какъ схватитъ одну, такъ, глядишь, и всѣ закликали.

Всего этого было мнѣ уже достаточно, чтобы сообразить значеніе кликушъ и подумать о попыткѣ избавиться отъ нихъ: я сталъ однако разузнавать еще подъ рукою о родѣ жизни ихъ и объ отношеніяхъ ихъ къ колдунамъ, коихъ имена онѣ выкрикивали во время этихъ страшныхъ припадковъ. Я вскорѣ убѣдился до очевидности, что отношенія эти были двоякія: либо баба, послѣ какой нибудь ссоры съ мужикомъ, нерѣдко и послѣ злобныхъ и слишкомъ неосторожныхъ угрозъ, за кои, подъ названіемъ: «похвальныхъ словъ», пришлось бы отвѣчать, вдругъ дѣлалась кликушей и выкликала именно того мужика, на котораго зла; либо самъ мужикъ, и въ этомъ случаѣ всегда какой нибудь отчаянный негодяй, пьяница и ославившійся воръ, бралъ на себя званіе колдуна, находя это довольно выгоднымъ въ житейскомъ быту своемъ. Здѣсь званіе колдуна даже почетно, потому что ихъ честятъ, хоть для вида и очень боятся. Такому колдуну всякъ первый шапку сымаетъ, величаетъ его по отчеству, кланяется въ поясъ, угощаетъ и потчуетъ и ублажаетъ; никто не смѣетъ сыграть или отпировать свадьбу не покланявшись напередъ колдуну-вѣдуну, не обдаривъ его и не получивъ отъ него согласія или одобренія. Такой мужикъ, бывъ до этого въ общемъ презрѣніи и не слышавъ ни отъ кого добраго сло-

ва, вдругъ, благодаря глупости и робости прочихъ, входитъ у нихъ въ почетъ, сидитъ на всякомъ пиру на первомъ мѣстѣ, ни передъ кѣмъ не ломаетъ шапки и даже не сымаетъ ее на приводѣ молодыхъ изъ-подъ вѣнца и въ другія торжественныя минуты этого празднества, нарушая самымъ соблазнительнымъ образомъ общее приличіе и пристойность.

Что касается собственно кликушъ, то при осторожномъ и негласномъ разбирательствѣ оказалось, что въ числѣ ихъ не было ни одной путной, работящей хозяйки; всѣ онѣ напередъ уже ославились въ быту своемъ, какъ нехозяйки и какъ неработницы, а затѣмъ ужъ попали въ кликуши. Это до того было всякому извѣстно, что даже сами крестьяне, которые суесвято и слѣпо вѣровали въ кликушъ, перебраниваясь съ плохой работницей или попрекая дурную хозяйку, не рѣдко говаривали: «она знать скоро въ кликушахъ будетъ.» За всѣмъ тѣмъ, если это черезъ нѣсколько времени сбывалось на дѣлѣ, то всѣ они, не менѣе того, соболѣзновали объ испорченныхъ, догадывались, кѣмъ это наслано, смотрѣли съ какимъ-то подобострастіемъ на всѣ продѣлки порченицы и до того сами забывали о пророчествѣ своемъ, что имъ и въ мысль не приходило ничего, кромѣ прискорбной новости, что такая-то стала выкликать. Коли злая баба дурно жила съ мужемъ, ссорилась съ нимъ и потомъ дѣлалась кликушей, то и самъ мужъ этотъ нелицемѣрно оплакивалъ семейное бѣдствіе свое, сожалѣя объ испорченной и проклиная вѣдуновъ.

Подумавъ объ этомъ дѣлѣ, я и самъ обнаружилъ къ несчастнымъ этимъ одно только состраданіе и жалость, не подавъ никакого вида укоренившагося во мнѣ убѣжденія. Въ первое Воскресеніе я отправился къ обѣднѣ, съ намѣреніемъ посмотрѣть внимательно на кликушъ нашихъ, не таясь ни отъ кого, что желалъ бы ихъ видѣть въ припадкѣ. Молва объ этомъ разнеслась по селу, и онѣ точно, на первый разъ меня потѣшили; представленіе было одно изъ са-

мыхъ блистательныхъ. Любопытство ли и сострадание мое ихъ поощрили, хотѣли ль онѣ озадачить и приучить меня съ самаго начала къ такому заведенному порядку и удержать за собою присвоенныя имъ права и преимущества, даже по конторскимъ описямъ, — не знаю; но онѣ были всѣ на лицо и кудесили въ запуски.

Оставшись спокойнымъ зрителемъ до конца этой продѣлки, я поговорилъ послѣ кротко съ кликушами, сожалѣлъ о несчастномъ положенiи ихъ и обѣщалъ всѣми силами постараться, чтобы оказать имъ пособiе, въ чемъ я тѣмъ болѣе надѣюсь, что графъ далъ мнѣ на это особыя приказанiя и самыя подробныя наставленiя, какъ и чѣмъ именно пользовать кликушъ. Съ Божiею помощiю можете надѣяться, сказалъ я, будьте только во всемъ послушны, покуда вы въ своей памяти; въ безпамятствѣ же конечно никто въ себѣ не воленъ, и тогда ужъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, будетъ мое дѣло. Средство, которое графъ непремѣнно приказалъ мнѣ употребить, прибавилъ я, помогло въ вотчинѣ такого-то барина, въ такомъ-то мѣстѣ, гдѣ было много испорченныхъ и кликушъ; всѣ они, благодаря Бога, теперь здоровы.

На слѣдующiй же день я сталъ дѣлать гласныя приуготовленiя для пользованiя моихъ больныхъ. Я приказалъ очистить во дворѣ одну половину небольшаго отдѣльнаго строенiя, наслалъ въ немъ нары, а къ окнамъ придѣлалъ рѣшетки; къ новой больницѣ этой приставленъ былъ особый цырульникъ и двое сторожей; у крыльца поставлено было два чана, налитые водою; и все это дѣлалось съ большою оглаской и со всѣми возможными околичностями, и между прочимъ бабы наряжаемы были десятками, посмѣнно, для очистки и уборки приготовляемой больницы. Все это было ново въ здѣшнемъ краѣ; распоряженiя мои и устройство это съ самаго начала обратили на себя общее вниманiе, не только всей дворни, но и деревенскихъ крестьянъ, а въ особенности бабъ. Новаго заведенiя дичились,

но смотрѣли на него издали съ большимъ любопытствомъ и допытывались изподтишка, что изъ этого будетъ, и какимъ образомъ станутъ лечить кликушъ. Я молчалъ, не подавая виду, что замѣчаю это; ходилъ по временамъ осматривать заведеніе свое и говорилъ только при случаѣ, что графъ очень строго приказалъ мнѣ заботиться объ этихъ несчастныхъ женщинахъ и пользовать ихъ предписаннымъ способомъ, не уклоняясь ни на-волосъ отъ правилъ.

Наконецъ пришла Суббота, и я уже распорядился на канунѣ съ вечера, чтобы всѣ бабы пришли на работу на барскій дворъ. Я приказалъ подъ рукой, чтобы непремѣнно и всѣ кликуши наши были тутъ же на лицо, найдя предлогъ для спѣшной валовой работы и сказавъ, что буду угощать. Роздали ленъ по рукамъ, а я вызывалъ бабъ прясть въ запуски, обѣщавъ лучшимъ пряхамъ подарки, а всѣмъ вообще угощеніе. Погода стояла прекрасная; бабы мои, разсѣвшись съ веретенами, покрыли собою весь огромный дворъ и сгрудившись тутъ и тамъ кружками, запѣли пѣсни. Старосты и десятскіе расхаживали для надзора, а я отпускалъ на крыльцѣ дома ленъ, принималъ и осматривалъ пряжу и поглядывалъ на заведеніе свое, при которомъ стояли безотлучно цырульникъ со сторожами. Я могъ замѣтить, что новость эта привлекала общее вниманіе бабъ, и что въ числѣ шутокъ тутъ и тамъ прорывалась угроза: а вотъ погоди, вотъ возьмутъ тебя лечить въ цырульню.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ два работника вошли въ ворота и пронесли по всему двору, черезъ бабъ, трехсаженную доску, на коей, по желтому полю, полуаршинными черными буквами прописано было: *больница для кликушъ*. Я отправился вслѣдъ за вывѣскою черезъ весь дворъ, со всѣмъ штабомъ и придворными своими: тамъ цырульникъ со служителями встрѣтили насъ, и вскорѣ вывѣска была поднята и поставлена на свое мѣсто. Жизнь и говоръ, пробѣгавшіе по бабьему базару, доказывали, что всѣ продѣлки эти возбуждаютъ сильное вниманіе

и любопытство гостей моихъ. Я продолжалъ осматривать заведеніе внутри и снаружи, отдавая гласныя приказанія, чтобы цырульнику со служителями въ воскресенье отнюдь никуда не отлучаться, чтобы все по приказанію моему было приготовлено, чтобы на погостѣ стояли двое носилокъ съ ряднами и прочее; затѣмъ, какъ только сдѣлается съ кѣмъ припадокъ, тотчасъ, уложивъ больную на носилки, нести въ новую больницу. Затѣмъ послалъ я цырульника въ барскій дворъ за хранившимся у меня тамъ снарядомъ; онъ вынесъ оттуда, перейдя обратно весь дворъ, среди глазѣющей толпы бабъ, свѣтло вычищенную полутора-аршинную трубу бѣлой жести, снарядъ, употребляемый садовниками въ теплицахъ и при цвѣтникахъ, для окропленія растеній дождемъ, и называемый спрыскомъ. Ни кѣмъ не виданная загадочная вещь эта, заставила всѣхъ бабъ моихъ сложить руки, разинуть рты и проводить глазами торжественное шествіе дивнаго снаряда. Что̀ такое это? что изъ этого будетъ? какія это чудеса?

Я велѣлъ подать воды изъ приготовленныхъ чановъ и испробовать тутъ же въ нѣсколько пріемовъ спасительный снарядъ, изъ котораго толстая струя воды била водометомъ, какъ изъ заливной трубы, подъ самый свѣсъ кровли. Любопытство заставило сперва одну, а тамъ и другую и третію изъ числа пряхъ, привстать и подойти къ намъ поближе, остальныя стали чутко прислушиваться къ разговору и мало по малу тоже приближались. На вопросы старосты, какъ и что приказано будетъ дѣлать, и для чего принесена такая, ни кѣмъ не виданная, вещь, я объяснилъ ему, что по вновь открытому нынѣ и испытанному способу леченія кликушъ, эта штука оказываетъ удивительную помощь, и что это та самая вещь или приборъ, коимъ излечены всѣ испорченныя бабы въ томъ имѣніи, о коемъ я намедни говорилъ. Графъ нашъ нарочно выписалъ его оттуда. Какъ только появится припадокъ, то надобно тотчасъ употребить въ дѣло двѣ или три полныя трубки хо-

лодной воды: этого боится всякая порча пуще всѣхъ наговоровъ; тогда начинаетъ бить ознобъ того колдуна, который наслалъ порчу, а съ кликуши какъ рукой сыметъ. Для этого, по приказанію графа, здѣсь и будетъ всегда на готовѣ цырульникъ со служителями и со всѣми нужными припасами; завтра, дастъ Богъ, какъ въ воскресный и тяжелый для кликушъ день, испытаемъ средство это и узнаемъ помощь его. Тогда, прибавилъ я, скажете спасибо своему доброму барину, графу, который такъ заботится о бѣдствующихъ.

При этомъ объясненіи фельдшеръ мой, продолжая опыты, пустилъ струю вверхъ подъ самую кровлю, упирая спрыскъ въ грудь и налегая на него обѣими руками. Между бабами произошло какое-то общее волненіе. Возгласы ужаса и негодованія сливались съ воплями, взываніями и громкимъ хохотомъ. Недоумѣніе; изумленіе, страхъ любопытство и злорадное удовольствіе выказывались тутъ и тамъ въ различной степени, среди окружавшей насъ шумной толпы. Видно было по всему, что никто не ожидалъ такого способа леченія; зная отвращеніе народа отъ подобнаго средства, закоренѣлые предразсудки его о томъ, что считается позоромъ, образъ мыслей и понятія, я не ошибся въ выборѣ. Гласность, торжественность и рѣшительность всѣхъ пріуготовленій, также много способствовали къ усиленію впечатлѣнія. Бабы мои закрывали лицо руками и съ визгомъ спѣшили на свои мѣса, за работу. Всѣ отъ меня разбѣжались; я опять стоялъ у больницы своей одинъ съ цырульникомъ, подъ грозною вывѣскою и отвратительнымъ водострѣльнымъ орудіемъ..... Я стоялъ, какъ комендантъ крѣпости, съ малочисленнымъ, но рѣшительнымъ гарнизомъ, при одинокой пушкѣ...

Я поглядѣлъ искоса на замѣченныхъ мною тутъ и тамъ въ толпѣ кликушъ, не оказывая имъ явно никакого вниманія, и замѣтилъ, что онѣ были въ какомъ-то тревожномъ смущеніи, не подходили съ прочими для распросовъ,

а оставались на своихъ мѣстахъ, косясь исподлобья на веселую, крикливую толпу и распрашивая шопотомъ сосѣдокъ своихъ о томъ, что управляющій говорилъ и что тамъ дѣялось. Окончательно я еще разъ обратился къ бабамъ, взявъ самъ въ руки роковой снарядъ, и сказалъ: бояться тутъ нечего, тетки, и вы не бойтесь и не пугайтесь; вамъ добра желаютъ, а не худа, все это дѣлается къ добру. Двѣ или три трубки этихъ, и всего-то съ небольшимъ полведра воды, тутъ еще, кажись, страшнаго нѣтъ ничего. Графъ пишетъ, что если кликуша очень тяжело испорчена, то дѣлаютъ трубку еще больше этой, одну вполведра... Общій крикъ ужаса заглушилъ слова мои; бабы всполошились пуще прежняго, смѣхъ и горе заговорили повсемѣстно громкими, нестройными голосами... Скажите спасибо намъ съ цырульникомъ Осипомъ, продолжалъ я, лекарь не спрашивается у больнаго, а больной спрашивается у лекаря; а какъ дастъ Богъ здоровье, тогда всякая спасибо скажетъ. Графъ строго приказалъ мнѣ лечить всѣхъ кликушъ по этому способу; больница съ рѣшетками готова, и цырульникъ съ приборомъ, и сторожа съ полотенцами, чтобы осторожно связать и успокоить бѣдную больную, коли очень будетъ биться. Передавъ роковой снарядъ въ больницу и приказавъ еще разъ, чтобы носилки были заутро на погостѣ, я ушелъ домой.

Когда бабы кончили уроки свои, то лучшимъ пряхамъ роздали подарки, всѣхъ накормили и распустили по домамъ. Шумно и весело пестрая толпа пошла со двора; крикъ, визгъ, смѣхъ слышался еще долго, покуда бабы мои не разсыпались всѣ врознь по своимъ избамъ. Весь вечеръ только и было толковъ по деревнѣ, что о неслыханномъ позорѣ, который завтра ожидаетъ бѣдныхъ кликушъ; а когда на утро заблаговѣстили къ обѣднѣ, то все село, и старъ и малъ, спѣшили въ церковь, ожидая съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ развязки этого дѣла. Ребятишки и дѣвченки съ утра уже толпились за угломъ у барска-

го двора, заглядывая украдкой въ ворота и черезъ заборъ, и всматриваясь въ больницу, чтобы видѣть, не дѣется ли тамъ какихъ чудесъ. На всякій случай я принялъ мѣры, чтобы кликуши мои всѣ, сколько ихъ состояло по списку, были въ церкви; самъ я отправился туда же; на погостѣ стояла уже пара носилокъ съ рабочими.

Подивитесь же моему дивному снадобью и неслыханному симпатическому дѣйствію его: вся обѣдня кончилась спокойно и благополучно, и ни съ одной кликушей не было припадка. Народъ, какъ будто сталъ догадываться, что дѣло это не совсѣмъ чисто, и общая молва начала клониться противъ кликушъ и на пользу моего снадобья. Нѣсколько воскресныхъ и праздничныхъ дней сряду продолжалъ я еще принимать тѣже мѣры предосторожности, безъ шуму, безъ упрековъ, безъ угрозъ, даже безъ всякихъ излишнихъ разсужденій, предоставляя крестьянамъ самимъ догадываться о причинѣ скромности кликушъ нашихъ и дѣлать какія угодно заключенія; я поддерживалъ съ осторожностію мнѣніе, что вѣроятно колдуны убоялись трясучаго озноба, который бы долженъ одолѣть ихъ отъ припасеннаго на кликушъ снадобья, и поспѣшили снять порчу. И въ слѣдующіе затѣмъ воскресные дни все прошло равно спокойно — вотъ каково удачно пріисканное лекарство! Съ этого времени кликуши перевелись у насъ, во всемъ имѣніи графа, перевелись на все время моего пребыванія и болѣе ихъ не появлялось тамъ ни одной. Бабы сами не могли надивиться моему знахарству.

Ко всему этому остается прибавить только одно: то, что я теперь разсказывалъ, не сказка, а быль. Я бы очень желалъ, чтобы средство это было испытано другими.

XII.

БРЕДЪ.

—

Усталый, изнеможенный воротился я съ прекраснаго, великолѣпнаго бала. Заря занималась; Божій міръ, послѣ законнаго отдыха, собирался отряхнуть студеную росу съ вѣкъ своихъ и оживалъ для дѣла, для труда и работы; думаю, что въ окрестныхъ селахъ босыя ноги уже спускались съ полатей, кутниковъ, кониковъ, голбцевъ, лавокъ и печей; что гласная позѣвота и тихая утренняя молитва просыпались, и что тутъ и тамъ костистые кулаки съ просонья старались попасть въ рукава зипуна и сермяги. А я, съ одурѣвшею головою, въ полупамятномъ состояніи, ѣхалъ домой, покончивъ ночь восхитительною пляской.

Мнѣ, конечно, было не до работы; чуть только не ползкомъ добрался я до логовища своего—какъ и что съ меня стянули, этого теперь не помню, хотя я право былъ не хмѣленъ, по крайней мѣрѣ не отъ вина: — затѣмъ, все пошло бродить вокругъ меня толчеей, а я лежалъ въ усладѣ, но не могъ пошевелить и мизинцемъ.

Отъ глупой головы и ногамъ-рукамъ житья нѣтъ, подумалъ я, или не подумалъ, я думать не могъ въ это время, а навѣялась откуда-то такая думка: а почему же никто не

скажетъ, что отъ глупыхъ ногъ головѣ нѣтъ угомону?— Вотъ, ночь на пролетъ ноги мои все писали городки да разводы по паркету — и ужъ какъ писали! — а теперь, какъ будто голова не своя; чего не своя, да я незнаю, на плечахъ ли она у меня? Вотъ пощупалъ бы — да не могу и пальца пошевелить, не только поднять руку.... А балъ великолѣпный — и что прелестей — вотъ тянутся вереницей, летомъ, летомъ.... бѣленькая, розовенькая, бѣленькая, голубенькая, еще розовенькая.... и все это кружится, вьется, несется.... что-то мутно становится и темно.... все это, конечно, одна оболочка, однѣ будущія выползины.... а что съ нихъ, этого не видно; чужая душа — потемки; все это, конечно, подготовлено не на вѣкъ, потому что день нашъ,— вѣкъ нашъ, а что тамъ будетъ — этого никто не знаетъ, никто не видалъ....

Что за неумѣстное воображеніе! Кстати ли теперь поминать вѣчность, когда тѣшимся насущимъ....

Болѣе я ничего не помню; продолжалъ ли я бредить на яву, уснулъ ли я и видѣлъ сонъ, и отчего такой странный, дикообразный — ничего не знаю. Попалъ я куда-то, только не на балъ, а будто на похороны, да знать не наши, обряды были не тѣ, а неизвѣстнаго мнѣ народа; одежда будто наша, да насмѣхъ перелицована и перекроена; фраки были на людяхъ куцые а поддѣвки или жилеты съ хвостами, и увѣряли меня всѣ въ голосъ, что это-де и пригожѣе, да и приличнѣе; въ зубахъ, каждый изъ нихъ съ какою-то ужимкою держалъ *цивилизацію*, такъ назывался у нихъ снарядецъ, на которомъ установлено было какое-то стеклышко въ оправѣ, черезъ которое они другъ на друга глядѣли. Наконецъ всѣ окружили покойника, и одинъ сталъ говорить рѣчь. Рѣчью этою я былъ смущенъ и пораженъ до того, что не могу этого высказать: онъ говорилъ одну только похвалу покойнику, говорилъ такъ красно и убѣдительно, какъ у насъ никто говорить не умѣетъ, а между тѣмъ, изъ-за этой хвалебной рѣчи, я слышалъ очень ясно и отчетисто,

другую рѣчь, которая даже какъ будто заглушала и вовсе устраняла первую. Мнѣ казалось, будто всѣ прочіе слышатъ только первую и очень довольны ею, очень тронуты: а я, какъ пришедшій со стороны, слышу и понимаю совсѣмъ иное. Странно, что именно эта двойниковая рѣчь, вторая, врѣзалась въ бреду этомъ въ память мою отъ слова до слова, тогда какъ первая, похвала заслугамъ, достоинствамъ и качествамъ покойника, осталась въ памяти моей только въ самыхъ общихъ чертахъ, по смыслу ея; но я слышалъ и понималъ обѣ. Вотъ вторая, довольно дикая и странная, какъ она была мною тогда же записана:

Послѣдній бенефисъ или скоморохъ раскланивается.

Передъ нами, отцы и братья, лежитъ человѣкъ, нѣтъ, не человѣкъ, трупъ; но и это звучитъ грубо, развѣ прибавить бездыханный; обычно называютъ его также бренными останками, прахомъ, какъ зовутъ и прасола, кулака дармоѣда. Но это только случайное созвучіе, не идущее къ дѣлу.

И такъ, передъ нами лежатъ бренные останки, прахъ. Но что же это такое? Что значитъ: трупъ, прахъ, останки, да еще и бренные? — Помню, что нѣкто называлъ такъ истасканную одежду свою, ошурки, обноски, отопки, никуда негодные пожитки, зовомые также хламомъ, буторомъ, даже шарабарой.

И вправду, истасканная одежда, обноски съ отопками, вотъ что лежитъ теперь передъ нами. Какъ изношено, такъ и сложено, все въ цѣлости. Портной назвалъ бы вещь эту полною парой, служащій мундиромъ, иной халатомъ, а крестьянинъ тяжелкомъ, какъ зоветъ онъ рабочій заплатанный зипунъ свой; а бояринъ не зналъ бы какъ и назвать его, до того облаченіе его разнообразно и сложно. Между тѣмъ, если бы передъ нами лежали въ растяжку и обноски такого боярина, спрашиваю васъ, куда бы намъ теперь съ ними дѣваться? Вчера еще облаченію этому не было цѣны — а нынѣ,

взгляните на него, не чуждайтесь своихъ обносковъ;—а нынѣ, что оно?—ветошь эта до того истаскана, что послѣднiй нищiй не приметъ ее въ подаянiе; какъ ни величай ее, а она никуда не годна, развѣ только годна къ тому, чтобы поплакать надъ нею и помянуть путемъ, по заслугамъ, того, кто эту пару, этотъ тяжелко на себѣ износилъ, кто истаскалъ его до ветоши.

Тяжелко — эта кличка мнѣ какъ-то по праву — тяжело изношенъ и сброшенъ. Да, кому не тяжело износить такую плотную, добротную вещь до тла; кому не тяжело промаяться и протолкаться съ нею до конца, въ этой суетѣ и суматохѣ, въ этой тѣснотѣ и давкѣ, гдѣ нельзя шагнуть впередъ, не осадивъ сосѣда локтемъ назадъ; гдѣ нельзя приподняться, не взмостившись другъ на друга, а между тѣмъ надо дѣлать это ловко, осторожно, искусно, надо убѣдить всѣхъ стоящихъ поодаль зрителей, что паришь самъ собою на воздухѣ; вспомните, что тяжелко этотъ изношенъ въ обществѣ нашемъ, между нами, гдѣ вся задача условнаго быта заключается въ удачномъ сочетанiи лисьяго хвоста съ волчьимъ зубомъ, тогда какъ Создатель нашъ не далъ человѣку ни того, ни другаго, а прiобрѣтается это только долгимъ, маятнымъ трудомъ. Воздадимъ же достойное достойному; устранимъ всякую лесть, но и всякую зависть; онъ уже не станетъ болѣе, ни осаживать кого либо изъ насъ локтями, ни взмащиваться на сутулыя плеча наши — онъ выбрался на чистую дорогу, куда бы она ни привела его, а намъ покинулъ память по себѣ, да тяжелко свой, непригодный болѣе ни ему, ни намъ.

Покойникъ, какъ принято называть того, кто истаскалъ тяжелко свой въ прахъ, покойникъ воспитывался тамъ и тамъ, въ такомъ-то заведенiи, или дома; все равно. Изъ одного этого вы видите, какiе достойные, рѣдкiе люди были воспитатели его, какое примѣрное образованiе ему предстояло. Учить, обучать, значитъ передавать свѣдѣнiя, познанiя, пересыпая ихъ устно и чрезъ пропускную печатную бумагу

въ память ученика; воспитывать, значитъ передавать правила и пріемы, какъ донашивать свой тяжелко и какъ его въ свою пору съ себя сбросить. Первое ученье, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, необходимо, чтобы съумѣть дать отвѣтъ во время испытаній; второе жъ, умѣнье носить кафтанишко свой лицемъ наружу, а ничкой въ себя, еще нужнѣе, потому что ходить по бѣлу свѣту въ вывороченномъ на изнанку кафтанѣ, нельзя. Посему покойникъ и навыкалъ, какъ словесная тварь, къ словесной рѣчи — это лице кафтана — а какъ разумная тварь, къ различенію слова отъ *дѣла*, или, что одно и тоже, чувствъ и мыслей отъ слова; это ничка, изнанка, которую всякъ бережетъ про себя. Но, говоря одно, а думая и дѣлая другое, онъ изрѣдка только выказывалъ свой волчій зубъ, успѣшно замѣняя его лисьимъ хвостомъ, что и служитъ признакомъ и ручательствомъ надежнаго воспитанія. Вы конечно поняли, любознательные слушатели, что это одно только обычное иносказаніе: что зуба, въ прямомъ смыслѣ, хвостомъ не замѣнишь, и что подъ этою картиною, для большей наглядности и назидательности, разумѣется умѣнье, навыкъ или снаровка носить тяжелко свой лицомъ наружу, сгибаясь и кутаясь имъ такъ, чтобы ничего не сквозило. Какъ острый, даровитый мальчикъ, покойникъ, съ самой молодости своей, скоро понялъ всю суть и сполна ее себѣ усвоилъ.

Но вы спросите: гдѣ же и кто этому учитъ? Никто, конечно, и нигдѣ. Напротивъ, воспитатели покойника твердили ему на словахъ и въ поученіяхъ всегда противное, то есть, приказывали быть правдивымъ, честнымъ, прямымъ, даже добродѣтельнымъ; да вотъ бѣда, — отъ слова не сбудется, крикомъ изба рубится; поле и всего-то въ одинъ переклинъ, да не перейдешь самъ, такъ и не будешь тамъ, хошь кричи, не кричи. Покойникъ же слѣдовалъ наставникамъ своимъ всегда и во всемъ, доколѣ ходилъ между нами въ тяжелкѣ своемъ, то есть, онъ всегда хвалилъ одну правду и всѣмъ наказывалъ любить ее; но онъ не путалъ слова и

дѣла, и различая одно отъ другаго, какъ привыкъ видѣть съизмалу, говорилъ всегда, что должно, а дѣлалъ, что было нужно.

Такимъ образомъ онъ, при самомъ вступленіи своемъ на поприще свѣта и людей, зная, что душа человѣка потемки, что она не зрима ни для кого, не безуспѣшно старался иногда быть угоднымъ хотя внѣшними пріемами своими, особенно жъ людямъ, отъ коихъ мірская участь его могла зависѣть. Изъ всего этого сдѣлается понятнымъ, что онъ, глядя, напримѣръ, на *кривое*, не смигивая глазомъ, могъ вымолвить самымъ убѣдительнымъ голосомъ: *прямо*; а еще краснорѣчивѣе могъ онъ написать, доказать и подписать это. Глядя на *прямое*, онъ также легко и свободно передѣлывалъ его въ *кривое*, утѣшая въ то же время слушателей своихъ прекраснымъ словомъ или поученіемъ о правдѣ и чести, а зрителей — самыми пріятными и мягкими пріемами. Словомъ, лице и изнанка, верхъ и ничка, правша и пакша, занимали у него каждое свое мѣсто, и онъ умѣлъ, какъ слѣдуетъ, отличать одно отъ другаго и выказывать наружу, что должно, а думать и дѣлать, что нужно.

Если вамъ случалось бывать на народныхъ зрѣлищахъ нашихъ, гдѣ все творится передъ вами на хитро-устроенныхъ подмосткахъ, съ легкимъ покатомъ впередъ, съ провалами, съ подъемами и другими замысловатыми приспособленіями; если вы тѣшились искусными лицедѣями, изъ коихъ каждый выходилъ къ намъ на показъ въ своемъ тяжелкѣ, въ своемъ рабочемъ кафтанишкѣ, стараясь угодить на васъ и руками, и ногами, и голосомъ, — то вы конечно не отказывали имъ въ лептѣ своей, когда сборъ шелъ на пользу того, либо другаго, когда давался такъ называемый *бенефисъ*; а посему и польза этого умѣнья не подлежитъ спору, ни даже сомнѣнію: она очевидна.

Обратимся же въ послѣдній къ лежащему передъ нами тяжелку, или къ отшедшему въ вѣчность хозяину его, къ тому, кто его истаскалъ: и онъ вѣкъ свой не сходилъ съ

помосту, и если только бывали зрители или слушатели; живописалъ собою все, что шло къ дѣлу и къ мѣсту. Прибавимъ, что все представленіе это, на сколько оно продлилось, было сверхъ того именно тѣмъ, что называютъ *бенефисомъ;* сборъ шелъ на пользу хозяина. Спрашиваемъ, много ли бы онъ пріобрѣлъ, если бы выходилъ всегда на помостъ въ одномъ безсмѣнномъ зипунишкѣ своемъ, казалъ бы верхъ и подбой его, лицо и изнанку, казалъ бы и себя самого, каковъ есть — что бы онъ взялъ этимъ, кому угодилъ, кого удивилъ?

Но тяжелко истасканъ, выдти и показаться въ люди не въ чемъ; не взыщите, хозяинъ скрылся. Обычно приговариваютъ при этомъ: *миръ праху твоему*: и мы скажемъ: праху миръ; его никто болѣе не станетъ таскать по помостамъ; ему миръ и покой. Сдать его на вѣчныя времена въ платяную, поколѣ его моль и тля не изведутъ въ конецъ. Остатки та же моль разнесетъ на пыльныхъ лапочкахъ своихъ, а вѣтры развѣютъ по туку, вмѣстѣ съ самою молью.

А чтожъ хозяинъ его?— У бѣднаго хозяина теперь нѣтъ ни пары, ни мундира, ни жилета съ хвостами, ни даже тяжелка; ему выдти и показаться въ люди не въ чемъ. Онъ теперь ходитъ—а быть можетъ и сидитъ гдѣ нибудь—какъ есть, по себѣ, безо всего; онъ весь сквозитъ, обогнуться и выхорошиться нечѣмъ.

....

Очнувшись, я съ трудомъ опомнился отъ безсмысленнаго бреда и подумалъ: Что за чепуха иную пору въ голову лѣзетъ! Ладно еще когда знаешь, что это бредъ, чепуха; ну а какъ она одолѣетъ тебя, что и не опознаешься, а подумаешь быль?—Вотъ и спятишь съ ума. Да, человѣкъ не скотина, испортить его не долго.

XIII.

РОГАТИНА.

—

Въ тѣсной избѣ, загроможденной двумя ткацкими станами и двумя зыбками на очепахъ, горѣла яркая лучина. Свѣтецъ былъ поставленъ на приступокъ голбца, а рядомъ со свѣтцомъ, для поправки лучинъ и присмотру за ними, сидѣлъ старикъ съ порядочною лысиной и внукъ его, парнишко бороноволокъ. Двѣ молодыя ткачихи работали усердно и заглушали стукомъ и скрипомъ бесѣду старика. Мальчикъ прислушивался и по временамъ доспрашивался крикливымъ голосомъ недослышаннаго; дѣдушка же отвѣчалъ ему спокойно, своимъ голосомъ, и со стороны только по движенію губъ и головы замѣтно было, что онъ бесѣдуетъ. Кто-то постучался въ окно и громко спросилъ: дѣдушка Гарасимъ дома? — Дома, что надо? обозвалась одна изъ ткачихъ, не останавливая работы, и вскорѣ вошелъ въ избу молодой парень въ тулубѣ въ накидку, торопливо перекрестился, поздоровался и, оглядѣвшись съ какою-то осторожностію, подсѣлъ къ старику. Дѣдушка, сказалъ онъ, нагнувшись къ нему на ухо, Макаръ босаго лѣсника обложилъ! — Врешь? — Ей, право; ѣздилъ нынѣ по дрова, да подмѣтивъ его намедни, нынѣ и высмотрѣлъ, вотъ что! — А что жъ онъ высмотрѣлъ-то? — Какъ что, вотъ онъ чай сей

часъ самъ будетъ, только лошадь отпрягаетъ, а я и прибѣжалъ къ тебѣ напередъ!—Такъ неужто босой, сказалъ старикъ, глядя въ лицо вѣстнику, и расхохотался самымъ радушнымъ смѣхомъ: а какъ баба въ лаптяхъ прошла?— Ну вотъ, небось Макарка не знаетъ! Говорю притоманно; пойдемъ что ли утре?

Дѣдушка Герасимъ видимо ожилъ. Небольшіе сѣрые глаза его искрились при огнѣ лучины, какъ глаза сѣраго кота въ печуркѣ. Босой, проговорилъ онъ улыбаясь, вотъ подождемъ Макара. На это отвѣтили шаги въ сѣняхъ, и Макаръ вошелъ безъ докладу, перекрестился, поклонился и также тотчасъ обратился къ дѣдушкѣ Гарасиму. Что, ужъ Сенька тута! вишь пострѣлъ, а говорилъ вѣдь я, погоди-молъ, пойдемъ вмѣстѣ. Ну что, дядя, идемъ что-ли?

Макаръ самъ былъ уже человѣкъ, коли не пожилыхъ, такъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ середовой, и потому чествовалъ Гарасима не дѣдомъ, а дядей. Укоривъ Сеньку за поспѣшность, онъ и самъ однако повидимому не любилъ откладывать подобныхъ дѣлъ, потому что прибѣжалъ къ Гарасиму съ обледенѣлыми усами и бородой, какъ пріѣхалъ изъ лѣсу, стало быть, даже не поѣвши. Дѣдушка взглянулъ исподлобья на ткачихъ, какъ будто не желая, чтобы бесѣда эта дошла до нихъ, между тѣмъ какъ внукъ его разинулъ ротъ и прислушивался къ каждому слову.

— Гляди, дѣло ли говоришь? сказалъ онъ Макару.

— Чего не дѣло, отвѣчалъ тотъ, также глянувъ украдкою на бабъ и оборотившись къ нимъ спиною, чего не дѣло, слушай — и самъ присѣлъ на корточки передъ старикомъ. Намедни ѣздилъ я по дрова — вотъ въ суботу двѣ недѣли будетъ — такъ за каменнымъ бродкомъ, въ гору, на Кривушу, напалъ на слѣдъ: вижу, бродилъ косматый; я и подумалъ, ну ужъ броди не броди, а лучше этого лому да дрязгу, на Кривушѣ то есть, не найдешь, быть тебѣ тутъ. Однако, думаю, еще рано, чай путемъ не улегся, не облежался. Вотъ я, куда ни шли дрова мои, поѣхалъ покру-

жить; объѣхалъ межевой просѣкой, кругомъ да оврагомъ опять и выѣхалъ на бродокъ; не прошелъ нигдѣ, вотъ-те порука не прошелъ. Нынѣ я и поѣхалъ опять, да ужъ прямо туда, лошадку привязалъ въ лѣсу и обошелъ, закружилъ его вовсе, тута, да и полно.— А босой прошелъ, спросилъ опять старикъ расхохотавшись, аль въ лаптяхъ? — Толкуй еще, продолжалъ Макаръ, вытаскивая пятерней сосульку изъ бороды, тебѣ дѣло говорятъ, пойдемъ, что-ли? — Ну что жъ, пойдемъ, отвѣчалъ Гарасимъ, съ Богомъ; я припасу дровнишки свои, а чубарый у меня дома. Ты припряжешь что ль, куцаго своего, Сеня? — Припрягу! — Ну ладно, приводи же съ постромками, да съ привожжекомъ, а я припасу вѣшку, излажу пристяжку.

Дѣдушка, и меня возьмите, заревѣлъ звонкимъ голосомъ парнишко, который смѣтилъ уже, о чемъ идетъ рѣчь. — Молчи, дуракъ, сказалъ старикъ глухо, мать услышитъ, не пуститъ. Чѣмъ свѣтъ приходите; вотъ, пожалуй, Ванюшку возьмемъ къ лошадямъ; чай лыжъ не надо? — Не надо, отвѣчалъ Макаръ, мало снѣгу совсѣмъ, ходить гоже: да и близко такъ; что тутъ, много ль отъ бродка до Кривуши будетъ? не сколько! — Ну, продолжалъ старикъ, голосомъ будто бесѣдуетъ о пустякахъ, убѣдившись еще взглядомъ на ткачихъ, что онѣ заняты своимъ дѣломъ и поколачиваютъ бердами въ запуски, — ну, такъ съ Богомъ, да не болтайте насторону, не годится.

Макаръ съ Семеномъ ушли, дѣдушка Гарасимъ погрозился молчкомъ на Ванюшку, и тотъ, счастливый и довольный, все еще лѣзъ по временамъ объясняться и шептаться съ дѣдушкой о завтрешнемъ днѣ, покуда мать его не угнала на полати. Старикъ вышелъ въ сѣни, сталъ шарить въ потьмахъ руками вдоль стѣнки въ самомъ верху, подъ накатомъ, и нащупавъ какую-то вещь, заткнутую тамъ въ щель, вытащилъ ее и внесъ незамѣтно въ избу. Это была рогатина. Поглядѣвъ на нее при лучинѣ, онъ досталъ брусокъ, которымъ точатъ косы, и принялся, поплевывая, пра-

вить ржавое и загрублое лезвее. Рогатина у дѣдушки Герасима, какъ у знаменитаго медвѣжатника, была, въ сравненіи со сверстниками, знатная: длиною, съ трубкою, четверти въ три, шириною перста въ три и добрѣ наварена сталью. Такая рогатина была на диво прочимъ; многіе ходили на медвѣдя съ плохимъ копьемъ, какимъ съ трудомъ только можно было прободнуть толстую шкуру звѣря, да и то потому только, что онъ съ дуру самъ напираетъ. Направивъ немного оружіе свое, дѣдушка вынесъ его опять и сунулъ въ то же мѣсто; потомъ досталъ изъ–подъ лавки топоръ, да еще большой ножъ, заткнутый подъ полатями. Все это онъ вынесъ туда же, въ сѣни, къ одному мѣсту. Сборы эти прошли благополучно и повидимому не были замѣчены ткачихами; но когда старикъ досталъ съ полавочника котомку свою и сталъ открашвать себѣ хлѣбца, то одна изъ нихъ спросила: куда, батюшка, собираешься! — По дрова надо съѣздить, сношенька, отвѣчалъ онъ спокойно и продолжалъ свое дѣло. Пора бы и ужинать собирать, сказалъ онъ, и сноха встала изъ-за стана. Вскорѣ лучина въ избѣ этой погасла, станы замолкли, все уснуло мертвымъ сномъ.

Ни свѣтъ ни заря, опять Сенька первый постучался въ окно этой же избы. Гарасимъ спалъ такъ, какъ дай Богъ почивать и намъ съ вами, даже когда мы и не собираемся на медвѣдя. Длительный стукъ повторился до нѣсколькихъ разъ, невѣстка первая проснулась, опросила посѣтителя и услышавъ, что это Семенъ, и что онъ собирается съ дѣдушкой по дрова, разбудила старика. Семенъ уже привелъ и куцаго своего; вскорѣ пришелъ и Макаръ; подняли Ванюшку, который вскочилъ бодрѣе обычнаго и былъ отпущенъ матерью безпрекословно, на помощь дѣду, по дрова. Лошадокъ заложили, позавтракали, помолились нѣсколько усерднѣе обыкновеннаго и поѣхали.

Только когда выѣхали за село, Гарасимъ сталъ допрашивать товарищей, все ли у нихъ взято съ собой, что нужно. Оказалось, что у каждаго изъ нихъ было по рога-

тинѣ, хоть и плохой, у одного ножъ или засапожникъ, у другаго топоришко. Дѣдушка пожурилъ ихъ немного, объявивъ, что запасъ бѣды не чинитъ, и что каждому безпремѣнно слѣдовало взять по ножу и по топору. Не равенъ часъ; ино такъ насядетъ на тебя босой-то, что и ножа не успѣешь выхватить. Онъ вишь радъ всякому человѣку, знай только обниматься лѣзетъ. Вѣдь и онъ, сказываютъ, былъ человѣкомъ, да оборочена ихъ въ медвѣдей цѣлая деревня, старикомъ какимъ-то, за то, что не приняли его, никто не пустилъ ночевать.

— А тебѣ, дѣдушка Гарасимъ, доводилось пороть его ножемъ, спросилъ бойкій Сенька.

— Довелось разокъ. Ходилъ я въ тѣ поры съ отцомъ Макара, царство ему небесное, ходилъ не съ рогатиной, а съ ружьемъ. Обошли мы его ладно и высмотрѣли, а снѣгъ ужъ лежалъ въ поясъ, такъ мы по насту, на лыжахъ. Вотъ мы къ нему, отецъ твой по правѣе, а я эдакъ; собаченка была у меня, такъ, косматенькая, какъ кинется подъ колоду, какъ взлаетъ — и, что́ твои колокольчики, такъ и залилась. А онъ, какъ рявкнетъ, да какъ прянетъ изъ-за колоды — такъ вотъ и отуманило, словно снѣжище передъ тобою столбомъ сталъ, сыра-земля растворилась. Тутъ дохнуть не далъ ему отецъ твой, — приложился, хлопъ — переняло его поперегъ костей жеребьемъ, словно рожномъ подъ бока; онъ тебѣ свинкой прямо такъ и ринулся на него, и на дыбы не взялся, да мимо меня, въ право; я приложился, да въ этотъ бокъ ему, подъ лопатку пустилъ пулю — только я и видѣлъ свѣтъ; кто у меня ружьишко выбилъ изъ рукъ, кто подъ себя сломалъ обнявши — ничего не знаю. Вотъ когда онъ и выручилъ меня, неизмѣнный другъ, ножъ на поясу; поколѣ я сказываю это, такъ бы ужъ давно онъ съ меня всю нахлобучку до самыхъ мозговъ стянулъ, выхватилъ я ножъ-отъ, да прямо угодилъ подъ душу ему, и шаркнулъ внизъ — такъ у него возъ возомъ всѣ потроха и вывалились наружу. Тутъ спасибо и товарищъ подоспѣлъ а не выдавалъ онъ таки николи — я и

свалилъ его съ плечъ вывернувшись изъ-подъ него, и перекрестился.

А ружья-то, чтожъ ты не взялъ теперя, дѣдушка?

— Ну, его, не годится оно, обманетъ. Ты вишь вотъ и угодилъ, кажись, ладно, какъ разъ подъ лопатку, а онъ на дыбы, да поди-ка, говоритъ сюда, поразвѣдаемся. Нѣтъ ружье супротивъ рогатины ничего не стоитъ. Рогатина любезное дѣло. А ино еще и того хуже обманетъ, осѣчку дастъ, вотъ и пропалъ. Вотъ годовъ тому съ 15 будетъ, выгоняли насъ облавой на разбойниковъ, завелись было проклятые по ту сторону Кривуши, шалили и грабили народъ по дорогамъ. Вотъ и выгнали много народу — а былъ наслухъ, что держатся они временемъ въ зимницѣ, гдѣ въ былое время живали лѣсники, да бѣглые раскольники — и выгнали слышь; кто съ дубьемъ, кто съ топоромъ, а у кого ружье есть, приказано было ружья брать безпремѣнно, и пороху самъ исправникъ раздавалъ: не жалѣй, говоритъ, клади зарядъ полный, какъ слѣдуетъ. Вотъ идемъ лѣсомъ, идемъ, и боимся; ладно кабы ихъ мошенниковъ приказали закопать тутъ же: что дѣлать, взялъ бы грѣхъ на душу, да и дѣлу конецъ; а то вѣдь бѣда — ловить велятъ, тамъ учнутъ семь лѣтъ судить, да по всѣмъ острогамъ таскать, да всѣ наговоры отъ него принимать, съ кѣмъ-де знался, у кого ночевывалъ — извѣстно, кого хочетъ, того и губитъ, а кто позажиточнѣе, того и втянутъ туда съ головою; да еще того гляди, уйдетъ, такъ ужъ это первое дѣло, что сожжетъ все село. Ну, такъ вотъ и прошли мы облавой до самой глуши, до зимницы; можетъ статься, и встрѣтилъ кто прохожаго съ кистенемъ; такъ чай самъ посторонился и глазъ на него не подымалъ, чтобъ и не видать; страшно вѣдь, сожжетъ, ему это ни по чемъ. Однако дошли до зимницы; глядь, анъ изъ окна торчитъ ружье. Не подходи, православные, кричитъ онъ оттуда, убью; проходи своей дорогой. Вотъ я и выхватилъ на скоро ружьишко свое — а я зарокъ положилъ, чтобъ для нихъ для мошенниковъ ду-

шой не кривить, будь власть Господня, и покрылъ зарокъ молитвой—выхватилъ, приложился, чикъ—осѣчка! Онъ свое прямо на меня уставилъ дуломъ изъ окна-то-чикъ, осѣчка и у него! опять я въ него—осѣчка! опять онъ въ меня—осѣчка! Ему мошеннику все лучше, за косякъ хоронится, а я-то весь передъ нимъ тутъ, какъ листъ передъ травой. Опять я потру, потру ногтемъ кремень, опять взведу курокъ—нѣтъ, не беретъ; явственно, что Господь милостивый хранилъ меня отъ него, отъ душегубца, потому что и онъ то и дѣло чикаетъ оттуда, да не даетъ Богъ стрѣльбы. Тутъ отколь ни возьмись Антипка подскочилъ, сынъ, что теперя въ извозѣ; давай, говоритъ, бачка, давай мнѣ ружье, я на счастье попытаюсь.—Поди-молъ ты, молокососъ, отойди прочь, убьетъ онъ тебя, съ этого мѣста не спуститъ. Вотъ я еще перекрестился, приложился, да какъ только выставилъ онъ ружье въ оконце, а самъ сталъ опять таки ублажать православныхъ острасткой, чтобъ проходили мимо, такъ я и хватилъ его въ окно жеребьями;—у него опять осѣчка, а у меня-то выстрѣлило. Гляжу; а у него у душегубца и ружье изъ рукъ вывалилось. Ну, слава тебѣ Господи! тутъ кинулись всѣ, стали было высаживать двери, а мы съ сыномъ въ окно вскочили, ужъ не страшно стало, и поймали его, съ перебитымъ плечомъ; одинъ только тутъ и былъ.... Нѣтъ, на ружье не надѣйся, на Бога надѣйся, да рогатину, а ружью не вѣрь, ружье обманетъ. Тетерьку стрѣлять станешь, оно п нешто и выпалитъ; а вотъ босаго-то станешь на себя принимать, оно тутъ тебя и выдастъ. На рогатину нѣтъ заговора, только упирай ее крѣпче комлемъ, да управляй желѣзомъ куда слѣдуетъ.

Пора слѣзать дядя Гарасимъ; сказалъ Макаръ, вотъ на право недалечко слѣдъ осмотрѣть надо, коимъ до берлоги прошелъ; хоть и засыпанъ, а знать еще хорошо. Остановились и прошли къ слѣду. Увидавъ его, старикъ снялъ шапку, перекрестился на востокъ солнца, а прочіе за нимъ тожъ: потомъ стали они кланяться другъ дргу и просить

прощенія, какъ бы прощаясь на вѣкъ: простите меня грѣшнаго, православные, Христа-ради простите. Наконецъ Гарасимъ досталъ ножъ свой, отошелъ въ сторону, срѣзалъ прутъ вилочкой, заострилъ концы, нагнувшись пошепталъ что-то, воткнулъ вилочку въ одинъ изъ слѣдовъ огромной медвѣжей лапищи, еще перекрестился и покончивъ дѣло это, скорыми шагами воротился къ товарищамъ. Всѣ трое пошли къ дровнямъ своимъ, сѣли и поѣхали! Что, приткнулъ? спросилъ Макаръ. — Приткнулъ; былъ бы тутъ только, такъ не уйдетъ.

А который это будетъ, сказалъ Гарасимъ, тотъ ли, что навѣдывался лѣтомъ къ Воротиловскимъ, аль что корову задралъ на ключахъ? — Этотъ будетъ, отвѣчалъ Макаръ, тотъ не великъ, овсяникъ надо быть; а этотъ, видѣлъ, даромъ что босой, ровно мужикъ въ лаптяхъ прошелъ.

Проѣхавъ еще лѣсомъ сколько можно было, охотники наши остановились; тутъ за хламомъ, буреломомъ и валежникомъ разныхъ именованій никакой ѣзды не было. Оглянулись и вырубили каждый по сосенкѣ, на ратовище, аршинъ въ пять, либо въ шесть. Тонко притесываешь, сказалъ Макаръ задорному новичку, Сенькѣ, который выходилъ на медвѣдя впервые. — Нельзя, дядя, у моей рогатины трубка неширокая. — Покажъ сюда? — Сенька досталъ рогатину свою изъ за пазухи, и оказалось, что это было старенькое шиповое долото, — Охъ ты курицына дочь, сказалъ Макаръ, ты съ чѣмъ это на медвѣдя идешь? — Ничего Богъ милостивъ, дядя молчи; это чѣмъ не ладно? это ладно будетъ совсѣмъ, вотъ только что трубка узенька.... Ну, смотри, продолжалъ Макаръ, приправляя свое ратовище, а не больно это ладно; этимъ дѣломъ шутить нечего, долото не рогатина. А ну ка, поищи, нѣтъ ли какого завалящаго гвоздка въ карманѣ? — На что, обозвался дѣдушка, который подошелъ на ту пору съ насаженной рогатиной, волоча ее за собою. А вотъ прибить бы гвоздочкомъ, чтобъ не соскочила, отвѣчалъ Макаръ, указывая пальцемъ на дырочку въ трубкѣ

своей рогатины, также ужъ приправленной.— Вотъ пустяки молвилъ старикъ, на что? вѣдь онъ не на себя потянетъ ее, а самъ на нее полѣзетъ; не падать, съ Богомъ. Ты гляди, Ванюха, стой тутъ, да неровно голосъ подадимъ, такъ обзывайся по зычнѣе.

Еще разъ перекрестились и пошли, держа рогатину подъ шейку и волоча ратовище за собою. Передки вези, а задокъ самъ ѣдетъ, съострилъ дѣдушка, когда Сенька сталъ оглядываться на слегу свою, которая моталась взадъ и впередъ промежъ кочекъ, сугробовъ, пней колодъ и цѣлыхъ засѣкъ валежнику. Дѣдушка, дѣдушка, закричалъ Ванюшка — тотъ оглянулся: пусти меня съ собою на медвѣдя–то! Макаръ съ Семеномъ захохотали, а дѣдушка только погрозился на Ванюху и молча продолжалъ путь.— Ну, сказалъ онъ, крикнувъ и переваливаясь бокомъ черезъ лежавшую въ–полчеловѣка колоду, вы братцы, послушайте меня: какъ подходить станемъ близко, то ты, Макаръ Тимофѣевичъ, пускай впередъ меня одного, съ жучкой, я принимать стану его, а вы слышь за мной, да готовьтесь подсаживать; не какъ долги больно ротовища у васъ, не сподручно поворачиваться будетъ, обрубили бы четверти на три; какъ приму я его сердешнаго, Богъ велитъ, то съ боковъ-то и подскакивайте, да угожайте повыше моего, въ саму грудь, въ сердце; ты пожалуста Макаръ по праву руку иди; Сенька парень хорошій, а все ему первинка еще; ты подсаживай его въ лѣвый бокъ, угожай прямо въ сердце. А засапожникъ свой, Макарушко, высвободи, череномъ наружу, не ровенъ часъ. Береженаго и Богъ бережетъ. А ты, Сеня, топоръ ощупай за поясомъ, чтобъ сподручно торчалъ. Жучка, жучка, сюда!

Такимъ образомъ тройка наша подвигалась впередъ, и трущоба все становилась гуще, лому навалено было болѣе. Мѣстами казалось, что нельзя и пройдти; но гдѣ охотникъ не перелѣзетъ! Въ Сибири говорятъ: гдѣ два оленя прошли, тамъ Тунгусу большая дорога; а наши лѣсники го-

ворятъ: гдѣ медвѣдь проломился, тамъ и человѣкъ не застрянетъ. Наконецъ Макаръ остановилъ рукою Герасима, и указывая впередъ, въ чащу сосняка, въ полголоса повторялъ: вотъ, вотъ, вотъ....

Дѣдушка Герасимъ выросъ на поларшина, будто его съ земли подняло; глазишки его загорѣлись, скулы сжались, дыханіе зачастило. Махнувъ товарищамъ своимъ рукою позадь себя, онъ сталъ не звучно посвистывать, подзывая собаку, а самъ тихими шагами шелъ впередъ, чутко прислушиваясь и зорко вглядываясь въ скученный передъ нимъ соснякъ. Двѣ сосны были выворочены до половины съ корнемъ и съ цѣлымъ пластомъ земли и лежали на крестъ, упершись сучьями въ сосѣднія деревья. Тутъ, тутъ, безпремѣнно тутъ, говорилъ шопотомъ съ натугой Макаръ, а Герасимъ все посвистывалъ. шагалъ все тише и осторожнѣе; нетерпѣливо осадивъ рукою выпятившуюся рогатину Семена со старымъ долотомъ. и не смигивая глазомъ, онъ тихо подавался впередъ. Вдругъ жучка залился отчаяннымъ визгливымъ лаемъ и въ тоже мгновеніе гора снѣгу, съ хворостомъ и хламомъ, встала въ десяти шагахъ передъ охотниками, и Семену показалось, что весь стоячій лѣсъ покачнулся, и земля подъ нимъ всколебалась.

Дѣдушка громко гикнулъ и продолжалъ кричать и травить жучку отчаяннымъ голосомъ, взмахивая лѣвою рукою — въ правой держалъ онъ рогатину, все еще вплоть у желѣзка; товарищи вторили ему, жучка войма заливался, будто кто теребилъ его за горло. Медвѣдь всталъ; застигнутый подъ вывороченными пластами какъ подъ крутой стѣною, озлобленный наглою привязчивостію жучки, онъ вздыбился съ мѣста и шелъ ревучи прямо на своихъ противниковъ. Герасимъ сдѣлалъ только шагъ впередъ, для послѣдняго вызова врага взмахомъ руки, потомъ быстро выдвинулъ рогатину не болѣе какъ на аршинъ впередъ себя, подхватилъ ее въ обѣ руки, и осаживая легонько ощупью въ нѣсколько пріемовъ, уперъ комлемъ твердо въ

снѣгъ и землю; босой уже протягивалъ лапы на дѣдушку, ихъ раздѣляла только аршинная длина выпущеннаго конца рогатины; Гарасимъ еще таки успѣлъ дать на него окрика, и въ тотъ же мигъ, подставивъ ему желѣзо подъ самую грудь, быстро сталъ перехватывать руками по рогатинѣ, упирая ее крѣпко въ землю и отступая по мѣрѣ того, какъ звѣрь на него насѣдалъ.

Мишка человѣкъ упрямый и своенравный; онъ не любитъ ни уступать, хотя самъ и не задоренъ, ни дать кому дорогу посторонившись, ни вообще уклоняться отъ какихъ либо препонъ и преградъ; онъ привыкъ всюду ломиться напрямикъ; сбивая съ ногъ и съ корня все, что́, не признавъ лѣснаго хозяина, само не даетъ ему вольнаго проходу. Встрѣчные сучья въ оглоблю толщины ломаетъ онъ боками, не замѣчая ихъ; но съ желѣзомъ онъ не знакомъ, и установки рогатины подъ угломъ и комлемъ подъ корень пня онъ не знаетъ. Отъ перочиннаго ножичка, который подставляютъ ему подъ названіемъ рогатины, было бы ему и стыдно и странно уклониться, тогда какъ уклончивость эта стоила бы каждому охотнику жизни, а его бы спасала отъ неминучей смерти; но онъ только лѣзетъ впередъ, сѣвъ грудью на остріе и стараясь прибрать къ рукамъ отступающаго передъ нимъ смѣльчака, онъ напираетъ самъ и напарывается все глубже и глубже. Рогатина сильно вздрагивала въ рукахъ Гарасима отъ толчковъ и порывовъ босаго ратника, и дѣдушка нажималъ ее къ землѣ изо всей силы. Подсаживай! закричалъ онъ голосомъ полузарѣзаннаго, когда желѣзо вошло уже на добрыхъ поларшина въ живое мясо, а лютый, неистовый ревъ звѣря сталъ переходить отъ густаго, медвѣжьяго баса, все выше и выше, въ болѣе острые звуки....

Дикими кабанами выскочили Макаръ съ Семеномъ изъ засады и съ разгону подняли заклятаго врага своего съ обѣихъ сторонъ на клыки. И шиповое долото сослужило службу свою не хуже двурѣзной, закаленной полосы Га-

расима. — Вали его, крикнулъ дѣдушка, напирая теперь своей рогатиной изо всей мочи впередъ; вали его, закричали подручники его, и медвѣдь осѣвъ сперва на карачки, рухнулся навзничъ, обливая бѣлый снѣгъ своею кровью, мыча протяжно и вяло отбиваясь лапами на воздухѣ....

Кто бы справился съ этою силою, будь она силою разсудительною! Не хитра выдумка подставить дураку роженъ, на который онъ самъ лѣзетъ и самъ валится, всею тяжестью неуклюжаго, огромнаго тѣла своего; а побѣждаетъ и эта хитрость!

Дѣдушка Герасимъ хотѣлъ было тотчасъ, перекрестясь, принимтаься за освѣживаніе звѣря, но Сенька, въ изступительномъ удовольствіи своемъ, сталъ упрашивать его, кланяясь въ ноги, чтобы везти босаго цѣликомъ на село. Подумавъ немного, Макаръ присталъ къ нему, и дѣдушка согласился. Изъ трехъ слегъ ратовищъ связали вязками наскоро волокушку, взвалили медвѣдя, подняли одни концы на плеча и потащили. Съ трудомъ доволокли его до дровней, гдѣ Ванюха больно соскучился одинъ, и отъ радости вмѣстѣ съ жучкой, задалъ выпляску на убитомъ медвѣдѣ.

— А ты гдѣ былъ, неслухъ эдакой, встрѣтила одна изъ ткачихъ Ванюху, когда первая радость встрѣчи и поживы миновалась. — Я съ дѣдушкой, затянулъ Ванюшка плаксиво, прячась за лошадь, около которой возился.... Вотъ погоди, съ дѣдушкой, продолжала бойкая молодая баба, погоди, пострѣлъ, я тебя, ужò: ужъ и ты никакъ у меня на медвѣдей повадился? Глупый, неразумный, издеретъ медвѣдь тебя, а вотъ отецъ съ извозу воротится, да съ меня спроситъ, а? Погоди!

— Да это, мама, не такой медвѣдь, не товó....

— Какой не такой! — Сказывай пострѣлъ, какой не такой?

— Да не такой это, вонъ вишь смирный....

— Ахъ ты, кашникъ постылый, смирный! Погоди, отецъ воротится, онъ тебѣ дастъ.

На эту острастку Ванюшка, понуривъ голову, скрытно улыбнулся, будто подумалъ: Ну, коли расправа до отца отложена, такъ ладно. Нынѣ, такъ бы страшно, а когда нибудь — ничего.

XIV.

НЕВѢСТА СЪ ПЛОЩАДИ.

—

Едва ли кто у насъ не слыхалъ о народномъ повѣрьѣ: что берутъ, или что можно брать невѣсту *изъ-подъ-кнута*, такъ выражается простой народъ въ разсказахъ своихъ объ этомъ странномъ дѣлѣ, — тѣмъ болѣе странномъ, что нѣтъ и не бывало закона, который бы допускалъ самую возможность этого мнимаго обычая,—а между тѣмъ народъ во всей Россіи вѣритъ въ него и пересказываетъ сохранившіяся о томъ преданія. Вотъ одно изъ нихъ: оно, какъ и всѣ подобныя ему, основано на укоренившемся мнѣніи, что если явится человѣкъ, который въ самую минуту торговой казни преступницы, объявитъ гласно желаніе покрыть вину ея, то есть, обвѣнчаться съ нею и взять ее на свой отвѣтъ, то казнь немедленно отмѣняется, и невѣсту, вмѣстѣ съ посланнымъ ей судьбою суженымъ, везутъ прямо къ вѣнцу. Не могло ли быть подобнаго, освященнаго однимъ обычаемъ дѣла въ старину, когда правительственный и общественный порядокъ основывался болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на писанныхъ законахъ? — Вотъ что, между прочимъ, объ этомъ говоритъ преданіе.

Въ одной изъ среднихъ губерній нашихъ, въ хорошемъ селѣ, жилъ не бѣдный крестьянинъ, семьянинъ, и между прочимъ была у него дочь Дарья. Дѣвушка эта смолоду показывала въ нравѣ своемъ много особеннаго, чего ни родители ея, ни другіе приближенные не имѣли, да и конечно не старались понять, и даже въ послѣдствіи не могли хорошенько объяснить. Иные называли ее упрямою, даже злою, тогда какъ другіе говорили, будто она къ доброму человѣку такъ добра, что и мѣры нѣтъ, но что сердце ея не терпитъ никакой обиды или неправды: а что зла бывала она развѣ тогда только, когда подводили ее подъ напраслину, которой она не терпѣла. Она, какъ увѣряли, была жалостлива и послушна, если ее не раздражали грубою бранью, поклепомъ или несправедливымъ и непосильнымъ требованіемъ. Но когда она выросла и, какъ говорится, заневѣстилась, то все это вскорѣ было забыто, а добрая слава о Дарьѣ ходила по всему околотку. Она была черноволоса и черноглаза, очень бѣла для крестьянки, росла и статна; черты лица ея были чрезвычайно живы и выразительны, и за здравый; прямой умъ свой, она получила прозваніе *козырь*-дѣвки. Она тоже извѣстна была самою работящею дѣвкою на селѣ; дѣло у нея подъ руками не только кипѣло, но и горѣло; она всегда бралась за него со смѣхомъ, шутками и пѣснями; но если, по временамъ, на Дарью находила хандра, по поводу какой нибудь обиды или неправды, то она замолкала на цѣлую недѣлю и не прежде дѣлалась опять тою же веселою пѣвицей, какъ высказавъ обидчику своему всю правду въ глаза и сказавъ, не выжидая отвѣта: Богъ съ тобой!

Естественно, что за такою дѣвкой ухаживало много парней; говорятъ, что, когда однажды двое изъ нихъ поссорились изъ-за нея и чуть было не подрались. то она закричала имъ: «Чура не драться, дураки: лучше подите сюда, такъ я сама, изъ своихъ рукъ поколочу васъ обоихъ, да и погоню коромысломъ со двора!»—Говорятъ то-

же, что Дарья была благосклоннѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ поклонникамъ своимъ, къ бѣдняку, къ сиротѣ-парню, который жилъ въ селѣ въ работникахъ; но само собою разумѣется, что парень этотъ былъ не дружка и не ровня Дарьѣ, которая не смѣла и думать о такомъ женихѣ: нашелся другой, по нутру отцу ея, по нраву матери,—сынъ земскаго, волостнаго писаря, молодой щеголь, видный собою и съ наживнымъ достаткомъ, но поведенія ненадежнаго. Отецъ, хоть и самъ хмѣльной, не разъ колачивалъ его, по возвращеніи изъ города, съ погулу, приговаривая: хоть и валентиръ, да не ходи въ трахтиръ, не играй въ белендряй, не испивай горячихъ шпунтовъ.

Женихъ этотъ Дарьи не нравился: она отпрашивалась долго у отца и матери и называла жениха въ глаза нахаломъ за то, что онъ не хотѣлъ отъ нея отстать; но наконецъ должна была согласиться и выдти за него, потому что въ подобныхъ случаяхъ дѣло рѣшаютъ старики, которые больше нашего знаютъ. Главнымъ доводомъ родителей было то, что и мать Дарьи въ свое время не хотѣла итти за отца ея, а послѣ вышла, да вотъ, благодаря Бога, и живутъ. Сыграли свадьбу, на которой подруги Дарьи не шутя плакали и причитали по невѣстѣ, то есть, не для одного только обыка и приличія, а потому что жалѣли ея, и до трехъ разъ принимались пѣть: «Утопили же твою головушку за такимъ да за водопьяницей», — такъ что наконецъ отецъ невѣсты, окрысившись прикрикнулъ на нихъ: «Да ну васъ и съ этою пѣснею, на свою бъ голову вамъ ее» и тѣмъ заставилъ ихъ замолчать. Расплели Дарьюшкину черную косу—всѣ дѣвушки плакали, не плакала только одна она: а что думала она, не знаю. Объ этомъ было на селѣ много пересудовъ; иные говорили, что она не плакала со злости; другіе, что охотно шла за сына земскаго и только притворялась.

Вскорѣ однако люди заговорили, что Аксенка съ Дарьей живутъ не совсѣмъ ладно; иные винили его, говоря, что

онъ и прежде былъ непутный человѣкъ; другіе обвиняли ее, увѣряя, что она ухватомъ да помеломъ весь домъ завоевала и что Аксенкѣ отъ нея житья нѣтъ. Умнѣйшіе говорили просто, что они оба другъ для друга не годятся, что на эту бабёнку надо бы не такого кислаго мужика, каковъ Аксенъ, а ей бы нужно такого, котораго бъ она любила. Словомъ, когда дѣло было сдѣлано, тогда только стали догадываться, что напрасно ихъ перевѣнчали. И тѣ же самые сосѣди, которые прежде говорили отцу Дарьи, на жалобу его, что она не хочетъ за Аксена: «Да чего тебѣ на нее смотрѣть? что она знаетъ? Вотъ нашелъ толкъ, дѣвку спрашивать!»—тѣ же самые сосѣди говорили теперь: «Эхма, напрасно поторопился старикъ: дѣвка еще молода — да и дѣвка-то еще какая! эдакая не засидится, не бось! Ну, пусть бы ее еще пожила себѣ на волѣ, чай не объѣла бы тебя, вѣдь она у тебя двухъ работницъ стоила; пусть обрыкалась бы маленько — она бы своего нашла?»

Дарья забеременѣла, и тутъ опять, вмѣсто того, чтобы этому обстоятельству примирить и сблизить болѣе молодыхъ, оно напротивъ послужило къ новымъ ссорамъ, и къ ссорамъ такого рода, которыя развѣ только въ самомъ черствомъ быту могутъ прощаться или забываться, а во всякомъ человѣкѣ съ нравственнымъ чувствомъ не допускаютъ даже и мировой. Аксенка, который сталъ опять слоняться и попивать, не знаю съ чего, сталъ придираться къ женѣ своей и попрекать ее теперь тѣмъ бобылемъ, о которомъ выше было упомянуто. Онъ сталъ ревновать ее и, по обычаю этихъ людей, бранился съ нею за это вслухъ, не заботясь о случайныхъ свидѣтеляхъ. Дарья отвѣчала на это съ гордымъ презрѣніемъ, что онъ пьяный дуракъ, и самъ не знаетъ что вретъ, что никому недоводилось и прикоснуться къ ней, да и ему дураку, хоть бы и мужу, въ жизнь свою также не видать ея, какъ ушей своихъ, если бы отецъ не потерялъ бы за нимъ головы ея. Тогда Аксенка, по заведенному обычаю, хотѣлъ побить жену; но при первой угрозѣ

къ тому, Дарья ощетинилась такимъ рѣшительнымъ негодованіемъ, что онъ струсилъ и, по совѣту товарищей, напился еще болѣе, для отваги. Сдѣлавъ это, онъ подступилъ къ Дарьѣ, какъ ему казалось, съ геройскою смѣлостію и рѣшимостію; но оказалось, что онъ, какъ говорится, и лыкомъ не вяжетъ; съ невнятною бранью доползъ онъ до нея на растопыркахъ, а ему казалось, что несся онъ соколомъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго! Дарьѣ не стоило большаго труда уложить его подъ лавку, на солому, приготовленную для гусей, и заложить его тамъ доской, въ которой были только небольшіе прорѣзы для гусиныхъ шей. Тамъ проспалъ Аксенка до утра, очень испугался, очнувшись утромъ въ гробу, стыдился разсказать о приключеніи своимъ товарищамъ, и на нѣсколько времени присмирѣлъ.

Дарья родила сына. Бабки́ и кумушки едва не замучили бѣдную родильницу, парили и мыли её, трепали и катали, а наконецъ привели изъ жаркой бани и уложили въ избѣ. Такъ какъ это не мужское дѣло, то Аксенъ и не принималъ въ немъ никакого участія, но счелъ впрочемъ долгомъ напиться отъ радости и пойти съ поздравленіемъ къ тестю и тещѣ. Прошло дня три; крѣпкое сложеніе молодой и здоровой женщины взяли верхъ, и она была уже въ избѣ своей на ногахъ. Мужъ всталъ со свѣтомъ и пошелъ на работу; Дарья еще спала. На нее какъ-то напалъ такой непробудный сонъ, что она, проснувшись наконецъ довольно поздно, насилу опомнилась, и сама тому дивилась. Первымъ движеніемъ ея было ощупать около себя ребенка — онъ былъ тутъ, но лежалъ поперегъ, подъ нею: ее вдругъ будто обдало льдомъ; она вскочила, схватила его въ руки — онъ уже остывалъ; живой теплоты въ немъ уже не было. Она его *заспала́*.

Дарья рѣзко взвизгнула; черные глаза ея дико сверкнули, она припала къ ребенку и долго, долго старалась отогрѣть его дыханіемъ; вдругъ остановилась, приподнялась; опять

ощупала его руками, опять дико вскрикнула и вдругъ облила его цѣлымъ потокомъ горючихъ слезъ.

Люди сошлись по немногу, сосѣди и сосѣдки прибѣжали; но пора была страдная, народъ большею частію на работѣ, дома оставались старые да малые. Дарья стояла вытянувшись во весь ростъ, въ углу подлѣ кутника, прижимала мертваго младенца къ груди своей и не шевелясь поводила только кругомъ черными, блестящими, но будто безумными глазами. Старики и въ особенности старухи, входили, разсуждали вслухъ, кричали и горланили, подходили по нѣскольку разъ къ несчастной матери, осматривая ребенка, и завѣряли, что онъ ужъ не живой. Одна говорила: экая ты какая, Дарьюшка, да ты бы вотъ то и то, да ребенка-то клала бы подальше отъ себя, къ краю, не то бы повыше, въ головы, вотъ подико-сь, я покажу.... другая извиняла ее тѣмъ, что это у нея былъ перvenькой и дѣло непривычное; третья полагала, что видно-де Дарьюшка, голубушка моя, больно крѣпко уснула—и прочее. Тутъ же припоминались и разсказывались всѣ подходящіе къ дѣлу былые и небывалые случаи, со всѣми подробностями. Натолковавшись досыта, послали наконецъ за родителями Дарьи, тамъ за теткой, но всѣхъ ихъ не было дома; тогда послали двухъ ребятишекъ въ поле звать домой мужа ея; а какъ за тѣмъ несчастная мать все еще стояла, блѣдная какъ стѣна, на томъ же мѣстѣ, крѣпко прижимала младенца и не давала его никому, не смотря на всѣ убѣжденія и завѣренія, что пора-де его обмыть и прибрать, то старушки разсѣлись по лавкамъ и начали толковать на распѣвъ о томъ, что Богдашка этотъ — какъ называютъ всякаго младенца до крестинъ — не крещенъ на бѣду, и что нельзя его хоронить на святой землѣ, на кладбищѣ, а надо хоронить безъ попа и за оградой; что матери не видать его и на томъ свѣтѣ, что это еще и не человѣкъ, и Богъ еще не вложилъ въ него душу, потому-де что въ немъ нѣтъ еще ни креста, ни печати дара Духа Святаго, и проч. Вслѣдствіе такого разсуж-

денія, бабушки и поспѣшили тотчасъ же зажать ротъ одной безтолковой, выжившей изъ ума старухѣ, плакальщицѣ по призванію, которая, услышавъ, что въ избѣ Аксенки есть покойничекъ, прибѣжала бѣгомъ, въ притрусочку, съ другаго конца села и начала было выть и причитать: «ахъ ты свѣтикъ, голубчикъ ты мой! о и кто жъ меня будетъ любить, а кто жаловать, поить, кормить! на когожъ ты покинулъ меня?» и проч. Старуха замолчала, струсивъ въ недоумѣніи: а что́, нешто не надо?—И не совсѣмъ понявъ въ чемъ дѣло, потому что была очень туга на ухо, (а объясненія, что это-де не покойничекъ, а Богдашка, и что по немъ ни плачу, ни причитанья не бываетъ, оглушили ее кругомъ, со всѣхъ сторонъ), — замолчала, покачала головой и начала про себя креститься и молиться.

Мало по малу изба стала очищаться отъ мусора, и незванныя посѣтительницы частію разбрелись, а частію сѣли подгорюнясь за воротами и стали потѣшать другъ друга росказнями. Дарья, оставшись одна, въ тишинѣ, послѣ этого оглушительнаго шума, вдругъ пришла въ какое-то безпокойство и судорожную дѣятельность: лицо ея разгорѣлось, глаза опять засверкали; она стала дико оглядываться; не отымая трупа младенца отъ груди своей, она тихо подкралась къ столу и ухватила большой хлѣбный ножъ; казалось по всему, что она, въ безсознательномъ отчаяніи своемъ, хотѣла наложить на себя руку: она пробовала пальцемъ, остеръ ли ножъ, потомъ опять осторожно оглядывалась, прислушивалась къ голосамъ старухъ подъ окнами, и наконецъ опустила руку и заглядѣлась на мертвое лицо своего младенца. Въ этомъ положеніи стояла она еще, когда услышала на улицѣ громкій говоръ и шумъ: это шелъ съ поля Аксенъ, и старухи встрѣтили его дружнымъ хоромъ, соболѣзнуя и разсказывая, что́ и какъ случилось. Одна баба даже уцѣпилась за него и тащилась вслѣдъ за нимъ въ избу, приговаривая: «ты не бей ее, родной не бей; смотри, грѣшно будетъ: вѣдь она не́хотя, божья судьба, божья воля!»

Аксенъ вошелъ, а за нимъ толпой сосѣди и сосѣдки. Дарья, услышавъ шумъ этотъ, вздрогнула и отвела руку съ ножемъ за себя, за спину, будто хотѣла его спрятать. Аксенъ подошелъ къ ней довольно спокойно и равнодушно, взглянулъ на трупъ младенца, а потомъ на Дарью, и отворачиваясь, сказалъ: «Что-жъ, однимъ выродкомъ меньше на селѣ.»

Едва проговоривъ это, онъ дико вскрикнулъ и упалъ ничкомъ. Люди подскочили—у Аксена все лицо обдало кровью и самъ онъ хрипло дышетъ. Стали его приподымать, и тогда только съ ужасомъ увидѣли, что у него въ шеѣ торчалъ большой ножъ, воткнутый въ тѣло по самый черенъ. Никто не видалъ почти, какъ это сдѣлалось; едва только тотъ или другой изъ бывшихъ въ избѣ стариковъ и старухъ замѣтили какое-то быстрое движеніе руки Дарьи, будто она оттолкнула отъ себя мужа или ударила его на отмашъ.

Крикъ ужаса раздался въ избѣ Аксена, потомъ на улицѣ, и вскорѣ, завывая разными голосами, разнесся по всему селу и по полямъ. «Дарья зарѣзала мужа!» кричали встрѣчные другъ другу, черезъ улицу, черезъ дворы, загороды и коноплянники—и когда несчастный Аксенъ, черезъ четверть часа, точно отдалъ Богу душу, то уже болѣе никто не думалъ унимать глухую старуху, знаменитую плакальщицу, которая разсѣлась на какомъ-то обрубкѣ, расположилась по должности своей какъ дома, всплескивала руками и заливалась причитаньями, которыхъ разумѣется, никто не слушалъ.

Дарью заковали; слѣдствіе, а за тѣмъ и судъ, пошли своимъ путемъ, и дѣло окончено было довольно скоро, потому что оно было довольно просто: всѣ показанія свидѣтелей и самой преступницы были согласны и ни въ чемъ не разнословили. Дарья отвѣчала только, что неясно помнитъ, какъ это сталось, но помнитъ, что сдѣлала это вышедъ изъ себя, когда Аксенъ, при людяхъ бранно обозвалъ младенца и навелъ такой клепъ на нее, ни въ чемъ передъ

нимъ невиновную; что упрекъ этотъ она съ трудомъ переносила прежде, а теперь была въ безпамятствѣ и только смутно вспоминаетъ, что̀ случилось. Яковъ, призванный также для допроса сильно плакалъ, ломалъ руки и приводилъ Бога въ свидѣтели, что ни онъ, ни Дарья не были причастны грѣху и что Аксенка, Богъ вѣсть съ чего, взводилъ на бѣдную Дарью такую напраслину.

Какъ бы то ни было, а Дарья, какъ уличенная и во всемъ сознавшаяся убійца, приговорена была къ торговой казни. Пришелъ назначенный день, и всѣ пріуготовленія были сдѣланы на площади губернскаго города, гдѣ на этотъ разъ, по поводу Покровской ярмарки, собралось много народу. Не станемъ описывать всѣхъ подробностей тогдашняго порядка исполненія подобныхъ приговоровъ; они довольно извѣстны, а кто бы и не зналъ ихъ, тотъ конечно ничего отъ этого не теряетъ. Когда преступница была приведена, то соболѣзнованіе и ужасъ обнялъ несмѣтную толпу: это была рослая, статная красавица, на 21-мъ году жизни своей, прекрасная собой, не смотря на всѣ перенесенныя и еще ожидаемыя ею страданія; въ пріемахъ ея не было ни трусости, ни слѣда киченья или наглости: она вполнѣ предалась судьбѣ своей, и кромѣ обнаружившагося по временамъ страха, одинъ только стыдъ позора и глубокое, хотя и позднее, раскаяніе потупляли глаза ея въ землю. Слышно было, что она много и долго молилась, во всемъ каялась и винилась; и ничего не говорила въ свое оправданіе.

Мертвое молчаніе установилось, когда послѣ барабаннаго боя, стали вслухъ читать приговоръ. Въ числѣ присутствовавшихъ тысячъ конечно не было ни одной души, не знавшей болѣе или менѣе всѣ обстоятельства происшествія,—которыя впрочемъ и не помѣщаются въ подробности въ приговорѣ,—но казалось, каждый хотѣлъ услышать все, до послѣдняго словечка, что до этого случая относилось, и, можетъ быть, найти, въ свое утѣшеніе, какое

нибудь обстоятельство, облегчающее нѣсколько совѣсть преступницы.

Лишь только приговоръ былъ прочтенъ и несчастная передавалась въ руки палача, какъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ круга выступили изъ толпы два человѣка: одинъ въ самой бѣдной крестьянской одеждѣ, съ лицомъ, едва только опушеннымъ бородкой, блѣдный, сильно разстроенный подъ пыткою страха и боязни, — другой, въ щегольской, тонкой синей сибиркѣ, въ шелковомъ поясѣ, съ пуховою шляпой въ рукѣ, съ лицомъ молодымъ и цвѣтущимъ: первый бросился было торопливо впередъ къ окружавшимъ, по обязанности своей, преступницу, и пробился къ ней; но встрѣтивъ здѣсь втораго, который уже предупредилъ его и раскланивался со властями, бѣдный бобыль Яковъ остановился въ недоумѣніи и страхѣ. Онъ услышалъ ясно, что молодой парень въ сибиркѣ, поклонившись сказалъ: «Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего, помилуйте: я согласенъ взять ее за себя....» Яковъ перекрестился нѣсколько разъ, засмѣялся и сильно заплакалъ въ одно и тоже время и проговоривъ вслухъ: «Да, вонъ оно что, видишь;»—и отступилъ опять нѣсколько назадъ, такъ, что его даже мало кто и замѣтилъ. Дарья ничего ни видѣла, ни слышала: она стояла, какъ и прежде, не шевелясь, не подымая глазъ.

Это нечаянное вмѣшательство неизвѣстнаго молодаго парня всѣхъ поразило: народъ стоялъ разинувъ ротъ — и если бъ въ это время пролетѣла муха, то ее было бы слышно. Первое слово затѣмъ послышалось вполголоса: «Вотъ, и мнѣ на вѣку пришлось выдавать невѣсту! бери, божій человѣкъ, не бойся, не пожалѣешь!» Парня въ сибиркѣ спросили, что̂ ему нужно? Онъ повторилъ громко и ясно тоже: «Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего, помилуйте: я согласенъ взять за себя несчастную.» Тогда толпа зашевелилась какъ море, и говоры, крикъ радости

и молитвы огласили воздухъ. Ни одной шапки не осталось на головѣ: всѣ крестились.

Скажемъ теперь слово о молодомъ парнѣ, который стоялъ въ пяти шагахъ отъ Дарьи, не блѣдный, не разстроенный, не отчаянный, а спокойный и веселый, въ ожиданіи рѣшенія, но по видимому и съ увѣренностію успѣха. Это былъ сынъ богатаго торговаго крестьянина, изъ сосѣдняго посада. Отецъ и мать его, заботясь о немъ, какъ бы никогда не должно заботиться родителямъ, окончательно порѣшили женить его на мѣщанской дочери, которая нравилась имъ, по разнымъ разсчетамъ и соображеніямъ, но которая до того ненавистна была сыну ихъ Терентію, что онъ почти готовъ былъ отъ нея утопиться. Онъ присланъ былъ отцомъ по торговымъ дѣламъ на ярмарку и слышавъ уже прежде о происшествіи, которое надѣлало столько шуму во всей губерніи, теперь вдругъ, вовсе нечаянно, онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ прекрасною преступницей. Мысль, какъ молнія, сверкнула въ рѣшительной головѣ его. Что̀, какъ бы мнѣ взять за себя, изъ-подъ кнута, эту молодицу,. неужто бъ она не была мнѣ вѣрной и покорной женою, по гробъ, неужто она не стала бы меня—ну, хоть любить не любить, а почаще взглядывать?—а дѣло-то чай сотворилъ бы божеское—вѣдь вонъ она бѣдная какая, погляди! такіе ли бываютъ злодѣи? Бѣсъ съ рукою поспѣшилъ, когда боль скорби и оскорбленія затмили разсудокъ ея, а она грѣху этому не причастна. Неужто ненавистная губительница моя стоитъ ея? А той мнѣ не миновать.... Обвѣнчавшись съ честнымъ молодцомъ и Дарья честна станетъ, я никому не дамъ ее упрекнуть; уѣду съ нею; Богъ съ нимъ, съ отцомъ, пусть деньги при немъ будутъ, я за ними не погонюсь.... Эта мысль въ одинъ мигъ такъ одолѣла его, что онъ уже не могъ отъ нея отбиться, какъ бы за вѣдомымъ, рѣшеннымъ дѣломъ, пробивался онъ вслѣдъ за преступницею впередъ.... Чѣмъ болѣе онъ взглядывалъ въ нее, тѣмъ менѣе могъ онъ рѣ-

шиться отвести глазъ.... Когда же настала роковая минута, которую онъ зналъ по народнымъ преданіямъ, какъ помнилъ и переданныя ему въ дѣтствѣ слова, какія принято говорить при семъ случаѣ передъ властями — когда пришло мгновеніе это, то въ немъ вдругъ занялся духъ; онъ смѣло выступилъ впередъ, и, объявивъ намѣреніе свое, опять вздохнулъ свободно, будто свалилъ съ плечь цѣлую гору....

Освѣдомились, кто онъ, откуда, не женатъ ли, не родня ли преступницѣ: Терентій тотчасъ же отыскалъ и вызвалъ свидѣтелей, сдѣлавшихъ удовлетворительное показаніе. Начальство подумало и сказало: съ Богомъ, коли такъ; судьбы своей и божьей воли никому не миновать. Палачь, какъ говоритъ это преданіе, не прикоснувшись къ помилованной такимъ необычайнымъ случаемъ преступницѣ, долженъ былъ однакоже, въ назиданіе народу, дать одинъ ударъ кнутомъ по кобылѣ, приговаривая къ этому: «Кошуйтесь, дѣтки, кошуйтесь, молитесь Богу за несчастныхъ.» Онъ положилъ на кобылу лубокъ, разошелся, разсѣкъ его однимъ ударомъ пополамъ, такъ что двѣ половинки развалились врозь — и этимъ всѣ обязанности заплечнаго мастера кончились.

Съ мѣста, какъ стояли они, повели нечаянныхъ молодыхъ къ вѣнцу. Дарья во все время ни разу не подымала глазъ и не видѣла ни жениха своего, ни мужа. Она, кажется, еще не совсѣмъ понимала, что съ нею дѣлалось. Терентій на нее поглядывалъ, улыбался и молчалъ. Народъ радостно шумѣлъ и мчался волной, вслѣдъ за небывалыми молодыми, провожая ихъ сперва въ церковь, а потомъ изъ церкви, если не домой, то по крайней мѣрѣ до самой городской заставы. Многіе начинали имъ бросать деньги, но Терентій, снимая шляпу и ласково раскланиваясь, благодарилъ и отказывался, отдавая деньги нищимъ. Одинъ наѣзжій купецъ до того расходился, среди общаго

восторга, что задалъ народу пиръ, обдѣливъ всѣхъ калачами и кричалъ ура до сиплости и изнеможенія.

Терентій пріѣхалъ въ городъ на своей телѣгѣ и на ней же онъ выѣхалъ, съ молодой женой, изъ города. Она все еще не подымала глазъ и не говорила съ нимъ ни слова. Когда они остались наконецъ одни, въ чистомъ полѣ, то онъ, остановивъ лошадь, сказалъ: «Чтó жъ, Дарьюшка, подай руку — будемъ жить, что-ли?» Она бросилась къ нему въ ноги, обняла ихъ и теперь только, послѣ долгаго и нестерпимаго томленія, залилась слезами.

Терентій поднялъ ее насильно: «Надо старое позабыть, сказалъ онъ, надо жить намъ снова, вотъ будто мы съ тобой сегодня только на свѣтъ народились.... А куда же мы поѣдемъ теперь, Дарьюшка, вѣдь мнѣ ѣхать домой-то нельзя; примутъ-ли, нѣтъ-ли; отецъ-мать черезъ годъ со днемъ, чтò Богъ дастъ; чай смилуются, а теперь ѣхать къ нимъ нельзя. Поѣдемъ въ ваше село, къ твоему отцу-матери; можно?

— Какъ не можно, сказала Дарья, глядя Терентію прямо и смѣло въ глаза.... съ Богомъ, поѣдемъ.

Пріемъ со стороны тестя и тещи трудно себѣ представить: они сидѣли въ избѣ своей, на селѣ, въ глубокой горести, зная, что теперь дѣлается въ городѣ.... Вдругъ ко двору ихъ подъѣзжаетъ парная телѣга; они смотрятъ и не видятъ — видятъ и не вѣрятъ — какой-то парень въ сибиркѣ, въ шелковомъ поясѣ и въ пуховой шляпѣ привезъ къ безсчастному, опозоренному двору стариковъ молодую женщину — и эта женщина — ихъ дочь!

Долго не могли опомниться старики, не могли сказать ни одного слова, хотя дочь ихъ уже лежала у нихъ въ ногахъ, а парень, послѣ земнаго поклона, стоялъ и кланялся, и просилъ ихъ благословенія. Когда же старики опомнились, то оба очутились въ ногахъ у Терентія, который въ отчаяніи своемъ долженъ былъ прибѣгнуть къ по-

мощи сбѣжавшагося народа, чтобы силою поднять стариковъ и усадить въ избѣ на лавку.

Родители Терентія года два не пускали его къ себѣ на глаза, между тѣмъ какъ онъ принялся за соху и работалъ у тестя. И Дарья принялась за работу по прежнему, и работа у нея изъ рукъ не валилась. Наконецъ отецъ его заболѣлъ, и, считая себя при смерти, захотѣлъ помириться съ сыномъ и съ невѣсткой. За нимъ послали; и только что старики увидѣли Дарью и нѣсколько съ нею познакомились какъ она полюбилась имъ и не захотѣли они болѣе съ нею разстаться. А Дарья, говорятъ, была такою примѣрною женою и дочерью, что и теперь, когда случай этотъ сохранился по одному только темному и давнишнему преданію, ее ставятъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ примѣръ всѣмъ женамъ и невѣстамъ.

Я позабылъ сказать только одно: оглохшая и одурѣвшая старуха, знаменитая плакальщица, о которой я говорилъ, прибѣжала на тревогу въ избу отца Дарьи, когда молодые къ нимъ пріѣхали. Не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, но увидѣвъ толпу въ сѣняхъ и въ избѣ, и слыша ревъ и плачъ, плачъ радости родителей Дарьи, она, по своему обычаю и призванію, принялась также навзрыдъ ревѣть и причитать, пробираясь локтями въ избу. «Дура, старая дура, ошалѣла!» Посыпалось на нее со всѣхъ сторонъ, и она, опять замолкнувъ, спросила простодушно: «А что, нешто не надо?»

XV.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

—

Въ зимній вечеръ, идущій въ домовой отпускъ служивый, постучался въ первое встрѣчное окно небольшой деревушки. «Чего надо?» спросилъ бабій голосъ, между тѣмъ какъ густая тѣнь головы затемнила все красное оконце, котораго всю красоту впрочемъ составляло одиночное стеклышко въ четвертку листа. «Пустите, хозяюшка, служиваго, переночевать — вишь у васъ и погода-то не людская.» — А ты куда идешь, какъ идешь, откуда, зачѣмъ? продолжала его разспрашивать баба, не рѣшаясь дать прямаго отвѣта. Поздно служивый спохватился. что не смотря на опытность свою, далъ машка: ему бы просто взойти, попросившись погрѣться, такъ не было бы докучливыхъ распросовъ подъ окномъ, на морозѣ. Наконецъ отперли калитку; онъ вошелъ, обогрѣлся, поѣлъ, побалагурилъ, а между тѣмъ, покрякивая что-то уже во весь день, вдругъ не шутя разнемогся, отвѣчая на всѣ вопросы перепуганныхъ хозяевъ, что его схватило, приступило къ сердцу, привалило подъ самую душку, и проч.

Дѣло не шуточное! Человѣкъ, да къ тому еще человѣкъ чужой, сторонній, а наконецъ и казенный, госуда-

ревъ чинъ, умираетъ. Слово это, равносильное на языкѣ крестьянъ нашихъ болѣзни, нездоровью, заключаетъ однакоже въ себѣ понятіе или возможность смерти и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бываетъ для нихъ страшнымъ и роковымъ. Сошлись сосѣди, потолковали, вышли, опять пришли, долго чесали затылки, прислушиваясь къ стону больнаго; — тамъ пришелъ кто-то въ родѣ старосты или сельскаго старшины, и всѣ рѣшили, что дѣло плохо, больно плохо, что служба умираетъ. Заложили дровни, положили на нихъ соломы, и, подъ крикъ, вой и причитанье хозяйки, которая клялась и божилась, что головушка ея пропала, таки вотъ совсѣмъ погибла, кой-какъ растолкали служиваго, уговорили его собраться въ походъ и ѣхать въ ближайшую деревню, гдѣ ему будетъ сподручнѣе, гдѣ, мужики богатые и оченно жалостливые, а избы все хорошія, и гдѣ есть также искусная знахарка, которая ему какъ разъ животъ направитъ. Ему обѣщали хлѣба на дорогу, соломы на подстилку и два тулупа для покрышки. Все это показалось служивому столь соблазнительнымъ, что онъ рѣшился не упустить случая попользоваться подводой, вмѣсто того, что ему пришлось бы перемѣрять этотъ перегонъ, въ зимнее и ненастное время, своимъ аршиномъ. Для большаго убѣжденія кричали ему со всѣхъ сторонъ: Ступай, ей Богу ступай — хуже какъ тутъ помрешь; а помрешь, ей Богу помрешь, и проч. Служба легъ въ ворохъ соломы, свернулся, его укрыли тулупами, насовавъ ему подъ бока посохъ его, котомку, запасные сапоги и въ придачу еще большую ковригу хлѣба, которую онъ подмостилъ себѣ очень ловко, вмѣсто подушки, подъ голову. Дровни тронулись, со всѣхъ сторонъ посыпались совѣты и наказы мальчишкѣ, котораго посадили править, и голосъ высокаго жердяя покрылъ всѣ голоса, когда дровни уже отъѣхали сажень на десятокъ, и вслѣдъ за ними раздавалось зычно и ясно: Кобыла чужая, кнутъ не свой — погоняй не стой!

Но чужая кобыла обтерпѣлась и не слишкомъ уважала не свой кнутъ, если онъ былъ въ рукахъ мальчишки; она вскорѣ поняла свое положеніе, разсчитавъ по первымъ тремъ шлепкамъ, чего ей ожидать на остальномъ пути, и потому ограничивалась тѣмъ, что мѣстами спускала сани подъ гору вскачь, а впрочемъ отвѣчала на каждый взмахъ плети взмахомъ хвоста и продолжала путь свой шагомъ. Мальчишка, который перезябъ, укутался и завернулся, поворотившись встрѣчному вѣтру спиной, и вскорѣ началъ дремать; а служба, благоденствуя на мягкой постели, подъ теплой покрышкой, спалъ какъ убитый и ни разу не высказалъ носу изъ–подъ двойнаго тулупа.

Служивый выспался, почувствовалъ, что брюхо его, безъ знахарки давно уже пришло въ законное положеніе, ощупалъ подъ бокомъ палку, а въ головахъ хлѣбъ, приподнялъ полу тулупа и выглянулъ на свѣтъ Божій. — А что, спросилъ онъ мальчишку, толкнувъ его рукой, скоро чтò ли на фатеру–то? — Не знаю, дядюшка, отвѣчалъ тотъ, вишь куда заѣхали, что я и не бывалъ тутъ.— А чего же ты глядѣлъ? — Да чего глядѣть, темно, не видать ни зги, чуть не замерзъ.— Да куда же ты ѣдешь теперь? — Да не знаю, дядюшка, вотъ ей Богу не знаю. — Ну, вези, куда Богъ велитъ, пробормоталъ служба, и полѣзъ опять подъ тулупъ. Мальчишка чуть не плачетъ; лошадь бредетъ, куда ей угодно, а служба, творя крестъ за крестомъ, лежитъ подъ тулупами и съѣдаетъ ломоть за ломтемъ отъ своего изголовья.

Наконецъ ему показалось, что опять много времени прошло; сытое брюхо его пришло въ самое пріятное положеніе, и онъ, выглянувъ изъ-подъ тулупа и увидавъ, что уже разсвѣло, снова сталъ спрашивать мальчишку, скоро-ль на фатеру. Услышавъ опять тотъ же неопредѣленный и при томъ отчаяннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, служивый самъ принялъ начальство: онъ уложилъ мальчишку на свое мѣсто, разумѣется, назвавъ его щенкомъ и поро-

сенкомъ, взялъ возжи въ руки, плюнулъ въ рукавицу, взялъ кнутъ и погонялъ — не стоялъ. Кобыла, не смотря на всю усталость свою, тотчасъ же поняла, въ чемъ тутъ сила, и помчала по дорогѣ во всѣ оглобли. Черезъ часъ показалась издали изба, тамъ другая и третія, и вскорѣ пріѣхали въ деревню. Служба только-что сталъ-было опять привязываться къ мальчишкѣ, допытываясь, какая это деревня, какъ увидѣлъ надъ дверьми одной избы привѣтливую елку и въ то же мгновеніе разсудилъ, что дальше ѣхать не зачѣмъ; стой, пріѣхали, сказалъ онъ — вотъ она гдѣ, знахарка, что животы-тѣ правитъ; самъ соскочилъ съ дровней, взялъ посохъ, катомку, сапоги и остальной ломоть хлѣба, и, сказавъ: Спасибо, парнишко; благодари на милости, какъ дома будешь — самъ отправился въ заведеніе.

Служба такъ хорошо выспался, въ теплѣ и на хлѣбѣ, что и позабылъ о вчерашней хворости своей; а заправивъ дѣло чаркой-другой и позанявшись пріятной бесѣдой подъ елкой, не успѣлъ оглянуться, какъ время перешло за полдень. Онъ вспомнилъ, что ему тутъ не вѣкъ вѣковать, собралъ припасы свои, которыхъ, какъ мы видѣли, было очень не много, и вышелъ на улицу, чтобы продолжать путь. Онъ былъ очень доволенъ ночнымъ приключеніемъ своимъ, потому что перезябшій, плаксивый мальчишка провезъ его верстъ тридцать, по прямому пути, и этимъ порядочно подвинулъ впередъ.

Но собравшійся въ это время около заведенія народъ, обступилъ нашего путника, готоваго пуститься въ дорогу, и сталъ его убѣдительно уговаривать и упрашивать остаться ночевать. Ему предлагали все: и столъ и полати, только не ходи теперь, а оставайся до утра въ деревнѣ. Съ ума что́ ли вы сошли, сказалъ расходившійся служивый, да что вы мнѣ за дядьки? Пришелъ я въ одну деревню хворый, не дали покою, не дали костямъ моимъ отдохнуть, а выпроводили вонъ на своей подводѣ, только не оставайся

у нихъ, не умирай на селѣ: пришелъ — аль бишь пріѣхалъ—въ другую, тутъ не пускаютъ, сиди на печи!

Но міръ разсуждалъ по своему: старики указывали на погоду, да на морозъ, да на мятель, которая съ полудня опять стала разыгрываться, да еще на голову служиваго, которая пришла мало по малу именно въ то положеніе, когда море бываетъ по колѣно, а лужа по уши. Какъ его отпустить, говорили они, ты вишь, что на дворѣ дѣлается, а самъ-то онъ каковъ! тутъ долго-ль до грѣха? отойдетъ до Игнашкина яра, да замерзнетъ; тутъ, парень, бѣды не оберешься; ему-то вишь спола горя, а мы отвѣчай послѣ! Нѣтъ, служба, ужъ ты сдѣлай милость такую, послушайся насъ; хлѣбъ-соль будетъ, теплый уголъ тебѣ будетъ и чарка еще будетъ на ночь; только сиди ты теперь и нишни; утро вечера мудренѣе, что́ Богъ дастъ, завтра пораньше пойдешь.—Не хочу, кричалъ служивый, размахивая руками и толкая посохомъ въ снѣгъ: не хочу, пойду да и полно; ты вишь, я совсѣмъ собрался, и котомка за плечами.—Мы видимъ, что ты совсѣмъ собрался, сказали мужики, да вишь сборы-то твои въ такую дорогу не хороши; ты забралъ лишнее. Угомонись, служба, оставайся; воля твоя, а мы тебя не пустимъ.— Не хочу, подите прочь, вы мнѣ не указчики; я казенный, государевъ человѣкъ, на водѣ не потону, на огнѣ не сгорю.—Ну слушай, обожди до утра, еще чарка тебѣ будетъ!— Не хочу ничего, пустите!— Ну утромъ отвеземъ тебя, дадимъ подводу, только не ходи теперь замерзнешь!—Не хочу, пойду теперь, да и полно; прочь, отступитесь; хоть кланяйтесь, хоть просите, хоть стращайте, а пойду! — Нечего дѣлать съ нимъ, сказалъ старикъ, который, снявъ шапку, кланялся и упрашивалъ солдата принять ужинъ, чарку вина и подводу на другой день, нечего дѣлать, отвеземъ же его лучше теперь, чтобъ не было грѣха. Степка, бѣги скорѣй да закладывай розвальни — а ты, служба, сдѣлай милость, не ломайся, вотъ на ту минуту запряжетъ парень и выбѣжитъ.... Но служба,

вошедши разъ въ строптивую колею, и тутъ еще долго спорилъ и буянилъ, покрикивая на собравшуюся вокругъ него толпу: прочь, растуись, ударю? и вырывая полы шинелишки своей изъ рукъ усердныхъ и заботливыхъ мужичковъ, которые робѣли по отвѣтственности за казеннаго человѣка. Послѣ долгихъ перекоровъ и усердныхъ просьбъ, онъ однакоже сѣлъ въ сани, въ особенное одолженіе крестьянъ, и погрозивъ имъ съ саней посохомъ, сказалъ: Ну, смотрите вы у меня, я васъ... а впередъ, вотъ ей Богу ни въ жизнь то есть не поѣду, да.... и при общемъ хохотѣ крестьянъ, благополучно тронулся въ путь.

Вотъ вамъ картина, которую, можетъ быть, не всякому случалось видѣть; но не всегда этотъ страхъ за отвѣтственность, — и въ особенности за это роковое мертвое тѣло, — оканчивается такъ забавно какъ въ похожденіяхъ солдата, идущаго въ домовый отпускъ. Иногда послѣдствія бываютъ очень грустны. Вотъ другой случай, который мы разскажемъ въ точности, какъ онъ былъ, но не назовемъ только мѣсто и лица.

Въ дурное, суровое зимнее время, ветхій старикъ пришелъ на село, побираясь милостыней. Извѣстно, что эти сельскіе нищіе обходятъ, изъ селенія въ селеніе, большія пространства и доходятъ иногда довольно далеко; никто не зналъ старика въ этой деревнѣ, потому что онъ былъ, какъ у насъ выражаются, *со стороны*. Ночь застигла его, и онъ сталъ проситься переночевать, а какъ хлѣбомъ-солью кормитъ не богатый, а тороватый, то и въ этомъ случаѣ приняла его убогая вдова. Старикъ на другой день былъ еще слабѣе и хилѣе; но хозяйка боялась отвѣта за передержательство, и посовѣтовавшись съ сосѣдями, объявила ему, чтобъ онъ шелъ съ Богомъ, куда хочетъ. Онъ поднялся съ лавки при ея же помощи и вышелъ на улицу, но тамъ упалъ и не могъ встать. Какъ ей быть? съ отчаяніемъ она звала людей на помощь, но никто не хотѣлъ идти, говоря: отвѣчай послѣ сама, коли пустила. Кой-какъ

она подняла старика и опять свела въ избу. Онъ разнемогся пуще, просилъ Христа ради о спасеніи души, и добрая хозяйка сама повезла его въ ближайшее село, къ священнику на исповѣдь и причастіе; но дѣваться съ нимъ болѣе не куда, никто его не принимаетъ, и она привезла его опять домой. Міръ напалъ на нее и грызъ ей голову безотходно, что-де умретъ старикъ, безпремѣнно умретъ, судъ наѣдетъ, и бѣда будетъ всѣмъ; что-де ты тогда дѣлать станешь? А намъ-то за что отвѣчать за дурость твою?

Прошелъ еще день и міръ рѣшилъ, что старикъ умираетъ, но что ему никакъ нельзя дать умереть въ деревнѣ. Иные хотѣли, чтобъ хозяйка вывезла его на распутье: но другіе отвѣчали, что найдутъ трупъ, и дѣло будетъ еще хуже, отвезти бы дальше, на чужую межу, такъ вишь узнали уже въ околочкѣ и на селѣ, что былъ у насъ на деревнѣ старикъ и доищутся; только другихъ запутаемъ, а сами не уйдемъ; вишь она съ дуру-то еще и на село возила приживальца своего. Какъ-же тутъ быть? Родимые мои, говорила хозяйка, да вѣдь онъ человѣкъ, хоть передъ Богомъ человѣкъ; куда же я съ нимъ дѣнусь? — Да куда хочешь, туда и дѣвайся, чтобъ его и слуху и духу тутъ не было, чтобы и слѣдовъ его тутъ не оставалось и концы въ воду: не-то бѣда тебѣ будетъ неминучая; затаскаютъ, и пропадешь; а не дай Богъ, умретъ онъ у тебя — а ты видишь, что онъ уже почитай не живой, совсѣмъ умираетъ, все равно что померъ — умретъ, такъ вотъ мы тебя тотчасъ свяжемъ и представимъ; отвѣчай, какъ знаешь, а съ больной головы на здоровую не сваливай.

Хозяйка моя бросалась за помощію и за совѣтомъ во всѣ стороны, но кромѣ страховъ и угрозъ ничего не слышала. — Дура ты, сказалъ ей наконецъ шопотомъ мужикъ, у котораго борода была уже съ просѣдью, — дура ты, Онисимовна, вѣдь ты видишь, кака бѣда пристала; чего тутъ толковать - извѣстно, тутъ нечего болѣ дѣлать, какъ въ мѣ-

шокъ грѣхи, да подъ лавку; ты заложи ночью дровни, навали старика за живо—не живъ, все одно помираетъ—выѣзжай потихоньку подъ ярокъ, да благословясь вывали его въ рѣку: вотъ тебѣ и концы въ воду, и все благополучно; не раззорять же изъ-за тебя всю деревню; вода все смелетъ, небось, вынесетъ весной гдѣ нибудь верстъ за пятдесятъ—что́ жъ, ты въ сторонѣ: скажешь, что подвезла его до большой дороги, а онъ-де пошелъ, а куда и зачѣмъ дѣвался, не могу знать.

Баба подумала, да и заложила дровни и взвалила старика, который былъ безъ памяти, свезла подъ яръ и вывалила въ рѣчку. Стало быть такая судьба его, подумала она, да и моя: авось Господь не взыщетъ....

———

XVI.

САМОВАРЪ.

(Быль.)

На Нижегородской ярмаркѣ, въ тульскомъ ряду, нѣсколько большихъ лавокъ заняты одними самоварами. Въ одну изъ такихъ лавокъ зашелъ Трофимъ Ивановичъ, какъ честилъ его хозяинъ (онъ же и самъ мастеръ), честилъ какъ хорошаго покупателя, отправляющаго въ Сибирь цѣлые обозы самоваровъ. Мастеръ много лѣтъ знакомъ былъ Трофиму Ивановичу, который бывалъ ежегодно на ярмаркѣ, всегда закупалъ сотни самоваровъ, никогда не обходилъ лавку своего стараго пріятеля, и оба, сошедшись теперь вновь черезъ годъ, благодарили другъ друга и увѣряли, что оба другъ другомъ остались довольны.

— А это у тебя, Степанъ Андреевичъ, какой товаръ, вотъ въ мѣстахъ?

— Да извѣстно, какому больше у насъ быть товару: все тотъ же. Это маленькіе самовары, азіатскіе.

— Имъ собакамъ только и знать бы свои самовары, маленькіе; а то вотъ сдѣлалъ ты имъ, сказываютъ, одинъ

большой, такъ два государства и разодрались изъ-за него, и стали воевать!

— Какъ такъ, Трофимъ Ивановичъ?

— А какъ же, нешто не слышалъ?— Да вѣдь ты, сказываютъ, работалъ Бохарцамъ, Абдрахманову, большущій самоваръ?

— Правда, я работалъ, въ запрошломъ году; самоварище ведеръ въ десять: на хана, что ли, сказывалъ Абдрахманъ, про случай, для большихъ пировъ, третьяго года заказалъ, и задатокъ далъ, а въ прошломъ взялъ; ну, что́ же?

— Ну что́ же, развѣ не слышалъ, что было съ самоваромъ этимъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ; скажи пожалуй, коли не шутишь!

— Какая тутъ шутка! Тутъ чай не одинъ десятокъ головъ слетѣло за твой самоваръ, да и впередъ еще что́ Богъ дастъ: вотъ ты какого грѣха надѣлалъ!

— Какъ пошелъ караванъ бохарскій отъ насъ, то самоварище твой на арбу погрузили, и пару верблюдовъ запрягли. Ну и пошли съ Богомъ, все ничего. Вотъ стали подходить къ Акмечети, къ пограничному городу Коканскому, черезъ который идетъ бохарскій караванъ, и прослышали за недѣлю ходу до него, что вышла изъ Кокана шайка ханскаго войска, будто для охраны и для сбора пошлины, а чуть ли де она не собирается ограбить караванъ. Вишь бохарскій эмиръ въ дружбѣ съ коканскимъ бекомъ, такъ въ городѣ у себя ограбить не хорошо; онъ и выслалъ встрѣчу, чтобъ обобрать хоть золото, сколько найдется его — а самъ, извѣстное дѣло, послѣ отопрется; скажетъ: и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; это все шалятъ Киргизы ваши въ Сыръ-Дарьи; а у меня, благодаря Бога, все спокойно.

Вотъ знаешь, нашлись добрые люди, за добрый пишкешъ, за гостинецъ, что́ дали знать ночью караванъ-башу о такой бѣдѣ. Въ караванѣ тотчасъ распорядились: товару дѣвать некуда, не укроешь; а что у кого золота было, де-

негъ, то все завязали въ узелки, да подъ огнище, гдѣ варятъ варево въ котлѣ, и зарыли въ землю. Коли, вишь, закопать его въ другомъ мѣстѣ, такъ будетъ знать; — свѣжая земля продастъ; а тутъ, подъ огнемъ да подъ пепломъ, свѣжей землицы и не видать. Ну, рано утромъ Коканцы и набѣжали, и прикидываются Киргизами, и будто пришли съ Сыръ-Дарьи грабить Коканцевъ; допрашиваютъ они сперва, будто путемъ, караванщиковъ, что́ за люди, не Коканцы ли? Ну, а коли де вы Бохарцы, такъ пріятели намъ, и обижать васъ не станемъ, ступайте съ Богомъ — только дайте намъ на бѣдность по два золотыхъ съ верблюда. Бохарцы божатся, клянутся, что обезденежѣли; нѣтъ ничего, кромѣ товару. Ну, давай обыскивать. Искали, искали, не нашли денегъ почти ничего, кромѣ пары цѣлковыхъ, и добрались до арбы. Самоваръ твой напугалъ было ихъ: думали, что пушка. Однако, надивившись ему, не посмѣли разграбить товаръ, — потому что это по ихнему обычаю называется прямой грабежъ; а сорвать деньгами можно, значитъ не ограбили каравана, а только взяли пошлину. Денегъ много не нашли и отпустили караванъ. Крѣпко побаивались караванщики, чтобъ шайка эта не вздумала присѣсть погрѣться вокругъ огнища, да отпустивъ караванъ, не заночевала бы тутъ; однако, видно Богъ милостивъ былъ, услышавъ молитвы ихъ, — убралася шайка, убрался и караванъ благополучно, и золото все въ цѣлости забрали съ собой.

Одно дѣло сдѣлано, пришло другое. Гонецъ изъ шайки пріѣхалъ впередъ въ Акмечеть и разсказалъ беку, что́ и какъ было: плуты бохарцы деньги спрятали куда нибудь — не нашли мы ничего; а вотъ-де есть у нихъ вещь, невиданная и неслыханная: самоваръ больше пушки!

Не зналъ бекъ акмечетскій, какъ вѣрить гонцу въ такихъ сказкахъ; однако выѣхавъ самъ встрѣчать караванъ въ сараѣ, гдѣ пристаютъ они, приказалъ остановить напередъ всего арбу и раскутать самоваръ. Какъ влѣзъ онъ на

арбу эту, да какъ разсмотрѣлъ, какую диковинную вещь везутъ, то и объявилъ тотчасъ караванъ-башу, что беретъ самоваръ въ пошлину съ каравана, на своего Коканскаго хана; а купцы пусть-де расчитываются между собою.

Испугался караванъ-башъ, самъ первый торговецъ; говоритъ, что самовара отдать нельзя, самоваръ веземъ своему эмиру. Ну, не прогнѣвается эмиръ вашъ, отвѣчалъ бекъ, напьется изъ уполовника; а я самоваръ беру. Поворачивай арбу.

Сутки цѣлые кричали и шумѣли бохарцы: то плакали, кланялись и просили, — то бранились и грозили, — все ни почемъ, самоваръ такъ полюбился коканцамъ, что заперли его въ кладовую, въ землянку, на дворѣ бека, губернатора то есть; приставили къ нему караулъ и объявили бохарцамъ: хоть семь лѣтъ живите, хоть женъ сюда перевезите, а самовара не видать вамъ, какъ ушей своихъ; онъ пошелъ на хана, за пошлину.

Пришелъ караванъ въ Бохару, и съ плачемъ купцы разсказали хану о такой бѣдѣ и обидѣ. Караванъ-башъ кинулся ему въ ноги и лежалъ долго; однако ханъ приказалъ отстегать его порядкомъ, за то, что отдалъ самоваръ. Отстегавши его, самъ тотчасъ поднялся съ войскомъ и пошелъ на Акмечеть отбивать самоваръ. Намѣсто того, самого его побили; а воротившись въ Бохару, слышитъ, что тутъ нашелся кранъ отъ большаго самовара. Кранъ этотъ былъ вынутъ и уложенъ особо, и пришелъ съ тюками въ Бохару; его принесли, какъ побѣдный трофей и какъ доказательство величины самовара. Эмиръ разсмотрѣлъ кранъ, и положилъ идти войной на коканъ на тотъ годъ. Между тѣмъ коканскій ханъ, получивъ самоваръ безъ крана, приказалъ отстегать акмечетскаго бека за эту оплошность, и сталъ собираться съ войскомъ въ Бохару за краномъ. Подай мой самоваръ, — говоритъ бохарскій эмиръ, — нѣтъ, ты подай мой кранъ, говоритъ ханъ коканскій. Два лѣта, сударь мой, воюютъ — и прошлое, и нынѣшнее —

вотъ я выѣзжалъ изъ Семипалатинска, такъ опять объ этомъ вѣсть пришла, и Богу одному извѣстно, чѣмъ дѣло кончатъ!

Вотъ, Степанъ Андреевичъ, какихъ вы бѣдъ надѣлали съ своимъ самоваромъ.

XVII.

ПРОКАТЪ.

—

Давно и видно таки порядочно давно, потому что нынѣ ужъ ничего подобнаго намъ видомъ не увидать, слыхомъ не услыхать, давно когда-то случилось вотъ что́, и вотъ какъ.

Былъ балъ, и не только одинъ только балъ, а пиръ и празднество, какъ рѣдко кому случилось видѣть; торжество угостительнаго искусства; обѣдъ на диво; прогулки и катанья съ разными затѣями — сущая прелесть; напитки всякаго рода: опохмѣлительныя, прохладительныя, и среднiе между ними, по немножку того и другаго, то есть все это лилось рѣкой; сласти привозныя, завозныя, выписныя, заморскiя — ѣшь не хочу; за тѣмъ танцы, музыка, балъ подъ огромнымъ, великолѣпнымъ шатромъ, въ сельскомъ и военномъ вкусѣ, т. е. съ подбоемъ малиноваго бархата, — угощенiя до нельзя, ужинъ, опять пляска.... словомъ, если бы вся потѣха эта не кончилась уже давно, то длилась бы по сегоднишнiй день. Не только весь уѣздъ, вся губернiя долго, долго не могла опомниться отъ весьма основательнаго изумленiя.

Праздникъ этотъ данъ былъ молодымъ артиллерiйскимъ

капитаномъ, командиромъ роты. Вѣрно былъ очень богатъ. Но за то, какъ онъ и тѣшился, какъ онъ увивался вокругъ прелестныхъ красавицъ сельскихъ, которыя дюжинами разгуливали подъ широкимъ, малиновымъ навѣсомъ шатра, украшеннаго золотыми снурами и кистями.... вихремъ носились онѣ, то парами, то цѣлыми вереницами.... плавно расхаживали, какъ праздничные стружки, пускаемые подъ разноцвѣтными, пестрыми значками.... Кто счастливица, гдѣ она, на которую падетъ окончательный выборъ молодаго, прекраснаго собой капитана? Въ его лѣта, съ его наружностію, съ этимъ очаровательнымъ обращеніемъ и обаятельнымъ молодечествомъ, съ его богатствомъ, роскошью и умѣньемъ жить, нельзя было не побѣдить и самое суровое, неприступное сердце, съ перваго взгляда; въ этомъ не было спору, и всѣ давно уже молча на это согласились; но кого онъ изберетъ, какую смертную осчастливитъ? Правда, лихость его, это отчаянное молодечество, пугало иныхъ, болѣе опытныхъ старичковъ, и они старались поселить въ семейномъ кругу своемъ нѣкоторую недовѣрчивость къ обольстительнымъ пріемамъ капитана.... но маменьки, считая себя въ этомъ дѣлѣ гораздо смышленѣе колпаковъ своихъ, папенекъ, были увѣрены, что капитанъ придумалъ всѣ затѣи эти исключительно и собственно для ихъ дочери; дочки же, утративъ вмѣстѣ съ сердцемъ всякое соображеніе и самый умъ и разсудокъ, считали дѣло это рѣшенымъ....

— Другъ мой, сказала плотная помѣщица, войдя таинственно въ комнату супруга своего, который только что намылилъ бороду и принялся править скребницу свою, какъ онъ обыкновенно называлъ бритву: — другъ мой, я пришла объявить тебѣ радость: капитанъ наконецъ объяснился передъ Лизой, она мнѣ призналась во всемъ; слава Богу, стало быть дѣло кончено, и тебѣ, другъ мой, надо бы ѣхать къ нему, и съ нимъ поговорить; — а? не правда ли?

Намыленный супругъ промычалъ что-то неопредѣлительное, но этимъ не отдѣлался; заботливая мать настоя-

тельно требовала положительнаго отвѣта. Онъ отставилъ поднесенную къ бородѣ бритву и отпустилъ складку, натянутую ужимкою на лицѣ, для бритья. За чѣмъ же я поѣду, сказалъ онъ, и что́ же я скажу? Не лучше ли выждать, покуда онъ первый заговоритъ? Въ наше время такъ водилось. — Да вѣдь я же тебѣ говорю, что онъ уже объяснился! — Ну, матушка, еще это Богу извѣстно, какъ онъ тамъ объяснялся; да вѣдь чай не обойдетъ же онъ насъ съ тобой, когда задумаетъ поворотитъ съ шалостей на дѣло; тогда успѣемъ поговорить съ нимъ; это не долго. Но супруга утверждала, что теперь ожидать болѣе нечего, и непремѣнно надобно поговорить съ капитаномъ, чтобы его не перебили и не совратили сосѣди; бѣдный колпакъ вертѣлся туда и сюда, но наконецъ долженъ былъ уступить, сказавъ, что все это хорошо, и справедливо; но прибавилъ, что онъ подумаетъ; супруга его отвѣчала на это очень основательно, что ему тутъ нечего думать, когда ужъ думали другіе, и думала она сама, и передумала все; что это женское дѣло, что ему, какъ отцу, надо искать счастья дочери своей, а не разорять его; но, пользуясь выгодою своего положенія, то есть, намыленною бородою и заботою около скребницы, супругъ успѣлъ протянуть бесѣду эту, покуда мыло на бородѣ разъ другой не обсохло, и за тѣмъ убѣдить супругу, что надобно же напередъ кончить одно дѣло и по крайности выбриться; иначе де вотъ онъ порѣжется скребницей, и тогда нельзя будетъ и выѣхать. Нечего дѣлать, супруга отстала отъ него, и дала ему отсрочку.

— Какъ ты думаешь, спросила другая помѣщица мужа своего, отчего бы капитанъ о сю пору не присылалъ никого переговорить съ нами о Лидинькѣ? — Подождешь еще, не торопись, отвѣчалъ тотъ; это молодецъ, дошлый человѣкъ на такія дѣла; ихнему брату не очень вѣрить можно по этой части; онъ наровитъ себѣ, можетъ статься, совсѣмъ не то, что ты думаешь. — Какъ такъ? я тебя не пони-

маю. — Поживешь, да коли не избавитъ Богъ, такъ поймешь. У тебя съ Лидинькой на умѣ одно, а у него другое. Это у нихъ такъ водится. — Нѣтъ, Иванъ Андреичъ, я знаю, что́ говорю: это ужъ я вѣрно знаю; а я думаю, что у него просто некого прислать; человѣкъ онъ одинокій, заѣхалъ сюда съ ротой своей на чужбину, вотъ сердечный и выходитъ почти сирота: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, конечно, да вѣдь всякая о себѣ и думаетъ, да о своихъ, такъ ему къ намъ-то прислать и некого; ты знаешь, у насъ тутъ все завистники да завистницы, доброхотки вѣдь нѣтъ ни одной, все злорадки; ну, а самъ-то онъ приступиться не смѣетъ, вотъ дѣло-то и тянется. — Не замѣтилъ я что-то въ немъ этой робости, отвѣчалъ супругъ. — Все таки, продолжала она, вѣдь какъ хочешь, а шагъ важный, самому трудно за себя говорить и неприлично; безстыдникомъ назовутъ всѣ сосѣдки. — Ахъ какой милашка онъ, — какой обворожительный.... Маша, я отъ него безъ ума! Боже мой, еслибъ ты только знала, если бъ ты слышала, что́ онъ мнѣ вчера говорилъ — о, я безъ ума! Маша, какъ ты думаешь, скоро онъ за меня посватается?

Эта бесѣда, какъ читатель догадывается, происходила опять въ иномъ, третьемъ мѣстѣ и добрая Маша, подруга счастливой, мнимой невѣсты, не смѣя, по красотѣ и богатству, равняться со снисходительною подругою своею, радовалась за нее, хотя и слушала иногда, потупивъ глаза и вздыхая, повѣряемыя ей тайны бывшихъ объясненій. Капитанъ сказалъ даже этой красавицѣ и богатой невѣстѣ, что отдалъ бы половину жизни своей за ея признаніе въ любви, и для бѣдной Маши было тутъ одно только обстоятельство не совсѣмъ понятно; чего еще домогался капитанъ и за что́ хотѣлъ жертвовать жизнію, когда подруга ея, какъ сама ей прежде каялась, ужъ раза три или четыре была доведена до этого сознанія, и давно во всемъ ему созналась....

— Кто бы могъ подумать это, говорилъ небольшой плѣ-

шивый старичекъ, сидя вечеромъ за стаканомъ пунша съ пріятелемъ-сосѣдомъ; — вѣдь волокита нашъ, говорятъ, женится; да и на комъ бы вы думали? — На Нѣмовой? — Мальевой? — Судоходниковой? — Поджилкиной? — Стегоновой? — Такъ посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ; а онъ продолжалъ самодовольно: ничего не бывало, всѣ богачки и красавицы наши останутся, съ позволенія сказать, съ носомъ: на малюткѣ и бѣдняжкѣ Хорошиловой; да, на ней!

— А я слышалъ совсѣмъ другое, сказалъ сосѣдъ; — впрочемъ не выдаю за вѣрное, а слышалъ отъ человѣка надежнаго, отъ Анны Даниловны: она говорила, что онъ собирается сватать — какъ бишь ее — молоденькую гувернантку у Межевыхъ; они прочили дочь за него, а тутъ вдругъ и вышло наружу, не думано, не гадано, что онъ мѣтитъ не на дочь, а на гувернантку! Вотъ какое дѣло!

— Какъ? неужели? Марья Алексѣевна! Матушка, поди сюда, послушай вотъ, что сосѣдъ говоритъ: будетъ тебѣ потѣха, ей Богу! говорятъ, что капитанъ и Межевыхъ надулъ — ха, ха, ха! и малютку Хорошилову, да, а вотъ будто приголубился къ гувернанткѣ ихъ, а?

Словомъ, два или три уѣзда сходили съ ума по капитанѣ, и у кого только была дочь, тотъ былъ въ хлопотахъ: одинъ прочилъ ее за капитана, считая такого жениха истиннымъ благословеніемъ небесъ, другой бредилъ на яву и считалъ ее уже почти просватанною; кто былъ въ нерѣшимости и недоумѣніи, кто остерегалъ дочь, если по знатности, богатству и красотѣ не считалъ ее ровней прочихъ невѣстъ, — а кто, махнувъ рукой, отдавался на власть господню и супруги своей, разъѣзжалъ слѣдомъ за капитаномъ по всѣмъ обѣдамъ и вечерамъ, пилъ, ѣлъ, игралъ въ вистъ по маленькой, хохоталъ гдѣ было весело, и только по временамъ заглядывалъ въ танцовальную залу, отыскивая осторожно, изъ-за табакерки, капитана и переводя съ него глаза на свою дочь.

Надобно же вамъ теперь сказать словечко и о капитанѣ.

Что онъ умѣлъ пожить, на людей посмотрѣть и себя показать, это мы уже видѣли; что онъ, задавая самъ великолѣпныя, роскошныя празднества и охотно разъѣзжая по помѣщикамъ, влюблялся не иначе, какъ въ цѣлыя дюжины красавицъ вдругъ, объ этомъ, кажется, читатель догадывается; но вотъ чего, можетъ быть, читатель еще не знаетъ: капитанъ жилъ одной службой, у него не было своего ровно ничего: онъ, какъ говорится, вездѣ бралъ грудью и службой, исправностію, умѣньемъ, молодецкимъ обычаемъ.... Онъ былъ еще молодъ, когда ему дали роту, какъ отличному служакѣ, и вскорѣ рота его стала славиться, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ исправныхъ. Попавъ съ конною ротой въ истинный рай для него, гдѣ продовольствіе было ни по чемъ, гдѣ въ окружности жило множество помѣщиковъ, семейныхъ, радушныхъ, свѣтскихъ и житейскихъ, гдѣ у каждаго помѣщика было — либо по молоденькой и хорошенькой женѣ, либо по взрослой, пышной дочери, даже у нѣкоторыхъ по двѣ и по три — капитанъ нашъ порастерялся; глаза у него разбѣжались, и онъ принялся съ такимъ усердіемъ за угощенія и празднества, что вскорѣ для него одного стало не доставать того, что отпускалось на содержаніе цѣлой конной артиллерійской роты. Обстоятельства становились все тѣснѣе и тѣснѣе, а между тѣмъ, по всѣмъ соображеніямъ, не было никакой возможности сократить расходы; напротивъ, необходимо было дать вскорѣ великолѣпный, небывалый доселѣ праздникъ, который давно уже былъ обѣщанъ дѣвицамъ, а въ особенности одной молодой дамѣ, на которой впрочемъ капитану никакъ нельзя было жениться, потому что у нея былъ такъ называемый живой мужъ. Не менѣе того, она какъ царица всѣхъ празднествъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала обѣщаннаго пира, напоминала объ немъ съ миловидною улыбкою капитану и сама первая распустила по околотку слухъ о предстоящемъ, завѣряя каждаго, что такого великолѣпія еще никто не видалъ. Отвѣчая на всѣ распросы, капитанъ го-

ворилъ каждой красавицѣ порознь только одно: что пиръ этотъ даетъ онъ для нея лично, хотя этого никто не будетъ знать, и что по сему самому онъ не пожалѣетъ ни трудовъ, ни хлопотъ и никакихъ издержекъ.

Когда капитанъ наконецъ остался одинъ и нѣсколько опомнился, то призадумался. Ужъ и такъ далеко хвачено было напередъ, все забрано, все прожито, и даже болѣе чѣмъ все.... Но какъ же быть бѣдному капитану, коли онъ попалъ въ такіе тиски? — Неужто ему опозориться на такой вызовъ, обмануть всѣ эти блестящія надежды, отказаться самому отъ неисчерпаемыхъ наслажденій и ударить лицомъ въ грязь? — А какъ же ему быть, спрошу я еще, коли страсть его была такъ велика, что всякая другая величина казалась капитану качественно-несоразмѣримою съ любовью его, какъ, напримѣръ, аршинъ съ фунтомъ или гарнецъ съ десятиной?.... Онъ махнулъ рукой и вскочилъ, съ такою рѣшимостію, что если бы дѣло стоило ему полголовы или полвѣка жизни, то и тогда бы онъ не въ силахъ былъ отъ него отказаться. Вотъ что́ подало поводъ къ необычайнымъ затѣямъ капитана, въ которыхъ десятисаженный, бархатный шатеръ съ золотыми кистями занималъ конечно не послѣднее мѣсто.

На чей же счетъ все это дѣялось и строилось, откуда взялись деньги? этотъ вопросъ также не послѣдній въ настоящемъ дѣлѣ; капитанъ нашъ, какъ опытный и изворотливый хозяинъ, рѣшилъ его удачно, то, есть, наличныя деньги нашлись, и даже нашлась такая огромная сумма, какъ ему было нужно. Приступая къ объясненію этого обстоятельства, мы еще разъ считаемъ нужнымъ напомнить, что описываемый нами случай происходилъ уже очень давно; само собою разумѣется, что при новѣйшихъ порядкахъ не могло бы случиться ничего подобнаго.

И такъ капитанъ нашъ сдѣлалъ вотъ что: онъ разсудилъ, что рѣшительно не къ чему содержать въ мирное время конную артиллерійскую роту въ такомъ видѣ, будто

ей завтра же выступать противъ непріятеля. Слава Богу, все спокойно, невозможно и ожидать теперь какихъ-нибудь движеній — изъ вѣдомостей нашихъ даже видно, что во всей Европѣ господствуетъ непробудный покой. Далѣе, разсуждалъ капитанъ, стоимъ мы въ самой срединѣ, въ глубинѣ Россіи; какой тутъ непріятель? — Покуда очередь дойдетъ до меня, я успѣю справиться и снарядиться; къ чему же содержать нѣсколько сотъ дорогихъ лошадей, и сверхъ того еще кормить ихъ? Я на одномъ фуражѣ выиграю въ нѣсколько мѣсяцевъ столько, что поправлюсь, покрою всѣ расходы и опять обзаведусь лошадьми, да и какими? Чудо! Перещеголяю всѣхъ.

Рѣшивъ это, капитанъ открылъ въ ротномъ штабѣ своемъ конный базаръ и отправилъ для вѣрности и скорости сбыта, по косячку въ разныя стороны, въ продажу. Лошади все были прекрасныя, цѣны имъ назначены невысокія, а по крайности дѣлались сверхъ того еще уступки; словомъ, капитану повезло счастье; онъ не успѣлъ оглянуться, какъ пушки его сѣли на мели, а пушкари стали пѣшими. Хлопотъ сдѣлалось гораздо меньше: ни корму, ни чистки, ни другихъ заботъ; сбрую убрали въ добромъ порядкѣ подъ навѣсы, и пошли гулять, поджавъ руки. Наконецъ, сдѣлавъ всѣ пріуготовленія, задали знаменитую пирушку, которая длилась трои сутки. Это дѣло кончено было благополучно; ахали и дивились не пустому: никто ничего подобнаго не видалъ. Въ три дня прожито было большое состояніе. Капитанъ разъѣзжалъ по всей окружности и пожиналъ похвалы, изумленія, восклицанія и благодарности.

Но на этомъ самомъ объѣздѣ, гдѣ капитанъ плавалъ въ высшемъ мірскомъ благополучіи и наслажденіяхъ, забывъ все остальное, онъ вдругъ остановленъ былъ самымъ непріятнымъ образомъ, остановленъ въ потокѣ и порывѣ своихъ изъясненій: доложили, что нарочный прибылъ изъ ротнаго штаба съ нужною бумагой. Гонца позвали, распечатали пакетъ, прочитали и больно измѣнились въ лицѣ. Что

такое, что такое?—стали разспрашивать съ большимъ, душевнымъ участіемъ. Ничего, отвѣчалъ капитанъ, — пустое, и отправилъ гонца, сказавъ сухо: хорошо, ступай. — Но покой души не возвращался; знать бѣда была не за горами. Полюбезничавъ какъ-то очень неловко, капитанъ поспѣшилъ распроститься, не согласившись, къ крайнему изумленію хозяйки, остаться до вечера; но сказалъ, что ему ѣхать необходимо по службѣ: обѣщалъ вскорѣ быть опять и уѣхалъ, приказавъ гнать прямо домой.

Дорогой капитанъ много разъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ теперь быть и что дѣлать? — но, по поговоркѣ мужика, изладившаго борону въ избѣ и не знавшаго какъ ее вынести, потому что нельзя въ дверь, по поговоркѣ: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ? — не могъ придумать ничего. Начальникъ, до котораго дошли слухи о томъ, что дѣлается въ ротѣ у нашего капитана, счелъ за нужное попросить его, чтобы онъ роту свою приготовилъ къ смотру. «Что пользы въ томъ будетъ, подумалъ этотъ начальникъ, если я нагряну вдругъ, и, заставъ бѣднаго капитана врасплохъ, погублю его окончательно? Можетъ быть, даже и не все то правда, что говорятъ; можетъ быть есть какіе нибудь небольшіе безпорядки, такъ лучше дать ему время оправиться; онъ всегда былъ отличный служака.» Разсудивъ такъ, начальникъ предписалъ капитану готовиться къ смотру, увѣдомивъ его также, котораго числа именно онъ прибудетъ. «Надобно же ему забираться въ такое захолустье, подумалъ капитанъ, и такъ не во время и не къ стати; рота моя стоитъ тутъ такъ хорошо и уютно, въ сторонѣ, въ глуши, что я считалъ себя обезпеченнымъ отъ всякаго инспекторства.... Это однакоже сущая бѣда! Какъ тутъ быть? На козлахъ не вывезешь пушки, да и людей верхомъ на палочку не посадишь!.... Неужели, за эту шутку, мнѣ быть солдатомъ?....»

Прибывъ домой и опомнившись немного, мой капитанъ собрался съ духомъ, созвалъ офицеровъ, объявилъ имъ но-

вость, и посмотрѣлъ на нихъ, окинувъ всѣхъ поочередно взглядомъ и спросилъ: что они объ этомъ думаютъ? «Я съ своей стороны полагаю, господа, что коли нѣтъ у насъ своихъ лошадей, то нечего дѣлать, надо выѣхать на чужихъ.... Возьмемъ на прокатъ, па подержаніе?....» Капитана любили; онъ былъ увѣренъ, что никто его не выдастъ; притомъ въ то время не требовалось, чтобы въ полку или въ артиллерійской ротѣ всѣ лошади были одной шерсти; капитанъ, получивъ согласіе офицеровъ, разослалъ ихъ тотчасъ же по всѣмъ помѣщикамъ, съ откровенною просьбою выручить его изъ бѣды и дать на двое сутокъ, къ такому-то сроку, сколько у кого есть лучшихъ лошадей на конюшнѣ. Каждому помѣщику порознь говорили, что недостаетъ де нѣсколькихъ лошадей, которыхъ, по неудачному въ этотъ годъ ремонту, капитанъ не успѣлъ во время пріобрѣсти; что капитанъ вполнѣ полагается на дружбу и услужливость почтеннаго сосѣда своего, а лошади на эти двое сутки, безъ сомнѣнія будутъ въ добрыхъ рукахъ, у старыхъ и опытныхъ кавалеристовъ. Всѣ помѣщики, помня хлѣбъ-соль капитана, и расчитывая записать его со временемъ себѣ въ свояки, въ зятья или сваты, одинъ на перерывъ другому поспѣшили отослать лучшихъ лошадей своихъ съ конюшень и заводовъ къ капитану, и въ сутки конная рота сформирована была такъ, что можно было вести ее на показъ, куда угодно.

Генералъ прибылъ въ назначенный день и велѣлъ узнать подъ рукой, все ли исправно: все, говорятъ; рота въ отличномъ порядкѣ; лошади были розданы временно, для откормки, на помѣщичьи конюшни, и воротились въ лучшемъ тѣлѣ, въ превосходномъ видѣ.

Смотръ кончился, и генералъ, къ крайнему удовольствію своему, объявилъ командиру гласно искреннюю, полную благодарность. «Рота ваша такъ хороша, сказалъ онъ, что ее необходимо при первомъ случаѣ показать корпусному командиру. Я хочу теперь только сдѣлать еще одинъ по-

слѣдній опытъ: я не сомнѣваюсь, что при такой исправности это послужитъ еще къ бо́льшему отличію и похвалѣ роты вашей; я хочу видѣть, сколько времени вамъ нужно, чтобы собраться и выступить въ походъ; капитанъ, сколько часовъ вамъ на это дать? Капитанъ отвѣчалъ, не призадумавшись: завтра утромъ въ восемь часовъ я могу выступить. «Прекрасно, превосходно, продолжалъ генералъ; вотъ это я люблю! Это молодецки! Господа офицеры, прошу и васъ также собраться со всѣмъ; вотъ точно будто вамъ сказанъ походъ; я самъ сяду верхомъ, и мы пустимся на небольшую прогулку. Молодцы, это я люблю!»

Въ восемь часовъ утра генералъ, превеселый, проѣхалъ по фронту, здоровался, благодарилъ, велѣлъ скомандовать по одному орудію на право, вызвалъ съ мѣста пѣсельниковъ, и рота потянулась. Это бы еще ничего; но ее только и видѣли въ этихъ мѣстахъ; генералъ не поскучалъ проводить ее верстъ за пятьсотъ, чрезъ уголъ сосѣдней губерніи, въ третію. Тутъ отведены были ротѣ квартиры, и объявлено, что ей, можетъ быть, вскорѣ доведется пройтись еще подальше. Генералъ легко нашелъ благовидный предлогъ, и донесъ объ этомъ перемѣщеніи начальству, расхваливъ роту по заслугамъ.

Что́ же сталось съ помѣщиками нашими? Весь уѣздъ въ одинъ ударъ опѣшалъ. Мужья или отцы лишились лучшихъ лошадей своихъ, а матери превосходнаго, дорогаго жениха. Утрата тутъ и тамъ немаловажная; но за то — каковъ былъ пиръ? Его помнятъ еще о-сю-пору; подобнаго никогда не бывало, шатеръ малиноваго бархата, съ золотомъ, въ десять сажень!

А гдѣ нашъ капитанъ? спрашивали помѣщики, вполголоса, встрѣчаясь другъ съ другомъ.... И въ отвѣтъ на это вздыхали, пожимали плечами, и грустно покачивали головой.

А что̀ говорили барыни? Если бы отъ недобраго помину звенѣло въ ушахъ, какъ говоритъ у насъ повѣрье, то конечно такого трезвону не бывало отъ сотворенія міра, какой бы денно и нощно долженъ былъ раздаваться въ головѣ нашего капитана.

XVIII.

МАНДАРИНЪ.

—

Мандаринъ — чуть-ли не съ бѣлымъ шарикомъ по сану, но самаго китайскаго закона — мандаринъ этотъ правилъ по китайскому обычаю, будто взялъ управленіе свое на откупъ. «Отъ превратности судебъ не уйдешь — говаривалъ онъ со вздохомъ — а потому надо сегодня подумать о завтрашнемъ днѣ...»

И помощникъ былъ у него, въ числѣ другихъ, прехорошій, держалъ порядокъ въ городѣ всегда приличный сану случайныхъ посѣтителей и первый являлся, подавая собою примѣръ, въ мундирѣ и полной формѣ, съ рапортомъ о благополучіи. Глядя въ это время на него, никто бы не могъ усомниться въ этомъ благополучіи: оно написано было у него на кругломъ, благообразномъ лицѣ. Расправа его, какъ и судъ и правда мандарина съ бѣлымъ шарикомъ, была всегда сообразна съ числомъ сахарныхъ головъ и другихъ хозяйственныхъ потребностей, подносимыхъ просителями, и самъ онъ, утѣшая совѣсть свою, говаривалъ въ тѣсномъ кружкѣ: «отъ благодарности не отказываюсь, видитъ Богъ, не отказываюсь, а вопіющаго за мною нѣтъ ничего, я не злодѣй.»

Вотъ и дошли какъ-то слухи, подальше и повыше, объ этомъ мандаринѣ и о помощникахъ его, — слухи не корыстные, отъ которыхъ иному не поздоровится. Я говорю: *иному*, потому что инаго и пила не беретъ, и топоръ не рубитъ; иной прогуливается вѣкъ свой подъ сводомъ законовъ, какъ у себя дома, и не зацѣпитъ ни за пень, ни за сукъ — все обойдется. Дошли, однакожъ, слухи, и прислали опаснаго человѣка провѣдать: чтоже тамъ такое дѣется и творится, почемъ міръ воздыхаетъ?

Но и наши не дремлютъ; на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: почти за двѣ, за три кто-то перешепнулся съ ними о томъ, кого и зачѣмъ и когда ждать. Помощникъ, какъ гораздо пониже чиномъ и помоложе, срябѣлъ было немного; а старшій китайскій мандаринъ и усомъ не ведетъ.

— Какъ былъ я еще въ твоемъ чинѣ, сказалъ онъ ему, такъ видывалъ всякихъ: иной съ перваго разу не даетъ и приступиться, копытомъ землю роетъ, полымемъ изъ ноздрей пышетъ, а ржетъ, что огнемъ палитъ. Походишь около него помаленьку, подашь ему голосъ, потреплешь да погладишь его — глядь, онъ сѣлъ и поѣхалъ?

Опасный пріѣхалъ. Молва, какъ я сказалъ, давно его опередила и разславила, что спуску не будетъ никому и ни въ чемъ. Зналъ уже и самъ онъ кой-что по наслышкѣ, и потому спокойный и беззаботный видъ мѣстнаго начальства его озадачилъ; всѣ рапорты о благополучіи обставлены были, по наружности, такимъ довольствомъ и покоемъ, что имъ нельзя было не вѣрить. Сталъ онъ доискиваться, подкапываться, да какъ-то кладъ не дается: вотъ только, кажется, нашелъ онъ; въ трехъ словахъ дадутъ такое законное объясненіе, что только пожмешь плечами, да и отойдешь, а ину пору и извинишься, самъ на себя вину поклеплешь. Опять иное дѣло попадется, вотъ, кажется, хоть удавись, не вылѣзетъ, такъ обстоятельства оказываются затяжными: много еще нужно справокъ и слѣдствій, до обле-

ченія всего этого въ законную форму, и конца дѣла намъ не видать, какъ ушей своихъ.

Рвется и бьется мой опасный — видитъ и слышитъ, что тутъ да тамъ у него сквозь пальцевъ проскочило, по усамъ текло, да въ ротъ не попало, и ужь не знаетъ, какъ ему быть, а съ пустыми руками воротиться не охота. Вотъ и слышитъ онъ, между прочимъ, отъ прикормленниковъ своихъ, что-де такой-то купчишко, катаясь въ милости начальства, какъ сыръ въ маслѣ, безстрашно посягаетъ на все: ему-де не только обвѣсъ и обмѣръ ни почемъ, а есть за нимъ дѣла еще и почище, что и сказать вслухъ страшно: онъ-то и переводитъ фальшивыя деньги и этимъ разбогатѣлъ скоро; да есть-де у него и товарищи въ этомъ дѣлѣ, одинъ коренной православный, другой крещеный жидъ. Эта шайка хозяйничаетъ безстрашно, и на нее нѣтъ суда; случалось раза два, что они попадались, такъ вывертываются, какъ съ гуся вода, и ничего имъ не сдѣлаешь.

Опасный мой, разузнавъ толкомъ дѣло, насторожилъ ловушку свою — и монетчики попались на сей разъ, какъ куръ во щи. «Ура!—подумалъ про себѣ ловецъ — насилу-то, насилу! Ну, хоть что другое не удалось, а ужь въ этомъ дѣлѣ не отвертятся: улика на лицо, вотъ она, вынута при понятыхъ, при свидѣтеляхъ — семь цѣлковиковъ, и все оловянные. Пусть же отдѣлываются, пусть укажутъ, откуда они у нихъ взялись!»

Начальство вполнѣ раздѣляло и рвеніе и самое негодованіе ловца насчетъ этой поимки: надо строжайше изслѣдовать и непремѣнно открыть, откуда фальшивыя деньги взялись.

Дѣло пошло своимъ чередомъ, и потворства не было никакого: цеховой пробирный мастеръ засвидѣтельствовалъ, что цѣлковые эти оловянные; понятые засвидѣтельствовали и подписали, что деньги найдены въ *выручкѣ* такой-то лавки; нашлось и еще двое старыхъ покупателей, которые также представили по оловянному цѣлковому, полученному

въ сдачѣ изъ этой же лавки, и хотя нехорошо, что они не представили ихъ во-время, но ловецъ брался ихъ выручить, лишь бы получить всѣ улики на мошенниковъ. Какія затѣи были у мѣстнаго начальства, у мандарина о бѣломъ шарикѣ и у помощника его — этого никто не зналъ; но они проводили преспокойные и превеселые вечера, какъ бывало въ прежнее мирное время, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что имъ бы нельзя не заботиться объ этомъ случаѣ, по разнымъ прежнимъ отношеніямъ своимъ къ этой тайнѣ. Сверхъ того, дѣло вовсе ни съ чѣмъ несообразное, ходятъ по городу слухи, будто и нынѣшнее-то дѣло уже улажено, между переводчиками фальшивыхъ денегъ и мандаринами, такъ что обѣ стороны довольны и обѣ спокойны. Это что-то мудрено!

Слѣдствіе приходитъ къ концу и ограничивается тѣмъ, что лавочникъ не знаетъ, отъ кого принялъ деньги, признанныя фальшивыми, утверждая, что ему знать и помнить это, при множествѣ покупателей, нельзя. Но, при всѣхъ уликахъ, это не отговорка. Опасный, на всякій случай, оградился всѣми предосторожностями и, между прочимъ, просверлилъ фальшивые цѣлковые и припечаталъ ихъ на снуркѣ къ листу бумаги, на которомъ содержится опись ихъ.

— Ваше превосходительство! прошепталъ подручникъ, прибѣжавъ, запыхавшись, къ мандарину о бѣломъ шарикѣ: — бѣда!

— А что такое?

— Да вотъ, извольте видѣть, слѣдствіе препровождено на законное постановленіе, а цѣлковые-то на снуркѣ и припечатаны!

Мандаринъ посмотрѣлъ опытнымъ глазомъ на цѣлковые, на печать, взглянулъ и на подручника своего, пошелъ, не говоря ни слова, въ кабинетъ свой, вынесъ оттуда девять цѣлковыхъ того же года и чекана, какъ припечатанные, и, подавая ихъ своему подручнику, сказалъ спокойно:

— Я, братъ, думалъ, что ты съ годами умнѣешь, а ты все тотъ же дуракъ: на, возьми, коли у тебя нѣтъ своихъ, просверли ихъ да и припечатай на мѣсто этихъ.

Подручникъ невольно ударилъ себя ладонью въ лобъ, но потомъ сказалъ:

— А печать?

— Да ты погляди, отвѣчалъ тотъ: — со страху небо съ овчину видится? Погляди, печать-то твоя....

И, въ самомъ дѣлѣ, цѣлковые припечатаны были, въ полномъ присутствіи слѣдователей, печатью полиціи.

Итакъ, цѣлковые были просверлены и припечатаны, а найденные у лавочника исчезли. Мандаринъ представилъ припечатанные цѣлковые куда слѣдовало, при такомъ донесеніи:

«Здѣсь-де найдены цѣлковые, признаваемые фальшивыми, и пробирный мастеръ удостовѣряетъ тоже; но до передачи дѣла въ судъ надо знать положительно, фальшивыя ли деньги эти; я что-то сомнѣваюсь, и потому представляю ихъ на разсмотрѣніе.»

А оттуда и шлютъ ихъ назадъ, приказывая сказать дурака пробирному мастеру и увѣдомляя, что цѣлковые эти не фальшивые, а настоящіе. Сообщая это все опасному ловцу, въ самой простодушной бумагѣ, мандаринъ нашъ прибавилъ только къ тому отъ себя:

«А какъ цѣлковые эти, по распоряженію вашему, были просверлены и, на основаніи постановленій, потеряли ходъ и цѣнность свою, то не угодно ли вамъ выслать то же число ихъ, для вознагражденія потерпѣвшихъ отъ сего убытокъ.»

XIX.

КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

—

Кадниковъ городишко небольшой, а въ свое время жили тамъ весело. Въ то время, о которомъ я говорю, случилось тамъ молодыхъ и порядочныхъ людей, которые дружно вмѣстѣ сходились и потѣшались, человѣкъ шесть; всѣ они были стрѣльцы, охотники, любили просторъ, лѣсъ да чистое поле, не боялись подъ часъ и топкаго болота и удосуживались отъ занятій своихъ по цѣлымъ днямъ и даже по недѣлямъ, живали въ окружныхъ деревняхъ, забавлялись охотой.

Однажды, осенью, добрая шаечка эта собралась ѣхать верстъ за двадцать, гдѣ надѣялась порядкомъ поживиться, и отправилась съ вечера въ двухъ легонькихъ долгушахъ, забравъ съ собою лягавыхъ собакъ своихъ, ружья, запасъ пороху и дроби и непричудливую закуску, надѣясь отчасти на крестьянское молоко, яйцы и курицы. Но, подъѣхавъ къ перевозу, гдѣ по ту сторону рѣчки вплоть по берегу стояли гостепріимныя, знакомыя избы и тянулась улочка вверхъ по горѣ, путники наши встрѣчены были неожиданною и непріятною вѣстію, что въ прошлую ночь

бурей сорвало паромъ и согнало далеко внизъ по рѣкѣ, гдѣ его насилу перехватили. Теперь все было въ растройствѣ, и прежде утра не могло быть никакой переправы. Подумавъ немного, охотники наши рѣшились расположиться на берегу и ждать разсвѣта.

Поставивъ съ двухъ сторонъ долгуши свои, таборъ устроился по срединѣ между нами; разостлали ковры и войлоки, развели огонь, поставили походный таганъ и принялись стряпать ужинъ. Возникъ было споръ, варить ли кашицу, или крошить лапшу; но старый охотникъ, который не могъ уснуть порядкомъ не поѣвъ пельменей, помирилъ всѣхъ, объявивъ, что сырыя, готовыя пельмени припасены въ достаточномъ количествѣ, и что онъ самъ берется положить ихъ счетомъ, по два десяточка на брата, въ кипяточекъ.

— Въ пельменяхъ, прибавилъ онъ: — душа какъ въ перинахъ лежитъ — сущая благодать!

Итакъ, усѣлись и улеглись вокругъ огня, кто съ трубкой, кто съ новомодной цигаркой, которая въ то время не такъ давно еще дошла до Кадниковъ и не успѣла вытѣснить собою окончательно благородный чубукъ, а кто и такъ, прищуривая на теплѣ глаза и открывая, отъ избытка роскоши, то одинъ бокъ, то другой. Кто-то вздумалъ потребовать круговаго разсказа, потому что еще было рано и спать никому не хотѣлось, и первый чередъ палъ, по общему приговору, на стараго охотника, который взялся готовить пельмени.

— Да что жь я вамъ буду разсказывать? спросилъ онъ: этакъ, врасплохъ, когда еще и голова не набита пельменями, ничего не придумаешь. Вотъ развѣ, когда они попадутъ уже въ брюхо — это иное дѣло; а натощахъ ничего не вспомнишь.

«Ну» сказали прочіе, «разскажите что нибудь изъ похожденій вашихъ на охотѣ: ихъ, чай, у васъ было не мало — есть о чемъ поговорить!»

— На охотѣ, отвѣчалъ тотъ: — да на охотѣ ничего такого особеннаго со мною, сколько припомню, не случалось. Что жь, напримѣръ, если я вамъ скажу, что поймалъ разъ живаго дупеля, который, взлетѣвъ, попалъ головкой въ самый зонтикъ морковника, такъ что двѣ вѣтки захлеснулись вокругъ шеи, и бѣднякъ попался, какъ въ силокъ; если разскажу, что одинъ крестьянинъ при мнѣ положилъ на одинъ зарядъ цѣлый мѣшокъ савчиковъ, такъ что не сталъ и стрѣлять больше и насилу донесъ ихъ домой, а мы дали ему на мѣстѣ пять зарядовъ пороху, за то только, чтобы онъ, изъ любопытства, дозволилъ ихъ пересчитать, и насчитали сто-двадцать-три; если я скажу вамъ, что, убивъ дупеля въ летъ, вдругъ увидѣлъ, что передо мною въ зеленой травкѣ еще кто-то перевернулся вверхъ бѣлымъ брюшкомъ, и что я, стало быть, убилъ тѣмъ же зарядомъ еще другаго долгоносаго, который сидѣлъ тутъ притаясь подъ кочкой, такъ что его никто и не видалъ; если когда разскажу, какъ мы однажды волка загнали въ колодезь, гдѣ онъ плавалъ часа три, покуда мы наконецъ не управились съ нимъ, накинувъ ему петлю изъ возжей на шею, а затѣмъ вытащили, связали, сострунили и привезли домой живьемъ; или какъ волкъ, затравленный, убитый и привѣшенный, покуда мы закусывали, за заднія ноги на дерево, очнулся, досталъ передними лапами до земли, вытянулся на нихъ сколько могъ впередъ и поймалъ зубами одного изъ завтракавшихъ за воротникъ: все это старо и васъ не утѣшитъ, а, между тѣмъ, по пословицѣ: «хоть ѣшь не ѣшь, а за обѣдъ почтутъ, хоть наслушались, хоть нѣтъ, а за разсказъ почтите.» Я свое сдѣлалъ, начинай другой!

Всѣ разсмѣялись; но спорить было не льзя, и слѣдующій, хотя онъ, по внезапности перехода на него очереди, и не успѣлъ приготовиться, разсказалъ народное бѣлорусское преданіе о Иванѣ и Аннѣ.

Въ то время, когда поляки вынуждали всѣхъ жителей тѣхъ краевъ принимать унію и когда православнымъ житья

не было отъ бернардиновъ, базиліановъ, доминикановъ и другихъ заклятыхъ врагов своихъ, жилъ молодой, ловкій и умный крестьянинъ, православный, о которомъ только осталось въ памяти народной, что его звали Иваномъ. Во всѣхъ дѣлахъ противъ притѣснителей, поляковъ, дѣло безъ Ивана не обходилось: онъ говорилъ, увѣщевалъ своихъ, давалъ раду, т. е. совѣтъ, и сильно и смѣло нападалъ на поляковъ, которые боялись и ненавидѣли его, но никакъ не могли съ нимъ справиться. Вотъ они и стали пріискивать средства, какъ бы погубить его, коли не силою, такъ хитростію: они узнали, что у Ивана была невѣста, прекрасная дѣвушка, умная, красавица, но чванная щеголиха, которая любила казать себя людямъ, охорашиваясь передъ ними и завлекая молодцомъ себѣ въ поклонники,— словомъ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, была она немного легка и тщеславна; а, между тѣмъ, Иванъ любилъ ее безъ ума. Зная сильный, необузданный и страстный нравъ его, можно было предугадать навѣрняка, что измѣна Анны должна бы была его погубить. И вотъ на какое дѣло пошли ксендзы: они отъискали и подпустили къ ней такого молодца, на котораго крѣпко надѣялись; снабжая его деньгами и щегольскою одеждой, они дали ему средство угождать Аннѣ, обманывать ее и увѣрить, что онъ богачь, что у отца или дяди его въ Польшѣ есть богатыя *майонтки* — помѣстья; былъ ли, не былъ ли онъ шляхтичемъ, но назвался имъ, и тщеславная Анна охотно ему вѣрила, особенно, когда онъ постоянно сталъ за нею ухаживать и, не обращая вниманія на прочихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, явно и гласно предпочиталъ ее даже лучшимъ шляхтянкамъ.... У бѣдной Ганнуси вскружилась голова. Сперва она, правда, не могла и не хотѣла забыть своего щираго Иванька, дозволяла себѣ только *жартовать* — шутить, играть — съ богатымъ молодымъ шляхтичемъ; но когда онъ сказалъ ей прямо, что знать не хочетъ ни одной шляхтянки, а любитъ ее одну и ее только хочетъ за себя взять, то у нея вскружилась

голова.... Опомнясь и боясь Ивана, она уговорилась бѣжать съ новымъ поклонникомъ своимъ въ Польшу. Все было втихомолку слажено и подготовлено, ксендзы дали названному шляхтичу денегъ и бричку, и чета наша ночью пустилась въ путь.

Но несчастный Иванъ не дремалъ: онъ молча зналъ и видѣлъ все, что дѣлалось, не зная только, вѣрить ли глазамъ и ушамъ своимъ, доколѣ не убѣдился, по неволѣ, въ измѣнѣ своей Анны. Она и суженый ея оба такъ были заняты собою, что позабыли объ Иванѣ и думать; а онъ слѣдилъ и наблюдалъ за ними, между тѣмъ, какъ ксендзы, со спокойнымъ и злобнымъ духомъ, смотрѣли со стороны на все, что дѣлалось. Имъ было все равно, они не щадили никого, лишь бы погубить Ивана, который мѣшалъ и противился лукавымъ намѣреніямъ ихъ и удерживалъ народъ отъ перехода въ латинство. Иванъ подстерегъ чету, далъ имъ уѣхать, но догналъ ихъ на самой грани литовской и закололь изъ своихъ рукъ обоихъ. Сдѣлавъ это, онъ долго сидѣлъ надъ трупомъ Ганнуси и смотрѣлъ ей въ мертвыя очи. Сердце его отошло, онъ заплакалъ, вырылъ самъ яму подъ дубомъ, положилъ туда обоихъ и засыпалъ землей. Самъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

Съ тѣхъ поръ, въ окружности этого мѣста, носятся тѣни убитыхъ, по ночному туману, а вдалекѣ за ними крадется тѣнь Ивана, съ ножемъ въ рукахъ. Въ лунную ночь, когда низменности покрыты мглою, можно видѣть ихъ, особенно поднявшись на курганъ, повыше тумана: напередъ медленно проносится по воздуху соперникъ Ивана и, покруживъ на мѣстѣ, будто осматривая, нѣтъ ли соглядатаевъ, начинаетъ манить рукой; тогда изъ ручья, протекающаго близъ дуба, всплываетъ на воздухъ прекрасная Анна, накрывая рукой кровавую рану противъ самаго сердца, и они вмѣстѣ несутся надъ туманомъ по воздуху, то рука въ руку, то обнявшись. Поселяне говорятъ, что когда Ганнуся проносится по свѣтлому мѣсяцу, то онъ скво-

зитъ черезъ нее, какъ сквозь тонкое, дымчатое облачко. Затѣмъ является Иванъ и, также покруживъ по воздуху, быстро пускается на чету. Соперникъ его стремглавъ падаетъ въ могилу свою, Ганнуся тихо опускается въ ручей, а Иванъ, покруживъ одинъ, уходитъ изъ виду въ темную даль. Все это повторяется иногда много разъ втеченіе лунной ночи; но съ пѣтухами тѣни исчезаютъ и скрываются въ невѣдомыхъ тайникахъ и затишахъ своихъ, до слѣдующей ночи.

Третій товарищъ поправилъ головни у костра и вызвался разсказать другое народное преданіе, подъ-стать Ивану и Ганнусѣ.

Старухи бываютъ иногда упрямы. Одной изъ такихъ старухъ вздумалось итти съ мѣшкомъ зерна въ ближнюю деревню, на мельницу, и домашніе никакъ не могли ее удержать, хоть и говорили ей, что теперь уже поздно, на дворѣ непогода, ночи осеннія, темныя и она не дойдетъ за-свѣтло съ тяжелымъ мѣшкомъ до мельницы. Но все это сама она лучше знала, а потому взвалила мѣшокъ на плечи и пошла.

Что напророчили ей люди, то и случилось: по дождю, по слякоти и впотьмахъ, съ мѣшкомъ своимъ за плечами, она выбилась изъ силъ на половинѣ дороги, сѣла, стала выть и злиться, а наконецъ проклинать себя и своихъ, которые ее отпустили, не пожалѣвъ старуху въ такую погоду, и помянула при этомъ еще разъ десятокъ чорта, который-де невѣсть зачѣмъ ее понесъ. Вдругъ, слышитъ она, ѣдетъ кто-то по дорогѣ, да еще и пѣсни поетъ: она обрадовалась, привстала и только собралась было проситъ проѣзжаго подвезти ее, какъ молодой парень, правившій троичной телѣгой, самъ остановился противъ нея и спросилъ:

— Что ты, бабушка? аль тужишь о чемъ?

— Да какже, родимый, не тужить—такъ и такъ, и вотъ какая бѣда надо мною встряслась!

— Садись, бабушка: я подвезу, да еще и прокачу лихо!

Старухѣ моей никой кладъ, взмостилась, взлѣзла на телѣгу и такъ рада, ровно вотъ дома на печку взобралась!..

«Вотъ — подумала она, усѣвшись — не безъ добрыхъ людей таки на свѣтѣ.»

Ямщикъ ѣдетъ и поетъ пѣсню: «Любилъ-де я дѣвку, и она меня любила пуще всего на свѣтѣ; да вишь, людямъ, завидно стало; на доброе дѣло нескоро подобьешь ихъ, а на худое — это нипочемъ, охочихъ много. Вотъ насъ и развели врознь; меня къ ней не пускаютъ, а ее ко мнѣ; а тамъ взяли, ее отдали за другаго, за какого-то старика вдовца, а меня женили, тожь по чужой волѣ, ни себѣ на радость, ни мнѣ въ угоду, а такъ, что воля дана старому обижать малаго. Прошло съ годъ, мы съ нею не видались; а какъ только увидѣлись да, перекинувъ слово-другое, про житье-бытье свое горькое узнали, да другъ на друга взглянули, то и рѣшились ума; вотъ и положили мы: ей, чтобы убить постылаго мужа своего, а мнѣ — задушить свою докуку смертную, жену.

«Такъ и сталось, какъ положили. Да какъ сошлись мы съ нею послѣ, по уговору, да взглянули опять другъ на друга, то сердце такъ и повернулось, что въ ней, что во мнѣ: и смотрѣть не смогли мы одинъ на другаго, заплакали, да и разошлись врознь, и разошлись навсегда. Пришла злая кручина, поглядѣла на насъ и принялась грызть, сперва ее, и извела ее въ конецъ скоро; исчахла бабенка и померла. Тутъ пришла кручина злая на меня, подступила подъ ретивое сердце, управилась и со мной, заѣла и меня на смерть и пошла.»

— Что жь, бабушка, ты, чай, думаешь конецъ пѣсни? Нѣтъ, погоди: «вотъ какъ заѣла насъ обоихъ злая кручина, тогда только и узнали мы, какова за дѣла такія бываетъ расправа: она, бѣдная, пошла до вѣку таскать стариковъ по болоту, а мнѣ вотъ досталось возить старухъ по горамъ. Какъ только кто ночью помянетъ чорта, вотъ какъ ты, ба-

бушка, такъ мы по должности своей и подхватимъ — она старика, а я старуху, да и возимъ ихъ до первой смѣны, покуда другой либо другая проговорятся; вотъ я одну ссадилъ теперь, что года два возилъ, а тебя посадилъ. Какъ смѣна тебѣ придетъ, такъ и тебя ссажу — да знаешь ли куда? ужъ не на вольный свѣтъ, а въ пекло, въ жупель, въ огонь. Эхъ, сивенькія! ударю! катай до смѣны!»

Ахнула бабушка и взвыла. Съ тѣхъ поръ, какъ только ночь настанетъ, такъ они вдвоемъ и ѣздятъ: онъ сидитъ да докучную пѣсню поетъ, все ту же да все про то же, а старуха съ мѣшкомъ своимъ сидитъ да голосомъ воетъ!

— Что вы, братцы, сказалъ четвертый товарищъ: — на ночь, да еще и въ чистомъ полѣ, такое нехорошее разсказываете, что нѐхотя позадь себя оглядываешься, а тамъ темно, какъ въ дубинѣ, особенно, когда отведешь глаза отъ огня! Лучше я вамъ разскажу, за что тетка прогнала меня изъ дому и лишила иаслѣдства: это будетъ хоть глупо, да повеселѣе!

Тетка моя — царство ей небесное — была барыня дикая: съ нею, бывало, никому не сговорить, ни совладать, а что самодурью заладитъ, такъ хоть ей осиновымъ коломъ въ ушахъ ковыряй, она тебѣ все будетъ говорить: соломенка!

Насъ было два брата, воспитывались мы въ корпусѣ, гащивали у тетки по праздникамъ, и какъ ни особой комнаты, ни кроватей для насъ въ домѣ не было, то на это время въ небольшомъ боковомъ покоѣ приставляли къ дивану четыре стула и стлали на этомъ помостѣ общую для двухъ братьевъ постель. Наконецъ я, какъ старшій, выпущенъ былъ годомъ прежде брата въ офицеры, и тетка позволила мнѣ довольно милостиво приходить къ ней во всякое время, и если отпустятъ, то, пожалуй, оставаться и ночевать. Я забылъ сказать, что тетушка моя была чистѣйшая дѣвственница, не терпѣла ни духу волокитства, и что я съ братомъ были ближайшіе наслѣдники ея.

Вотъ, братцы мои, и натянулъ я въ первый разъ мундиръ офицерскій, да вѣдь еще и съ эполетами... бѣгу къ теткѣ, ногъ подъ собой не слышу. Она рада, обнимаетъ, приглашаетъ остаться: «сегодня вечеромъ у меня повеселись — да, или ты не танцуешь — ну, хоть такъ погуляешь, посмотришь на людей; вотъ, познакомься: это внучатныя сестрицы твои, отъ дѣдушки Семена Иваныча; онѣ пріѣхали погостить ко мнѣ изъ Торжка.» Я расшаркался и подошелъ къ ручкѣ: правда, что двѣ премиленькія сестрички, хоть бы и не изъ Торжка пріѣхать, а откуда угодно.

Приходитъ вечеръ. Слѣпой музыкантъ сѣлъ за фортепяно, гостей сошлось довольно, и пошла пляска. Я, какъ человѣкъ вовсе не пляшущій, съ молодыхъ лѣтъ крѣпко скучаю на такихъ вечерахъ и хоть ты распинай меня, бывало, далѣе полуночи не выдержу — усну, какъ пить дамъ; а что же было въ то время, когда я привыкъ, по корпусному, ложиться спать въ девятомъ часу! Пляска въ самомъ разгарѣ, а я, назѣвавшись и намигавшись до безсилія, пошелъ промыслить темнаго уголка, гдѣ бы мнѣ прикурнуть. Заглядываю въ боковой покойчикъ — темно; иду на привычное мѣсто, къ дивану — такъ вотъ было и обмеръ отъ радости: постель моя уже постлана, все готово, только осталось потрудиться, да растянуться!

Не откладывая добраго дѣла, я тотчасъ же въ три пріема разоблачился и кувырнулся на перину. Тутъ я замѣтилъ, правда, что къ дивану приставлены были стулья и постлано для двоихъ, какъ всегда, бывало, дѣлалось для меня съ братомъ; «ну, что жь — подумалъ я — мнѣ отъ этого не хуже будетъ спать, все одно; видно, горничная теткина забылась и думала, что мы здѣсь оба, тогда какъ братъ мой остался въ корпусѣ.

Давно, и очень давно уже, покоился я истинно богатырскимъ сномъ, какъ вдругъ что-то сильно и тяжело на меня обрушилось, такъ что я проснулся въ страшномъ испугѣ,

полагая, что на меня обвалился весь потолокъ. Я вскочилъ съ постели своей, ударился обо что-то лбомъ, наткнулся на кого-то руками — въ то же мгновеніе въ ушахъ моихъ, и, притомъ, вплоть подлѣ нихъ, раздался пронзительный крикъ или визгъ, которому вторилъ еще другой голосокъ, какъ отчаянная флейта; затѣмъ что-то глухо стукнуло и все опять замолкло, а вокругъ меня сдѣлалось пусто.

Нѣсколько секундъ сидѣлъ я въ самомъ странномъ недоумѣніи, не будучи въ состояніи ни понять, ни сообразить, что тутъ сталось, какъ вдругъ въ дверяхъ показался свѣтъ, и тетка, услышавшая отчаянный крикъ племянницы, самолично, со свѣчей въ рукахъ, явилась на помощь. Но только лишь свѣча слегка освѣтила комнату, какъ тотъ же крикъ и визгъ возобновился около меня, и кто-то сильно потянулъ съ меня одѣяло, вѣроятно, нуждаясь въ немъ для собственнаго своего употребленія. Теперь только опомнился я, разглядѣлъ и сообразилъ что бѣдныя внучатныя сестрицы мои, пріѣхавшія изъ Торжка, сидѣли въ страшномъ испугѣ, прижавшись на полу въ уголки, одна по лѣвую руку отъ меня, за рядкомъ приставленныхъ къ дивану стульевъ, и укрывалась подушкой; другая же, въ ногахъ, за диваномъ, и эта-то противница моя всѣми силами старалась стянуть съ меня одѣяло, которое я успѣлъ, однако же, схватить за верхній край и, какъ сильнѣйшій, не выпускалъ изъ рукъ. Обѣ онѣ подняли отчаянный крикъ, чтобы тетка не вносила свѣчи. Тетка остановилась въ испугѣ и недоумѣніи въ дверяхъ и, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ спросила: «что это? что такое дѣлается?» Наконецъ она поняла изъ отрывочныхъ словъ дѣвицъ и изъ моихъ невинныхъ объясненій, что тутъ сдѣлалось. Постель, на этотъ разъ, постлана была вовсе не для меня, а для сестрицъ; я же не замышлялъ худаго, завладѣлъ ею по праву обычая и спалъ очень спокойно, когда онѣ обѣ, по разъѣздѣ гостей, простились и пошли укладываться. Зная, что у окна въ комнатѣ этой не было ни ставни, ни занавѣсокъ — сестрицы

уже три дня гостили у тетки — и увидавъ огонь въ окнѣ у проживавшихъ насупротивъ сосѣдей, барышни мои рѣшили, чтобы не брать съ собою въ спаленку свою свѣчи, и потому вошли и приготовились совсѣмъ ко сну въ потьмахъ. Бесѣдуя между собою о бывшихъ танцахъ, о кавалерахъ, о томъ и о семъ, онѣ беззаботно стали укладываться, и, такъ какъ, по устройству кровати-дивана въ углу, съ приставленными стульями неудобно было подняться на помостъ этотъ иначе, какъ въ ногахъ, то одна изъ дѣвицъ и опустилась оттуда съ размаху во всю длину свою на постель...

Хотя и съ трудомъ, однако, наконецъ дѣло это все объяснилось; но не такъ легко было окончить его и развести насъ по принадлежности, врознь, не говорю уже успокоить тетку: вы сами видите, что тутъ вышло нѣчто въ родѣ козы, волка и капусты, сошедшихся на перевозѣ. Комната была очень слабо освѣщена, потому что свѣча стояла въ сосѣдней комнатѣ; скромная тетушка, дѣвица лѣтъ шестидесяти, въ отчаяніи заламывала руки, сердилась, бранила меня, но дѣлу не помогала. Она вызывала то ихъ, то меня, но никому изъ насъ, въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились, нельзя было тронуться съ мѣста. Тетушка проклинала меня и выходила изъ себя; но дѣло отъ этого не спорилось. Горничная показалась было, услышавъ эту суматоху; но тетушка прогнала ее, а сама долго не знала, что начать. Послѣ долгихъ споровъ, перекоровъ и недоумѣній, заключено было наконецъ между нами перемиріе на такомъ основаніи, чтобы тетушка, зажмурясь, принесла бѣднымъ сосѣдкамъ моимъ по салопу, съ помощію которыхъ онѣ благополучно отступили въ другіе апартаменты; затѣмъ уже мнѣ приказано было одѣться; между тѣмъ, тетушка все время стояла за дверьми въ залѣ и напускалась на меня страшною грозой... Изъ самаго простаго, пустаго и развѣ только что забавнаго случая она, въ порывѣ негодованія, сочинила міровое событіе... никакія объясненія мои не

могли вразумить и умилостивить: вообразите, что несчастная Діана эта встрѣтила меня, какъ негоднаго мальчишку, пощечиной, въ ту же минуту выпроводила на улицу, заперла за мной дверь и съ тѣхъ поръ не пускала къ себѣ въ домъ! Этого мало: она лишила меня наслѣдства и передала все небольшое состояніе почти чужимъ, но какимъ то родственникамъ по десятому колѣну!

Товарищи разсмѣялись и, принимаясь за поспѣвшій ужинъ, не менѣе того потребовали пятаго разсказа. Этотъ пятый товарищъ не желалъ, однако же, сдѣлать какое либо упущеніе по части пельменей, и потому разсудилъ пожертвовать для разсказа своего не болѣе времени, какъ нужно было для нагрузки съѣдомаго изъ котелка въ деревянную чашку. «Конный полкъ былъ на ученьи — началъ онъ — а конный почтальонъ, на разбитой несчастной клячѣ, въ самое то время пустился въ три ноги черезъ площадь, когда скомандовали въ атаку: «маршъ-маршъ!» Бѣдный почтальонъ мой попался, какъ въ тенёта: несмотря ни на какое отчаянное стараніе, не можетъ уйти отъ несущагося прямо на него строя и видитъ неминучую участь свою быть смятымъ и раздавленнымъ! «Стой» закричалъ онъ громовымъ голосомъ погибающаго и, продолжая колотить клячу свою пятками по ребрамъ, пустился по улицамъ и проулкамъ и благополучно скрылся. Полкъ, разумѣется, осадилъ и остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный; солдаты слышали команду, которую ожидали, но не могли въ суматохѣ различить, откуда она послѣдовала. Долго розъискивали, кто осмѣлился произнести это громогласное, роковое *стой,* и наконецъ оказалось, что это былъ отчаянный крикъ погибающаго почтальона.

— Хорошо, сказалъ начальникъ пельменей и полевой атаманъ: все хорошо, что мы слышали; но дѣло не кончено: есть еще шестой. А ну, дядя, сказалъ онъ, обращаясь къ сторожу разстроеннаго перевоза, подсѣвшему тутъ же у огонька и слушавшему не безъ удовольствія господскія

ро́зсказни: — вотъ тебѣ чашка съ пельменями, а ты намъ разскажи что нибудь.

Сторожъ улыбнулся и зачесалъ затылокъ.

— Да что жь я вамъ разскажу! развѣ вотъ про пьянаго медвѣдя, да какъ черезъ него дѣдушка убился? Извольте!

И онъ началъ, кадниковскимъ го́воромъ:

Вотъ видишь, дѣло было лонись — аль нѣтъ, въ третьемъ годѣ — мы помногу-таки овса сѣемъ въ загородахъ, да полямъ, подъ большимъ-то лѣсомъ; къ дядѣ Ивану въ полосу и повадился гостенекъ покушивать овесецъ. Онъ и говоритъ, въ воскресенье, какъ всѣ дома были въ собраньи, на улицѣ, говоритъ: ребята! мою полосу всю овсеникъ-медвѣдь довелъ; убьемте его, не то и вашему овсу то жь будетъ. Да какъ его убьешь? на загородахъ елей нѣтъ, лабазовъ (полати, помостъ) сдѣлать негдѣ; а Максимъ десятникъ и надоумилъ: какіе-де тутъ на овсеника лабазы! великъ ли онъ и весь-то! а мы вотъ что, состроимъ-ко диковинку: нальемтѐ вина въ ушатъ — для міра изъяна большаго не будетъ; поставимте ушатъ на полосу, онъ себя и угоститъ! Ладно; мы къ ночи и изготовили винцо-отъ и наладили ловушку. Поутру я вскочилъ еще до солнышка — гляжу, и другіе встали, дожидаютъ. Вотъ разсвѣло, мы и пошли всей деревней, и большіе и челядь мелкая, кто съ топоромъ, кто съ чѣмъ, всѣ пошли на иванову полосу; а у десятника была съ собой и рогатина. Мы вишь тетерокъ сильемъ ловимъ, а ружей въ деревнѣ нашей нѣтъ ни у кого. Ну, стали подходить — всѣ и оробѣли: никто нейдетъ впередъ къ ушату на полосу, хоть что хошь дѣлай! Максимъ съ рогатиной зоветъ хозяина, дядю Ивана, а тотъ кричитъ: здѣсь, здѣсь, — а самъ ни съ мѣста. Я было пошелъ, да подумалъ: что бахвалить передъ другими, народу много, пусть идутъ. Тутъ негдѣ возьмись нашъ Лыско, собака: ощетинился, озлился да туда, черезъ огородъ-отъ, да и заурчалъ не своимъ голосомъ. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ гайкнули да разомъ и вскочили, а медвѣдь, какъ баринъ какой,

развалился въ овсѣ; да такъ-то похрапываетъ, что отъ гаму нашего всилу пробудился, да, пробудившись, только что головой потряхиваетъ, лапами подрягиваетъ, а онѣ его вишь и не слушаются: ни съ мѣста, лежитъ да и только! Вотъ штука то была, баринушко! обуха три дали ему въ лобъ, да и полно; пожелали всѣ живаго домой привести; послали за ужищемъ (веревкой), опутали всего, и онъ хмѣльной да сонный, вотъ хоть побожиться тебѣ, еще самъ лапы подставляетъ; шумъ да гамъ такой, всѣ ребятишки, всѣ бабы сбѣжались — потащили волокомъ медвѣдя того, глядимъ — ай, что это, Господи, на дорогѣ мой дѣдушка лежитъ! глядь, анъ сердечный не живой! Вотъ тебѣ и медвѣдь; что-молъ такое это?— Жалко и дѣдушку, да и не малая надо всѣми стряслась бѣда: поволокутъ въ судъ всѣхъ, и Богъ знаетъ что будетъ. Онъ вишь, прости Господи душу его, на пустоши нашей сидѣлъ, жегъ валы (лѣсъ), да и задумалъ въ этакую рань пріѣхать домой; а дорóга съ пустошей мимо загородъ нашихъ лежитъ: онъ старикъ ѣхалъ верхомъ да еще óхлябь (безъ сѣдла), вотъ какъ мы на медвѣдя-то загамили всѣ въ голосъ, лошадь и шарахнулась въ сторону, а дѣдушка сердечный, какъ пить далъ, съ нея торчмя головой, да въ битую дорогу темемъ; тутъ тебѣ и духъ вонъ. Ну, какъ быть, — поволокли въ деревню и его, и медвѣдя; дошли до деревни — дѣдушко-отъ сталъ вздыхать, отвелъ духъ, ожилъ; тутъ мы съ радостей давай медвѣдя въ лобъ колотить да шкуру съ него и сняли. Вотъ оно какъ было дѣло-то, баринъ, съ пьянымъ медвѣдемъ! а дѣдушка жилъ себѣ еще, все жилъ, покуда не померъ.

Между тѣмъ, стало уже не рано, и охотники наши, собираясь со свѣтомъ на промыселъ, поужинавъ, завернулись въ охобни свои разнаго покроя и повалились на полати спать. Когда же первый изъ нихъ на зарѣ потянулся и выглянулъ извнѣ плаща на бѣлый свѣтъ, то увидѣлъ, что паромъ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ и переправа была устрое-

на. Вскочивъ, разбудилъ онъ товарищей, и черезъ четверть часа берегъ этотъ опустѣлъ; черезъ часъ, выстрѣлы стали уже раздаваться на противоположномъ берегу, перекатываясь среди общей тишины по гладкой, какъ зеркало, рѣчкѣ.

XX.

ДРУГАЯ КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

—

Наохотясь досыта или, по крайней мѣрѣ, до сумерекъ и усталости, кадниковцы наши заѣхали на ночь къ знакомому крестьянину, заняли клуню, гдѣ было свободнѣе и привольнѣе, чѣмъ въ избѣ, развели огонекъ, подъ страхомъ своей отвѣтственности, разсѣлись вокругъ, съ большимъ нетерпѣніемъ, ожидая дальнѣйшаго распорядка полеваго атамана. Такъ какъ днемъ ничего не варилось, а всѣ были съ утра въ работѣ и довольствовались, какъ онъ выражался, сухомяткой, то приставлено было два блюда: кашица, для положенія основанія, и опять-таки пельмени, на закрѣпу. Между тѣмъ, какъ вчерашній вечеръ, проведенный въ круговой бесѣдѣ, всѣмъ полюбился, то и было опять предложено каждому разсказать по были или небылицѣ.

— Чуръ меня на хвостъ, закричалъ атаманъ, а то вы меня опять врасплохъ захватите!

— Жилъ-былъ молодой парень — началъ первый чередной — жилъ зажиточный купецъ, который давно уже любилъ дѣвушку, небогатую, но умную, смирную и красавицу, да при жизни отца своего никакъ не смѣлъ на ней же-

ниться, почему и оставался холостымъ до своей воли, а отдавъ отцу послѣдній долгъ и почетъ, вскорѣ обвѣнчался съ нею и жилъ такъ, что и радостно и завидно было смотрѣть на чету эту со стороны. Вотъ Богъ услышалъ молитву ихъ и благословилъ честное житье ихъ, и приходитъ время, что ожидать имъ скоро перваго ребенка. И радостно стало и страшно. Много они говорили объ этомъ промежь собой, утѣшая другъ друга, а наконецъ, когда ужь стала подходить пора, молодая жена, обнявъ мужа своего, сказала:

— Дастъ Богъ — все кончится благополучно. Отъ слова не сбудется: но еслибъ пришлосъ мнѣ умереть, не сѣтуй, другъ мой, и на это: мы съ тобой свидимся; а о сынѣ нашемъ — потому что я тебѣ рожу сына — не заботься: я его не покину, ужь я Бога объ этомъ умолила.

Больше не сказала она ничего, а мужъ, заплакалъ отъ такихъ рѣчей, не сталъ болѣе распрашивать, а старался только утѣшить ее и ободрить.

На бѣду мужа, однако, молодая, добрая и пригожая хозяйка его, видно, сказала все это не спроста, а знала больше его: все сбылось: сыночка она ему подарила, а сама не перемоглась—позвала мужа, простилась съ нимъ, еще разъ просила не забыть, что она ему говорила, и преставилась. Нечего и говорить вамъ о томъ, какъ горевалъ бѣдный вдовецъ и тужилъ, не смогши послушаться покойницы, которая наказывала ему не плакать по ней и не скучать. Но надо было тотчасъ же позаботиться о сироткѣ, и отецъ, приказавъ отъискать хорошую, надежную кормилицу, не пожалѣлъ ничего, чтобы устроить дѣло это какъ можно лучше. И точно, нашли кормилицу молодую, хорошую, бабенку здоровую и къ тому еще добрую и заботливую, такъ что, казалось, и желать больше нечего; а между тѣмъ, дѣло все какъ-то не ладилось: ребенокъ не хотѣлъ брать груди у кормилицы и кричалъ цѣлый день, ночью же лежалъ

спокойно и даже никогда не вскрикивалъ, хоть и просыпался.

Никто не могъ понять, что бы это значило, и сама кормилица больше всѣхъ убивалась по пріемышѣ своемъ, котораго любила, какъ свое родное дитя. Вотъ она и стала примѣчать за нимъ, не спать по ночамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ей разъ показалось, будто люлька скрипѣла ночью и качалась; и точно, на слѣдующую ночь убѣдилась она, что не ошиблась: что-то прошло по комнатѣ тише тѣни, подошло къ колыбели, и кормилица услышала, на этотъ разъ ясно, что ребенокъ сосетъ. Она испугалась и не знала, что дѣлать, но пролежала смирно, едва дыша, и видѣла опять, какъ впотьмахъ мелькуло что-то по комнатѣ, противъ окна, а затѣмъ дверь скрипнула и опять тихо притворилась. Послѣ этого малютка спалъ спокойно до утра.

Кормилица пришла на утро, испуганная, къ хозяину и разсказала ему въ страхѣ, что покойница-мать ходитъ по ночамъ кормить ребенка, и вотъ почему онъ днемъ не беретъ чужой груди и кричитъ, а по ночамъ покойно спитъ. Хозяинъ долго не вѣрилъ этому, но наконецъ рѣшился лечь на ночь неподалеку ребенка и стеречь, что будетъ. Онъ видѣлъ и слышалъ почти то же, что кормилица, но по темнотѣ ночи не могъ распознать, кто или что ходитъ. Поутру молодой вдовецъ сталъ крѣпко задумываться, не зная, что дѣлать; его обдавало суевѣрнымъ страхомъ. Подумавъ, пошелъ онъ посовѣтоваться съ хорошими товарищами, молодыми людьми, съ которыми былъ друженъ еще до женитьбы. Они потолковали и, не вѣря такому диву, положили притти на ночевую къ своему пріятелю, чтобы во всемъ самимъ убѣдиться. Легли, не засыпая, и стали стеречь: около полуночи дверь тихо отшатнулась, что-то, медленно и едва касаясь пола, пронеслось по комнатѣ, и вскорѣ младенецъ началъ чмокать и сосать. Одинъ изъ посѣтителей, немного погодя, всталъ, пошелъ въ другую комнату, засвѣтилъ свѣчу и вошелъ съ нею; но онъ не увидалъ ничего,

кромѣ того, что безпокойный, будто испуганный, ребенокъ метался головкой во всѣ стороны, какъ будто чего-то не доискивался, а потомъ сталъ плакать.

Потолковавъ объ этомъ на другой день, пріятели хозяина стали, однакожь, утверждать, что никто изъ нихъ ничего положительнаго не видалъ, и потому надо повторить опытъ; а одинъ изъ нихъ прибавилъ, что онъ, помнится, слышалъ когда-то отъ стариковъ, какъ въ подобномъ случаѣ надо поступить: надо поставить свѣчу подъ новый горшокъ и, какъ только что нибудь явится, вдругъ поднять горшокъ и освѣтить комнату: тогда привидѣніе не успѣетъ скрыться, и его можно увидѣть.

Сдѣлали все, какъ положили, и улеглись. Около полуночи слышатъ опять то же: и дверь отозвалась, и походка чья-то, легкая и едва только слышная, казалось, и младенецъ зачмокалъ. Тогда одинъ изъ гостильщиковъ снялъ горшокъ: всѣ вдругъ увидѣли покойную, молодую жену хозяина, которая, въ саванѣ своемъ, стояла на колѣняхъ подлѣ зыбки младенца и кормила его мертвою грудью... Медленно встала она, взглянула тусклыми глазами на смертельно перепуганнаго мужа, пошла тихими шагами къ двери, еще разъ оглянулась и скрылась. Всѣ вскочили и пошли вслѣдъ за нею, прослѣдили ее изъ дому по улицѣ, и другой, и третьей и наконецъ, остановясь неподалеку кладбища, видѣли, какъ она, перекрестясь на всѣ четыре стороны, опустилась въ могилу, а надъ мѣстомъ этимъ какъ будто въ облакахъ заиграло легкое зарево. Всѣ въ страхѣ воротились домой, не зная, что сказать и что подумать.

Младенецъ послѣ этого вовсе отказался отъ груди кормилицы, кричалъ день и ночь, и какъ мать его болѣе не являлась, то бѣдняжка, несмотря ни на какія старанія и заботы несчастнаго отца, хилѣлъ, слабѣлъ и вскорѣ умеръ. Его похоронили въ одномъ мѣстѣ съ матерью, которой гробъ, при этомъ случаѣ, нашли въ цѣлости, съ забитой крышкой, какъ онъ былъ поставленъ. Купецъ сталъ со дня

на день скучать, молчалъ, задумывался, бросилъ всѣ дѣла свои и наконецъ лишился ума; а всѣ свидѣтели этого происшествія съ испугу сдѣлались заиками.

— И я вамъ разскажу коротенькое народное преданіе, началъ второй на очереди: — но только въ другомъ родѣ: не о мертвецахъ то есть, но и не о живыхъ.

Волга и сестра ея Вазуза, вытекая и та и другая маленькими рѣчушками, одна въ Тверской, другая въ сосѣдней съ нею, Смоленской губерніи, заспорили, кто изъ нихъ будетъ больше, сильнѣе и старше. Не переспоривъ другъ друга ничѣмъ, потому что онѣ въ пеленкахъ были обѣ равны, рѣшились пуститься бѣжать навыпередки: ляжемъ вмѣстѣ спать, да кто раньше встанетъ и прежде добѣжитъ до моря до Хвалынскаго, тому и почетъ. Легли; но Вазуза почти не смыкала глазъ, поднялась еще ночью, выбрала себѣ прямую дорогу и шибко потекла. Волга проснулась на зорѣ, умылась, одѣлась, Богу помолилась и пошла, ни быстро, ни тихо, средней побѣжкой; но, узнавъ объ измѣнѣ Вазузы, она пустилась ей въ перейм, догнала ее въ Зубцовѣ и тутъ отрѣзала ей дорогу; тутъ Волга такъ грозно напустилась за измѣну эту на Вазузу, что эта больно испугалась, присмирѣла и назвалась мéньшею сестрою; а какъ Волга перерѣзала ей путь и самохвалкѣ Вазузѣ по сыртамъ и горамъ бѣжать было несподручно, слабость же свою она познала, то и покорилась и стала просить старшую сестру взять ее съ собою, не попомнивъ лиха, да снести на море. Волга приняла ее, и съ тѣхъ поръ живутъ и плывутъ онѣ мирно. Вазуза, однако же, по старой привычкѣ, просыпается всегда весной раньше Волги, бѣжитъ къ ней, будитъ ее, и онѣ вмѣстѣ уносятся на глубокое, синее море. Надо замѣтить, что Вазуза, по быстротѣ склона русла и по множеству родниковъ, точно, всегда вскрывается раньше Волги.

Третьяго понукнули, толкнувъ подъ бокъ, и онъ началъ такъ:

— Былъ у одного мужика котъ, который въ молодости мышей ловилъ, а подъ старость залѣнился, аль у него ужь поясница заболѣла, только сталъ онъ плохъ въ домѣ и по хозяйству ни къ чему не годенъ; а какъ его кормить не кормили, то онъ и сталъ промышлять самъ — только не мышами, какъ бывало прежде, а молочкомъ, сметанкой, маслицемъ и творожкомъ, который, видно, больно ему по зубамъ пришелся. Вотъ, хозяйка и напустилась на мужика, чего-де онъ смотритъ, на что держитъ въ домѣ кота, который вовсе избаловался, въ годъ со днемъ ни одной мышкѣ даже и хвоста не отгрызъ, а день за день бѣдокуритъ. Первое, сказала она, что надъ нами, я слышала, и мыши смѣются, а другое, намъ и отъ кота самого житья нѣтъ, — не устережешься!

— Ну, такъ что жь ты на меня напустилась? управилась бы сама, какъ знаешь. Что, онъ сынъ мнѣ, что ли?

Хозяйка отвѣчала, что это не женское дѣло, а мужику-де слѣдуетъ отвезти кота въ лѣсъ, какъ поѣдетъ по дрова, и тамъ его покинуть. Такъ мужикъ нашъ и сдѣлалъ: онъ поѣхалъ по дрова, взялъ съ собою кота въ мѣшокъ, навалилъ хворосту и, кончивъ дѣло, развязалъ мѣшокъ и закинулъ бѣднаго кота въ овражекъ, а самъ поѣхалъ. «Вотъ — подумалъ котъ — кабы я былъ собакой, хоть она и врагъ мой, то побѣжалъ бы теперь за возомъ; а съ моей натурой дѣлать этого не приходится. Видно, оставаться тутъ и пропадать!»

— Здравствуй, Котафей Иванычъ! сказала Лиса Патрикѣевна, увидавъ этого гостя.

— Здравствуй, коли хочешь, сказалъ котъ, отворотивъ рыло, потому что былъ сердитъ на мужика.

— Какъ ты попалъ къ намъ сюда и зачѣмъ пожаловалъ?

Котафей Иванычъ разсказалъ все:

— Бывало, поѣмъ, да и на бокъ, сказалъ онъ: — оттого я гладокъ; а теперь, какъ вотъ состарѣлся и никуда не го-

жусь, такъ за дурное поведенiе сосланъ сюда. Вотъ и пришлось пропадать.

«Погоди — подумала лиса — нельзя ли будетъ изъ этого случая получить какую прибыль: Котафей Иванычъ такой звѣрь, что здѣсь въ лѣсу никто его не видалъ и не знаетъ, можно будетъ попугать имъ народъ.

— Вотъ что, другъ мой Котафей Иванычъ, сказала лиса:— мнѣ тебя жаль, я помогу тебѣ; пойдемъ, поживи у меня — большихъ затѣй нѣтъ, мы люди небольшiе, а чѣмъ Богъ послалъ, коли не прогнѣваешься!

— Спасибо на добромъ словѣ, отвѣчалъ Котафей:— пойдемъ.

И лиса отвела его въ нору, раскопавъ ее пошире, раструбомъ, чтобъ пострашнѣе казалось, а коту велѣла залечь тамъ и отдохнуть, сама же побѣжала собирать сходку.

Сошлись всѣ звѣри, и малый и великiй, и слушаютъ, что будетъ говорить лиса; а она, поздоровавшись честно и пожелавъ мiру всякаго добра, сказала:

— Слышали ль вы, други, что въ нашей волости дѣется? Къ намъ присланъ новый бурмистръ, да такой страшный, какого мы еще и не видали: вотъ пойдутъ тяжкiя времена! Прозывается онъ Котафей Иванычъ; рыло у него съ усами, языкъ игляной, очи что свѣчи, когти что грабли, хвостъ змѣиный, шерстка мягкая, да думка злая! спитъ, такъ храпитъ, по человѣчьи, а не спитъ, такъ я одно только слово и слышала отъ него: все кричитъ: мало, мало, мало — хоть какой приносъ не принеси! Такъ вотъ что, мiряне, онъ уже выбилъ меня изъ дому! Полюбилась ему моя бѣдная землянка. Что жь! Богъ съ нимъ, я бы объ этомъ не тужила — обидѣлъ, такъ мнѣ съ нимъ не тягаться. Я бы съ чадами и домочадцами своими ушла куда нибудь, подъ пень, подъ колоду, такъ не пускаетъ, велитъ кормить себя. Вотъ оно мнѣ одной и не подъ силу. И сама я и челядь мелкая моя почитай не ѣвши сидимъ, а бурмистръ нашъ все съѣлъ одинъ, что я запасла и заполевала. Вотъ

онъ и приказалъ мнѣ собрать сходку да повѣстить всѣмъ знать и помнить и бояться новаго бурмистра, Котаѳея Иваныча; приказалъ онъ міру сдѣлать раскладку, чтобъ день за день скоромный столъ былъ. Вотъ, міряне, больше мнѣ говорить нечего, сами знаете что дѣлать: вы умнѣе меня; а сердитъ, и больно сердитъ новый нашъ бурмистръ.

Зашумѣлъ міръ и пошелъ ходить ходенемъ, какъ волна морская. «Что дальше, то не легче,» ворчалъ, почесываясь, мишка; однако, никто не отказался ни отъ чего, что міръ на кого положитъ, и разошлись всѣ, помня каждый, что и когда надо ему нести къ лисьему двору; а на первый разъ порядили такъ, чтобы итти завтра всѣмъ на поклонъ къ Котаѳею Иванычу и всѣмъ принести ему по гостинцу. Вотъ пришли, разложили все съ великимъ страхомъ: волкъ четверть телятины принесъ, медвѣдь пива-меду наварилъ, хорекъ ощипалъ и очистилъ утку, а хорчиха его принесла пару яицъ, — словомъ, всякъ что могъ, — и стоятъ кругомъ, ждутъ, итти не смѣютъ. Выглянула изъ норы лиса, поздоровалась шопотомъ со всѣми.

— Почиваетъ еще бурмистръ нашъ, сказала она: — а будить его я не смѣю: больно сердитъ. Не поскучайте, люди добрые, подождите.

— Послушай, кума.... началъ было медвѣдь.

Но лиса высунувъ опять голову, сказала:

— Нѣтъ, Михайло Потапычъ, извини: я теперь ужь не кума, я бурмистерша. Котаѳей Иванычъ присланъ былъ къ намъ на управу холостымъ, а я также, сами вы знаете, перебивалась какъ могла сирою вдовицей. Вотъ онъ нынѣ и смиловался надо мной и почтилъ вѣрную службу мою — взялъ меня въ хозяйки; а по отчеству, коли знать не побрезгаете, зовутъ меня Патрикѣевной.

Всѣ звѣри переглянулись, пожали плечами да и замолчали, а Миша понурилъ голову, сталъ повертывать туда и сюда лапу свою и разсматривать когти. Немного погодя, лисанька вышла и стала подзывать стариковъ, чтобъ под-

ходили на поклонъ къ бурмистру, кланялись ему ниже и звали на угощеніе. Всѣ звѣри боятся, ни одинъ не трогается съ мѣстѣ, — только поглядывая другъ на друга, говорятъ:

— Иди ты напередъ, иди ты!

Наконецъ присудили итти кабану, самому старому, который уже почти мохомъ обросъ; но какъ только онъ подступилъ и захрюкалъ, хоть и самымъ почтительнымъ образомъ, то бурмистерша торопливо закричала на него и прогнала, сказавъ что этотъ человѣкъ никакой обходительности и хорошихъ обычаевъ не знаетъ. Стали вызывать Мишку. Мишукъ пошелъ да какъ увидѣлъ въ темной норѣ пару глазъ, какъ огонь, которые освѣщали круглую, страшную морду съ усами, то насилу устоялъ на ногахъ, промычалъ что-то, оробѣлъ, поклонился и отошелъ.

— Прочь, закричала лиса: — Самъ идетъ, Самъ идетъ!

И всѣ звѣри отошли и попрятались, кто на деревьяхъ, кто за кустами и пнями. Котафей Иванычъ вышелъ чинно, и, между тѣмъ, какъ Лиса Патрикѣевна уговаривала его на ушко поднять хвостъ какъ можно повыше и писать имъ по воздуху разводы, онъ подошелъ къ приготовленному для него столу и началъ было кушать. Тутъ онъ, по старой привычкѣ своей, заурчалъ:

— Мало, мало, мало.

И въ тоже время, покосившись на сторону, гдѣ Мишка зашелѣстилъ листьями, выглядывая изъ-за куста на диковиннаго бурмистра, — подумалъ, что это мышь, а потому не утерпѣлъ и бросился туда въ одинъ прыжокъ: всѣ звѣри со страху попадали, никто на ногахъ не устоялъ, — думали, что пришелъ послѣдній часъ ихъ; вскочивъ, пустились они бѣжать всѣ безъ оглядки и очистили весь лѣсъ, гдѣ поселилась лиса со своимъ бурмистромъ; ей сдѣлалось спокойно и просторно и охотиться привольно. Такимъ-то образомъ хитрая лиса, взявъ къ себѣ на хлѣбы дряхлаго, неспособ-

наго кота, закинутаго мужикомъ, напугала и выжила имъ изъ лѣсу всѣхъ звѣрей.

— Настоящая охотничья сказка, замѣтилъ четвертый товарищъ, за которымъ теперь стояла очередь: — волки да медвѣди! А я скажу вамъ теперь побасенку про жида.

Шелъ мужикъ дорогой, и нагоняетъ его еврей:

— Здравствуй, мужичекъ!

— Здорово!

— А куда ты идешь?

— Иду впередъ, видишь.

— Ну и я туда иду, такъ пойдемъ вмѣстѣ, покуда по пути.

— Пойдемъ.

Пошли стороной, подлѣ дороги, и дошли до канавки. Еврей перескочилъ, у него изъ-за пазухи и выпалъ кошелекъ съ деньгами, а мужикъ подхватилъ его скоро да и самъ перескочилъ. Жидъ тотчасъ спохватился и проситъ мужика:

— Ну, ты хорошій человѣкъ, это все я знаю, однако, пожалуйста, отдай мнѣ кошелекъ.

— Какой?

— Да ты поднялъ его, я видѣлъ.

— Нѣтъ, врешь.

— Ну дай же, я тебя объищу.

— Нѣтъ, не дамъ.

— Ну такъ полно шутить, отдай деньги.

— Я тебѣ говорю, что денегъ твоихъ не бралъ и не видалъ.

Жидъ долго усовѣщавалъ мужика и наконецъ просилъ воротиться опять на то мѣсто, гдѣ онъ обронилъ деньги. Тутъ онъ, стараясь напомнить мужику какъ что было, показалъ ему на дѣлѣ: какъ онъ шелъ впереди, какъ дошелъ до канавы, какъ собралъ полы халата въ руки, перескочилъ, деньги выпали, — потомъ заставилъ мужика прыгать,

требуя, чтобъ онъ показалъ, какъ онъ нагнулся и поднялъ деньги; но мужикъ отказался, говоритъ:

— Я денегъ твоихъ не видалъ и примѣра такого не бывалаго показывать не хочу.

— Коли такъ, говоритъ жидъ: — то пойдемъ къ пану; пусть онъ насъ разсудитъ.

— Пожалуй, пойдемъ.

Идутъ и все дорогою спорятъ. Вотъ жидъ и спрашиваетъ:

— Ну, добрый человѣкъ, скажи жь мнѣ правду, когда будемъ мы передъ паномъ стоять, что ты будешь говорить?

— А извѣстно, все то же, что денегъ твоихъ не видалъ.

— Нѣтъ, сердце мое, ты говори такъ, какъ я буду говорить.

— А ты какъ будешь говорить?

— А вотъ какъ, говори ты за мною: шли мы двохъ по дорогѣ.

— Шли мы двохъ по дорогѣ.

— Дошли мы двохъ до канавы.

— Ну, дошли мы двохъ до канавы.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— А ты хапъ!

— А ты хапъ!

— Нѣтъ, постой, сердце, спохватился жидъ: — не такъ — ты говори! а я хапъ!

— Да коли ты самъ признаешься, что ты хапнулъ его, сказалъ мужикъ: — такъ намъ и толковать больше съ тобой не о чемъ.

— Нѣтъ, сердце мое, добрый ты человѣкъ, вотъ на, я тебѣ дамъ на чарочку пятакъ, только говори по правдѣ: когда я скажу: ты, то ты говори: я; а коли я скажу: я, то ты говори: ты.

— Я и то такъ говорю: ты говоришь, что я поднялъ кошелекъ, а я говорю, что ты.

— Нѣтъ, полно шутить, говори же такъ, на себя.

Мужикъ взялъ пятакъ и переговорилъ слѣдомъ за евреемъ все, какъ тому хотѣлось; тогда еврей успокоился, повторилъ дорогой еще разъ урокъ этотъ и просилъ только, чтобы мужикъ не забылъ этого и также точно говорилъ передъ паномъ. Идутъ дальше, и жидъ все тоже опять твердитъ мужику, а какъ этотъ только заупрямится и не хочетъ говорить по немъ, то жидъ ему даетъ пятакъ; такимъ образомъ, покуда дошли они до пана, онъ ему передавалъ до десяти пятаковъ и былъ доволенъ, что глупый мужикъ затвердилъ наконецъ урокъ свой и говорилъ за жидомъ ни въ чемъ не сбиваясь.

Приходятъ къ пану, начали судиться. Мужикъ отпирается, говоритъ только, что денегъ жидовскихъ не видалъ: это была правда, потому что онѣ были въ кошелькѣ, и онъ, точно, ихъ не видалъ, а видѣлъ и поднялъ съ деньгами кошелекъ. Жидъ говоритъ:

— Пане вельмозный! какъ шли мы до вашей мосьци, то онъ мнѣ самъ признавался. Вотъ пусть паночекъ позволитъ, я самъ стану спрашивать его: онъ добрый человѣкъ, все скажетъ: а вы только слушайте. Ну, говори, сердце, за мною, какъ говорилъ дорогой: шли мы по дорогѣ, дошли мы до канавы, я черезъ канаву скокъ, кошелекъ съ деньгами покъ, а ты хапъ!

— Нѣтъ, я денегъ твоихъ и не видалъ.

— Вотъ видишь, какой же ты невѣрный человѣкъ: передъ паномъ не хочешь такъ говорить, какъ говорилъ дорогой.... Позвольте, паночекъ, я съ нимъ выду въ сѣни, потолкую: онъ, глупый человѣкъ, забылъ какъ говорилъ прежде.

Вышли, а панъ сталъ въ дверяхъ и слушаетъ, что они будутъ говорить. Жидъ сталъ попрекать мужика, зачѣмъ онъ его обманулъ.

— Я тебѣ дорогою передавалъ сколько пятаковъ, чтобъ ты помнилъ хорошенько, какъ надо говорить, а ты опять свое. За что же я тебѣ давалъ деньги? На́ возьми, вотъ тебѣ еще, только, смотри, говори за мною вѣрно, хорошенько, какъ я тебя училъ, да также говори передъ паномъ....

Услышавъ это, панъ вдругъ растворилъ дверь, прибилъ жида за то, что учитъ глупаго мужика на себя самого наговаривать напраслину, и выгналъ ихъ обоихъ вонъ.

Пятый товарищъ, полевой атаманъ, который также бывалъ въ Литвѣ, взялся разсказать небыль о евреѣ на соснѣ и о зайцахъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ было набито биткомъ столько жидовъ, что они ужъ, какъ говорится, сѣли другъ на друга, и не было имъ одному отъ другаго житья: проѣзжаго бывало, чуть не разорвутъ на клочки, потому что всѣ голодны, каждому надо поживиться; на базарѣ, коли что дешево, съ бою берутъ, другъ передъ другомъ, такъ что бѣдному мужику страшно подступиться — разорвутъ, какъ собаки, и не будешь знать послѣ, на комъ искать. Вотъ одному еврею понадобилось купить кое-что, онъ и поѣхалъ на торгъ въ ближнее селеніе, надѣясь тамъ достать что нужно, подешевле. Пріѣхалъ, закупилъ соли, масла, свѣчей, нитокъ, иголокъ, наперстковъ и отправился вечеромъ домой; а пора была осенняя и ночи темныя. Между тѣмъ, сталъ онъ заботиться, что долго промѣшкалъ и домашніе его будутъ по немъ безпокоиться; сталъ онъ также шибко побаиваться самъ, чтобы въ лѣсу чего съ нимъ не случилось; гналъ клячу свою и чуть не загналъ ее вовсе, потому что дороги были плохія, а возъ тяжелый, да еще къ тому онъ заѣхалъ ночью на такую раздорожицу, которой не могъ признать впотьмахъ и не зналъ куда ѣхать; лошадь же онъ замучилъ и задергалъ такъ, что и она сбилась, тогда какъ сама, вѣрно, дошла бы хорошо. Думалъ онъ, думалъ, бился, бился, а пришлось одному ночевать въ непогодь въ лѣсу. Вотъ

онъ слѣзъ съ воза, выпрягъ и привязалъ лошадь, давъ ей корму, а самъ разсудилъ, что ему ночевать у воза опасно: коли недобрые люди набѣгутъ, то убьютъ непремѣнно, ни за грошъ; поэтому онъ повозку и лошадь покинулъ, выбралъ въ сторонѣ такую сосну, на которую бы можно было взлѣзть, и, ободравшись весь, взобрался подъ самый вершокъ сосны этой и сидитъ, радуясь безопасному притону своему, а самъ все смотритъ внизъ, на повозку и лошадь, что-то тамъ дѣлается; но темь стоитъ такая, что не видать ни зги, и путникъ отдался на волю Божью.

Вдругъ еврей слышитъ вдали протяжный крикъ, будто кто въ лѣсу аукается, и крикъ этотъ приближается къ нему съ разныхъ сторонъ. Сперва было онъ очень испугался, думая, что это непремѣнно какая нибудь шайка воровская, вышедшая его искать; но когда крикъ приблизился, то бѣдный жидъ, дрожа отъ страха, вдругъ узналъ, какъ ему показалось, голоса своихъ любезныхъ дѣтей: «такъ и есть — говорилъ онъ — такъ и есть, они, бѣдненькіе, захлопотались безъ меня, что я больно промѣшкалъ, и теперь, видно, Сузька моя вывела ихъ всѣхъ въ лѣсъ меня искать; точно такъ, я слышу, это голосокъ моего маленькаго Шмуля, а это моя Хаичка....» Здѣсь, здѣсь, началъ еврей подавать голосъ, надсѣдаясь; а тѣ продолжаютъ себѣ кричать, то приближаясь, то опять удаляясь, будто его и не слышатъ. Еврей выходитъ изъ себя, во все горло кричитъ и аукаетъ, не постигая, отчего вся семья его оглохла; а, между тѣмъ, это перекликались зайцы, зычно покрикивая человѣческимъ голосомъ, чего еврей мой дотолѣ отъ роду не слыхалъ; и чѣмъ попеременно зайцы то подбѣгали ближе, то дальше, тѣмъ онъ больше выходилъ изъ себя, кричалъ во все горло, что онъ здѣсь; то спускался въ полдерева, то опять подымался, опасаясь слѣзть вовсе и стараясь разсмотрѣть что нибудь впотьмахъ. Онъ дотого докричался и добѣсился, ругая домашнихъ своихъ, которые ходятъ вокругъ, а на крикъ его не отзываются, что со свѣтомъ слѣзъ съ дерева про-

мокшій, ободранный, осиплый, усталый и совсѣмъ больной; онъ рѣшительно выбился изъ силъ. Къ разсвѣту, само собою разумѣется, вся семья его исчезла, и онъ опять остался въ лѣсу одинъ.

Впрягши лошадь, онъ все еще не могъ опознаться и долго плуталъ по лѣсу, покуда наконецъ встрѣчный крестьянинъ не указалъ ему дороги. Пріѣхавъ домой и позвавъ всѣхъ, чтобъ переносить въ корчму покупки, онъ грозно на нихъ напустился: «какіе вы, говоритъ, дураки, вышли меня искать — ну, и спасибо вамъ за это — такъ зачѣмъ же вы не слушали моего голоса? я вамъ отвѣчалъ, кричалъ, кричалъ — вотъ, совсѣмъ охрипъ и говорить даже не могу, и грудь болитъ. Теперь лишній расходъ: надо пить шалфей!»

Домашніе всѣ смотрятъ на него, какъ на шальнаго, и наконецъ уже, когда сошлись также сторонніе и еврей показалъ, какъ именно жена и дѣтки его кричали, дѣло объяснилось и тогда его засмѣяли, такъ что онъ сидѣлъ дома съ недѣлю, пилъ шалфей и никуда не смѣлъ показать глазъ. Долго еще дразнили и сердили его, спрашивая: «а что, каково поживаютъ твои дѣти въ лѣсу?»

— Хороша твоя сказка, сказалъ одинъ изъ товарищей: — теперь кругъ обошелъ всѣхъ; а, между тѣмъ, все-таки еще одинъ собесѣдникъ остался и за нимъ сказка: — что ты чужому смѣху смѣешься, сказалъ онъ, обратясь къ хозяину избы, который подошелъ впродолженіе разсказовъ, присѣлъ и слушалъ. — А ты найди свой да и смѣйся. Ну, говори что нибудь, — мы слушаемъ.

Хозяинъ пожался и почесался немного, отговариваясь незнаніемъ сказокъ и былей, но потомъ сказалъ.

— Вѣдь у насъ хорошихъ сказокъ нѣтъ: простыя все, мужицкія; вотъ, напримѣръ, какъ портной съ волка мѣрку сымалъ. Коли не осудите, такъ, пожалуй, такую разсказать можно.

— Говори. Какая есть, такую подавай!

— Портной, который ходилъ по деревнямъ и обшивалъ людей, пошелъ куда ему надо было, въ сосѣднюю деревню, и въ лѣсу встрѣтилъ волка. Для портнаго это дѣло непривычное и страшное, а, потому, когда волкъ сказалъ ему: теперь ложись, я тебя съѣмъ, то бѣднякъ сталъ отмаливаться; а когда волкъ не прощалъ его и хотѣлъ было ужъ начать, безъ всякаго милосердія, не позволяя ему даже напередъ Богу помолиться и проститься съ родными, то портной сталъ увѣрять, что ему мѣста не будетъ въ волчьей требушинѣ, заспорилъ объ этомъ съ волкомъ и выпросилъ себѣ одну милость: чтобъ волкъ позволилъ снять съ себя мѣрку, можно ли будетъ портному въ немъ помѣститься.

— Ну, мѣряй, сказалъ волкъ: — да поскорѣй!

Портной выхватилъ изъ кармана мѣрку, прикинулъ на волка, а самъ, протянувъ руку къ заду, вдругъ замоталъ себѣ волчій хвостъ на руку да, доставъ изъ-за пазухи утюгъ, давай волка утюжить. Тотъ рвался долго, но не могъ вырваться, и видитъ, что смерть его пришла.

— Постой, говоритъ, помилуй: — и я у тебя одной милости прошу: возьми хвостъ мой, коли онъ тебѣ нуженъ, да ужъ меня-то отпусти. Я не трону тебя, убѣгу.

Портной досталъ ножницы, отстригъ волку хвостъ по самую рѣпицу и говоритъ:

— Пошелъ, на всѣ четыре стороны!

Такъ портной снялъ мѣрку съ волка, проутюжилъ его и откроилъ ему хвостъ.

Волкъ побѣжалъ, но вскорѣ страшно завылъ и собралъ вокругъ себя сходку. Пришло волковъ болѣе десятка. Когда онъ разсказалъ имъ, что портной сдѣлалъ надъ нимъ, какъ обманулъ его и опозорилъ, то они рѣшили изорвать и съѣсть этого портнаго и стали его догонять и окружать. Видя такую новую бѣду, портной взлѣзъ на ель, сидитъ и глядитъ на волковъ и не знаетъ, что дѣлать. Волки же, посовѣтовавшись между собой, сказали: «Давай доставать его. Ста-

новись ты, куцый, первый, а мы по одному горкой на тебя, такъ и доберемся до него.»

Портной глядитъ — подмостились они и полѣзли, одинъ на другаго, и ужъ близко — близко къ нему подбираются. Вотъ онъ, испугавшись, не зная что дѣлать, глянулъ внизъ и говоритъ: «Ну, лѣзьте, лѣзьте; а ужъ никому такъ не достанется, какъ куцому!»

Куцый, какъ только услышалъ это, выскочилъ изъ-подъ низу, и вся горка разсыпалась и половина волковъ перебилась, прочіе разбѣжались, а портной благополучно ушелъ.

— Вотъ острастка-то ину-пору и дороже побоевъ живетъ, покончилъ мужикъ; а собесѣдники, посмѣясь выдумкѣ этой, вскорѣ улеглись и наутро возвратились домой.

XXI.

НАПРАСЛИНА.

Давно, когда-то, говорятъ, жилъ баринъ въ деревенькѣ своей, какъ водится, а еще болѣе какъ водилось, съ огромной дворней. Дворня эта съѣдала его совсѣмъ, да дѣлать было нечего — дѣвать ее некуда: не сгонишь. Она досталась ему въ наслѣдство съ четырехсотъ душъ, распавшихся на шесть или на семь частей, по числу наслѣдниковъ. Онъ былъ очень недоволенъ раздѣломъ: ему достались очень плохенькіе мужички и разбойникъ на разбойникѣ изъ дворовыхъ. Пытался было онъ и переводить ихъ на пашню и отпускать на оброкъ, да какъ-то не ладилось и это: дармоѣды все опять сбивались въ кучу въ огромной застольной, выстроенной когда-то на сто человѣкъ дворни, малыхъ и великихъ, съ русскою печью величиною въ скирду сѣна. Все это сердило нашего помѣщика, выводило его изъ терпѣнія, и, правду сказать, желчь у него частенько чрезъ мѣру разливалась. Онъ привыкъ, по стародавнему обычаю, къ короткой расправѣ и, къ сожалѣнію, не зналъ въ ней мѣры и не умѣлъ безъ нея управиться.

Въ домѣ былъ кучеръ, уже въ лѣтахъ, съ тремя сыновьями. Этотъ кучеръ, пользуясь старшинствомъ своимъ,

какъ бывшій кучеръ стараго барина, а равно и дурною славою своею, которая говорила, что онъ-де у барина отъ рукъ отбился, бунтовалъ и подымалъ всю дворню, молодцуя нахальствомъ своимъ и нерѣдко угрозами такого рода, которыя доставляли ему полное уваженіе всей застольной братіи. Онъ, и пьяный и трезвый, всегда толковалъ о томъ только, что баринъ этотъ никуда не годится и что ему не сдобровать.

Младшій сынъ кучера, мальчикъ, слабый здоровьемъ и испорченный такимъ отцомъ съ самаго корня, однажды провинился. Баринъ былъ очень сердитъ и наказалъ его, выместивъ при этомъ случаѣ, можетъ быть, на сынѣ и отцовскіе успѣхи. Дѣло было не новое, и никто много объ этомъ не заботился, кромѣ отца, кучера, который, продумавъ до вечера, выдумалъ неслыханное и невиданное доселѣ средство, чтобы показать, или утолить — не знаю, какъ и выразиться — свою родительскую любовь: онъ позвалъ надежныхъ помощниковъ и подручниковъ своихъ, двухъ старшихъ сыновей, и сказалъ имъ: «пойдемте-ка, ребята, да задушимъ Ѳедьку — то есть младшаго сына — что ужъ, пусть пропадаетъ, все одно; онъ же мальчикъ хилый, жалѣть его нечего — вы двое у меня останетесь. А задушивъ его, въ городъ, да и донесемъ, что засѣкъ его баринъ: вотъ мы ему и всучимъ такую щетинку, что онъ вовѣкъ не раздѣлается.»

Насталъ вечеръ. Видно, старшіе сыновья нашли предложеніе отца очень дѣльнымъ. Всѣ трое выждали время послѣ ужина, когда никого въ избѣ не было, и порѣшили Ѳедьку.... А сдѣлавъ дѣло, подняли всю дворню, всю деревню, которая ждала только случая, чтобы гласно обнаружить нерасположеніе свое къ помѣщику, и поскакали въ городъ. Судъ тотчасъ же наѣхалъ. Улика налицо и такъ ясна, что не въ чемъ сомнѣваться. Барина увезли, продержали нѣсколько мѣсяцевъ, судили и сослали.

Конечно, барина нѣтъ. Никто доселѣ не зналъ правды,

кромѣ кучера и двухъ сыновей его. Всѣ они трое верховодили теперь, когда имѣніе попало подъ опеку, пуще прежняго и пили безъ просыпу; но никто изъ нихъ, даже пьяный, не проговаривался, не смѣя похвалиться поступкомъ своимъ, какъ водится въ другихъ случаяхъ, даже и предъ своими братьями: дѣло, конечно, выходило изъ ряду вонъ. Злодѣйству этому едвали можно найти противень.

Настала лѣтняя пора, когда все идетъ на работу, кромѣ малыхъ и старыхъ, когда и лѣнивому не посидится дома и пьяницѣ скучно и стыдно одному на деревнѣ. Дворъ нашего сосланнаго помѣщика былъ также пустъ, какъ и вся деревня. Одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалъ у себя для покосу помочь, купивъ ведра два вина, и, кто только могъ держать въ рукахъ косу, всѣ были тамъ.

На порогѣ крыльца знакомой намъ застольной сидѣла одна-одинехонька дѣвочка лѣтъ семи. Она жевала покинутый ей огромный сукрой хлѣба и кормила куръ и цыплятъ, покрывавшихъ всѣ ступени крыльца. Все было тихо. На улицахъ послышался стукъ телѣги, которая остановилась у воротъ; а здоровый мужикъ, въ круглой шляпѣ съ высокой тульей и пережабиной на ней, вошелъ на дворъ, оглянулся и подошелъ прямо къ дѣвочкѣ. Это былъ коробейникъ, разнощикъ, который уже нѣсколько лѣтъ сряду заѣзжалъ на перепутьи въ эту деревню и приставалъ на барскомъ дворѣ у старой ключницы, съ которой у него было давнишнее знакомство и которой внучка теперь сидѣла на порогѣ.

— Здорово, Анютка! сказалъ онъ, подходя къ ней: — здорово! Что у васъ никого не видать?

— Да на покосѣ.

— А бабушка гдѣ?

— И бабушка на покосѣ, и ее подчивать станутъ виномъ.

— А, вотъ какъ! Ну, что жь у васъ дѣлается? Всѣ здоровы?

— Здоровы.

— А чтожъ у васъ въ барской усадьбѣ ставни-то закрыты?

— Да барина нѣтъ, вишь, давно.

— А гдѣ жь онъ!

— Въ городъ взяли.

— Какъ взяли? зачѣмъ?

— Да дѣдушка Андрей (т. е. кучеръ) задавилъ, вишь, дядю Ѳедора — ужь тотъ молился, молился имъ — вотъ и задавилъ.

Коробейникъ, глядя на ребенка, хотѣлъ было разсмѣяться на эту болтовню, однако спросилъ прежде:

— Да гдѣ же дядя Ѳедоръ?

— Померъ, къ Богу ушелъ, унесли, отвѣчалъ ребенокъ.

Все это показалось коробойнику очень дико и несвязно, а, между тѣмъ, онъ зналъ, что ребенокъ этотъ не глупъ и всего этого самъ не придумаетъ. Пріѣзжій сталъ его распрашивать, отъ нечего дѣлать, и дѣвочка разсказала, что я-де сидѣла на печи въ застольной, а дядя Ѳедоръ лежалъ на лавкѣ, а дѣдушка Андрей пришелъ съ Иваномъ и Кирилой (т. е. со старшими сыновьями), а дѣдушка Андрей и насѣлъ на дядю Ѳедора, и всѣ они налегли. Ужь дядя Ѳедоръ молился имъ, молился, — нѣтъ! задавили; а я испугалась, да молчу все, да такъ на печи до утра и просидѣла. Вотъ и померъ дядя Ѳедоръ.... А барина за это взяли въ судъ, да вотъ и нѣтъ его.

Коробейнику какъ-то стало страшно. Не добившись толку, но зная, что дѣдушка Андрей былъ истинный разбойникъ, онъ почуялъ недоброе — снялъ шляпу, перекрестился, не велѣлъ дѣвочкѣ никому сказывать, что онъ былъ, и поѣхалъ прямо дальше, въ городъ, до котораго всего было верстъ десятокъ.

Въ городѣ у разнощика былъ издавна знакомый дворникъ, или содержатель постоялаго двора. Приставъ у него, онъ вечеромъ присѣлъ съ нимъ на особицу и сталъ распрашивать, что такое сдѣлалось въ такой-то деревнѣ. Хозяинъ

разсказалъ ему, что помѣщика за то и то сослали. Тогда разнощикъ понялъ все и ужаснулся. Въ страхѣ онъ пересказалъ слышанное отъ дѣвочки хозяину и просилъ его объ этомъ не говорить. Но хозяинъ былъ умнѣе своего постояльца и вскочилъ съ лавки, когда все это услышалъ.

— Избави Богъ! сказалъ онъ: — что ты со мною дѣлаешь?.... Да я тебя и держать не стану ни одного часу: я такой бѣды съ тобой наживу, что и нераздѣлаешься! Нѣтъ, любезный пріятель, власть твоя, продолжалъ онъ, ухвативъ поясъ и шапку: — а ты иди со мной тотчасъ къ начальству, да тамъ объявимъ все; а не то, гляди, какая бѣда прикинется!

Нечего дѣлать нашему коробейнику: вздохнувъ тяжело и проклиная судьбу, которая занесла его не въ добрый часъ въ деревушку, онъ пошелъ за хозяиномъ. Съ нихъ сняли допросъ, отправились въ деревню, захватили врасплохъ пьянаго кучера съ сыновьями, дали имъ выспаться, заперши ихъ всѣхъ порознь, и, послѣ продолжительнаго запирательства, одинъ изъ сыновей сбился, тамъ сознался во всемъ, а тамъ уличили и другихъ, отца его и брата.

Помѣщика воротили изъ ссылки, а кучера съ двумя сыновьями отправили на его мѣсто.

XXII.

ОСКОЛОКЪ ЛЬДУ.

—

Четырнадцатилѣтняя козачка Марья Чернушкина, Красногорской крѣпости на Оренбургской линіи, выгоняла въ поле телятъ. Еще солнце не взошло, но пожелклая трава была суха, какъ пыль, на нее не пало за ночь ни росинки. Помахивая хворостинкой, Маша напѣвала пѣсенку и спускалась подъ гору къ мостику, какъ съ боку, изъ оврага, внезапно на нее наскакали верхами два человѣка дикаго вида, съ длинными копьями въ рукахъ, въ лохмотьяхъ, въ мохнатыхъ шапкахъ. Они кинулись на нее украдкой, безъ всякаго шума я почти не говоря ни слова, а только свирѣпо приграживая, схватили ее, приподняли поспѣшно съ земли, перевалили черезъ лошадь, поперегъ сѣдла, и поскакали въ сторону. Бывало одно слово: *Киргизцы*! пугало ребенка Машу такъ, что она забивалась въ самый задній уголъ на печи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ станицу привезли трупъ старшаго брата ея, козака, убитаго въ стычкѣ съ киргизами; тогда все женское населеніе станицы выбѣжало съ воплемъ на встрѣчу покойнику и Маша отъ испуга дрожала нѣсколько дней и не могла спать по ночамъ; — а теперь она сама была у нихъ въ рукахъ! Она

обезпамятѣла, но вскорѣ опять пришла въ себя, закричала и забилась на лошади изо всѣхъ силъ, когда ей, какъ спросонья, показалось, будто ее кинули въ воду: въ самомъ дѣлѣ, вокругъ нее шумѣла вода и передъ собою она видѣла только бурную пѣну; вода неслась быстрымъ потокомъ подъ ногами лошади и будто уносила ее съ собою: у Маши закружилась голова и сердце обмерло, она рѣзко взвизгнула и, сама не зная, что дѣлаетъ, хотѣла вырваться: это была переправа въ бродъ черезъ Уралъ. Киргизъ ударилъ ее раза два, чтобы угомонить и удержать на лошади, но она такъ сильно рванулась, что упала въ быстрый потокъ. Невольно стала грести руками и выплыла на ближайшій азіатскій берегъ. Но и тутъ ей не было никакого спасенія; слѣдя за нею, воры уже успѣли выѣхать на берегъ, соскочили съ лошадей и спокойно ожидали добычи своей, которая не могла ихъ миновать: имъ стоило только протянуть руки къ идущей на встрѣчу добычѣ. Въ изнеможеніи Маша отдалась имъ опять; они посадили ее на заводную лошадь, связали ей ноги подъ брюхомъ лошади и потащили крупною рысью за собой.

Солнце уже взошло и вскорѣ обсушило Машу. Верстъ 70 проѣхали воры въ глубь степи почти въ одинъ духъ и она до того утомилась и измучилась, что чувства и понятія ея притупѣли и она почти обезпамятѣла отъ скорби, боли, жажды и усталости. Въ крутомъ оврагѣ воры остановились, дали плѣнницѣ своей испить воды, убѣдившись сперва, по сродной имъ предосторожности, что она нѣсколько отдохнула, и дали ей немного круту (сыру). Она съ жадностью пила, но ѣсть не стала, уснула и съ воплемъ пробудилась, когда послѣ недолгаго отдыха и забытья, пришла опять въ себя и постигла отчаянное положеніе свое.

Такъ или почти такъ, прошла цѣлая недѣля, въ большихъ и малыхъ переѣздахъ и роздыхахъ. Наконецъ разбойники прибыли въ свой аулъ, кочевавшій на песчаномъ кара-кумѣ, по близости рѣки Сыра, гдѣ все населеніе

осматривало бѣдную Машу кругомъ и со всѣхъ сторонъ, любуясь *марджой*, то есть плѣнной русской женщиной, и оцѣняя на глазъ, чего она стоитъ и сколько можно будетъ за нее получить. Здѣсь продержали ее нѣсколько недѣль заставляя пахтать кумысъ, или прясть верблюжью шерсть и обращаясь, впрочемъ, съ плѣнницей довольно ласково. Особенно полюбила ее молодая, бойкая дѣвка, въ кованыхъ остроносыхъ сапогахъ и остроконечной шапкѣ съ перьями; дѣвка эта приходила по нѣскольку разъ въ день присматривать за Машей, заговаривала съ нею, стараясь ее развеселить и даже отстаивала ее противъ выходокъ злой старухи, хотѣвшей заставить плѣнницу, молоденькую дѣвчонку, выминать въ рукахъ сыромятную кожу.

Подошли Чушмекейцы съ караваномъ, который шелъ въ Бохару; нѣкоторые изъ старыхъ возчиковъ прибыли въ аулъ, гдѣ находилась плѣнница, для смѣны заболѣвшихъ или ослабѣвшихъ верблюдовъ, и услышавъ, что тутъ есть свѣжая русская плѣнница, стали объ ней освѣдомляться; хозяевамъ представлялся случай выгодно сбыть ее. *Марджа*! *Марджа*! раздалось по всему аулу — и Маша, зная уже новое названіе свое, переиначенное, впрочемъ, изъ имени ея и многихъ землячекъ ея, — Маша вышла изъ кибитки и оглянулась: къ ней шелъ хозяинъ ея съ тремя посторонними, въ числѣ коихъ былъ одинъ изъ прибывшихъ съ караваномъ бухарецъ, въ пестромъ халатѣ и чалмѣ. Купецъ осмотрѣлъ Машу, пошутилъ даже съ нею, зная нѣсколько словъ по-русски, уговаривалъ ее не горевать, а просить хозяина, чтобы онъ продалъ ее въ Бохару, гдѣ ей будетъ жить хорошо, привольно и весело, не такъ, какъ у этихъ степныхъ, необразованныхъ мужиковъ; затѣмъ онъ старался приласкать ее, потрепалъ по щекѣ и сталъ бить съ хозяиномъ ея по рукамъ. Это длилось нѣсколько времени, а Маша стояла молча и смотрѣла: хозяинъ ея, назначивъ цѣну, скидывалъ по временамъ что нибудь, или повторялъ одно и то же, а купецъ набавлялъ, или также

кричалъ свое, и каждый разъ били они рукой объ руку, перetалкивая при томъ Машу, въ горячности своей, какъ продажнаго барана то на ту, то на другую сторону. Этимъ каждый изъ нихъ выражалъ окончательную волю, или намѣреніе покончить дѣло на своемъ словѣ. Наконецъ дѣло сладилось; купецъ развязалъ поясъ, расплатился и, кивнувъ рукой, позвалъ Машу за собой. Какъ неживая, она послѣдовала за нимъ; молодая киргизка побѣжала за нею слѣдомъ, обняла ее и подарила ей, за большую рѣдкость, простую, большую булавку, которою чрезвычайно дорожила. Лучшаго подарка у нея не было и не скоро, можетъ быть, она опять достала подобную рѣдкость.

Недѣли двѣ качалась Маша на верблюдѣ, плакала и тосковала и опять по временамъ прояснялась, не зная, чего-то ей ждать, что сулитъ ей будущность; быть захваченной въ плѣнъ киргизами, очутиться на Сырѣ, потомъ перепроданною Бохарцу и на пути въ басурманскую столицу — обо всемъ этомъ она слышала, конечно, въ разсказахъ о другихъ, но къ себѣ разсказовъ этихъ не примѣняла, себѣ судьбы такой не ждала. А ей всего только былъ 15-й годокъ — а отца и мать покинула она, вѣроятно, навсегда и не простившись даже съ ними, погнавъ спокойно буренушку свою въ поле и полагая свидѣться съ ними черезъ полчаса.... Теперь, голая, однообразная и сухая степь разстилалась передъ нею во всѣ стороны до безконечности, все наводило тоску, — а съ родиной простилась она на вѣкъ! Около недѣли спустя послѣ переправы черезъ большую рѣку, за которою слѣдовала вовсе безводная степь на четыре дня ходу, мѣста становились болѣе жилыми, начали попадаться обработанныя поля, сады, окруженные битыми глиняными стѣнами, землянки, или земляныя лачуги. Издали появилось что-то въ родѣ стѣнъ, или земляной насыпи, съ остроконечной башней, которая, среди гладкой и пустынной мѣстности, казалась довольно высокою. Всѣ пали на землю и стали молиться — это была Бохара-и-Шерифъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, Маша была представлена эмиру, или хану бохарскому, которому купецъ поднесъ ее *изъ чести*, какъ пешкешъ, подарокъ, или приношеніе изъ дальней стороны. Ханъ, сидя на коврѣ съ четками въ рукахъ, окинулъ ее глазами и приказалъ передать въ вѣдѣніе стряпухи, также русской плѣнницы. Эта старуха, управляя уполовникомъ вмѣсто атаманской булавы, или шестопера, не смотря на униженное положеніе свое, умѣла держать всю дворню ханскую въ безусловной подчиненности; *сарты* и *таджики* смѣялись выходкамъ ея и повелительнымъ пріемамъ, но слушались ее; она готовила пловъ и баранину на самого эмира и потому не только смѣняла часовыхъ подъ воротами ханскаго замка по своему произволу, но распоряжалась не рѣдко и на ханскомъ пушечномъ дворѣ, и ясаулы хотя и перебранивались съ нею по временамъ, но никогда не рѣшались отмѣнять ея распоряженій.

Мало по малу Маша стала привыкать къ своему, довольно сносному впрочемъ, положенію; умная, ловкая и проворная, она пріобрѣла напередъ благоволеніе этой непосредственной начальницы своей и поступила подъ особенное ея покровительство; вскорѣ, и не искавъ того, вошла въ довѣренность къ младшимъ женамъ ханскимъ и носила отъ нихъ продавать на базаръ *тюбетейки* и другія бездѣлушки ихъ рукодѣлья, выручая за это нѣсколько *тангъ* на шелкъ, лоскутья и иглы, которыми жены ханскія коротали въ заперти прескучное время. Состоя во дворцѣ на побѣгушкахъ, Марья ознакомилась со всѣми жильцами его, а равно съ обычаями и всѣмъ мѣстнымъ бытомъ. Глядя на женъ ханскихъ, сидѣвшихъ десятками въ самомъ строгомъ заключеніи, Маша Чернушкина, по русскимъ понятіямъ своимъ, смотрѣла на нихъ съ сожалѣніемъ и не промѣняла бы на ихъ судьбу даже и свою. Эмиръ самъ зналъ ее, потому что она иногда ему прислуживала, былъ къ ней довольно ласковъ и, захворавъ однажды, заставилъ ее сидѣть при себѣ всю ночь; онъ былъ человѣкъ хилый, изможденный, и у него вообще

былъ обычай — держать вокругъ себя, во время частой болѣзни, одну только женскую прислугу. Марья, какъ смѣтливая и услужливая хожалка, ему полюбилась и съ тѣхъ поръ онъ не отпускалъ ее отъ себя ни на шагъ, когда бывалъ нездоровъ; а это случалось съ нимъ сплошь и рядомъ. Онъ къ ней привыкъ и никто не могъ услужить больному, брюзгливому эмиру, лучше Маши.

Время шло однообразно; Машѣ исполнилось уже 17 лѣтъ, а старый и хилый ханъ былъ, такъ сказать, ея оберегателемъ; какъ ханская невольница, была она для всѣхъ недотрогой, ее боялись и уважали; но многіе ждали, не пожалуетъ ли имъ ханъ Марью въ невольницы же, за какую-нибудь услугу. Старостиха, или стряпуха съ своей стороны прочила ее за какого-то любимца своего, пушкаря, также изъ русскихъ, который очень старался Машѣ во всемъ угождать. Вслѣдствіе этого, стряпуха приняла бѣдную Машу еще ближе подъ свой надзоръ и покровительство, оберегая ее отъ всякихъ обидъ и искательствъ; и грозный уполовникъ ея не разъ обрушался всею тяжестію своею на задорныя головы покорныхъ рабовъ и храбрыхъ ратниковъ ханскихъ, при малѣйшемъ посягательствѣ ихъ на добрую славу хорошенькой, живой и умной дѣвушки. Ханъ не отказывалъ стряпухѣ своей въ сватовствѣ ея, но и не давалъ положительнаго согласія; старуха подучала Машу воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и замолвить объ этомъ самой словечко; Маша на это не рѣшалась, ей стыдно было просить себѣ жениха; такъ дѣло это и тянулось, оставаясь до времени нерѣшеннымъ.

Однажды эмиръ опять захворалъ и впалъ въ жестокую горячку. Это было среди знойнаго лѣта. Маша высидѣла при немъ безсмѣнно нѣсколько сутокъ: то держала голову его на своихъ колѣняхъ, то отгоняла мухъ, то подавала пить или обмывала лице его, то опахивала отъ жара, вертя быстро въ рукѣ своей четвероугольное, плетеное опахало, на деревянной оси или стержнѣ; она устала до изнеможе-

нія, но не смѣла покинуть больнаго властелина своего, который стоналъ, метался, забывался, опять приходилъ въ себя и все просилъ Машу, чтобъ она его уберегла и выходила: умирать ему не хотѣлось. Разметавшись въ жару, онъ вдругъ отчаянно застоналъ: «Горитъ, горитъ во мнѣ! Марджа, достань льду, достань мнѣ сейчасъ же осколокъ льду, и я тебя озолочу!» Маша вскочила и побѣжала, сама не зная, куда и за чѣмъ, потому что ледъ въ это время года въ Бохарѣ принадлежалъ къ необычайнымъ рѣдкостямъ; у кого онъ былъ, тотъ хранилъ и таилъ его, а у хана, жившаго изо дня въ день и при томъ всегда на чужой счетъ, вообще никакихъ запасовъ не водилось. Но Маша бѣжала безъ памяти и слышала только въ сѣняхъ, какъ эмиръ кричалъ еще ей вслѣдъ: «Марджа, льду! Если принесешь, отпущу на волю и выдамъ, за кого пожелаешь!»

Выбѣжавъ изъ воротъ ханскаго замка. Маша кинулась, какъ бѣшеная кошка, на какого-то прохожаго таджика, съ визгомъ и крикомъ вцѣпилась въ него и барахталась изо всѣхъ силъ, между тѣмъ какъ онъ толкалъ ее и старался отъ нея освободиться и уйти. На крикъ сбѣжались люди съ ханскаго двора и старостиха явилась съ уполовникомъ. Маша кричала только: «для хана, для эмира, эмиръ приказалъ!» и силилась вырвать что-то изъ рукъ таджика. Старостиха тотчасъ же отпустила ему по головѣ уполовникомъ полновѣсную нахлобучку и принялась кричать повелительно: «отдай, отдай, для эмира!» Прочіе помогли ей, схватили строптиваго таджика и хотѣли его тащить къ хану на расправу, за ослушаніе; вольно ему дураку было проходить такъ оплошно мимо ханскаго двора, какъ называютъ тамъ эту кучу огороженныхъ землянокъ, притонъ, или логовище безсмысленнаго и кровожаднаго звѣря. А Марья, сдѣлавъ свое, давно уже въ это время стояла передъ ханомъ, съ деревянной чашкой, въ которой лежалъ осколокъ льду. Эмиръ жадно лизалъ его высокостепеннымъ языкомъ своимъ и въ удовольствіи и нѣгѣ повторялъ по временамъ

обѣтъ свой отпустить Машу на волю и пристроить ее, если онъ только выздоровѣетъ.

Подивитесь же Машину счастью: выбѣжавъ безъ ума на улицу, она встрѣтилась носомъ къ носу съ таджикомъ, и этотъ первый, встрѣчный ей человѣкъ, несъ въ чашкѣ осколокъ льду!.... Чудесъ конечно нѣтъ въ наше время, а дивныя вещи бываютъ; и случай, который я разсказываю, не выдуманъ, а былъ на дѣлѣ.

Эмиръ выздоровѣлъ скоро; черезъ недѣлю онъ уже сидѣлъ на своемъ коврѣ, еще желтѣе и блѣднѣе обыкновеннаго, со впалыми щеками, со ввалившимися, безсмысленными глазами, съ отупѣвшимъ умомъ, но онъ уже сидѣлъ и почиталъ Машу своею избавительницей. Въ пятницу поѣхалъ онъ верхомъ въ мечеть. У Маши сердце сильно билось; она ни съ кѣмъ не смѣла говорить о томъ, что обѣщалъ ей ханъ; но прислуга, стоявшая за войлочными пологами дверей, слышала слова его и въ цѣломъ глиняномъ замкѣ было всякому извѣстно, что эмиръ обѣщалъ русской плѣнницѣ волю. Явились женихи; ее сватали зажиточные бохарцы, съ условіемъ, чтобы она приняла мусульманство.— Маша, въ отвѣтъ на это, бранилась, затыкала себѣ уши и проклинала ихъ въ глаза; они смѣялись и отходили въ сторону; а старостиха, по данной ей повадкѣ, грозилась на нихъ страшнымъ орудіемъ своимъ; сваталъ Машу и русскій пушкарь, но и его она не слушала, и тогда старостиха подымала уполовникъ свой на нее; видно пушкарь съумѣлъ задобрить стряпуху и склонить на свою сторону.

Прошла еще недѣля, насталъ мусульманскій постъ, и Эмиръ позвалъ къ себѣ Машу, «Я тебѣ обѣщалъ волю, если ты меня выходишь: ты свободна. Выбирай мужа. Вотъ тебѣ десять *тилла* на хозяйство.»

Маша рухнулась ему въ ноги и взвыла. Въ четыре года она выучилась свободно говорить по татарски, а Эмиръ понималъ языкъ, какъ свой: «пресвѣтлый ханъ, говорила она, не губи меня, когда хочешь сдѣлать добро; воль-

ный идетъ на всѣ четыре стороны: отпусти же меня домой!....»

Ханъ насупилъ брови. «Этому не бывать, сказалъ онъ: этого не позволяетъ вѣра наша. Отпускаю тебя на волю, но живи здѣсь.»

«Эмиръ, завопила Маша, у васъ своя вѣра, у насъ своя: передъ Богомъ всякая вѣра хороша, коли она добро творитъ; я молилась за тебя по своему, ты умиралъ, Богъ меня услышалъ, ты теперь здоровъ; не бывать бы этому, еслибъ я молилась по вашему: тогда бы Богъ меня не услышалъ; тогда бы ты погибъ.... воля Его есть на то, чтобы всякій держалъ вѣру своихъ отцевъ! Солнце Востока! что тебѣ въ одной, бѣдной плѣнницѣ? Не найдешь ты развѣ работницъ?— Эмиръ, я не встану — я буду лежать, покуда не прикажешь ясауламъ своимъ убить меня на мѣстѣ за то, что я за тебя молилась, но я не встану; отпусти меня домой!»

Ханъ подумалъ, пожалъ плечами, развелъ руками — ясаулы подскочили было, чтобъ вытащить Машу за дверь, но онъ взглянулъ на нихъ, и они остолбенѣли. Ханъ приказалъ ей удалиться, а къ ночи созвалъ совѣтъ свой, козыевъ и улемовъ, и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: можетъ ли онъ отпустить домой плѣнницу эту, давъ, во время болѣзни своей, въ томъ самому себѣ передъ Богомъ святой обѣтъ, потому что былъ въ горячкѣ, сильно страдалъ и не помнилъ что дѣлаетъ? — Онъ просилъ книжниковъ не упустить изъ виду, что плѣнница эта спасла его отъ смерти, что онъ точно внутри сердца своего далъ такой обѣтъ, и наконецъ, что рѣчь идетъ не о человѣкѣ, а о дѣвкѣ. Улемы хотѣли было заняться предварительно рѣшеніемъ вопроса: точно ли Эмиръ обязанъ былъ ей своимъ выздоровленіемъ? — Но, какъ ханъ подтвердилъ самымъ положительнымъ образомъ, завѣривъ ханскимъ словомъ своимъ, что безъ нея онъ бы умеръ непремѣнно, то совѣтъ и не могъ болѣе въ томъ сомнѣваться, а потому не только

рѣшилъ, что коли Аллаху угодно было послѣ такого обѣта продлить жизнь Эмира и даже употребить для сего недостойнымъ орудіемъ своимъ эту кулъ, рабыню, то и обѣтъ исполнить должно и отпустить Марью можно; но сверхъ того пріискалъ къ сему случаю, какъ водится, для успокоенія высокостепенной совѣсти, приличный стихъ изъ корана, въ которомъ, впрочемъ, рѣчь, шла вовсе объ иномъ. Ханъ повторилъ стихъ этотъ съ благоговѣніемъ нѣсколько разъ, въ тупомъ раздумьи своемъ, и успокоился.

Съ послѣднимъ осеннимъ караваномъ веселая и рѣзвая Маша стала собираться въ путь; Эмиръ самъ призывалъ къ себѣ караванъ-баша и передалъ плѣнницу на его отвѣтъ. Старостиха была оборотомъ этимъ очень недовольна, она бранилась и грозилась, но на прощанье вспомнила полузабытую родину свою, стала вздыхать и задумываться и вдругъ сдѣлалась, вопреки обычая своего, мягкою и плаксивою. Пушкарь сильно тосковалъ, напослѣдокъ даже плакалъ, какъ ребенокъ, и отдалъ Машѣ на дорогу образокъ своей работы, наказывая ей строго, чтобы она не забыла его дома освятить.

Одна Маша была весела и шаловлива и не помнила себя отъ радости; всѣ трудности пути переносила она шутя. Недѣль черезъ шесть прибыли въ Орскую; тутъ нашла она роднаго брата на линейной службѣ. Его отпустили домой и на третій день прибылъ онъ съ сестрой въ Красногорье. Трудно было узнать, съ перваго взгляда, въ этой рослой, статной и бойкой дѣвкѣ, четырнадцатилѣтнюю Машу, которая три года пасла на красногорскихъ жителей телятъ. — Вся станица сбѣжалась; восклицанія, рыданія и смѣхъ прерывались только по временамъ звонкимъ чмоканьемъ привѣтственныхъ поцѣлуевъ; пропавшая безъ вѣсти Маша благополучно возвратилась подъ родительскую кровлю! Она хвалилась въ послѣдствіи, пересказывая любопытныя свои похожденія, что въ плѣну быть ни чуть не страшно, но итти туда вторично не соглашалась. — Между Красногор-

скими козаками вскорѣ нашелся женихъ, къ которому она была не такъ строга, какъ къ бѣдному пушкарю бохарскаго хана; а хозяйки расторопнѣе и работящѣе Маши, конечно, по всѣмъ станицамъ, отъ Нѣженки до Орска, трудно было бы отыскать; мало того, хотя Каменная, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, славится на пространствѣ этомъ красотою козачекъ своихъ, но знатоки этого дѣла увѣряютъ, что такой статной и видной женщины, какая вышла изъ Маши, не было даже и въ Каменной.

XXIII.

РАЗСКАЗЪ ВЕРХОЛОНЦОВА О ПУГАЧЕВѢ.

—

Билимбаевскій заводскій служитель Верхолонцевъ, будучи 85-ти лѣтъ, разсказывалъ въ 1831 году похожденія свои съ шайкой Пугачева; передаемъ ихъ, какъ разсказъ очевидца. Верхолонцевъ изъ походныхъ сотниковъ Пугачевскихъ дослужился, волей и неволей, до полковника 3-го Яицкаго полка и радъ былъ, по окончаніи этого поприща своего, что могъ попасть опять, по добру по здорову, въ рядовые служители. 1774-й годъ о сю пору въ восточной Россіи слыветъ пугачевскимъ и служитъ въ народѣ исходной точкой для лѣтосчисленія.

18-го января 1774 года — говоритъ Верхолонцевъ — мы впервые услышали о приближеніи Пугачева; я былъ горнымъ писчикомъ и у меня было подъ рукой рабочаго народа до 500 человѣкъ, которые работали на рудникахъ. Молва о распорядкахъ Пугачева, ненависти его къ помѣщикамъ и боярамъ, всюду поднимала народъ, который, по глупости, радъ былъ такому безначалію; и въ моей командѣ нашлись бойкіе выскочки, за которыми потянули и другіе: всѣ отбились отъ рукъ и грозили мнѣ смертію, коль скоро прибудетъ сюда Великій Государь, какъ народъ звалъ, въ

невѣжествѣ и будучи обманутъ, самозванца. Одинъ изъ работниковъ сверзилъ (столкнулъ) меня въ рудную яму, а другіе подняли на меня такой гаркъ, что я радъ былъ, утекши отъ нихъ. Заводскіе прикащики, которыхъ народъ не любилъ, бѣжали въ лѣсъ, не смѣя приклонить головы у буйныхъ крестьянъ; послѣ они добрались до Екатеринбурга; а нѣсколько добрыхъ служителей, не строгихъ до народа, оставались и пировали съ ними за одно, будучи за одно съ ними обмануты, потому что въ началѣ никто на заводахъ не считалъ Пугача самозванцемъ. Я ушелъ въ деревню ***Крылосово***, къ шурину своему; около полуночи наскакали разъѣздные изъ шайки; между ними былъ и зять мой изъ деревни ***Черемши***: онъ меня отыскалъ, ударилъ нагайкой соннаго, а когда я вскочилъ, испугавшись, то меня связали, припутали къ стремени и повели на Черемшу въ Билимбаевскій заводъ. Туда прибылъ 18-го января пугачевскій полковникъ Иванъ Наумовичъ Бѣлобородовъ, бывшій командиръ Кунгурскаго уѣзда Богородскаго села, знавшій, какъ сказывали, истиннаго царя Петра Ѳедоровича и убѣждавшій всѣхъ пристать къ самозванцу, называя его царемъ. Мнѣ велѣли явиться къ нему, въ жильѣ у прикащика Антона Ширкалина: я упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ пощады. «Богъ и Великій Государь тебя прощаютъ,» сказалъ суесловъ Бѣлобородовъ. На немъ былъ нагольный тулупъ и сабля на поясѣ. Узнавъ, что подо мной было до 500 рабочихъ, онъ приказалъ мнѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, выстроить ихъ и сдѣлать имъ перекличку по горнымъ спискамъ. При Бѣлобородовѣ находился кунгурскій татаринъ ***Алзафоръ***, ревностный слуга Пугачева: онъ вездѣ первый кричалъ на сборищахъ: ***Осударь Питеръ Педоровичъ***, а кто чуть только не поддавался ему, того онъ жестоко билъ и истязалъ; этого татарина всѣ боялись. Званіе ***походныхъ сотниковъ и старшинъ*** несли на себѣ служители Осокинскаго Юговскаго завода, первые послѣдователи Бѣлобородова; всѣ они одѣты и вооружены были по козачьи. Какъ Бѣлобородовъ, такъ и

самъ Пугачевъ, старались получить довѣріе народа лестью, притворною трезвостью и кротостью, будучи на самомъ дѣлѣ приверженцами раскольниковъ, съ которыми и были у нихъ тайныя стачки и переговоры, почему они въ душѣ были люты и ненавидѣли всѣхъ православныхъ.

Ночью я выстроилъ своихъ 500 человѣкъ въ одну шеренгу противъ жилья полковника и ждалъ разсвѣта. Бѣлобородовъ всталъ рано и меня тотчасъ позвали. «Что, любезный другъ, исполнилъ ли ты приказъ мой?» спросилъ онъ меня. — Исполнилъ, ваше высокоблагородіе. «Хорошо.» Онъ всталъ со стула, надѣлъ лисій малахай (шапку) напередъ ушами и вышелъ. Всѣ умолки; онъ осмотрѣлъ мою рать, выбралъ изъ нея человѣкъ 300, а остальныхъ не принялъ, за старостію, калечествомъ и малолѣтствомъ; потомъ скомандовалъ *фрунтъ*, выхватилъ саблю, оборотился къ старшинамъ и сотникамъ, которые также вынули сабли изъ ноженъ. «Поздравляю тебя,» сказалъ онъ мнѣ, «походнымъ сотникомъ, а васъ, ребята, съ товарищемъ.» Я поклонился; радъ не радъ милости, а надо было кланяться; меня тотчасъ остригли по козачьи, подъ айдаръ, и дали саблю.

Въ этотъ день было много шуму, тревоги и буйства между народомъ; крестьяне и работники перепились, гуляли пьяные по улицамъ, кричали и бушевали; коли кто кричалъ: за здравіе Государя Петра Өедоровича, то этимъ покрывалъ всѣ грѣхи, всякое буйство, и могъ дѣлать, что хотѣлъ. Конторскія бумаги и весь архивъ вынесли на площадь и съ пѣснями и бранью сожгли. Кромѣ рудныхъ рабочихъ, многіе иные люди, кто по волѣ, а больше изъ страха, приставали къ шайкѣ Бѣлобородова; между ними были и заводскіе служители; такъ Герасимъ Стражевъ былъ секретаремъ, Порхачевъ сотникомъ.

Изъ Билимбаевскаго пошли мы въ Васильевской или Шайтанской заводъ, гдѣ насъ встрѣтили хлѣбомъ и солью; Бѣлобородовъ занялъ домъ заводчика Шираева, а я тутъ училъ его писать его имя: Иванъ Бѣлобородовъ, водя руку

его своей рукой по бумагѣ. Здѣсь же была у насъ первая стычка: изъ Екатеринбурга пришла команда, подъ начальствомъ капитана Ярополъцева; мы взяли въ плѣнъ 60 человѣкъ, и Бѣлобородовъ двоихъ изъ нихъ повѣсилъ, двоихъ казнилъ на плахѣ, четырехъ застегалъ плетьми, а остальныхъ постригъ въ казаки. При этой первой баталіи Бѣлобородовъ удивилъ всѣхъ насъ искусствомъ своимъ стрѣлять изъ пушекъ. На другой день Поркачевъ посланъ былъ на Утку–Демидову, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; самъ Бѣлобородовъ двинулся туда на помощь, но воротился безъ успѣха.

По отбытіи Бѣлобородова, Шайтанцы образумились, возстали и, подкрѣпленные Екатеринбургскою командой, которая вразумляла, что это–де самозванецъ, сожгли жилье полковника. Онъ пошелъ съ нами на Серги (Серганскіе заводы, послѣ Губиныхъ), оттуда на Каслинскій, направляясь къ Оренбургу. Въ Каслинскомъ Бѣлобородовъ вздумалъ привести жителей къ присягѣ; тамъ пошли въ Богородскую слободу, гдѣ стоялъ другой Пугачевскій полковникъ, тоже безграмотный, Самсонъ. Насъ однакоже здѣсь разбили, и вся команда наша разбѣжалась; Бѣлобородова Каслинскій мужикъ увезъ на Саткинскій заводъ, гдѣ мы понемногу стали собираться. Здѣсь мы взяли Пасху, сожгли заводъ и отправили донесенія къ самозванцу въ Берды, подъ Оренбургомъ. Вскорѣ мы услыхали, что Пугачевъ разбитъ княземъ Голицынымъ. Поспѣшивъ изъ Саткни къ нему, мы встрѣтили его подъ Магнитною; здѣсь явились къ нему три полковника: два нашихъ, а третій изъ Сибири. Мы увидали издали какъ Пугачъ разъѣзжалъ съ наѣздниками около крѣпости; онъ счелъ насъ за непріятелей, потому что мы шли стройно, чего самъ онъ никогда не дѣлывалъ; но когда узналъ, что его полковники, то подъѣхалъ къ палаткамъ своимъ, поднялъ знамя и ждалъ дружины: мы преклонили передъ нимъ свои самодѣлковыя знамена.

При первомъ взглядѣ на мнимаго царя, я усомнился.

Сравнивая его съ портретами, я не находилъ никакого сходства; вскорѣ я, какъ многіе другіе, узнали въ немъ несомнѣннаго обманщика, но страхъ преграждалъ уста наши. Пугачевъ былъ средняго роста, плотный, въ плечахъ широкъ, борода окладистая, глаза черные, большіе; на немъ была парчевая бекешъ, родъ козачьяго троеклина; сапоги красные, шапка изъ покрововъ церковныхъ, ограбленныхъ раскольниками; самозванецъ былъ рѣчистъ, голосъ его сиповатый, самъ онъ распорядителенъ, но впрочемъ мужикъ мужикомъ. Когда взяли Магнитную крѣпость, Пугачевъ поѣхалъ по улицамъ, то какая-то женщина выстрѣлила въ него изъ окна, и ранила его въ правую руку. Ее изрубили на мѣстѣ.

Раненный самозванецъ не могъ ѣздить верхомъ и потому разъѣзжалъ въ коляскѣ. Мы пошли съ нимъ въ Троицкую, взяли ее, но вскорѣ оставили: за нами шелъ отъ царицы генералъ Декалонгъ. Передовые его настигли насъ, окружили меня и сбили съ лошади; но я успѣлъ поправиться и ускакалъ. Пугачевъ пошелъ на Красноуфимскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ капитанъ Поповъ: была жаркая баталія, но она кончилась ничѣмъ, кромѣ того, что меня ранили, и мы взяли на лѣво, въ Осу, гдѣ командовалъ майоръ *Скрипицынъ,* укрѣпивъ городъ деревяннымъ заплотомъ и навѣсомъ; въ насъ жарили картечью, а во время приступа кидали съ навѣсу каменья и лили кипятокъ и смолу. Отъ насъ привезли много возовъ соломы, поставили въ нѣсколько рядовъ и стали изъ-за нихъ стрѣлять и надвигать ихъ; жители испугались, видя, что мы хотимъ сжечь ихъ, зазвонили въ колокола отбой, растворили ворота и вывели обезоруженныхъ солдатъ, которые, распустивъ волосы по плечамъ, въ уныніи ждали своей участи. Съ нихъ тутъ же сняли мундиры, остригли и одѣли по козачьи. Майоръ Скрипицынъ съ поручикомъ Минѣевымъ шли, до пристани Рожественскаго Демидовскаго завода плѣнными; это было въ іюнѣ; Скрипицынъ разъѣжалъ и разговаривалъ съ

самозванцемъ, который тутъ переправился за Каму; Скрипицынъ, съ повѣреннымъ князей Голицыныхъ, ночью отправилъ письмо по Камѣ въ Воткинскій заводъ, къ исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться противъ самозванца и обѣщая ему помощь. Поручикъ Минѣевъ открылъ это Пугачеву: посланныхъ догнали на Камѣ, а Скрипицына и Ключникова повѣсили. За это поручикъ сдѣлался любимцемъ самозванца, который пошелъ внизъ по Камѣ, на Воткинскій. Здѣсь не встрѣтили мы сопротивленія; начальники уѣхали, управляющій скрылся, полковникъ Грязно́й засѣлъ въ прудъ, выставивъ одну голову; того сожли въ избѣ, обложивъ ее соломой, а этого повѣсили.

Въ Ижевскомъ встрѣтили насъ мирно, хлѣбомъ и солью; и мы тутъ не бушевали; силы нашей прибывало, и самозванецъ рѣшился идти на Казань. Пришли и стали на Арскомъ полѣ; Пугачевъ написалъ вызовы, чтобы сдавались; казанцы насмѣхались надъ нами; на другой день двинулись на городъ, куда подулъ и сильный вѣтеръ. Завязался бой, густой дымъ гнало въ городъ; скоро сбили мы казанцевъ съ валу, вошли въ городъ, зажгли его и уже до 15 т. нашихъ ворвались въ крѣпость, но ихъ тамъ заперли. Пугачевъ хотѣлъ задушить головнями засѣвшихъ тамъ; жгли, рѣзали и грабили; разграбили и монастырь, а игуменью съ монахинями вывели на Арское поле; разбили острогъ и выпустили колодниковъ, въ томъ числѣ жену и и сына Пугачева. Въ числѣ добычи на пиршество побѣды вывезли на Арское поле 15 бочекъ вина: самозванецъ угощалъ дружину свою послѣ каждой удачи.

Настала ночь, развели огни, расположились по полкамъ и начали попойку; Пугачевъ самъ разъѣзжалъ по стану: говоръ, крикъ и пѣсни длились далеко за — полночь, хотя всѣ очень утомились. Только что призатихло немного, да сонные туда-сюда повалились съ похмѣлья, какъ вдругъ сталась тревога: подполковникъ Михельсонъ, занимавшій Царицыно (село), напалъ на насъ, на хмѣльныхъ и сон-

ныхъ. Кто куда могъ — давай Богъ ноги; много тысячъ нашихъ было побито и легло тутъ, много взято въ плѣнъ и весь обозъ и артиллерія пропали.

На другой день собрались мы кое-какъ, хотѣли устоять; опять на насъ насѣли, и вѣтеръ погналъ дымъ на насъ. Это, сказали многіе, дурная примѣта. Насъ сбили съ поля; 5 т. человѣкъ съ Бѣлобородовымъ отрѣзали, полонили вмѣстѣ съ полковникомъ; а самозванецъ съ остальною шайкою бѣжалъ вверхъ по Волгѣ, въ Сундырь.

Обезоруженныхъ плѣнниковъ подполковникъ Михельсонъ сталъ отпускать по домамъ, приказавъ находящемуся при немъ служителю Серганскаго завода, Гаврилѣ Владимірову осматривать плѣнниковъ, не будетъ ли между ними самаго Пугачева, или кого изъ главныхъ его приверженцевъ. Владиміровъ сначала служилъ Бѣлобородову въ Саткинскомъ заводѣ, съѣздилъ оттуда съ донесеніями къ Пугачеву, въ Берду: оттуда, догадавшись, что Пугачъ обманщикъ, перешелъ къ Голицыну, а отъ него поступилъ къ Михельсону. Онъ всѣхъ зачинщиковъ зналъ въ лицо. Онъ узналъ тотчасъ же Бѣлобородова, и его задержали вмѣстѣ съ бывшими при немъ дочерьми. Слышно было послѣ, что онъ казненъ въ Москвѣ.

Сундырь наши разграбили и сожгли за то, что жители потопили суда, чѣмъ много затруднили переправу нашу черезъ Волгу. Отъ Сундыря пошли мы Мордвой и Черемисой; народы эти, по склонности къ идолопоклонству, ненавидѣли поповъ своихъ; а какъ христонаступникъ Пугачевъ не щадилъ ихъ, задобривая народъ, то этотъ и самъ сталъ съ ними безчеловѣчно управляться. Въ Курмышѣ, на Сурѣ, близь Алатыря, человѣкъ 200 бояръ разнаго рода съ людьми своими и пожитками думали спастись на одномъ небольшомъ островѣ; они даже вооружились кто чѣмъ могъ, и роздали людямъ своимъ оружіе, надѣясь отстоять островъ въ случаѣ нападенія; но когда Пугачевъ приблизился, то прислуга сдѣлалась непокорною, перевязала господъ своихъ

и выдала ему. Всѣхъ ихъ, не исключая и женщинъ и младенцевъ, безчеловѣчно перегубили. Взяли Алатырь, пошли на Саранскъ; архимандритъ саранской пустыни встрѣтилъ самозванца съ крестомъ, за что его впослѣдствіи кн. Голицынъ повѣсилъ. Между тѣмъ, Пугачевъ ѣздилъ обѣдать въ монастырь, гдѣ по незнанію истины, или отъ страху приняли его съ почетомъ. Въ станъ Пугачева привели тутъ генерала Цыплятева съ женою, двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ; всѣхъ ихъ безбожно казнили позорною смертію, жену и дѣтей повѣсили, а Цыплятева истязали мученически до смерти.

Оттуда пришли мы, чрезъ Пензу, въ г. Петровскъ, гдѣ насъ встрѣтили безъ бою; но, боясь Суворова, о которомъ слухи ходили для Пугача нехорошіе, онъ поворотилъ на Саратовъ. Здѣсь шло жестокое сраженіе съ городомъ и гарнизономъ; наконецъ принуждены были сдаться Пугачеву, но все начальство ушло въ Царицынъ. Преслѣдуемые Суворовымъ, пошли мы въ Дубовку, гдѣ на перепутьи явились къ самозванцу Донцы, человѣкъ до 500, въ полномъ вооруженіи, въ самомъ исправномъ видѣ. Пугачевъ очень радъ былъ этому подкрѣпленію и принялъ ихъ съ великою честію, не подозрѣвая того, что ему бы лучше было потерять еще 1000 человѣкъ своихъ, чѣмъ принять эти 500.

Мы пришли въ Камышинъ, распустили тамъ тюрьму и разбили винный подвалъ: до 600 бочекъ, по приказанію Пугачева, выпустили въ подвалъ, не давая никому пить: однако арестанты и чернь пили съ земли припадкою и черпая вино шляпами и рукавицами; городъ вскорѣ наполнился пьяными и буйными шатунами, пошелъ грабежъ; Пугачевъ, не посмѣвъ долѣе тутъ оставаться, изъ опасенія погони, пошелъ на Царицынъ, далъ тамъ одинъ только выстрѣлъ въ Московскія вороты и, безъ роздыху почти, пошли далѣе, на Астрахань. Сколько ни бѣжать, говорится, а гдѣ нибудь да постоять; остановились мы на ночевку, не до-

ходя Черноярска. Михельсонъ шелъ за нами по пятамъ и ночью подошедъ, также остановился версты за 2 или за 3; у насъ объ эту пору было до 60-т. такъ называемаго войска, т. е. разнаго сброду въ нестройныхъ толпахъ, и до 60-ти орудій, вновь забранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, послѣ пораженія нашего подъ Казанью. Но всѣ крѣпко упали духомъ, и одинъ только страхъ удерживалъ огромную шайку около Пугачева; помню, что и я думалъ было уйти нѣсколько разъ; но боялся, не ожидая доброй участи, если даже и попадусь въ руки войскъ Царицы.

Утромъ, на солновосходѣ, Михельсонъ напалъ на насъ. Нельзя было болѣе избѣжать встрѣчи, и началось жаркое сраженіе: при этомъ случаѣ оказалось, что вновь проставшіе къ намъ Донцы загвоздили пушки наши, или подрубили оси и колеса у лафетовъ. Пугачевъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Черный Яръ съ шестью только человѣками; тамъ, переплывъ Волгу, бѣжали они въ камыши на рѣчкахъ Узеняхъ, между Волгой и Яикомъ. Но здѣсь товарищи его, видя, что уже все кончено и пора неминучая настала, рѣшились искупить свои головы его головой, почему, схвативъ его внезапно, связали и привезли сначала въ Яицкую крѣпость (Уральскъ), а потомъ въ Симбирскъ, гдѣ были тогда Суворовъ и Панинъ.

Про себя Верхолонцовъ прибавилъ: я уже сказывалъ, что въ Билимбаевскомъ заводѣ Бѣлобородовъ произвелъ меня въ походные сотники: въ этомъ чинѣ служилъ я до 7-го августа и былъ почти во всѣхъ сраженіяхъ, сперва съ Бѣлобородовымъ, а потомъ съ самимъ Пугачевымъ. У Красноуфимска былъ я раненъ и, находясь близь своей родины, думалъ бѣжать, но сробѣлъ и остался, тѣмъ болѣе, что за мной, по приказанію Пугача, присматривали и раненаго возили въ телѣгѣ. Съ другой стороны и не знаешь, куда бѣжать и на кого Богъ приведетъ наткнуться: у Красноуфимска стоялъ капитанъ Поповъ, съ солдатами и вооруженными крестьянами, и, какъ слышно было, не давалъ

никому изъ шайки Пугачева никакой пощады. Такимъ образомъ я оставался прикованнымъ къ судьбѣ самозванца, до самаго конца ея, хотя и зналъ уже положительно, что онъ обманщикъ и разбойникъ, и вовсе не желалъ быть товарищемъ его, какъ я и поступилъ въ шайку его противъ воли, по милости моего зятя. Я былъ освобожденъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, и по милости царицы скоро послѣдовало всепрощенiе.

XXIV.

ЦЫГАНЪ.

(Пустобайка.)

—

Цыгану, который отбился отъ табора для промысла, пошла такая неудача, что онъ всей семьей цѣлый мѣсяцъ прожилъ безъ хлѣба, и еслибъ спросить его, чѣмъ они жили, что ѣли, то онъ бы и самъ этого не могъ сказать. Наконецъ пришло такъ круто, что онъ рѣшился уйти на время отъ семьи и бросить ее: авось я на сторонѣ что-нибудь скорѣе промыслю, а они — да какъ себѣ знаютъ; сироткамъ безъ меня еще скорѣе кто-нибудь подастъ милостыню, чѣмъ при мнѣ; а работы кузнечной здѣсь нѣтъ, въ цѣлый мѣсяцъ и гвоздя не выковалъ, да къ тому еще и голодъ: вишь въ какіе края зашли; мужики сами безъ хлѣба....

Заложилъ онъ кобылку свою и поѣхалъ тайкомъ, не сказавъ женѣ, куда и зачѣмъ. Ѣдетъ черезъ плотинку,—сломалась ось. Онъ взялъ топоришко свой, чтобы вырубить жердь и подвести подъ ось, влѣзъ на вербу, сталъ на сукъ и рубитъ его. Мужикъ идетъ мимо; посмотрѣлъ и говоритъ: цыганъ, что ты дѣлаешь! сидишь на суку, а самъ его рубишь; гляди, скоро въ водѣ будешь! — Цыганъ поглядѣлъ

на мужика, сказалъ: «поди, приведи сюда своего батька, такъ я и того еще научу!» и продолжалъ рубить, а мужикъ пошелъ своей дорогой. Скоро затѣмъ сукъ обломился и цыганъ торчмя головой полетѣлъ въ воду. Русскій человѣкъ отвѣтилъ бы на оберегъ прохожаго: ничего, онъ сперва затрещитъ; а цыгана вишь и на это не достало. Ну, за то онъ искупался.

Выскочивъ изъ воды, онъ побѣжалъ въ догонку за мужикомъ и присталъ къ нему: почему ты зналъ, что я буду въ водѣ? Развѣ ты все знаешь? — Все. — Отчего же ты все знаешь? — Оттого, что я цыганскій богъ. — Такъ, можетъ быть, ты знаешь, когда я умру? — Знаю. — Скажи, сдѣлай милость, скажи! — Вы же сами знахари и ворожеи, такъ и это должны знать. — Да, мы ворожеи для васъ, а не для себя; а ты скажи мнѣ правду, когда я умру? — А вотъ какъ подвяжешь жердь, да поѣдешь въ гору, то коли лошадь твоя чихнетъ да фыркнетъ три раза, такъ ты за третьимъ разомъ и помрешь; только твоего и вѣку.

Цыганъ воротился бѣгомъ, будто самъ торопился исполнить судьбу свою, умереть, починилъ кое-какъ повозку и сталъ подыматъся на гору: тощая кобылка его насилу везла порожнюю телѣженку, а самъ онъ шелъ пѣши и понукалъ; фыркнула кляча разъ, потомъ въ полу-горѣ другой — и цыганъ готовъ къ смерти: фыркнула третій — онъ бросилъ поводья и упалъ, какъ шелъ по дорогѣ, и лежитъ; лошадь отошла въ сторону и начала пастись.

Долго ли лежалъ мертвый цыганъ на дорогѣ, нѣтъ-ли, какъ ѣдетъ помѣщикъ: цыганъ хотѣлъ посмотрѣть, кто ѣдетъ, и вдругъ приподнялъ голову, а лошади испугались его и понесли. Остановивъ ихъ подъ горой, баринъ послалъ кучера посмотрѣть, кто лежитъ тамъ и зачѣмъ. Кучеръ приходитъ и допрашиваетъ цыгана, — а цыганъ, говоритъ только: не *рушь* меня, добрый человѣкъ, бо я уже *вмеръ*. — Иди, говорю, къ пану, панъ кличетъ? — А какъ же я пойду, когда я уже померъ? — Баринъ услышалъ это и,

разсердившись, закричалъ: бей дурака кнутомъ! — Кучеръ стегнулъ его порядкомъ, а онъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ, закричавъ: ой, да какже больно и на томъ свѣтѣ дерутся! Баринъ однако сжалился надъ нимъ, приказалъ дать ему грошъ и уѣхалъ.

Цыганъ подумалъ, ощупалъ себя по рукамъ и по ногамъ, взялся за голову, оглянулся кругомъ, попробовалъ кашлянуть и убѣдился, что онъ живъ. Видно, то былъ не настоящій цыганскій богъ, сказалъ онъ, а вотъ это настоящій, который меня оживилъ. Что же теперь мнѣ дѣлать? Поѣду купить на грошъ товару: сѣлъ, поѣхалъ, и всю дорогу чистилъ грошъ свой, чтобъ онъ былъ свѣтлый. Пріѣхалъ онъ на рынокъ, и какъ у него тутъ съ голодухи глаза разбѣжались, глядя на съѣстное, то онъ и положилъ купить на грошъ; чего больше дадутъ. Приходитъ онъ въ лавку и спрашиваетъ: сколько на грошъ вотъ этого меду? — А только одинъ разъ лизнуть съ лопаточки, сказалъ купецъ. — Цыганъ отвернулся и увидѣлъ бабу, которая несла цѣлую охапку хрѣну. — Что дала за хрѣнъ? — Да такъ, грошъ за беремя. — Обрадовавшись, что этого добра много даютъ на грошъ, онъ пошелъ и купилъ цѣлое беремя хрѣну: хоть печь топи! — Тотчасъ онъ принялся его ѣсть, и слезы потекли у него ручьями изъ глазъ. Плачьте очи, сказалъ онъ; сами видѣли, что покупали.... Но когда ему не въ мочь стало, то онъ выпустилъ изъ-подъ мышки беремя, а поплакавъ и подумавъ, сталъ подчивать имъ свою отощалую кобылу; когда же и та стала отворачиваться отъ такого добра, то съ отчаянья и голодухи рѣшился продать ее съ повозкой, и промышлять пѣшкомъ. Издохнетъ лошадь, кричалъ онъ, ставъ на треколую тележку свою, сей часъ издохнетъ, покупайте поскорѣе, да покормите, тогда увидите, какого звѣря купили: семеры сутки била-носила, семеры сутки не ѣвши стояла, семеры сутки не поена! А, какова лошадка? А? Поглядите, у кого глаза во лбу есть,

сами увидите, сами скажете, сами благодарить будете, придете цыгану руки цѣловать: вотъ какова лошадка!

Возгласы эти, позабавивъ и насмѣшивъ людей, привлекли однакоже и таковскихъ покупателей; хоть за три алтына, да продана лошадь, съ цыганской сбруей и телѣжкой, и цыганъ мой наѣлся досыта, въ первый разъ послѣ долгаго времени. Но цыгану въ городѣ и на торгу тѣсно; онъ продалъ, что надо было, купилъ, что можно было, а ѣсть выбрался въ чистое поле; тутъ онъ и насытился, и отдохнулъ спокойно и роскошно, не опасаясь докуки цыганки своей и цѣлаго гурта нагихъ ребятъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Полежавъ, увидѣлъ онъ издали человѣка съ ружьемъ и, подошедъ къ нему, поздоровался и спросилъ: ты кто таковъ? — Я охотникъ, иду дичь стрѣлять. — Ну, и я охотникъ, сказалъ цыганъ, такъ пойдемъ вмѣстѣ. — Пожалуй, пойдемъ; да чѣмъ же ты стрѣляешь? — А вотъ увидишь; покажи ты мнѣ прежде, чѣмъ ты стрѣляешь, тогда и я покажу. Пошли; выскочилъ заяцъ, охотникъ его убилъ: вотъ, говоритъ, я свое сдѣлалъ! — Стали подходить къ деревнѣ; ходитъ свинья съ поросятами: цыганъ погнался за ними, поймалъ поросенка, посадилъ его въ мѣшокъ, и говоритъ: а теперь я свое сдѣлалъ; вотъ какъ я стрѣляю!

Остановились на ночлегъ и положили испечь на угляхъ поросенка. Охотникъ взялся стряпать, а цыганъ уснулъ. Проснувшись на самой зорькѣ и увидавъ, что охотникъ возится подлѣ него, а огонекъ еще дымится, цыганъ думалъ, что все еще вечеръ, тогда какъ товарищъ его ужъ собирался въ походъ: — ну, братъ, сказалъ цыганъ, давай же ужинать! Я было заснулъ немного, да во снѣ видѣлъ, будто я былъ у царя въ гостяхъ, и ѣлъ такія сласти, что жаль было разстаться! — То-то, отвѣчалъ охотникъ, напрасно ты тамъ и не остался, у царя въ гостяхъ; а я ждалъ, ждалъ тебя, да не дождавшись и съѣлъ поросенка! — Какъ такъ? Да, вѣдь, это я все во снѣ видѣлъ! — А я почему зналъ, что во снѣ, ты не сказалъ мнѣ напередъ! — Брошу я тебя,

сказалъ обиженный цыганъ охотнику, ты недружный человѣкъ, съ тобой нельзя водиться. Пойду искать счастья!

И приходитъ онъ въ лѣсъ къ землянкѣ, гдѣ жилъ извѣстный силачъ, разбойникъ, со своею матерью. Сила у этого разбойника была не людская, а львиная, и никто не могъ съ нимъ совладать. Удивившись, что смѣлый человѣкъ къ нему зашелъ, онъ спросилъ цыгана: какой ты человѣкъ? что надо? — А я, отвѣчалъ тотъ, такой человѣкъ, что за поживой хожу; за тѣмъ и пришелъ. — Такъ что жъ ты помѣряться, что ли, силами хочешь? — А, пожалуй, мѣряй, коли достанешь, — Матушка, сказалъ тотъ, разсуди насъ: вотъ пришелъ человѣкъ, говоритъ, что онъ сильнѣе меня! — Подите жъ вы вмѣстѣ изъ колодца воду таскать; кто больше подыметъ ея и унесетъ на себѣ, тотъ и сильнѣе. — Приходятъ къ колодцу, разбойникъ вытащилъ огромную бадьищу воды, приподнялъ, поставилъ опять и говоритъ: на, неси, коли сможешь! — Зачѣмъ? спрашиваетъ цыганъ. — Я такъ не ношу воды, и самъ принялся вить претолстую веревку. — Это что будетъ? — А вотъ погоди, такъ увидишь: я весь колодязь притащу къ твоей матери! — Постой, сказалъ тотъ, не надо; пойдемъ такъ: и разсказалъ все матери. Ну, сказала она, такъ подите жъ теперь камни давить, кто сильнѣе надавитъ!

Пошли; разбойникъ положилъ камень на камень, налегъ и подавилъ — искры посыпались и камень въ песокъ разсыпался; а цыганъ, который успѣлъ уже въ землянкѣ разбойника украсть пирогъ, положилъ его, накрылъ камнемъ, подавилъ и сказалъ: нешто такъ камни давятъ, по твоему? У насъ вотъ какъ: гляди, бахвалъ, видишь ли, сокъ пошелъ! — Вижу, сказалъ тотъ, и пошелъ; доложилъ объ этомъ матери. Ну, такъ идите жъ на послѣдній споръ: кто больше дровъ наберетъ въ охапку и принесетъ сюда, тотъ будетъ сильнѣе. Пошли на буреломное мѣсто и разбойникъ сталъ собирать въ кучу валежникъ; цыганъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, покачалъ головою и сказалъ: ахъ ты дурень,

сердечный! да нештo такъ дрова носятъ? — А какъ же? — Да понашему вотъ какъ: поди-ко, принеси мнѣ веревку, что я началъ вить у колодца? — Ну, а тамъ что? — А тамъ совью я ее всю, да обнесу вокругъ всего лѣсу стоячаго, свяжу его въ одну охапку и принесу къ вамъ. — Нѣтъ, постой, надо матери сказать; куда жъ намъ дѣвать послѣ столько дровъ? Это со стороны примѣтно будетъ, и люди насъ найдутъ; погоди. — Матушка, вотъ такъ и такъ: не лучше ль намъ съ этимъ гостемъ помириться, чтобъ онъ съ Богомъ отъ насъ ушелъ? — Ну, мирись, сынокъ. — Что возмешь, богатырь почтенный, чтобъ уйти отсюда и насъ больше не знать? — Давайте мѣдныхъ денегъ, сколько унесу! — Сколько есть, бери, сказалъ разбойникъ, подумавъ про себя: пропали мы теперь! Онъ все унесетъ, и серебромъ и золотомъ ему не доплатишься! — Но цыганъ нагребъ въ мѣшокъ, сколько подъ силу поднять человѣку, а денегъ открыли ему цѣлую яму, — и, взваливъ ношу на плеча, онъ простился и пошелъ. Разбойникъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ: ну, матушка, либо это человѣкъ больно стыдливый, либо онъ насъ съ тобой одурачилъ. — А что? — Да денегъ-то онъ унесъ мѣшокъ, что мнѣ однимъ пальцемъ нечего подымать! — Ну, сказала мать, въ другой разъ придетъ, такъ мы его проучимъ!

Цыганъ пришелъ къ женѣ и дѣтямъ, заставилъ всѣхъ ихъ перечистить пятаки, закопалъ ихъ подъ свою наковальню въ землю, доставалъ оттуда по горсточкѣ и сталъ жить да поживать.

Покуда велись у него деньги эти, цыганъ по неволѣ стоялъ съ шатромъ своимъ на одномъ мѣстѣ, потому что оберегалъ кладъ, да и подняться было ему неначемъ, лошаденки нѣтъ. Прискучилось ему, правда, жить на одномъ мѣстѣ, какъ живетъ дубъ или чертополохъ, который приросъ корнями къ землѣ, — да какъ быть? — Покуда велись у цыгана мелкія деньги, онъ жалѣлъ ихъ; доставалъ по пятакамъ да по гривнамъ, а отсчитать въ одинъ разъ ме-

лочью рублей тридцать за лошаденку, на это онъ не рѣшался; а когда кладъ сталъ приходить къ концу, то было ужъ поздно. Молчи, сказалъ онъ женѣ, я видѣлъ сонъ, что раздобуду коня; не тужи, будетъ такъ: сонъ никогда меня не обманывалъ!

Невдалекѣ отъ цыганскаго кочевья жилъ баринъ, большой шутникъ и проказникъ, который особенно тѣшился всегда тѣмъ, когда могъ разсердить или одурачить кого нибудь. Вотъ онъ и придумалъ штуку: объявилъ, что хочетъ постричься и все наживное добро свое раздарить бѣднякамъ и вообще добрымъ людямъ. Разумѣется за этими добрыми людьми, охотниками до подарковъ, дѣло не стало. Приходитъ мужикъ, кланяется униженно, жалуется на бѣдность свою и проситъ барской милости. — Чтожъ тебѣ надо? спрашиваетъ баринъ. — Да что пожалуете, батюшка, что милость ваша будетъ, всѣмъ останемся премного довольны. — Ну, чтожъ, подарить тебѣ добрую соху? — Благодаримъ покорно — а самъ стоитъ и чешетъ затылокъ. — Ну, и еще что нибудь? Не коровку ли?—Благодарны много милости вашей.... А самъ все еще стоитъ, не будетъ ли еще чего. — Чтожъ, мужичекъ, можетъ статься тебѣ этого мало, не поправишься съ этого? — Да коли милость ваша будетъ, такъ пожалуйте еще что нибудь.... Какъ, закричалъ баринъ, ахъ, ты ненасыть, видно глазъ твоихъ ничѣмъ не накормишь? Люди добрые, подите сюда, разсудите насъ вотъ съ этимъ человѣкомъ: мужичекъ пришелъ попросить у меня что нибудь на бѣдность; я подарилъ ему соху — говоритъ: мало; подарилъ я ему еще корову — говоритъ: мало; чтожъ, развѣ такъ благодарятъ за подарки? Развѣ ты пришелъ ко мнѣ подати съ меня собирать, что ли?—Кирюшка, дай ему добраго подзатыльника, да вытолкайте его мошенника со двора!....

Приходитъ другой въ крѣпко изорванномъ, худомъ армякѣ; баринъ подозвалъ его, пожалѣлъ объ немъ и кричитъ: эй, принесите сюда хорошіе кучерскіе кафтаны! — Прине-

сли, стали перебиратъ и разсматривать, который отдать бѣдняку: кучеръ выбралъ было одинъ, но баринъ велѣлъ откинуть его вовсе, сказавъ, что этотъ не годится: хорошему-де человѣку надо подарить и хорошую вещь. Вотъ этотъ отдай, — сказалъ онъ, указавъ на одинъ изъ самыхъ плохихъ, на-ко, мужичекъ, накинь на себя да погляди, ладно ли будетъ? — А у нашего мужичка, глядя на щегольскіе кафтаны, что передъ нимъ разложили, глаза разбѣжались. Власть ваша, батюшка, отвѣчалъ онъ, а самъ косился на лучшую одежу.... Однако, спросилъ баринъ, говори! — Да коли ужъ милость ваша будетъ, такъ хоть бы вонъ этотъ кафтанишко пожаловали, указывая на лучшій и самый новый.... Хорошо, мужичекъ, возьми; отдайте ему этотъ! — Ну, что, хорошъ? — Какъ не хорошъ, батюшка, дай Богъ вамъ здоровья.... А между тѣмъ, надѣвъ щегольскій кафтанъ, мужикъ, охорашиваясь, похлопывалъ себя руками по поламъ и все еще косился въ бокъ, туда, гдѣ лежала одежа.—Ну, чтожъ, мужичекъ? сказалъ баринъ ласково, договаривай!—Да, ужъ колибъ такая милость ваша была, такъ не пожалуете ли на бѣдность вотъ и кушачка, да шапочку....—Ахъ, ты воръ, безстыжіе глаза! Слышите, люди добрые? Далъ ему кафтанъ — не хорошъ, дай другой, что ни-есть лучшій; отдалъ ему и этотъ — такъ и того мало, говоритъ: подай мнѣ кушакъ и шапку? Въ зашей его, ребята, да хорошенько, бей въ шею со двора!

Опять другому приказалъ онъ пріѣхать на своей лошаденкѣ, обѣщавъ дать деньженокъ. Тотъ пріѣхалъ, баринъ и велѣлъ пустить его въ кладовую, заваленную мѣшками съ мѣдными деньгами, сказавъ: вотъ, любезный, наваливай смѣло, бери сколько надо!

Какъ глянулъ гость въ кладовую, такъ у него руки задрожали и ножки подкосились.... Принялся онъ таскать, да валить на телѣгу: не глядитъ онъ, сколько на возу навалено, а все у него глаза разбѣгаются на кучи мѣшковъ въ кладовой: таскалъ, таскалъ, наконецъ остановился, по-

чесалъ затылокъ, видитъ, что навалилъ возъ большой. Погоди, думаетъ, хоть попробую, свезетъ ли проклятая лошаденка моя.... взялъ возжи въ руки, сталъ нукать — ни съ мѣста; подперъ мужичекъ грядку плечомъ, дергаетъ лошаденку, хлещетъ подъ брюхо кнутикомъ — та бѣдная только вертится да топчется, да фыркаетъ, да крутитъ хвостомъ и головой, а сама ни съ мѣста.... — Стой, стой, закричалъ баринъ, что ты это дѣлаешь? Ахъ, ты подлецъ! Я тебѣ велѣлъ забрать денегъ въ волю, а ты навалилъ, что и лошадь не везетъ! — Сваливайте долой, возмите-ка у него кнутъ, да, настегавши ему хорошенько спину, гоните со двора!

Вотъ объ этомъ-то баринѣ услыхалъ нашъ цыганъ въ то самое время, когда у него пятаки всѣ вышли, сидѣть на мѣстѣ соскучилось, а лошаденки не было. Пришелъ онъ къ нему на дворъ, ходитъ, поглядываетъ, то опять постоитъ у воротъ, держа шляпу въ рукахъ, и дождался наконецъ, что люди разспросили его и доложили барину, что-де цыганъ какой-то пришелъ, по наслышкѣ, просить лошади. Вотъ погоди жъ; думаетъ тотъ, я надъ нимъ потѣшусь: и вышелъ. — Что, братъ, лошаденку, что ль, тебѣ подарить? Цыганъ кланяется, молчитъ. Выведите-ка вотъ такихъ-то, такъ мы ихъ тутъ попробуемъ, да выберемъ, которая получше будетъ: хорошему человѣку надо и хорошую скотину держать. Вывели тройку: одна дорогая лошадь, другая — подъ стать ей, третья поплоше, однако не мужицкой подъ стать. — Сядь-ка на эту, сказалъ баринъ цыгану, указывая на плохую, да попробуй ее, полюбится ли она тебѣ! Цыганъ поклонился въ поясъ, взвалился на лошадь, да безъ оглядки и поѣхалъ со двора. — Куда жъ ты, закричалъ баринъ. ты погляди прежде, годится ли? — Даровому коню въ зубы не глядятъ, баринъ, отвѣчалъ тотъ, поклонился низенько и поѣхалъ. — Ну, передъ тобой, сказалъ баринъ, молодецъ: не поддался! поѣзжай, лошадь твоя!

Съ этихъ-то поръ цыганъ зажилъ опять по настоящему обычаю своему и по охоткѣ: съ денегъ цыгану никогда талану нѣтъ, богатство ему не далось, на одномъ мѣстѣ сидѣть также не рука; а коли добрая лошадь попалась, такъ съ нея онъ всего скорѣе разживется: такъ съ нимъ и сталось!

XXV.

ПОДТОПЪ.

—

Кто живалъ небольшимъ помѣщикомъ въ деревнѣ, тотъ и плакался на лихоту людскую: на недобраго сосѣда, да на недобрыхъ заступниковъ нашихъ, блюстителей порядка. Однако не все плакать, надо и посмѣяться; а ловкому мошенничеству иногда по неволѣ улыбнешься.

Вы знаете, что у насъ есть рѣчки, на которыхъ мельницы-мутовки выросли подъ каждымъ кустомъ, какъ грибы, и знаете, что владѣльцы сосѣднихъ мельницъ всегда бываютъ между собою въ ссорѣ, за воду: сосѣдъ, пониже меня, въ упалую воду жалуется, что я держу запасъ, не спускаю столько воды, сколько ему нужно; я сваливаю вину на своего сосѣда, выше по рѣкѣ; а въ половодье, каждый изъ насъ обвиняетъ того, кто подъ нимъ, въ подпрудѣ и подтопѣ; каждый, кто успѣетъ и съумѣетъ захватить и удержать воду, старается сохранить ее въ запасъ, на то время, какъ пойдетъ ниже межени; а этимъ-то онъ и подтапливаетъ верхòвые луга, или и самую мельницу. Законы наши на это довольно строги и справедливы, охраняя правà каждаго; желательно только, чтобы и исполнители закона были правы и безстрастны, какъ самый законъ.

Помѣщикъ, у котораго мельница молола слабо, вздумалъ исправить бѣду довольно просто: прибавивъ вершковъ на шесть поперечника подливнаго колеса̀. Первымъ слѣдствіемъ этого было, разумѣется, что колесо сѣло ниже и что, какъ говорится, *оказался подтопъ*. Стали обсылаться на словахъ, а тамъ и письменно, съ нижнимъ сосѣдомъ, требуя, чтобы онъ спустилъ воду. Почитая себя въ своемъ правѣ, сосѣдъ не хотѣлъ этого и слышать, отвѣчая, что если-де по произволу увеличивать размѣръ колеса̀, да по немъ и воду держать, то можно заставить спустить всю, и что на такое безразсудное требованіе согласиться нельзя. Вода стоитъ, какъ стояла прежде, и потому подтопу нѣтъ.

Верхнему уступить не хочется; поговорилъ онъ съ земскими, которые отъ такой ссоры себѣ худа не чаяли, и подалъ просьбу. Загорѣлось дѣльце. Подоили того и другаго, протянули на полгода; опять подоили — такъ прошелъ и годъ. Собирали и понятыхъ и допрашивали; собирали ихъ и держали по недѣлѣ безъ допросу, писали, отписывались, наводили справки — прошло еще полгода. Одинъ сидитъ съ подтопомъ и съ богатырскимъ колесомъ своимъ и ждетъ спуска воды, не разсчитывая проторей разнаго рода и убытковъ отъ стоянки мельницы; — другой стоитъ за правое дѣло свое, пожимается, но не уступаетъ. Наконецъ дошло дѣло и до суда; и тутъ, разумѣется, безъ хлопотъ и раструски не обошлись; обратили дѣло для дослѣдованія, тамъ еще разъ для переслѣдованія, — но какъ всему на свѣтѣ долженъ быть и есть конецъ, то и тутъ наконецъ судъ рѣшилъ, что слѣдуетъ окончательно дополнить слѣдствіе, приведя въ точную извѣстность, какая была межень воды до спора и какова она теперь, и поставить клейменый столбъ, съ чертою межени. Присланъ для этого и землемѣръ, гроза сельскихъ обывателей и главарь поземельныхъ и другихъ подобныхъ тяжебныхъ дѣлъ.

Въ это время, на бѣду, нижній сосѣдъ отлучился въ губернскій городъ и оставилъ своего бурмистра. Временный

земскій судъ, условившись, въ чёмъ слёдовало, съ верхнимъ владёльцемъ, назначилъ день выёзда, въ который-де при понятыхъ повёряться будетъ уровень воды *въ натурѣ*. Тотъ изъ этихъ господъ, кто улаживалъ дёло, подослалъ напередъ прикормленнаго человёка къ бурмистру отсутствующаго помёщика: вотъ-де, такъ и такъ, въ воскресенье будетъ судъ; исправникъ, самъ ты знаешь, много доволенъ твоимъ бариномъ и держитъ его руку; такъ видишь ли однако, чтобы тутъ чего не вышло; оно все таки дёло спорное и будетъ придираться сосёдъ — а сдёлайте вы вотъ что: спустите-ка вы въ ночь на воскресенье вершковъ шесть воды; мы пріёдемъ, опросимъ, выйдемъ на мёсто, всё покажутъ, что подтопа нётъ, что вода у васъ въ межени, либо еще и ниже — тёмъ мы дёло и повершимъ; а вы послё, пожалуй себё, опять поудержите воду, такъ и накопите въ трои сутки; теперь воды много.

Бурмистръ раскланивался и благодарилъ за барина своего, угостилъ лазутчика, чёмъ могъ, и обёщалъ ему еще благодарность. Бурмистру совётъ этотъ былъ по сердцу, какъ нельзя больше; онъ привыкъ съ издётства къ такимъ невиннымъ хитростямъ, безъ которыхъ и въ правомъ дёлё иногда правды добиться трудно, и видёлъ въ этой уловкё несомнённый успёхъ.

Пришло воскресенье, а съ нимъ наёхалъ и судъ съ землемёромъ, напередъ на верхнюю мельницу, гдё прежде была подпруда, потому что было опущено колесо, а теперь, когда нижній сосёдъ временно спустилъ воду, мельница молола въ порядкё. Послё веселаго завтрака, выёхали они на мельницу, гдё все оказалось въ порядкё. Ну что, ребята, подтопу нётъ? — Нётъ. — А вы, спросили у понятыхъ со стороны нижняго помёщика, вы теперь довольны, не жалуетесь, вода въ межени? — Довольны, и баринъ нашъ останется доволенъ. — Ну вотъ, и ладно. Такъ чего же баринъ вашъ спорилъ, изъ-за чего-жъ онъ дёло заводилъ и

насъ тормошилъ, и сосѣда безпокоилъ, а? А сосѣдъ-то, вѣдь, человѣкъ почтенный!

Повѣренные и понятые молчали на эту выходку, почесываясь, а исправникъ обратился опять къ дѣлу. Отобрали сказки и заручныя; а между тѣмъ у землемѣра оказался на готовѣ столбикъ, который былъ гдѣ-то заложенъ на подводѣ; принесли столбъ, поставили его тутъ же, при свидѣтеляхъ, въ воду, пониже плотины, разожгли клеймо, заклеймили, и провели черту межени, по уровню воды. Тотъ часъ же сѣли и поскакали на нижнюю мельницу; тутъ и спрашивать было нечего. понятые были уже опрошены и остались позади; и другой готовый столбикъ нашелся; его поставили въ воду повыше плотины, и такъ же положили на него неприкосновенное казенное клеймо и провели черту межени по уровню воды. Вотъ вамъ и всѣмъ спорамъ конецъ, сказалъ исправникъ; и вамъ и намъ спокойнѣе будетъ; теперь обѣ стороны довольны, и никому чужаго не надо. Держите жъ вы воду по чертѣ, такъ и привязки не будетъ; а вы скажите вашему барину, чтобы онъ нежаловался по пустякамъ, не тревожилъ бы насъ и добрыхъ сосѣдей.»

Бурмистръ разинулъ ротъ и растопырилъ пальцы; теперь только спохватился онъ, что его объѣхали на кривой. Но какъ стать спорить? О чемъ? Самъ онъ объявилъ и далъ сказку, что вода теперь въ межени и что выше этого они воды не держатъ; какъ признаться, что она была спущена, по злоумышленному совѣту? Помѣщикъ нижней мельницы воротился и его поздравили съ благополучнымъ окончанiемъ тяжбы. Помѣщикъ верхней мельницы, одержавшiй такую славную побѣду, свелъ счеты и плюнулъ: три года, говоритъ, надо молоть моей мельницѣ на этихъ господъ; три года будетъ она замалывать протори и поборы. Въ барышахъ, стало быть, кто?

XXVI.

ПОСЛУХЪ.

(Преданіе.)

—

— Куда ты меня завезъ, проклятый! кричалъ баринъ изъ коляски на ямщика, который, сидя на козлахъ, съ видимымъ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны, покрикивая и понукая лошадей, явнымъ образомъ только для своего ободренія.

— Ничего, вотъ, дастъ Богъ, выберемся, говорилъ онъ.

А тамъ опять ворчалъ про себя довольно внятно:

— Ахъ ты Господи! что ты будешь дѣлать! Вотъ наказаніе за грѣхи наши! лошадей зарѣжемъ совсѣмъ.

Ночь была темная. Небо заволокло тучами. Осенній, довольно рѣзкій, боковой вѣтеръ тянулся по равнинѣ, и ободья колесъ окатились густою, липкою грязью, шириною въ поларшина. Лошади тянули въ упоръ ступòю и пофыркивали: «ну, будь здоровъ!» отзывался повременамъ ямщикъ, прибавляя къ этому обычному пожеланію иногда другое: «чтобъ те лопнуть», и, привставая на козлахъ, опять оглядывался кругомъ. Наконецъ онъ молча слѣзъ, а потомъ,

ворча и проклиная неизвѣстно что и кого, пошелъ, нагнувшись, бродить по сторонамъ, покапывая передъ собою кнутовищемъ и отъискивая потерянную дорогу, какъ булавочку. Баринъ согналъ, въ помощь ему, соннаго слугу, сидѣвшаго копной на запяткахъ, а потомъ съ отчаянною рѣшимостью завернулся въ шубу и прилегъ въ самый задъ коляски.

Черезъ нѣсколько времени голоса въ сторонѣ коляски сдѣлались слышнѣе. Слуга бранился, а ямщикъ сталъ веселѣе и разговорчивѣе, даже смѣялся и много поумнѣлъ заднимъ умомъ. Они нашли какую то дорогу, и догадливый ямщикъ разсказывалъ рѣшительно, подробно и краснорѣчиво, гдѣ, какъ и когда имъ слѣдовало бы своротить и придержаться правой руки, а поднявшись на гору, не вѣрить глазамъ, потому что глазъ обманетъ, особенно, когда не видитъ ни зги, а вѣрить надо лошадямъ, которыя никогда не обманутъ, и прочее. Къ кому относились всѣ наставленія и нравоученія эти, неизвѣстно. Никто не мѣшалъ ямщику слѣдовать имъ въ свое время, потому что и баринъ спалъ и слуга спалъ, и никто изъ нихъ въ распоряженія его не мѣшались; но, вѣроятно, и самъ онъ также спалъ, да и надежныя лошади его задремали и протащили коляску Богъ вѣсть куда, въ сторону.

Какъ бы то ни было, дорогу нашли, выбрались на нее по пнямъ и кочкамъ, и ямщикъ сталъ покрикивать на лошадей повеселѣе. Вскорѣ увидѣли свѣтъ, пріѣхали къ жилому мѣсту. Баринъ все молчалъ, отдавшися на волю судьбы и ямщика; а этотъ, не говоря ни слова или, по крайней мѣрѣ, разговаривая только самъ съ собою и съ лошадьми, слѣзъ съ козелъ, постучался въ первыя ворота, которыя ему попались, поговорилъ съ бабой, пришедшею отпирать ихъ, и въѣхалъ на дворъ. Тогда только баринъ спросилъ:

— Да куда же ты меня привезъ?

— Да куда привезъ! отвѣчалъ тотъ: — куда Богъ велѣлъ:

въ деревню привезъ! Слава Богу что добрались. На распутьи не ночевать стать въ экую непогодь. Покормимъ, да и ободняетъ. такъ дастъ Богъ по добру, по здорову выберемся.

Это была не деревня, а цѣлое село, или, лучше сказать, нѣсколько деревень, собранныхъ въ кучку. Дворовъ сто, съ видною усадьбой и ухожами, составляли вотчину богатаго барина, котораго несмѣтная дворня съ музыкантами и псарями объѣдала пуще всякой саранчи, такъ что нечѣмъ уплачивать было процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ. Все остальное, по десяткамъ, по пяткамъ и даже по парамъ избушекъ раздроблено было владѣльцевъ на пятьнадцать. Ямщикъ привезъ нашего путника къ одной изъ такихъ владѣтельныхъ особъ, вдовѣ, старушкѣ, которая сама жила въ крестьянской избѣ и не отказала проѣзжему въ пристанищѣ.

Баринъ вышелъ, весьма недовольный похожденіями своими, изъ коляски; но когда онъ вошелъ въ избу, гдѣ уже освѣтились окна, то имъ овладѣло чувство холи и уютности, которое всегда утѣшаетъ путника, при переходѣ изъ-подъ ненастной, темной ночи въ теплую и опрятную свѣтелку. Хозяйка была радушна и привѣтлива, не докучая, впрочемъ, своею привѣтливостью; чай былъ поданъ безъ суетни и бѣготни, довольно скоро; самоваръ не дымился, не чадилъ, стоялъ на всѣхъ четырехъ ножкахъ; у чайника не былъ отшибенъ ни носокъ, ни ручка; а снурокъ, которымъ крышечка держалась за ручку эту, былъ довольно опрятенъ. При видимой бѣдности, весь передній уголъ, сверху донизу, былъ уставленъ иконами, въ огромномъ кивотѣ, на уступѣ котораго лежало нѣсколько священныхъ книгъ съ застежками; на окнѣ было нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ, предназначенныхъ для подаянія и оставшихся отъ прошедшаго дня. Съ женщиной, которая прислуживала, старушка говорила въ полголоса, тихо и кротко. Оглянувшись кругомъ, путникъ замѣтилъ, что изба была чрезвычайно вет-

ха. Онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяйкой, которая сказала ему, что изба срублена еще дѣдомъ ея, что она не въ состояніи поставить новую, а надѣется дожить въ ней до конца своего вѣка, котораго, по ея мнѣнію, осталось же не Богъ знаетъ сколько.

Пріѣзжему постлали постель въ переднемъ углу. Онъ улегся и вскорѣ уснулъ, между тѣмъ, какъ хозяйка легла за перегородкой. Лампадка передъ иконами теплилась, свѣчи были погашены. Усталому пѵтнику приснился какой-то крестный ходъ, церковное пѣніе и большое стеченіе народа; но всѣ люди одѣты были не такъ, какъ ходятъ живые, а будто въ саванахъ. Одно только священство съ причтомъ облачено было въ праздничныя ризы. Онъ проснулся отъ капли святой воды, брызнувшей ему въ лицо, при окропленіи народа, и, къ удивленію своему, увидѣлъ наяву продолженіе этого сна. Въ свѣтелку, въ которой стѣны и перегородка какъ будто были отнесены и терялись въ отдаленіи — по крайней мѣрѣ, онъ не могъ ихъ ясно отличить — вошелъ старый, сѣдой священникъ, со святыми дарами, а за нимъ весь причтъ. Послѣ молебна, впродолженіе котораго старушка спала спокойно, священникъ исповѣдывалъ и пріобщилъ ее св. тайнъ, а затѣмъ окончилъ служеніе. Толпа народу въ саванахъ, малые и великіе, дѣти и старики, женщины и мужчины, всѣ прикладывались, послѣ креста, къ рукѣ старушки, которая во все время не просыпалась, и наконецъ все исчезло.

Долго лежалъ проѣзжій въ какомъ-то недоумѣніи, стараясь притти въ себя и объяснить себѣ все, что видѣлъ; но онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ никакого отчета. Все было тихо и спокойно, стѣны избы и перегородка на своихъ мѣстахъ; лампадка теплилась, едва только бросая тусклый свѣтъ, а, между тѣмъ, онъ видѣлъ то, что сейчасъ происходило, не во снѣ, а наяву. Наконецъ онъ успокоился тѣмъ, что явленіе это во всякомъ случаѣ не могло быть дурнымъ знаменіемъ, а, напротивъ, развѣ только хорошимъ.

Усталость взяла верхъ, и онъ, хотя и очень поздно, заснулъ опять крѣпкимъ сномъ.

Утромъ проснулся онъ, и то будто съ какимъ-то усиліемъ, отъ призыва по имени и отчеству. Передъ нимъ стоялъ слуга, подпоясанный и съ шапкою въ рукахъ, стоялъ и докладывалъ, что уже очень поздно, что проспали лучшее время для выѣзда и что ямщикъ съ нетерпѣнія ворчитъ. Баринъ вскочилъ, опомнился, и видѣніе напередъ всего пришло ему на память. Онъ оглянулся: чайный приборъ былъ въ порядкѣ поставленъ на столѣ, и женщина вносила закипавшій самоваръ. Хозяйка, опрятно одѣтая, со спокойнымъ лицомъ, вышла изъ-за перегородки, поздоровалась съ гостемъ, спросила, какъ онъ почивалъ, и принялась заваривать чай. Проѣзжій все еще не могъ опомниться, всталъ, умылся, присѣлъ къ чаю, поглядывалъ на хозяйку и не доискивался словъ, ни для вопроса, ни для отвѣта. Она, повидимому, ничего не знала о томъ, что ночью съ нею сталось, а онъ не зналъ, какъ это понять и что обо всемъ этомъ подумать. Напились чаю, слуга вытаскалъ вещи барина, разсчитались съ хозяйкой, которая была до того умѣренна въ своихъ требованіяхъ, что никакъ не хотѣла принять плату за что либо, кромѣ овса и сѣна: «хлѣбъ-соль отплатное, взаимное дѣло, говорила она: — за хлѣбъ-соль расплачиваться грѣхъ». Наконецъ, по крайнему настоянію проѣзжаго, она согласилась, чтобы онъ положилъ деньги самъ на окно, гдѣ лежало уже нѣсколько мелочи, сказавъ, что, въ такомъ случаѣ, онѣ пойдутъ на раздачу нищимъ.

Баринъ сѣлъ въ коляску, въ раздумьи о ночномъ приключеніи; слуга обошелъ ее еще разъ кругомъ, осмотрѣлъ гайки и винты, поковырялъ пальцемъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ, какъ ему уже давно извѣстно было, недоставало гайки, и, поковырявъ, заглянулъ туда, будто хотѣлъ удостовѣриться, не выросла ли она, можетъ быть, за ночь; потомъ онъ усѣлся на запяткахъ, сказавъ громко: «съ Богомъ!» и ям-

щикъ тронулъ лошадей. Хозяйка, проводивъ своего гостя на крыльцо, воротилась въ избу.

Въ эту минуту, когда коляска, едва только выѣхавъ изъ воротъ, поворотила направо и поровнялась съ самой избой старушки, раздался глухой гулъ и трескъ и вся избушка рухнула и исчезла въ облакѣ пыли. Первая мысль проѣзжаго была, что передъ нимъ пожаръ; но вслѣдъ затѣмъ онъ опомнился, закричалъ: «стой!» и, выскочивъ изъ коляски, которую испуганныя лошади промчали саженъ сто дальше, воротился пѣшкомъ на мѣсто происшествія. Изба, въ которой онъ ночевалъ, обрушилась. Срубъ еще стоялъ отчасти, но вся кровля со стропилами, съ потолкомъ, или накатомъ и переводинами провалилась внутрь. Участіе и любопытство заставили проѣзжаго выждать конца: народъ сбѣжался, помѣщики и помѣщицы изо всего села сошлись, и вскорѣ разобрали избу и вынесли изъ нея два трупа: хозяйку и прислужницу ея. Болѣе тамъ никого не было.

Всѣ толковали, иные изумлялись, другіе утверждали, что они давно пророчили сосѣдкѣ такой несчастный конецъ, потому что верхніе вѣнцы избы и концы переводинъ сгнили и свѣтились по ночамъ мышинымъ огонькомъ. Вскорѣ подошли къ толпѣ и два священника этого села. Народъ вообще очень жалѣлъ о старухѣ, крестился и сулилъ ей царство небесное, называя матерью калѣкъ и нищихъ, богобоязненною и христолюбивою.

— Все такъ, сказалъ одинъ изъ священниковъ:—а смерть не хороша: отдала Богу душу безъ покаянія. Ее отпѣвать и хоронить на святомъ мѣстѣ нельзя.

Въ числѣ окружающихъ нашлись люди, которые, во уваженіе доброй памяти старухи, заступились за прахъ ея и стали упрашивать священниковъ, чтобы ее честно похоронить, какъ женщину, которую всѣ поминали однимъ только добромъ; но священникъ отказывался, и собратъ его съ нимъ соглашался.

Тогда проѣзжій вдругъ вспомнилъ, чему онъ въ ночи былъ свидѣтелемъ. Подумавъ немного, онъ обратился напередъ къ стоящимъ тутъ помѣщицамъ и разсказалъ имъ свое ночное похожденіе. Всѣ слушали его съ величайшимъ любопытствомъ и изумленіемъ, крестились и молились; подойдя къ обоимъ священникамъ, они просили ихъ выслушать показаніе проѣзжаго, который повторилъ гласно тоже, разсказавъ все, что видѣлъ, во всей подробности, присовокупивъ, что готовъ сейчасъ же присягнуть въ истинѣ своихъ словъ.

— Какой же это былъ священникъ? не изъ насъ ли кто нибудь? спросилъ одинъ священникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ проѣзжій: — это былъ низенькій старичокъ, худощавый, въ бѣлыхъ, кудреватыхъ волосахъ и съ узенькой бородой, почти по поясъ.

Всѣ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, а нѣкоторые отъ благоговѣйнаго страха отступили шагъ назадъ: всѣ узнали въ этомъ описаніи умершаго, года за два, сельскаго священника.

Подумавъ немного и посовѣтовавшись между собою, священники рѣшили, что, стало быть, старушка умерла не безъ покаянія и исполнивъ всѣ христіанскія обязанности, и поэтому она была отпѣта и похоронена, при большомъ стеченіи народа, какъ добрая и вѣрная христіанка.

XXVII.

АРХИСТРАТИГЪ.

—

«— Когда наши войска воротились домой изъ-подъ Франціи, то охочимъ сказанъ былъ отпускъ, на цѣлый годъ. Годовъ съ восемь изъ дому мнѣ вѣстей не было никакихъ: не то перемерли всѣ — царство имъ небесное — не то живы; а пора была такая, что тутъ было не до писемъ.— А что, сказалъ я землякамъ:— пойду и я; денегъ, благодаря Бога, у меня много, потому что жалованье шло заграничное: хоть повидаться, поотдохнуть да поразсказать, каковъ на свѣтѣ Парижъ городъ живетъ.

И пошелъ. Съ мѣста наняли мы подводу, — а насъ было человѣкъ десять попутчиковъ; прошли верстъ двѣсти, тутъ отдѣлились отъ насъ трое, а подъ конецъ, на границѣ своей губерніи, Курской, осталось насъ только двое земляковъ. Опять-таки мы наняли было подводу, да въ Фатежѣ товарищъ захворалъ, остался въ больницѣ, а мнѣ выжидать его не приходилось, и я пошелъ дальше. Одному подводу нанимать не по карману. Не привыкать стать нашему брату журавлемъ шагать, да и не далече. Я вскинулъ котомку за плечи, взялъ посохъ въ руки, да и по-

шелъ одинъ путемъ дорогой. Мѣста не то чтобы знакомыя, а все ужь не такъ далеко: верстъ сто и всего-то отъ дому,— такъ и итти какъ-то стало веселѣе.

Настигли меня сумерки на большой дорогѣ, за поворотомъ съ Фатежской на Курскую; а пора была осенняя, глухая, темная: пришлось искать, гдѣ бы приклонить на ночь усталую головушку. Тутъ по дорогѣ было много постоялыхъ дворовъ, и хотя нашему брату служивому эти постоялые дворы не больно сподручны, а выгоднѣе и спокойнѣе заходить въ деревню къ простымъ мужичкамъ, да ужь тутъ дѣлать было нечего, выбирать нѣкогда. Я остановился да сталъ осматриваться, въ которыя бы ворота постучаться; а встрѣчу мнѣ идетъ какой-то, видно, зазывать вышелъ, да и говоритъ: «Что, землякъ, не ночевать ли?... Просимъ милости, на хлѣбъ на соль.» Я, отозвавшись да отблагодаривъ, подошелъ, а онъ, разглядѣвъ, что передъ нимъ служивый, и отворотилъ было отъ меня рыло-то: «дескать, съ вашего брата взятки гладки и за безпокойство поживы не будетъ!»

— Ну, зазвалъ, сказалъ я: — такъ ужь не откидывайся, землякъ: вѣдь я домой пришелъ, это моя губернія; а что проѣлъ, заплачу. Не бойся, на это станѣтъ: вѣдь, я изъ заграничной арміи.

Услышавъ это, онъ опять подался: сталъ поласковѣе; а извѣстное дѣло, что въ тѣ поры всѣ наши изъ-за границы приходили съ деньжонками.

— Ну, говоритъ, съ Богомъ, поди. Вонъ это дворъ мой. Скажи хозяйкѣ, что я прислалъ; а мнѣ надо еще тутъ побыть: не будетъ ли обоза; никакъ, подъ горой кто-то покрикиваетъ.

Вошелъ я въ избу, помолился, поздоровался — гляжу, хозяйка не старая, видная, здоровая.

— Коли хозяинъ прислалъ, говоритъ, такъ съ Богомъ, распоясывайся.

Распоясываться нашему брату служивому нечего: разстегнулъ шинель походную, да и вся недолга! Поразговорилась хозяйка и ласкова стала: то пожалѣетъ за нужду военную, то пошутитъ, да приголубитъ, про походы расспрашиваетъ и какую кто поживу принесъ отъ француза.

— А кому какое счастье послужило, говорю я.—Извѣстно, что съ бою взято, то и свято. Ну, и жалованье царское шло намъ серебромъ да золотомъ.

— Стало быть, и всѣ вы богаты воротились?

— Иной, говорю, поразтрясъ все тамъ, то за французскими пунштиками, то съ нѣмцами бирки потрынкалъ, кто во что гораздъ, благо своя воля.

— Да ужъ отъ вашего брата, говоритъ, что путнаго ждать! что жъ, и ты такимъ же гоголемъ домой пришелъ?

— Ну, говорю, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ; однако, я былъ не изъ первыхъ гулякъ: не то, чтобы все прокутилъ, а помнилъ и своихъ. Вотъ теперь и пришелъ домой, да коли дастъ Богъ застану кого въ живыхъ, а, надо быть, двѣ сестры мои ужь подросли, такъ я ихъ и уважу, по червончику, другому имъ на приданое принесу.

Пришелъ хозяинъ, а хозяйка подала щей. Какъ поглядѣлъ я на него при огнѣ, что-то больно не понутру онъ мнѣ показался. Сказано слово: «съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, съ рыжимъ ночи не спи;» а ужь коли нашъ братъ курскій рыжій, такъ держи ухо остро! «Ну, думаю, Господь съ нимъ: мнѣ только бы переночевать, да спозаранку убраться.»

Поужиналъ я, помолился, разулся и легъ на лавкѣ; а ночевалъ я у нихъ одинъ: видно, извощиковъ хозяинъ не успѣлъ зазвать. Засыпая, я только подумалъ, какъ-то завтра разсчитаюсь съ рыжимъ. Ну, да не пять же рублей онъ за свои щи слупитъ съ нашего брата! извѣстно, полтиной мѣди чистъ будешь, а больше не возьметъ.

Уморившись съ переходу, какъ я свалился, когда огонь погасили, такъ и уснулъ; только еще прочиталъ до половины молитву своему ангелу, Архистратигу. Вдругъ просыпаюсь ночью, таки-вотъ словно кто меня студеной водой окатилъ, и сразу вскочилъ на ноги; гляжу, хозяйка вздула огонь, да взяла въ руки топоръ, а хозяинъ съ ножемъ, да оба прямо идутъ на меня. Пропалъ я, стало быть: вотъ въ какую берлогу меня Господь принесъ; а при мнѣ нѣтъ ни даже щепочки, чѣмъ бы отбиться! И самъ не знаю какъ и съ чего это во мнѣ вдругъ взялось, будто кто за меня вымолвилъ,— только я, взмолившись хозяину, говорю: «Что ты дѣлаешь! вѣдь я не одинъ здѣсь, вѣдь насъ тутъ цѣлая рота, меня спохватятся!»

Хозяинъ мой, какъ будто немного опѣшалъ, однако, подошелъ вплоть:

— Поздно теперь, говоритъ, сказки сказывать?... Какая рота? Молись, да и аминь тебѣ!

— Чего ты его слушаешь? закричала хозяйка и сама кинулась на меня съ топоромъ.

Я только успѣлъ призвать на помощь ангела своего, святаго Архистратига, какъ кто-то шибко застучалъ въ ставень.... молчокъ; а съ улицы голосъ подалъ кто-то, да еще шибче забарабанилъ.

— Кто тамъ? закричалъ хозяинъ, поднявъ надо мною ножъ, чтобъ я не поспѣлъ крикнуть, между тѣмъ, какъ проклятая баба опустила обухъ и прислушивалась.

— Кто! развѣ не слышишь?... Не узналъ голоса фельдфебеля? Аль заспался?

— Михайло Ларіоновъ, ты, что ли?

Я, ни живъ, ни мертвъ, отозвался.

— Собирайся живѣе, продолжалъ фельдфебель: — рота выступаетъ. Чего зѣваешь! Да живо! Не то я подыму!

Рыжій съ хозяйкой задрожали ровно листъ на осинѣ, да оба разомъ пали мнѣ въ ноги, говоря: «Не погуби, ради Спаса святаго не погуби!...

Я схватилъ котомку, сапоги, шапку и выскочилъ изъ избы, самъ не помня, какъ. Не могу понять по нынѣшній день, какъ я отперъ впотьмахъ сѣнныя двери, какъ растворилъ ворота, либо перескочилъ черезъ заборъ, ничего не знаю. Выбѣжалъ на улицу — все темно, ни зги не видать и никого нѣтъ. Я взмолился еще разъ своему архангелу и пошелъ прямо, безъ оглядки, куда глаза глядятъ. Вышелъ на дорогу — отколѣ ни взялась тройка курьерская, скачетъ во весь духъ да прямо на меня; я едва только успѣлъ отскочить да съ перепугу закричалъ что есть силы.

— Стой, стой! закричалъ курьеръ, военный офицеръ:— стой! Никакъ мы кого-то задавили...

— Да, чуть было не задавили, ваше благородіе! отозвался я.

— А ты кто таковъ?

— Служивый, ваше благородіе: иду въ домовой отпускъ; ночь настигла, ваше благородіе; сдѣлайте отеческую милость, подвезите....

— Садись, сказалъ добрый офицеръ.

Сѣли и понеслись. Покуда разсвѣло, такъ ужь мы были верстъ двадцат за Курскомъ. Тутъ я поблагодарилъ офицера и пошелъ своимъ путемъ, въ сторону.»

— Да кто жъ тебя спасъ отъ ножа и обуха? спросили слушатели Михайла Ларіонова:— кто же постучался въ ставень и сказался фельдфебелемъ?

— А вы и не догадались?.. Эхъ, вы, маловѣрные! Вотъ то-то и есть! Кто на войнѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался! А кому же я взмолился? А кто за меня стоялъ, держалъ подъ своимъ покровомъ, въ сорока сраженіяхъ, отъ вступленія француза въ матушку-Россію, до самаго занятія Парижа?

XXVIII.

КЛАДЪ.

—

Кого не сведутъ съ ума клады, если онъ только соблазнится разъ какимъ нибудь сбыточнымъ или несбыточнымъ преданіемъ, разсказомъ, таинственнымъ слухомъ или народною молвою, и возьметъ заступъ въ руки? Заманчивое и соблазнительное дѣло: съ работы будешь горбатъ, а не будешь богатъ: трудись вѣкъ, едва заработаешь на хлѣбъ. А тутъ стоитъ только удачливо напасть на слѣдъ, да осторожно и умѣючи взяться за дѣло — свечера вышелъ съ сумой, а на утро воротился въ золотѣ.

Вездѣ почти бывали, въ прежнія или въ позднѣйшія времена, различные перевороты, при коихъ раззорялись села и города, разбѣгался народъ: часть имущества онъ уносилъ съ собою, часть пряталъ, зарывалъ въ землю, остальное доставалось непріятелю. Все это сохранилось въ темныхъ преданіяхъ народа, обратилось для кого въ простую сказку, для кого въ священное преданіе, украшенное сказочными добавленіями; и стоитъ только разъ кому нибудь, разгорячивъ воображеніе свое, или принявъ умышленно таинственный видъ, дополнить отъ себя то, чего

въ преданіи недостаетъ, напримѣръ назвать мѣсто, гдѣ скрытъ мнимый кладъ,—и преданіе пойдетъ въ этомъ видѣ далѣе, перейдетъ даже на потомство и заставитъ кого нибудь современемъ поискать счастья своего тамъ, гдѣ его, вѣроятно, нѣтъ и не бывало.

Есть и другаго рода поводы подобныхъ преданій: въ былое время кой-гдѣ важивались шайки разбойниковъ, у которыхъ не бывало ни банковъ, ни казначейства, ни даже надежной осѣдлости, подъ охраною которой они могли бы обезпечить богатства, изрѣдка пріобрѣтаемыя ихъ промысломъ: и они зарывали ихъ въ землю. На этомъ основаніи, преступники разнаго рода, сидя подъ стражей, нерѣдко сами распускали ложный слухъ о зарытыхъ ими деньгахъ, въ надеждѣ соблазнить и подкупить этимъ сторожей своихъ или, по крайней мѣрѣ найти случай ускользнуть изъ-подъ замка и запора, для указанія мѣста, гдѣ мнимые клады эти зарыты. Наконецъ, простолюдины наши, не только въ старину, но и понынѣ, иногда зарываютъ деньги свои въ горшкахъ и котлахъ, въ берестовыхъ котомкахъ и кувшинахъ, изъ опасенія лишиться богатства своего, либо по проискамъ и вымогательству людей, отъ коихъ они зависятъ, либо отъ воровъ, которые съ большимъ искуствомъ разузнаютъ всегда напередъ, гдѣ именно у такого-то богатаго мужика лежатъ въ дому деньги, а потомъ уже до нихъ добираются, по готовымъ и извѣстнымъ имъ слѣдамъ.

Какъ бы то ни было, а всѣ обстоятельства эти поселили въ народѣ необычайное легковѣріе къ кладамъ, и дали плутамъ средства прибирать къ рукамъ кладоискателей и, въ ожиданіи мнимаго богатства, располагать настоящимъ имуществомъ обманутыхъ. Вотъ источникъ служащихъ собственно для этой цѣли, для мошенничества, *кладовыхъ записей*, составленныхъ будто бы хозяевами кладовъ, для памяти, и найденныхъ послѣ ихъ смерти. Этими тайными записями, а иногда и простыми замѣтками, въ довольно общихъ словахъ, плуты торгуютъ, вызывая охотниковъ поку

пать ихъ за наличныя деньги и дѣлая еще, сверхъ того,— болѣе для вида, — условія о раздѣлѣ клада, если бы онъ отъискался.

Но вотъ является новое обстоятельство: преданіе завѣрило меня, что около такого-то мѣста лежитъ кладъ разбойника Кудеяра, или даже Ваньки Каина, Гаркуши, Гришки Отрепьева; — послѣ долгихъ стараній и издержекъ, я пріобрѣлъ наконецъ и таинственную запись, въ которой мѣсто это довольно подробно означено, а, между тѣмъ, всѣ труды мои пропадаютъ: я не могу найти ровно ничего, хотя и изрылъ уже вокругъ всю мѣстность.... объясненіе такого явленія очень просто: клада этого нѣтъ, потому что его и не бывало и никто его не зарывалъ; но я этому не хочу вѣрить, а тотъ, кто меня обманулъ, и подавно. Итакъ, кладъ есть, безспорно, и надежда еще не потеряна; но онъ не дается: онъ положенъ со *словцомъ*, съ зарокомъ; его стережетъ нечистый и выдастъ только тому, кто съумѣетъ его взять, или кто исполнитъ зарокъ.... Новая забота, новыя догадки, розыски, хлопоты и новый случай поддѣть легковѣрнаго: идутъ къ знахарю, отъискиваютъ спрыгъ или разрывъ-травы, отъ которой всѣ подземные запоры и затворы распадаются, либо,— еще лучше,— цвѣта папортника, при свѣтѣ коего земля сквозитъ, дѣлается прозрачною, клады выходятъ наружу и безъ всякихъ хлопотъ даются въ руки....

Между тѣмъ, нельзя оспаривать, что если не кладоискатели, то другіе люди отъ времени до времени случайно находятъ неизвѣстно кѣмъ и когда зарытыя въ землю деньги,— и вотъ это служитъ новымъ торжествомъ и въ то же время предметомъ зависти и подстрекательствомъ для первыхъ. Напримѣръ: баба мыла бѣлье на рѣчкѣ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ тысячи бабъ или, по крайней мѣрѣ, тысячу разъ бабы полоскались до нея; на берегу стоялъ, всѣмъ давнымъ-давно знакомый, ивовый пень, который едва только за память стариковъ когда-то былъ въ сучьяхъ и

зелени. Въ этомъ пнѣ, съ такихъ же едва памятныхъ временъ, было просторное, глубокое дупло, наполненное снизу иломъ и пескомъ, отъ выступавшей ежегодно рѣчки. Баба складывала бѣлье на пень этотъ, а нѣкоторыя вещи положила и въ самое дупло, коего отверзтіе становилось съ году на годъ шире. Когда же она стала выбирать опять бѣлье свое изъ дупла, то замѣтила тамъ какой-то цвѣтной лоскутокъ, который тянулся изъ-подъ песку и разлѣзся у ней подъ пальцами, когда она за него потянула; порывшись рукою немного глубже, она вынула глиняный кувшинъ, наполненный серебромъ стараго чекана. Другой пахалъ и выпахалъ изъ земли завязанное съ двухъ концовъ голенище, изъ котораго посыпались старинные рублевики; третій рубилъ избу на новомъ мѣстѣ и хотѣлъ подкатить, для стула подъ срубъ, изрядной величины камень, который искони лежалъ на одномъ мѣстѣ — подъ камнемъ оказалась желѣзная ржавчина и навела мужика на слѣдъ зарытаго тутъ нѣкогда желѣзнаго котелка, который уже весь обратился въ ржавчину, но въ немъ стоялъ еще другой, мѣдный, нѣсколько уцѣлѣвшій и, притомъ, насыпанный вровень съ краями древнимъ русскимъ серебромъ, удѣльныхъ временъ.

Неподалеку селенія Сердобскаго уѣзда, Саратавской губерніи, кореннаго мѣсторожденія всѣхъ преданій и повѣрій о несметныхъ богатствахъ, зарытыхъ нѣкогда волжскими разбойниками, — около этаго селенія есть небольшой курганъ, мимо коего рѣдкій изъ крестьянъ повезетъ васъ, не разсказавъ, что тутъ лежитъ нѣвѣсть какой большой кладъ, положенный, однакожь, не спроста, а на извѣстное число головъ; но какъ извѣстное число это неизвѣстно, да, притомъ, и никому не вѣдомо, сколько головъ уже погибло при безуспѣшныхъ попыткахъ поднять кладъ и скоро ли урочное число жертвъ исполнится, то и никто не знаетъ, скоро ли кладъ этотъ дастся кому нибудь въ руки! Между тѣмъ, одинъ изъ крестьянъ этого селенія, довольно плохой хозяинъ

и работникъ, задумалъ разбогатѣть безъ большихъ хлопотъ и придумалъ вотъ что: прикормивъ къ себѣ какого-то сироту, мальчишку, который побирался, мужикъ мой отправился въ полночь — время, въ которое только и можно искать клады — къ этому кургану и взялъ мальчика съ собой: онъ располагалъ поднять кладъ *его руками*, съ тѣмъ, что если надобно еще кому нибудь сложить голову свою по зароку, то пусть-де пропадаетъ этотъ безродный сирота. Пошли, и мужикъ строго наказалъ своему товарищу не креститься и не поминать Бога, во все время, что они будутъ работать надъ кладомъ, а также не робѣть и даже не оглядываться, что бы ни случилось, удостовѣряя, что всѣ голоса, которые, можетъ быть, будутъ слышны въ это время, и всѣ страшилища, которыя дразнятъ языкомъ кладокопателя, ничего не смогутъ сдѣлать, если не робѣть и не смотрѣть на нихъ, потому что все это есть мара̀, то есть одинъ только обманъ чувствъ; но сто̀итъ только оглянуться или струсить, и нечистая сила тотчасъ возьметъ верхъ и одолѣетъ: тогда пропадешь.

По примѣтамъ, которыя мужичекъ мой исподволь выспросилъ, или подслушалъ тутъ и тамъ, онъ принялся рыть на извѣстномъ мѣстѣ кургана. Ночь была довольно темна и тиха, но небо ясно. Въ ту минуту, какъ мужикъ съ наговорами въ первый разъ ударилъ заступомъ въ землю, звѣзды, всѣ до послѣдней, попрятались и ужъ не видать стало ни зги. Мужикъ усердно продолжалъ работу: вдалекѣ, съ полуночной стороны, послышалось отдаленное завыванье, и вскорѣ налетѣла страшная буря, которая стонала и бушевала по степи и перегнала черезъ курганъ нѣсколько кустовъ перекатиполя. Мужикъ все еще не робѣлъ, даже попытался ударить заступомъ одинъ изъ кустовъ этихъ, не разсыплется ли онъ кладомъ; онъ уже вырылъ яму въ колѣно, и, къ радости его, буря начала утихать, какъ вдругъ усилились вой и стоны, послышалось множество голосовъ, конскій топотъ и брякъ оружія: ближе, ближе, и

на дорогѣ, которая проходила подъ самымъ курганомъ, выстроилась грозная рать, на коняхъ, въ старинныхъ доспѣхахъ, а глаза у людей и лошадей горѣли ровно угольки, и паръ изъ ноздрей коней валилъ огневистый.... Только что мужикъ мой успѣлъ струсить, какъ конная рать эта зашевелилась, встряхнулась, люди всѣ въ голосъ начали кричать непонятныя рѣчи, лошади заржали такимъ голосомъ, какъ ржетъ одинъ только нечистый; затѣмъ поднялись стукъ и брякъ, скокъ и топотъ, пальба изъ пищалей — и мужикъ мой, выскочивъ изъ ямы, пустился бѣжать... Грозная рать гналась за нимъ по пятамъ, до самой околицы. Тутъ вдругъ вся марà исчезла, какъ въ землю провалилась; ночь, по прежнему, была тиха и звѣздиста, и пѣтухи, безъ которыхъ дѣло это никогда не обходится, подхватывали и выносили кукареку, вслѣдъ за своимъ запѣваломъ.... И на этомъ-то поискѣ бѣдный сирота пропалъ безъ вѣсти, а яма, вырытая мужикомъ, оказалась заваленною. Полагаютъ, что она обратилась въ могилу для сироты, и мѣсто это получило названіе сиротской могилки.

Въ окрестности Кіева простолюдины также много занимаются кладами, частію городскіе, частію подгородные. Жилъ, а можетъ быть и теперь живетъ тамъ мѣщанинъ, изъ бывшихъ казаковъ, Лупопупенко: онъ, въ числѣ многихъ другихъ, повидимому, посвятилъ всю жизнь и малое достояніе свое кладоисканію и упорно продолжаетъ дѣло, несмотря на всѣ неудачи, растрачивая все, что пріобрѣталъ другими способами. У него хранились въ тайникахъ, между прочимъ, до десяти желѣзныхъ щуповъ или буровъ, разныхъ размѣровъ, и множество землекопныхъ снарядовъ. Онъ отправлялся втеченіе лѣта съ товарищами на розыски и рылся цѣлыя ночи на пролетъ, тщательно размѣривая, по записямъ и преданіямъ, разстоянія по разнымъ примѣтамъ и запуская въ землю свои щупы.

Зима приходила къ концу, и Лупопупенко сталъ опять сильно думать о предстоящихъ поискахъ, которыхъ онъ

жаждалъ, какъ рыба воды. Надумавшись и взявъ тайкомъ отъ хозяйки кошель съ цѣлковыми, которые заработаны были втеченіе зимы мелочною и въ особенности табачною торговлей, онъ напередъ всего отправился съ Подола въ Печорскую часть города, гдѣ жилъ давнишній знакомецъ его, державшій росписи кладамъ. По словамъ этаго человѣка, драгоцѣнныя росписи составлены были мало по малу многими лицами, частію уже очень давно, и пополнены достовѣрными свѣдѣніями изъ предсмертныхъ показаній и покаяній бродягъ и разбойниковъ и другихъ лицъ, знавшихъ эти тайны.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Лупопупенко сказалъ:

— Ну, отецъ, я пришелъ за нашимъ дѣломъ: вотъ деньги тебѣ, сполна — ужъ молчи, пожалуйста, чтобы меня еще жена не побила — да отдай мнѣ записи, какъ обѣщалъ, всѣ пятьнадцать, да, смотри же, покуда я не обыщу всѣ мѣста, не давай же другой росписи никому; а то ты, пожалуй спишешь да и другому кому продашь, а мы съ нимъ тамъ и сойдемся, въ чистомъ полѣ, да другъ друга испугаемся....

— Небось, отвѣчалъ тотъ: — я не такой человѣкъ: вотъ, гляди, какъ была старенькая бумажка, вотъ, и приписка въ разные, давнишніе годы, разными чернилами, такъ она и есть: видишь? Только вотъ что, Захаръ Прокофьичъ: вѣдь я, по уговору, на два года продаю тебѣ роспись; а черезъ два года, то есть вотъ какъ нынѣ, прощеный день сырной седмицы, хоть ты нашелъ не нашелъ что, а роспись мнѣ принеси опять: она завѣтная; а уже за то, что̀ нашелъ, все твое, мнѣ только по людски да по Божьи, какъ, то есть, законъ повелѣваетъ, одну третью часть отдать, и ужь я на совѣсть твою пошлюсь. Богъ накажетъ, коли обманешь. Прочее все твое; только заручись, что черезъ два года роспись принесешь опять.

Согласились, сосчитали и убрали деньги, выпили по маленькой и принялись оба вмѣстѣ разбирать сводъ записей. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

1) Закопаны суть деньги на Крещатикѣ, тамъ, гдѣ прежде былъ поповъ дворъ, подъ колодою и подъ глодовымъ кустомъ, въ казанѣ (т. е. котлѣ).

2) Тоже закопаны деньги и большое количество серебряной посуды, до 200 пудовъ, и серебряныхъ ключей, въ рощѣ подъ Кіевомъ, на краю возлѣ Васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ стоитъ по березѣ.

3) На лыбедской дорогѣ, въ Кіевѣ, которая начинается отъ роіци въ три аршина, закопанъ казанъ и глекъ (горшокъ) червонцевъ.

4) Въ срединѣ рощи, подъ Кіевомъ, въ яру возлѣ сосны, на три аршина отъ оной, закопанъ большой горшокъ карбованцевъ (цѣлковыхъ), также и малый горшокъ.

5) Въ селѣ Гусачовкѣ, подъ корчмой, съ лѣвой стороны въ углу, закопано 4,100 рублей. Кладъ сей положенъ на 12 индюшечьихъ головъ.

6) На климовской горѣ, въ Кіевѣ, есть погребъ отъ ироя горы, въ яру по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженья. Въ томъ погребѣ 14 бочекъ серебра.

7) Въ селѣ Гвоздовкѣ, подъ корчмою въ углу, закопаны съ лѣвой стороны 400 червонцевъ и шпага, облитая золотомъ. Со словцомъ.

8) Въ селѣ Германовкѣ, у шляхтича Коряскаго въ огородѣ, въ углу, закопанъ большой казанъ денегъ. Мѣсто свѣтится тому, кто три дня тощаетъ.

9) Въ лѣвой брамѣ (воротахъ) въ Кіевѣ, на смежномъ валу съ лѣвой стороны, закопано великое множество серебряной посуды.

10) Въ Кіевѣ, на Кириловскомъ полѣ, есть могила: въ той могилѣ казанъ и четыре сундука съ серебряной посудой и деньгами.

11) Въ Кіевѣ на рогѣ дѣтынкѣ, отъ ироя, закопанъ боченокъ съ червонцами.

12) Въ Кіевѣ на Крещатикѣ — глекъ съ червонцами, подъ черемухой.

13) Подъ рощею, между двумя дорогами, подъ кривою березою, на западъ солнца третья ступеня (шагъ) — казанъ червонцевъ.

14) Противъ пригорка къ Вышгороду, на долинѣ, три сосны по бѣлому озеру, а на тѣхъ соснахъ примѣты: на одной три, на другой двѣ, а на третьей одна посѣка, или знакъ. Между ними закопана воловья кожа денегъ.

15) За Днѣпромъ, возлѣ краснаго трактира, казакъ, возвращаясь въ 1812 г. съ французской войны, заболѣлъ; а близъ того есть сосна, а на той соснѣ казакъ вырѣзалъ саблю и пику и подъ тою же сосной выкопалъ саблей неглубокую яму и положилъ тамъ въ саквѣ походной большое количество денегъ, червонцами. Не доѣхавъ до дому, онъ померъ, сознавшись священнику....

Перечитавъ заманчивую роспись эту нѣсколько разъ и распросивъ хозяина своего, въ которомъ изъ этихъ мѣстъ было уже искано и каковы были послѣдствія, Лупопупенко расклaнялся, выпивъ на дорогу еще маленькую, и рѣшился вскорѣ, по разнымъ примѣтамъ, начать поискъ свой съ №13. Съ трудомъ только достало у него терпѣнья выждать, покуда земля немножко прочахла изъ-подъ снѣга; безпокойство мучило его, а нужда погоняла; въ домѣ давно уже почти нечего было ѣсть, и жена, зная, что деньги были, и не получая въ нихъ никакого отчета, грызла казаку голову день и ночь.

Мѣсто осмотрѣно было съ большою осторожностію днемъ, нѣсколько разъ; двѣ дороги подъ рощей найдены, а также двѣ или три кривыя березы. Лупопупенко мучило сомнѣнье: подъ которою изъ этихъ березъ лежитъ кладъ; наконецъ онъ, однако же, сообразилъ, что это должно быть подъ самою толстою, старою березою, и началъ готовиться въ путь. Обманувъ жену, какъ и чѣмъ могъ, онъ собралъ въ полночь снаряды свои: щупъ, заступъ и ломъ, и отправился подъ кривую березу. Какъ онъ такъ отмѣривалъ шаги на закатъ солнца, щупалъ, гдѣ земля порыхлѣе, и наконецъ

принялся за работу — этого мы въ подробности не знаемъ, но онъ воротился домой ночью же, разтерявъ дорогою ломъ и заступъ; и въ такомъ страшномъ видѣ, что жена, прежде еще чѣмъ успѣла вздуть огня, а какъ только отворила ему дверь и услышала дыханіе его, перепугалась на смерть. Сперва думала она, что Лупопуненко воротился пьяный, но сама божилась послѣ, что вскорѣ убѣдилась въ ошибкѣ своей и поносила его понапрасну, и пьянъ онъ не былъ, а насилу опомнился и оклемался. Онъ увѣрялъ послѣ, что глухое завыванье по рощѣ вскорѣ начало раздаваться и усиливалось постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ дорывался клада; наконецъ по лѣсу пошли огни и такіе страшные голоса, что онъ поневолѣ оглянулся въ сторону, но тогда увидѣлъ онъ вокругъ себя такія страсти, что ни подумать объ этомъ, ни пересказать не можетъ. Онъ не вытерпѣлъ, бросилъ все и побѣжалъ; черти гнались за нимъ, улюлюкая, какъ по волку, травили его огненными псами, и какъ ушелъ онъ и какъ попалъ домой, и самъ не помнитъ....

Но охота искать кладовъ все еще не покидала Лупопуненко, и, потуживъ съ недѣлю и отдохнувъ, онъ опять пошелъ посовѣтоваться съ тѣмъ же пріятелемъ своимъ на Печоры, а этотъ, для утѣшенія вѣрителя своего въ бѣдѣ и неудачѣ, далъ ему на придачу еще одну запись, которая указывала самый вѣрный и несомнѣнный кладъ. Во время кіевскаго большаго мора, въ 1778 году, говорилось въ записи этой, какая-то большая барыня, со всей семьей, домочадцами и пожитками, выѣхала изъ города и остановилась на извѣстномъ мѣстѣ въ лѣсу, обозначенномъ двумя толстыми дубами. Но захвативъ съ собою чумы, всѣ они въ лѣсу перемерли, а деньги и драгоцѣнности напередъ зашили въ воловьи шкуры и зарыли въ землю, вмѣстѣ съ убитыми для этого волами. Въ записи было также сказано, что щупъ на этомъ мѣстѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, останавливается на воловьихъ костяхъ.

Итакъ, рѣшено: Лупопупенко идетъ за этимъ кладомъ;

но страхъ отъ первой попытки отнялъ у него нѣсколько храбрости, и потому онъ рѣшился пригласить съ собою двухъ надежныхъ товарищей.

Пошли; отъискали два дуба, размѣряли между ними разстояніе шагами и хотя немогли ничего нащупать прутомъ или буромъ, но уже рѣшались было безъ этого приступить къ работѣ, какъ Лупопупенко, отойдя немного въ сторону, среди темной и бурной ночи, вдругъ закричалъ дикимъ и страшнымъ голосомъ.... товарищей его будто громомъ оглушило и метнуло въ сторону; безъ памяти бросились они бѣжать, и долго еще вслѣдъ за ними раздавался пронзительный, отчаянный крикъ несчастнаго Лупопупенко, котораго, безъ сомнѣнія, черти терзали по клочку, по волоску....

Прибѣжавъ безъ памяти домой, товарищи, однако же, постепенно опомнились и стали догадываться, что сдѣлали дурно; они созвали еще нѣсколько молодцовъ и пошли гурьбой выручать у чорта казака.... Какъ только подошли они къ нечистому мѣсту и подали робкій голосъ, какъ въ ту же минуту бѣдный Лупопупенко сталъ отзываться настоящимъ волкомъ; они подошли нѣсколько ближе и стали съ нимъ перекликаться и переговариваться: онъ звалъ ихъ на помощь, увѣряя, что онъ гибнетъ совсѣмъ, что скоро духъ испуститъ, если его не выручатъ; а они, не желая связываться съ такимъ опаснымъ и непосильнымъ врагомъ, не рѣшались подойти.... Мало по малу, однакоже, онъ умолилъ ихъ раздуть огня и итти къ нему всѣмъ вмѣстѣ, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ и читая вслухъ молитву ангелу-хранителю: робко приближалась толпа, и наконецъ увидѣли, что бѣдный Лупопупенко нашелъ кладъ: онъ попалъ въ волчій капканъ.

Кто бы разувѣрилъ его, если бы онъ самъ какъ нибудь вырвался и ушелъ, что его не чортъ поймалъ зубами за ногу? И самъ онъ догадался, въ чемъ дѣло, тогда только,

когда товарищи подошли съ огнемъ и освѣтили казака въ капканѣ.

— Ну, капканъ, такъ капканъ, сказалъ онъ: — а чортъ-таки не далъ мнѣ спуску: страсти были неописуемыя, невообразимыя, по діавольскому навожденію; а я стоялъ противъ нечистой силы носомъ къ носу и не могъ тронуться съ мѣста! Несите меня, братцы, домой.... Что-то хозяйка скажетъ?

XXIX.

ГРѢХЪ.

—

Въ вотчинной конторѣ главный прикащикъ сидѣлъ па своемъ мѣстѣ, на высокомъ кругломъ табуретѣ передъ высокою конторкою; вокругъ человѣка два побрякивали счетами, а въ передней половинѣ комнаты, отдѣленной перильцами, стояли нѣсколько крестьянъ. Они подходили поочередно, кланялись, клали передъ главнымъ прикащикомъ нѣсколько раскрытыхъ ассигнацій и, если дѣло было въ порядкѣ, по знаку его, молча либо со вздохомъ удалялись. Кому счастье послужило и оброкъ былъ выработанъ съ избыткомъ, тотъ былъ и съ виду повеселѣе, потряхивалъ головой и разводилъ кудри руками; иной же бѣднякъ вздыхалъ и сопѣлъ и поворачивался, будто нехотя, когда приходилось туго, либо надо было просить на одну часть оброка отсрочки. Прикащикъ обращался хорошо и довольно ласково съ людьми, и кто вносилъ болѣе половины за полгода и представлялъ дѣльныя причины, тому онъ, при надлежащихъ наставленіяхъ, давалъ отсрочку. Низко кланяясь и благодаря Ивана Тимоѳеича за милость и льготу, тотъ уходилъ съ отсрочкой своей домой.

Наконецъ прикащикъ обратился къ крестьянину, который стоялъ поодаль въ углу, держалъ шапку передъ со-

бою въ опущенныхъ рукахъ, глядѣлъ въ землю и во все время даже ни разу не почесался. Крестьянинъ этотъ не задолго передъ симъ отвѣчалъ прикащику:

— Нѣтъ у меня ни гроша, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, власть ваша.

Иванъ Тимоѳеичъ тогда поглядѣлъ на него только искоса и продолжалъ разсчитываться съ другими; теперь же онъ, положивъ оба локтя на конторку, опять посмотрѣлъ на мужика попристальнѣе и сказалъ:

— Осипъ! что жь это будетъ съ тобой? шутишь ты, что ли?

— Не шутки на умѣ, батюшка, отвѣчалъ тотъ: — такая дача задалась, что хоть ты что хошь дѣлай. Извѣстно, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, ваше дѣло правое; на васъ нашему брату жаловаться нечего, да и на господъ плакаться грѣшно: милуете и жалуете, а свое, что слѣдуетъ, внеси; на то тягло держишь, на то землю пашешь. Что угодно, то и дѣлайте, и отсрочки просить больше не стану — что нонѣ, что завтра, что черезъ годъ — знать ужъ все одно, мнѣ заплатить нечѣмъ; такъ задалось.

— Да отчего же такъ, Осипъ, отчего же другіе платятъ и не жалуются, что оброкъ великъ, а говорятъ, что по силамъ?

— И я, батюшка, не жалуюсь, благодаримъ господъ своихъ и васъ: оброкъ нечего Бога гнѣвить, не то, чтобы больно великъ; да, вишь, какъ нѣтъ его и воротился съ пустыми руками, такъ что станешь дѣлать? Не велика вещь вчерашній день: дней у Бога впереди много, да ужь не забудешь его, хоть надорвись. Сами вы изволите знать, что замной ни пьянства, ни другаго какого художества нѣтъ; да, видно, такое есть попущеніе Божіе, такъ задалось.

— Плохо будетъ тебѣ, Осипъ: другой срокъ упускаешь и все не исправенъ. Я ужь не знаю, что съ тобой и дѣлать стану; а потачки тебѣ нельзя дать, ужъ и ради другихъ.

— Объ этомъ кто говоритъ, Иванъ Тимоѳеичъ, это из-

вѣстное дѣло, что нельзя: вы понаровите одному, а они всѣ откажутся, пожалуй, съ половины мужиковъ не сберешь оброку.

— Такъ хоть растолкуй мнѣ, какая жь была тебѣ задача? Годъ ходилъ, руки работящіе есть: отчего жь ты ничего не принесъ?

— А вотъ, батюшка, отчего: пришелъ я на мѣсто ни съ чѣмъ, таки вотъ черезъ силу дотянулся; а въ Питерѣ, извѣстно, омутъ: какъ ввалился въ рогатку, такъ и доставай мошну: билетъ выправить, больничные, да пошлинные, да за прописку — а ѣсть надо, на гривенникъ одного хлѣба на день мало — ну и идешь къ кому ни попало, таки живьемъ въ руки разбойнику и отдаешься: только слава, что подрядчикъ, а христіанской души въ немъ нѣтъ. Ну, работалъ я недѣли съ три, а тамъ схватило меня что-то, заболѣлъ; пролежалъ и не долго, да подрядчикъ все въ прогулъ ставитъ, вычету полагаетъ по цѣлковому на день. Легкое дѣло цѣлковый! Отдать-то его не мудрость, да поди-ка, заработай его! Тутъ, только что вышелъ изъ больницы, другая бѣда прилучилась, такъ вотъ ровно съ неба за грѣхи свалилась: сталъ, то есть сдѣлался прикосновеннымъ — и Богъ знаетъ за что; а затаскали было и пропалъ было совсѣмъ: раздавили на улицѣ человѣка, наѣхала карета, сшибла его и подъ колеса. Онъ лежитъ, а тутъ бой такой, не по здѣшнему, карета за каретой, стукъ, крикъ — того гляди раздавятъ лежачаго вовсе, а еще онъ, можетъ статься, живъ. Я подскочилъ, ухватилъ его подъ руки и оттащилъ къ краю; то есть, по тамошнему, плитуваръ называется, гдѣ ходятъ пѣшіе; набѣжали эти городовые взяли его, да и меня туда же. Я проситься у нихъ: за что, молъ, меня-то? Тамъ, говорятъ, разберутъ все, а намъ тебя, по прикосновенности, отпустить нельзя: пойдемъ и ни толкуй.

Привели, да и увязили меня въ такое мѣсто, что не дай Богъ ни другу, ни недругу. Сижу я недѣлю, сижу другую,

денегъ со мной нѣтъ ни гроша — хоть пропадай! Наконецъ черезъ великую силу упросилъ я, чтобъ хоть послали обо мнѣ вѣсть пóдрядчику: авось, хоть онъ не вступится ли. Подрядчикъ пришелъ, выкупилъ меня у писаря. Я взмолился ему, какъ вотъ отцу родному; работалъ все лѣто, пришло дѣло къ разсчету — съ костей да на кости — онъ насчиталъ еще рублевъ семь на меня! Какъ, молъ, такъ? побойся ты Бога! — Да вотъ какъ: вотъ, молъ, что слѣдуетъ тебѣ за лѣто; вотъ сколько вычету за прогулъ, когда былъ боленъ, а вотъ сколько, какъ сидѣлъ въ сибиркѣ; да вотъ еще выкупу за тебя дано. Гляди, что осталось: вотъ, семи рублей не хватаетъ.

Поплакался я на обиду да пошелъ къ другому подрядчику: авось-де не посчастливится ль получше. Такъ старый подрядчикъ не отпускаетъ, не отдаетъ паспорта; принужденъ занять у новаго деньги да расплатиться: вотъ и заработалъ. А тутъ еще опять-таки за прописку, да то, да сё, такъ я опять въ долгу, какъ въ репью. Ну, авось, Богъ милостивъ, отработаемъ, что нибудь заслужимъ; благословясь, пошелъ опять снова. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, что-то подрядчикъ нашъ больно плохъ дѣлается, все отнѣкивается, какъ придетъ дѣло къ разсчету, все, говоритъ, послѣ, а выдаетъ, кому ужь больно нужно, по гривнамъ да по копѣйкамъ. Мы потолковали промежъ собой — какъ быть? Уйдешь, все пропадетъ, что заработано; кажись, онъ человѣкъ добрый, и люди хвалятъ — останемся да поработаемъ, авось, не обидитъ. Пришелъ срокъ, надо распускать рабочихъ, а подрядчика нашего нѣтъ, пропалъ. Снялъ онъ, вишь, работы съ торговъ, по планамъ, разсчитавъ по сваѣ и по кирпичику, а тутъ вышло не то: какъ пришлось къ дѣлу, анъ планы тѣ и не годятся; тутъ прибавить, тамъ убавить, тутъ на сводахъ сдѣлать, тамъ подъ бутъ сваи забить, — а всего этого по ряду и не было; онъ туда, сюда, хотѣлъ было откинуться — такъ не пускаютъ; деньги-те усадилъ, пошелъ просьбы писать да смазывать —

и сѣлъ; вотъ онъ, сердечный, утопился ли, какъ сказывали, бѣжалъ ли куда, только что пропалъ, а мы съ однѣми руками да съ брюхомъ и остались. Покуда водили насъ, да допрашивали, да выдали паспорты, такъ послѣднія крохи и проѣли, и животики подобрались; срокъ паспортамъ вышелъ, гонятъ, ступай домой — вотъ я и пришелъ. Батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, что хочешь, то надо мною и дѣлай.

Подумавъ немного, прикащикъ все-таки счелъ за нужное побранить Осипа и постращать его; тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не оспоривалъ пользы этого, увѣряя, что народъ нынѣ все другъ на друга смотрятъ и что потачки нельзя давать никому. Но за тѣмъ Иванъ Тимоѳеичъ простилъ Осипа, то есть не наказывалъ его, а велѣлъ приходить еще разъ за паспортомъ, обѣщавъ написать господамъ и просить ихъ, чтобы еще потерпѣли до слѣдующаго года: «а коли тогда не внесешь, то ужъ не прогнѣвайся, будетъ плохо: либо съ тягла ссажу тебя да въ работу пошлю, либо лобъ забрѣемъ. Дальше дѣлать съ тобой нечего.»

Осипъ провелъ дома, въ семьѣ, нѣсколько недѣль довольно спокойно, готовясь опять въ путь: «за одинъ-то годъ — говорилъ онъ — Богъ дастъ, какъ нибудь уплачу я оброкъ, а ужь за два — хоть разопнуться, такъ не добудешь, объ этомъ и думать нечего. А что будетъ со мной, какъ и на тотъ годъ приду, хоть не то, что какъ нынѣ, да съ недоимкой? А что жь будетъ — будетъ, что Богу угодно. Власть Его святая.»

Пришло время отправленія, и Осипъ, получивъ паспортъ свой и строгое повтореніе добрыхъ совѣтовъ и наказовъ, отправился. Всю дорогу раскидывалъ онъ на умахъ, какъ ему ухитриться, чтобы отбыть повинность съ недоимками и выйти хоть безъ поживы, да лишь бы самому быть живу. «Не до барыша — думалъ онъ про себя — была бы слава хороша....» а, между тѣмъ, и на умахъ у него концы съ концами не сходились. Онъ опять подумалъ: «власть Господня», и пошелъ дальше.

Проработавъ еще круглый годъ, не заболѣвъ ни разу и не посягая на спасеніе погибающихъ, Осипъ заработалъ и на этотъ разъ получилъ отъ подрядчика долю свою сполна; но ея едва только доставало на уплату годичнаго оброка, потому что онъ принужденъ былъ услать домой рублей семьдесятъ, частію на прокормъ семьи, а частію на помощь ей же, по полученной отпискѣ, что лошадка пала и работать нечѣмъ. Возвращаясь домой самъ-третей, съ двумя товарищами, онъ уже принимался разсчитывать на всѣ лады; но и тутъ и тамъ не хватало, потому что и тутъ и тамъ были долги, послѣ несчастнаго года. Горе стало больно опять одолѣвать нашего двоеданца; а когда его еще и товарищи обидѣли дорогой, напившись пьяными и поколотивъ его самъ-другъ за то, что онъ во весь путь не хотѣлъ поднести ни одной косушки, то онъ, крѣпко разбранившись съ ними, покинулъ ихъ хмѣльныхъ и пошелъ одинъ впередъ. «Что ближе изъ неминучей бѣды, то лучше — подумалъ онъ — за горами только страсти живутъ.»

На другой день, когда завѣтная дума стала у него все больше и больше разъигрываться, онъ то упадалъ духомъ, плачась на судьбу свою, то опять придумывалъ средства, какъ бы пособить горю, то со спокойствіемъ и рѣшимостью шелъ встрѣтить свою участь. Невольно пришло ему при этомъ на мысль, что-де есть же люди богатые, которымъ ничего не стоило бы подарить бѣдняку сто рублевъ, и бѣднякъ былъ бы спасенъ. Вспомнилъ онъ также извѣстное въ томъ краю происшествіе, гдѣ крестьянинъ срѣзалъ чемоданъ у проѣзжающаго и нашелъ тамъ, кромѣ вещей, большую сумму денегъ, такъ, что разжился съ той поры, между тѣмъ, какъ прошло уже годовъ болѣе десятка и никто не дознался этого дѣла, и мужикъ живетъ себѣ спокойно и богатѣетъ. «Стало быть, не раззорилъ же онъ того господина — продолжалъ онъ думать, выводя Богъ вѣсть изъ чего такое заключеніе — а опосля того онъ зарекся и сталъ мужикъ смирный и честный, не обижаетъ никого..., А по-

шелъ онъ на это дѣло, можетъ статься, также не по своей волѣ, а по нуждѣ....»

Осипъ оглянулся, а за нимъ тянется по сыпучему песку рыдванъ осмерикомъ. Клячъ напутано много, но толку мало: пески по ступицу. Рыдванъ поровнялся съ Осипомъ. Время холодное, все кругомъ запутано, а на запяткахъ привязанъ, будто для соблазна, чемоданище, съ замкомъ, продѣтымъ въ ременную мочку. Съ четверть часа Осипъ шелъ рядомъ съ каретой, поглядывая то на ямщика и лошадей, то на чемоданъ, въ которомъ, надо быть, набиты все одни деньги. Были сумерки, лѣсъ по обѣ стороны дороги тянулся вплоть, и Осипъ подумалъ: «если бъ кто сталъ срѣзывать чемоданъ этотъ, и даже воришку замѣтили бы съ козелъ, то ему легко, по первому крику, соскочить и уйти въ лѣсъ.... а принести-то мнѣ нечего барину, въ контору, то есть, хоть и всѣ отдать, такъ все недочетъ великъ; а дома-то что будетъ?»

Осипъ оглянулся — онъ шелъ слѣдомъ за каретой — никого нѣтъ, все пусто. Онъ присѣлъ на запятки, думая: хотя доѣду, все легче будетъ.... а, между тѣмъ, ощупывая кругомъ чемоданъ и видя, что онъ только припутанъ веревкой, Осипъ досталъ изъ-за пояса топоръ свой и продолжалъ думать: «вотъ какъ бары-то безъ оглядки ѣздятъ — видно, много у нихъ лишняго добра — долго ль до грѣха, вотъ, вѣдь, только подрѣзать веревку и своротилъ его долой, пожалуй и самъ упадетъ, какъ гдѣ тряхнетъ на кочкѣ....» Думая это, онъ уже подрѣзалъ веревки, о которыхъ говорилъ, сбросилъ чемоданъ на землю, а самъ стоялъ передъ нимъ въ какомъ-то страхѣ и недоумѣніи, оглядываясь во всѣ стороны. Онъ почти уже хотѣлъ кричать вслѣдъ за рыдваномъ, чтобъ взяли потерянный чемоданъ, но у него затянуло гортань, такъ что онъ съ трудомъ только дышалъ, а говорить не могъ.

«Что будешь дѣлать — сказалъ Осипъ, надумавшись — стало быть такая судьба моя; тутъ мудровать нечего: взялъ

чемоданъ за ухо и потащилъ его черезъ канавку, въ сторону.» Уже порядочно смеркалось, а потому Осипъ далеко въ лѣсъ не забирался, а расположился на опушкѣ и, взрѣзавъ кожу, началъ перебирать вещи, доискиваясь денегъ. Долго перерывалъ онъ бѣлье, книжки, платья, одѣяла и проч. и никакъ не могъ понять, куда эти деньги дѣвались. Перебравъ все по ниточкѣ и убѣдясь наконецъ, что денегъ нѣтъ, онъ всталъ, поглядѣлъ вокругъ себя и опять на добычу свою и, горемычно почесывая затылокъ, теперь только сталъ раздумывать, какъ же ему быть и куда съ вещами дѣваться. Во первыхъ, онъ чемодана не донесетъ на себѣ; во-вторыхъ, еслибъ и донесъ или выбралъ что есть получше изъ вещей, такъ неминуемо съ ними попадется, потому что на слѣдующей же станціи проѣзжающіе, безъ сомнѣнія, объявятъ о пропажѣ, а село наше оттуда всего двадцать верстъ. «Эка притча — подумалъ онъ — эко грѣхъ попуталъ! Догнать было ихъ да сказать, что нашелъ, такъ не догонишь теперь, да и не повѣрятъ: веревки обрѣзаны, попадешься и не раздѣлаешься....» Осипъ плюнулъ, проклялъ соблазнителя своего, перекрестился и пошелъ скорыми шагами впередъ, бросивъ чемоданъ и вещи на произволъ судьбы.

Между тѣмъ, двое товарищей его, съ которыми онъ поссорился, покинувъ ихъ назади, проспались, протрезвились и, торопясь домой, къ разсвѣту пришли на мамаево побоище, какъ они его называли, на то мѣсто, гдѣ лежали распоротый чемоданъ и разбросанныя вещи. Они также шли сторонкой, тропой, и потому прямо наткнулись на осипову безпутную работу. «Это что, парень, гляди-ка!» — поглядѣли сперва, оробѣли было немного, полагая, что тутъ былъ разбой и убійство, но, разобравъ и догадавшись вскорѣ, въ чемъ дѣло, разсудили, что, чѣмъ добру этому пропадать тутъ даромъ, такъ лучше его забрать.

— Весь чемоданъ съ собой тащить опасно, сказалъ одинъ; — а мы, братъ, Серега, разберемъ-ка лучше по ру-

камъ, что есть получше, да, завернувъ во что нибудь, привѣсимъ себѣ замѣстъ котомокъ, и пойдемъ: гляди-ка ты, что добра тутъ! Это вотъ, вишь, бѣлье все тонкое, хорошее, — и платье тожъ; придемъ домой, спрячемъ, а опосля продадимъ.

— Разумѣется, сказалъ другой: — намъ что, мы ни въ чемъ не причастны, безъ грѣха: намъ Богъ послалъ; а это чья работа — мы не вѣдаемъ.

Но едва успѣли они подойти къ ближайшей деревнѣ, гдѣ была станція, какъ ихъ обоихъ обступили, потому что тутъ уже стерегли, не покажется ли какой нибудь подозрительный человѣкъ. Туда-сюда, стали ихъ ощупывать, осматривать, нашли у одного въ карманѣ шелковый платочекъ и принялись развязывать котомки. Тутъ дѣваться было уже некуда: бѣдняки мои пали въ ноги и стали божиться и заклинаться, что они не воры, а находчики. Ихъ связали и отправили, вмѣстѣ съ найденнымъ по ихъ же указанію чемоданомъ, въ судъ.

Осипъ пришелъ домой, поздоровался съ хозяйкой и ребятишками, разсказывалъ немного, былъ какъ-то молчаливъ и угрюмъ и поминалъ нѣсколько разъ бѣду свою, что не знаетъ, какъ и съ чѣмъ завтра показаться въ контору. Ему на другой день будто не здоровилось, и онъ просидѣлъ дома. Къ вечеру въ этотъ же день пришла на село вѣсть, что Серега съ товарищемъ попались вотъ по какому дѣлу; что видно-де лукавый попуталъ и хоть жаль ребятъ, а пропадать имъ не миновать: добра въ чемоданѣ было на большія деньги. Чего добраго — сошлютъ.

Осипъ какъ будто этого и ждалъ: какъ только у него въ сосѣдствѣ раздался вой серегиной хозяйки, которая вышла нарочно для этого на улицу, заламывала руки и причитывала, то Осипъ всталъ, попросилъ прощенья у жены своей, которая не могла понять, что это значитъ, благословилъ ребятишекъ и пошелъ въ контору.

— Здравствуйте, батюшка, Иванъ Тимоѳеичъ, сказалъ

онъ: — много благодаренъ милости барской и вашей, что не раззоряли вы меня, а ждали оброкъ съ меня третій годъ. Что Богъ далъ, я принесъ, вотъ все до копѣйки, не оставилъ дома ни гроша. Только вотъ что, Иванъ Тимоѳеичъ, вы извольте поскорѣе отправить меня въ судъ. Хоть Серега со Степаномъ обидѣли меня больно, побили задаромъ, да ужъ за это Богъ ихъ проститъ, а напраслины имъ терпѣть нельзя: чемоданъ-то я срѣзалъ сдуру у проѣзжихъ, вотъ и топоръ мой, имъ и веревки обрѣзалъ, да опосля бросилъ, не взялъ ничего; а они ни въ чемъ не виноваты, они пришли на готовое. Такъ ужь простите, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, вы меня грѣшнаго, продолжалъ Осипъ, повалясь въ ноги: — что и васъ, то есть и барина я этимъ изобидѣлъ; а меня прикажите вести въ судъ: видно, судьба моя такая.

XXX.

ДВУХЪ-АРШИННЫЙ НОСЪ.

—

— Ну, извощикъ, теперь мы съ тобой выѣхали на просторъ: за рогаткой не будетъ ѣзды такой, какъ въ городѣ, и разговориться тебѣ свободно: сказывай же!

— Да что, батюшка баринъ, что вамъ сказывать-то? Житье-бытье наше извѣстное — не барскому чета, а Бога гнѣвить нечего, жить можно.

— Оброку что платишь?

— Оброку? — да оброку-то, вишь, многонько платимъ; оно бы и ничего, кабы его добыть можно, а то, того гляди, поворотятъ тебя на работу, а въ дому-то и худо будетъ. Оброку чистаго платимъ мы съ тягла — сперва было сто-пятьдесятъ рублей, а таперь пошло на серебро, такъ положили сорокъ-пять цѣлковыхъ.

— И ужь больше нѣтъ повинностей никакихъ?

— Опричь того, три дня работы съ сохой, три дня жать, три дня косить, три дня сѣно грести, да хлѣбъ перевозить на барское гумно, да три дня молотьбы, да опять хлѣбъ въ городъ свозить — вотъ эта гоньба одолѣла насъ, что стоянки за нею много — ну, да еще зимой двѣнадцать возовъ дровъ привезти изъ лѣсу, да десять рублевъ караульныхъ,

на усадьбу, за сторожей; а тамъ казенное подушное внеси, да и ступай, куда хошь.

— А много ль это всего, по вашему счету, на деньги будетъ?

— Да на деньги, батюшка, коли то есть кто домой не ѣдетъ круглый годъ, ужъ чтобъ хозяйки его не обижали, нанимаетъ за себя, на все, — такъ сходитъ никакъ по двѣсти по двадцать ассигнаціями, и по тридцать. Все бы это ничего, кабы хоть ужь земля была — знали бы за что платимъ — а то землей мы больно обижаемся.

— А что, не хороша земля у васъ?

— Да ужь чего, хороша, батюшка: это извѣстно, Божье дѣло, не наше; какова ни есть, такову и паши; да пахать-то нечего; всего по двѣ мѣрочки посѣву — вотъ что.

— Видно плохо унавоживаете, то есть позему мало кладете?

— Э, баринушко, одной женой да одной коровой десятины не обрядишь, хоть что хошь дѣлай. Извѣстно, были бъ луга, держали бъ скотинку; анъ ихъ нѣтъ, ничѣмъ ничего, и сѣно купуешь. Да кабы еще ни казенный лѣсъ, такъ хоть трубу закутай, на круглый годъ, и дыму бъ не понюхалъ дома: лѣсъ у барина заповѣдной, что добудешь въ казенномъ бору, то и горитъ. Порядки-то нынѣ пошли вишь какіе, большіе, что проходишь да проѣздишь за выправкой, такъ ино и полѣно того не стоитъ; ну, а слава Богу, Бога гнѣвить нечего, все живется; что ни сорветъ лѣсной, а все безъ тепла не живемъ.

— Ну, и слава Богу, это, стало быть, ладно; теперь сказывай, какъ живешь у хозяина, почемъ, что зарабатываешь, да какова бываетъ удача.

— Да это, баринъ, извѣстное дѣло, нанялся — продался; семь дней работать, а спать на себя. Хозяинъ платитъ рублевъ двадцать въ мѣсяцъ, кормитъ, даетъ верхнее платье; съѣздишь въ день — да не равно, какъ Богъ дастъ; на три, на пять и на десять ину пору, въ праздникъ, ассигнаціями

то есть; за счастливымъ поѣдешь боронить по улицамъ, не зѣвай только, и посадишь, какъ разъ; только свалилъ его — другаго; а не задастся, такъ безъ почину домой пріѣдешь, и то бываетъ; либо и того хуже, какъ полубаринъ какой нибудь ѣздитъ, ѣздитъ цѣлый день, лошадь замучитъ, надо бы съ него получить рублей пять, а онъ соскочилъ гдѣ нибудь: сейчасъ братецъ, — да въ проходной дворъ и шмыгнетъ; вотъ и ищи его! а тутъ еще простоишь, да прождешь его часа два....

— Ну, а почему же хозяинъ учтетъ тебя: можетъ статься, ты обманешь его?

— Зачѣмъ обманывать, баринъ! Разумѣется, кто этого не боится — пожалуй, на то воля; да вѣдь ужъ этакой долго не наживетъ у хозяина, а новый ужъ того жалованья не положитъ тебѣ, что старый. Вѣдь они дѣло это знаютъ. Самъ утаишь, такъ лошадь скажетъ: вѣдь онъ видитъ, сколько то есть умучена она; опять же выйдетъ посмотрѣть, какъ она ѣстъ. А конь, бываетъ, стоитъ, повѣсивъ голову, а ты съ недовыручкой, такъ вотъ онъ и знаетъ. Хозяинъ кладетъ кругомъ свой расходъ, на содержанье, съ квартирой, съ харчами, съ ковкой, со всѣмъ, какова цѣна бываетъ на овесъ, рубля три, и поменьше и побольше; на чай, на калачъ, хоть гривенникъ, хоть ину пору и два, это самъ хозяинъ велитъ: вѣдь мы обѣдаемъ ночью, какъ домой пріѣдемъ. Ну, а ужъ коли отъ тебя виномъ несетъ, такъ никакой выручкѣ не повѣритъ, этого не любитъ. Вотъ ужъ развѣ какъ самъ ину пору загуляетъ — ну, тогда и всѣ пошли, и нашего брата не удержишь. Тогда онъ, сердечный, какъ придетъ домой, а подъ шапкой — то есть — пойдетъ на конюшню, осмотритъ лошадей, глянетъ на ребятъ, что тоже есть хмѣльные — покачаетъ только головой: «ну, говоритъ, гуляй, ребята, покуда я гуляю; а вотъ ужо я васъ приму въ руки.... какъ бросимъ пить....» такъ опять и пошелъ по хозяйству, по прежнему, и даромъ что гулялъ,

а все знаетъ, все помнитъ, попрекнетъ каждаго всѣмъ, что было.

Если, примѣромъ сказать, какой грѣхъ случится надъ нашимъ братомъ, то хозяинъ въ счетъ ставитъ, вычитаетъ. Вотъ я возилъ разъ барина въ Парголово, а оттуда ѣхалъ ночью; грязь, темь, хоть глазъ выколи; пьяные чухны всю дорогу заставили — я и свалилъ дрожки въ канаву; бился, бился, не подыму одинъ, хоть надорвись; попросилъ чухонца — онъ, спасибо, пособилъ, да въ потьмахъ возжи и укралъ. Туда, сюда — нѣтъ; а возжи ременныя, плетеныя. Хозяинъ десять рублей и вычелъ! Въ другой разъ я, не знамши, арестанта посадилъ изъ госпиталей. Такъ ужъ тутъ не до того было, чтобъ съ него что взять, а насилу отъ него-то ушелъ: поймаютъ — за тобой еще пуще погонятся, чѣмъ за нимъ; съ него-то нечего взять. Нашъ братъ этого то и боится. Иной смѣлый лихачъ вонъ и съ мазуриками ѣздитъ по ночамъ, на хропокъ: двадцать-пять и пятьдесятъ рублей за ночь получаетъ — да нѣтъ, эта пожива плоха: у насъ былъ одинъ такой — пропалъ; подъѣхали къ часовому мастеру, высмотрѣли, мазурикъ соскочилъ, да двери въ сѣняхъ приперъ полѣномъ, взялъ изъ саней такую рукавицу, съ гирей, пробилъ цѣльное окно, что захватилъ часовъ въ охабку, сорвалъ, на сани, да и удралъ. Мастеръ кинулся къ дверямъ, покуда догадался, что приперто, да побѣжалъ кругомъ, черезъ дворъ, а тутъ ужъ и слѣдъ простылъ. Однако, въ тѣ поры было, видно, такое время, что ловили ихъ, то есть по строгости, и поймали какъ-то, и пропалъ нашъ лихачъ, что слуху по немъ не стало.

Кто у колоды стоитъ, на хорошемъ мѣстѣ, да дешево не возитъ, тому невпримѣръ легче нашего брата. Лошадь у него сыта, меньше четвертака, а иной и полтинника, онъ ее и съ мѣста не тронетъ; съѣздитъ разъ, другой — на тоже наведетъ. Еще нашему брату по гривенникамъ того и не сколотить.

— Ну, любезный, а какія жь еще бывали съ тобой напасти?

— Отъ этаго не уйдешь, извѣстное дѣло, хоть какъ хочешь раскидывай умомъ. Есть, спасибо, добрыхъ людей на свѣтѣ довольно. Богъ съ ними! все жить можно. Вотъ разъ, ѣду на острову, около Николаевскаго; баринъ какой-то, ужъ не молодой, и крестъ на шеѣ, — накупивши полный платокъ апельсиновъ, нанялъ и поѣхалъ. Я ѣду да ѣду — и не вдогадь мнѣ, что народъ смотритъ на сѣдока моего, ровно не видалъ его; вдругъ апельсины тѣ съ дрожекъ покатились — я оглянулся, а баринъ, ровно хмѣльной, голова мотается и самъ съ дрожекъ ползетъ. Испугался я, остановилъ лошадь, соскочилъ, не знаю, апельсины ль собирать, его ли придерживать — я къ нему, а онъ ужь Богу душу отдаетъ.... Такъ вотъ у меня ноги и подкосились: бѣда! Нечего дѣлать, повезъ я его прямо въ часть, спасибо не далече было; привезъ его чуть живаго, тутъ и померъ. Ну, и посадили меня: не такъ жаль себя, какъ сердешной лошади, — ужъ такъ жаль, такъ жаль, что индо плакалъ, ей Богу.... вотъ такъ вовсе замучили ее, такіе живодеры! кормить не кормятъ, а гонять гоняютъ, зря, кто куда попало.... Ахъ, ты Господи Боже мой, что ты будешь дѣлать? вотъ бѣда пришла! Сижу; а меня только и выпускаютъ за тѣмъ, чтобъ, вишь, навозъ подгребать вокругъ лошади своей.... Побойтесь вы Бога, говорю, какой тутъ навозъ будетъ: скотина другія сутки не ѣвши, то есть вотъ хоть бы тебѣ зерно дали, былинку одну.... Какъ вывели меня на дворъ да взглянулъ я на нее сердешную, такъ вотъ я тебѣ и залился слезами: крюкомъ согнуло ее, кормилицу мою; сама стоитъ да изъ навоза-то и теребитъ соломку.... я такъ вотъ и взвылъ: что хотите дѣлайте, и дрожки возьмите, и кафтанъ съ меня возьмите, говорю, только меня съ нею отпустите! Вотъ въ тѣ поры и пропала таки лошадка эта у меня, не выходилъ ужь я ее, пала. Я и остался безъ рукъ. Нечего дѣлать, пошелъ опять къ хозяину, на чужихъ ѣздить.... А ее и татарамъ не продалъ, вотъ что, пожалѣлъ....

— А отъ своей у тебя многоль больше оставалось на очистку, чѣмъ отъ хозяина?

— Какже можно ровнять это! все таки своя лучше. Отъ своей закладки, кого Богъ благословитъ, иной годъ двѣсти-пятьдесятъ и триста рублей ассигнаціями на очистку выйдетъ. Ну, извѣстно, надъ кѣмъ бѣда встрясется, вотъ хоть бы какъ надо мной, что пропала лошадка, ни за грошъ, — ужь тутъ не до барышей: не до жиру, а быть бы живу. Оно, конечно, все ничего, жить можно, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, Бога нечего гнѣвить, лучше молчать. Вонъ у насъ сосѣдъ есть, тоже помѣщикъ называется, такъ семерыхъ въ одинъ кафтанъ согналъ — и то живутъ, да еще и пѣсни поютъ — вотъ какъ. Мало ли на свѣтѣ не безъ того, есть всякая обида, да нашему брату надо терпѣть. Вотъ у насъ ину пору, напримѣръ, номерной староста кого вздумаетъ прижимать, коли изъ чести не дашь ему полтинника за выправку нумера: такъ чѣмъ ему взять? Вотъ онъ и пойдетъ наряжать тебя разъ въ разъ, какъ требуютъ извощика въ часть, глядѣть, когда надъ нашимъ братомъ расправа бываетъ, за какую провинность; вотъ онъ и наверстаетъ тебѣ на тоже, и полтиннику не радъ будешь, а того гляди, безъ хлѣба останешься. Или вотъ городовой — ну, свезти бы его въ часть съ пьянымъ какимъ, что ли, это бы можно, ничего: такъ, вѣдь, тамъ-то стоишь послѣ, стоишь, уѣхать не смѣешь, покуда не отпустятъ, либо еще номеръ отберутъ: вотъ и находишься послѣ за нимъ. За то ужъ нашъ братъ знаетъ это: какъ только завидѣлъ его гдѣ, что оглядывается, то вотъ какъ зайцы изъ-подъ облавы, всѣ врознь, кто куда попало, только давай Богъ ноги.... ну ужъ за то, какъ оплошаешь да попадешься, такъ только держись.... А все ничего, слава Богу, то есть нечего Бога гнѣвить, жить можно.

— А рекрутство какъ у васъ идетъ?

— Да мы, благодаря Бога, некрутствомъ не обижаемся: у насъ хорошаго мужика не отдастъ баринъ ни за что,

хоть сто лѣтъ живи; а вотъ какъ чуть который зашалитъ, такъ ему и забрѣютъ лобъ взачетъ, запасъ и есть; а наборъ пришелъ — квитанціи у барина готовы. А тамъ, у нихъ, есть чередной, хоть жеребьевой, все одно: и очередь и жеребій, все въ волѣ Божьей да въ рукахъ начальства. Есть у меня тамъ кумъ, богатый мужикъ, да изъ-за этого самаго дѣла вотъ того гляди по міру пойдетъ: извѣстно, всякому своего жаль; мы того не разбираемъ, что и другому своего жаль: кошкѣ котя, а княгинѣ ребя — тоже дитя. Ну, какъ только наборъ скажутъ — а семья у него большая — такъ онъ и пойдетъ хлопотать; разъ усадилъ сотню другую невѣсть куда, и въ другой разъ, а въ третій ужь никакъ сотъ семь. Другіе извѣстно обижаются этимъ, ходятъ, просятъ, ярыжекъ зазываютъ, потчуютъ, задариваютъ, напиши, то есть просьбу; ну, тотъ, извѣстное дѣло, что богаче мужикъ, что больше съ него надѣется вымозжить, то и просьбу длиннѣе пишетъ и настрочитъ тебѣ въ просьбу то, чего и сроду не бывало, а можетъ статься, коли и было что, такъ, вѣдь, не обмотавъ вокругъ пальца не докажешь. Вотъ и сталъ виноватъ. Одного потянули, другаго потянули, всѣ перепугались, такъ что бѣда. За кого тутъ взяться? извѣстно, за богатаго. Опять принялись за моего кума сердешнаго, да такъ то есть обработали его, что никуда не годится. А что проку? Годъ прошелъ, опять сказанъ наборъ, опять дѣло его не минуетъ: отбыть ужъ и не стало силъ; раззориться раззорился въ раззоръ, а року не миновалъ: среднему сыну-таки забрили лобъ.

— А у тебя изъ родни есть кто въ солдатахъ?

— Есть братъ, да не родной. Ну, нечего грѣшить, его таки отдали за дѣло: за свою правду сталъ, да уже задоренъ больно: вотъ хоть съ кѣмъ, такъ на драку готовъ. Отобрали, вишь, коноплpoints у него, что ужъ годовъ съ двадцать все владѣлъ и наземомъ поправлялъ, а отвели другой, почитай, что кочкарникъ, обдѣлывай дескать снова. Ну вотъ онъ тутъ за свою обиду и постоялъ да вилами

всю одежу перепоролъ на томъ мужикѣ, за котораго съ барскаго двора, отъ самаго то есть господина, дѣвку отдали, а за нею и конопляникъ этотъ пошелъ, какъ будто то есть въ приданое. Пришелъ самъ прикащикъ унимать, — ну, а братъ стоитъ себѣ съ вилами на сторонѣ, настторожѣ, на своемъ конопляникѣ, никого, говоритъ, не пущу, хоть что хошь дѣлай. Прикащикъ къ нему, да то есть, чтобы въ зубы его, а тотъ его по лбу вилами, да на нихъ же поднялъ, да черезъ тынъ и махнулъ; тотъ насилу всталъ, словно бока отлежалъ. Вотъ оно какое дѣло было. Ну, баринъ и осердился и приказалъ тотчасъ его сдать. Какъ сказали ему, что въ солдаты, такъ онъ и бросилъ вилы и пошелъ самъ, говоритъ: «Вилы какъ не смѣнить на государево ружье; пойду самъ, и никого не затрону, не опасайтесь.» Ну, и пошелъ; живетъ себѣ, ничего, служитъ не тужитъ; онъ прошлаго года писалъ домой, такъ пишетъ, что. благодаря Бога, жить можно на свѣтѣ. Оно и точно, сударь, можно, поколя Господь грѣхамъ терпитъ.

— Ты помянулъ, однако жъ, про двухъ покойниковъ, которыхъ возилъ, а разсказалъ только про одного: какой же такой былъ у тебя другой?

— А другой, батюшка, баринъ, былъ вотъ какой: на Маслянѣ посадилъ я подъ качелями двоихъ плотниковъ, что ли, какихъ-то, и везти было ихъ въ Ямскую. Оба они, правда, хмѣльны были, а одинъ такъ ужъ и вовсе ноги волокъ. Товарищъ втащилъ его, усѣлись, поѣхали. Въ Чернышевомъ переулкѣ вдругъ что-то у меня развалились сѣдоки, а сидѣли было сперва смирно; я оглянулся, одинъ глаза подъ лобъ закатилъ, а другой, соскочивъ съ саней, да давай Богъ ноги, — видно, со страху и хмѣль прошелъ, — такъ по Садовой и пустился. Гнаться мнѣ за нимъ нельзя, а, испугавшись бѣды, я остановилъ лошадь, поглядѣлъ на товарища его — ничего, молъ, Богъ милостивъ, видно больно хмѣленъ, отойдетъ. Усадивъ его кой-какъ въ сани, я скорѣе до мѣста; тамъ ребята обступили, какъ сталъ я доспра-

шиваться, гдѣ тутъ плотники живутъ. Посмотрѣли они на сѣдока моего, который уже весь подъ полсть съѣхалъ, узнали его въ лицо — это, говорятъ, Гришка, вонъ онъ гдѣ стоитъ, тамъ у него и хозяйка. Привожу туда, и спрашиваю гришкину хозяйку; она было вышла, да какъ поглядѣла на него, какъ увидѣла, что не живой, а ужъ онъ у меня и померъ въ саняхъ, такъ и откинулась: не принимаетъ, да и только, хоть ты что хошь дѣлай. — На что его мнѣ, говоритъ, ты, коли извощикъ, такъ живыхъ вози, а не мертвыхъ.

Я туда, сюда, народъ собрался, кричатъ, день же праздничный, кто говоритъ ей: прими, дура, вѣдь твой; кто кричитъ: не принимай, бѣда будетъ. Бился, бился: нечего дѣлать, повезъ въ часть... видно, такая моя доля! Наплакался я и этотъ разъ, и другу и недругу закажу покойниковъ возить: «Найди, говорятъ, да поставь намъ товарища его»; такъ гдѣ же я его возьму? «Ужь коли вы, господа, не отъищите его, такъ нашему-то брату гдѣ жъ его взять? Вѣдь, я посадилъ его на улицѣ, хлѣба-соли съ нимъ не важивалъ, паспорта его не прописывалъ и на умѣ его не бывалъ, не знаю, куда онъ повернулъ изъ Садовой, да куда удралъ; такъ, нѣтъ, говорятъ, подай: покуда его не найдемъ, и тебя не отпустимъ. Лошадь же моя была хозяйская, такъ хозяинъ и хлопоталъ; подержали съ мѣсяцъ и выпустили.

— А вотъ, баринъ, помянулъ я про паспортъ, а вы про все распрашиваете, такъ къ пиву ѣдется, а къ слову молвится, — къ слову пришлось разсказать вамъ: вотъ за паспортъ притча была со мной, такъ, чай, сколько свѣтъ стоитъ, ни съ кѣмъ этого не бывало. Слыхали ль вы когда, чтобъ у нашего брата былъ носъ не по чину, въ маховую ажень? Ну, такъ вотъ я же вамъ разскажу: диво, ей Богу, да и только! Дѣло это было ужь годовъ тому семь. Я оброкъ уплатилъ впередъ за годъ, Богъ пособилъ, а у насъ безъ этого не пускаютъ; либо по третямъ вноси, такъ и билетъ на четыре мѣсяца выдадутъ. Вотъ я и взялъ паспортъ годовой и пошелъ, ни о чемъ не горюя. Въ тѣ поры

поднялись мы, человѣкъ пять, сколотившись деньжонками, въ извозъ; товаръ клали недалече отъ себя, а везти было въ Москву. Въ одномъ городишкѣ — и на городъ-то не похожъ, хуже иной деревни — пошелъ одинъ изъ нашихъ прописать паспорты, и, видно, прописывали по строгости, что недавно, вишь, насланъ былъ новый городничій, а стараго смѣнили; приходитъ — все ничего, и не впервые ужъ прописывались, даже не разъ становые и прочее начальство глядѣли. Ну, извѣстно, не безъ того, за прописку возьмутъ съ тебя и отпустятъ; а тутъ, вотъ кака притча сталась:

— Гдѣ у васъ Алексѣй Өедотовъ?

— При лошадяхъ остался.

— Пошли его сюда.

Прибѣжали ребята и кричатъ меня. Я пошелъ.

— Ты Алексѣй Өедотовъ?

— Я, молъ, сударь.

— А зачѣмъ ты съ чужимъ паспортомъ ходишь!

— Я, молъ, не знаю, сударь, какой изволите казать паспортъ, а у меня, надо быть, свой былъ.

— Нѣтъ врешь, примѣты не твои. Посадить его подъ караулъ!

«Вотъ тебѣ и расправа! А тутъ, батюшка, вотъ какая бѣда прикрутилась: извѣстное дѣло въ паспортѣ, супротивъ примѣтъ, писаря выставляютъ, какъ положено: ростъ — два аршина шесть вершковъ; лицо — круглое; волоса — русые; носъ — средній; подбородокъ — обыкновенный; а, видно, писаришко-то у насъ либо хмѣленъ былъ, проклятый, либо не доглядѣлъ, да противъ росту, поставилъ: средній, вмѣсто носу; а противъ носу — два аршина шесть вершковъ! Вотъ тебѣ и примѣта!

«Узнавъ все это, я и говорю:

— Помилуйте, не погубите, не держите, наше дѣло дорожное: намъ сутки простою съ лошадьми дороже головы.... помилосердуйте!

— Нѣтъ, говорятъ, паспортъ не въ порядкѣ, нето фальшивый, либо чужой.

— Чѣмъ же я виноватъ тому, что мнѣ тамъ прописали? Я человѣкъ не грамотный, взялъ, что подали — только и вины моей. А что носу такого нѣтъ у меня, батюшка, такъ гдѣ жъ его взять? Вѣдь это хоть по всему свѣту пройти, такъ такой не найдется! Шутка, чтобъ носъ у тебя былъ въ два аршина въ шесть вершковъ! Эка штука!

«Вотъ какъ, батюшка, баринъ, и носъ этотъ, по строгости тогдашней и по новости городничаго, дорого намъ обошелся....

«А все, слава Богу, нечего гнѣвить Его милосердіе, жить нашему брату можно. Какая бѣда хоть и станется надъ нами, подъ лихой часъ, все по грѣхамъ нашимъ; а поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ, все жить можно.

———

XXXI.

КРУШЕНІЕ.

—

Въ разсказѣ извощика, подъ дикимъ заглавіемъ: «Двухъ-аршинный носъ», — тѣмъ болѣе дикимъ, что рѣчь идетъ не о слоновьемъ хоботѣ, а о носѣ человѣчьемъ, — упомянуто было о крестьянинѣ, брательникѣ извощика, отданномъ въ солдаты, какъ выражался одинъ знаменитый приказный, писарь становаго, *за испортіе верхней одежды на прикащикѣ N. вилами и за перекинутіе онаго черезъ плетень.* Разскажемъ же вкратцѣ событіе это и окончательную судьбу человѣка, повоевавшаго на конопляникѣ своемъ вилами.

Въ селеніи Рогожицахъ случился пожаръ, среди бѣлаго дня, но въ рабочую пору, когда на селѣ не было почти ни одного мужика. Бабы засуетились, стали по четыремъ угламъ горящей избы съ иконами, молитвами и воемъ, между тѣмъ, какъ другія спасали самыя нужныя и дорогія вещи, какъ-то: рѣшето съ перьями, любимую хохлатушку, порожнюю люльку съ отрепьемъ, деревянный пестъ отъ огромной ступы, и проч., а скотъ, сохи, сундуки съ одеждой и деньги — погорѣли. Бабы оправдывались впослѣдствіи въ одинъ голосъ тѣмъ, что имъ-де не до того было. Онѣ, сердечныя, увидавъ бѣду эту, едва только успѣли подхватить

животы да взвыть голосомъ; больше не успѣли онѣ сдѣлать ничего. Къ счастію однако, баринъ съ дворовыми людьми набѣжалъ, и пожаръ остановили, хотя и погорѣло три избы.

При розыскахъ открылось, что виною этого пожара была хозяйка Потапа, которая, надѣясь на власть Господню, высыпала золу съ угольками подъ сухой плетень, гдѣ еще лежали и хворостъ и солома. Сколько ни отнѣкивалась Агафья моя, доказывая убѣдительно и краснорѣчиво, что бѣда эта ни отъ кого иного, какъ отъ Бога, и, притомъ, просто, наказаніе за грѣхи наши, но баринъ разсуждалъ иначе, и, по принятому въ Рогожицахъ издавна правилу, Потапу съ Агафьей пришлось выселяться на край села и тамъ строиться, а пожарище свое оставить въ пользу другаго хозяина. Такое наказаніе налагалось каждый разъ, когда мужикъ или хозяйка его были виною пожара; имъ говорилось: «не умѣла песья нога на блюдѣ лежать — ступай подъ столъ; не умѣли вы съ людьми по людски жить — ступайте на край.» А жить съ краю, особенно селиться тамъ въ новой избѣ, это мужикъ считаетъ наказаніемъ, хоть бы только потому, что много городьбы и что далече отъ добрыхъ людей.

Потапъ, какъ парень молодой, вовсе не глупый и даже слишкомъ удалой, не очень тужилъ, впрочемъ, о судьбѣ и повиновался съ должною покорностью, потому что улика была на лицо и приговоръ справедливъ; но онъ отстаивалъ одно, мнимое право свое: конопляникъ и дѣдовскія поля. О послѣднихъ и спору не было: они оставались по прежнему за нимъ, гдѣ бы изба его ни стояла; но конопляникъ, который былъ на задахъ избы и составлялъ часть задворья, естественно долженъ былъ отойти во владѣніе того, кому отдано будетъ подъ избу пожарище. И вотъ это-то Потапъ не могъ или нехотѣлъ понять: онъ утверждалъ, что конопляникъ этотъ, какъ принадлежавшій не только отцу, даже дѣду его, составлялъ собственность его и никому не можетъ быть переданъ. Конопляникъ унавоживался и обрабатывался постоянно двадцать или тридцать лѣтъ семействомъ

Потапа, которому не хотѣлось начинать работу эту снова на краю села, гдѣ по задворью пролегалъ какой-то кочкарникъ. На всѣ убѣжденія, что земля эта барская, Потапъ отвѣчалъ: «барскую землю всѣ мы знаемъ, гдѣ она; барскую землю мы барщиной и пашемъ; а это земля моя. Я и самъ барскій, его воля надо мной, въ томъ не стою, — да земля-то моя.»

Между тѣмъ съ господскаго двора отдавали дѣвку замужъ, на село и, по милости барина, обзаводили ее всѣмъ хозяйствомъ: ей-то съ мужемъ назначено было строиться на мѣстѣ Потапа. Рубить избу на пожарищѣ своемъ онъ не мѣшалъ, но конопляника не уступалъ. «Чѣмъ она служила у барина и что выслужила — говорилъ онъ — про то мы не знаемъ, да и не наше дѣло это: на милость образца нѣтъ; такъ пусть же приданое за нею идетъ изъ барской казны, — а своего добра я ей не отдамъ. Не для нея тутъ и дѣдъ и отецъ мой работали, да и я свое старанье приложилъ. У меня она ничего не выслужила, такъ моего и не тронь.» Слово за слово, Потапъ разгорячился, вышелъ изъ себя и поселился съ вилами на старомъ коноплянникѣ своемъ, побожившись трижды, что всякому брюхо распоретъ, кто къ нему подступится. Напрасно Агафья стояла и плакала передъ нимъ, стараясь поймать его за руку и увести домой, на новое мѣсто; напрасно и старики уговаривали Потапа бросить дѣло это, доказывая, что плетью обуха не перешибешь. Потапъ согналъ побѣдоносно съ мѣста новаго хозяина, распоровъ ему, къ счастью только чапанъ, и тѣшился сдуру тревогою по всему селу, стоя на коноплянникѣ своемъ, какъ пѣтухъ на навозной кучѣ.

Жалобы дошли тотчасъ до барина, который послалъ прикащика, приказавъ ему ввести новыхъ владѣльцевъ во владѣніе пепелища, а въ случаѣ строптивости Потапа поступить съ нимъ, какъ съ безпокойнымъ человѣкомъ, т. е. связать его. Прикащикъ отправился и, какъ человѣкъ бойкій и бывалый, знавшій, какъ онъ самъ говорилъ, всякое должное

обхожденіе, подошелъ прямо къ Потапу, закричалъ на него, выругалъ его и приказалъ итти домой; когда же все это осталось безъ успѣха, и Потапъ объявилъ, что не пойдетъ, а перекинетъ самаго прикащика черезъ тынъ, то начальствовавшій подъ бариномъ оскорбился такими неприличными выходками и нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ мѣрамъ увѣщанія, что разскащикъ нашъ и выразилъ словами: «прикащикъ и подступилъ было къ нему, чтобы его, то есть, въ зубы...» но Потапъ отскочилъ и, по обѣщанію своему, принялъ противника своего на вилы, чтобы пересадить его черезъ заборъ. На бѣду, увертливый прикащикъ долго не рѣшался на переправу эту и нѣсколько разъ срывался съ вилъ, почему синій сюртукъ его, запутавшись полами въ тройчатки, подвергся значительнымъ поврежденіямъ; наконецъ, однако же, ловкость и настойчивость Потапа одержали побѣду: противникъ его взвился на вѣтеръ, какъ снопъ, и повалился на мягкую кучку черезъ плетень.

Когда прикащикъ прибѣжалъ въ такомъ видѣ къ барину, въ пострадавшемъ сюртукѣ, растрепаный, съ признаками той кучки, на которой онъ лежалъ, въ волосахъ и на платьѣ, то маркграфъ села Рогожицъ приказалъ бить сборъ и итти на приступъ брать потаповъ конопляникъ и тотчасъ же сдѣлалъ гласное распоряженіе объ отдачѣ своевольнаго коменданта, за оказанную имъ храбрость, въ солдаты. Такое отличіе, о которомъ тотчасъ же дали знать Потапу, польстило самолюбію его, и онъ, къ крайнему удивленію осаждающихъ, не выждавъ даже окончанія распоряженій воеводы, хитраго городоимца, приступныхъ и подкопныхъ дѣлъ вымышленника, кинулъ вилы, махнулъ рукой и сдался безусловно военноплѣннымъ, произнеся замѣченныя нами въ разсказѣ извощика слова: «пойду охотой, самъ пойду, а не приступайте: какъ не промѣнять вилы на государево ружье!»

И пошелъ; но онъ попалъ не въ солдаты, а въ матросы.

Прошло лѣтъ пять, и Потапъ, походивъ уже въ морѣ, сдѣлался лихимъ матросомъ. И вотъ, между тѣмъ, какъ новый хозяинъ давно уже обработывалъ дѣдовскій коноплянникъ Потапа, этотъ тянулъ и отдавалъ кливеръ-шкотъ или леталъ бѣгомъ по вантамъ, на марсъ и салингъ.

Небольшой отрядъ мелкихъ судовъ, всего шесть, назначенъ былъ въ зимнее крейсерство къ абхазскимъ берегамъ. Туда дошли они хорошо и продержались тамъ почти до половины января благополучно; но зима была непомѣрно бурная и строгая, а при открытомъ положеніи восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ на всемъ протяженіи нѣтъ ни одной гавани, ни одного убѣжища для судовъ, западные вѣтры разводили страшное волненіе, отъ Дуная и Варны до Анапы и Сухума,—волненіе, о которомъ никто, кромѣ очевидца, не можетъ составить себѣ понятія. Что можетъ сдѣлать щепка, хотя и одушевленная разумомъ опытнаго кормчаго, противъ этой силы разъяренныхъ и разрушительныхъ стихій? Вотъ короткое описаніе этого необычайнаго крушенія, при которомъ изъ шести судовъ, составлявшихъ отрядъ, спаслось только одно: четыре выкинуло на берегъ и разбило, а пятое погрузилось, обращенное въ ледяную гору....

Къ вечеру стало свѣжѣть, и въ тоже время морозъ усиливался. По всему было замѣтно, что готовится что-то недоброе. Вскорѣ расходилась *бора*, извѣстный у береговъ этихъ ураганъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. Всѣ суда стояли на мертвыхъ якоряхъ, на двухъ цѣпяхъ, и, кромѣ того, всѣ судовые якоря были также приготовлены; хотя, конечно, нельзя было надѣяться отстояться на своемъ якорѣ, коли не устоятъ цѣпи мертваго якоря; но, готовясь въ утопленники, мы хватались и за соломенку. За полночь вѣтеръ все еще крѣпчалъ; при каждомъ подъемѣ и спускѣ съ волны, дергало и рвало суда съ такою силою и въ такихъ порывахъ, что казалось, глухіе перекаты грома ходятъ по всѣмъ членамъ судна, которое грозило каждое мгновеніе

разсыпаться въ щепы. День померкъ, налегла тьма, буря ревѣла, громадное волненіе вскидывало кормы судовъ подъ крутымъ угломъ кверху, между тѣмъ, какъ прикованный ко дну моря, носъ безпрерывно погружался въ море.... Уже небыло никакой возможности стоять или ходить по палубамъ иначе, какъ цѣпляясь всѣми силами за снасти и другіе предметы. Суда, которыя стояли невдалекѣ одно отъ другаго, изрѣдка, и то мелькомъ, видѣли другъ друга. Вскорѣ настала ночь, а буря и морозъ все еще усиливались....

Тендеръ, небольшое одномачтовое судно, на которомъ бываетъ человѣкъ до 40 команды и 3 — 4 офицера, отстаивался, повидимому, нѣсколько лучше другихъ судовъ, потому что былъ меньше и легче; но для него явилась другая опасность, неслыханная доселѣ въ исторіи мореплаванія, даже въ полярныхъ моряхъ: опасность превратиться, въ полномъ составѣ своемъ, съ людьми и всѣми принадлежностями, въ одну глыбу льда и, бывъ затопленнымъ въ этомъ видѣ, носиться пловучею могилой, заживо погребенныхъ, по волнамъ.... и судьба эта надъ бѣднымъ тендеромъ исполнилась: сначала ледъ сталъ намерзать на бушпригѣ и снастяхъ его, и носъ началъ погружаться; громадное волненіе тѣмъ съ бо́льшею легкостію окачивало вдоль всю палубу тендера, который стоялъ на якорѣ, а потому носомъ къ вѣтру, и вода, которая при 20° мороза уже вся почти обратилась въ мельчайшія ледяныя иглы, но не могла еще замерзнуть отъ безпрерывнаго движенія громадныхъ волнъ,— вода мгновенно замерзала, обращаясь въ ледяную глыбу, какъ только вскатывалась на судно.... Заледенѣвшая команда выбилась изъ силъ, стараясь вырубать ледъ и очищать отъ него палубу. 40 человѣкъ не могли сдѣлать ровно ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, что каждое мгновеніе наполнялось и прибывало; люди начали коченѣть, ясно предвидя участь свою.... Такимъ образомъ, ледъ наросталъ, затопляя тяжестью своею постепенно тендеръ; а чѣмъ болѣе кузовъ его погружался, тѣмъ удобнѣе верхнюю часть его окачи-

вало волной, которая тутъ же примерзала, мгновенно застывая и обращаясь въ новый слой льду.... Къ утру, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ тендеръ, качалась безобразная глыба, ледяной курганъ или могила, подъ которою погребена была вся команда съ офицерами, а на вершинкѣ ея водруженъ былъ крестъ: кончикъ мачты съ поперечнымъ реемъ.., все остальное погребено было въ этой пловучей гробницѣ.

Пароходъ, который стоялъ на двухъ прочныхъ якоряхъ, казалось, могъ надѣяться на спасеніе болѣе, чѣмъ всѣ прочія суда: во первыхъ, командѣ было гдѣ отогрѣться, хотя поочередно, тогда какъ на парусныхъ судахъ въ такую погоду вовсе нельзя разводить огня; во вторыхъ, онъ могъ дѣйствовать, въ помощь якоря, парами. Но и ему суждена была общая участь; нѣсколько времени держался онъ на двухъ якоряхъ и подо всѣми парами, сражаясь противъ волнъ и урагана; наконецъ всѣ усилія эти были побѣждены: его сорвало съ якорей, выкинуло на берегъ, какъ чурку, и разбило.... Корветъ и транспортное судно уже лежали на боку; оставался одинъ бригъ.

Бригъ стоялъ также на двухъ цѣпяхъ, въ руку толщины, и свечера уже три якоря были изготовлены въ запасъ. Ночь—хоть глазъ выколи; ураганъ и 20⁰ мороза. Около двухъ часовъ ночи, при страшномъ порывѣ вѣтра, одна цѣпь съ глухимъ трескомъ лопнула, и бригъ простоналъ во всѣхъ членахъ своихъ. Тотчасъ же брошены были еще два якоря. Черезъ четверть часа лопнула другая цѣпь. Страшное ожиданіе исполнилось. Бросили третій якорь. Въ самое это время волной высадило носовой погонный портъ *), и положеніе брига сдѣлалось ужаснымъ: каждый набѣгавшій валъ вливался въ бригъ, расплывался по всей внутренности его и тотчасъ же застывалъ, обращаясь въ ледъ.... вода не

*) Отверстіе въ носу, по обѣ стороны, для стрѣльбы, при погонѣ за бѣгущимъ непріятельскимъ судномъ; всѣ порты въ бурю плотно задѣлываются.

успѣвала стекать, не смотря ни на какое стараніе команды; волна замерзала не добѣжавъ даже всего пространства отъ носа до кормы.... Носовая часть брига начинала замѣтно погружаться, отъ тяжести нароставшаго на ней льда.... Въ 4 часа ночи бригъ потащило съ трехъ якорей. Ураганъ и морозъ все еще усиливались. Черезъ нѣсколько минутъ, бригъ такъ ударило кормой о материкъ, что съ перваго разу выбило руль; затѣмъ поворотило его нѣсколько бокомъ, вдоль берега, и пошло жестоко колотить килемъ, ударъ за ударомъ.... Каждое мгновеніе надобно было ожидать, либо что бригъ разсыплется въ щепы, либо что его положитъ на бокъ къ вѣтру и зальетъ. Обрубили канаты, чтобы выкинуло ближе къ берегу. Это сдѣлано было такъ ловко и удачно, что бригъ повалило подъ вѣтеръ, положило довольно плотно, налило водой, и волны пошли ходить черезъ него, какъ черезъ прибрежный камень. Палуба была такъ круто наклонена, что едва только была возможность удержаться лежа подъ навѣтреннымъ бортомъ, прицѣпившись къ чему нибудь руками и ногами; между тѣмъ, каждая волна покрывала всѣхъ, и вскорѣ вся команда примерзла къ палубѣ, бортамъ и снастямъ. Многіе начали коченѣть и засыпать. Командиръ и офицеры пробирались ползкомъ черезъ людей, то туда, то сюда, стараясь поддержать въ въ нихъ бодрость, хотя надежды на спасеніе не было, и уговаривали всякаго шевелиться, ползать или вертѣться на мѣстѣ, чтобы не уснуть и не замерзнуть. Ни одинъ человѣкъ, во все страшное время это, не слышалъ ни одной жалобы, ни одного упрека.... любопытно видѣть человѣка въ этомъ положеніи.... многіе молча крѣпились, другіе помолились, среди тревоги и видимой гибели этой, и, успокоившись, ждали участи своей; иные наказывали товарищамъ, на случай, если кто изъ нихъ спасется, послѣднюю волю и завѣщаніе свое; третьи покрикивали другъ на друга: «не робѣй, ребята, ничего, Богъ милостивъ: авось вотъ стихнетъ; скоро свѣтъ; а пропадать, такъ пропадать. Из-

вѣстно, матросу въ морѣ умирать, а не въ полѣ.» — Полушубки и надѣтые сверхъ ихъ парусинники смерзлись коломъ; но вода не совсѣмъ легко проникала насквозь, именно потому, что она, такъ сказать, была такъ густа, что застывала въ ледъ на самой поверхности одежды и намерзала толстыми слоями. Вдругъ раздался общій крикъ ура, будто по командѣ: бригъ ударило такъ сильно о каменное дно, что гротъ-мачта съ ужаснымъ трескомъ переломилась и стала покачиваться направо и налѣво, угрожая погребсти подъ собой цѣлую половину команды. Понимая безпомощное положеніе свое, люди спокойно пролежали въ эти роковыя мгновенія на своихъ мѣстахъ, не суетились, не бросались попусту туда и сюда, а отвели только душу свою троекратнымъ ура!.... Мачта грохнулась въ море, подъ вѣтеръ, и никого не задѣла.

Уже было десять часовъ утра, а несчастный бригъ оставался все въ томъ же положеніи; наконецъ начало нѣсколько прочищаться, — а дотолѣ и самый день былъ почти не свѣтлѣе ночи. Только теперь увидѣли, къ радости своей, что берегъ былъ въ тридцати саженяхъ. Это менѣе ста шаговъ — рукой подать! Но какъ туда попасть? Пять человѣкъ отчаянныхъ матросовъ вызвались попытаться счастья: обрубили висѣвшую съ боку шлюбку, молодцы сѣли, при общихъ благословеніяхъ, удачно отпихнулись и начали бороться съ прибоемъ, ураганомъ и водоворотомъ, который образовался между бригомъ и приглубымъ берегомъ, отъ страшнаго волненія; оно цѣлыми горными кряжами напирало отъ запада, не давая водѣ стекать и установиться въ равновѣсіи.... Саженяхъ въ десяти шлюпка исчезла; черезъ минуту она едва только мелькнула въ глазахъ томимой страхомъ и ожиданіемъ команды. Но зоркіе моряки поглядѣли другъ на друга молча, перекрестились и прилегли опять по своимъ мѣстамъ. Шлюпку несло къ берегу вверхъ килемъ, а пяти человѣкамъ и помину не было.

Пришелъ полдень. Положеніе бѣдствующихъ сдѣлалось

невыносимымъ: многіе лежали съ отмороженными руками и ногами, даже о пищѣ не могло быть и рѣчи, весь бригъ налитъ былъ водой. Вызвались еще три человѣка; вырубили топорами двойку изъ ледяной горы, въ которой она замерзла на рострахъ, спустили ее за бортъ и три матроса вскочили на орѣховую скорлупу эту, взявъ съ собою конецъ лотъ-линя, тонкой веревочки.... Въ нѣсколько ударовъ волны выкинули козявку эту покатомъ на берегъ, и три человѣка бодро вскочили на ноги. Продолжительное ура привѣтствовало удальцовъ за эту удачу, которой вся команда обязана спасеніемъ. На бригѣ привязали къ лотъ-линю перъ-линь, толстую надежную веревку; изъ ближней крѣпости нашей люди подоспѣли на помощь, перъ-линь укрѣпили на берегу, вытянули, и вся команда, офицеры, а наконецъ и капитанъ, перебрались по этому цѣпному мосту на берегъ, ни въ бродъ, ни въ плавь, а по горло въ водѣ, при 20° мороза. Безъ помощи этой веревки не было никакого спасенія, потому что всякій неминуемо былъ бы разбитъ волненіемъ о камни. Всѣхъ спасенныхъ отнесли въ ближайшее укрѣпленіе. Говорятъ, что всѣ остались живы, но многіе безъ рукъ или безъ ногъ.

— Что, братъ, сказалъ одинъ изъ матросовъ, выписавшійся черезъ нѣсколько дней здоровымъ изъ больницы и пришедшій навѣстить своего товарища? — что лекарь говоритъ?

— Да слава Богу, отвѣчалъ тотъ: — вотъ ужъ намъ сказали, что ноги рѣзать не надо — дастъ Богъ заживетъ. Вѣдь она, братецъ ты мой, у меня вся отошла: вотъ только самую лапу, отъ подъема до перстовъ, крѣпко прихватило, видно: и кожа и мясо, все отвалилось: да теперь, благодаря Бога, ничего....

— Надо, братецъ, поставить намъ съ тобою Николаю Чудотворцу свѣчу, какъ дастъ Богъ живы-здоровы воротимся — и тѣхъ, сердешныхъ, помянемъ; а за Потапа я отслужу панихиду.... Эхъ, парень хорошій былъ!

— Да, продолжалъ больной, — нечего сказать, что жаль; ужъ и Серегу жаль, и Горлаева Степана, и всѣхъ, то есть, жаль; ну, а ужъ супротивъ земляка твоего нѣтъ у насъ никого: такой то есть, Потапъ былъ матросъ, что и въ воду и въ огонь.... вѣдь, онъ первый и вызвался, онъ подлѣ меня лежалъ, у самаго кнехта: какъ только сталъ вызывать капитанъ, такъ первый и вскочилъ, насилу отодралъ отъ палубы парусинникъ свой, весь примерзъ; да и мы-то съ нимъ насилу развелись: смерзлись вмѣстѣ. А смерть легкая имъ была, въ одинъ ковырокъ разомъ всѣхъ пятерыхъ накрыло. Надо помянуть ихъ, и за Потапа надо отслужить панихиду.... Твоя гривна будетъ, что ли?

— Будетъ, отвѣчалъ тотъ: — клади моихъ три пятака, коли дастъ Богъ живъ буду. За Потапа не жаль!

XXXII.

СТЕПНЯЧОКЪ.

—

Въ губернскомъ городѣ былъ съѣздъ, по поводу ярмарки и выборовъ. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ съѣхалось всякаго люда. Тутъ, конечно, были не одни только торговые и дѣловые, а люди всякаго званія и промысла. Всѣ мы, сколько насъ ни есть, живемъ одинъ другимъ.

Былъ поздній вечеръ, или, лучше сказать, ночь; сумятоха стихла; погода сыровата и сурова, а человѣкъ, одѣтый вовсе не по зимнему, то есть безъ плаща, не только безъ шубы, бѣжалъ по глухой улицѣ съ поздней вечеринки домой. Увидавъ вдругъ тусклый свѣтъ въ окнахъ дома, мимо котораго проходилъ рысцой, онъ пріостановился, взглянулъ на окна, подумалъ про себя: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», — поворотилъ во дворъ, взбѣжалъ на подъѣздъ и тѣмъ же бѣглымъ шагомъ хотѣлъ войти изъ передней въ покои; но сонный слуга вскочилъ съ прилавка, едва не сбилъ посѣтителя съ ногъ и съ испугомъ, какъ бы опамятовавшись только вполовину, заступилъ ему дорогу. «Нельзя-съ», сказалъ онъ, «почиваютъ.» — «Да ну къ чорту! отвѣчалъ тотъ, едва попадая зубомъ на зубъ. Меня ждутъ; поди, доложи, скажи, что Куреневъ.» — Человѣкъ съ отчаяніемъ за-

пустилъ обѣ руки въ голову, страшно зѣвнулъ и, шатаясь спросонья, пошелъ докладывать: а гость, между тѣмъ, подувалъ въ кулаки, покрякивалъ, потиралъ руки, выправлялъ плечи и думалъ: «даже и въ передней теплѣе, чѣмъ на улицѣ.» Топать ногами онъ не рѣшался, хотя ему и очень хотѣлось отогрѣть ноги. Онъ догадывался, что господа заняты.

«Пожалуйте-съ», сказалъ слуга, отворяя двери, и посѣтитель, проговоривъ: «ну, видишь ли, братецъ, что ты оселъ», прошелъ еще двѣ теплыя комнаты и очутился въ третьей, освѣщенной двумя оплывшими и нагорѣвшими сальными свѣчами, за которыми сидѣли у ломбернаго стола три человѣка съ картами въ рукахъ. Поздоровались отрывисто, потому что тутъ всѣ были заняты, помолчали. Куреневъ окинулъ опытнымъ глазомъ записку, взглянулъ также на пухлыя, сонныя лица игроковъ и убѣдился, что игра должна была длиться уже болѣе сутокъ.

— Такъ что же, сказалъ онъ, обратясь къ двумъ товарищамъ, которые держали банкъ вмѣстѣ противъ третьяго: — хоть прикажите подать рюмку водки да примите меня въ часть — ужъ не въ половину: гдѣ мнѣ съ вами! а хоть въ десятую долю.

— Пожалуй, сказалъ одинъ изъ нихъ: — такъ бери же самъ карты и держи банкъ за насъ: ужъ мы оба, что называется, лыкомъ не веземъ: товарищъ просто глазами не видитъ, а я словно голову отсидѣлъ, одурѣлъ совсѣмъ.

— А давно занимаетесь?

— Нѣтъ, не такъ-то давно: сѣли въ воскресенье вечеромъ; понемногу всѣ разбрелись, мы и остались одни.

Замѣтимъ, что дѣло это происходило ночью со вторника на среду.

Подали водку, выпили. Свѣжій игрокъ сѣлъ съ противникомъ за столъ, повѣривъ въ двухъ словахъ записку, а двое товарищей свалились тутъ же по угламъ дивана и заснули мертвецкимъ сномъ.

— Свищи душа черезъ носъ, сказалъ Куреневъ, въ родѣ привѣтствія новому знакомцу своему, и принялся за дѣло.

Скажемъ теперь слово о Куреневѣ: это былъ человѣкъ, которому давно уже не было входа ни въ какое иное общество, кромѣ такого, гдѣ онъ теперь находился. Онъ и явился сюда изъ такого же братства, гдѣ оставилъ, по недостатку другой наличности, свою шубу. Куреневъ не всегда игралъ такъ несчастливо: онъ, напротивъ, умѣлъ приковывать и держать при себѣ неотлучно эту своенравную богиню; но всякому извѣстно, что дѣлать это можно только при извѣстныхъ, попутныхъ обстоятельствахъ, и, между прочимъ, только съ чужими; а кто разъ дома извѣрился, тому зорко и строго смотрятъ на пальцы. Въ этотъ же вечеръ, въ томъ обществѣ, откуда онъ сюда явился, онъ одинъ только разъ, въ крайнемъ отчаяніи, попытался было склонить счастье на свою сторону, да и то неудачно: противникъ его, сидѣвшій насупротивъ, привсталъ хладнокровно, далъ ему пощечину и сѣлъ опять молча на мѣсто. Куреневъ, получивъ что слѣдовало, махнулъ головою въ сторону и сказалъ: «Полно дурить! ну что за шутки?» — Противникъ промолчалъ, будто и не слышитъ; а Куреневъ спокойно продолжалъ играть, не давая, впрочемъ, болѣе пальцамъ воли, и затѣмъ, по этому дѣлу никакихъ объясненій болѣе не было.

И такъ, Куреневъ, свѣжій человѣкъ въ сравненія съ тремя, которыхъ засталъ за работой, хотя и самъ онъ часовъ двѣнадцать просидѣлъ за зеленымъ сукномъ, продолжалъ спокойно играть съ пріѣзжимъ, котораго онъ не зналъ и видѣлъ въ первый разъ. Этотъ несчастный сидѣлъ третьи сутки на стулѣ, едва только переводя духъ за рюмкою водки или кусочкомъ селедки; вѣки у него такъ напухли, что почти не видать было глазъ. Игру продолжали спокойно и чинно, часа два, между тѣмъ, какъ два товарища, принявшіе Куренева въ десятую часть, храпѣли на пропалую. Куреневъ игралъ довольно счастливо и записалъ на против-

никѣ своемъ 16,000. Замѣтивъ, что того стало крѣпко подергивать, онъ положилъ карты на столъ, понюхалъ табаку и спросилъ: «а что, не пора ли кончить?» Но противникъ, будто испугался одной мысли этой, встрепенулся и убѣдительно просилъ продолжать. Тогда Куреневъ, повертывая табакерку свою въ рукахъ и посмотрѣвъ съ улыбкой на противника, сказалъ: «а позвольте разсказать вамъ примѣрный случай — это было въ Парижѣ: двое играли, вотъ какъ мы теперь, и одинъ изъ нихъ, вотъ хоть бы теперь какъ я, игралъ за другихъ въ долю съ ними. Играли, играли, вотъ этотъ и записалъ 16,000; онъ и говоритъ противнику: послушайте, помиримся лучше — дайте мнѣ половину, 8,000, а я сотру 16,000, да вы пожалуй еще три на меня припишите; тотъ, разумѣется, согласился съ радостію, да такъ и сдѣлали. Какъ вамъ нравится анекдотъ этотъ?»

Противникъ признался, что анекдотъ очень хорошъ и отмѣнно ему понравился. Куреневъ взялъ въ руки щетку, занесъ ее на записку и смотрѣлъ прямо въ глаза тому, отъ кого ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій: тотъ оглянулся на сонныхъ, досталъ бумажникъ, отсчиталъ 8,000; Куреневъ положилъ ихъ въ карманъ, стеръ записку и далъ противнику записать три тысячи; потомъ онъ потянулся, громко зѣвнулъ, крякнулъ, протянулъ руку и сталъ будить ближайшаго изъ двухъ товарищей.

— Полно спать, сказалъ онъ: — ужъ теперь поздно, доспишь въ четвергъ: вонъ, тутъ уже три тысячи на насъ наверстали; бери самъ карты, мнѣ не везетъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, Куреневъ изчезъ изъ того губернскаго города, гдѣ это происходило, и не слышно было, куда онъ дѣвался. Поговаривали, вспоминая ухорскаго промышленника, что онъ, вѣрно, какъ нибудь дотащился до столицы; но никто не зналъ и не подозрѣвалъ, что онъ разжился и съ этими денежками пустился на промыселъ.

Въ Москвѣ, въ Троицкомъ трактирѣ, человѣка три загадочнаго вида, поведенія и образа мыслей, сидѣли за обѣ-

деннымъ столомъ. Пріемы ихъ были не графскіе; но люди эти, какъ замѣтно было по всему, пожили и видѣли свѣта, не только что въ окнѣ. Обѣдъ былъ роскошный, вина въ волю. Въ эту же комнату вошелъ, когда обѣдъ былъ въ самомъ разгарѣ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, степеннаго вида, въ поношенномъ фракѣ и полосатой тканьевой жилеткѣ, стараго вида и покроя. Онъ вѣжливо поклонился пирующимъ, изъ чего эти тотчасъ заключили, что это пріѣзжій, и стали на него поглядывать; затѣмъ онъ присѣлъ въ углу, къ маленькому столику, спросивъ половаго, можно ли ему тутъ сѣсть, и на отвѣтъ прислужника: «какже-съ, гдѣ милости вашей угодно-съ», потребовалъ обѣдать. Бесѣда между сидящими за большимъ столомъ продолжалась; то тотъ, то другой косились на степнячка и дѣлали другъ другу знаки. Одинъ показалъ пальцемъ на свою жилетку, обозначая продольныя полосы, и улыбнулся; другой въ отвѣтъ на это, кивнулъ головой и проговорилъ, опустивъ глаза въ тарелку: «Херсонь или Саратовъ.» За большой столъ подали спаржу; степнячокъ поднялъ голову, посмотрѣлъ, будто съ какимъ-то любопытствомъ, и сказалъ: «малый, а подай-ка и мнѣ вотъ этого кушанья — вонъ!»

Улыбка за большимъ столомъ превратилась въ хохотъ, который, однакожъ, ради приличія, весьма ловко отнесенъ былъ къ какому-то побочному обстоятельству. Спаржу подали; но посѣтитель, видно, не привыкъ еще съ нею управляться: онъ принимался ѣсть ее съ комля; пережевавъ два-три ростка до половины, онъ отсунулъ остальную спаржу ложкой и очистилъ одинъ только соусъ, закусывая его хлѣбомъ.

Это была не послѣдняго разбора потѣха для прочихъ посѣтителей и даже для ярославца, который стоялъ тутъ же въ чистомъ, бѣломъ бѣльѣ своемъ и, закрывая ротъ рукою, осторожно ухмылялся. Гости за большимъ столомъ, человѣка три коротко знакомыхъ между собою пріятелей, перемигнулись и вскорѣ нашли случай завязать со степня-

комъ бесѣду. Оказалось, что онъ, дѣйствительно, прибылъ по дѣламъ изъ дальней губерніи и не бывавъ отъ роду въ столицахъ, затруднялся на каждомъ шагу. Предложеніе услужливаго общества принять его въ кругъ свой — потому что и эти господа, какъ оказалось, пріѣхали недавно въ Москву, частію по дѣлу, частію по бездѣлью — предложеніе ихъ показать ему все замѣчательное на Москвѣ и оказать кой-какое пособьице было принято имъ съ благодарностью. Онъ не зналъ ни улицъ, ни переулковъ, ни театра, ни Опекунскаго совѣта, не видалъ ни Терема; ни Оружейной палаты, а, между тѣмъ, частію изъ любопытства, частію по дѣлу, ему надо было все это узнать. Когда обѣдъ кончился и степнякъ нашъ, подсѣвъ уже къ большому столу, по новому знакомству, вынулъ толсто набитый бумажникъ, досталъ оттуда сотенную и просилъ половаго размѣнять ее, то новые друзья его обѣщали ему торжественно не покидать его отнынѣ на скользкомъ поприщѣ московской дѣловой и частной жизни и руководить полезными своими наставленіями. Степнячокъ, въ жилетѣ съ продольными голубыми полосками и высокимъ воротникомъ, былъ даже тронутъ такою услужливостію и не зналъ, какъ благодарить.

Шайка, на которую напалъ бѣдный степнякъ, выжидала такихъ олуховъ и ими кормилась. Члены ея условились, какъ дѣйствовать, и не спускали болѣе жертву свою съ глазъ, предостерегая новаго друга своего въ особенности отъ новыхъ, случайныхъ знакомствъ, потому что въ Москвѣ всякаго люда довольно и какъ разъ нападешь на такихъ, что оберутъ, какъ липку. Тотъ слушалъ, развѣсивъ уши, благодарилъ и обѣщалъ во всемъ слѣдовать ихъ совѣту и наставленію.

Дня три они возили его съ собою, тѣшили, холили и прислуживались ему, наконецъ, не шутя признали его добрымъ малымъ. Послѣ поѣздки къ цыганамъ и разгульнаго дня, предложили, для забавы, заняться картишками. Степнякъ вообще велъ себя очень тихо и скромно, пилъ мало,

но не отказывался отъ новыхъ для него увеселеній и понемногу входилъ во вкусъ разгульной и безпутной жизни, а потому и подавалъ большія надежды. Но въ карты онъ не игралъ. Въ дурачки и въ свои козыри онъ игрывалъ, для шутокъ; но, вѣдь, это не барская игра, и, чай, на Москвѣ играть въ нее не станутъ. «Почему не играть? сказали услужливые новые пріятели. Все одно, для препровожденія времени можно.» И такъ сѣли играть въ дурачки. Немного погодя, однакожъ, одинъ предложилъ другую игру, которая, по словамъ его, была очень проста и гораздо занимательнѣе: карты какъ-то раскладываются попеременно направо и налѣво, въ родѣ пасьянса.

— А, сказалъ догадливый степнячокъ: — вотъ вы что вздумали! Это по нашему, называется ярморочная; да я не игрывалъ никогда въ нее; не умѣю.

Добрые товарищи охотно взялись поучить его этой занимательной игрѣ, такъ, для забавы только, для препровожденія времени, и тотъ согласился, сказавъ, что за компанію и жидъ свинью съѣлъ, — но съ тѣмъ, прибавилъ онъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ забавы, игры, и ставить только гривеннички. Тѣ охотно на все соглашались, потому что у нихъ истинно было одно желаніе: угодить пріѣзжему и позабавить его.

Такимъ образомъ, прошло еще нѣсколько дней, впродолженіе которыхъ степнячокъ чуть было не ускользнулъ изъ-подъ опеки пріятелей своихъ, такъ что они гонялись за нимъ цѣлый день по всей Москвѣ и насилу опять нашли и залучили: онъ попался было, по легковѣрію своему, другой шайкѣ въ руки, отъ которой опекунамъ его стоило большаго труда высвободить его и скрыть, потому, что и тѣ также были ребята не промахъ и, выслѣдивъ дичинку, неохотно покидали гонку свою. Но на этотъ разъ опасность благополучно миновалась: степнячка уговорили переѣхать тайкомъ въ другое мѣсто, чтобы затерять слѣды отъ накинувшихся на него разбойниковъ, скрыться и не заводить

новыхъ, столь опасныхъ въ Москвѣ, знакомствъ, безъ совѣта искреннихъ друзей его, желавшихъ ему одного только добра и жившихъ, повидимому, только для него.

Втеченіе этого времени нѣсколько разъ по вечерамъ принимались — скуки ради, для забавы только — за эту новую игру, которая, въ угоду степнячку, называлась просто ярморочною; а потомъ пріятели разсчитывались, сдавая другъ другу сдачи съ цѣлковаго. Мало по малу степнячокъ какъ будто входилъ во вкусъ ярмарочной игры и соглашался, что она позанимательнѣе дурачковъ; онъ только отстаивалъ отъ насмѣшекъ «свои козыри», увѣряя, что эта игра довольно тонкая, если кто искусно ее играетъ.

За такими и подобными шутками, поѣздами туда и сюда, катаньемъ и гуляньемъ, гдѣ потчивали нерѣдко новаго друга на свой счетъ, всегда опять садились за ярмарочную, возвышая постепенно ставку.

— Да ну, къ чорту съ цѣлковымъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, послѣ веселаго денька: — двадцать-пять ставлю!

— Пожалуй, и я придержу, сказалъ, улыбаясь, степнячокъ, и также выложилъ бумажку.

Такимъ образомъ, шуточки эти продолжались, къ крайнему удовольствію опекуновъ степнячка, цѣлый вечеръ, и онъ проигралъ нѣсколько сотъ рублей. Онъ былъ, впрочемъ, такъ любезенъ при этомъ и, расплачиваясь, показалъ невзначай такой толстый бумажникъ — въ который, впрочемъ, конечно, никто не заглядывалъ — что товарищи его расцаловали, и на другой и третій день затѣяли ту же забаву, начавъ ее уже не съ гривенниковъ и покончивъ.... нѣтъ, позвольте: это засѣданіе надо описать нѣсколько подробнѣе.

Трое опекуновъ и опекаемый сидѣли уже давненько за ломбернымъ столикомъ и забавлялись *ярмарочною*. Степнячокъ былъ все такой же чудакъ, неотесанный, неловкій, въ полосатомъ жилетѣ, и даже, по примѣру товарищей, снялъ съ себя фракъ и платокъ; но счастье везло ему сильно, и

противники, со всѣмъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ своимъ, никакъ не могли споить его съ кругу, хотя имъ и казалось, что онъ выпилъ лишнюю рюмочку. Видя, что счастье ему такъ непомѣрно служитъ, и понадѣявшись на то, что у него должно двоить въ глазахъ, зная также неопытность этого олуха, у котораго карты валились изъ рукъ, банкометъ перетасовалъ карты, далъ снять и только что хотѣлъ началъ метать, какъ тотъ остановилъ его съ вѣжливою, пріятельскою и простоватою улыбкой, сказавъ простодушно: «Ахъ, позвольте! какъ вы это хорошо дѣлаете! Но, знаете ли, это можно и чище сдѣлать, какъ мнѣ однажды случилось видѣть. Позвольте мнѣ карты: вотъ такъ, видите?» Опекуны разинули рты, и ни одинъ изъ нихъ не доискался слова: степнячокъ передернулъ у нихъ въ глазахъ такъ чисто, что этакой передержки никто изъ нихъ и во снѣ не видалъ.... Онъ, разсмѣясь, передалъ опять карты банкомету и сказалъ: «Ничего-съ, извольте продолжать, я такъ только пошутилъ....» Но имъ было не до шутокъ. Теперь только увидѣли они, съ кѣмъ связались. «Когда своего счастья нельзя здѣсь пустить въ оборотъ, а общее не служитъ — подумали они, переглянувшись — то едва ли не лучше будетъ забастовать. Можетъ быть, завтра пойдетъ лучше; къ завтраму жъ можно будетъ подготовить что нибудь понадежнѣе простой передержки. Но для этого именно нужно время....» У банкомета заболѣла голова, и онъ предложилъ кончить. Степнячокъ милый и простой товарищъ, на все согласился, сказавъ, что теперь и точно уже довольно поздно и лучше оставить продолженіе до другаго раза.

— У насъ времени еще впереди много, прибавилъ онъ и сталъ считать.

По счету вышло до тридцати тысячъ цѣлковыхъ, и счетъ этотъ оказался вѣрнымъ. Деньги, и въ томъ числѣ два банковые билета, выложены на столъ, сосчитаны, положены степнячкомъ нашимъ въ карманъ и отправились

вмѣстѣ съ нимъ на ночлегъ, въ извѣстный нумеръ гостинницы.

Когда гость этотъ ушелъ, то молодцы наши посмотрѣли другъ на друга и долго не знали, что говорить. Отдать тридцать-тысячъ серебромъ вмѣсто того, чтобы облупить, какъ липку, другаго — это вовсе не могло входить въ ихъ разсчеты, и они, конечно, сами не затѣмъ пріѣхали въ Москву и не съ тѣмъ нянчились столько времени со степнячкомъ.

— Каковъ гусь? спросилъ, наконецъ, одинъ.

Другой подумалъ, постоялъ и вдругъ, какъ будто вспомнивъ что нибудь, сталъ собирать съ полу гнутыя карты и разсматривать ихъ у свѣчки, и вдругъ закричалъ внѣ себя: «Ахъ, онъ мошенникъ, подлецъ! Смотри, крапленыя!» Оба товарища бросились къ свѣчѣ и несомнѣнно убѣдились въ очевидной истинѣ.

— Но какъ? какимъ образомъ? какъ это могло случиться? Вѣдь, карты наши! Мы, братецъ, просто олухи, скоты: наши карты унесъ онъ съ собой въ карманѣ вмѣстѣ съ нашими деньгами, а намъ подсунулъ свои....

Вся шайка была въ отчаянномъ озлобленіи на бѣднаго степнячка, котораго полагали поддѣть навѣрняка, тогда какъ онъ ихъ поддѣлъ самымъ грубымъ и наглымъ образомъ. Всѣ трое дышали местью и, въ полной увѣренности, что у этого пріятеля долженъ быть порядочный запасецъ такихъ счастливыхъ картъ, пошли тотчасъ же и донесли на него, требуя немедленно у него обыска.

Степнякъ благополучно пришелъ въ свой нумеръ и легъ спать. Онъ почивалъ часа три сладкимъ сномъ и въ самыхъ пріятныхъ грезахъ, какъ стукъ у дверей его пробудилъ. Онъ вскочилъ, сталъ доспрашиваться, кто тамъ, наконецъ зажегъ огня и впустилъ незванаго гостя. У дорожнаго человѣка мебели немного; и въ шкатулкѣ карельской березы, подлѣ денегъ и банковыхъ билетовъ, найдено нѣсколько колодъ картъ, подрѣзанныхъ и снова запечатанныхъ или за-

клеенныхъ, а также знакомые опытному глазу снаряды для пріученія картъ къ постоянному послушанію.

Дѣло было ясно, и отъ такой улики некуда дѣваться; но степнячокъ нашъ нескоро робѣлъ и никогда не терялся; оглянувшись еще разъ, онъ увидѣлъ, что тутъ не было соблюдено всѣхъ должныхъ формальностей, вѣроятно, ради спѣха и по ночному времени, — находчикъ былъ одинъ въ этой комнатѣ, и съ нимъ только служители, оставшіеся въ передней, а впрочемъ ни свидѣтелей, ни понятыхъ.

— Что жъ, сказалъ онъ спокойно, повертѣвъ въ рукахъ банковый билетъ въ двѣ тысячи серебромъ, полученный за нѣсколько часовъ отъ опекуновъ своихъ: — что жъ, разумѣется, что я попался; но какъ вы думаете вотъ объ этомъ?

Бѣднякъ соблазнился видно, замялся и съ отвѣтомъ своимъ остался въ долгу. Степнякъ сунулъ ему билетъ въ руку, бросилъ карты въ печь и, разумѣется, послѣ сжегъ ихъ, а затѣмъ выпроводилъ со всею вѣжливостію ночнаго гостя.

Только что шаги въ переходѣ заглохли, какъ степнячокъ нашъ сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ и писалъ два объявленія, одно въ полицію, другое въ банкъ, оба одного содержанія: «Ночью сдѣланъ у меня, по неизвѣстному мнѣ поводу, обыскъ — ничего подозрительнаго не найдено, но украденъ банковый билетъ, на имя неизвѣстнаго, отъ такого-то года и числа, за такимъ-то нумеромъ. Прилагаю также свидѣтельство, выданное мнѣ прежнимъ владѣльцемъ этого билета, въ томъ, что я принялъ его въ уплату денежнаго долга, по сдѣланной мною тому лицу ссудѣ.»

Вы видите, что степнячокъ нашъ былъ довольно предусмотрителенъ: безъ подобныхъ росписокъ онъ не принималъ банковыхъ билетовъ, и въ настоящемъ случаѣ правило это оказалось полезнымъ. При такихъ очевидныхъ доказательствахъ, конечно все право было на сторонѣ степняка. Билетъ, конечно, нигдѣ не нашелся, но, по истеченіи законнаго срока, хозяинъ получилъ деньги. Въ ярмарочную

онъ болѣе не пускался, по крайней мѣрѣ, съ этими опекунами, а собралъ что Богъ ему далъ и уѣхалъ. Вы спросите: куда? да туда же, откуда пріѣхалъ. Всякій человѣкъ привязанъ къ родинѣ своей; а родину его мы видѣли въ началѣ этого разсказа, потому что степнячокъ этотъ былъ, разумѣется, не иной кто, какъ знакомый намъ Куреневъ...

XXXIII.

БОЧКА ВИНА.

—

Въ шестнадцати такъ называемыхъ привиллегированныхъ губерніяхъ, южныхъ и западныхъ, полная свобода куренія и продажи хлѣбнаго вина ограничена была откупами въ однихъ только городахъ. Въ чертѣ города ведро вина стоило нѣсколько цѣлковыхъ, а за чертой — рубль или полтора мѣди. Отъ этого вышелъ обычай охотниковъ до дешеваго вина собираться по праздникамъ — а иногда и по буднямъ—цѣлыми ватагами и отправляться на *вольную*, за городскую черту, гдѣ услужливый еврей шинковалъ въ корчмѣ и подносилъ всякому посѣтителю, за добрыя гроши, стаканъ дешеваго и забористаго вина, наливки, пива и даже меду. Съ отчаянья, что вино такъ вздорожало въ городѣ, иной уносилъ въ кабакъ все, что заработывалъ, и пропивалъ съ себя послѣднее; болѣе разсудительные копили заработки до субботы или воскресенья, уходили на просторъ и приносили съ собою съ *вольной* корчемное вино, въ такомъ видѣ, что ни одинъ досмотрщикъ не могъ къ нимъ привязаться, несмотря на очевидныя доказательства, что посуда въ животѣ и даже въ головѣ веселой братіи налита была корчемнымъ виномъ черезъ край…

Откупщики не столько злились на пьющихъ, съ которыхъ взять было нечего, какъ на продающихъ вино: на нихъ-то обращена была вся сила мести; всѣ средства употреблялись, чтобы уличать и ловить ихъ въ корчемствѣ, за которое они иногда сильно приплачивались и страдали: для этого, напримѣръ, подкупали цѣлую толпу мужиковъ, давъ имъ цѣлковый для пропою, съ тѣмъ, чтобы они вышли на вольную, купили тамъ ведро или два вина, расположились, по своему обычаю, въ кружкѣ подъ навѣсомъ корчмы или въ чистомъ полѣ, а, между тѣмъ, какъ поются веселыя и заунывныя пѣсни о прежнемъ казачествѣ и чарка обходитъ кружокъ, взятая съ собою бутылка, тайкомъ подвѣшенная въ широкихъ шароварахъ одного изъ посѣтителей, осторожно наливается виномъ. Если продѣлка эта удастся и зоркій корчмарь не поймаетъ подкупленныхъ мошенниковъ, то ему будетъ худо: на городской заставѣ бутылка съ виномъ найдется, и шинкарь, которому дозволена одна только распивочная продажа, обвиняется въ отпускѣ корчемнаго вина на̀-сторону, да еще и въ городъ.... за это придется ему поплатиться чуть ли не годовою выручкой.

Но вотъ былъ счастливецъ—истинно благополучный человѣкъ, взысканный не по заслугамъ слѣпою, но въ этомъ случаѣ милостивою судьбою: Хома Чернякъ, приписавшійся въ мѣщане, получилъ въ наслѣдство отъ отца, добраго и работящаго хозяина, нѣсколько десятинъ земли, на самой городской грани; изба его со всѣми ухожами стояла еще на городской землѣ, въ чертѣ города, гдѣ вино стоило четыре или пять цѣлковыхъ ведро; а клуня выходила уже за черту, гдѣ вино было нипочемъ и гдѣ откупщикамъ не было никакой власти! Увѣряли, что разсчетливый но хлѣбосольный Хома Чернякъ нарочно и только ради вина выстроилъ клуню эту, гдѣ могъ свободно пировать по праздникамъ съ добрыми людьми, гдѣ праздновалась свадьба каждой изъ дочерей его, по крайней мѣрѣ, недѣлю, — гдѣ выпивались цѣлыя бочки вина, въ уваженіе того только, что тутъ нѣтъ

воли откупщику и пирующимъ полное раздолье. Какъ бы то ни было, но я могу васъ увѣрить, что Хома Чернякъ въ этомъ отношенiи сдѣлался предметомъ зависти всѣхъ городскихъ обывателей, которые говаривали, когда только о немъ заходила рѣчь: что ему дѣлается — онъ живетъ себѣ паномъ, тотъ же помѣщикъ: дошелъ изъ хаты до клуни своей — да и пей, сколько душѣ угодно, никто не смѣетъ слова сказать; досмотрщикъ, пожалуй, тутъ же стоитъ, да только и возьметъ развѣ, что изъ чести поднесутъ стаканчикъ.... и надобно сказать правду, во первыхъ, что Хома Чернякъ всегда, въ радости своей, съ особеннымъ удовольствiемъ подносилъ досмотрщику этотъ стаканъ, — и, во вторыхъ, что онъ никогда не позволялъ себѣ переносить въ черту города, то есть изъ клуни въ хату, ни одной капли вина, не переливъ ее сперва, какъ самъ онъ выражался, въ живую требушинку. Ни одинъ человѣкъ не проѣзжалъ по дорогѣ, пролегавшей мимо хутора Хомы Черняка, не посмотрѣвъ на клуню его, обнесенную вишнякомъ и яблонями, и не сказавъ или не подумавъ со вздохомъ: вотъ человѣку Богъ далъ счастье.... А если кто проѣзжалъ съ товарищемъ, то уже, конечно, во всю дорогу, до самаго города, у нихъ ни о чемъ болѣе не было рѣчи, какъ о завѣтной клунѣ Хомы Черняка, о справлявшихся тамъ пирахъ и свадьбахъ и о томъ, что въ клунѣ есть, со стороны вольной черты уѣзда, калиточка, такъ что туда можно среди бѣлаго дня не только принести вина, никого не опасаясь, но даже вкатить его пожалуй цѣлую бочку..

Не всѣмъ, однакожъ, и не всегда сходило съ рукъ такъ ловко сосѣдство вольной продажи: многiе за это приплачивались дорого, отдавали послѣдняго вола или корову: стоило только подкупить какого нибудь сговорчиваго бродягу, перескочить ночью черезъ плетень сада или огорода, расположеннаго внутри городской черты или на границѣ съ вольною губернiею, въ откупной, и спрятать тамъ подъ условленнымъ кустомъ штофъ или бутылку вина.... остальное

вы дополните сами: на утро являются досмотрщики, объѣздчики, взявъ съ собою свидѣтелей, понятыхъ и мѣстную полицію — и у бѣднаго хозяина, который проспалъ ночь спокойно, ничего не чая, отъискиваютъ въ огородѣ корчемное вино.... это называется *подкинуть*; но какими средствами бѣднякъ докажетъ, что вино подкинуто, что онъ не виноватъ ни въ чемъ, когда поличное налицо, отъискано подъ кустомъ въ его саду или даже зарытое въ землѣ, и когда штофъ обошелъ кругомъ и всякій отвѣдалъ изъ него и, пожавъ плечами, долженъ былъ сознаться, что это вино?

Впослѣдствіи, чтобы поднять цѣну на вино въ уѣздахъ, внѣ городской черты, и, стало быть, уменьшить этимъ пьянство, установлена была, какъ это, я думаю, всякому извѣстно, такъ называемая *нормальная* цѣна вина, то есть установлено было, чтобы не продавать вина въ распивку и разливку дешевле, напримѣръ, полутора рублей серебромъ, тогда какъ оно продавалось по тридцати копѣекъ; при оптовой же продажѣ, бочками, такого ограниченія не положено, потому что это стѣснило бы самую поставку вина помѣщиками откупщикамъ.... Но благонамѣренное установленіе это, какъ можно было предвидѣть, встрѣтило на дѣлѣ нѣкоторыя затрудненія, потому что очень мудрено заставить меня продавать товаръ свой не ниже установленной цѣны, если я захочу сбыть его по цѣнѣ выгодной, какъ для меня, такъ и для покупщика, хотя бы она и была ниже нормальной; а если бы кто вздумалъ добросовѣстно держаться послѣдней, то, конечно, могъ бы выпить вино свое самъ, а покупщика по полтора рубля за ведро не нашелъ бы тамъ, гдѣ можно купить тоже вино по тридцати копѣекъ.

Крестьянинъ, привыкшій платить по мѣдному шагу, или грошу за стаканъ вина, приходитъ въ корчму, гдѣ сидитъ осторожный, напуганный строгостями и вороватый жидъ:

— Почемъ у васъ водка?

— Извѣстно, отвѣчаетъ этотъ: — сами вы знаете, на что спрашиваете — по шесть шàговъ.

— Какъ по шесть? по одному, больше не дамъ, заркусь и пить не стану — пойду въ другую корчму: тамъ по шàгу!

— А ну, говоритъ жидъ, успокоивая его: — постой, постой: сколько у тебя есть денегъ? сколько хочешь пропить?

— Два шàга и за два хочу выпить два стакана!

— Ну, стало быть, у тебя недостаетъ еще десяти — изволь, я не такой человѣкъ, я тебѣ вѣрю, для добрыхъ людей я и самъ добрый человѣкъ — на, вотъ тебѣ десять шàговъ, клади сюда свои два, ну, вотъ и будетъ двѣнадцать, чтобъ кто нибудь недобрый не сказалъ, будто я продаю вино дешевле — вотъ и пей, съ Богомъ, а десять шàговъ за тобой, отдашь на томъ свѣтѣ....

Шутка эта нравится всѣмъ, и у кого только, изъ бывшихъ тутъ мужиковъ, нашелся грошъ, тотъ кладетъ его на стойку, жидъ добавляетъ по таксѣ еще своихъ пять, говоритъ, что вѣритъ въ долгъ деньги, потому что вино въ долгъ отпускать невелѣно, и наливаетъ полный стаканъ, приговаривая: будь здоровъ, на многія лѣта!

Крестьянинъ, по тамошнему казакъ, играетъ свадьбу — отдаетъ замужъ дочь. Какже не отпраздновать такой случай, котораго и самъ онъ и все село ожидали двадцать лѣтъ, и можно ли казаку отправить свадьбу, сдавъ молча жениху съ рукъ на руки дочь свою, не созвавъ въ гости все село, не залучивъ скомороховъ, цымбаловъ со скрипицей, не поплясавъ, не попотчивавъ гостей, — словомъ, не отпраздновавъ свадьбы? Вѣстимое дѣло, что нельзя, — и Власъ Чертопхаенко, затѣявъ такое праздничное дѣло, которое и на природномъ языкѣ его называется зàпросто *весельемъ*, готовился повеселить и себя и другихъ, какъ слѣдуетъ доброму и православному христіанину.

Власъ Чертопхаенко, именовавшій себя подъ веселый часъ просто казакомъ, а въ степенное время войсковымъ

обывателемъ, былъ человѣкъ *заможненькій*, то есть съ состояніемъ. Это было извѣстно подъ рукой всякому, по какому-то темному чутью или преданію; но самъ онъ никогда и никому объ этомъ не говорилъ, ни даже подъ хмѣльную руку, а потому и прослылъ хитрымъ и скупымъ. Онъ жилъ очень скромно, только что не нуждаясь въ необходимомъ, никакой роскоши не терпѣлъ и животовъ не выказывалъ. Кой-какія торговыя связи и денежныя дѣла завязалъ онъ не по сосѣдству гдѣ нибудь, не съ близкими людьми, а ѣздилъ за этимъ повременамъ куда-то на сторону, а наличныя деньги, по всей вѣроятности, зарывалъ гдѣ нибудь въ *глекъ* въ землю. Но, при такомъ чрезвычайномъ случаѣ, какова свадьба дочери, въ обычаѣ Власа было поразвернуться — дескать, знай нашихъ, и всѣ заговорили напередъ о славномъ праздникѣ, когда услышали, что Власъ просваталъ дочь.

Чортопхаенко былъ, кромѣ того, человѣкъ немного упрямый, какъ свойственно самостоятельному черниговцу. Галя давно уже поженихалась было съ молодымъ казакомъ Остапомъ, по прозванію Лихочуенко; но Остапъ, какъ бѣдный человѣкъ, былъ Власу не по плечу, а потому онъ, покосясь разъ-другой на Галю съ Остапомъ, когда они встрѣтясь или сошедшись невзначай передавали другъ другу, повидимому, много важныхъ вѣстей и извѣстій, разогналъ ихъ, наконецъ, безъ всякихъ обиняковъ, прикрикнувъ на снявшаго съ головы своей шапку Остапа и объявивъ ему на всю улицу, чтобы онъ тутъ не *залицался*, а шелъ бы съ Богомъ своимъ путемъ. «Возьми ты дочь свою — сказалъ онъ женѣ, войдя въ избу, не сказавъ самъ Галѣ ни слова — возьми дочь свою да посади ты ее за работу: хоть бы выткала еще коверъ, что ли. Не слѣдъ ей теперь подъ заборами шататься: не хороша слава будетъ; а Остапу велю я обходить хату нашу: есть и другая улица на селѣ.»

Тѣмъ, на первый случай, дѣло кончилось. Мать пожурила дочь. Галя молчала, отворотясь и повѣсивъ голову, а

Остапъ Лихочуенко, крѣпко *зажурившись*, сталъ поглядывать на Галю жалостнѣе прежняго, да и то только издали. Онъ былъ человѣкъ робкій и противъ воли старика Чортопхаенка итти не смѣлъ.

Между тѣмъ, пришла осень, пришелъ и Покровъ, которому молятся изподтишка дѣвушки, говоря: «батюшка Покровъ, покрой и меня молоду....» и старосты пошли ходить по селу.

— Жинко! сказалъ Власъ, когда они остались одни въ избѣ, а Галя вышла за дѣломъ: — прибери хату сегодня: можетъ быть, добрые люди будутъ.

Мать поняла слова эти и спросила въ смятеніи:

— Отъ кого?

— Отъ добрыхъ же людей, отвѣчалъ Власъ: — не бойсь, старуха, я худаго не затѣю: отъ Маклаша.

Стали прибирать хату, а Власъ принесъ вина и поставилъ на полицу, и Галя стала что-то оглядываться: и она, по соображенію времени и обстоятельствъ, стала догадываться, къ чему это все идетъ. Но она молчала и, молча, помогала матери, а повременамъ украдкой роняла слезу.« Не плачь, Галя — сказала ей мать, замѣтивъ это — побереги слезы: вотъ какъ придетъ время, что будетъ го́диться плакать, тогда поплачешь.» Въ отвѣтъ на это Галя залилась слезами и вышла въ сѣни.

Пришли двое старостъ, то есть сватовъ, говорили обычныя и пригодныя рѣчи, о бѣлой горностайкѣ, о порошѣ, о томъ, какъ они слѣдили и выслѣдили ее и какъ слѣдъ пошелъ въ этотъ дворъ и проч. Власъ помучилъ ихъ, долго увѣряя, что, видно, они ошиблись, не туда зашли, а потомъ, что надо подумать и посовѣтоваться, но наконецъ поднесъ по стакану, сказавъ: «а приведите своего охотника, такъ мы на него посмотримъ.»

Вскорѣ все пошло своимъ порядкомъ. На слезы Гали никто не смотрѣлъ — самое приличіе требовало плача ея, а что она плакала отъ души, это знали немногіе, — и Микла-

шенко, т. е. сынъ Миклаша, былъ заявленный женихъ Гали. Чортопхаенко готовился отпировать веселье, и тутъ-то встрѣтилось важное обстоятельство, до котораго относится вступленіе наше о нормальныхъ цѣнахъ на вино.

«Ведра четыре, а, чего добраго, и пять, надо взять — подумалъ Власъ — да что же я буду за дурень, чтобы мнѣ платить по полтора цѣлковыхъ: это будетъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ; а, вѣдь, коли я возьму бочку сороковую, то заплачу всего только одиннадцать карбованцевъ! Ну, сбыточное ли это дѣло, чтобы я заплатилъ семь карбованцевъ съ полкарбованцемъ за пять ведеръ, когда я за одинадцать карбованцевъ могу взять сорокъ ведеръ! Что жъ, возьму бочку, — право, возьму; деньги даромъ не брошу; первое дѣло, что выпьемъ мы уже не пять ведеръ, а десять — такъ хоть будутъ помнить свадьбу у Власа Чертопхаенка; а другое то, что тридцать ведеръ останется задаромъ; добрые люди разберутъ, небойсь, еще спасибо скажутъ; чѣмъ платить имъ по полтора карбованца за ведро, я отдамъ по четвертачку. Тридцать четвертаковъ — семь карбованцевъ съ половиной, а мой расходъ, за десять ведеръ, и весь-то будетъ три съ полтиной!»

Сказано — сдѣлано. Правда, что обстоятельства были слишкомъ соблазнительны: выпить десять ведеръ вмѣсто пяти, а заплатить за десять вдвое дешевле, чѣмъ за пять! Власъ не разсудилъ, сколько бѣды могло изъ этого выйти: еслибъ его поймали въ корчемной продажѣ этого вина, то его бы засадили, засудили — какъ со многими тамъ случалось — и бѣдный Чертопхаенко пропалъ бы и раззорился навсегда. Но онъ видѣлъ только одно: соблазнительный барышъ, тогда какъ платить по полтора рубля за ведро, послѣ привычки покупать его по тридцати копѣекъ, казалось ему неслыханнымъ дѣломъ. И такъ, онъ купилъ у пана бочку вина, привезъ ее домой и вкатилъ осторожно въ камóру, что по русски — надворная клѣть. «Вотъ будетъ ве-

селье у меня, такъ будетъ; ужъ не скажутъ, что поскупился Власъ на дочернину свадьбу....»

Между тѣмъ, вся молодежь села, зная отношенія Гали и Остапа, стали жалѣть о нихъ отъ души, тѣмъ болѣе, что ихъ обоихъ всѣ любили, чего нельзя было сказать о женихѣ Гали, Миклашенкѣ. Толковали, тужили и порѣшили хоть подразнить старика Власа и Миклашенка разными шутками, а также пѣть на свадьбѣ самыя жалобныя пѣсни, оплакать Галю не шутя, а когда придетъ пора величать отца ея и въ особенности жениха, то прибирать имъ на смѣхъ такія величанья, отъ которыхъ имъ не поздоровилось бы. Эту месть придумали, разумѣется, дѣвки; но надо же было выдумать что нибудь и парнямъ, чтобы не отстать отъ первыхъ. Надобно сказать, что осенняя пора, когда уже убранъ хлѣбъ, отпраздновали обжинки, ночи темны, а погода еще довольно хороша въ Малороссіи и парнямъ нѣтъ особенно нужной работы, что осенняя пора эта бываетъ всегда праздничнымъ временемъ для холостежи, особенно для ребятъ, и что они въ это время ходятъ поздно вечеромъ, и даже ночью, толпами по селу и строятъ разныя проказы. И такъ, шутка, которую они согласились съиграть надъ Власомъ Чортопхаенкомъ, въ отмѣстку за бѣднаго Остапа Лихочуенка, приходилась кстати и по этому обычаю.

До десятка ловкихъ и отчаянныхъ ребятъ собрались ночью, послѣ крика, шума и пѣсенъ на улицахъ, въ небольшой проулокъ, отдѣлявшій дворъ Власа отъ сосѣдняго. На проулокъ этотъ выходила плетневая и обмазанная глиной стѣна власовой каморы, гдѣ стояла роковая бочка съ виномъ, приготовленная къ веселью. Въ нѣсколько минутъ ребята подкопали камору, просверлили бочку буравомъ и принялись цѣдить вино; они приготовили множество разной посуды: кадочекъ, боченковъ, горшковъ, макитръ и глечиковъ, что могли достать, выцѣживали украдкой вино и тотчасъ же относили его по задворью на власово гумно,

гдѣ скрыли всю посуду эту въ большой ометъ соломы. Выцѣдивъ все вино и напившись сами вволю, ребята зарыли и засыпали опять подкопъ, притрусивъ его сверху навозомъ и соломой, такъ что когда еще на зарѣ дождикъ все это смочилъ, то снаружи вовсе не было замѣтно сдѣланнаго подкопа. Ребята разошлись по домамъ въ большомъ удовольствіи, давъ клятву молчать и не выдавать другъ друга.

На другой день, который былъ уже канунъ дѣвичника, субботы, Чортопхаенко пошелъ въ камору, чтобы достать штофъ вина для должностныхъ и другаго рода посѣтителей, которые должны были уже въ этотъ день навѣдаться, то, чтобы кой въ чемъ условиться и уговориться, то, просто, для поздравленій и пожеланій. Подойдя къ бочкѣ, Власъ ударилъ по ней самодовольно кулакомъ, готовясь услышать этотъ глухой и плотный гулъ, который издаетъ въ подобномъ случаѣ полная бочка. Но гулъ раздался звонко и протяжно, съ какимъ-то колокольнымъ отголоскомъ. Власъ выпрямился вдругъ, подперъ руками въ бока и стоялъ такимъ образомъ, не зная, что подумать, полагая, что онъ, безъ сомнѣнія, ошибся, ослышался, но долго не смѣлъ повторить свой опытъ. Наконецъ, онъ ловко ударилъ въ бочку носкомъ сапога — и тутъ уже не осталось для него никакого сомнѣнія въ постигшемъ его несчастіи. Всплеснувъ руками, онъ бросился на бочку, встряхнулъ ее взадъ и впередъ и еще разъ убѣдился окончательно, что она была пуста. Тогда только Власъ постигъ всю великость своего бѣдствія и уже открылъ было широкій ротъ свой, съ сѣдыми, нависшими усами, чтобы прочитать: «*проби ратуйте!*» но опомнился, задушилъ вырвавшійся неясный стонъ, еще разъ покачнулъ бочку, заглянулъ въ нее, потянулъ съ упоеніемъ въ себя запахъ сивухи, которымъ его ошибло, отошелъ опять, постоялъ, покачалъ головою, ударилъ себя руками по бедрамъ, плюнулъ и пошелъ, молча, въ избу. Не говоря и тамъ ни слова, онъ легъ, закинувъ руки подъ затылокъ.

— Что жъ лежишь, Власъ? сказала озабоченная домашними приготовленіями хозяйка:— что ты такимъ пластомъ растянулся?

— *Несдужаю*, отвѣчалъ онъ сухо:—не могу: голова болитъ.

— *Ой, лихо мени*, сказала Парасковья, жена его:—вотъ еще какъ ты разнеможешься теперь, тогда что станемъ дѣлать? какъ же мы будемъ свадьбу играть?

— Свадьбы не будетъ, отвѣчалъ также сухо Власъ, не пошевеливъ при этомъ ничего, кромѣ языка.

И мать и дочь даже не смогли ахнуть отъ изумленія, а оставались открывъ и ротъ и глаза.

— Что ты, Власъ, спросила наконецъ Парасковья заботливо, съ очевиднымъ крайнимъ изумленіемъ:— что ты, Власъ, неужто напился уже съ утра и въ такой день?

— *Брешешь*: отвѣчалъ Власъ:—и пить-то нечего, еслибъ и захотѣлъ.

— Такъ на что же ты говоришь такую *несенитницу?*

— Я говорю тебѣ правду, а ты слушай да понимай: свадьбы не будетъ.

Парасковья и руки опустила. Она не знала, что и отвѣчать; а Галя бросилась цаловать отцу руки, заплакавъ навзрыдъ. Онъ же не трогался съ мѣста и молчалъ, не считая нужнымъ пускаться въ какія либо объясненія. Наконецъ, Парасковья опомнилась, стала спрашивать Власа, не съ ума ли онъ сошелъ, подошла даже къ нему и требовала, чтобы онъ дохнулъ, подозрѣвая, не угостилъ ли Власъ самъ себя спозаранку, хотя по рѣчи и говору его этого и не было замѣтно; но Власъ оттолкнулъ ее, вскочилъ и сказалъ: «какого тутъ чорта станешь пить и какого бѣса свадьба — нѣтъ вина ни капли, поди въ камбру, погляди; нѣтъ свадьбы, я тебѣ говорю, да и все. Посылай кого хочешь за старостами (сватами), либо сама иди къ нимъ да скажи имъ, что я ихъ — бо-дай имъ добра не видать — не пущу на дворъ; пусть они сами цалуются съ

женихомъ своимъ: не видалъ я его, да! Бочку цѣлую купилъ — гдѣ она? нѣтъ ея! Я запру ворота и запру хату — вотъ что — и ногой не пущу.»

Баба попыталась успокоить разгнѣваннаго хозяина, но еще пуще его разсердила. Она пошла къ сосѣдямъ совѣтоваться. Явились и сваты; но дверь была заперта для нихъ, и Власъ переговаривался съ ними въ открытое окно, не вставая съ мѣста, гдѣ сидѣлъ или лежалъ, посылая ихъ, впрочемъ, къ чорту. Такимъ образомъ, прошли и суббота и воскресенье, и о свадьбѣ рѣчи не было. Родители жениха, считая себя обиженными, разбранились со Власомъ, и дѣло разошлось.

Между тѣмъ, ребята, которые сыграли шутку эту, разсказали обо всемъ Остапу Лихочуенку, хвалясь удальствомъ своимъ, отъ котораго, впрочемъ, и не ожидали такого кореннаго успѣха, а думали только временно досадить Чортопхаенку и поставить его въ затрудненіе. Остапъ, будучи крѣпко не въ духѣ, не сталъ было и слушать ихъ, по крайней мѣрѣ, молчалъ и нисколько не радовался тому, что ихъ тѣшило; но когда онъ, едва довѣряя ушамъ и глазамъ своимъ, убѣдился, что черезъ эту *копость* свадьба не состоялась, что затѣмъ Власъ разбранился гласно съ женихомъ и даже его родными, то Лихочуенко невольно улыбнулся. Власъ кричалъ и жаловался начальству, требуя, чтобы отъискали воровъ, и не подозрѣвая, что вино стоитъ у него же на гумнѣ; шалуны, покуда еще не обнаруженные, но сильно подозрѣваемые, начинали побаиваться, не зная, какъ бы теперь путемъ кончить шутку свою и развязаться съ нею, а Власъ кричалъ, что онъ не успокоится, покуда не отъищется вино.

Подумавъ немного, Остапъ пошелъ въ поле, будто за своимъ дѣломъ, подстерегъ напередъ Власа, который отправился туда же. Подойдя и пожелавъ Бога на помочь и снявъ при этомъ случаѣ шапку, Остапъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что и не обратилъ вниманія на суровую

встрѣчу со стороны разобиженнаго Власа, а почесавшись продолжительно съ разныхъ концовъ, сказалъ:

— А что, дядюшка Власъ Терентьичъ, кабы вы были ко мнѣ, бѣдному парню, милостивы, можетъ статься, я бы вамъ и пригодился, я бы постарался отслужить вамъ службу.... Чортопхаенко пожалъ плечами, но молчалъ. Остапъ сталъ посмѣлѣе и продолжалъ: — я бы вамъ, можетъ статься, постарался бы отъискать вино ваше....

Власъ остановился, глаза его загорѣлись, онъ уставилъ ихъ на Остапа и сказалъ:

— Такъ это ты, подлая душа, пустился на такое дѣло?

— Не я, дядюшка, продолжалъ тотъ: — ей-Богу, не я, не обижайте меня, Власъ Терентьичъ, моего пальца тутъ не было, а мнѣ бы хотѣлось услужить вамъ, черезъ другихъ людей постараться, только не я, — я и знать не знаю...

Власъ понялъ, около чего дѣло вертится, то есть, что Остапу извѣстно все и что онъ готовъ обнаружить виновныхъ или, настращавъ ихъ, заставить возвратить покражу.

— Остапъ! началъ старикъ, почти со слезами на глазахъ: — я-таки всегда и считалъ тебя парнемъ смирнымъ, хорошимъ; не дай же ты сорванцамъ поглумиться надъ моей сѣдой головой, смотри, вѣдь, я сталъ посмѣшищемъ всего села; выручи меня, и я тебя не забуду!

Остапъ, который все еще стоялъ передъ Власомъ въ почтительномъ положенiи, съ шапкою въ рукахъ, поклонился ему низенько и не обинуясь сказалъ: «Дядюшка, да отдайте же за меня Галю....»

Теперь очередь чесаться дошла до Чортопхаенко. Не слушая дальнѣйшихъ, отрывочныхъ убѣжденiй Лихочуенко, онъ перебиралъ въ душѣ своей, что Миклашъ ему теперь не зять; а странное, противное всякому обычаю разстройство свадьбы положило на него самого и на дочь нехорошую огласку. Онъ вспомнилъ такъ же, какъ Галя обрадо-

валась, когда услышала, что свадьбы не бывать, и какъ она съ той поры повеселѣла и весь день ходитъ по хозяйству съ пѣснями; припомнилъ онъ также, съ какимъ ожесточеніемъ отецъ жениха и даже мать и тетка ея бранились съ нимъ, со Власомъ то есть, какъ они проклинали его на всю улицу, не жалѣя горла; а къ тому пришло ему невольно въ голову, что съ такими родными впослѣдствіи мудрено будетъ уживаться: они будутъ вмѣшиваться во все, требовать несообразнаго, попрекать достаткомъ своимъ; а отношенія къ Остапу были бы совсѣмъ иныя: и самъ онъ, и всѣ родные его, какъ люди незажиточные, не стали бы зазнаваться, а, безъ сомнѣнія, были бы всегда въ полной зависимости и повиновеніи у Власа.... Наконецъ, представилась ему и мысль, что вино будетъ возвращено, убытокъ вознаградится и смѣхамъ этимъ, которые крѣпко досаждали старику, будетъ конецъ....

— А сполна ли ты воротишь вино? спросилъ онъ вдругъ, не подумавъ о неумѣстности этого вопроса, какъ отвѣта на сватовство Остапа, и получивъ клятвенное обѣщаніе удивленнаго жениха возвратить все до капли, а также, вслѣдъ затѣмъ, обѣщаніе его не выходить изъ повиновенія отцовскаго, жить до времени нераздѣльно и во всемъ его слушаться, Власъ сказалъ: «Ну, съ Богомъ, присылай старостъ.»

Лихочуенко поклонился ему въ ноги и пустился бѣгомъ на село. Ребята были рады-радешеньки, что пришлось имъ такъ дешево отдѣлаться за шалость свою, и въ тотъ же вечеръ вино было тайкомъ все перенесено на дворъ Власа, вылито въ бочку и пополнено складчиной, потому что около ведра было выпито и пролито во время самой проказы.

Съ трудомъ только Остапъ нашелъ себѣ пару старостъ, для приличнаго сватовства, потому что никто не вѣрилъ нечаянному счастью его и не хотѣлъ итти къ Чортопхаенку за *гарбузомъ*. Но все кончилось благополучно, на удив-

ленiе цѣлаго села, и Галя вышла за Остапа. Потчуя гостей на свадьбѣ, Чортопхаенко безпрестанно повторялъ: «Пейте, люди добрые, спасибо вамъ, не жалѣйте этого добра, изводите все до тла, чтобы ему и слѣду не было и помину не стало, лихо ему, чтобъ въ другой разъ изъ–за него не ссориться!»

XXXIV.

ЧЕРВОНО-РУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

—

Отчего на Великой Руси такъ мало историческихъ преданій? Немногіе памятники древности, которые тутъ и тамъ встрѣчаются, развалины, пещеры, курганы, городища, остатки загадочныхъ укрѣпленій, рѣдко напоминаютъ русскому крестьянину историческій бытъ Россіи: либо никто и ничего не знаетъ объ этихъ памятникахъ, либо скажутъ вамъ наобумъ, въ самыхъ общихъ словахъ, что тутъ воевали татары, литва, ляхи или даже какой нибудь разбойникъ новѣйшихъ временъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго, хотя онъ со всею вольницею своею и обратился уже, черезъ пятьдесять лѣтъ послѣ казни своей, въ какое-то богатырское сказочное преданіе. Тоже самое находимъ мы въ пѣсняхъ великорусскихъ: въ нихъ дотого господствуетъ лирическое направленіе, что между тысячами ихъ довольно трудно найти хотя одну эпическую, съ какимъ либо историческимъ преданіемъ. На самомъ сѣверѣ Россіи сохранилось нѣсколько болѣе подобныхъ памятниковъ: видно, новгородцы, населившіе Заволочье и поморье, вынесли съ собою тогда нѣсколько болѣе наклонности къ бы-

товымъ воспоминаніямъ; все племя это вообще и понынѣ отличается говоромъ своимъ отъ всѣхъ прочихъ жителей Великой Руси и приближается, частію по произношенію, частію по сохранившимся издревле выраженіямъ, къ южной Руси.

Что касается до сей послѣдней, то она, по направленію и духу воспоминаній своихъ, въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ, братски примыкаетъ къ сосѣднимъ южно-славянскимъ племенамъ; не было, конечно, въ томъ краю ни одного историческаго событія, которое бы не оставило по себѣ памятникомъ пѣсню или сказку въ устахъ слѣпаго бандуриста.

На рѣкѣ Сбручѣ, пограничной между Россіею и Австріей, на чрезвычайно крутомъ и довольно высокомъ берегу, стоитъ село Чернокозинцы, гдѣ видны понынѣ остатки каменнаго укрѣпленія: направо отъ развалинъ этихъ, вверхъ по рѣкѣ, находится замѣчательный самородный мостъ, длиною въ пять, а шириною до четырехъ саженъ. По первому взгляду кажется весьма вѣроятнымъ, что укрѣпленіе охраняло и обезпечивало переправу, особенно, если предположить, что рѣчка Сбручъ, какъ и увѣряютъ мѣстные жители, теперь обмелѣла, но нѣкогда вздымалась гораздо выше. Мѣстное преданіе говоритъ, что это остатки зaмка князя Куріятовича. Онъ жилъ тутъ съ сестрою своею, дѣвицею. Во время татарскаго набѣга, гдѣ зaмокъ захваченъ былъ въ расплохъ, князь принужденъ былъ бѣжать подземными ходами и скрыться въ ущельяхъ Сбруча. О дальнѣйшей участи его ничего болѣе неизвѣстно; но одинъ старикъ, изъ мѣстныхъ жителей, полагалъ, что онъ ушелъ въ Польшу. Сестра князя Куріятовича, страшась татаръ, бѣжала черезъ описанный нами самородный мостъ за Сбручъ, въ Галицію, унесла съ собою значительное богатство, построила невдалекѣ, въ глухомъ лѣсу, каменную церковь съ келіею, гдѣ до конца дней своихъ молилась о пропавшемъ

безъ вѣсти братѣ. Говорятъ, что тамошніе поселяне указываютъ понынѣ остатки этой церкви.

На томъ же Сбручѣ, на крутомъ каменистомъ берегу, есть селеніе Голенищево, съ ясными остатками небольшаго каменнаго укрѣпленія, среди коего находится чистый и холодный родникъ, снабженный богатою жилою воды. Крестьяне мѣсто это называютъ *Забыткомъ*, но помнятъ и понынѣ преданіе, въ которомъ частица истины смѣшана со странною сказкою: «Въ глубокой древности стоялъ здѣсь замокъ, доставшійся по наслѣдству одинокой и сирой княжнѣ, произнесшей обѣтъ дѣвства. О туже пору властовалъ по сосѣдству какой-то сильный и страшный владѣтель, бывшій, сверхъ того, еще чародѣемъ: никто и даже ничто не переносило его взгляда, онъ побѣждалъ и разрушалъ глазами все, на что бы ни обращалъ взоръ; но, зато, благая природа и взяла нѣкоторыя предосторожности: вѣки у чародѣя этого всегда были сомкнуты, за что онъ и получилъ прозваніе *сонливаго Баняка*; онъ даже не могъ самъ открыть глазъ, а для этого нужны были два помощника, которые, ставъ осторожно за плечи его, чтобы не встрѣтить страшнаго, губительнаго взора, осторожно подпирали вѣки сонливаго Баняка золотыми вилочками.

Банякъ-сонливый былъ человѣкъ самовластный, самовольный и свирѣпый: все должно было ему покорствовать; малѣйшее противорѣчіе возбуждало въ немъ неукротимый гнѣвъ и месть, а страшная чародѣйская сила, которою онъ владѣлъ, наводила ужасъ на всѣхъ, — и вся страна безусловно ему покорялась. Услышавъ о молодой, прекрасной княжнѣ въ Голенищевѣ, онъ тотчасъ же вспыхнулъ: одной молвы о дѣвственномъ обѣтѣ ея было уже достаточно для возбужденія въ своевольномъ Банякѣ неодолимаго хотѣнія подчинить княжну своей власти, заставить ее нарушить обѣтъ свой и выйти за него замужъ. Самый обѣтъ казался ему личнымъ для него оскорбленіемъ, какъ нарушеніе безусловной его власти.

Банякъ-сонливый послалъ къ княжнѣ посольство, приказавъ въ довольно гордой, высокомѣрной рѣчи требовать руки княжны. Она отказала. Онъ послалъ на замокъ ратныхъ людей; но они ничего не могли сдѣлать, потому что замокъ снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи и, сверхъ того, ключевою водой. Нетерпѣливый, своевольный Банякъ не сталъ выжидать конца этой продолжительной осады: онъ поднялся съ наперсниками своими, прибылъ въ станъ подъ Голенищево, приказалъ себя поставить на такомъ мѣстѣ, откуда видѣнъ былъ весь замокъ, и два человѣка изъ ближнихъ его, доставъ роковыя золотыя вилочки, приподняли ими обвислыя вѣки Баняка до самыхъ бровей: одного этого взгляда на замокъ княжны было достаточно для конечнаго его разрушенія; стѣны рухнулись, дружина Баняка побила не только дружину княжны, но даже и всѣхъ жителей городка *Дивича,* стоявшаго подъ замкомъ княжны на берегу рѣки. Опустошеніе было таково, что ни замка, ни городка съ той поры не стало; но зато, въ темныя, дождливыя осеннія ночи, тѣни побитыхъ жертвъ и понынѣ еще скитаются по долинѣ, на которой стоялъ городъ, и долина эта понынѣ именуется Дивичъ; надъ городищемъ по воздуху проносятся тѣни бывшаго замка и въ толпѣ ихъ свѣтлый лучезарный образъ самой княжны. Она спускается въ долины и утѣшаетъ сѣтующія тѣни. Тогда слышатся вокругъ: топотъ конскій, звуки неизвѣстныхъ нынѣ роговъ, клики и вопли и какія-то военныя пѣсни съ припѣвомъ: *идемъ на Дивичъ.*

Долина Дивичъ разстилается по обѣ стороны Сбруча, и русской и австрійской сторонѣ; мѣстами скалиста и лѣсиста и на западъ упирается въ отроги Карпатовъ.

Поблизости мѣстечка Черче, въ лѣсу, находится какое-то городище, мѣсто, обнесенное земляными раскатами: его называютъ просто монастыремъ, увѣряя, что въ древности стоялъ здѣсь православный монастырь и что самое названіе Черче происходитъ отъ слова чернецъ, чернцы.

Въ былое время, когда всякій засыпалъ подъ страхомъ татарскаго ночнаго набѣга и просыпался съ молитвою и вопросомъ, не слышно ли чего о татарахъ, жители Черча узнали отъ бѣжавшаго крестьянина, что татары ползутъ на нихъ чешуйчатой змѣей вверхъ по Днѣстру. Жители разбѣжались, спасая кто что могъ, искали убѣжища въ лѣсахъ и въ пещерахъ, донынѣ еще видныхъ въ крутоберегомъ, каменистомъ ложѣ рѣки Смотрича, который обтекаетъ кольцомъ Каменецъ-Подольскій. Но одна изъ жительницъ Черче, молодая, недавно вышедшая замужъ женщина, не могла поспѣть за скрывшеюся толпою и, увидѣвъ, что татары уже разсыпались по улицамъ, едва только успѣла скрыться въ вѣжу, т. е. башню, или колокольню, которая стоитъ и понынѣ. Тамъ, подъ самой кровлей колокольни, молодица увидала цѣлую груду разной утвари и домашняго скарба, спрятаннаго жителями отъ хищныхъ татаръ, и въ числѣ этихъ вещей было нѣсколько пищалей. Увидавъ въ то же время приближающійся поѣздъ, въ которомъ, какъ она догадывалась, долженъ былъ находиться главный вождь татарской дружины, и лишена будучи всякой надежды на спасеніе, она схватила въ отчаяніи одно изъ ружей и, намѣреваясь отмстить за гибель столькихъ земляковъ своихъ и за себя, прицѣлилась сверху черезъ перила колокольни въ татарскаго вождя, ѣхавшаго напереди и одѣтаго въ самое богатое платье: выстрѣлъ раздался, и мурза татарскій, пораженный пулею на смерть, упалъ съ лошади.

Оглядываясь кругомъ убитаго и не видя нигдѣ ни одной живой души, ни даже слѣда дыма, который въ первую минуту при общей тревогѣ никѣмъ не былъ замѣченъ, татары подхватили убитаго предводителя своего, ударили въ рога отбой и поспѣшно отъ города отступили. Простоявъ въ полѣ не болѣе того, сколько нужно было для отданія вождю своему послѣдней чести, дикіе нашельцы, пораженные какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, поспѣшили уйти на-

задъ и разсыпаться по необозримымъ степямъ своимъ; а жители Черча вскорѣ возвратились и, къ неизъяснимому изумленію своему и радости, нашли въ цѣлости всѣ вещи, имущество, домы и даже забытыхъ въ хижинахъ дѣтей.

Имя молодицы, которой приписываютъ геройскій подвигъ этотъ, забыто; но она благополучно возвратилась подъ кровъ домашній и своевременно родила тройней; трехъ сыновей, которые получили прозваніе *троянъ*. Потомки троянъ этихъ ведутся понынѣ; они крестьяне и сохраняютъ прозваніе троянъ, вмѣстѣ съ описаннымъ нами повѣрьемъ.

XXXV.

ПОДЗЕМНОЕ СЕЛО.

—

— Подумаешь, Владимiръ-городокъ — Москвы уголокъ; и далече ли? Рукой подать: всего-то два-девяноста; и на большой дорогѣ, и мѣсто торговое. А что-то Божьяго благословенья нѣтъ: никто во Владимiрѣ не разживался, истиннику не хватаетъ; купцы перебиваются кой-какъ и живутъ, словно только въ гости прiѣхали; и городъ бѣденъ, нѣтъ тамъ никому, что называется, ни наживы, ни покою, ни дна, ни покрышки.

— На все, братецъ ты мой, есть причина, сказалъ другой собесѣдникъ: — давнымъ-давно, еще, знать, при великихъ князьяхъ, владимiрцы согрѣшили передъ Богомъ, посамовольничали, не приняли архипастыря, хотѣли своего, что ли, поставить.... хоть и давно было, а вотъ даромъ не прошло: и понынѣ зовутъ ихъ святогонами, и никакое дѣло у нихъ не спорится. Отцы терпкое поѣли, а на внуковъ оскомина пала....

— Нѣтъ, сударь ты мой, началъ третiй: — вотъ Василь-Сурксъ городокъ, такъ ужъ на томъ, видимо, лежитъ гнѣвъ Божiй. Городъ на двухъ судоходныхъ, рыбныхъ рѣкахъ;

мѣсто бойкое, самое торговое, рыболовство хорошее — кто сурской стерляди не знаетъ? она и въ Питерѣ и въ Москвѣ въ одной цѣнѣ со шекснинскою; и сбытъ на этомъ мѣстѣ всякому товару; внизъ и вверхъ по Сурѣ мѣста хлѣбородныя, земли обильныя, хлѣбная торговля и обороты по ней большіе; проѣздъ на всѣ четыре стороны, разгонъ такой, что, казалось бы, одними постоялыми дворами надо городу разбогатѣть. А нѣтъ тебѣ вотъ ничѣмъ-ничего; бѣдность такая, что развѣ только съ голью потягается, городъ обнищалъ, народъ измошенничался — голышъ на плутѣ, плутъ на голышѣ, да плутомъ погоняетъ.... А отчего? Нѣтъ Божьяго благословенья. Когда, въ старинные годы, васильсурцы стали вдругъ наживаться, какъ повалила имъ деньга со всѣхъ сторонъ, такъ они забыли Бога, забыли и добрыхъ людей. Три церкви у нихъ развалились, а имъ не до того было, чтобы, себя сберегая, позаботиться о Божьемъ домѣ; всѣ три церкви до того развалились, что службу остановили. Вотъ и согрубили васильцы передъ Господомъ и каются теперь. Что ни дѣется на свѣтѣ, все по грѣхамъ нашимъ. За беззаконіе и встарь погибали и нынѣ погибаютъ, да, вишь ты, не вѣримъ. Господь долго терпитъ, да больно бьетъ. Вотъ послушайте бывальщину:

Въ Олонецкой губерніи, въ глухомъ бору, среди такого болота, что лѣтомъ, почитай, ѣзды туда не было, стояли рядомъ двѣ деревеньки; одна-таки коренная была, а другая выселокъ изъ нея, какъ стало тѣсно. Поляна выдалась чистая, сухая, травная, водопускъ гребнемъ шелъ поперекъ, по серединѣ, и только тутъ по немъ и были каменья; а то все хорошая земля, хоть и не такъ много ея было; да тамъ, братъ, и клокъ доброй земли въ диковину. Одна деревня, на изволокѣ, по одну сторону водопуска, другая по другую; изъ одной, черезъ гребень, только виденъ крестъ деревянной церковки, которая стояла по ту сторону ската. То коренное село было, а это выселокъ. Вотъ какъ разселились мужички мои на этомъ привольѣ, да какъ

принялись бабы рожать дѣтей — оно и опять тѣсно стало, и земли маловато, пришлось искать промысла. Питеръ подъ бокомъ, заработки есть; стали ребята туда ходить, и сталось такъ, что изъ этихъ деревень пошли все столяры да конфетчики. Такъ и завелось: старики да бабы пашутъ, а молодцы всѣ въ Питерѣ, въ конфетчикахъ да въ столярахъ; а черезъ годъ либо два идутъ домой съ денежками, на поправку хозяйству; а побывавъ дома, опять въ Питеръ. Эта шатущая жизнь ихъ, видно, и поразбаловала, и вышло много ребятъ разгульныхъ и пропойныхъ.

Вотъ, какъ-то по осени, и воротилось ихъ домой изъ Питера много; пришли ватагой, Богу не помолились, а за вино, за пѣсни да пляски. Деньги съ ними были, — вотъ и задумали складчиной погулять. Оно, конечно, попировать и погулять, послѣ долгой отлучки, можно, отпраздновать, то есть, благополучный приходъ, и, пожалуй, угостить деревенскую братію, да знай часъ и мѣру и время; а они затѣяли это въ господень праздникъ, да съ утра: попъ въ колоколъ, а они за ковши. Собрались они всѣ въ одну деревню, въ село то есть, въ ту, гдѣ стояла церковь, и всѣ забились въ одну избу. Пошла у нихъ попойка такая, что дымъ коромысломъ: празднословятъ, богохульствуютъ, перепились, себя не помнятъ, — а въ церкви, насупротивъ, служба идетъ. Соблазнили, окаянные, весь міръ: всѣ, вишь, обрадовались приходу своихъ, никому не захотѣлось отстать отъ попойки — такъ церковь и осталась пустою. Какъ заблаговѣстили къ достойной, то у нихъ шумъ и крикъ поднялся пуще прежняго, инно въ церкви слышно стало, и самъ священникъ, смущаемый соблазномъ великимъ, оглянулся въ ту сторону, откуда слышались крикъ и пѣсни....

Въ это самое время вошелъ въ избу къ пирующимъ незваный гость, не прошеный, съ кѣмъ дай Богъ вѣкъ не встрѣчаться и въ быляхъ его не поминать: мохнатый, черный, какъ есть, съ рогами, со змѣинымъ хвостомъ, — вошелъ и наготы своей не прикрылъ: только что большой по-

рожній мѣшокъ у него подъ мышкой: не морочить, стало быть, пришелъ, а ужъ прямо за своимъ дѣломъ, съ обухомъ. Пришелъ, да и сталъ въ дверяхъ. Мужики мои, пьяны, не пьяны, а всѣ отрезвились; хотятъ крестъ сотворить, покаяться, анъ ужъ и рука не подымается: больно врасплохъ ихъ сердечныхъ застали. Вотъ онъ и сталъ считать ихъ: это мой, говоритъ, первой, и другой мой, и третій мой, а на котораго пальцемъ укажетъ, тотъ и сидитъ, только головой мотаетъ да глазами хлопаетъ, а ужъ безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка. Пересчитавъ всѣхъ, досталъ онъ изъ-подъ мышки мѣшокъ, встряхнулъ его, да взялъ вотъ этакъ въ лѣвую руку, а правой рукой и пошелъ хватать ихъ да сажать въ мѣшокъ; возьметъ за голову, ровно кочерышку приподыметъ съ мѣста, да живьемъ его въ мѣшокъ, а какъ, слышь, приподыметъ котораго, то руки да ноги ровно плети болтаются....

—А кто жъ тутъ чужой есть? сказалъ онъ, осерчавъ: — не нашимъ духомъ пахнетъ.

А на печи сидѣла дѣвочка хозяйская, годовъ десяти. Она прижалась, ни жива, ни мертва; а какъ только заревѣлъ онъ, что кто-то чужой есть, то она, перекрестясь, какъ мать учила, да кубаремъ съ печи, да въ окно, да давай Богъ ноги, что есть духу; безъ оглядки, прямо по дорожкѣ бѣжитъ, и сама не знаетъ, не понимаетъ куда, сама читаетъ Богородицу, хоть ужъ не всю, а сколько знала.... за собою слышитъ она грохотъ, стукъ, голоса, крикъ, визгъ, хохотъ.... не оглядывается бѣдняжка, а бѣжитъ, что есть духу, да, переваляcь черезъ водопускъ, все прямо, и, прибѣжавъ въ ту деревеньку, упала замертво.

Сошлись люди, сбѣжались сосѣди, кто не былъ у обѣдни, подняли дѣвочку — черезъ силу могла выговорить, что съ нею сталось. Слушая ее, нехотя люди стали оглядываться на гребень, на село, да и дивуются: какъ такъ? не видать за горой церкви; куда она дѣвалась? Вышли на гребень — нѣтъ деревни, нѣтъ ничѣмъ-ничего. Паръ либо

дымъ киселемъ стоитъ на томъ мѣстѣ. Сдивовался народъ, крестится, стоитъ и смотритъ: что это будетъ?

Сталъ туманъ прочищаться, а посрединѣ объявилась гора. Стоитъ вотъ будто спoконъ-вѣку, а ее не было прежде никогда. На горѣ сидитъ черный пѣтухъ; онъ захлопалъ крыльями, прокричалъ трижды и пропалъ. Прочистился наконецъ туманъ: и мѣста не знать, гдѣ деревня стояла; гора на этомъ мѣстѣ, а вокругъ горы, кольцомъ, разлилось озеро, а вкругъ озера болото. Такъ они, мужики мои, поглядѣли, развели руками и пошли по домамъ.

Деревня пропала, а къ горѣ и къ озеру нѣтъ приступу: болото лѣтомъ не пересыхаетъ, зимою не замерзаетъ. Пѣтухъ повременамъ сидитъ ва вершинкѣ, на горѣ, когда туманъ разстилается понизу, только молчитъ, не хлопаетъ крыль-ями, не кричитъ. Въ праздники Господни, въ иную пору, слышенъ звонъ колокола на озерѣ, то ровно по покойникѣ перезваниваетъ, то къ обѣднѣ благовѣстятъ, — а какъ зазвонятъ къ достойной, то озеро и забушуетъ и забурлитъ.... послѣ опять все утихнетъ, будто ничего не бывало. Сказываютъ, что и колоколъ иву пору, по ночамъ, на берегъ выкатывается и опять уходитъ на дно; сказываютъ, будто вся гора на озерѣ пловучая и что вѣтромъ подгоняетъ ее то ближе къ одному берегу, то къ другому; сказываютъ еще, будто разъ какъ-то, молитвами проходящаго инока, церковь стала было подыматься и крестъ уже выказался изъ воды: тогда пѣтухъ опять появился на горѣ, а гора поплыла на то мѣсто, гдѣ выказался крестъ и накрыла все.... съ тѣхъ поръ никто болѣе ни церкви, ни креста не видалъ; а только послѣ сильной бури озеро выкидываетъ на берегъ, что выбьетъ водой изъ потонувшаго села, со дна озера: черепья, ночвы, деревянныя ложки, берестянки, туески, обечайки. А изо всего села этого никто не спасся, ни одна душа, кромѣ этой дѣвочки.

XXXVI.

УДАВЛЮСЬ, А НЕ СКАЖУ.

—

Такая бѣда припала, говорилъ полтавскій казакъ своему товарищу, выколачивая коротенькую люльку о каблукъ: — такая бѣда, что хоть плачь: тутъ подай да подай, и передышки не даютъ, чтобъ были къ Покрову; а гдѣ ихъ у чорта возьмешь?

— Не поминай его, сказалъ другой: — нехорошо....

— Ничего, перебилъ первый: — меня чортъ не обманетъ: я про него молитву знаю; за то, братъ, ты ужъ никогда не услышишь, чтобъ я ругался, и не терплю за то москалей, что они ругаются. А бѣда, казаче, хоть волкомъ вой.

— Да, вѣдь, у тебя никакъ было еще карбованцевъ съ десятокъ за Семеномъ Могарычемъ, съ весны, когда онъ у тебя воловъ купилъ?

— Э, вотъ тото, братъ, что въ копнахъ не сѣно, въ потравѣ не хлѣбъ, а въ людяхъ не деньги! Семенъ Могарычъ себѣ на умѣ, не отдаетъ — что съ нимъ дѣлать станешь? говоритъ: подожди.

— Экой старый хрѣнъ, Богъ его суди! Да у него жъ денегъ до чорта, сказалъ второй казакъ, позабывъ увѣщаніе свое не поминать его, и, опомнясь, плюнулъ: — да

да у него, Господи прости, цѣлая скрыня деньгами набита!

— А что жъ съ нимъ дѣлать станешь, продолжалъ первый — мы въ его скрыню не полѣземъ; не отдаетъ, да и полно, говоритъ: нѣтъ теперь. Ужъ это такой человѣкъ, самъ ты знаешь, кремень — его не разжалобишь:

— Экой не добрый Семенъ.... о, да хитрый же старикъ: вѣдь, что ты думаешь, для чего онъ не отдаетъ тебѣ денегъ? Вѣдь, это онъ все дѣлаетъ, чтобъ люди не знали о деньгахъ его; хочетъ, чтобы его считали бѣднякомъ; чтобы говорили: вотъ какіе тяжелые года, всѣмъ тошно, всѣмъ душно: вотъ и сердяга Семенъ Могарычъ извелся совсѣмъ: семья большая, всѣхъ кормить надо, одѣть надо, — а тутъ подушное; и не стало силъ, и не оплачиваетъ. Видно, нѣтъ у него ничего въ залишкѣ, видно, люди все врали.... вотъ чего онъ хочетъ, да! Ну, съ Богомъ! прощай, братъ, прощай! пора и намъ за свое дѣло приниматься.

Потолковавъ такъ о Семенѣ Могарычѣ и о своей бѣдѣ, казаки разошлись; а Семенъ Могарычъ, между тѣмъ, сидѣлъ дома на хуторѣ своемъ, сидѣлъ на печи, покрякивалъ отъ дряхлости и нездоровья, особенно по ночамъ. Долговъ онъ не платилъ, семью свою кормилъ и одѣвалъ плохо и все отзывался нищетою. Молва считала Семена богачемъ; а онъ увѣрялъ, что такіе слухи распускаютъ злодѣи его. Оксана, жена его, плакалась на свою лихую годину и съ трудомъ только могла поддерживать домъ. Бывало жили они хорошо, зажиточно, какъ слѣдуетъ порядочнымъ хуторянамъ. Былъ скупъ Семенъ всегда, но въ мѣру, и, что было нужно, въ томъ не отказывалъ; а теперь чѣмъ болѣе сталъ старѣться и дряхлѣть, тѣмъ становился скрытнѣе, молчаливѣе, упрямѣе и скупѣе. «Семенъ! говоритъ она ему бывало: — Бога ты не боишься. Что ты дѣлаешь, куда ты деньги бережешь? — Какія у меня, у чорта, деньги, скажетъ онъ, отворотится и молчитъ, хоть она ему часъ голову грызи и разсказывай о томъ, какъ на него плачутся добрые

люди, которымъ онъ не платитъ долговъ; какъ дочери его, невѣсты на выходѣ, сидятъ по праздникамъ дома, потому что имъ стыднехонько въ люди показаться: ни кофточки, ни плахточки, ни хусточки, ни красныхъ черевичковъ.... Семенъ молчитъ какъ не живой, и даже не стонетъ, покуда Оксана не окончитъ свои причитанья, и тогда ужъ вздохнетъ и, если боль пересилитъ его, опять себѣ закрехтитъ. Ударитъ она руками объ полы, вздохнетъ и сама, и отойдетъ опять къ своему дѣлу.

Зиму всю Семенъ просидѣлъ на печи да кряхтѣлъ, и Оксана, хоть и видѣла, что старику плохо, утѣшала себя тѣмъ, что вотъ-де придетъ весна, потеплѣетъ, тогда дастъ Богъ-де ему полегшаетъ, авось отойдетъ. Тогда онъ придетъ опять въ свой умъ, можно будетъ и поговорить съ нимъ по старому, какъ бывало прежде, и заставить сдѣлать по домашности, что нужно. Но весна-красна пришла и стало время уже подходить къ Пасхѣ, которая была на тотъ разъ самая поздняя, а Семену не легче, только все хуже да хуже. Ужъ онъ третій мѣсяцъ не только съ мѣста не сходитъ, но ужъ и не сидитъ больше, все лежитъ — и лежитъ отворотившись отъ свѣта и добрыхъ людей, лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ Божьимъ иконамъ; а это какъ всякому извѣстно, примѣта самая дурная; значитъ, человѣкъ умретъ.

«Что я съ нимъ буду дѣлать? плакалась Оксана добрымъ бабамъ: — умираетъ совсѣмъ, вотъ помретъ на этой недѣлѣ, и до Святой не доживетъ, за грѣхи наши, а насъ сиротъ покинетъ и нагихъ и голыхъ, не скажетъ, гдѣ у него деньги, такъ и помретъ. Что мы тогда горемычные дѣлать станемъ? Вѣдь деньги-то у него зарыты гдѣ-то, ей-Богу; вотъ почему онъ сердечный и отъ долговъ своихъ отказывается и добрыхъ людей въ грѣхъ вводитъ, и скотинку изъ дому нужную продаетъ на домашнюю потребу, что деньги зарыты въ яму, самъ итти за ними не сможетъ, а намъ никому сказать не хочетъ; такъ и молчитъ.... Ужъ и сыновья

кланялись ему въ ноги разъ по десяти, и дочери руки цаловали, и я горемычная сколько разъ слезами обливалась— нѣтъ, молчитъ, какъ воды въ ротъ набралъ, не говоритъ ничего, развѣ только проворчитъ про себя: какія у меня, у чорта, деньги.... и опять лежитъ, ровно его нѣтъ.»—Вотъ сосѣдки, утѣшая Оксану, посовѣтовали ей приложить на ночь ломтикъ хлѣба къ ногѣ старика, подъ подошву, и послѣ дать собакѣ да поглядѣть, станетъ ли она ѣсть хлѣбъ этотъ. Коли станетъ ѣсть, то старику еще жить, а коли не станетъ, то, видно, ему умереть, и тогда-де надо подумать, что дѣлать и какъ быть.

Сдѣлала Оксана, что ее научили добрые люди, и пришла на другой день къ сосѣдкамъ вся заплаканная: не ѣстъ собака хлѣба — видно, старику умереть!

Посовѣтовались, потолковали и опять рѣшили итти къ попу, просить его помощи. Не сказавъ объ этомъ Семену, не смѣли привести попа, чтобъ не вышло хуже: принялись всей семьей уговаривать его, что, сохрани Богъ, умретъ безъ попа: большой грѣхъ будетъ. Долго Семенъ отговаривался, не надо, да и только; наконецъ кой-какъ уломали его, и сынъ тотчасъ поѣхалъ на село. Священнику ужъ напередъ разсказали все дѣло, дружно, всей силой, въ пять или шесть голосовъ, и просили усовѣстить старика, чтобы онъ денегъ своихъ на тотъ свѣтъ съ собою не уносилъ, сиротъ горемычныхъ не покидалъ въ бѣдѣ и нищетѣ, а сказалъ бы хоть кому нибудь одному, хоть старшему сыну, гдѣ у него схоронены деньги.

Будто нехотя Семенъ принялъ священника, кряхтѣлъ, жмурился, но, между тѣмъ, какъ христіанинъ, понималъ, что нужно исполнить этотъ долгъ, чтобы не погубить души своей и не покинуть нареканія на всю семью. Онъ кряхтѣлъ, стоналъ и отмалчивался, будто ему тяжело говорить, но таки волей-неволей далъ духовнику отвѣтъ и привѣтъ, въ немногихъ словахъ, и долженъ былъ сознаться, что у него, точно, есть деньги и что зарыты онѣ, для безопасно-

сти отъ недобрыхъ людей и отъ огня, въ лѣсу. Несмотря однакоже, на всѣ убѣжденія попа, Семенъ больше этого сказать не могъ или не хотѣлъ, а кончилъ тѣмъ, что обѣщался непремѣнно показать мѣсто на другой день либо на третій старшему сыну своему и подтвердилъ то же самому сыну этому и женѣ, когда панъ-отецъ позвалъ ихъ, чтобы обрадовать покаяніемъ и добрымъ расположеніемъ Семена. Вся семья радовалась и умилялась надъ этимъ счастливымъ событіемъ и благословляла священника за его доброе дѣло.

Пришелъ другой день, и день этотъ былъ день общей радости, веселья и празднества не только въ домѣ Семена Могарыча, гдѣ отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ — а потому и радость была не въ радость — но и по деревнямъ и селамъ, на всѣхъ хуторахъ, во всѣхъ концахъ и по всему лицу Россіи: это былъ день Свѣтлаго Воскресенья Христова.

Звонъ колоколовъ раздавался по чистому весеннему воздуху издалече, черезъ долы и пригорки; солнышко ярко освѣщало свѣжую зелень, легкій вѣтерокъ переносилъ и легкій паръ, и теплое дыханіе весны, и отдаленный звонъ изъ окружныхъ церквей, который слышался на уединенномъ, тихомъ хуторѣ Семена Могарыча. Онъ былъ дома одинъ: старъ и малъ, Оксана съ дочерьми и сыновьями, отправились къ заутренѣ, и, во уваженіе такого святаго праздника и добраго намѣренія старика, Оксана одѣла и убрала дочерей, какъ могла, и даже не упрекнула его ни разу тѣмъ, что у нихъ нечего надѣть.

Приходятъ всѣ домой, спокойные, довольные, хоть и не очень веселые, хоть, можетъ быть, и смутные; приходятъ въ умиленіи, что Богъ далъ дожить и имъ и отцу до такого святаго праздника и что отецъ раздобрился до нихъ, обѣщалъ наградить ихъ за долгое терпѣніе и смиреніе, указать, гдѣ у него лежатъ деньги; а смутные потому, что грустно было имъ подумать о томъ, въ какомъ положеніи

найдутъ они дома старика своего, доживетъ ли онъ до будущаго утра; робкіе, опасаясь, не отдалъ бы онъ Богу душу прежде, чѣмъ успѣетъ исполнить свое обѣщаніе, или не ослабъ бы до того, что уже не сможетъ этого сдѣлать, еслибъ и захотѣлъ.

Помолились еще разъ усердно Богу, разговѣлись, — а старикъ, собравшись съ послѣдними силами, не только опять сидѣлъ, чего давно не бывало, но даже, съ помощію сыновей, привсталъ было для молитвы на ноги. Скоро, однако же, онъ ослабъ снова, легъ, завернулся и укрылся тулупомъ своимъ и лежалъ какъ не живой. Немного погодя, домашніе стали посматривать на него, безпокоиться и перешептываться. Оксана подошла и стала осторожно смотрѣть въ лицо Семена, а Семенъ и самъ глядитъ на нее во всѣ глаза и молчитъ.

— Что жъ, Семенъ? сказала она: — радостный день пришелъ: сдѣлай, что ты обѣщалъ панъ-отцу, и Богъ тебя не оставитъ. Мы всѣ выйдемъ отсюда, оставимъ съ тобой одного старшаго, Опанаса: поговори съ нимъ, открой ему душу свою. Онъ у насъ замѣстъ отца, пусть онъ одинъ и знаетъ, что есть у насъ и гдѣ оно лежитъ....

Семенъ помолчалъ, вздохнулъ, приподнялся самъ, безъ всякой помощи и, сидя, сказалъ твердымъ голосомъ, какъ давно уже не говаривалъ:

— Запрягайте мнѣ гнѣдка въ повозку, да скорѣе.

Сыновья, услышавъ это, бросились, обрадованные, исполнить отцовское приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что лошадь готова. Они оба стояли передъ отцомъ, ожидая приказаній его и полагая, что онъ велитъ одному изъ сыновей ѣхать, сказавъ, гдѣ и что искать.... но Семенъ посмотрѣлъ на всѣхъ, вздохнулъ, спустилъ ноги наземь и сказалъ твердымъ голосомъ: «подайте мнѣ чоботы, поясъ и шапку.... и свиту новую подайте....» Не смѣли отъ изумленія ни спорить съ нимъ или уговариватъ его, ни даже спрашивать, что онъ хочетъ дѣлать, а подали

ему одѣться. Онъ самъ натянулъ свои чоботы, всталъ на ноги, надѣлъ свиту, подпоясался, надѣлъ шапку и твердымъ шагомъ, молча, пошелъ къ дверямъ.... Оксана испугалась, бросилась къ нему, стала спрашивать и уговаривать, но онъ отвѣтилъ только: «а ну прочь, я самъ поѣду», и вышелъ на дворъ. Сыновья вышли за нимъ, также въ шапкахъ, полагая, что отецъ кому нибудь изъ нихъ велитъ съ нимъ ѣхать; но отецъ все молчалъ, молча сѣлъ въ повозку и молча взялъ въ руки возжи.

— Господи! что это будетъ? проговорила Оксана: — вѣдь, ты одинъ не справишься, сохрани Богъ, съ тобою бѣда какая.... и принялась уговаривать мужа взять съ собою одного изъ сыновей,

Семенъ, молча, какъ будто кивнулъ головой. Остапъ вскочилъ на повозку, лошадь тронулась: но въ воротахъ Семенъ громко закричалъ: стой! и велѣлъ сыну сойти. «Не надо, говорилъ онъ: — не хочу; одинъ поѣду.» Никакое убѣжденіе не могло заставить его взять съ собою кого бы то ни было. Проговоривъ еще разъ: «не хочу, одинъ поѣду», онъ отправился въ путь. Всѣ домашніе вышли за нимъ слѣдомъ за ворота, кто просто дивился, кто напутствовалъ старика благословеніями. Такъ онъ въ тѣлѣжкѣ перевалился черезъ горку и скрылся. Никто не посмѣлъ итти за старикомъ, который по временамъ оглядывался, и Остапъ подумалъ только про себя: «видно, деньги, какъ и люди говорятъ, и вправду зарыты въ терновой балкѣ: отецъ въ ту сторону поѣхалъ.»

Прошло нѣсколько часовъ. Пора ужъ и обѣдать; а Семена нѣтъ. Оксана стала крѣпко безпокоиться и наконецъ послала сыновей искать отца, не случилось ли чего съ нимъ. «Вѣдь, онъ совсѣмъ умиралъ, и Богъ его знаетъ, какъ ему вдругъ полегшало и отпустило, и сѣлъ и поѣхалъ себѣ, какъ здоровый....»

Сыновья воротились вечеромъ, пройдя всю терновую балку, но ни отца, ни лошади съ повозкой не нашли. Въ

домѣ поднялась тревога и сошлись сосѣди изъ двухъ близкихъ хуторовъ. Что дѣлать? Куда итти искать отца?

Вдругъ, кто-то увидалъ лошадь съ пустой телѣгой, скакавшей поперекъ степи и поля къ дому, совсѣмъ не съ той стороны, куда отецъ поѣхалъ. Кинулись встрѣчу: въ телѣгѣ свита, и поясъ, и шапка семеновы, и кнутъ; а его самого нѣтъ. Разсчитавъ, что лошадь, вѣрно, ближайшимъ путемъ пришла домой, всѣ пошли гурьбой прямо по этому направленію и разсыпались съ ауканьемъ по небольшому лѣсистому овражку, верстахъ въ двухъ отъ хутора.

Уже смерклось. Люди прошли почти весь лѣсокъ, не найдя ничего; вдругъ, одинъ остановился и сталъ кричать не своимъ голосомъ, сзывая прочихъ.... передъ нимъ на деревѣ висѣлъ старикъ Семенъ. Не могши ни отдѣлаться отъ докуки и настояній семьи своей, ни разстаться со своимъ кладомъ, онъ удавился. Удавиться ему было легче, чѣмъ показать обнищавшему семейству своему, гдѣ у него зарыты деньги.

XXXVII.

РАКИТА.

—

Въ Глуховскомъ уѣздѣ, на самой границѣ Орловской и Черниговской губерній, стоитъ, надъ большой дорогой, одинокая ракита.... Проѣзжіе крестьяне смотрятъ на нее съ умиленіемъ и страхомъ, иной даже мимоходомъ снимаетъ шапку и крестится. «Ракита эта полита невинною кровью, оттого она и шумитъ такъ, сказалъ ямщикъ, котораго я спросилъ, отчего онъ, глядя на нее, перекрестился: — эта ракита выдала душегубца, услышавъ плачъ праведнаго, и сотворила безсловесный судъ!»

«Наши орловскіе мужики, продолжалъ ямщикъ: — ходятъ подъ Глуховъ на работу: жнутъ, молотятъ, косятъ. Временемъ бываютъ у нихъ заработки хорошіе; а какъ иному не задастся, либо кто больно обрадуется вольному вину, которое тамъ дешево, тотъ придетъ ни съ чѣмъ. А ни съ чѣмъ-то притти досадно. Вотъ инаго зависть-то и мучитъ; а одного, вишь, и грѣхъ попуталъ.

На селѣ у насъ были два парня, оба хорошіе ребята, а ужъ одинъ, Андрей, душа — человѣкъ. И работящій, и смышленый, не то чтобы развѣсивъ уши ходилъ, и работа у него подъ руками горитъ; подушныя уплачивалъ всѣ

сполна, хоть и было ему тяжеленько: три души на нихъ, а все малый да старый, и работникъ онъ одинъ. Другой, Филиппъ — такъ бы ничего себѣ, парень здоровый, и коса изъ рукъ не валилась, да мотоватъ маленько, и ужъ мы всѣ его знали, что куда охочъ былъ погулять: ничего не пожалѣетъ, а и пуще того, коли гдѣ замѣшаются дѣвки.

Вотъ Филиппъ-то и ходилъ одно лѣто на заработки къ сосѣдямъ нашимъ, къ хохламъ, да и воротился, какъ пошелъ, въ лаптяхъ да въ зипунишкѣ, а за пазухой ничего. Вотъ ужъ онъ тутъ какъ ни придумывалъ, какъ ни отвирался дома, а ужъ извѣстно, этихъ концовъ не схоронишь: знать было по всему да и слухи прошли послѣ объ этомъ, что просто гулялъ да и прогулялъ все. Старику стало не подъ силу, его за подушное потянули на расправу, а сынъ-то гляди да казнись.

На другое лѣто Филиппъ опять пошелъ на работу съ косой, а отецъ крѣпко ему наказывалъ, чтобъ приносилъ деньги сполна, не то бѣда ему будетъ; не стану; говоритъ, больше за тебя отвѣчать, самъ тогда ступай въ волость и раздѣлывайся. Теперь я послѣднюю корову продалъ — на меня не надѣйся; а ты учись да казнись, глядя на Андрея: тотъ всю семью кормитъ и оплачиваетъ; а ты что? Иди же съ Богомъ съ нимъ вмѣстѣ, да смотри; чтобъ принесъ ты не меньше его!

Не въ порвый разъ упрекали Филиппа Андреемъ, и ему это было досадно. Собрались они вдвоемъ и пошли вмѣстѣ, и отецъ Филиппа еще таки проситъ Андрея и въ поясъ ему кланяется: сдѣлай милость, братецъ, побереги у меня сына да не давай ему гулять; вотъ тебѣ при добрыхъ, стороннихъ людяхъ всю отцовскую власть надъ нимъ отдаю въ руки: бей его, учи его да, пожалуста, держи въ рукахъ, чтобъ не моталъ.

Пошли. Извѣстное дѣло, что жъ одинъ молодой парень сдѣлаетъ надъ другимъ, хоть бы вотъ и въ глазахъ его

сталъ дурить? Ну, скажетъ ему разъ, другой — добро послушается, а нѣтъ, такъ что онъ надъ нимъ сдѣлаетъ?

Андрей скоро нашелъ себѣ работу, да тутъ и остался; его ужъ знали въ околоткѣ тамъ, что эдакаго косца поискать. Филиппъ пошелъ дальше въ сторону, какъ говорилъ, къ знакомому хозяину, а по пути думалъ еще собрать кой-какіе должишки: а онъ, какъ лѣтось загулялъ да растрясъ всѣ денежки, такъ и въ займы давалъ, а о томъ не думалъ, каково будетъ собирать ихъ: берутъ руками, отдаютъ ногами.

Прошло лѣто, кончились покосы, пора и домой. Вотъ Андрей только что сталъ собираться, глядь, и Филиппъ тутъ.

— Здравствуй, братъ!

— Здорово.

— Что, какъ живешь?

— Ничего, слава Богу; ну, а ты?

— Да и я тоже, — и замолчалъ.

А у него такое тоже, что нѣтъ опять ни гроша. Заработалъ ли, нѣтъ ли, а за воротъ спустилъ довольно; а тамъ полъ-лѣта прошатался по жидамъ, долги собиралъ — одного не собралъ, другое растерялъ, и остался ни съ чѣмъ.

На прощанье хозяинъ Андрея накормилъ ихъ обоихъ, по тамошнему, и вина поставилъ. Одинъ не пьетъ, такъ другой не прольетъ. Поѣли, встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли въ путь.

Вотъ Андрей и сталъ говорить, что-де домой придемъ, денегъ принесемъ, подушное уплатимъ, да съ Богомъ и женимся: пора. И взяла тутъ кручина Филиппа, и сталъ онъ спрашивать Андрея, по правдѣ, сколько денегъ онъ принесетъ домой.

— Сотенку принесу.

— Вправду такъ?

— Да какже не вправду, коли она вотъ у меня, тутъ, бумажникъ на гайтанѣ; а у тебя много ли?

— Чего, братъ, много ли, и всего-то цѣлковыхъ съ два остались; да и тѣ, видно, на грѣхъ уцѣлѣли.

— Какъ такъ, Филиппъ?

— Да такъ; больше нѣтъ, а и этихъ, видно, беречь некуда; ими дѣла не управишь. Жиды обманули, должка не заплатили; и хозяинъ, говоритъ, не отдалъ денегъ, велѣлъ на тотъ годъ опять приходить; а тамъ работы не нашелъ, да еще нездоровилось что-то....

— Эхъ, братъ Филя, видно, самъ ты себя обманываешь, а не жиды. Плохо же, братъ, дѣло наше. Что теперь отецъ твой скажетъ, а что скажутъ въ волости, и что всѣ добрые люди? А подушное-то кто заплатитъ? Опять за тебя отца на расправу потянутъ.... плохо, братъ!

— Ужъ не зимовать же мнѣ тутъ, сказалъ Филиппъ: — не миновать того, что домой итти. Что будетъ, то будетъ.

А лукавый и сталъ мучить Филиппа: молчитъ все да думу думаетъ; что ближе подходятъ, то страшнѣе ему домой показаться, а и пуще вмѣстѣ съ Андреемъ, который несетъ домой бумажникъ. Вотъ и сталъ онъ приставать къ нему: подѣлись, говоритъ, дай взаймы половину — я отдамъ!

— Дурака ты нашелъ, говоритъ ему Андрей: — чтобъ я тебѣ трудовыя денежки свои взаймы отдалъ. Тутъ плясовыхъ да бражныхъ нѣтъ ни копѣйки, все трудовыя да потовыя. Братъ–не–братъ, говорится, а въ мой горохъ не лѣзь: что у тебя руки, то и у меня, всякъ на себя работалъ. У меня тоже отецъ дома и семья.

Прошли они еще сутки трои либо четверы вмѣстѣ, подошли уже къ самой границѣ своей губерніи и сѣли вмѣстѣ отдыхать подъ эту самую ракиту, поѣли хлѣбца, запили водицей, помолились и уснули. Филиппъ первый проснулся и глядитъ на товарища: спитъ. Оглянулся Филиппъ кругомъ: все пусто, глухо, никого не видно; глянулъ опять на Андрея, у котораго сто рублевъ за пазухой, привсталъ на колѣнце, взглянулъ на себя, будто чего ищетъ; нѣтъ ничего, нечѣмъ и извести бѣднаго Андрея....

Однако, видно, сатана находчивъ: Филиппъ закинулъ Андрею на шею опояску, насѣлъ на него и задушилъ....

— Богъ тебѣ судья, прохрипѣлъ Андрей на отходѣ: — нѣтъ тутъ свидѣтеля, а вотъ ракитовый кустъ этотъ видитъ насъ, и онъ заговоритъ, а злодѣйство твое изобличитъ....

Прошло года два. Андрей пропалъ безвѣсти, и никто на Филиппа не думалъ, никакого оговора на него не было. Филиппъ не вдругъ выказалъ деньги, а тамъ женился и зажилъ домкомъ. Сталъ онъ торговать по мелочамъ, какъ не охотникъ до крестьянскихъ работъ, и люди знали, что тесть у него человѣкъ съ достаткомъ, изъ другой деревни, такъ никто и не дивился, что сталъ Филиппъ разживаться.

Вотъ на праздникахъ у женниныхъ родныхъ, сватовъ и сватьевъ Филиппа, была какая-то погулка. Принарядившись, онъ сѣлъ съ женою на телѣжку и поѣхалъ туда. Дорога, до поворота, была та самая, по которой Филиппъ съ Андреемъ хаживали въ Глуховъ. Увидавъ одинокую ракиту, Филиппъ и вспомнилъ прошлое, бѣдность свою и богатство работящаго Андрея, которое его столько мучило завистью, а теперь, подумалъ онъ, что мнѣ Андрей, а я вотъ мужикъ съ достаткомъ. Подумавъ это, Филиппъ и поглядѣлъ на ракиту, усмѣхнулся, а тамъ у него и сорвалось съ языка: «что молчишь? говори — не боюсь!»

— Кто молчитъ? Чего не боишься? спросила хозяйка.

— Нѣтъ, ничего. Я такъ, про себя.

Однакожъ, Филиппъ что-то долго не сводилъ глазъ съ ракиты, покуда не проѣхалъ ее, а тамъ опять усмѣхнулся и махнулъ рукой. Хозяйка смѣтила это и пристала къ нему:

— Скажи да скажи, чего ты глядѣлъ на ракиту? Что у тебя тутъ было? Видно-де одной только женѣ и нельзя этого сказывать? Скажи, сдѣлай милость, голубчикъ! Не скажешь, такъ ей-ей всѣмъ людямъ буду говорить про это дѣло, буду стыдить тебя.... Ну, пристала безотвязно, какъ бабы пристаютъ. Либо Филиппъ, на праздникъ ѣдучи, ужъ хмѣленъ

былъ; либо не зналъ еще, что не всякую правду велятъ женѣ сказывать, а хозяйка кончила таки тѣмъ, что свое допыталась.

— Молчи, говоритъ, дура, экъ загорѣлось! Андрей-то тутъ, подъ ракитой, дѣло прошлое, я его въ тѣ поры тутъ уходилъ, а онъ послался на нее, на ракиту, что она выдастъ меня. Ну, я теперь, глядя на нее, и разсмѣялся: стоитъ какъ стояла, а ужъ вотъ четвертый годъ пошелъ тому дѣлу.... Да, смотри, молчи!....

Пріѣхали они вмѣстѣ къ женниной роднѣ на пиръ, гуляли весь день, до вечера. Тутъ хозяйка Филиппа, хоть и сама хмѣльная, да еще въ памяти, вспомнила, что пора домой, къ малымъ дѣткамъ; притомъ и хозяинъ ея ужъ крѣпко подгулялъ и нѣсколько разъ принимался буянить, и она, зная его обычай, видѣла, что и его до грѣха надо везти домой. Филиппъ и слышать этого не хочетъ: въ охотку разгулялся. Она пристала къ нему, сперва стала просить, тамъ перебраниваться съ нимъ, а наконецъ подошла и стала тащить его, напустившись бранью, какъ горохомъ. Мужъ не стерпѣлъ такой обиды, что при чужихъ людяхъ жена вздумала имъ такъ помыкать; къ тому жъ, у него въ головѣ дуракъ сидѣлъ: онъ и принялся ее колотить да сволокъ съ головы платокъ и потащилъ ее за космы. Она, вырвавшись отъ него, простоволосая, со злости ужъ и себя не помнила; принялась кричать и браниться и попрекать мужа всѣмъ, что могла насчитать и припомнить, проговорилась: что-де ты мошенникъ, эдакой, и меня убить хочешь, какъ Андрея, котораго зарылъ подъ ракитой....

Слово не воробей: вылетитъ — не поймаешь. Всѣ люди слышали, что Филиппова хозяйка сказала, пошла молва. Пошелъ говоръ на весь міръ: вотъ ихъ и потянули къ допросу. Сперва оба, опомнившись, стали зарекаться: знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ; а какъ пошли съ понятыми подъ ракиту, да вырыли кости бѣднаго Андрея, и шляпу

и кафтанъ его признали, такъ Филиппу некуда дѣваться стало, хоть объ стѣну головой. Филиппа сослали, а ракита стоитъ, говорятъ, и понынѣ по глуховской дорогѣ, и народъ, проѣзжая мимо, крестится и творитъ молитву за душу Андрея.»

XXXVIII.

ЗАЙМЫ.

—

— А я къ тебѣ, любезный Костроминъ. Послушай, душа моя, сдѣлай милость, дай мнѣ пятьдесятъ рублей до перваго числа; очень-нужно, ей-Богу; то-есть вотъ нѐ на что овсеца купить верхòвому своему, да сѣнца; нѐчѣмъ заплатить проклятому жиду, а онъ не даетъ покоя и ужъ два раза жаловался полковнику. Ей-Богу, такая бѣда! Пожалуста, не откажи.

Костроминъ стоялъ молча, не зная чтò отвѣчать; онъ думалъ только про-себя «чтò я за сума — дай пить и ѣсть, что долженъ раскошеливаться каждый разъ, когда кто-нибудь въ полку проиграется или безпутно прокутитъ жалованье свое и послѣ ходитъ, грызетъ ногти и ищетъ дурака?..»

— Ну, послушай же, продолжалъ первый; — дай хоть сорокъ, хоть, наконецъ, тридцать-пять: ей-Богу, до зарѣзу нужно....

— А подумаешь ли ты о томъ, что ихъ надобно отдать? спросилъ, задумавшись, Костроминъ.

Товарищъ очень обидѣлся этимъ вопросомъ; спросилъ, въ свою очередь, за какого подлеца тотъ его принимаетъ;

призывалъ въ поруки честь свою, благородное слово; опять упрекнулъ Костромина за крайне-обидное, неприличное слово, и опять, надувъ нѣсколько губы и покраснѣвъ въ лицѣ, сталъ божиться и заклинаться и спрашивать настойчиво:

— Да неужто жъ ты мнѣ не вѣришь? Такъ, послѣ этого, ты самъ стóишь того, чтобъ тебя обругать... За кого жъ ты меня принимаешь?

Костроминъ досталъ деньги, отдалъ ихъ молча, и товарищъ отправился; сказавъ нѣсколько-сухо и съ разстроеннымъ видомъ:

— Спасибо; непремѣнно отдамъ.

Оставшись одинъ, Костроминъ горько улыбнулся. «Экой я казначей!» сказалъ онъ, покачавъ головой: «и откуда только берется такая судьба человѣка, какъ моя? Доходовъ, кромѣ жалованья, ни одного гроша; коли отъ трети до трети есть остаточки да маленькій запасецъ, накопленный въ нѣсколько лѣтъ, то это не отътого, конечно, чтобъ я получалъ болѣе другихъ, а отътого только, что я не пью, въ карты не играю, безпутно ничего не проживаю.... За чтó же мнѣ вѣчно оплачивать глупости другихъ? За что же тотъ, кто безстыднѣе и наглѣе, проживаетъ чужое? У насъ есть такъ-называемые богачи, которые получаютъ изъ дому вдвое и втрое противъ жалованья, одинъ даже вдесятеро болѣе, но никому и въ голову не придетъ идти къ нимъ за деньгами, они отъ этихъ докукъ свободны; напротивъ, они-то первые обираютъ нашего брата-бѣдняка, и у нихъ-то память на это дѣло всего короче. Попытайтесь напомнить имъ о должкѣ, если только это не карточный долгъ, и они готовы стрѣляться съ вами за эту обиду. Взято, такъ взято, а благородство дворянина и особенно честь офицера требуютъ, чтобъ несчастный заимодавецъ, дуракъ этотъ, раболѣпно молчалъ, или товарищески прикусилъ языкъ и не поминалъ стараго, а припасалъ, на случай нужды, новое.... Вѣдь не о деньгахъ рѣчь, а объ этой подлости лю-

дей, которые хотятъ слыть примѣромъ честности и благородства!»

«Да онъ отдастъ» сказалъ самъ себѣ безсознательно Костроминъ, и оглянулся, будто это проговорилъ кто другой, и, рѣзко покачавъ головой, самъ же себѣ отвѣчалъ: «Кто? онъ отдастъ? Да если онъ отдастъ въ срокъ, если онъ отдастъ добромъ, безъ ссоры, наконецъ — да̀, и на это согласенъ — если онъ вообще когда-нибудь самъ вспомнитъ о долгѣ этомъ и отдастъ его, то я готовъ позволить сдѣлать надъ собою что̀ угодно.... И не въ томъ дѣло, впрочемъ, не въ этихъ тридцати-пяти рубляхъ, хотя они, при четырехъ сотняхъ всего содержанія, также не бирюлька, но не въ томъ дѣло, и пожалуй даже не въ томъ, что такихъ расхожихъ рублей, изъ которыхъ составляются десятки и сотни, у меня считается въ бѣгахъ.... да сколько.... сотни четыре, годовой окладъ — а вотъ въ чемъ дѣло: для чего это такъ на свѣтѣ бываетъ, зачѣмъ все это такъ устроено, что всегда невинный отвѣчаетъ за виноватаго, всегда наглость и безстыдство берутъ верхъ, а скромный, благонамѣренный и тихій человѣкъ, который не умѣетъ даже сказать такую простую и простительную ложь, какъ, напримѣръ: у меня нѣтъ денегъ, что такой человѣкъ долженъ страдать за товарищей своихъ, негодяевъ....»

«Кончено!» сказалъ Костроминъ, ударивъ кулакомъ въ столъ и вскочивъ съ мѣста: «дудки! меня больше не подденешь! Это было послѣднее мое дурачество. Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, за банкиръ? Не дамъ никому ни рубля: и лгать не стану, а скажу прямо, безъ обиняковъ, что не дамъ. Для чего и для кого же я коплю и сберегаю? Для удовольствія картежника, который, въ чаду своего безпутства, спускаетъ въ одну минуту и на одну карту болѣе, чѣмъ я въ-состояніи накопить въ круглый годъ? Для бахвала, который обливаетъ кислымъ донскимъ виномъ столы и стулья и платитъ за него какъ за шампанское, лишь бы этому были свидѣтели и сводили замѣчательный счетъ бу-

тылкамъ? Для распутнаго негодяя, который.... Словомъ, кланяюсь всѣмъ имъ. Лучше я раздамъ рубли эти бѣднякамъ, или поправлю на нихъ два-три хозяйства разорившихся по несчастью крестьянъ — словомъ, и лгать не стану, да и держать не стану денегъ, ни лишняго гроша: я имъ лучше самъ протру глаза.»

Костроминъ надѣлъ сюртукъ, взялъ фуражку, вышелъ на улицу и отправился прямо къ одному крестьянину, о которомъ онъ на-дняхъ слышалъ. Удостовѣрившись на мѣстѣ, что въ семьѣ, гдѣ числилось семь душъ, былъ одинъ только работникъ, потому-что одинъ былъ отданъ въ рекруты, другой померъ, третій калѣка и сидѣлъ сиднемъ на печи, четвертому минуло семьдесять лѣтъ, а пятому и шестому было по пяти и по шести лѣтъ отъ-роду; удостовѣрившись также, что единственный работникъ и хозяинъ двора этого былъ мужикъ довольно-порядочный, потерявшійся только отъ удручавшихъ его несчастныхъ обстоятельствъ, Костроминъ тотчасъ же распорядился: заплатилъ за него по мелочамъ цѣлковыхъ десять долгу, внесъ за него столько же подушныхъ и недоимочныхъ по земскимъ повинностямъ, выкупилъ недавно-проданную имъ послѣднюю коровку и купилъ ему еще дешевенькую крестьянскую лошадку.... «Я знаю» говорилъ онъ, «что, по мнѣнію опытныхъ хозяевъ, такъ дѣлать не должно, и что, по мнѣнію ихъ, подобные несоразмѣрные подарки мужику въ прокъ не пойдутъ. Посмотримъ: пропадать деньжонкамъ моимъ, такъ пусть же онѣ пропадаютъ такимъ образомъ, а не за безпутными гуляками. «Крестьянинъ, при такомъ неожиданномъ переворотѣ, ровно одурѣлъ: онъ плакалъ и смѣялся, ходилъ слѣдомъ за благодѣтелемъ своимъ, кланялся и носилъ шапку свою, какъ пугало, на кулакѣ. Баба его, женщина еще молодая, но изнуренная, не могла доискаться слова: она только крестилась и кланялась каждый разъ, когда нежданный благодѣтель проходилъ мимо нее или приближался. Костромину самому смѣшно было, если

онъ среди распоряженій своихъ вспоминалъ, по какому поводу онъ внезапно сдѣлался столь ревностнымъ покровителемъ несчастныхъ. «Успокойтесь, друзья мои» думалъ онъ: «это, къ-сожалѣнію, не на долго; бумажникъ мой скоро опустѣетъ; а то, что̀ было въ немъ, накопилось въ-теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Я думалъ, что оно пригодится мнѣ, еслибъ я вздумалъ съѣздить въ отпускъ, или когда бъ я.... когда бъ я вздумалъ жениться; но это все, какъ я вижу, однѣ мечты: годъ за годомъ уходитъ, добрые товарищи меня обираютъ. Не дать, такъ и не жить съ ними; а лучше пусть нечего будетъ раздавать, такъ на̀ сердцѣ станетъ спокойнѣе.

— Не знаешь ли ты, спросилъ онъ мужика: — нѣтъ ли тутъ гдѣ по сосѣдству такого жъ бѣдняка, какъ ты? да чтобъ непьющій былъ мужикъ и работящій — понимаешь? такого, который обнищалъ отъ бѣды, отъ напасти, а не по своей оплошности?

Крестьянинъ повторялъ; «Понимаю; какъ же?» а междутѣмъ смѣялся сквозь слезъ, какъ дурачокъ, и повертывалъ шапку свою на кулакѣ. На этотъ разъ хозяйка его скорѣе опомнилась и дала толковый отвѣтъ: «Есть, батюшка, какъ не быть! богатыхъ-то не больно-много, а этакіе есть. Вотъ въ Сосницахъ, за горой, добрый мужикъ есть, Андреемъ зовутъ, такой же горемыка, сердечный, какъ и мы вотъ до тебя были; да еще и лошадку украли у него мошенники — такъ пропалъ совсѣмъ, вотъ хоть живому въ могилу ложиться.»

Костроминъ пошелъ домой, велѣлъ осѣдлать коня, поѣхалъ въ Сосницы и отъискалъ Андрея. Разузнавъ и тутъ все, что̀ было ему нужно, онъ вытрясъ запасный бумажникъ свой до самой подкладки. Весело улыбнулся онъ, когда увидѣлъ это и убѣдился, что на этотъ разъ по-крайнеймѣрѣ, пришелъ конецъ его страданіямъ. Онъ и этого крестьянина также выкупилъ изъ бѣды, купилъ ему тутъ же лошадь, новый сошникъ, тулупъ и сѣрмягу. Затѣмъ онъ

легко взвился на-лошадь и безъ оглядки пустился крупной рысью изъ сельца, объѣхалъ вкругъ лѣса, посмотрѣлъ на озеро, гдѣ бабы бродили бреднемъ и прятались отъ нежданаго и незванаго зрителя въ тростникъ, потомъ поворотилъ домой и въ самомъ веселомъ и беззаботномъ расположеніи сѣлъ у окна, съ трубкою и со стаканомъ чаю.

Не прошло двухъ недѣль, какъ офицеры собрались у одного изъ товарищей, гдѣ былъ и Костроминъ. Занимались, по обыкновенію, напущеніемъ другъ на друга пятидесяти-двухъ разбойниковъ; у одного изъ нихъ (не изъ разбойниковъ, то-есть, а изъ числа хозяевъ ихъ) былъ сдѣланъ самый вѣрный разсчетъ и слѣдовало убить семерку; но она обманула, не далась, и проигравшій съ отчаяннымъ изступленіемъ ударилъ себя въ лобъ...

— Быть не можетъ! нѣтъ, не можетъ быть! закричалъ онъ, подумавъ немного и повѣривъ въ безуміи своемъ какой-то безсмысленный разсчетъ, по которому онъ билъ на вѣрняка: — быть не можетъ, семерка должна мнѣ воротить все. Атанде, господа!

Онъ вскочилъ и оглядывался, у кого бы занять рублей двадцать-пять для ставки на вѣрнякъ. — Костроминъ, дай ради Бога! не откажи. Клянусь...

— У меня, братъ, нѣтъ, ниже зелененькой; я и самъ до жалованья сижу безъ оныхъ.

— Да дай же, братецъ, пожалуста! продолжалъ тотъ съ такимъ негодованіемъ, будто самъ отбивался силою отъ какого-нибудь докучливаго нахала: — дай, пожалуста; ты видишь, что тутъ дѣло вѣрное: семерка дастъ соника — не бось, твое не пропадетъ — я отвѣчаю!

— Послушай, сказалъ, Костроминъ: — вѣдь, вотъ ты же требуешь, чтобъ я твоему слову вѣрилъ; вѣрь же и мнѣ: я никогда и никого изъ товарищей не обманывалъ; у меня нѣтъ денегъ, и именно нѣтъ за душой ни пяти рублей.

— Помилуй, братецъ! началъ тотъ: — у тебя нѣтъ денегъ! да это курамъ смѣхъ; да куда же ты ихъ дѣвалъ?

— Куда дѣвалъ — это мое дѣло; довольно того, что ихъ нѣтъ.

— Вѣрно на какой-нибуть вздоръ издержалъ сказалъ тотъ, съ горькимъ упрекомъ — а вотъ когда добрые товарищи въ нуждѣ, въ крайности, когда иному до зарѣзу нужно, такъ и нѣтъ....

Костромину, который былъ въ самомъ спокойномъ расположенiи и нисколько не сочувствовалъ рьяному порыву горячаго товарища, выходка эта показалась очень-забавною; онъ улыбнулся молча; кой-кто изъ прочихъ собесѣдниковъ также разсмѣялся; но на этотъ разъ дѣло этимъ кончилось, и семерка не дала ничего. Черезъ нѣсколько дней, однакожъ, опять кто-то навѣдался къ полковому.... банкиру, чтó ли: иначе я его и назвать не умѣю, хотя и банкиры не даютъ обыкновенно взаймы безъ отдачи, и навѣдался по крайней надобности въ деньгахъ. Костроминъ поздравлялъ себя отъ души, что отъ чистаго сердца и съ спокойною совѣстью можетъ сказать: «нѣтъ ни копейки,» и, разумѣется, остался при этомъ отвѣтѣ. На вопросы: «отчего же нѣтъ и какъ нѣтъ?» онъ отвѣчалъ пожимая плечами; но видно было по всему, что ему не вѣрили. «Костроминъ прижался, братцы» стали поговаривать: «обратился въ жидовскую вѣру, сталъ копить не нашутку.... «Отчего же никто не вздумалъ упрекать тѣхъ, которые получали втрое болѣе Костромина, а проживали по-крайней-мѣрѣ вшестеро болѣе и, конечно, также, никому не давали взаймы ни мѣднаго гроша?

Прошло еще недѣли двѣ-три, и внезапно сказанъ былъ походъ. Суматохи было много, потому-что вѣсть эта многихъ застала врасплохъ. Доселѣ везла и не везла семерка, а теперь надо было устроиться такъ, чтобъ повезли верховыя и вьючныя лошади, надо было подняться и идти.... И опять прибѣгаетъ вечеромъ къ Костромину одинъ изъ такъ-называемыхъ товарищей, человѣкъ женатый, семейный, но человѣкъ, любившiй кутнуть по походному и по-

военному, человѣкъ, который, не взирая на свои 35 лѣтъ и на четверочку ребятишекъ, неминуемо пускалъ каждый грошъ ребромъ и копѣйку козыремъ.... человѣкъ, который выходилъ на цѣлый день со двора, когда дома нечего было ѣсть, безъ труда прикидывался веселымъ холостякомъ и добродушно забывалъ о живой женѣ и дѣтяхъ.... «Ну Костроминъ,» сказалъ онъ: «какъ хочешь, а дай мнѣ сто рублей. Воля твоя, а я безъ этого отъ тебя не выйду; я въ такомъ отчаяніи, что готовъ не знаю что надъ собою сдѣлать. Вообрази: тутъ выступать, а тутъ семья на шеѣ, а денегъ — вотъ хоть шаромъ покати, ни гроша. Я былъ у всѣхъ, обошелъ кругомъ.... Я знаю, что ты зарекся теперь и не даешь никому, да ужъ какъ хочешь, братъ, а не даютъ и другіе: нѣтъ ни у кого, вотъ таки будто самъ сатана въ мѣшкѣ вынесъ всѣ деньги изъ цѣлой округи — нигдѣ нѣтъ; хочешь-не-хочешь, а дай. Вотъ божусь тебѣ, клянусь тебѣ всѣмъ, и женой и дѣтьми, какъ-только получу первыя деньжонки — ѣсть, пить не стану, а тебѣ принесу, отдамъ.... А тутъ еще назначили меня, Богъ-вѣсть съ чего, квартирьеромъ: я завтра со свѣтомъ выступаю, а семья моя сидитъ, и хоть лобъ взрѣжь, не знаю, какъ имъ подняться....

Можно себѣ вообразить, какъ пріятна была для квартирьера вѣсть, что онъ не получитъ ни пятидесяти копѣекъ, что и самъ банкиръ въ нуждѣ, не приготовясь къ этому нечаянному походу, и что запасъ его давно истощился. Несмотря ни на какія просьбы и убѣжденія, которыми разсчетливый хозяинъ и добрый отецъ семейства истомилъ бѣднаго Костромина, этотъ не могъ дать ничего, потому-что у него не было даже необходимаго для похода и онъ самъ нуждался. Посѣтитель ушелъ въ раздумьи и на крыльцѣ сказалъ вполголоса: «Подлецъ! вотъ подлецъ! а туда же хочетъ слыть порядочнымъ человѣкомъ!»

На другой день, вечеромъ, деньщикъ квартирьера при-

шелъ къ Костромину съ просьбой, чтобъ онъ пожаловалъ къ барынѣ.

— Что жъ тамъ у васъ?

— Не могу знать. Баринъ со свѣтомъ сегодня уѣхалъ; барыня собираются завтра съ полкомъ, а сегодня видно васъ поджидали....

— Да зачѣмъ же меня?

— Не могу знать-съ.

Костроминъ подумалъ, что, въ отсутствіе мужа, Марьѣ Ивановнѣ легко могла встрѣтиться какая-нибудь надобность въ помощи, взялъ фуражку и отправился.

Походное семейство квартирьера готовилось въ походъ. Вездѣ укладывались мѣшки, сундуки и чемоданы; фургонъ былъ выдвинутъ на средину двора, деньщикъ похаживалъ вокругъ него и поколачивалъ; дѣти бѣгали въ походныхъ платьицахъ; дорожная старая шляпка, мѣшокъ, ключи и другія принадлежности лежали на столѣ, а Марья Ивановна, молодая, благовидная женщина кроткой наружности, сидѣла сложа руки на диванѣ и смотрѣла на все это съ выраженіемъ какой-то грусти. Она поклонилась Костромину съ улыбкой и какъ-будто затруднилась нѣсколько въ отвѣтѣ, когда онъ спросилъ, что́ ей угодно. Она посмотрѣла на него въ какомъ-то недоумѣніи и, привѣтливо улыбаясь, сказала: «Вѣдь, я ждала васъ весь день сегодня. Извините, что я рѣшилась, наконецъ, послать просить васъ; вѣроятно, у васъ также свои заботы: теперь мы всѣ въ тревогѣ.»

Слова эти, однакожъ, нисколько не объяснили Костромину, зачѣмъ его позвали; онъ старался объяснить вѣжливымъ образомъ, что хотя и радъ служить Марьѣ Ивановнѣ чѣмъ можетъ, но что онъ не знаетъ, почему именно его весь день ждали, и потому проситъ объясниться. На лицѣ бѣдной женщины появилась какая-то болѣзненная, скорбная черта и выразились опасеніе и ужасная догадка.

— Какъ, сказала она тихо: — развѣ мужъ мой ничего вамъ не говорилъ?

— Ничего.... то-есть онъ говорилъ со мною, но не приглашалъ меня въ отсутствіе свое къ вамъ и вообще ничего не говорилъ, изъ чего бы я могъ понять теперь, въ чемъ у васъ дѣло.

Марья Ивановна вздохнула, опустила глаза на колѣни свои, стала пальцами перебирать снурокъ дорожнаго мѣшка и видимо поблѣднѣла. Одинъ изъ дѣтей сталъ спрашивать, надувшись: «скоро ли сегодня обѣдать?» и она отвѣчала спокойно: «скоро, другъ мой, подожди.» Костроминъ взглянулъ съ изумленіемъ на ребенка, потомъ на молодую мать. Уже начинало смеркаться, а военные люди обѣдаютъ въ полдень. Онъ присѣлъ и убѣдительно просилъ хозяйку объясниться.

— Чтó жъ я вамъ скажу? отвѣчала она, также спокойно: — вы видите сами и, вѣроятно, догадываетесь. Я не въ такомъ положеніи, чтобъ могла что-нибудь отъ васъ скрывать. Намъ нельзя подняться: нѣтъ лошадей, нѣтъ еще много кой-чего, и между-прочимъ, хлѣба; есть только нѣсколько долговъ, хотя и небольшихъ, которые также надобно уплатить. Уѣзжая, мужъ успокоилъ меня тѣмъ, что былъ у васъ, и что вы, по добротѣ своей, обѣщали намъ помочь. Онъ сказалъ мнѣ, что оставляетъ меня съ дѣтьми на вашемъ попеченіи, и, признаюсь, меня это вполнѣ успокоило. Что жъ! будемъ сидѣть и ждать: чтó Богъ дастъ, тó и будетъ, прибавила она.

— Мужъ вашъ обманулъ васъ, сказалъ Костроминъ: — онъ просилъ у меня денегъ, я отказалъ ему, потому-что у меня теперь ихъ нѣтъ, нѣтъ даже необходимаго; затѣмъ онъ ушелъ, и болѣе я его не видалъ. Что жъ вы будете дѣлать теперь?

— Я не знаю, отвѣчала она, все съ тѣмъ же спокойствіемъ. — Вы слышали, что дѣти надѣятся еще сегодня на обѣдъ; если полкъ уйдетъ завтра, то мы проводимъ васъ глазами, а чтó дальше съ нами будетъ — не знаю.

Костроминъ всталъ и просилъ ее успокоиться и обождать. Онъ пошелъ прямо къ тому человѣку, который занялъ у него, за нѣсколько мѣсяцовъ, тридцать-пять рублей, при божбѣ и клятвахъ, что отдастъ черезъ нѣсколько дней. Костроминъ напомнилъ ему очень-скромно обѣщаніе его и говорилъ, что деньги очень-нужны ему теперь — не для себя, а для другихъ; но тотъ очень обидѣлся этимъ, а денегъ, разумѣется, не отдалъ. Тогда Костроминъ, въ крайности, написалъ до десятка записокъ одного содержанія, а именно: «Любезный такой-то! Одинъ изъ товарищей нашихъ покинулъ семейство свое, которое терпитъ крайнюю нужду, на мое попеченіе, а у меня теперь не достаетъ денегъ, чтобъ имъ пособить. Прошу тебя по этому случаю, и слѣдовательно не для себя, прислать мнѣ старый должокъ, или хоть часть его, сколько у тебя есть». Записки эти разосланы были по принадлежности, но не дали Костромину ни гроша прихода. Иные господа отвѣчали на той же запискѣ писменно: «извини; ей-Богу нѣтъ»; большая часть приказывали сказать на словахъ: «хорошо; кланяйся; скажи, что я сегодня самъ увижусь».

Костроминъ, правду сказать, и не надѣялся лучшаго успѣха, но не менѣе того ему было это очень-прискорбно. Чтó дѣлать теперь и кàкъ быть? Безсовѣстный квартирьеръ, конечно, не стóитъ ни заботъ, ни помощи; но чѣмъ же виновато бѣдное семейство его? «Коли не хотятъ отдать долговъ», подумалъ добрякъ мой, «то надобно приступить къ нимъ иначе, а все-таки не миновать имъ складчины». Онъ взялъ фуражку и обошелъ кругомъ всѣхъ наличныхъ въ штабѣ офицеровъ, разсказавъ каждому, въ чемъ дѣло, и объявивъ, что самъ онъ болѣе двадцати-пяти рублей дать не можетъ, а надо собрать по-крайней-мѣрѣ двѣсти. Никто, разумѣется, не могъ отказать, и тѣ же самые люди, которые считали большимъ оскорбленіемъ, если кто требовалъ, чтобъ они уплатили долги свои и отдали деньги, взятыя на срокъ и на честное слово, тѣ же самые люди внесли теперь каждый

свою долю, хотя и знали, что нѣтъ никакой надежды получить когда-нибудь долгъ этотъ съ квартирьера. Круговая порука!

Костроминъ заплатилъ за приторгованныхъ уже заботливымъ отцомъ семейства клячъ, вручилъ остатокъ бѣдной Марьѣ Ивановнѣ и въ самомъ грустномъ расположеніи воротился домой. Долго раздумывалъ онъ о томъ, какое странное и безтолковое созданіе человѣкъ вообще, а такіе люди, съ какими онъ теперь имѣлъ дѣло, въ-особенности. На другое утро всѣ выступили; квартирьеръ встрѣтилъ полкъ и развелъ всѣхъ по квартирамъ, но о происшествіи этомъ между нимъ и Костроминымъ никогда не было рѣчи: словно ничего не случилось. Квартирьеръ былъ веселъ и доволенъ, какъ обыкновенно.

XXXIX.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

—

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо; только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Что жъ? коли самому бѣдняку помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасенки о немъ слагаютъ. Послушайте жъ у меня одну такую сказку.

На Украинѣ есть много своихъ христіанскихъ обычаевъ, съ которыми люди живутъ старѣются и умираютъ. Одинъ такой обычай — коли не знаете, такъ, вѣдь, надо вамъ разсказать это напередъ, а коли знаете, такъ не взыщите — на Украинѣ есть такой обычай, что противъ свѣтлаго праздника не заливаютъ и не тушатъ огня, а каждый хозяинъ держитъ багатье *) во всю ночь, чтобъ было гдѣ засвѣтить передъ образомъ свѣчку, какъ воротится народъ отъ заутрени. Вотъ дождались свѣтлаго праздника; всѣ хозяйки

*) На Украинѣ для огня есть три названія: *огонь*, или уогонь, *свитло* и *богáтье*. Свитломъ называютъ его, когда рѣчь идетъ о свѣчѣ, или кагаицѣ; багàтьемъ, когда надобно зажечь что-нибудь, напримѣръ, свѣчу, разложить огня, или закурить трубку; во всѣхъ прочихъ случаяхъ употребляютъ слово «огонь.»

въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться и своимъ и добрымъ захожимъ людямъ; вотъ понесли пасхи (то-есть куличи) и жареныхъ поросятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ свѣтлый праздникъ.

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ-вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый работящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чемъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотина, что два раза погорѣлъ, такъ еще и хозяйка бѣдная померла, покинувъ ему полную хату дѣтей; остался онъ вдовцомъ да притомъ и нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова не идутъ за него, дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе. Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое ему житье? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ и обнищалъ вовсе и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего, ни пасхи, ни жаренаго поросенка, да что бы ему и готовить, когда во весь великій постъ и огня въ печи не разводили: ни топлива нѣтъ, ни варева. Промолился онъ усердно всю ночь, да, выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко; вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться, пошелъ домой, положилъ все на столъ досталъ изъ-за образовъ свѣчечку и хотѣлъ затеплить ее да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился — огня нѣтъ; на дворѣ было еще темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ не тушится, онъ вспомнилъ и былую пору, когда и онъ живалъ не хуже людей и водилось у него свое богатье въ дому. Что дѣлать! такъ Богу угодно. Пошелъ онъ къ сосѣду. «Христосъ Воскресъ!» — «Воистину Воскресъ.» — Дайте, люди добрые,

багатья, засвѣтить свѣчу!» — «Вотъ человѣкъ: и свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за богатьемъ ходитъ! Иди съ Богомъ домой; ноньче всякъ дома про себя багатье держитъ, а тутъ не до тебя; не-ужъ-то ты не припасъ своего?»

Пошелъ онъ, сердечный къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходитъ за огнемъ, и прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвертый — вездѣ тоже: вездѣ готовятъ столъ, всякому до себя, никому нѣтъ нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, а гдѣ еще и выбранятъ, да и прогонятъ: «поди, говорятъ, не до тебя теперь, а за богатьемъ ступай въ поле, къ чумакамъ — тамъ дадутъ.»

Заплакалъ бѣднякъ мой, обошедши почти все село, и подумалъ: «Господи Боже мой! за чтó же меня еще и люди обижаютъ? Они жь меня знаютъ: не воръ я, не пьяница; навалилась на меня бѣда и нищета и самъ не знаю за чтó и откуда, а они еще горько насмѣхаются надо мной.... видно, сами не знали они нищеты.... Богъ ихъ проститъ. Того не спросятъ, что отъ самой масляны ни крупинки въ домѣ не было, и не готовили ни разу, а пѣняютъ за грѣхъ-что своего огня нѣтъ.»

Подумавъ такъ, убогій стоялъ среди улицы, въ концѣ села, и уже не зналъ, куда идти и что дѣлать; взглянулъ онъ въ чистое поле, анъ за селомъ свѣтится огонекъ. «Вотъ» подумалъ онъ, «и вправду, что пойду изъ села къ чумакамъ за огнемъ, больше некуда дѣваться; авось хоть чумаки не откажутъ; а ужъ это не кто больше, какъ чумаки. Пойду; не оставаться же въ эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки, а хатѣ моей безъ свѣта; больно за дѣтокъ. Вотъ какъ свѣтло во всѣхъ хатахъ, какъ весело смотрѣть вдоль улицы!»

Пошелъ онъ за село и пришелъ прямо къ огню. Точно, это стояли чумаки; помнятъ святой праздникъ и они, хоть и засталъ онъ ихъ въ полѣ: сидятъ вокругъ огня, въ праздничныхъ кобенякахъ и свиткахъ; видно, также недавно во-

ротились отъ заутрени, «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ.» — «Дайте богатья, люди добрые!» — «Изволь; да во чтожъ ты возьмешь?» — «Да вотъ дайте хоть свѣчечку затеплить!» — «Не донесешь ты свѣчи до села: тутъ въ поле вѣтерокъ ходитъ, задуетъ. Подставь-ка полу свитки, мы тебѣ богатья въ полу насыплемъ.» Онъ подставилъ полу, недолго думавъ, а они сгребли жару, просто руками, да и насыпали ему въ свитку. «Ступай съ Богомъ, не бойсь ничего, донесешь.»

Что думалъ онъ, когда бралъ жаръ въ полу — не знаю; но какъ человѣкъ простой и вѣрующій, никогда не обманывавшій другихъ, онъ положилъ свѣчечку свою за пазуху, собралъ хорошенько конецъ полы и пришелъ домой. «Коли люди гребли да насыпали руками, такъ почему жъ де мнѣ не донести въ полѣ?» Войдя въ избу, онъ затеплилъ напередъ всего свѣчу, поставилъ ее къ образамъ, положилъ три поклона, всталъ, чтобъ убрать столъ подаяніемъ и будить дѣтей, взглянулъ на припечекъ, куда высыпалъ изъ полы жаръ, а тамъ, вмѣсто жара, лежитъ куча золота, все червонцы. Обрадовался убогій, понялъ, что ему это Богъ далъ, еще разъ помолился, положилъ на столъ ломти пасхи и яички, которыя собралъ, когда христосовался съ міромъ, и сталъ будить дѣтей, приказывая имъ скорѣе умыться, помолиться, похристосоваться съ отцомъ и между собою, да садиться за столъ и разговляться.

Сосѣдъ убогаго, который не далъ ему огня, увидѣвъ, однако, что въ хатѣ его свѣтло, подошелъ взглянуть въ окно, что тамъ дѣлается, да и увидѣлъ на загнеткѣ кучу червонцевъ. Удивившись этому, онъ вошелъ и сталъ разспрашивать бѣдняка, а этотъ, не таясь ни въ чемъ, разсказалъ ему все, какъ было. Сосѣдъ вышелъ на улицу, глянулъ въ ту сторону, куда ходилъ убогій, и также увидалъ огонекъ. «Постой же» подумалъ онъ: «пойду и я за червонцами» и пошелъ.

Тѣмъ часомъ баба выбѣжала за чѣмъ-то изъ другой избы

и также подошла къ окну убогаго, всплеснула руками, вошла въ хату, чтобъ полюбоваться червонцами, разспросить сосѣда обо всемъ и позавидовать ему; а узнавъ, какъ это все сталось, побѣжала домой и погнала мужа, едва только давъ ему шапку ухватить, чтобъ шелъ скорѣе за село къ чумакамъ: тамъ-де, для свѣтлаго праздника, раздаютъ пригоршнями червонцы. «Да смотри, больше нагребай» кричала она ему слѣдомъ: «чтобъ не пришлось мнѣ ругать тебя для праздника, какъ воротишься.»

Выпроводивъ мужа, сосѣдка опять побѣжала къ окну убогаго, тамъ опять домой, тамъ на улицу, посмотрѣть, свѣтится ли еще у чумаковъ огонекъ; другія сосѣдки увидѣли ее, стали спрашивать; она хотѣла было промолчать, чтобъ другимъ никому червонцы не доставались, чтобъ ей все одной захватить, да не утерпѣла, разсказала все, и пошла еще по всему селу и стала всѣхъ подводить къ окну убогаго, показывать червонцы и разсказывать, какое Богъ послалъ счастье этому человѣку и гдѣ ихъ достать можно. И всѣ бабы погнали гономъ мужиковъ своихъ за село, къ чумакамъ, чтобъ нагрести побольше золота да принести въ полѣ домой. Вотъ приходятъ они толпой и встрѣчаютъ того, перваго, который пошелъ напередъ. «Что, дали?» — «Какже, насыпали двѣ пригоршни». — Такъ постой же, братецъ, не уходи, вотъ и мы заберемъ, да чуръ все вмѣстѣ ссыпать, да и подѣлить, чтобъ никому не было обидно: такъ мы положили міромъ, а ты отъ міру не прочь.» — «Ладно, говоритъ, пусть по-вашему.»

Подошли они къ чумакамъ, которые все еще чинно сидѣли вокругъ огня, сняли шапки, похристосовались и стали просить богатья. Тѣ поглядѣли на нихъ, но не сказали ничего, кромѣ только что велѣли каждому подставить поочередно полу и насыпали каждому по пригоршнѣ: «Будетъ по одной» сказали они, когда тѣ все еще стояли, будто чего дожидаясь: «все мало! Вѣдь васъ много пришло, надо раздѣлить на всѣхъ.» Ну, поблагодарили мужики мои и за

это, и, видя, что жаръ лежитъ въ полѣ какъ галька и не горитъ, обрадовались и бойко пошли къ селу, домой.

Обрадовались мужики мои, да не на долго. «А что это» сказалъ одинъ, когда они только-что отошли отъ чумаковъ: «пахнетъ будто паленымъ? Понюхай, будто кто къ празднику свинью опалилъ.» — «Правда, что пахнетъ» сказалъ другой, да какъ закричитъ, потому что подставилъ-было подъ полу руку, да обжегъ ее, да какъ выкинетъ изъ полы жаръ, а свитку скорѣе съ плечъ, да давай гасить ее, топтать ногами.... и другой тоже, и третій, и четвертый.... крикъ, шумъ, брань другъ на друга вскидываются, другъ друга ругаютъ; всѣ прожгли новыя свитки и кобеняки свои, а кто и руки пожегъ; дымъ, смрадъ, а чумаковъ нѣтъ: пропали, какъ въ землю провалились, и волы, и возы, и чумаки, и огонь — нѣтъ ничего.

«Правду жъ я говорила» сказала сосѣдка убогаго, которая первая послала мужа за багатьемъ: «правду жъ я говорила, что прійдется мнѣ тебя, дурака, для праздника бранить.... вотъ и прожегъ новую свиту: теперь что станешь дѣлать?»

А убогій разжился своими червонцами и взялъ за себя хорошую дѣвку и далъ дѣткамъ своимъ добрую матку. Какіе жъ это были чумаки?

XI.

БЕЗЧЕСТЬЕ.

—

Въ деревнѣ Журелейкѣ (названіе мордовское, по урочищу, а населеніе русское, какъ и въ сосѣдней Кармалейкѣ) живетъ мужикъ Михайло съ младшимъ и холостымъ еще братомъ Матвѣемъ. Михайло одинъ изъ тѣхъ разсудливыхъ мужиковъ, у которыхъ достаетъ только смыслу на то, чтобъ всякое дѣло не обсудить, а окричать, огорланить въ свою пользу, и стоять на этомъ; никакое здоровое, очевидно, прямое разсужденіе не убѣждаетъ ихъ въ томъ, чего они понять и знать не хотятъ. Попытайтесь, доведите такого мужика до разумнаго сознанія, что онъ не правъ: никакой очевидности и никакого терпѣнія для этого не достанетъ. Онъ выслушаетъ, что угодно, сто разъ, съ-ряду; и сто разъ повторитъ опять свое же, тѣми же словами, съ тѣми же ужимками и съ тою же самоувѣренностью. Однажды пришли ко мнѣ мужъ съ женою, по своему дѣлу, какъ они выражались. Баба затарантила, объясняя дѣло это, и, не слушая меня, ни возраженій моихъ, несла все свое. Я тотчасъ увидѣлъ, что эта была баба именно того разбора, какъ кармалейскій Михайло, да сверхъ того еще и баба, съ которою ужъ и вовсе нельзя столковать. Угомонивъ ее и спро-

сивъ, за однимъ ли они дѣломъ пришли, я велѣлъ ей молчать вовсе, а говорить мужику. Этотъ оказался толковымъ, разсказалъ все въ порядкѣ и, выслушавъ, почему никакъ нельзя было сдѣлать того, чего они просили, понялъ дѣло и убѣдился, что я ихъ разсудилъ по правдѣ. «Понялъ?» спросилъ я. — «Понялъ, батюшка.» — «Ну, такъ поди же, растолкуй при мнѣ и бабѣ своей, чтобъ и она поняла.» Онъ принялся толковать по-своему, а я слушалъ съ любопытствомъ, отвернувшись и не показывая виду, что слушаю. «Какъ-то онъ ее убѣдитъ?» Не успѣлъ я подумать это, какъ по-неволѣ оглянулся, потому что убѣжденіе дошло до рукопашной: мужикъ ткнулъ хозяйку свою въ шею, вышедъ изъ терпѣнья, и они, молча, раскланявшись, вышли. Этотъ, отчаянный, послѣдній доводъ, къ-сожалѣнію, одинъ только и убѣждаетъ такого мужика, какова была эта баба; послѣ такого доказательства, онъ, еще, пожалуй, поклонится и поблагодаритъ за науку.

Михайло задумалъ женить брата Матвѣя, которому онъ былъ замѣстъ отца. Оглядываясь туда-сюда за невѣстой, Матвѣй назвалъ брату Дуньку Егорову, изъ сосѣдней Кармалейки. «Ну что жь? Егорову, такъ Егорову», молвилъ тотъ, и затѣмъ считалъ дѣло конченымъ; надо было только съѣздить въ Кармалейку къ Онисиму Егорову и засватать дѣвку. Михайло былъ гораздо позажиточнѣе Онисима, а потому ему и на умъ не шло, чтобъ тутъ волѣ его могла быть какая помѣха. Покуда онъ еще собирался въ Кармалейку, ему случилось встрѣтить Онисима въ Ардатовѣ, на базарѣ. Перемолвивъ съ нимъ тутъ объ этомъ дѣлѣ, онъ поладилъ: 38 руб. ас. столовыхъ или на столъ, да четверть ржи; на пропой: ведро браги, четверть ведра вина, ржаныхъ и пшеничныхъ пироговъ на полтинникъ; вѣнчать въ селѣ Куѳендеевѣ, а брачному столу быть у жениха же, рублей на 50 асс. За все это Егоровъ отдаетъ дочь, съ приданымъ по-мѣрѣ отцовской любви своей, но обязанъ, при съѣздѣ на базарѣ въ Ардатовѣ, угостить виномъ род-

ственниковъ Михайлы, всего на восемь косушекъ, и купить всѣмъ по калачу; а невѣста должна обшить жениха бѣльемъ и принести три пары. Рукобитье кончилось тутъ же, а сговору быть въ то воскресенье. Въ задатокъ столовыхъ Онисимъ получилъ отъ свата Михайлы цѣлковый.

— Ну, доцынька, сказалъ Онисимъ, воротившись домой съ базару: — ну, доцынька, рядись; женишокъ есть; я тя просваталъ; въ воскресенье сговоръ, а по рукамъ мы ужъ ударили; ладно, что ли?

— Цаво ладно, отвѣчала она: — по рукамъ бито, да ладно ли! цаво я знаю, ладно ль, коли не сказываешь зенишка-то!

Замѣтимъ, что въ этой мѣстности, гдѣ восточное оканье сталкивается съ тамбовскимъ аканьемъ, народъ цокаетъ. Непонятно откуда говоръ этотъ зашелъ въ эту межеумочную полосу; кажется, это устроилось, чтобъ сгладить хотя нѣсколько рѣзкость такого перехода. И народъ здѣсь какой-то переходный: промысловъ нѣтъ, пахари посредственные, охотно занимаются тряпичнымъ и тому подобными промыслами; упрямы, но не на тотъ ладъ, какъ чисто-русскій мужикъ, который боится новыхъ порядковъ, опасаясь притомъ и новыхъ поборовъ; здѣсь же теряется вовсе наклонность къ сѣвернымъ расколамъ, основаннымъ, хотя по наружному виду, на привязанности ко мнимой старинѣ, а появляется новая стихія суевѣрства, переходящая далѣе на югъ, въ Тамбовской губерніи, въ противоположные сѣверному расколу то́лки молоканъ и хлыстовъ. Но въ Ардатовскомъ уѣздѣ созерцательная наклонность эта еще умѣренная и ведетъ покуда только къ весьма часто-встрѣчаемому между дѣвками обѣту безбрачія, почему и устроились здѣсь дѣвичьи общины, и почти при каждомъ большомъ селѣ есть ***келейныя*** избёнки, гдѣ живутъ отдѣлившіяся по обѣту отъ родительскаго дома и семейнаго быта дѣвки, которыя, впрочемъ, также въ противоположность сѣвернымъ раскольничьимъ отшельницамъ, бо́льшею частью ведутъ жизнь строгую

и честную. Давъ однажды такой обѣтъ, дѣвки эти такъ упорны, что ихъ ничѣмъ нельзя отклонить отъ ихъ заблужденія. Онѣ, молчатъ, накинувъ темный платокъ на голову и потупивъ глаза, и никакая попытка благомыслящаго человѣка не приноситъ ни малѣйшей пользы.

И такъ, Авдотья замѣтила отцу, что мудрено ей знать, ладно ли, коли онъ жениха не называетъ, не говоря о томъ, что спрашиваетъ объ этомъ ужъ послѣ рукобитья. Она не давала обѣта дѣвства; но обычай этотъ, какъ послѣднее убѣжище отъ нелюбаго жениха, даетъ въ этомъ краѣ дѣвкамъ гораздо-болѣе свободы въ выборѣ. Первымъ дѣломъ, если ихъ неволятъ замужествомъ, это постращать отца и мать, что дадутъ зарокъ и тогда останутся въ дѣвкахъ на́-вѣкъ. Отецъ назвалъ Матвѣя Егорова. Авдотья отвернулась молча и проворчала что-то. Отецъ хорошо не разслышалъ: вѣроятно, догадался; но какъ дѣло ужъ было сдѣлано, то и не хотѣлъ ее болѣе спрашивать, въ надеждѣ, что дѣвка уймется, пойдетъ.

Настало воскресенье, день сговора. Пріѣхалъ Михайло съ братомъ и еще кой съ кѣмъ изъ родныхъ; безъ бабъ въ такомъ случаѣ обойтись нельзя. Для почету и приличія повторили рукобитье въ домѣ отца, будто не было ничего на ардатовскомъ базарѣ. При этомъ дочери не было; но когда потребовали ее къ сговору и мать было за нею отправилась то воротилась одна и объявила, что дочь стыдится и нейдетъ. На мать прикрикнули и, придавъ ей помощницу, отправили снова; но обѣ воротились безъ успѣха, послѣ того, какъ Дуня не далась имъ даже силою, а начинала ревѣть благимъ матомъ, какъ-только брали ее за руки. Пошелъ отецъ, но, также не рѣшившись втащить ее силою, ради позора, долженъ былъ объявить, что невѣста нейдетъ.

Пошли толки и пересуды, наставленія и совѣты, а дѣло не подвигалось. Женихова женская родня отправилась въ ту половину, гдѣ забилась куда-то Дуня, и истощила всѣ ласки свои, просьбы, обѣщанія, наконецъ усовѣщиванія и

угрозы — ничего не помогло: Дуня молчала, либо говорила тому, кто убѣждалъ ее тихо и кротко, глазъ-на́-глазъ, что отецъ «би́мсы (то-есть бивши, ударивъ) по рукамъ», задумалъ спросить ее: «ладно-ли», что это вовсе не ладно, и она за этого жениха нейдетъ; а коли не дадутъ ей покою, то приметъ обѣтъ и уйдетъ въ келью или въ одну изъ общинъ.

«Что́, сватушка» сказалъ Онисимъ, побывавъ еще въ послѣдній разъ у дочери и попытавшись убѣдить ее все тѣми же безуспѣшными доводами, то есть, что она ужъ просватана и что ужъ бито по рукамъ: «что, сватушка, пришла бѣда, растворяй ворота, а не минуешь; знать, не быть намъ сватами.» Но Михайлѣ такой отказъ и на умъ не шелъ; онъ принялъ его за шутку. «Какъ, не быть сватами? Гляди-ка, а вино мое что, а брага, а пироги, а божанина?» — «Полно бредить, сватъ; кто дѣвку спрашиваетъ — ну, стыдится, такъ Богъ съ нею, пусть уходится, надумается; а мы за свое: мы запьемъ, заѣдимъ — и дѣло крѣпко будетъ. На́-ко-сь, вотъ, поди сюда, сватъ; вотъ тебѣ напередъ и денежки на столъ, по уговору....» — Нѣтъ, сватушка, молвилъ тотъ, не возьму, и не клади, и не кажи....» — «Ну, инъ, послѣ возьмешь, отвѣчалъ Михайло; твоя воля; вотъ, благо отдавалъ тебѣ при честныхъ людяхъ; не за мною дѣло стало; такъ садись, давай бражничать....» — «И этого не хочу, Михайло Митричъ, ей-право не хочу, боюсь....» — «Экой же ты какой, сватъ Онисимъ! да не домой же мнѣ везти угощенье — образумься. Что вы это съ дочкой за порядки урядили? Ну, плюнь на нее, брось. Что дѣвка смыслитъ? попъ свяжетъ, не то скажетъ, теперь пора, тогда будетъ иная. Садись, пей.»

Такимъ-образомъ сговоръ этотъ былъ отпразднованъ порядкомъ небывалымъ — безъ невѣсты. Когда гости поразгулялись, то сдѣлано было еще нѣсколько попытокъ вызвать ее; но послѣдняя попытка кончилась тѣмъ, что Дуни ужъ не нашли: она ушла къ кому-то на деревнѣ и скрылась.

Пирушка кончилась своимъ порядкомъ; говоръ мужиковъ заглушался крикомъ и визгомъ бабъ, пѣсни въ разнопрядъ покрывали и то и другое; смерклось; цаловались, обнимались, о деньгахъ на столъ позабыли, а поздно вечеромъ разошлись и разъѣхались по домамъ.

Проспавшись, Михайло назвалъ брата Матвѣя дурачкомъ, тетеркой, когда тотъ усомнился нѣсколько въ томъ, полно женихъ ли онъ Дуни, а она ему невѣста ли. Михайло не видѣлъ во всемъ дѣлѣ этомъ никакихъ помѣхъ и никакихъ сомнѣній: «рукобитье было, еще и дважды; сговоръ былъ; невѣста, правда, не вышла, застыдилась, да это ужъ не отъ насъ, а отъ нихъ», говорилъ онъ: «а всѣ станутъ стыдиться, такъ намъ и невѣстъ не видать. Деньги на столъ надо еще отдать ему, а не хочетъ, и на то его воля. Свадьба черезъ воскресенье — такъ попъ велѣлъ.»

Въ Кармалейкѣ, между-тѣмъ, Онисимъ съ хозяйкою своею повременамъ толковали о томъ, какъ теперь быть и что будетъ, и обращались къ Дунѣ не то съ просьбой, не то съ приказаніемъ: «До́цынька матушка, иды!» — «Не пойду», отвѣчала она. — «А пошто не пойдешь?» — «А по то не пойду, что съ Матвѣемъ жить не хоцу.» — «А по што съ Матвѣемъ жить не хошь?»—«Не хоцу.»—«А по што не хошь?»— «Уйду въ о́бцыну (общину.)» Эта острастка зажимала ротъ родителямъ; дѣло ни туда, ни сюда, а время шло впередъ.

Въ первое за тѣмъ воскресенье, разносваты мои опять столкнулись на базарѣ въ Ардатовѣ, и Михайло тотчасъ сталъ сзывать, кто изъ своихъ былъ тутъ, заставляя Онисима, по уговору, поднести восемь косушекъ вина, да купить калачей. Онисимъ было на попятный; объявивъ еще разъ, что доцынька нейдетъ, ни за̀ што нейдетъ, и, доставъ задаточный цѣлковый, стоялъ и кланялся передъ Михайломъ, чтобъ его принялъ и дѣло бросилъ. Но Михайло такого шума надѣлалъ, что весь базаръ сбѣжался; обращаясь къ толпѣ и чествуя ее добрыми людьми, онъ разсказывалъ въ нѣсколько пріемовъ, что вотъ онъ у Онисима дочь

засваталъ за меньшаго брата, что ужъ и пито и по рукамъ бито, и сговоръ былъ въ то воскресенье, и задатокъ на столъ отданъ, и на сговорѣ онъ истратился да исхарчился, а теперь Онисимъ пятится. Общій голосъ укора обратился на Онисима; всѣ стали говорить, что такъ дѣлать не годится, что добрыхъ людей безчестить нельзя, и прочее. Оправданія его, что онъ не отказываетъ, да доцынька нейдетъ, никто не слушалъ и Михайло, продолжая громко и звучно повторять одно и тоже, приступалъ настоятельно къ разносвату, чтобъ угощалъ. Тотъ растерялся, не зналъ, какъ отдѣлаться, купилъ вина и калачей. Михайло досталъ кошель и сталъ додавать ему столовыя; но отъ нихъ Онисимъ опять отказался на-отрѣзъ, замахалъ руками и убѣждалъ его принять обратно задатокъ, чего Михайло не хотѣлъ и слышать, а повторялъ, что свадьба въ то воскресенье, что такъ попъ велѣлъ, что они пріѣдутъ поѣздомъ за невѣстой для отвоза молодыхъ въ приходскую церковь, въ Куфендеево, а имъ, отцу и матери, между-тѣмъ, ѣхать прямо въ Журелейку и тамъ ожидать молодыхъ и столъ. «Не пойдетъ она, доцынька!» повторялъ робко Онисимъ, обнялся и простился со сватомъ, и разъѣхались по домамъ. На недѣлѣ Михайло еще-таки, для приличія, послалъ отъ себя боярина въ Кармалейку, заявить Онисиму весь порядокъ этотъ; бояринъ воротился съ тою же вѣстью, что нейдетъ-де невѣста, но Михайло только кивнулъ головою и принялся готовить угощеніе. Четыре пуда солоду переварено было на брагу; куплено шесть пудовъ говядины, за которою нарочно ѣздили въ Ардатовъ; заготовлено пироговъ разныхъ родовъ, вина — всего, по условію, слишкомъ на 50 руб. асс.

Не заставило себя ждать и воскресенье; шумный поѣздъ жениха поднялся въ Журелейкѣ, въ праздничныхъ кафтанахъ и сарафанахъ, въ лентахъ, съ индюшичьими перьями на шляпахъ; двое верховыхъ очищали дорогу; все это принеслось ранымъ-рано въ Кармалейку, гдѣ незамѣтно было

ничего праздничнаго. Онисимъ, послышавъ шумъ, гамъ и звонъ глухарей и гармотунчиковъ, высунулся, въ испугѣ, въ окно и, увидавъ поѣздъ, завопилъ: «топерица пропала моя головушка!» Хозяйка металась туда и сюда, не зная, что дѣлать, а Дуня забилась на подволоку. Старъ и малъ высыпали на улицу и со всѣхъ сторонъ направились къ избѣ Онисима.

Дружки соскочили съ лошадей и стали громко стучать кнутовищами въ ворота, приговаривая, что охотники слѣдили куницу и выслѣдили ее до подворотни этого дома, и проч. Ни отвѣта, ни привѣта! Поглядѣвъ другъ на друга и на поѣзжанъ, дружки вошли, не дожидаясь обзыву, и застали хозяина, неодѣтаго, въ дверяхъ избы; тутъ стоялъ онъ въ раздумьи, не зная, что начать. «Нешто такъ принимаешь ты званыхъ гостей?» спросили тѣ, также остановившись въ недоумѣніи. — «Простите, не взыщите» началъ тотъ, цокая: «доцынька нейдетъ; что хотите, то и дѣлайте, власть ваша — нейдетъ.»

Дружки вышли, говоръ пошелъ по всему поѣзду, и Михайло расходился. Онъ самъ пошелъ въ избу, но, не могши добиться ничего отъ Онисима, сталъ-было вызывать поѣзжанъ, чтобы идти въ домъ, отъискать и взять невѣсту и обвѣнчаться, потому-де, что дѣло это кончено и что убытки позади, а безчестье впереди. Но тутъ вступились всѣ кармалейцы и напередъ всего бабы: всѣ объявили, что этого не водится и что силою не дадутъ они взять невѣсты. Долго еще стоялъ на улицѣ поѣздъ, долго еще кричали и шумѣли; Михайло выходилъ изъ себя, оралъ громче всѣхъ, не хотѣлъ слышать никакихъ причинъ и доводовъ, но долженъ былъ наконецъ поворотить оглобли и въѣхать въ Журелейку тихо и скромно, для чего весь поѣздъ разбился врознь и каждый въѣзжалъ по-себѣ, стараясь укрыться отъ общаго вниманія поселянъ. Само-собою разумѣется, что глухари и балабончики дорогою были сняты.

На другой день Михайло отправился въ приказъ, взявъ

съ собою кого нужно было въ свидѣтели, и принесъ жалобу на убытки и на безчестье. Еслибъ онъ разсказалъ дѣло въ двухъ словахъ, какъ оно было, то-есть, что дѣвка отказала и нейдетъ, то, вѣроятно, и старшины разсудили бы по правдѣ, какъ прочіе міряне, что неволить нельзя, коли добромъ не сладятъ и коли дѣвка больно упряма, потому-де что и попъ неволей вѣнчать не станетъ; а въ убыткахъ, кромѣ задаточныхъ, которыя воротитъ, Михайло самъ виноватъ, по своему упорству; онъ загодя зналъ, что невѣста отказала на-отрѣзъ, а настаивалъ упрямо и дѣлалъ всѣ приготовленія. Но здѣсь вышло не такъ: головы не было, а изъ двухъ наличныхъ старшинъ одинъ былъ журелейскій и въ родствѣ съ Михайломъ; этотъ же разсказалъ дѣло по своему и тѣмъ ввелъ и старшинъ въ кривой толкъ и въ грѣхъ; онъ всю жалобу свою приносилъ на Онисима, который-де просваталъ, запилъ и сговорилъ дочь, а теперь не отдаетъ ее, чѣмъ изубытчилъ и обезчестилъ его.

Послали за всей семьей въ Кармалейку, и когда она явилась въ приказъ, то приказывали Онисиму настоятельно отдать дочь. Никакія объясненія его, что онъ и не отрекается, да доцынька нейдетъ — не помогали. «Коли не отдаешь дочь, то уплати сейчасъ всѣ убытки Михайлы, да заплати двадцать рублей ассигнаціями безчестья.» — »И этого не хочу!» кричалъ расходившись Михайло: «а отдай онъ дочь, дочь запитую, сговоренную, отдай!» Онисимъ съ женою кланялись, предоставляя Михайлѣ брать дочь, коли она пойдетъ. А она стояла спокойно и только на вопросы старшинъ отвѣчала: «не пойду». Онисимъ выложилъ на руку задаточный цѣлковый; да прибавилъ еще къ нему цетвертацокъ, и упрашивалъ Михайлу принять это и отпустить его; Михайло плевалъ и отворачивался. Наконецъ, самоуправные старшины присудили посѣчь Онисима и тѣмъ заставить упрямую дочь согласиться. Но и эта попытка не удалась: «Матушка доцынька, иди!» кричалъ бѣдный Онисимъ. — «Батюшка, потерпи!» отвѣчала она: «тебѣ мало

терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться.» Пробившись попусту, старшины кончили тѣмъ, что велѣли Онисиму все-таки отдать дочь за Матвѣя, потому-что она ужъ запита, и сговоръ былъ, а попъ велѣлъ вѣнчаться; если же не отдастъ, да въ три дня не уплатитъ всѣхъ убытковъ и безчестья, то опять накажутъ въ приказѣ, всей семьей. По окончаніи всего разбирательства и суда, наѣхалъ и голова, мужикъ порядочный, но сла́бый и состоявшій всегда подъ вліяніемъ другихъ. Онисимъ къ нему. Услышавъ, что дѣло уже кончено безъ него, голова не захотѣлъ прекословить, замялъ жалобу о томъ, что Онисима наказали самоуправно за то, что дочь его нейдетъ за Матвѣя, убавилъ только на нѣсколько рублей безчестье, которое правилъ съ него Михайло, а остальное утвердилъ.

Пришедши домой, Онисимъ спросилъ: «Что жъ мы́ теперь дѣлать станемъ? Пойдешь, что ли, Дуня?» — «Не пойду.» — «А по што не пойдешь?» — «А по то, что съ Матвѣемъ жить не хочу.» — «А пошто не хошь, Дунька? А я гдѣ возьму эку суйму денегъ, убытки да безчестье платить? этого у меня нѣтъ за душой; цетвертацокъ давалъ — не берутъ; что дѣлать станемъ?» — «Иди къ управляющему въ городъ», сказала Дуня: «вотъ что; не то я сама пойду.» — «Ой-ли?» — «Право, иди; неужто нашего дѣла не разсудятъ? Ну тебѣ, батюшка, пусть и по дѣломъ маленько досталось, вѣдь небольно посѣкли, пошто было чужу душу кабалить, да *запимсы* спрашивать — «ладно ли?» а такого нѣтъ православнаго закона, чтобъ замужъ неволить.»

Онисимъ взялъ шапку, да четвертачокъ, который сулилъ за безчестье, на дорогу, и пошелъ. Забавенъ былъ разсказъ его, когда онъ приносилъ жалобу, и все снова обращался къ тому, что онъ упрашивалъ: «поди доцынька», а она отвѣчала: «терпи батюшка, тебѣ не сколько терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться.»

Рѣшеніе состоялось такое:

Приказный староста Савуновъ и добросовѣстный Яки-

мановъ наказали самовольно и притомъ напрасно крестьянина Онисима Егорова. Голова Мироновъ зналъ объ этомъ не донесъ начальству и оказалъ самоуправству этому потворство. За это Савуновъ и Якимановъ отставляются отъ должностей своихъ, съ запиской въ штрафную книгу и съ лишеніемъ права голоса на сходкахъ; головѣ дѣлается строгій выговоръ; всѣмъ троимъ уплатить тотчасъ Онисиму за обиду: каждому по полному годовому окладу податей съ одного тягла, то-есть по 11 р. 32 к. сер. О случаѣ этомъ объявить въ острастку по всѣмъ сельскимъ приказамъ.

Онисимъ не вѣрилъ своему счастью. «Вотъ, доцынька, какія деньги Богъ далъ, и во снѣ мы съ тобой ихъ не видали! Вѣдь, это, дай Богъ здоровье нацальнику, мы съ тобой заработали!» — «Нѣтъ, не мы» отвѣчала та, смѣючись: «вся работа твоя была, батюшка; ты заварилъ кашу, ты и выхлебалъ. Вся моя работа была, что я не послушалась неразсудливаго приказанія твоего: не пошла за Матвѣя, да надоумила тебя идти къ управляющему.»

———

XLI.

ПЕТРУША СЪ ПАРАНЕЙ.

—

— Здравствуй, Паранюшка!

— Здравствуй, другъ Петруша. Чтó, не скажешь ли чего добраго?

— А чтó я скажу тебѣ добраго, косатка моя, опричь худаго? Нынѣ на свѣтѣ нѣтъ добраго. Вотъ коли ты еще любишь меня; такъ подойди поближе — людей нѣтъ близко никого, да и темно на дворѣ — и скажи ласковое слово — вотъ и добро будетъ.

— Хорошо тебѣ говорить, Петруша, да вѣдь этакъ вѣку не изживешь. Чу! слышь, опять журавли прилетѣли — вѣдь, ужъ это въ третій разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ тобой слюбились; вотъ и пасха на дворѣ, не сколько осталось; люди засылаютъ сватовъ, коли кто худаго на дѣвку не замышляетъ; а кто только ославить хочетъ ее, да покинуть, тотъ себѣ и молчитъ и стережетъ ее за угломъ.

— Охъ, ужъ не кори меня, другъ Параня! и такъ ужъ ретивое надрывается. Чтó жъ я дѣлать стану, коли отъ стариковъ да молодыхъ просвѣту нѣтъ.... Погодимъ еще, ненаглядная моя, Господь съ ними, за то авось и насъ Онъ

непокинетъ; мнѣ тошнѣй тебя: и самого-то себя жаль, и тебя жаль; и на тебя глядя убиваюсь — а дѣлать нечего.

— Хорошо тебѣ говорить, Петруша, на тебѣ все та же шапка.... вѣдь, и у меня также отецъ, мать дома; твои свое, а мои свое: не вѣкъ, говорятъ, тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть; пересидишь — ославишься, позору наведешь; на тебѣ сватаются, вотъ такой и такой — чѣмъ не женихи? выходи, не то отдадимъ, не спросимъ. А я что́ стану говорить? Тебя я и поминать не смѣю.... Такъ-то; вотъ видишь, Петруша, покуда солнце-то взойдетъ, анъ злая роса глаза выѣстъ....

— Паранюшка-душа, не иди за другаго, на грѣхъ наведешь меня, на такой, что загублю я себя.... Что́ больше му́ки примемъ, то Господь больше наградитъ насъ съ тобой.... Я вотъ нынѣ опять поговорю старикамъ своимъ, какъ домой приду, что́ будетъ.... авось не смилуются ли; вѣдь, я у нихъ одинъ, какъ пёрстъ; не на то же они народили меня, вспоили-вскормили, чтобъ до́ вѣку, никому на радость и себѣ на горе, меня тупой пилой измочалить.

— Ну иди, Петруша, Господь съ собой; только — охо-хо, горько мнѣ и не бывать добра, коли этакъ жить намъ, да все ждать-пождать....

— Параня, молись за меня, а я за тебя.... Прощай, моя маковка....

— Прощай, косатикъ мой.... Полно, полно; люди увидятъ.... Прощай!

Пришелъ домой Петруша, сѣлъ у входа на коникъ и вздыхаетъ тяжело; не знаетъ, какъ и начать говорить про такое дѣло, гдѣ не даютъ слова сказать.

— Что́, спросилъ отецъ: — нашатался?

— Не нашатаешься съ вами, отвѣчалъ Петруша: — коли ложкой кормите, а стеблемъ глазъ колете.... Какъ ни придешь въ избу, все, кажись, рано, все бы бѣжалъ еще на просторъ.

— Ну, что́ жъ? вольному воля, а дураку, пожалуй, и двѣ: и своя дурь и чужой худой разумъ. Поди; мы съ матерью тебя не на пріуздкѣ водимъ.

— Батюшка, и ты, матушка, сказалъ Петруша, вставъ и повалившись имъ въ ноги: — такъ привяжите жъ меня къ дому, какъ у людей водится: вѣдь и ты въ мои годы ужь женатъ былъ, а я вотъ все еще по собачьи живу.... Пошлите, ради праздника Христова, ради пресвѣтлаго воскресенія Господня, пошлите свата за Параней....

Отецъ, сидя на лавкѣ у стола, махнулъ рукою и отвернулся, съ трудомъ только удерживаясь отъ вспышки и брани. Мать не утерпѣла, плюнула, встала съ лавки и пошла къ печи.

— Ну, сказалъ Петруша, быстро вскочивъ на ноги и отряхнувъ волосы: — знать такая судьба моя.... либо утоплюсь, либо.... ужь и самъ не знаю, на какой грѣхъ вы меня наведете.... Эхъ, батюшка, матушка! напрасно вы меня съ нею разлучаете; не будетъ отъ этого корысти никакой; а видиму бѣду неминучую накликаете.... Подумайте жъ вы по себѣ, да вспомяните и меня: отчего же вы не велите мнѣ взять за себя Парашу? Вѣдь не вамъ съ нею вѣкъ коротать, а мнѣ: вы ужь пожили свое — кто вамъ перечилъ? а намъ только-что начинать.

Отецъ и мать перебили его съ сердцемъ сказавъ, что всѣ люди подъ-Богомъ ходятъ, а кому прежде умирать, кому послѣ — этого не угадаешь. Умираетъ-де не старый, а поспѣлый, на каждаго свой вѣкъ положенъ, а мы ничьего не заѣдаемъ. Ты, поросенокъ, такихъ рѣчей не смѣй говорить.

— А что́ жъ я вамъ сказалъ? началъ опять тотъ: — я словомъ своимъ не убилъ васъ, а вы меня словомъ своимъ корени́те и гу́бите. Мое слово — что собака на вѣтеръ взлаяла; ваше слово — что изъ тучи громъ грянетъ. Ну вы же сами, бывало, говаривали мнѣ, что пора перебѣситься, пора остепениться, пора невѣсту искать; а теперь третій

годъ морите, что душа, изнываючи, мѣста не сыщетъ. Скажите жъ, какую, по вашему, надо взять?

— Вотъ это дѣло ты заговорилъ, такъ дѣло; отца, мать послушаешь — долголѣтенъ будешь. А вотъ посмотри-ка у Ивана Трофимова какая дѣвка во дворѣ, не Парашѣ твоей чета; почему бъ тебѣ ея не взять?

— Хороша она для васъ, и корить ее при васъ не стану, а что по мнѣ, такъ хоть бы ея и не было на свѣтѣ. Нѣтъ, батюшка, матушка, знать вы больно состарѣлись, что молодость свою позабыли.... Не хочу я жить безъ Парани; коли вы ее не велите мнѣ взять за себя — такъ и Богъ съ вами; дай вамъ Богъ стать переживать меня, хоть съ этого часу, какъ я передъ вами стою: не завидна мнѣ жизнь ваша. За хлѣбъ за соль вашу я васъ благодарю, а самъ уйду отъ васъ, словно отъ обиды хозяйской уходитъ изъ дому чужой батракъ, сирота горемычный....

— Дуракъ ты, Петруша! это чему Парашка твоя тебя научила? Куда ты уйдешь, куда дѣнешься? Вѣдь тебя, дурака, найдутъ, да къ отцу же приведутъ, накостылявъ по дорогѣ шею! Аль ты и вправду забылъ, что у тебя есть отецъ, мать?

— Забыть не забылъ, а коли вы давно ужь отъ сына отступились, такъ ему куда жь дѣваться? И возьму грѣхъ на душу, отрекусь; пострадаю за васъ и на этомъ свѣтѣ, и на томъ.

— Ну, еще я таки я тебя, сынокъ, спрошу: чѣмъ же такъ Параша твоя такъ тебѣ показалась? чай ребята нахвалили, да хорошо пляшетъ?

— Не хвалить же вамъ ее стать, коли меня изъ-за нея проклинаете; да безчестить дѣвку вамъ на старости лѣтъ не приходится. Я не для нахвалу женюсь и не про кого, какъ про-себя, и глаза у меня свои и свой царь въ головѣ, каковъ ни есть. Пляска пляской — да съ нею вѣка не проживешь; а съ вами, такъ не знаю кому бы она и на умъ пошла. А хороша Параша тѣмъ, коли хотите знать,

что для меня хороша; а кабы всѣмъ одна казалась, такъ, сохрани Богъ, никому бы на свѣтѣ и житья не было. Вотъ она чѣмъ хороша.

— Да кой чортъ она хороша, сказала мать, осердясь:— у нея и складъ-этъ весь свиной; таки вотъ вся въ свою семью уродилась!

— Правда, матушка, потому-что глазъ на глазъ не приходится; а какъ поглядѣлъ я въ воду на свою уроду, такъ и не сталъ другихъ хаять. Такъ бы поглядеть и всякому на себя, какой кто красивый.

— А были красивы съ молоду, сказалъ отецъ: — и не то, что сами на себя, а ино и люди со стороны глядѣли, а теперь и свой да не глядитъ.

— Пожалуй, твоя воля теперь: тебѣ говорить, а мнѣ слушать; ты наскажешь, что молодъ бывалъ и на крыльяхъ леталъ.

— Вишь ты какой удался, что и отца хаитъ, а тебя дурака отъ мизинца да вотъ какого выкормилъ, что переросъ и меня.

— Дà, кормилъ ты меня! Нѣтъ, батюшка, хлѣбъ твой былъ, а я все самъ ѣлъ. Вотъ матушка такъ правда, что кормила и поила; а ты, батюшка, помнишь ли, какъ я малъ былъ, въ зыбкѣ-то, бывало, бока отлежу, да и стану кричать, а ты сейчасъ шапку подъ-мышку, да и вонъ; надоѣлъ, говоришь. А теперь вотъ такъ коришь, что кормилъ и пѣстовалъ, да хочешь только распоряжаться мною, какъ солдатомъ на ученьи, чтобъ пó-слову руки и ноги подымалъ, а безъ твоей воли не моргнулъ, не чихнулъ.

— Дà, и могу тобою дуракомъ распоряжаться, потому-что ты сынъ мой, а я тебѣ отецъ; аль ты, можетъ-статься, еще этого и не слыхалъ? Вотъ, жена, полюбуйся на своего баловня: пой, да корми, а выкормишь, такъ вотъ онъ каковъ наострится! Знать ужъ нынѣ вѣкъ такой пошелъ, что яица курицу учатъ. Правда говорится: не рожденъ — не сынъ, не купленъ — не холопъ; а не вспоя, не вскор-

мя, ворога не увидишь. Ну, сынокъ, кабы все это добрые люди слышали, такъ подѣломъ бы на насъ стариковъ подивились, да чай и тебѣ бы что-нибудь сказали.

— Извѣстное дѣло чтó сказали бъ, коли бъ ты привелъ своихъ: ветошь молодую траву глушитъ и дохнуть даетъ; а спроси-ка молодую, ей-то каково?

— Ну жена, уродилось у насъ дитя! Хоть дай ему суму съ пирогами, хоть чорта съ рогами — онъ все свое троститъ. Вотъ и сказано, что дѣти удатны — отцу, матери вѣнецъ, дѣти неудатны — отцу, матери конецъ. Чужой сынъ дуракъ — смѣхъ; свой сынъ дуракъ — горе. Нѣтъ, насъ отецъ не тому училъ, мы его боялись; бывало....

— Постой, батюшка, я это дѣло и самъ знаю: какъ тебя дѣдушка училъ — нечего врать, этого не помню; а вотъ какъ ты его училъ, такъ это было за мою память, хоть я тогда и малъ былъ, а помню, ты меня въ тѣ поры не оберегался, чай все думалъ: глупъ еще — анъ вотъ на памяти дѣло сказалось!

— Я давно говорила, что изъ нашего сына не будетъ проку, перебила мать, между-тѣмъ, какъ отецъ замолчалъ, будто воды въ ротъ набралъ. Видно и ему припомнилось недоброе, хоть оно ужъ очень давно было; ему показалось, будто Богъ его караетъ за прошлое.— Я давно это говорила. Дуракъ ты, а не Петруша; а еще мы хотѣли тебя женить, толкуемъ, словно дѣло какое! Да какая непутная за тебя пойдетъ?

— Вы пойдете искать, такъ, можетъ статься, и не найдете; а мнѣ и искать ненадо, я нашелъ давно: и путная она, и идетъ.

— Мало ли что идетъ, да тебѣ этой брать не велимъ.

— Пожалуй, что сыну бы и не велѣли; а чужому батраку, вотъ хоть бы какъ мнѣ теперь, вамъ непошто заказывать. Вы думаете, возьму я у Ивана Трофимова водовозную кобылу-то? Нѣтъ, не прогнѣвайтесь; хоть вы и говорите о красотѣ, что съ лица не воду пить, однако, не на

одно же это дѣло люди женятся, чтобъ жена воду возила. Голову грызть и вы горазды, а своего подбору еще же на меня въ домъ сноху возьмете, такъ мнѣ-то ужъ куда отъ васъ дѣваться будетъ? Лучше жъ я загодя утоплюсь. Отъ Параши два года отлучаете; я все терпѣлъ, все чаялъ, что Господь васъ надоумитъ: чему быть, тому быть, а ужъ Ивана Трофимова корова не по шерсти мнѣ, не ко двору пришлась. Вотъ и согрѣшишь съ вами, и договоришься до того, что людей хаять станешь изъ-за васъ; а мнѣ что̀ до нея? Богъ съ нею, ходи она въ золотѣ, да меня-то обхаживай.

— Ну что жъ? а ты думаешь только и свѣту, что въ окнѣ? На улицу выйдешь, больше увидишь; не одна твоя Прасковья, не Ивана Трофимова, такъ другая....

— Нѣтъ, батюшка, одна, на одной Богъ указалъ жениться, а не на всѣхъ. Свѣтъ Божій на улицѣ про всѣхъ, а оконцѣ въ избѣ ты про себя вставилъ — вотъ и свѣтъ твой. Подожду я еще, что̀ Богъ дастъ, не поминайте мнѣ только постылыхъ. Коли вѣку мнѣ укоротите — ну, ваша власть, и живите; не стану тогда досаждать вамъ; а коли кто первый изъ васъ передъ Богомъ будетъ, такъ авось святыхъ его за меня умолитъ и другаго умилостивитъ.

— Ну, сказалъ старикъ: — такъ ненадо теперь ни о чемъ и хлопотать, а надо повыждать, когда бы вотъ Богъ прибралъ стариковъ: тогда, вишь, Петруша останется большакомъ въ дому, своя воля будетъ.... Давайте-ка лучше ужинать, чѣмъ горохъ изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпать, да такими рѣчами Бога гнѣвить. У меня и такъ съ вашихъ разговоровъ разломило голову. Садись, сынъ!

— Благодарю; я не хочу.

— Что такъ?

— Да будетъ съ меня, накормили, спасибо, хорошо.

— А что?

— Да такъ; проглотить-то я проглатилъ, да круто, не подавиться бы....

— То-то вотъ, видишь, ты дуракъ чего другому желалъ, то вотъ, того гляди, надъ самимъ сбудется. Вотъ и прикинь на себя, каково другому.

— Объ этомъ я не тужу; давай Богъ такъ; а другимъ бы мои лѣта прожить. Объ этомъ я и самъ молю Бога, чтобъ поверстаться, чтобъ не корили меня: вспоили, вскормили, да сами и сгубили. Это хороша игрушка!

— Поди-ка ты лучше, да напой скотину; ты самъ не вспомнишь, словно и времени не знаешь.

— То-то и дѣло, что я, знать, на одно это и годенъ вамъ; такъ я и не вру, стало-быть, коли говорю, что я батракъ вамъ, кабалёный работникъ, а не сынъ. Скотину я напоить напою, а самъ къ Парашѣ зайду.

— Иди; давно не видался. А что, Петруша, чай тебѣ Прасковья твоя милѣй отца, матери?

— И всѣмъ было бъ мѣсто, коли бъ не было тѣсно; не тѣснота губитъ, а лихота.

— Однако, скажи, не стыдись; говорилъ ты много — и это договорить можно: Параша тебѣ отца, матери милѣе?

— Кто добрѣй до кого, тотъ тому и милѣй. Съ вами вотъ до конца не договорюсь, а много грѣха наберусь; а съ Парашей сойдусь — и плачу да веселюсь.

— Иди жъ, иди, чтобъ не простыло. Посмотримъ, когда-то онъ воротится.

— Здравствуй, Паша!

— Здорово, Петруша. Чтó, знать, нѣтъ проку?

— Не тужи, Параша, терпи, авось Богъ смилуется.

— Нѣтъ, Петруша, ужъ полно меня томить, а знать по судьбѣ нашей бороной прошли. Не стала бъ я тебѣ пенять, стала бъ выжидать, да вѣдь и у меня волюшка-то не своя. Умолила я еще отца, мать эту святую пропустить, дать погулять мнѣ на дѣвичей волюшкѣ, да ужъ послѣдній срокъ: на Покровъ ты меня не увидишь съ русой косой — расчешутъ ее и покроютъ...

— Нѣтъ, Параша, сохрани тебя Богъ; этого и не говори!

— Да ужъ такъ, Петруша, я вижу, что такъ будетъ. Два года прошло, а что́ проку? Отецъ, мать давно говорятъ: не́чего тебѣ на него глядѣть, а надо полюбить другаго.

— А я всѣмъ парнямъ скажу, что я тебя любилъ!

— А я побожусь, что неправда: любилъ бы, такъ бы и не покидалъ.

— Нѣтъ, Паша, полно; не хороша пошла у насъ бесѣда. Прежде у насъ этого не бывало. Брось все, станемъ жить по прежнему; Богъ милостивъ.... Что дѣлать, коли такая пора пришла, что другъ друга со свѣта сживаемъ?... Вотъ отецъ, попрекнулъ меня нонѣ, самъ сказалъ, что я останусь большакомъ въ дому.

— Этого не поминай мнѣ, Петруша. Это что́ за надёжа, чтобъ намъ жить, какъ другихъ со свѣту сгонимъ!

— Никого я не сживаю, Параня, сохрани Богъ! И всѣмъ бы, кажись, просторно — а я тебѣ помянулъ только отцовскія слова̀.... Да что же я дѣлать стану, куда притулю головушку свою, коли и тамъ-то выживаютъ, да и ты еще станешь меня гнать?...

— Ну, полно, Петруша, ступай домой. Чу, вонъ ужъ и пѣтухи поютъ, половина ночи прошла.

— Видно вправду, Параня, разлюбила ты меня, что шлешь домой, да стращаешь пѣтухами.... Бывало мы съ тобою до бѣла свѣта просиживали, другъ другу не надокучивали....

— Поди, Петруша, поди: тогда у насъ не было заботы никакой, не знали мы еще своего горя, а теперя такъ ужъ и сердце не на мѣстѣ. Иди съ Богомъ, утро вечера мудренѣе; можетъ-статься, надумаешь что́, такъ завтра одинъ одному скажемъ.

— Ну, прощай, коли на то твоя воля, а моей-то ужъ у меня нѣтъ нигдѣ. Помолись за меня, да чтобъ Богъ стариковъ моихъ за ночь надоумилъ.

Пришелъ Петруша домой, стучится подъ окномъ:

— Отоприте ворота, аль сыну хозяйскому черезъ тынъ лѣзть?

— Поди, старикъ, отопри, молвила старуха: — что-то сынъ нашъ больно грустно кричитъ.... аль нерадостну вѣсть несетъ....

— Какой тутъ быть вѣсти! крякнулъ отецъ, слѣзая съ печи: — кромѣ той, что мы оба ему синь-порохъ въ глазу. Чай слышала, какія рѣчи онъ давича говорилъ.... Милости просимъ, дорогой гость. Не учили, пока поперегъ лавочки лежалъ, а во всю вытянулся — не научишь. Гдѣ тебя нелегкая по ночамъ носитъ?

— Хорошо, отецъ, видно ты радъ сыну, что такъ его встречаешь. Мнѣ бы въ омутѣ слаще житье, чѣмъ у тебя съ матушкою. Я, какъ пошелъ, сказался тебѣ куда иду; тамъ и былъ; я не таюсь....

— Будь же ты проклятъ! молвилъ отецъ: — и не ходи у меня въ избу: ложись, какъ собака, гдѣ свернешься....

— Коли ты этимъ меня порѣшилъ, такъ я по васъ Богу помолюсь, помяну отца, мать, которые когда-то были у меня, а теперь ихъ нѣтъ; остался я на свѣтѣ круглой сиротой. Коли клятва твоя правѣе — Богъ меня накажетъ, не спуститъ; коли молитва моя правѣе — помилуетъ и призритъ.

Рано утромъ Петруша пришелъ къ Паранѣ; она вышла, какъ бывало и прежде, а онъ стоитъ и не знаетъ, что́ говорить, самъ только тяжело что-то вздыхаетъ. Стала она допытываться, да и сама, глядя на него, перепугалась до смерти. Вотъ она и залилась вдругъ слезами и кинулась къ нему, проситъ одного: «говори, говори, за одинъ разъ дорѣзывай, что́ сталось?»

— А сталось то́, что Богъ насъ разсудилъ; не намъ дѣла̀ его разбирать. Поплакать еще разокъ — не миновать, старое горе провожаючи, послѣдній долгъ отдать, да уже и

полно. Отецъ и мать у меня дома оба на лавкѣ лежатъ; я и руки сложилъ имъ и по образу на нихъ положилъ.

— Что ты это говоришь, Петруша? Ты не бредишь, не ряхнулся ты?

— Нѣтъ, Параня, хоть сейчасъ пойдемъ вмѣстѣ, погляди; надо звать кого-нибудь, хоть тётку да куму; надо обрядъ дать, вѣдь я въ домѣ теперь одинъ — и самъ я, Параня, хозяинъ, тàкъ Богу угодно было — и хлѣба старикъ, царство ему небесное, чай теперь жалѣетъ обо мнѣ — и хлѣба поставилъ много; гляди, вонъ гумно наше....

— Петруша, да ты не бредишь? Какъ же они оба за ночь умерли?

— Отецъ проклялъ меня, сказалъ: будь ты мнѣ не сынъ; мать услышала, да, высунувъ голову въ окно на дворъ, молвила: «я, говоритъ, тебя не нашивала, не раживала, будь ты недобрый чужой!» Живы были еще отецъ, мать въ избѣ этой, да ужь они мнѣ старики чужіе не отецъ, не мать. Вотъ и сталъ круглой сиротой. Ни отца, ни матери у меня нѣтъ. Остался я на дворѣ одинъ, палъ ницъ, такъ и лежалъ, все молился, а кàкъ и чему молился — не помню, а просилъ Бога: не по нашему дѣлай, а по своему; а какъ утре было мнѣ итти на чужу сторону, куда глаза глядятъ, и какъ сталъ я сиротою, то и помянулъ родителей, которые были у меня, въ царствѣ небесномъ, чтобъ Господь не покоралъ ихъ за мои грѣхи.... Вотъ я и сказалъ: разсуди, Господи, чья крѣпче, чья правѣе; накажи и вразуми меня, коли я виноватъ; просвѣти и помилуй, коли такъ разсудишь. Вотъ знать и умолилъ: утромъ просыпаюсь, хочу идти въ люди, хоть и самъ не знаю куда, а къ тебѣ хотѣлъ зайти сказать, что ужъ нѣтъ меня больше и не жди меня — пошелъ въ избу за одёжой — гляжу: отецъ одинъ съ краю лежитъ на путникѣ и будто неживой. Я испугался, ощупалъ его — ужъ и простылъ; я нà печь, къ матери — померла и она. Вотъ я и сталъ; оглянулся на иконы, палъ нà земь, все хотѣлось помолиться, да не смогу; тàкъ

вотъ и самъ не знаю, чтó сталось надо мною, ровно одурѣлъ. Вотъ и мнѣ, какъ теперь тебѣ, все думается, не померещилось ли, не мана ли какая нашла; оглянусь — оба лежатъ неживые.... Опять хочу молиться, да и не смогу, не знаю, какую молитву буду читать.... Я перекрестился, сталъ класть поклонъ за поклономъ, всталъ опять, перенесъ покойниковъ на лавку подъ образà, далъ имъ по иконѣ святой, да вотъ и пришелъ къ тебѣ....

Вскорѣ узнали на всемъ селѣ, что отецъ и мать у Петра въ одну ночь скончались. «Знать не захотѣлъ Господь допустить ихъ до большаго грѣха», говорили люди. — «Состарѣлись, такъ и померли», говорили тѣ, которые ничего не знали. Пришли кумы да тётки, обмыли и обрядили ихъ кàкъ слѣдуетъ, а на другой день прилично похоронили. «Для чего же насъ Богъ этакъ разсудилъ», думалъ про-себя Петруша, провожая родителей: «не-ужъ то бы намъ, живучи по-людски, да по-Божью, тѣсно бъ стало на бѣломъ свѣтѣ? Его святая воля!»

— Какъ же ты теперь, бѣдный Петруша, станешь хозяйство вести, одинъ какъ перстъ? спрашивали добрые люди, и Петруша, не обинуясь, сказалъ, что одному домъ вести нельзя, а надо выждать святую, да взять добрую хозяйку. Надо принимать отцовское тягло.

— Вотъ что, Петруша, молвилъ одинъ сосѣдъ: — ты приходи-ка опосля, да спросись, сиротинка, у меня; вѣдь я, пожалуй, и сватомъ пойду отъ тебя, такъ я тебѣ на ушко шепну, какую я тебѣ высватаю невѣсту.... А не то, коли захочешь, хошь и мою Настю возьми, коли пойдетъ за тебя.... Да отчего жъ бы ей и не пойти? Ты парень больно смирный, хорошій, самъ себѣ хозяинъ теперь, свое добро есть; слава-Богу — почему не пойти, пойдетъ!

— Петруша, сказала тёткина кума, либо кумина тётка: — вѣдь ты теперь, сердечный мой, одиночка, ты, сиротинушка, загорюешься, кàкъ тебѣ одному въ дому-то быть? А ты бы вотъ чтó, послушай меня: ты бы избу-ту заперъ

до поры, да перешелъ бы къ тёткѣ; она вѣдь тебѣ своя и баба добрая, знаешь кàкъ тебя любитъ; она тебѣ рада будетъ. А мы съ нею сосѣди, такъ ты станешь заходить и къ намъ, самъ знаешь, у меня семья, благодаря Бога, людная и веселая и двѣ дѣвки кровь съ молокомъ, нéчего Бога гнѣвить, благодарить надо, этимъ не обидѣлъ; ну, и тебѣ, сиротинушкѣ, все повеселѣй на сердцѣ станетъ, все въ людяхъ душу отведешь, горе размыкаешь....

И Петруша молчитъ, да думаетъ свое. Всякъ себѣ на умѣ, и онъ тожъ. Вотъ какъ пришло время, онъ и подумалъ: «для чего же я стану засылать сватовъ, коли дѣло у насъ давно все слажено, и отецъ, мать Парани давнымъ-давно все знаютъ, и чтó было и чтó у насъ положено, потому-что Параня отъ нихъ не таится — и когда они сами отъ этого дѣла не прочь, а ждутъ только, чтобъ мы пришли просить ихъ благословенія?» Вотъ онъ, надумавшись, и пошелъ самъ, надѣвъ новый кафтанъ отцовскій, съ краснымъ кушакомъ, и пошелъ не задами да закоулками, какъ бывало прежде, а прямо, большой улицей: пусть люди глядятъ, кому надо.

Пришедши въ избу, перекрестился онъ, поздоровался, сѣлъ по приглашенію и таки-долгонько молчалъ и разглаживалъ усы. Паранѣ, однако, стыдно стало, она и вышла. Вотъ тогда-то онъ надумавшись, сказалъ: «А чтó, дядушка Никита, когда же вы насъ съ Парашей-то благословите?» — Дядя Никита поглядѣлъ на этого гостя и, молвилъ: «А когда надумаетесь, да прійдете, тогда и благословимъ.» Тогда Петруша спохватился, всталъ и, поклонившись, оборотился къ хозяйкѣ, которая шарила въ печи: «А вы, матушка Василиса Степановна?» — Она также разсмѣялась и, отставивъ ухватъ, отвѣчала: «Да ужъ чай не порознь же намъ васъ благословлять, а когда отецъ, тогда и мать. Да что жъ?» сказала она, улыбаясь и глядя на отца: «видно на нихъ-то глядѣть нéчего, не знай скоро ли опять надумаются, а жданковъ-то мы много видѣли; верши, чтó ли

дѣло, коли такъ Богу угодно. Дядя Никита взглянулъ на Петра; этотъ сталъ отвѣшивать поклоны и молчалъ. «Ну, что́ жъ, молвилъ отецъ, съ Богомъ; зови дѣвку-ту.» И ударили по рукамъ, спросивъ напередъ Парашу, что можетъ статься, она и не хочетъ идти за Петра. «Хочу» сказала она смѣючись и отвернувшись лицомъ къ печи. А хочешь, такъ сюда гляди» молвилъ отецъ: «къ печи подъ благословеніе не подходятъ. Ну, натерпелись вы, дѣтки — памятуйте это, да творите одно добро на вѣку своемъ, кому сможете. Богъ васъ благословитъ!»

Черезъ недѣлю послѣ этого молодыхъ привезли поѣздомъ въ избу Петруши; молодая хозяйка, вошедши съ нимъ вмѣстѣ напередъ всѣхъ, встрѣчена была его посажеными и обоихъ вмѣстѣ накрыли образомъ; затѣмъ они вмѣстѣ помолились передъ домашними иконами, а тамъ посаженая оборотила молодую хозяйку лицомъ къ поставцу и велѣла проговорить: «чашки, ложки, плошки, всѣ по мнѣ; знайте, что я большуха надъ вами, я ваша хозяйка!»

Такъ-то Параша правду напророчила своему суженому, что Покровъ уже не застанетъ ее въ дѣвичьей косѣ, а что будетъ у нея коса расплетена и голова покрыта.

XLII.

КТО КОГО ОДУРАЧИЛЪ?

— Ахъ онъ безмозглый хохолъ! говорилъ Андрей Степановичъ, вставъ, въ нетерпѣніи, со стула, закинувъ руки за спину и расхаживая по комнатѣ: — ахъ онъ баранъ барановичъ! дуракъ! Вотъ затесалась ворона въ высокіе хоромы! Да хоть-бы онъ вотъ тутъ немножко у себя постучался, продолжалъ онъ, остановившись передъ барыней въ наборномъ чепцѣ, ударяя себя пальцами въ лобъ: — ну не-ужъ-то онъ не можетъ разсудить, что ему Маши не видать, какъ ушей своихъ? Ну ему ли соваться ко мнѣ въ зятья?»

— Все слѣпотствующая любовь, страсть необсудительная, отвѣчала чувствительная казначейша, которая сильно начиталась страстей, съѣла зубы на Марлинскомъ и знала наизустъ всего Пушкина: — что дѣлать, простительно-съ, ей Богу, простительно; первая любовь, сами изволите знать, Андрей Степанычъ....

— Подите вы съ своей любовью! Ни первой, ни послѣдней я знать не хочу.... ха, ха, ха! Да о чемъ же я разгорячился? Мальчишка, больше ничего; пустяки, вздоръ! Ну, сударыня моя, хоть вы и остереглись, правда, не свахой

отъ этого безмозглаго хохла пріѣхали, а такъ, будто, то-есть сообщили вѣсточку, которая къ слову пришлась, а ужъ не миновать вамъ того, что принять отъ меня порученіе попросить своего запорожца, чтобъ онъ впередъ миновалъ крыльцо мое. Доложите ему, какъ тамъ себѣ хотите, что-де отъ нашихъ воротъ есть поворотъ, люби насъ, а ходи мимо. Такъ, такъ, сударыня — и полно.

Въ тотъ же день, распростившись съ чувствительною казначейшей, Андрей Степановичъ пошелъ къ дочери и по первому, нежданому слову заставилъ ее побагровѣть до самыхъ рѣсницъ, опустить глаза на-земь и стоять передъ отцомъ молча, едва переводя духъ, съ крупными двумя слезами на глазахъ. Андрей Степановичъ, впрочемъ, долго не мучилъ ее, а считая все это, какъ самъ выражался, вздоромъ, пустяками, ребячествомъ, ограничился отеческими приличными наставленіями, стараясь возбудить въ Машѣ презрѣніе къ такому жалкому, ничтожному по чину, званію и богатству существу, каковъ былъ бѣдный, заѣзжій хохолъ; затѣмъ отецъ поцаловалъ ее, намекнувъ на жениховъ знатныхъ, съ именемъ, почетомъ и достаткомъ. Маша всему этому молча покорилась, только много плакала одна, когда отецъ ушелъ.

Андрей Степановичъ былъ вдовый, богатый и гордый столбовой дворянинъ, который считался въ этомъ отношеніи однимъ изъ первыхъ украшеній губерніи. Кромѣ благородныхъ забавъ, картъ, домашняго волокитства и охоты онъ не занимался ничѣмъ, но за-то жилъ весело и раздольно. Правда; что жизнь такая довольно-заманчива: какъ поглядишь на плотнаго здороваго барина, который до-сыта пользуется своею независимостью и которому покорствуетъ все на пространствѣ тысячи квадратныхъ верстъ (100 т. десят.) то невольно подумаешь про-себя, по-крайней-мѣрѣ, глядя со стороны, что это-де несовсѣмъ-худо.... Но я хотѣлъ только сказать, что Андрей Степановичъ любилъ охоту, держалъ огромную и знаменитую псарню: изъ которой, подъ стра-

хомъ всяческихъ наказаній, ни одинъ щенокъ не попадалъ въ постороннія руки. Если имѣніе и было заложено, то, по-крайней-мѣрѣ, никто не могъ доказать, чтобъ это сдѣлано было собственно въ пользу собакъ, потому-что и другихъ, неменѣе значительныхъ предметовъ расхода оказывалось великое множество. Явленіе съ чувствительной казначейшей происходило именно дня за три до выѣзда Андрея Степановича, со всѣмъ охотничьимъ поѣздомъ, въ отъѣзжее поле, недѣли на двѣ или на три, къ чему всегда приглашались всѣ окружные помѣщики, понимавшіе толкъ въ этомъ дѣлѣ, а также нѣсколько знакомыхъ стрѣлковъ изъ сосѣдняго губернскаго города; да кромѣ-того еще при увеселеніяхъ этихъ былъ необходимъ вольный или невольный шутъ, дурачокъ, котораго постригали въ званіе это для потѣхи цѣлаго общества. Съ большою ловкостью вся вольница эта умѣла держать бѣдную жертву свою. въ-теченіе двухъ недѣль, въ назначенномъ ему положеніи и званіи; тутъ не помогало этому человѣку ничего — ни гнѣвъ, ни добродушіе, ни умъ или ловкость — коли трое говорятъ, что пьянъ, то поди и ложись; здѣсь все устроивалось и подготовлялось съ постоянною цѣлью: дурачить человѣка кругомъ и со всѣхъ сторонъ, день за день и каждый часъ; самая прислуга, которая чрезвычайно рада подобному случаю, была до-того наметана и пріучена, что бѣднякъ, попавшись однажды, сидѣлъ въ тенетахъ весь, какъ онъ есть, и никакими способами не могъ избавиться отъ наложенной на него, по приговору общества или одного Андрея Степановича, должности шута. Конечно, для этого вообще избирались люди не слишкомъ-взыскательные, которые должны были поставить себѣ за особенную честь самое приглашеніе и пріемъ въ такое избранное общество, гдѣ, какъ само-собою разумѣется, между-прочимъ, шампанское постоянно лилось рѣкой.

Когда Андрей Степановичъ успокоился нѣсколько послѣ нанесеннаго ему казначейшей, чувствительнаго оскорбленія и сталъ распоряжаться по предстоящему празднеству, то

ему показалось какъ-нельзя-болѣе кстати, опредѣлить на это время въ дураки именно того хохла, который вздумалъ (дерзость неслыханная!) влюбиться первою любовью, какъ изъясняла казначейша, въ дочь его, Андрея Степановича. Онъ такъ восхитился этою мыслью, что, сидя одинъ передъ окномъ и глядя на прачекъ, полоскавшихся подъ мостомъ, вскочилъ съ мѣста, щелкнулъ пальцами и громко захохоталъ. Человѣкъ, слуга то-есть, полагая, что баринъ ударилъ въ ладоши, вошелъ; но Андрей Степановичъ, оглянувшись и сказавъ: «ничего, дуракъ, не о тебѣ рѣчь идетъ», продолжалъ ходить съ трубкой по комнатѣ и радоваться, какъ ребенокъ своей находкѣ. Не говоря уже о томъ, что дуракъ прошлогодняго отъѣзжаго поля былъ слишкомъ-вялъ и глупъ, оканчивая притомъ, иногда очень-некстати, шутки свои тѣмъ, что съ утра нарѣзывался мертвецки-пьянымъ, почему и оказывался ни къ чему неспособнымъ, Андрей Степановичъ полагалъ также, что это будетъ однимъ изъ лучшихъ уроковъ для хохла, котораго онъ, мимоходомъ сказать, видно, умѣлъ хотя нѣсколько оцѣнить, предполагая, что тотъ не перенесетъ этого равнодушно и, какъ человѣкъ оскорбленный и опозоренный, унесетъ свою бѣдную голову куда-нибудь подальше отъ людей. Андрей Степановичъ свиснулъ, закричалъ: «эй!» и хлопнулъ въ ладоши. Слуга вошелъ. «Позвать Дергалова!» Первый ловчій вошелъ. «Послушай,» сказалъ Андрей Степановичъ, улыбаясь и разставивъ обѣ ноги пошире, между-тѣмъ, какъ руки закинуты были за спину, подъ сюртукъ: «послушай, знай и отдай потихоньку приказаніе: шутомъ будетъ у насъ Кумаченко — знаешь; хохолъ этотъ, какъ его?» — «Знаю-съ.» — «Ну, ступай, да смотри, одурачить его хорошенько — слышишь? Всѣ продѣлки съ нимъ выдѣлать.»

Кумаченко былъ дѣйствительно, по уму и сердцу, настоящій хохолъ: человѣкъ вовсе-неглупый, даже довольно-умный и разсудительный, но съ какою-то особою складкою ума, которая иногда клонилась къ чудачеству; ему также

Богъ далъ на долю небольшой запасецъ замысловатости, подъ личиною простодушія, безъ чего ни одинъ малороссъ не можетъ жить на свѣтѣ, особенно между москалями; частицу лѣни, упорства, но притомъ доброе, теплое сердце, сочувствіе къ художествамъ и созерцательную наклонность; если его раздражали, что, по долготерпѣнію его, случалось рѣдко, то онъ не скоро забывалъ обиду и охотно мстилъ. Заѣхавъ на службу въ отдаленную русскую губернію, онъ было скоро обжился и свыкся со многими; но, по неопытности своей и наклонности сводить тѣсную дружбу при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, чѣмъ бы до причалу подержаться на шестахъ и опознаться, онъ уже нѣсколько разъ ожигался и все болѣе-и-болѣе склонялся къ одиночеству. Наружность и пріемы его, въ-сущности благообразные и приличные, несмотря на это, частенько возбуждали веселость зубоскаловъ, потому-что въ нихъ было что-то особенное; а южное произношеніе, при которомъ еще нерѣдко вырывались отъ полноты души родныя выраженія радости, печали, удовольствія, гнѣва или ласки, довершали въ глазахъ многихъ чудачество Кумаченка.

Любовишка его длилась уже около года и нравъ его вовсе не склоненъ къ измѣнчивости и непостоянству. Такой человѣкъ, какъ Кумаченко, могъ бы скорѣе изнывать десять лѣтъ въ безнадежной страсти, чѣмъ отказаться отъ этого смѣлаго выбора убѣжденіемъ и силою воли. Конечно, былъ онъ, по принятымъ свѣтскимъ понятіямъ, вовсе не чета Марьѣ Андреевнѣ, ни она ему; но что же вы будете дѣлать съ упрямымъ хохломъ, который предается безотчетно влеченію своего причудливаго сердца?

Маша съ своей стороны была тутъ, конечно, также не безъ вины; Кумаченко былъ не дуракъ, и потому не влюбился бы очертя голову тамъ, гдѣ не нашелъ бы ни отвѣта, ни привѣта. Оставшись ребенкомъ сиротой, она провела десять лѣтъ до возмужалости своей въ одиночествѣ: отецъ былъ добръ къ ней, но крайне-беззаботенъ и безтолковъ,

когда дѣло касалось воспитанія; мадамы разнаго вида, старыя, молодыя, плотныя, худощавыя, чередовались одна за другою и смѣнялись прежде, чѣмъ ребенокъ успѣвалъ сколько нибудь привыкнуть къ нимъ. Сначала взята была женщина въ лѣтахъ, но она вскорѣ надоѣла Андрею Степановичу и онъ взялъ гдѣ-то молодую, очень-благовидную, съ которою въ первое время уживался хорошо, но по частымъ отсутствіямъ его отъ дома, вмѣшался кто–то посторонній; а какъ дружбы самъ-третей на свѣтѣ не бываетъ, то мамзель, исправлявшая должность мадамы, должна была съѣхать; поступила третья, также очень-видная, выписанная за большія деньги изъ-за границы, но та сама покинула черезъ полгода честь и мѣсто, оставивъ въ домѣ, какъ гласилъ позорный временникъ, одну только память по себѣ: какую-то полновѣсную оплеуху. Такимъ-образомъ бѣдная Маша переходила съ рукъ на руки, и будучи при живомъ отцѣ истинно-круглой сиротой, выросла, возмужала; грудь ея давно согрѣлась горячимъ и нѣжнымъ сердцемъ, а у ней не было никого, въ комъ она могла бы возбудить сочувствіе, не только любви, въ смыслѣ тѣсномъ, но и въ общемъ: любви родственной и дружбы.

Случай сблизилъ ее разъ-другой съ Кумаченкомъ, который былъ простъ и привѣтливъ въ обращеніи, въ обществѣ веселъ, пѣлъ довольно-чисто и пріятно и выказывалъ всякому теплое чувство свое и какую-то обаятельную задушевность. Маша была побѣждена этимъ съ перваго раза; молодые люди поняли другъ друга безъ толмача и вскорѣ Кумаченко бродилъ, не слыша подъ собою земли, и плакалъ и смѣялся по одной только Машѣ. Онъ понималъ, что этотъ кусъ не для его устъ, но отрѣшиться отъ нея не могъ и не хотѣлъ; то отчаянно надѣялся то безнадежно отчаявался и, нанимая жилье у чувствительной казначейши, невольно проговорился ей, потомъ привыкъ бесѣдовать съ нею о блаженствѣ и бѣдствіи своемъ и наконецъ, сбившись вовсе съ толку и потерявъ всякое соображеніе, присталъ къ ней неотступно сватать за

него Машу, съ тѣмъ-де, что пусть будетъ что Богу угодно. Мы видѣли, какъ она исполнила это порученіе: она и подумать не смѣла о томъ, чтобъ точно сватать дочь Андрея Степановича за хохла Кумаченка, но она избрала среднюю дорогу, явившись чѣмъ-то среднимъ между свахой и простой вѣстовщицей и притомъ сдержала данное Кумаченку слово увѣдомить Машу о порученіи друга ея.

Когда стали собираться на охоту, къ которой былъ приглашенъ и Кумаченко, какъ искони было обыкновеніе приглашать всякаго, кто считался охотникомъ, то хохолъ нашъ не хотѣлъ вовсе ѣхать, огорченный и разочарованный тѣмъ, что онъ называлъ неудачей, хотя всякій другой смѣялся этому сватовству и считалъ очевиднымъ, что тутъ никакой удачи и быть не могло. Но слухъ о распоряженіяхъ Андрея Степановича насчетъ пострижки хохла въ шуты уже распространился; молодежь перешепнулась, забѣгала и рѣшила, что Кумаченка надо везти на охоту во чтобы ни стало, иначе все предположенное веселье рушится. Подослали человѣка, который успѣлъ убѣдить Кумаченка разными доводами, что ему гораздо-лучше будетъ ѣхать, особенно, чтобъ не подать повода къ сплетнямъ и пересудамъ о неудачномъ сватовствѣ, и всѣ, напередъ уже потирая руки, хохотали до слезъ, воображая какъ это будетъ весело и сколько предстоитъ имъ невинныхъ удовольствій. Наканунѣ отъѣзда зналъ объ этомъ весь городъ; ни въ одномъ домѣ не было инаго разговора, какъ о томъ, какъ будутъ дурачить Кумаченка, и всѣ барыни и барышни наказывали мужьямъ, братьямъ и пріятелямъ своимъ разсказать, по возвращеніи, во всей подробности, какъ и что происходило.

Мы сказали уже, что Кумаченко былъ-таки порядочный чудакъ, да кромѣ-того онъ былъ на охотѣ горячъ и опрометчивъ, почему и нисколько неудивительно, особенно при такихъ всеобщихъ усиліяхъ, что его дурачили на каждомъ шагу. Началось тѣмъ, что нашколенные люди Андрея Степановича успѣли украсть у него на-время ружье и вымазать

саломъ; поэтому все утро перваго дня, между-тѣмъ, какъ повсюду раздавались выстрѣлы и зайцы сбивали стрѣлка нашего съ ногъ, онъ провелъ только въ безполезныхъ проклятіяхъ на непонятныя вспышки и осѣчки, прочищалъ, протравливалъ, разряжалъ и продувалъ ружье и снова не видалъ отъ него никакой службы, кромѣ вспышекъ и осѣчекъ, а затѣмъ, всеобщаго удовольствія своихъ товарищей.

За завтракомъ не обобрался онъ колкихъ насмѣшекъ и шуточекъ; но къ вечернему полю успѣлъ снова промыть и исправить свою фузею, такъ-что по первому выстрѣлу убилъ зайца. Погорячившись за тѣмъ и давъ нѣсколько промаховъ, онъ только-что соображалъ, въ досадѣ своей, отчего бы это могло случиться и не *легчитъ* ли ружье его, не подбиты ли зайцы?— какъ вдругъ услужливый доѣзжачій Андрея Степановича, подноситъ ему почтительно зайца, испрашивая позволенія второчить его на лошадь Кумаченка, которая стояла въ нѣкоторомъ разстояніи, подъ присмотромъ даннаго ему стремяннаго. «Это вашъ заяцъ», сударь, сказалъ доѣзжачій, «вы изволили убить его, онъ упалъ вонъ тамъ, за кустикомъ.» Кумаченко поблагодарилъ и, разумѣется, былъ доволенъ удачей. Черезъ пять минутъ ему приносятъ другаго, а тамъ и третьяго зайца, и хотя это уже показалось Кумаченку нѣсколько-сомнительнымъ, но чинный и почтительный видъ прислуги, ясныя доказательства ихъ, что эти зайцы точно убиты были имъ, а пуще всего обычное всякому охотнику самолюбіе и запальчивость, заставляли Кумаченка смалчивать и соглашаться. Облава кончена; все общество, какъ-будто по уговору — а условный знакъ былъ поданъ черезъ рогъ — собралось около Кумаченка; надобно ѣхать дальше; подводятъ лошадей.... и на кумаченкиной лошади второчено уже не три, а, можетъ-быть, до тридцати зайцевъ; она черезъ силу несетъ на себѣ гору эту и хозяину рѣшительно нѣтъ на сѣдлѣ мѣста. Это называется *обвѣшать* охотника и въ строгомъ смыслѣ употребительно тогда только, когда горяченькій новичокъ, съ ружьемъ или

съ собаками, начинаетъ спорить за каждаго зайца, утверждая, что онъ его убилъ, или что его собака зайца поймала. Какъ бы то ни было, а начало это было довольно-тягостно для Кумаченка; онъ догадался по этой шуткѣ и всеобщему веселью, что его постригли въ дураки.

Только-что тронулись къ слѣдующему острову и переѣхали поле, какъ псарь подвернулся очень-ловко къ Кумаченку, отставшему нѣсколько отъ шумной толпы, и, подмигивая, указывалъ въ сторону. «Что такое!» спросилъ тотъ. «Я проѣхалъ тутъ стороною» отвѣчалъ псарь таинственно, «да заподозрѣлъ въ узерку русака.... да какой матерой! Лежитъ, да глядитъ на меня; я и подумалъ: пусть проѣдутъ господа, а это баринъ добрый, дастъ на водку, ему укажу.» Хохолъ мой схватилъ ружье съ плеча и отправился за псаремъ. «Вонъ, вонъ, повторялъ тотъ, спѣшившись, ведя за собою Кумаченка и обходя русака на кругахъ: «вонъ лежитъ, уши прижалъ».... Еслибъ стрѣлокъ мой въ это время оглянулся, то онъ бы увидѣлъ, что все общество остановилось на возвышеніи, въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки; но какой же охотникъ отведетъ въ такое мгновеніе глаза отъ дичи? Хохолъ приложился, убилъ русака, подхватилъ его и, оглянувшись, удивился только немного тому, что псаря уже не было: онъ за добра-ума убрался и во весь день не показывался на глаза Кумаченку, какъ это всегда водится въ подобныхъ случаяхъ. Толпа въ ту же минуту наскакала съ поздравленіями. Андрей Степановичъ, не подавая никакого вида, смотрѣлъ на все съ высоты своего величія, сидя на лошади, но услужливые блюдолизы его тотчасъ же принялись ощупывать и осматривать матераго русака и нашли у него, къ крайнему изумленію Кумаченка, спрятанную въ одно ушко записочку, въ которой заяцъ извинялся очень вѣжливо передъ нимъ въ томъ, что былъ убитъ часа за два передъ этимъ такимъ-то. Поздравленія еще усилились и общее веселье и радость

превзошли всякіе предѣлы: записочка переходила изъ рукъ въ руки и была каждымъ прочитана снова вслухъ.

Но всего этого мало: повторяю, коли трое говорятъ, что ты пьянъ, то молчи, иди скорѣе и ложись спать; какъ кто ни вертись въ положеніи нашего бѣднаго хохла, а найтись и отклонить отъ себя всѣ подведенныя общимъ согласіемъ мины очень-трудно; остается только не шутя разсердиться и разбранить всѣхъ, что впрочемъ, обыкновенно также выходитъ довольно-глупо. Нечего дѣлать, Кумаченко рѣшился терпѣть, покуда станетъ терпѣнья, и отшучиваться, какъ Богъ на умъ положитъ. Поэтому въ этотъ и на слѣдующій день было еще много продѣлокъ съ нимъ, такъ-что ему по истинѣ не давали ступить шагу безъ подготовленной къ общему удовольствію штуки, и потѣха была велика. Его подвели и заставили выстрѣлить, такъ же, какъ по зайцу, по привязанному на деревѣ мертвому тетереву; убитыхъ имъ съ великимъ трудомъ пятерыхъ тетеревей подмѣнили, и подали вмѣсто того, къ общему смотру, пять лысухъ, причемъ восклицаніямъ изумленія не было конца и не могли надивиться какимъ образомъ Кумаченко стрѣляетъ лысухъ въ бору, съ дерева; отдавали ему вечеромъ перваго дня, по общему приговору, почетъ, какъ увѣряли на охотничьихъ правилахъ, признавъ его, за три десятка убитыхъ имъ зайцевъ, царемъ охоты и постановивъ, чтобъ всякій говорилъ съ нимъ, держа шапку въ рукахъ и пр. Наконецъ, когда бѣднякъ сталъ уже очень-остороженъ и шутки эти начинали ему крайне надоѣдать, выпустили противъ него изъ кустовъ живаго зайца, котораго онъ и убилъ и даже самъ второчилъ, но который, къ-несчастью, оказался кошкой, зашитой въ заячью шкуру; по живучести своей, она, будучи привязана къ сѣдлу за заднія ноги, ожила, принялась царапать лошадь передними лапами, а лошадь стала бить задомъ и передомъ, понесла, сбила сѣдока и изломала ружье его. Кошка эта, получившая названіе тумана, возвела удачнымъ притворствомъ своимъ всѣхъ на высшую степень

удовольствія, и никто не помнилъ, чтобъ когда-нибудь было такъ весело; на слѣдующій же день, когда Кумаченко, обрадовавшись ломкѣ ружья своего, хотѣлъ отправиться домой, еще таки-успѣли его удержать, потому-что комедія не была кончена. Ему подали извѣстное гостиное ружье Андрея Степановича, чистой тульской работы, которое было сдѣлано на-заказъ, съ-тѣмъ, чтобъ стрѣлокъ никогда не могъ попасть въ цѣль: оно было аршина полтора выше цѣли и вправо. Послѣ этого уже, конечно, немудрено было, что Кумаченко, независимо отъ большаго или меньшаго искуства стрѣлять, впродолженіе цѣлаго дня не убилъ ни одной штуки, и что, слѣдовательно, по заведенному, прадѣдовскому обычаю, за обѣденнымъ столомъ въ чистомъ полѣ ему поднесли, съ музыкой и торжествомъ, особенное, послѣднее блюдо: шапку, украшенную ослиными ушами.

— А, да чортъ бы васъ взялъ! сказалъ Кумаченко, выведенный изъ терпѣнья, и вскочилъ съ мѣста: — сами вы ослы, а на другихъ шапки надѣваете.... Всѣ бросились ублажать и успокоивать его, потому-что такой исходъ дѣла могъ испортить всѣ шутки; но хохолъ нашъ, рѣшившись разъ высыпать обществу сердце свое, не поддавался уже ни на какія прельщенія, а отдѣлился отъ прочихъ, и, когда всѣ сѣли на коней и поѣхали къ ночлегу, то онъ своротилъ въ сторону и поѣхалъ шагомъ домой, въ городъ.

Грустно, и скучно, и больно ему было, а Маша не выходила изъ ума. «Что» подумалъ онъ, «еслибъ я теперь поѣхалъ не въ городъ, а на село къ этому мошеннику, къ Андрею Степанычу, да еслибъ мнѣ Богъ пособилъ увидаться, хоть только увидаться съ Машей.... А что жъ? Безъ него не выгонятъ же меня; я могу даже придумать отъ него какое-нибудь порученіе; онъ прошатается еше недѣли двѣ по окружности и, вѣроятно, даже не узнаетъ, что я у него былъ....»

Кумаченко задумавшись крутою думою и сказавъ про себя: «Что жъ я буду дѣлать, коли я не могу ее забыть?»,

повернулъ лошадь прямѣйшимъ путемъ, черезъ поля и горы, на усадьбу Андрея Степановича, и пустилъ ее ходою, а тамъ и рысью. Поѣхавъ, черезъ часъ, для передышки лошади, шагомъ, онъ запѣлъ свою пѣсню и пѣлъ ее до слезъ, а тамъ опять пустился рысью. Довольно-поздно вечеромъ онъ въѣхалъ на широкій дворъ богатаго помѣщика и струсилъ до того, что готовъ былъ опять воротиться. Но собаки залаяли, люди вышли, онъ сошелъ съ коня, сказавъ, что Андрей Степановичъ поручилъ ему провѣдать барышню на перепутьи. Хохлу повезло счастье: мамзель, исправляющая должность мадамы, была несовсѣмъ-здорова, не одѣта, и потому не вышла; а не понимая порусски, она и не знала ни слова о томъ, что происходило за нѣсколько дней между отцомъ Маши и чувствительною казначейшей; поэтому она выслала питомицу свою въ гостиную принять гостя.

Послѣ немногихъ словъ, гдѣ оба были не въ своей тарелкѣ, Кумаченко оглянулся, замѣтилъ, что они одни и вдругъ доискался языка:

— Сердце мое, Марья Андревна, сказалъ онъ: — да долго ли жъ намъ такъ мучиться? Воля ваша, что хотите со мной дѣлайте, а я не вытерплю, не перенесу. Вамъ, можетъ-статься, ничего; а я, ей-Богу, вотъ пойду да и утоплюсь. Марья Андревна, сердце мое, да скажите же, хоть на прощаньи, любите вы меня или нѣтъ?.... да скажите сдѣлайте милость, одно слово.... О, коли любите: такъ развѣ жъ намъ можно такъ убивать себя? И за что? Боже мой! кому оно нужно, все это добро?.... Богъ съ нимъ.... Слушайте, сердце мое, у меня есть свой маленькій куточекъ: хатка на рѣчкѣ, садъ.... а вишень, вишень что! хатки и не видно снизу, только съ горы, вся закутана въ яблоняхъ: грушахъ, вишняхъ, черешняхъ.... душечка, Марья Андревна, сдѣлайте жъ милость, поѣдемъ туда.... Богъ съ нимъ, съ этимъ богатствомъ; поѣдемъ, Марья Андревна, сердце мое, а ну? поѣдемъ.... поѣдемъ?....»

Словомъ, неотвязчивый Кумаченко, сдѣлавъ нападеніе это въ расплохъ, не отсталъ отъ дрожащей, блѣдной дѣвицы, покуда не вымозжилъ изъ нея какой-то звукъ согласія; по-крайней-мѣрѣ такъ ему показалось, онъ былъ въ томъ увѣренъ, и потому тотчасъ же простился, съ восхитительными восклицаніями, которыя умѣрялись однимъ только страхомъ осторожности. Слѣдующій вечеръ, въ девять часовъ, назначилъ онъ для вторичнаго свиданія, объявивъ, что будетъ у нижней калиточки сада; и не дождавшись никакого отвѣта, который Маша и не была въ состояніи произнести, поцаловалъ ручку ея и скрылся.

Сѣвъ на лошадь, онъ забылъ, что она уже съ утра подъ сѣдломъ; къ полуночи былъ онъ дома. Онъ пытался дорогою нѣсколько разъ затянуть веселую пѣсню, пускалъ даже для этого коня своего вскачь, потому-что рысью выходила одна икотка, но нашелъ и это неудобнымъ и ѣхалъ въ потьмахъ молча, рысью во всѣ лопатки. На другой вечеръ, въ исходѣ девятаго, онъ подъѣхалъ въ коляскѣ, низомъ по рѣчкѣ, до небольшаго лѣсочка подъ усадьбой Андрея Степановича; тутъ коляска, четвернею въ рядъ, остановилась, а сѣдокъ пошелъ пѣшкомъ до извѣстной калиточки; она была растворена настежь, какъ обыкновенно, а въ огромномъ саду все тихо и пусто. Воръ постоялъ, послушалъ, заглянулъ осторожно туда и сюда и прокрался подъ стѣной до главной, средней про́сади. И тутъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ, притаившись за толстой березой и усильно прорѣзывая потьмы взорами, какъ увидѣлъ вдали что-то живое на этой дорожкѣ. Сердце его забилось такъ, что онъ быстро оглянулся кругомъ, не услышитъ ли кто. Тѣнь медленно приближалась, остановилась еще въ далекѣ и повернула опять назадъ. «Боже мой!» вскричалъ хохолъ забывшись и протянувъ обѣ руки, и тѣнь остановилась. Онъ выбѣжалъ и подхватилъ ее, и тутъ счастье не измѣнило ему, видно ужъ на то пошло: это была Маша, а вокругъ нея никого. Она не помнила, какъ ее вывели изъ сада, свели

поспѣшно по тропинкѣ въ лѣсокъ, посадили въ коляску и помчали. Приходя въ себя, она дѣлалась нѣсколько разъ крайне-безпокойною, вырывалась изъ рукъ, но, успокоенная ласками жениха своего, падала опять въ изнеможенiи въ объятiя его. Верстахъ въ пятнадцати была приготовлена подстава; тутъ распоряжался слуга Кумаченка, Ахвтанасiй, такъ онъ называлъ себя, не желая назваться, по домашнему Панасомъ; далѣе прискакали въ село, гдѣ нашли двухъ или трехъ прiятелей Кумаченка, ожидавшихъ развязку этого дѣла съ большимъ нетерпѣнiемъ. «Вотъ она, моя зозуленька!» сказалъ Кумаченко, обращаясь къ нимъ и указывая на Машу, которую велъ подъ-руки, «да и вамъ спасибо; на свѣтѣ таки не безъ добрыхъ людей.»

Чету тотчасъ же обвѣнчали. Какъ это могло случиться— не спрашивайте; видно такъ же, какъ случается иногда, или случалось. Андрею Степановичу, въ одно время, дали знать съ усадьбы, что дочь пропала безъ вѣсти, а изъ города, что Кумаченко, недумано-негадано, высваталъ завидную невѣсту и уже обвѣнчанъ, а на дняхъ ѣдетъ въ Малороссiю. Бѣшенство, Андрея Степановича, ни къ чему не повело; года въ полтора онъ уходился, разсудилъ, что у него дочь однимъ-одна и что родовое имѣнiе рукъ ея не минуетъ, а потому и помирился. Маша, въ новомъ положенiи своемъ, опомнилась и пришла въ себя почти также не прежде этого срока! она не понимала, какъ могло все это надъ нею статься, тогда, какъ ей казалось, ни воли ея, ни рѣшимости и согласiя на это не было. Кумаченко часто поминалъ отъѣзжее поле, на которомъ его постригли въ дураки, и говаривалъ: «Дай Боже здоровья умнымъ людямъ, что изъ дурака сдѣлали человѣка: не будь тогда этого случая, сидѣлъ бы я о-сю-пору въ дуракахъ!»

XLIII.

ЧЕТЫРЕ БРАКА И ОДИНЪ РАЗВОДЪ.

Въ Бухарестѣ жилъ первостатейный бояринъ — положимъ Помеско. Съ той поры, какъ общественные обычаи тамъ онѣмечились и офранцузились, у старика въ домѣ произошло много переворотовъ, которыхъ онъ не могъ осилить, сколько ни спорилъ, ни сердился: противъ вѣтра не надуешься. Если и справедливо, что борода — трава и что ее скосить можно безъ вреда головѣ, то вмѣстѣ съ бородой нерѣдко скашивается много такого, чего бы косить не должно. Изъ опыта извѣстно, что поспѣшная переимчивость чужихъ нравовъ и обычаевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ неминуемое глубокое презрѣніе своего роднаго быта, всегда влечетъ за собою растлѣніе нравовъ, или, что одно и то же — безнравственность. Это испытала, въ свое время, и та страна, о которой мы теперь говоримъ. Торопись учиться, а не торопись перенимать.

Увлекаемый общимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, старый бояръ отпустилъ сына своего въ Вѣнскій Университетъ; тутъ, конечно, нѣтъ ничего еще дурнаго, напротивъ, казалось бы, что это даже очень-хорошо; но случилось то,

что весьма-часто случается при такихъ обстоятельствахъ — сынъ Помеско, Евстатій, воротился какимъ-то межеумкомъ, отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ, путному не научился, а съ пути сбился. Въ то время еще почти никто не ходилъ тамъ во фракѣ, а потому Евстатій и придумалъ себѣ какой-то нарядъ, средній, также межеумокъ, ни сюртукъ, ни чекмень, ни венгерку, — расчесалъ волосы, отбросивъ вовсе чалму и боярскую шапку, и обулся, при полушироких шароварахъ, въ черные сапоги. Всѣ разинули рты.

Пробывъ четыре года за границей и воротившись домой въ этомъ видѣ, Евстатій, какъ всякое новое, или обновленное лицо, надѣлалъ въ своемъ кругу много шума. Свѣтскій, модный, даже новомодный молодой человѣкъ, передѣланный на этотъ новый ладъ за границей — это находка для дамъ и дѣвицъ, всегда скучающихъ съ земляками, со стариками, даже съ домашнею полутурецкою молодежью — такая новая новинка для нихъ находка.

Молдаванки и волошенки влюбчивы, и это не тайна; Аглаица, также изъ хорошаго боярскаго дома, молодая, пригожая, вѣтреная — она даже между землячками своими, волошенками, отличалась этимъ качествомъ, и потому Евстатію не мудрено было вскружить ей голову, Отношенія между обоими полами въ княжествахъ, до этого времени, были турецкія, а потомъ стали самыя модныя, европейскія: модныя въ томъ смыслѣ, что все дурное легко перенимается, а хорошее выворачивается наизнанку. Войти и поклониться, сѣсть и стать, и растянуться, и проплясать — все это съ-молоду перенять можно; а душонки за границей не передѣлаешь. Аглаицѣ казалось, что быть женою *моднаго* и любезнаго Евстатія — это верхъ блаженства, край благополучія; а самое замужство ставила она, по важности и значительности, между катильйономъ и мазуркой. Вы видите изъ этого, что Аглаица не отстала отъ общаго потока, отъ стремленія къ европейской образованности, и вмѣсто своей

народной *мититики*, которую, въ былое время, плясали матушка и бабушка ея, она утруждала, или услаждала маленькія ножки свои только общеевропейскими танцами. Котильйонъ — это было для нея пока еще важнѣйшимъ событіемъ жизни, потому-что тутъ сопрягалась чета почти на цѣлый вечеръ; вальсъ или мазурка были несравненно меньшей важности. И вотъ почему она относила супружество въ средину того и другаго.

Побѣда эта польстила и Евстатію; на все, что его окружало, смотрѣлъ онъ глазами наслажденія и обладанія, не заботясь о завтрешнемъ днѣ, а думая и разсчитывая всегда только на одни сутки. Притомъ, поглядѣвъ на себя въ зеркало и сравнивъ себя съ земляками своими, онъ ставилъ себя выше и превыше всѣхъ ихъ на неизмѣримое разстояніе; а какъ поклонниковъ у Аглаицы было много, даже и до него, то и бѣда эта, оправдывая высокое мнѣніе его о себѣ самомъ, давала ему еще болѣе самоувѣренности и окончательно вскружила голову. При такихъ обоюдныхъ отношеніяхъ довольно-ясно, что изъ Евстатія съ Аглаицой должна была выйти чета, если только родительскіе разсчеты этому не противились: и точно, къ добру ли, къ худу ли, но люди не успѣли оглянуться, какъ чета эта была обвѣнчана.

Сахарный и медовый мѣсяцъ мимо — это не въ счетъ. Порывы остыли, мара́ прошла и недостатокъ нравственной связи, между молодыми супругами, былъ довольно-ощутителенъ, хотя этого въ Бухарестѣ и некому было замѣтить. Миновалъ годъ; Богъ далъ сыночка. Это счастливое обстоятельство, такъ-сказать, вычинило нѣсколько худыя мѣста супружескихъ узъ; такъ-сякъ протянулся еще годъ, и опять далъ Богъ сына. На этотъ разъ, это была ужъ не новинка, а вторая радость, которая, и по качеству, и по количеству, никогда не равняется первой. Евстатій все еще могъ убѣдить себя, что теперь уже не его дѣло прельщать красавицъ и слыть самому первымъ любезникомъ по Бухаресту;

и, чтобъ сказать правду, Аглаица была сама въ такомъ же точно положеніи; она не вдругъ могла отвыкнуть отъ своего свѣтскаго значенія и даже не видѣла въ этомъ никакой нужды; покуда сердце ея было, волею судьбы, занято исключительно только Евстатіемъ, потуда она, безъ всякаго насилія, довольствовалась имъ; но когда, велѣніемъ природы, по древнему мнѣнію, нетерпящей пустоты, сердце это потребовало пополненія, то Аглаица, безсознательно вдалась опять въ ту же разсѣянную, свѣтскую жизнь, какую вела до замужства, только еще съ большею свободой и чувственностью.

Евстатій, по мѣстному обычаю, былъ вовсе не ревнивъ; рука руку моетъ, а онъ былъ не изъ тѣхъ мужей, которые, по совѣсти, не требуютъ этого очистительнаго омовенія. Холодность и равнодушіе между супругами со дня на день возрастали; упрекъ съ одной стороны вызывалъ десять противныхъ; наконецъ, такъ какъ каждый изъ нихъ шелъ, не стѣсняясь, своимъ путемъ и у каждаго сердце, или чувства, давно уже заняты были вовсе не супругомъ, то не знаю, кто первый изъ нихъ напалъ на умную, при такихъ обстоятельствахъ, мысль, спросить у самого себя откровенно: а желалъ, или желала бы я знать, для чего мы не разойдемся? Отвѣтъ на это, самому себѣ, былъ двоякій: вопервыхъ, дѣти; вовторыхъ, да какъ же это сдѣлать? нѣтъ явнаго приличнаго предлога:...

Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя жители княжествъ принадлежатъ къ восточной церкви, но, несмотря на это, разводныя у нихъ даются такъ же легко, какъ у евреевъ. Достаточно обоюднаго желанія супруговъ — и дѣло кончено.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, или въ пятницу — не помню, но только знаю, что это былъ тяжелый день, молодая чета наша была съ утра другъ другомъ крайнѣ недовольна. Трудно сказать, что́ именно между ними произошло; это были все такія бездѣлицы, о которыхъ и говорить

не стóитъ; но гроза собралась и накопилась, едва-ли не въ одинаковой мѣрѣ, какъ на челѣ прекрасной, бѣлокурой и голубоокой Аглаицы, такъ и на широкомъ, хотя и нѣсколько отлогомъ лбу Евстатія. Онъ былъ отозванъ къ обѣду въ этотъ день, а она расположилась обѣдать дома, собственно потому, что его не будетъ. «Отчего же ты не поѣдешь сегодня къ отцу?» допытывался онъ, хотя ему, поистинѣ, не было никакого повода, ни причины спрашивать объ этомъ, ни даже особенно этого желать; и прежде много разъ случалось, что онъ уѣзжалъ къ обѣду, а она оставалась дома, или наоборотъ; но это былъ черный день.... Она обидѣлась этимъ вопросомъ, также неизвѣстно почему и надулась. Онъ всталъ, началъ ходить по комнатѣ и ворчать. Она вышла и сѣла за фортепьяно, давно уже ею покинутое, потому-что дѣвицы учатся играть и пѣть для жениховъ, а не для мужей. И это перенесъ онъ терпѣливо, хотя и бѣсился внутренно, и наконецъ ушелъ къ себѣ. Между-тѣмъ, накрыли столъ, маленькій, уютненькій, для одной только барыни, которая, приказавъ себѣ изготовить только два любимыя блюда, тѣшилась, какъ ребенокъ, тѣмъ, что будетъ обѣдать одна, а послѣ обѣда поѣдетъ гулять и заѣдетъ туда и туда. Кушанье подали; вдругъ дверь растворяется, мужъ входитъ и молча садится за столъ. Она глядитъ на него въ недоумѣніи, а онъ, назвавъ прислужника осломъ, спрашиваетъ его, отчего хозяину нѣтъ прибора.

— Я не велѣла ставить тебѣ прибора, сказала Аглаица съ сердцемъ.—Что ты пришелъ сюда браниться? Вѣдь ты не обѣдаешь дома?

— Нѣтъ, обѣдаю. Давай приборъ, оселъ, чего ты глаза пялишь?

— Какъ, обѣдаешь?

— Такъ, обѣдаю.

— Да что же это значитъ? я не готовила на тебя, я готовила только на себя: тебѣ тутъ нѣчего ѣсть.

— Я знаю, что ты всегда заботишься только о себѣ; да развѣ еще объ этомъ кривоногомъ, у котораго ядро швыркомъ между колѣнъ прокинуть можно.

— Что тебѣ вздумалось меня этимъ попрекать? какой онъ кривоногой? Посмотри-ка сперва на себя, либо на свою Пульхерицу, такъ это лучше будетъ.

Онъ вскочилъ, вспыхнулъ, но поудержался нѣсколько, хотя и немного, и сказалъ:

— Да если вамъ это не нравится, то мы вѣдь можемъ разойтись?

— Очень-рада, душевно рада! отвѣчала она, точно отъ всей души.— Вотъ, Евстатій, первое умное слово, которое я отъ тебя слышу!

— Если такъ, сказалъ онъ:— то и я этому радъ. Въ такомъ случаѣ я поѣду обѣдать. Прощайте. Надѣюсь, что и вы не передумаете?

— О, будьте спокойны, отвѣчала она, вотъ вамъ рука моя: возвратившись съ обѣда, вы меня уже болѣе здѣсь не застанете.

Онъ вышелъ и поѣхалъ; слуга съ приборомъ остался въ дуракахъ. Аглаица наскоро пообѣдала и также поѣхала, взявъ дѣтей и нужнѣйшія вещи съ собой. Она объявила отцу о томъ, что̀ случилось и старалась утѣшить его тѣмъ, что это, во всякомъ случаѣ, къ лучшему; что Евстатій человѣкъ грубый, дурной, а у меня-де есть обожатель, прекрасный и премилый человѣкъ, который сейчасъ же готовъ на мнѣ жениться и на котораго Евстатій налгалъ, сказавъ, что у него кривыя ноги.

Дѣло сладилось въ нѣсколько дней; но при этомъ былъ подписанъ уговоръ, чтобъ дѣти оставались только до пятнадцати лѣтъ у матери; тогда они должны были поступить на попеченіе отца.

Разъѣхались супруги, и хлѣбосольный, модный домъ молодаго Помеско рушился. Поговороли объ этомъ, потолковали, обсудили, положили, что это сдѣлалось очень-хоро-

шо, очень-дурно, прекрасно, никуда негодно, что такъ быть должно, что никакъ этому быть не слѣдовало и проч. Вслѣдъ затѣмъ заговорили о другомъ: «Молодой Помеско женится.» — «Не-уже-ли?» — «Право.» — «На комъ?» — «На такой-то, на Пульхерицѣ.» — «Вотъ хорошо, не даромъ же развелись!» — Вѣдь, и Аглаица выходитъ замужъ!» — «Что̀ вы говорите?» — «Право; я вчера слышалъ отъ брата ея.» — «За кого же? За кривоногаго?» — «Да̀, за него; впрочемъ, онъ молодецъ.» — «Экая прихоть женская, подумаешь! Вотъ не по́ хорошу милъ, а по милу хорошъ; былъ мужъ съ прямыми ногами — такъ негодится; полюбился кривоногій!» — «Ну что ноги? это посторонняя вещь...»

Прошло съ этого времени лѣтъ шесть и Евстатій съ Аглаицей уже много остыли; а когда прошло десять, то и подавно. Они почти не видались, развѣ случайно; но сыновья бывали часто у отца и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ срока, чтобъ взять ихъ на свои руки. Отъ нынѣшней жены у него были дѣти, но все дѣвочки, будто на зло человѣку, который мечталъ о преобразованіи своего отечества посредствомъ воспитанія молодаго поколѣнія въ Вѣнѣ. Какъ-бы то ни было, но мать никакъ не соглашалась отдать ему сыновей, прежде срока, привыкнувъ къ нимъ и полюбивъ ихъ, хотя и у нея также были, кромѣ того, дѣти отъ втораго брака.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, со времени развода съ Помеско, Аглаица овдовѣла. Эти двѣнадцать лѣтъ были ей хорошимъ урокомъ, потому-что и кривоногій на дѣлѣ оказался не совсѣмъ такимъ, какимъ она его себѣ воображала. Между-тѣмъ, отецъ ея разорился и обѣднѣлъ, и съ этой стороны ей нельзя было ожидать подпоры; кривоногій же мужъ былъ съ хорошимъ достаткомъ и она поневолѣ ему покорялась. За то и онъ ее, впрочемъ, съ своей стороны не забылъ, завѣщавъ ей, при смерти, порядочное

имѣніе и опеку надъ семью дѣтями, не считая двухъ пасынковъ.

Новая жена Евстатія, съ своей стороны, также отказнила мужа своего по заслугамъ. Модница изъ модницъ, мотовка изъ мотовокъ, да еще ко всему тому и упрямая и больная.... Не слишкомъ тужила Аглаица, отпѣвъ и похоронивъ своего кривоногаго; но Евстатій перекрестился, когда и его, наконецъ, судьба избавила отъ дорогой половины. Онъ-то давно-было уже рѣшился на новый разводъ и ублажалъ и упрашивалъ супругу свою всѣми средствами; но, на этотъ разъ, онъ попалъ не на такую сговорчивую особу; какова была Аглаица: вторая жена не хотѣла и слышать о разводѣ, увѣряя, что ей и такъ хорошо жить и что она вдовствовать, отъ живаго мужа, не желаетъ. Евстатій встряхнулся и покатилъ провѣтриться за границу и тамъ получилъ утѣшительное извѣстіе, что супруга скончалась.

Воротившись и повидавшись съ сыновьями, онъ сталъ безъ нихъ скучать; а пятеро дѣвочекъ были вдовцу въ тягость и онъ не зналъ куда съ ними дѣваться. Этихъ нельзя было везти въ Вѣну, въ университетъ, а другихъ средствъ воспитанія Евстатій на зналъ. Въ безпокойствѣ своемъ, онъ думалъ все болѣе-и-болѣе о сыновьяхъ, строилъ планы о ихъ будущей судьбѣ и воспитаніи, забывалъ при этомъ о дочеряхъ и не могъ дождаться условнага срока, до котораго оставалось еще два года.

Аглаица, съ своей стороны, получивъ отъ втораго мужа достатокъ, была, однакожъ, покинута сиротой, съ дѣвятью дѣтьми, безъ совѣтника и наставника, безъ надежнаго помощника для приведенія дѣлъ въ порядокъ и для присмотра за имѣніемъ. Были и тяжбы, въ которыхъ она ровно ничего не понимала, кромѣ-того, что ее мучатъ или не даютъ покою и безпрерывно требуютъ съ нея денегъ. Промотавшійся отецъ былъ самымъ не надежнымъ совѣтникомъ и помощникомъ ея, а между-тѣмъ не къ кому бо-

лѣе было прибѣгнуть. Можетъ-быть, въ это время уже иногда украдкою заставала ее въ-расплохъ и такая думка, что Евстатій-де, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, человѣкъ дѣловой и честный; притомъ же онъ теперь уже давно перебѣсился; да ужъ и я теперь не та, что̀ была тринадцать лѣтъ назадъ: мнѣ уже почти тридцать лѣтъ (тридцать-два года, подумала она, такъ тихо, что и сама этого не слышала), и я ужъ не та....

Евстатій заслалъ наконецъ людей къ Аглаицѣ, чтобъ убѣдить ее выдать ему до срока сыновей, чего бы ни сто́ило. Посланцы воротились съ положительнымъ отказомъ. Аглаица плакала, горячилась, жаловалась на судьбу свою на сиротство, на одиночество, на безпомощность, но съ дѣтьми разстаться не могла.

— Такъ что жъ это будетъ? вскричалъ нетерпѣливо Евстатій:— не все ли равно, должна же она будетъ разстаться съ ними чрезъ два года. Что жъ это такое? тогда ужъ, по-мо́ему, лучше опять соединиться и не дѣлать того, чего и самъ Богъ не велѣлъ дѣлать....

Ходатаи пожали на этотъ разъ плечами, дескать не мы всему этому причиной; но между-тѣмъ пересказали слова Евстатія Аглаицѣ. Она приняла ихъ къ сердцу и отвѣчала съ рѣшимостью, что была бы счастлива, еслибъ это могло сдѣлаться; что она теперь на себя надѣется, будучи уже не такъ глупа и вѣтрена, какъ была нѣкогда, семнадцатилѣтней дѣвочкой....

Евстатій подумалъ, да и махнулъ рукой. Не знаю, каково было первое свиданіе его послѣ этого съ разводной женой, и, признаюсь, не могу себѣ этого ясно представить; но чрезъ самое короткое время они снова обвѣнчались, надѣлавъ этимъ много шуму въ Бухарестѣ, и свели вмѣстѣ четырнадцать человѣкъ дѣтей. Они любили другъ друга и жили очень-ладно, какъ увѣрялъ, по-крайней-мѣрѣ, весь городъ. Имѣніе Аглаицы приведено было въ порядокъ, а старшіе сыновья отправлены въ Вѣну. Въ новомъ поло-

женiи своемъ, при мужѣ и двѣнадцати дѣтяхъ, Аглаица, повидимому, разсталась съ двумя старшими сыновьями довольно-спокойно. Онъ же, мужъ, утѣшался и тѣмъ, что у него теперь подростало еще четыре пасынка, которыхъ также въ свое время повезетъ въ Вѣну.

LXIV.

ЛЮБОВЬ ПО ГРОБЪ.

—

Съ вечера стала капѐль, потекло съ кровель ручьями, понесло Богъ-вѣсть откуда хлопьями, задуло изъ каждаго перекрестка вдоль улицъ во всѣ четыре стороны и метлы дворниковъ, въ широкихъ, сѣнокосныхъ размахахъ, пошли по сапогамъ отчаянныхъ прохожихъ. Воркуновъ поглядывалъ по временамъ изъ форточки, покачивалъ головой и думалъ: «Да ужъ ты себѣ какъ хочешь дуй, то-есть хоть мети, хоть разливайся, а не миновать мнѣ того, что промочить пару сапогъ до самыхъ стелекъ. Пойду въ теплицы, на Выборгскую Сторону, тамъ найду подешевлѣ, и ужъ не пожалѣю за-то ничего; нѣтъ, прошу не взыскать, то-есть что только найду получше.... ну, ничего не пожалѣю!»

Утромъ, однакожъ, оказалось совсѣмъ иное, чѣмъ съ вечера: сильный морозъ все сгладилъ и выровнялъ; бурый цвѣтъ улицъ обратился въ бѣловатый, какъ-будто соль выцвѣла на солончакѣ; воздухъ прочистился и прояснился и только наискось, изъ-за угловъ, мело и посыпало порошистымъ и бѣлымъ снѣжкомъ, какъ сахаромъ, и мѣстами образовались поперегъ улицъ бѣленкіе порожки или передули-

ны. «А» подумалъ Воркуновъ, «это на твое счастье, мой ангелъ-хранитель, это ты надо мною умилосердилась ... О, ты кротка, какъ райская Пери».... Онъ скоро одѣлся и пошелъ.

«Вотъ» думалъ онъ дорогою, «что значитъ изящество, что неистощимая, неизсякаемая любовь.... буду дня три безъ обѣда, и еще Степанъ Иванычъ цѣлую недѣлю коситься будетъ на меня за то, что я сегодня не приду въ департаментъ.... и мать моя, бѣдная старушка, упрекать будетъ мнѣ въ письмѣ, что я ей не дослалъ положеннаго; а ей взять не откуда.... Но что все это, въ сравненіи съ этимъ восхитительнымъ чувствомъ, которое уноситъ меня за предѣлы вещественнаго міра?... а ужъ букетъ будетъ; будетъ такой, какой не стыдно бы бросить и графу и князю.... и кровныя, послѣднія денежки на это пойдутъ, всякую нужду перенесу, и добрая мать моя перенесетъ.... О, это будетъ очистительная жертва!»

«Конечно» продолжалъ онъ, «она, моя Пери, моя союзная душа и не узнаетъ и во снѣ не увидитъ того, отъ кого будетъ ей это кровное приношеніе, которое освятится въ рукахъ приносителя страстной и чистѣйшею слезой.... прими, о, прими эту безкровную жертву, стоющую кровавыхъ трудовъ и лишеній; прими ее только съ улыбкой, а на меня не смотри, меня не ищи въ толпѣ, ты меня никогда не увидишь, не узнаешъ; никогда не услышишь ты, что есть на свѣтѣ Воркуновъ!»

Онъ замѣтилъ, что, въ горячкѣ этого бреда, распахнулъ плохую шинелишку свою и что нѣжный, декабрскій зефиръ пронизывалъ его тонкой струйкой и игралъ въ сборчатой манишкѣ, какъ въ бѣлой розѣ; завернувшись плотнѣе въ плащъ, Воркуновъ прибавилъ шагу, подумавъ только: «для тебя, моя Пери, все, все перенесу и даже умру съ наслажденіемъ.... и никто, никто, ни одна душа въ мірѣ объ этомъ не узнаетъ, и ты спокойно и безмятежно наслаждаться будешь всѣмъ, чѣмъ благая природа тебя одѣлила,

поставивъ выше всѣхъ смертныхъ, какъ одинокая луна стоитъ выше этихъ фонарей.... ты никогда не узнаешь моихъ страданій, моихъ жертвъ, моей вѣрности по гробъ; нѣтъ, я отдаю себя за тебя на всесожженіе, я не хочу возмущать твоего покоя»....

Лучшіе цвѣты были выбраны и составили цѣлый снопъ, который садовникъ осторожно завертывалъ въ тройную бумагу, обвязывая бѣлымъ лычкомъ. Воркуновъ распоряжался какъ вдохновенный; какая-то торжественность и величіе, въ обращеніи съ садовникомъ, замѣнили обычную робость младшаго помощника столоначальника и болѣе половины мѣсячнаго жалованья была отдана за снопъ этотъ, съ такимъ же точно чувствомъ, какъ человѣкъ кидается въ воду, или въ огонь, жертвуя жизнью для спасенія погибающаго. Но когда садовникъ, у котораго подобные покупатели въ годину букетоманіи были всѣ на-перечетъ, спросилъ незлобно: «А для кого вы это изволите брать?» то у бѣднаго Воркунова дыханье сперлось въ гортани и онъ, впавъ внезапно опять въ таинственную робость свою и взглянувъ на обношенную одежду, не нашелъ что̀ отвѣтить: «Тамъ, для одного пріятеля» пробормоталъ онъ, заикаясь, покраснѣлъ какъ піонъ и поспѣшилъ уйдти.

Весь день, до вечера, употребленъ былъ на уходъ за этими цвѣтами, на разборку ихъ, на подборку въ три отдѣльныя связки, въ которыхъ каждому цвѣтку, согласно таинственному объясненію этого языка влюбленныхъ, придано было особое значеніе. Когда все это было готово, смыслъ трехъ букетовъ прочитанъ нѣсколько разъ, то про-себя, то вслухъ, со слезой отчаяннаго восторга на глазахъ, тогда три живыя книги эти были поставлены въ рядъ, въ какихъ-то трехъ жалкихъ посудинкахъ чиновничьяго хозяйства, на одинокій, ветхій ломберный столикъ, который нарочно для этого торжественнаго случая былъ выдвинутъ на средину комнатки.... Затѣмъ, Воркуновъ отправился въ гостинный дворъ и долго искалъ, и подбиралъ, по вкусу своему

розовую ленту, только настоящаго розоваго цвѣта, и наконецъ, купилъ почти кирпичную — до того у него съ непривычки глаза утомились этимъ выборомъ....

Насталъ вечерній часъ и Воркуновъ снарядился, какъ женихъ. Кудри, духи, бѣлыя перчатки, лучшая манишка и батистовый платокъ — ничего не было забыто; но партикулярной пары у него не было; поневолѣ надѣлъ онъ вещь съ бархатнымъ воротникомъ и гербовыми пуговицами. Цвѣты осторожно уложены были въ корзинку; въ шесть часовъ онъ ужъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ великій моголъ на престолѣ, и закрытая корзинка стояла подъ креслами, въ ожиданіи своей очереди.

Это былъ бенефисъ той самой Пери, той райской птички, которою бредилъ несчастный Воркуновъ во снѣ и на яву. А чего стоило ему добиться билета на этотъ бенефисъ! Боже мой, къ какимъ пожертвованіямъ способенъ человѣкъ.... цѣлое утро пропало за билетомъ этимъ, и Степану Ивановичу предоставлено было дуться и коситься, сколько ему угодно; другая половина мѣсячнаго жалованья пропала.... но билетъ добытъ, и когда онъ положенъ былъ въ карманъ, то сердце отогрѣлось, стало отходить, а потомъ запрыгало и замоталось, какъ малиновка въ вешній денёкъ, между кустиками и цвѣточками....

Лишь только Пери явилась на помостѣ, какъ грохотъ рукоплесканій заглушилъ оркестръ; не успѣла она откланяться на это изступительное привѣтствіе и ступить шагъ, какъ то же повторилось; только–что она хотѣла–было раскрыть уста свои, какъ третій, такой же взрывъ, клики и крики всѣхъ родовъ и топотъ ногами встрѣтили первый звукъ голоса ея, прежде чѣмъ онъ вылетѣлъ изъ гортани... Такимъ образомъ продолжалось отъ начала и до конца въ теченіе пяти безконечныхъ дѣйствій..,. неистовство зрителей возрастало по мѣрѣ восторга, которому не было никакой мѣры. Воркуновъ не зналъ и не помнилъ себя; онъ такъ далеко унесся отъ всякой существенности, что не

помнилъ даже въ это время есть ли на свѣтѣ люди, которымъ принадлежитъ неотъемлемо званіе помощника столоначальника, не говоря ужъ о томъ, что въ этихъ двухъ словахъ подразумѣвалось еще недосказанное, непріятное словечко: *младшій*. Воркуновъ, выждалъ свое время, выхватилъ изъ корзинки подъ креслами и пустилъ, какъ изъ мортиры одинъ снопъ, другой, третій; и достигнувъ наконецъ предѣловъ своихъ томительныхъ желаній, болѣзненныхъ порывовъ и страстнаго влеченія, струсилъ безъ мѣры и поспѣшилъ выбраться, подъ-шумокъ, изъ рядовъ креселъ.... Тамъ, въ переходахъ, онъ перевелъ духъ, прислушивался трепетно къ неистовому реву и вызовамъ, но услышавъ еще разъ волшебное имя, отъ котораго всѣ жилки и поджилки его приходили въ трепетъ, онъ снова ворвался въ театръ, прокричалъ громогласно завѣтное имя это, которое онъ произнесъ въ слухъ, при другихъ людяхъ, едва-ли не впервые въ жизни своей, и, завернувшись въ плащъ, вышелъ и мѣрными шагами отправился домой.

Трудно было бы найдти въ это время человѣка счастливѣе и довольнѣе собой, чѣмъ Воркуновъ: ему казалось, что онъ теперь свершилъ назначеніе свое въ этомъ мірѣ и могъ спокойно умереть. Утомленіе его отъ этого подвига было такъ велико, что, упавъ дома на одинокую, шаткую кровать свою, не зажигая даже и свѣчи, онъ пролежалъ еще часа два или три въ какомъ-то разслабленномъ болѣзненномъ состояніи, между-тѣмъ, какъ волненіе крови не давало ему уснуть. Безсознательныя грезы сна сливались съ мечтательными грезами дѣйствительности; полузабытье утомленія съ безчувствіемъ сна, и въ девять часовъ утра, блаженный Воркуновъ, лежалъ еще полуодѣтый, на своей постели; кроткая улыбка процвѣтала на устахъ его, между-тѣмъ, какъ одолѣвшій его подъ утро крѣпкій и тяжелый сонъ, сковалъ всѣ члены его, какъ насланная спячка.

Нѣсколько повторительныхъ ударовъ въ дверь остались безъ послѣдствій, стукъ повторился сильнѣе; Воркуновъ ни-

чего не слышитъ. Кто-то отошелъ отъ дверей, вызвалъ дворника, началъ спорить съ нимъ, увѣряя, что Воркунова нѣтъ дома, тогда-какъ тотъ утверждалъ, что впустилъ его около полуночи и что постоялецъ послѣ того не выходилъ со двора; оба вмѣстѣ отправились къ дверямъ его; дворникъ принялся стучать по-своему, поосновательнѣе, и Воркуновъ, которому снилось, будто весь театръ надъ нимъ обрушился, вскочилъ въ испугѣ и безпамятствѣ и нѣсколько минутъ не могъ опомниться. Понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, онъ поспѣшилъ отворить дверь — и предъ нимъ стоялъ помощникъ экзекутора.

Разстроенный видъ чиновника, который ужъ три дня не являлся въ департаментъ и стоялъ теперь растрепанный и полуодѣтый, ровно спохмѣлья, и глядѣлъ въ недоуменіи на незванаго гостя, между-тѣмъ, какъ этотъ столько времени безуспѣшно стучался у дверей — все это лишило нечаянное свиданіе двухъ короткихъ знакомцевъ всякой пріятности. Сухо освѣдомился одинъ, по приказанію начальства, о причинѣ неприбытія къ должности другаго; а другой, такъ же сухо, но съ видимымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ: «по приключившейся мнѣ болѣзни». Оба какъ-то невольно оглянулись въ комнатѣ и разбросанные въ безпорядкѣ по окнамъ, столу, стульямъ и полу остатки щегольскаго убранства Воркунова, а также обрѣзки стеблей цвѣточныхъ и листьевъ — все это еще болѣе поразило странностью своею одного и озадачило другаго. «Сегодня будете?» спросилъ помощникъ экзекутора. — «Да, буду» отвѣчалъ помощникъ столоначальника, «мнѣ сегодня получше». Первый повернулся и вышелъ, безъ поклона, а подумавъ только: «пьянъ, не пьянъ, а видно только-что проспался, или спятилъ съ ума».

«Этотъ подлый народъ» проворчалъ про-себя Воркуновъ, оставшись одинъ, «подлѣйшее племя! Бумагу ѣстъ, перья ѣстъ, чернила ѣстъ, сургучъ ѣстъ, песокъ ѣстъ.... а все ему мало; еще-таки и награжденіе получаютъ на ря-

ду съ нашимъ братомъ, голякомъ, изъ остаточныхъ суммъ... А каково нашъ братъ, голякъ, вчера отличился?... О ты, божество, Пери неземная.... райская птичка....

Вотъ чтó было въ декабрѣ; а въ первыхъ числахъ мая, послѣ того какъ ледъ на Невѣ взломало, мутныя канавы прочистились и тусклое солнце только-что стало пригрѣвать аристократическую половину Невскаго Проспекта, все это внезапно приняло совсѣмъ иной видъ. Судьба всего прекраснаго — смерть; а судьба смерти — выходить на покосъ, по-крайней-мѣрѣ тамъ, гдѣ повѣсть наша совершилась, весной, между срокомъ вскрытія рѣкъ и одеждой деревьевъ зеленью. И въ это-то время внезапно разнеслась молва, что прекрасная Пери, которой подобныхъ и не бывало на нашихъ театральныхъ помостахъ, невозвратимо вянетъ, догораетъ, какъ едва-тлѣющійся подъ пепломъ уголёкъ.

Страданія бѣднаго Воркунова при этой нежданной вѣсти, которая составляла повсемѣстный предметъ бесѣды каждыхъ двухъ или трехъ человѣкъ, столкнувшихся на улицѣ, страданія его были невыразимы; они тѣмъ болѣе угнетали и подавляли его, что онъ долженъ былъ молчать, подавить все, чтó въ немъ происходило, ходить скрѣпя сердце, стиснувъ зубы, и развѣ только прислушиваться къ тому, чтó говорятъ другіе.... Въ его положеніи и, сверхъ того, еще при наслѣдственной и благопріобрѣтенной робости, ничего болѣе не оставалось, хотя томленіе это грозило душѣ и тѣлу изнеможеніемъ....

Какой это, бывало, праздникъ для бѣднаго Воркунова, когда онъ только увидитъ имя ея на афишкѣ! кàкъ у него бьется при этомъ сердце! Какихъ трудовъ, заботъ и хлопотъ, стоило ему иногда добиться билета въ театръ, тогда-какъ народъ ломился туда, сбивая съ ногъ другъ друга, притискивая переднихъ счастливцевъ плашмя къ стѣнѣ и не обращая никакого вниманія на мазуриковъ, которые въ это роковое время смѣло очищали карманы! Какихъ ли-

шеній стоилъ каждый билетъ, каждый рубль, который онъ отымалъ отъ насущнаго пропитанія своего и съ восторгомъ относилъ, какъ лепту свою, какъ приношеніе идолу, предъ которымъ благоговѣлъ, въ кассу театра! Съ какимъ боязненнымъ ожиданіемъ стаивалъ онъ по цѣлымъ часамъ въ потьмахъ, на холоду, въ ненастную погоду у того подъѣзда, гдѣ она должна была соскочить съ лежачихъ ресоръ и впорхнуть въ храмъ свой.... только увидѣть ее мелькомъ, даже только почувствовать неизъяснимымъ чувствомъ близость ея — болѣе онъ не хотѣлъ ничего, а уходилъ послѣ домой и засыпалъ въ блаженныхъ грезахъ, а на другой день смотрѣлъ на всѣхъ товарищей и сослуживцевъ своихъ въ департаментѣ, какъ на жалкихъ человѣкотварей, которымъ не дано дарованнаго ему небомъ блаженства.... И никто, никто въ мірѣ не догадывался, не подозрѣвалъ даже ничего подобнаго въ Воркуновѣ, а всѣ, въ ослѣпленіи своемъ, привыкли считать его просто чудакомъ, который, по крайнему чудачеству своему и безтолочи, иногда стоитъ на границѣ къ малоумію....

Однажды слухъ о какомъ-то великолѣпномъ, драгоцѣнномъ алмазномъ ожерельѣ съ изумрудами, поднесенномъ этой Пери, заставилъ Воркунова крѣпко призадуматься. «Что», подумалъ онъ, «кабы я былъ мильйонщикъ и пошелъ бы къ первому брильянтщику и выбралъ бы самую дорогую вещь, во сто, въ триста тысячъ, и вынулъ бы деньги изъ кармана, и отсчиталъ бы ихъ ему, и явился бы съ этою вещью.... тсъ.... не говори: страшно! Тогда бы ужъ не было тайны; тогда бы всѣ объ этомъ узнали: такой вещи утаить нельзя; тогда бы вся столица съѣхалась смотрѣть на это и спрашивала бы: «отъ кого это? кто это приподнесъ?» — «Губернскій секретарь Воркуновъ.» — «Какой Воркуновъ? гдѣ онъ? что онъ?» Пальцами стали бы тогда указывать.... А мнѣ чтó? пожалуй тогда указывай; тогда бы, можетъ-статься, и мы бы не тѣмъ голосомъ хрюкали, какъ теперь....»

Подумавъ это, Воркуновъ, какъ стоялъ на ногахъ передъ окномъ своимъ, повернулся къ столику, вынулъ изъ ящика рублей тридцать асигнаціями, да около цѣлковаго мелочью, положилъ все это въ карманъ, застегнулся, взялъ шляпу и вышелъ. Пройдя разъ–другой по Невскому и заглядывая въ окна, украшенныя звѣздами, поручнями и подвѣсками, онъ, наконецъ, рѣшился и зашелъ въ одинъ изъ первыхъ магазиновъ золотыхъ дѣлъ. Онъ объявилъ, впрочемъ, честно, при самомъ входѣ, что ничего не купитъ, и просилъ только позволенія взглянуть на разложенныя вещи. Онъ разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ очинку пера, изготовляемаго для расписки заглавнаго листка годовому отчету, потому, замѣтимъ, что заглавный листъ этотъ всегда писался Воркуновымъ, какъ человѣкомъ со вкусомъ и съ сочувствіемъ къ изящному. Онъ былъ очень углубленъ въ созерцаніе разсыпаннаго передъ нимъ, подъ стеклами, богатства, не обращая никакого вниманія на посторонняго человѣка, который хлопоталъ о какомъ-то невзрачномъ колечкѣ, какъ вошедшій въ лавку третій посѣтитель поздоровался съ первымъ и сказалъ: «Слышали? скончалась», и назвалъ именно ту, которую тогда оплакала вся столица.... «Не–уже-ли?» спросилъ первый, «нѣтъ, я только слышалъ, что она безнадежна». — «Да», продолжалъ тотъ, «скончалась, бѣдная, сегодня утромъ. Какая потеря! Что это было за милое созданье, что за изящное творенье — и какая художница! Послѣ–завтра, въ полдень, похороны. Я думаю, вся столица будетъ толпиться въ церкви и на Смоленскомъ....»

Воркуновъ остолбнелъ и съ трудомъ дошелъ домой. Ночь, проведенная въ безсонницѣ и горячкѣ, освѣтилась для него зарею убѣжденія, что такъ лучше, что этому иначе и быть не должно, что люди недостойны ея и что теперь, теперь только онъ можетъ любить ее безкорыстно, какъ безплотный духъ, какъ истинную Пери лучшаго міра. Онъ собрался съ силами и пошелъ въ должность, не же-

лая, при этомъ мягкомъ расположеніи души своей, быть виновникомъ косоглазія Степана Ивановича и намѣреваясь очурнуться и увильнуть отъ должности послѣзавтра въ послѣдній разъ, хотя занятія эти угнетали и томили его донельзя.

День похоронъ пришелъ; и какъ нарочно, Степанъ Ивановичъ былъ въ этотъ день необыкновенно-придирчивъ и все брюзжалъ. Несмотря на истинно-отчаянное положеніе свое, смиренный Воркуновъ пришелъ, однакожъ, въ должность, съ намѣреніемъ не раздражать на этотъ разъ никого самовольную отлучкою, а отпроситься честно, по очень-нужному дѣлу, около часа, потому-что похороны, какъ онъ узналъ, назначены къ двумъ часамъ. Несмотря на всѣ старанія бѣднаго Воркунова, обстоятельства его сложились такъ дурно, что онъ могъ, наконецъ, и то съ великимъ трудомъ, окончить дѣло свое, и отпроситься въ исходѣ втораго. Опасеніе опоздать еще болѣе разстроило бѣдняка и онъ поскакалъ на извощикѣ во весь духъ къ извѣстной церкви. Издали увидѣлъ онъ уже толпу народа, безконечный поѣздъ каретъ; соскочивъ, спросилъ онъ кого-то: «Что, кончено?» — Да, ужъ отпѣли», отвѣчалъ тотъ; «вотъ, только-что тронулся поѣздъ».

Воркуновъ зарыдалъ, закрылъ лицо платкомъ и поспѣшилъ догнать гробъ, за которымъ шло нѣсколько человѣкъ ближнихъ родныхъ покойницы и, между-прочимъ, женщина уже въ лѣтахъ, которую вели подъ-руки: вѣроятно мать, о которой доселѣ никто не зналъ и не слышалъ. Воркуновъ былъ истинно въ отчаянномъ положеніи, почти въ какомъ-то изступленіи: все, что столько времени переполняло душу его, что сосредоточивалось въ самой глубинѣ его сердца, пожирая его внутреннимъ, черезъ силу сдержаннымъ, пламенемъ — все это теперь прорвалось наружу. И, скажемъ прямо, каково было расположеніе бѣднаго Воркунова, настроеніе духа его: отдавъ своей Пери-хранительницѣ послѣдній долгъ и память, онъ рѣшился кончить и

развязаться съ этимъ ненавистнымъ свѣтомъ, перенестись туда, гдѣ она встрѣтитъ его своею ангельской улыбкой....

«Ненавистенъ холодный, себялюбивый міръ этотъ», думалъ несчастный, идя съ поникшей главой за гробомъ, «безотрадна жизнь моя: Степанъ Иванычъ....» но онъ старался устранить отъ себя неумѣстную, въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ мысль объ этомъ докучливомъ человѣкѣ, окинувъ его мысленно презрительнымъ и сострадательнымъ взоромъ съ высоты своего настоящаго величія.. «Никто не подозрѣваетъ, что́ теперь во мнѣ происходитъ; никто не знаетъ, что здѣсь, за оборванными лепестками этой розы, идетъ не человѣкъ, а только трупъ его, также одни только бренные останки, которые движутся теперь въ послѣдній разъ еще сами-собой, сохраняя подобіе человѣческое; но скоро, скоро и этого не будетъ; мгновенія земнаго бытія его сочтены.... только одинъ разъ еще взглянуть на нее и проститься; а тамъ — простите, лечу на радостную встрѣчу — душа моя ликуетъ...»

И въ-самомъ-дѣлѣ, никто изъ ближнихъ, шедшихъ за гробомъ, не зналъ и не подозрѣвалъ не только замысловъ этого человѣка, но даже не зналъ его самого, ни таинственныхъ отношеній его къ покойной. И не до того имъ, признаться, было, во время проводовъ до кладбища, чтобъ заботиться о незнакомомъ, который, повидимому, принималъ такое живое, родственное участіе въ общемъ го́рѣ ихъ. У насъ смерть уравниваетъ всѣхъ и гробъ покойника доступенъ всякому одинаково....

На кладбищѣ, въ церкви, бѣдному Воркунову сдѣлалось дурно; дыханіе сперлось, въ глазахъ позеленѣло, въ ушахъ зашумѣло. Онъ цѣлыя сутки былъ на ногахъ, ночью не закрывалъ гла̀за, утромъ съ непомѣрнымъ усиліемъ писалъ какія-то, чрезвычайно-пошлыя, въ его положеніи, бумажонки, между-тѣмъ ненависть къ жизни достигла въ немъ высшей точки своей — близость гроба, въ которомъ были пре-

даны тлѣнію лепестки райской розы его, плачъ родныхъ, торжественность обряда и — скажемъ и то — тощій желудокъ, въ которомъ цѣлыя сутки не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ воды — все это вмѣстѣ осилило плоть и она временно изнемогла. Нашлись добрые люди, которые и тутъ не покинули чуженина, а позаботились около него: теперь только стали спрашивать: кто это? Но никто его не зналъ, никто не могъ назвать.

Между-тѣмъ, обрядъ продолжался своимъ порядкомъ, и когда Воркуновъ пришелъ въ себя и опомнился, то съ трудомъ протѣснился сквозь толпу, обступившую открытую могилу: только-что хотѣли опускать гробъ и могильщики уже успѣли разсмотрѣть назначенный для этого холстъ и перемигнуться, въ знакъ одобренія его качества, внѣ себя, Воркуновъ бросился на гробъ и умолялъ неотступно дать ему проститься; онъ судорожно обвилъ руки свои вокругъ домовины и готовъ былъ, вмѣстѣ съ нею, броситься въ могилу.... Такая привязанность тронула всѣхъ, хотя и никто не зналъ ея источника, и, по ходатайству присутствовавшихъ, гробъ былъ вскрытъ.... Воркуновъ бросился внѣ себя, чтобъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни своей приложиться къ этой драгоцѣнной для него скудели и....

....и напоролся, неосторожно, на шитый, стоячій воротникъ, одного очень-почтеннаго и заслуженнаго чиновника, за гробомъ котораго онъ шелъ отъ самаго города и до кладбища. Бѣдный Воркуновъ до-того былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ превращеніемъ, что даже не въ-силахъ былъ выказать своего изумленія. Похороны кончились очень-спокойно, послѣ того, какъ не извѣстнаго чиновника приподняли подъ-руки и отвели въ сторону. Даже друзья и ближніе покойника разсказывали, въ доказательство благородства сердца его, какъ облагодѣтельствованный имъ, никому неизвѣстный человѣкъ, отъ избытка признательности

своей едва не закопался, вмѣстѣ съ гробомъ покойнаго, въ могилу. Воркуновъ, съ своей стороны, нѣсколько дней не могъ опомниться отъ изумленія и былъ до-того пораженъ и озадаченъ, что даже позабылъ о рѣшимости своей поднять на себя руку.

XLV.

ДВѢ БЫЛИНЫ.

Память народа нашего коротка — въ этомъ упрекаютъ его не безъ основанія: рѣдко и мало можно услышать у него историческихъ преданій, особенно преданій древнихъ. Но есть небольшое число замѣчательныхъ лицъ минувшихъ вѣковъ, лицъ, обратившихся въ баснословныя видѣнія и живущихъ въ памяти народной въ—теченіи нѣсколькихъ вѣковъ: сюда принадлежитъ, изъ самыхъ древнихъ, Владиміръ князь, а затѣмъ и Грозный—царь. Чѣмъ рѣже сказочныя преданія эти попадаются въ народѣ, тѣмъ бо́льшаго они заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе должны мы стараться объ отысканіи и сохраненіи ихъ. Вотъ двѣ былины такого рода: одна о временахъ Владиміра, записана съ крестьянскаго разсказа въ Тамбовской губерніи; другая — о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Архангельской губерніи.

Во время князя, красна—солнышка Владиміра, появился около Кіева страшный змѣй и бралъ онъ съ народа поборы не малые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ, съ ды-

му по ягодкѣ; а какъ возьметъ дѣвку съ череднаго двора, такъ и съѣстъ ее — и поминъ простылъ. Въ такую бѣдовую годину горе всѣхъ уравняло: что жилецъ, что стрѣлецъ, что гость, что бояринъ, что посадникъ, что самъ царь-великій князь — все одно: никому не миновать, что змѣю-людоѣду покориться, красной дочерью поклониться: на кого жеребій покажетъ, съ того и поборъ.

Вотъ и пришелъ чередъ идти къ тому змѣю поганому, на съѣденіе, самой царской дочери — и пошла. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ къ себѣ въ берлогу. Взвылъ народъ голосомъ: то каждый плакалъ по своей, а тутъ всѣмъ міромъ воздохнули по царевнѣ. Всѣ думаютъ: пропала дочь нашего краснаго солнышка — теперь ужъ нѣтъ ее на свѣтѣ: змѣй съѣлъ; но змѣй не сталъ ее ѣсть: красавица собой была, какой на свѣтѣ нѣтъ другой, такъ приберёгъ, да за жену себѣ взялъ, такъ и живетъ.

Полетитъ онъ, змѣй поганый, на свои людоѣдные промыслы, а царевну завалитъ въ берлогѣ бревнами, чтобъ безъ него куда не ушла. А у той царевны маленька собачка была; увязаласъ за нею изъ дому царскаго, да съ нею въ берлогѣ и живетъ. Вотъ и напишетъ, бывало, царевна грамотку батюшкѣ, любезному, съ матушкой, навяжетъ собачкѣ этой на шею и махнетъ, заплакавъ, рукой, а та побѣжитъ, да прямо въ теремъ царскій, у воротъ поскребетъ, залаетъ, стражники тотчасъ ворота отпираютъ, собачку принимаютъ, ведутъ на пресвѣтлыя очи княжескія и царскія: царь и царица прочитаютъ, помолятся, что дочь еще жива у нихъ, поплачутъ, что сгубилась за чудищемъ, змѣемъ-людоѣдомъ, отвѣтную грамотку собачкѣ на шею повѣсятъ, та и бѣжитъ прямо въ берлогу змѣиную, да тайкомъ отъ поганаго чудища къ царевнѣ своей, тишкомъ да молчкомъ, проползетъ, а та и отвяжетъ опять грамотку и вѣсточку разберетъ и сердце и душу отведетъ.

Вотъ и пишутъ разъ царь съ царицей къ царевнѣ своей такъ: «Узнай-де, кто сильнѣе змѣя». Царевна и дога-

далась, къ-чему это дѣло пошло и стала попривѣтливѣй къ своему лютому врагу, стала у него, по женскому обычаю, допытываться, кого онъ боится, кого не боится и кто его сильнѣй. Тотъ, хоть и ластится, а долго не говорилъ; однако, противъ женской пытки устоять трудно; онъ разъ какъ-то и проговорился, что «есть на свѣтѣ одинъ только человѣкъ, котораго я боюсь, да онъ и самъ силы своей не знаетъ, такъ онъ мнѣ и не страшенъ, кабы только кто его не надоумилъ: живетъ, вишь, въ городѣ престольномъ, въ Кіевѣ, мужикъ Кожемяка, такъ этотъ силенъ, и страхъ силенъ, такъ-что съ нимъ возиться и мнѣ не подъ силу. Кабы у него была дочь, да досталось бы ей по жеребью ко мнѣ, такъ, чай, Кожемяка и не отдалъ бы, а мнѣ бы за лиху бѣду стало, и самъ бы не зналъ что дѣлать».

Какъ узнала про это царевна, такъ въ ней сердце взыграло. Выждала она, чтобъ змѣй улетѣлъ на свои людоѣдные промыслы, скорѣе позвала вѣрную свою собачку, написала записочку: «Сыщите, батюшка, въ городѣ престольномъ въ Кіевѣ мужика Никиту Кожемяка, да пошлите его меня изъ неволи высвободить». И навязала грамотку собачкѣ на шею и махнула бѣлой рукой. Собачка проползла между колодами, которыми змѣй завалилъ входъ въ берлогу, побѣжала прямо въ теремъ царскій и принесла царю желанную вѣсть.

Царь приказалъ сыскать Никиту Кожемяка и самъ пошелъ, и съ царицею, просить его, чтобъ онъ опросталъ его землю отъ лютаго змѣя-людоѣда и освободилъ бы царевну. А въ ту пору Никита Кожемяка (держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ), какъ увидалъ онъ, что къ нему во дворъ пришелъ самъ царь, великій князь, сробѣлъ, задрожалъ со страху, руки у него затряслись, онъ и разорвалъ за одинъ разъ тѣ двѣнадцать воловьихъ кожъ, да сколько ни упрашивали его царь съ царицей, не пошелъ онъ супротивъ того змѣя: «Ты видишь», говоритъ онъ пре-

свѣтлому князю: «я человѣкъ смирный, робкій; не могу я противъ змѣя того бороться, не мужицкое это дѣло.

Вотъ и созвалъ царь думцевъ своихъ и приказалъ имъ надуматься, кàкъ быть и кàкъ упросить Никиту, чтобъ пошелъ онъ на змѣя; а побить онъ его сможетъ: самъ змѣй объ этомъ проговорился. И придумали собрать пять тысячъ малолѣтнихъ дѣтей и послать ихъ просить Никиту Кожемяка, авось на ихъ слезы сжалобится. Пришли малыя дѣти несметной толпой на дворъ Никиты Кожемяка, стали всѣ на колѣни и ну просить со слезами, чтобъ шелъ супротивъ змѣя; дѣвочки всѣ плачутъ, говорятъ: «дядюшка Никита, спаси, не дай намъ подрости дà пропàсть; покуда мы вотъ малы, такъ ходимъ и бѣгаемъ-себѣ и горя не знаемъ, а какъ только которая изъ насъ подростетъ, такъ не на радость отца-матери, а на гибель свою, на смерть лютую отъ змѣя поганаго, людоѣда». Ребятишки тоже плачутъ, кричатъ: «Дядюшка Никита, и встать передъ тобой не встанемъ, и съ мѣста не сойдемъ, и съ широкаго двора твоего не выйдемъ, покуда не скажешь намъ, что пойдешь побить чудище лютое; у всѣхъ у насъ сестрицы есть, у всѣхъ у насъ, какъ подростемъ, невѣсты будутъ, да не на радость намъ и родителямъ, на плачъ и горе, на съѣденіе змѣя-людоѣда!»

Прослезился и самъ мужикъ Никита Кожемякъ, на ихъ слезы глядя. «Что жъ, говоритъ, пусть проглотитъ меня, коли не подавится: авось ловко повернусь, такъ и въ глоткѣ его коломъ стану. На васъ глядѣть мнѣ зà бѣду стало. Подите прочъ, такъ я и на змѣя пойду.»

Взялъ Никита триста пудовъ пеньки, свилъ всѣ въ одинъ плетешокъ, да насмолилъ его смолой, и смолы пенька приняла триста пудовъ; обмотался онъ весь плетешкомъ этимъ, чтобъ не съѣлъ его змѣй, не исчавкалъ его за одинъ разокъ, и пошелъ на него.

Подходитъ Никита Кожемяка къ берлогѣ змѣиной, а змѣй увидалъ его, поджалъ хвостъ и заперся и не выходитъ къ

нему. «Выходи, братъ, лучше въ чистое поле!» гаркнулъ Никита Кожемяка: «не то и берлогу твою размечу на вѣтеръ всю.» Да и сталъ-было приниматься за работу, колоду за колодой, какъ лучинки, вытаскивать, чрезъ себя перекидывать. Змѣй видитъ бѣду неминучую, что хуже въ берлогѣ задушитъ его Никита, и вышелъ къ нему въ чистое поле.

Долго ли, коротко ли бился со змѣемъ Никита, только повалилъ его въ рукопашную; тутъ змѣй взмолился ему: «Не бей меня до смерти, Никитушка: сильнѣй насъ съ тобой на свѣтѣ нѣтъ, останемся мы жить съ тобой, такъ-что добра не сдѣлаемъ, а худа не увидимъ: раздѣлимъ мы съ тобой всю землю, весь свѣтъ по-ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, я въ другой; ни тебѣ ни мнѣ обидно не будетъ.» — «Ладно» сказалъ Никита Кожемяка: «такъ надо намъ поперегъ всей земли межу проложить; протащишь ли соху?» — «Протащу» сказалъ змѣй. Вотъ Никита и выковалъ сошникъ въ триста пудовъ и сдѣлалъ по немъ соху, запрягъ змѣя, да и сталъ изъ-подъ Кіева межу пропахывать: такъ и провелъ онъ борозду отъ Кіева до самаго до моря.

Запыхался змѣй и изнудился; радъ, что службѣ его пришелъ конецъ. «Ну» говоритъ онъ Никитушкѣ: «теперь мы съ тобой всю землю подѣлили: которая половина будетъ твоя, которая моя?» — «Землю раздѣлили» проговорилъ Никита, а самъ змѣя изъ сохи не выпускаетъ: «да еще не раздѣлили моря; теперь тащи соху по морю, давай и его межевать, а то ты скажешь послѣ, что твою воду берутъ.»

Нечего дѣлать змѣю, поволокъ змѣй соху по синему морю; самъ плыветъ, самъ голову гребенчатую подымаетъ, кругомъ озирается, скоро ли тому морю конецъ. Какъ въѣхали они на самую средину моря, такъ Никита Кожемяка убилъ того змѣя и утопилъ его въ морѣ.

Про царскую дочь и говорить нечего, что освободилась

она и стала жить да поживать въ терему у батюшки. А борозда эта осталась и понынѣ; она была глубиной въ двѣ сажени, а въ отвалѣ на столько жъ вышины; сколько сотъ лѣтъ прошло, а борозду все знать, только помаленьку осыпается. И вокругъ пашутъ, по обѣ стороны, а ее не трогаютъ; а кто не знаетъ этого дѣла, тотъ называетъ борозду эту валомъ, а для чего и кѣмъ такой валъ сдѣланъ — не говорятъ.

Никита Кожемяка, сдѣлавъ святое дѣло, за трудъ не взялъ ничего; онъ опять пошелъ, попрежнему, кожи мять.

Когда царствовалъ царь Иванъ Васильевичъ, царь Грозный, то литовцы задумали взять Москву. Какъ тутъ быть, сила не беретъ, такъ пойти на хитрости: не волчій зѣвъ, такъ лисій хвостъ. Вотъ они и купили бояръ царскихъ, а тѣ и подали царю облыжную жалобу на новгородцевъ, что они-де смутные, непокорные люди, противъ царской власти бунтуютъ, только того и смотрятъ, гдѣ бы и какъ бы причинить измѣну; и уговорили царя пойти самому смирять ихъ. Царь и взялъ съ собой губниковъ, да палачей московскихъ, Малюту, сына Скуратова, и другихъ, и отправился смирять новгородцевъ.

Вотъ царь Иванъ Васильевичъ чинитъ судъ страшный и расправу жестокую въ Новѣгородѣ, а литовцы тѣмъ часомъ подошли и накрыли Москву и заняли ее, и правятъ съ нея окупа серебра и золота возами.

Въ одну ночь лежитъ Грозный царь въ опочивальнѣ своей, утомившись кровавыми казнями невинныхъ новгородцевъ. Не можетъ онъ соснуть, не можетъ глазъ сомкнуть, и видитъ не во снѣ, а въявь: подходитъ къ ложу его могучій воинъ; и опозналъ онъ въ воинѣ этомъ Заневскаго.

— Чего хочешь; прошепталъ испуганный царь — покланяюсь тебѣ, а самъ лежитъ, сложа руки на груди, и смотритъ.

— Что спишь, царь Иванъ, сказалъ воинъ: на вдовѣ твоей сватается женихъ незваный; она безъ тебя не знаетъ идти ли?

Не понялъ Грозный царь словъ посланника; ночь прошла, страхъ прошелъ; на утро пошли опять тѣ же убійства, тѣ же кары и казни. Пришла ночь; ослѣпленный клеветою крамольныхъ бояръ, измученный дневными казнями, царь легъ опять на ложе свое, но его опять взялъ страхъ, онъ будто чего-то ждалъ. Въ полночь тотъ же посолъ и тѣ же слова: «Царь, на вдовѣ твоей сватается женихъ; она безъ тебя не знаетъ, идти ли ей, нѣтъ ли?»

Долго лежалъ бѣдный царь не смыкая глазъ, все глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ грозный воинъ; давно уже не было его, но это не сонъ, царь не спитъ и не спалъ; это то же, что было вчера; и вчера ночью не спалъ онъ, а видѣлъ и слышалъ живыми очами своими и ушами. Заснулъ ли, нѣтъ-ли, царь къ утру — про то вѣдаетъ одинъ Богъ; а какъ день насталъ, такъ опять губники съ палачами принялись за работу, а грозный царь давалъ судъ и рядъ и самъ отбиралъ подъ пыткой допросы. Страшно стало ему, когда увидѣлъ, что и этотъ день уже вечеряетъ, что пора на покой, хоть палачамъ. Ушелъ Иванъ Васильевичъ въ почивальню свою, опять легъ, и опять ждетъ гостя.

— Царь Иванъ, сказалъ воинъ, который на этотъ разъ былъ страшнѣе прежняго и такъ свѣтелъ, что царь не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза: — я говорю тебѣ въ послѣдній разъ, иди спасать свою вдовицу: виновные у тебя радуются, невинные плачутъ; страшись гнѣва Господня: бояре продали тебя, продали твою Москву, продали Русь; иди и казни виновныхъ; тамъ вдова твоя, тамъ она молитъ тебя о помощи, а не здѣсь; тутъ молятъ о пощадѣ, а ты ея не даешь.

Царь на этотъ разъ посадилъ въ почивальню своихъ трехъ близкихъ бояръ; когда воинъ изникъ на мѣстѣ, то Иванъ Васильевичъ, собравшись съ силами, перевелъ духъ

и спросилъ: «видѣли?» Бояре смотрѣли на царя, не понимая словъ его: они не видѣли ничего. «Ну такъ слышали?» — Нѣтъ, не слыхали ничего; только голосъ пронесся въ открытое окно, словно кто вдалекѣ простоналъ.

Иванъ Васильевичъ сѣлъ, замолкъ и долго смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ уже въ третій разъ показалось ему загадочное видѣніе. Онъ вдругъ вскочилъ, велѣлъ въ ту же ночь всѣмъ подыматься, самъ прянулъ на богатырскаго коня своего и поскакалъ къ сирой вдовицѣ своей, Москвѣ-бѣлокаменной. Избавя и выпроводивъ изъ нея незваныхъ гостей, литовцевъ, онъ казнилъ продажныхъ бояръ, которые такъ коварно его обманули, засаженныхъ въ темницы новгородцевъ всѣхъ приказалъ выпустить на свободу, а тѣхъ, которые уже были имъ замучены и казнены — поминать въ синодикахъ.

XLVI.

БРАТЕЦЪ И СЕСТРИЦА.

—

— Вотъ, другъ мой, Боринька, дожили мы съ тобой, по милости Божіей, и до этой радости: Наташа будетъ на этой недѣлѣ; вотъ и письмо Анны Матвѣвны!

— Ну, слава Богу! отвѣчалъ зять старушки, который только-что возвратился со службы и, мимоходомъ, отправилъ изъ передней и залы двухъ гонцовъ на кухню, чтобъ скорѣе подавали кушать. — Чтó же еще пишетъ Анна Матвѣвна, или сама Наташа?

— И та пишетъ, и другая. Вотъ, прочитай! Хвалитъ голубицу нашу, другъ мой, вчужѣ радуется нашему счастью. Въ субботу выѣзжаютъ: ты знаешь, Анна Матвѣвна, по старинному, держится легкихъ дней; а, право, ужъ нѣтъ дня легче субботы. Вотъ, другъ мой, продолжала она: — и новыя заботы въ домъ; дочь у тебя заневѣстилась: надо будетъ ее и въ люди показать, надо будетъ и у себя принимать хорошихъ людей. Оберегай ее, какъ отецъ, да втихомолку пріискивай ей ровнюшку.... вотъ, напримѣръ, какъ Илья Степанычъ....

— И, матушка, перебилъ ее зять: — успѣемъ! Чтó это, еще и въ домѣ невѣсты нѣтъ, а вы жениховъ накликаете.

И, поцѣловавъ руку у старушки, Борисъ Михайловичъ опять оглянулся! услышавъ шаги человѣка въ столовой, и сказалъ:

— А что жъ кушать, скоро ли?

— Подано, отвѣчалъ молодой человѣкъ, войдя въ комнату и поздоровавшись съ хозяевами, назвавъ одного батюшкой, а другую бабушкой и поцѣловалъ у нея руку. — А, это ты, Никандръ, а вотъ мы въ радости сегодня: Наташа ѣдетъ!

Разговоръ, все о томъ же предметѣ, сдѣлался общимъ и мирное семейство, состоявшее изъ трехъ членовъ и ожидавшее съ такимъ нетерпѣніемъ четвертаго, пошло къ столу.

Борисъ Михайловичъ, человѣкъ почтенный и уважаемый всѣми въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ они жили, занималъ давно уже одну изъ высшихъ губернскихъ должностей; онъ былъ вдовъ, а Марья Аѳанасьевна, теща его, осталась при немъ, по старой привычкѣ и изъ любви къ дѣтямъ. Впрочемъ, старушкѣ бы почти и некуда болѣе приткнуться, потому-что у нея была однимъ-одна дочь. Борисъ Михайловичъ жилъ одной службой, хотя у старушки и было довольно-хорошее имѣнье; она за дочерью не отдала ничего, сказавъ: «коли, дастъ Богъ, переживете меня, то все ваше будетъ; а до того времени я вамъ кланяться не хочу; будемъ жить вмѣстѣ, такъ и мои доходы пойдутъ въ ваше хозяйство, а разъѣдемся врозь, такъ мое, покуда, при мнѣ.»

Но они врозь не разъѣзжались, а жили совѣтно и любовно до самой смерти жены Бориса Михайловича, которая скончалась уже лѣтъ десять назадъ. Осталась дочь, Наташа, ребенокъ лѣтъ семи, да сводный братъ ея, Никандръ, сирота, взятый въ домъ по смерти родителей его. Ему было при кончинѣ супруги Бориса Михайловича лѣтъ пятнадцать; о немъ заботились, какъ о сынѣ; а такъ-какъ онъ показывалъ хорошія способности и особенную охоту къ рисованію и черченію, то его и пристроили въ Акаде-

мiю Художествъ, откуда онъ возвратился чрезъ нѣсколько лѣтъ, опредѣлившись губернскимъ архитекторомъ въ тотъ самый городъ, гдѣ жили названные родители его.

Между-тѣмъ и Наташа подростала; она была на рукахъ у бабушки, но и Борисъ Михайловичъ не спускалъ съ нея глазъ. Надобно было подумать о такъ-называемомъ воспитанiи ея, то-есть о приданiи уму ея свѣтской гибкости, условнаго приличiя и общепризнанныхъ за необходимое поверхностныхъ свѣдѣнiй, а также наружности ея того французскаго лоска, для котораго теперь, можетъ-быть, и самое названiе *французскаго* покажется неумѣстнымъ, потому-что онъ принятъ всюду; гдѣ общество называется благовоспитаннымъ и образованнымъ. Для этого, послѣ долгихъ разсужденiй, отправили, наконецъ, Наташу къ зажиточной тёткѣ въ сосѣднiй губернскiй городъ. У тётки этой было на рукахъ три дочери и для нихъ нарочно была выписана, за дорогую цѣну, петербургская гувернантка; тётка писала объ этомъ Борису Михайловичу и убѣждала довѣрить ей, хотя года на три-четыре, воспитанiе Наташи, которая такимъ образомъ и провела время это и заневѣстилась внѣ отеческаго дома. Бабушка долго не рѣшалась разстаться съ внучкой своей, говоря, что она для нея только и живетъ теперь на свѣтѣ, но Борисъ Михайловичъ, будучи вообще доволенъ простымъ, благоразумнымъ и естественнымъ обращенiемъ бабушки съ внучной, никакъ не могъ, однакожъ, назвать это *воспитанiемъ* въ томъ смыслѣ, какой придается у насъ этому слову, не находилъ также удобнымъ пополнить недостающее губернскими средствами, а потому и убѣдилъ старушку воспользоваться предложенiемъ тётки, тѣмъ болѣе, что разстоянiе было невелико и что разъ или два въ годъ можно было Наташу навѣщать.

Только-что семья наша сѣла-было за столъ, какъ загроможденная поклажей коляска вдругъ подкатила къ подъѣзду и всѣ вскочили, узнавъ прокуроршу, которая ѣздила въ со-

сосѣдній губернскій городъ, и, по обѣщанію своему, привезла Наташу. Братецъ ея, губернскій архитекторъ, встрѣтилъ ее и обнялъ первый, передалъ съ рукъ на руки отцу, а этотъ бабушкѣ. Прокурорша, объяснивъ случайныя причины этого досрочнаго прибытія, расцаловала бабушку и, отказавшись даже присѣсть, отправилась въ коляскѣ домой.

Итакъ Наташа, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, была опять дома. Времени прошло немного, но кѣкъ все въ глазахъ ея измѣнилось! Немудрено; дѣвушка двѣнадцати и шестнадцати лѣтъ это не одна и та же особа, не одинъ и тотъ же человѣкъ: это разъединившаяся двойчатка, изъ которой одна половина ушла назадъ, въ потёмки прошедшаго, и уходитъ все дальше-и-дальше, а другая выступила впередъ и, опознаваясь исподволь на новой мѣстности своей, постепенно идетъ смѣлѣе-и-смѣлѣе впередъ.... Кукла болѣе походить на младенца, чѣмъ дѣвочка на дѣвицу!

Наташа бѣгло перескакивала мыслями и языкомъ съ одного предмета на другой, съ другаго на третій и пятый, столько ежеминутно раждалось въ ней ясныхъ и неясныхъ воспоминаній, столько было вопросовъ, распросовъ и развѣдываній, а между-тѣмъ рѣдко доставало терпѣнія выслушать до конца мѣрный отвѣтъ отца, чинный разсказъ бабушки или подробныя объясненія братца; Наташа кидалась на другое и сама бѣгала изъ покоя въ покой, по всему дому, желая навѣстить каждый знакомый уголъ. И шкапъ съ перильцами наверху и съ мѣдными шарами по угламъ, и тагильскій большой сундукъ, синій съ алыми цвѣтами, окованный желѣзомъ, и горка въ углу, съ фарфоровыми сборными чашками, подарками отцу, покойной матери и бабушкѣ въ дни именинъ и рожденій — все это были старинные знакомые и пріятели Наташи, надъ которыми она готова была отъ радости и плакать и смѣяться. Домъ Бориса Михайловича ожилъ и просвѣтлѣлъ съ того мгновенія, какъ Наташа въ него вступила.

Взрослый ребенокъ этотъ, какъ было уже однажды сказано о другомъ, подобномъ ему существѣ, соединялъ въ себѣ, такъ-сказать, обѣ природы родителей своихъ, представляя олицетвореніе этого союза. Хотя Наташѣ и было всего только семнадцатый годъ и она даже, по живости своей, казалась еще моложе, неменѣе того во всемъ существѣ ея проявлялась какая-то страстная преданность — основаніе женственности, и въ то же время независимая сила и самостоятельность отца. Эту смѣсь силы и кротости, принужденіе и насиліе не могли себѣ подчинить; они только возмущали дѣвственную душу, поселяя въ ней одно исключительное чувство — негодованіе; но за-то разумное убѣжденіе, а еще болѣе простая, убѣдительная просьба, порабощали ее безусловно. Такимъ-образомъ слабость ея заключалась именно въ этой безсознательной силѣ, которая легко и безусловно покорялась кротости и ласкѣ, будучи затѣмъ готова на безусловное самопожертвованіе, чтобъ только отмолить вынужденный природою вещей проступокъ. Стоило только выказать какой-либо доблестный поступокъ или заставить Наташу быть вольнымъ или невольнымъ поводомъ какого-либо оскорбленія, и герой ея, или притѣсненный, получали, такъ-сказать, надъ нею полную власть: уваженіе, раскаяніе и состраданіе одинаково овладѣвали благородною преданностью ея и подчиняли ее постороннему вліянію.

Все выказывало въ ней природу, которая чувствовала силу и свѣжесть свою, не зная ни гордости, ни тщеславія. Обиліе жизненности вещественной и духовной сдерживалось ею только съ трудомъ въ предѣлахъ условнаго приличія, и даже глаза ея были лучисты; но эта могучесть жизни, будто сама передъ собою краснѣя, облекалась ласкою, нѣгою и кротостью. Если изъ груди ея вырывалось повременамъ звучное междометіе, или она сама себя ловила съ поличнымъ, опомнившись при какомъ-нибудь быстромъ, рѣшительномъ движеніи, то она вдругъ останавлива-

лась, какъ тронутая волшебнымъ жезломъ, и не знала куда дѣваться съ кипучею молодостью. Эта мнительность и осторожность, тщательно-подавлявшая на каждомъ шагу упрямую природу, обозначалась какою-то кипучею воздержностью и дѣятельнымъ покоемъ, довольно-любопытными для наблюдателя.

Бабушка была ласкова къ Наташѣ, не понукала и не запинала ее на каждомъ шагу, а присматривалась и прислушивалась къ ней, чтобъ сперва ознакомиться съ нею послѣ долгой разлуки и вполнѣ понять ее и изучить. Но забота о томъ, чтобъ хорошохонько пристроить Наташу, не выходила изъ думки Марьи Аѳанасьевны и она въ тотъ же вечеръ и опять на другой день, оставшись одна съ зятемъ, проговорила:

— Дà, Боринька, вотъ и новыя заботы: надо подумать о дочери; надо хорошаго человѣка пріискать, чтобъ былъ ей ровня...

— И, матушка! отвѣчалъ опять Борисъ Михайловичъ: — каждому дню свое: Богъ позаботится обо всѣхъ. Прійдетъ время, тогда принадумаемся. Когда рожь, тогда и мѣра.

Но бабушкѣ поговорка ея вошла въ привычку и дня не проходило, чтобъ старушка не проговаривалась. Она перебирала про-себя всѣхъ жениховъ, какихъ только знала въ губерніи, и съ глубокимъ вздохомъ качала головой: «все не то!» Ей нуженъ былъ напередъ всего нравственно-безукоризненный человѣкъ — такъ высоко цѣнила она достоинства внучки своей, а затѣмъ она также требовала отъ него порядочную родословную, хорошее состояніе, уваженное положеніе въ свѣтѣ или обществѣ; само-собою разумѣется, что наружность и лѣта должны были всему этому отвѣчать. Словомъ, трудно было по этой статьѣ на бабушку угодить: не знаю, такъ ли причудлива будетъ современемъ внучка.

Дни шли за днями и между братцомъ и сестрицей, губернскимъ архитекторомъ и Наташей то-есть, не было за-

мѣтно никакой особенно-тѣсной дружбы; не видавшись нѣсколько лѣтъ, они какъ-будто чуждались нѣсколько другъ друга, потому именно, какъ я уже сказалъ, что дѣвочка и дѣвица вовсе не одно и то же лицо: первой нельзя болѣе узнать во второй и старый другъ и товарищъ дѣвочки стоитъ передъ дѣвицей невольно растерявшись и не находя ладу и мѣры для словъ своихъ и обращенія съ нею. Впрочемъ, какъ братецъ и сестрица, они стали мало-пó-малу опять свыкаться.

Но судьба, или случай вдругъ, внезапно измѣнили отношенія. эти. Раза два-три уже случалось, что Наташа, по быстротѣ и опрометчивости перваго движенія своего, несправедливо обвинила-было своего братца въ какомъ-либо словѣ или иномъ дѣйствіи, и вслѣдъ затѣмъ сильно сама передъ собой была пристыжена. Въ такой душѣ, какъ была Наташа, это сознаніе погрѣшимости своей и превосходства въ другомъ существѣ необходимо должно было произвести нѣкоторый переворотъ, и именно добровольное подчиненіе себя тому, кому не могла отказать въ уваженіи. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: при постройкѣ Никандромъ Петровичемъ собора, беззаботливость одного изъ подрядчиковъ и авосьничанье рабочихъ во время двухдневнаго отсутствія строителя по дѣламъ въ уѣздномъ городѣ, были причиной бѣдственнаго случая, который былъ отвращенъ одною только рѣшимостью, отвагою и присутствіемъ духа самого архитектора, который спасъ этимъ жизнь двухъ человѣкъ, обреченныхъ уже на гибель. Часть лѣсовъ внезапно обрушилась въ то самое время, когда Никандръ Петровичъ, воротившись изъ поѣздки, навѣстилъ работы; при этомъ двухъ человѣкъ на верхнихъ лѣсахъ ушибло и прижало такъ, что они не могли высвободиться. На мѣстѣ было немного рабочихъ, да и тѣ, испугавшись и потерявшись, не рѣшались ни на чтó, и погибающіе уже лишились чувствъ, или по-крайней-мѣрѣ голоса; они замолкли и предались своей участи. Страшно

было смотрѣть на нихъ снизу, какъ они висѣли на обнаженныхъ вокругъ лѣсахъ, на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ земли, а между-тѣмъ къ нимъ не было никакого доступа: лѣстницы и сходни всѣ обрушились. Каждое мгновеніе было дорого. Никандръ Петровичъ бросился къ зданію, вызывая другихъ за собою, и сунувъ въ карманъ одинъ только пучокъ нитокъ, съ опасностью жизни, счастливо одолѣвъ всѣ препятствія, взобрался изнутри на сводъ собора, а оттуда, по остаткамъ обрушившихся лѣсовъ, ловко доползъ до мѣста гибели двухъ рабочихъ. Удостовѣрившись здѣсь въ томъ, что голыми руками пособить невозможно, онъ, сидя верхомъ на бревешкѣ, спустилъ бичевку свою внизъ и закричалъ, чтобъ проворнѣе привязали къ ней пилу и конецъ веревки, которую надвязывали, по распоряженію его, по-мѣрѣ-того, какъ онъ ее подымалъ и она приходила къ концу. Перепиливъ съ большою осторожностью брусъ, который прижалъ двухъ несчастныхъ каменьщиковъ, одного за руку, а другаго поперегъ всего тѣла, Никандръ Петровичъ, съ помощью еще одного каменьщика, который наконецъ рѣшился послѣдовать его примѣру, спустилъ бѣдствующихъ, одного за другимъ, благополучно на земь помощью взятой имъ съ низу веревки.

Впродолженіе этого времени вокругъ собора на шумъ и крикъ собралось множество народа; а какъ присутственныя мѣста были на той же площади, то можно сказать, что весь городъ, а въ томъ числѣ и Борисъ Михайловичъ, были свидѣтелями происшествія. Оно надѣлало много шума; не могли надивиться и нарадоваться отвагѣ и рѣшимости архитектора; и если случай этотъ увеличилъ всеобщее къ нему уваженіе, то онъ стоялъ съ этого дня передъ сестрицею какъ баснословный герой, какъ полубогъ. Всѣ чувства ея покорились ему, и когда, на другой день, семья одного изъ спасенныхъ имъ рабочихъ, не удовольствовавшись благодарностью, изъявленною лично Никандру Петровичу, пришла еще на домъ къ нему, когда его тамъ не

было, и упала въ ноги передъ бабушкой и передъ барышней, обнимая колѣни ея, то она не взвидѣла подъ собою земли отъ радости и чувства гордости — не за себя, а за своего братца.

Вскорѣ послѣ этого событія Марья Аѳанасьевна, сидя вечеромъ одна съ зятемъ, опять начала вздыхать и приговаривать, что пора подумать объ устройствѣ участи Наташи, но на этотъ разъ сказала это несовсѣмъ въ общихъ словахъ, не на вѣтеръ, а перешла къ намекамъ болѣе-положительнымъ, спросивъ зятя, какого онъ мнѣнія, напримѣръ, о томъ человѣкѣ, у котораго есть имѣніе, называемое Верхніе-Сушняки?

Борисъ Михайловичъ, не обративъ сначала большаго вниманія на обычныя слова тёщи, вдругъ поднялъ голову, взглянулъ на нее во всѣ глаза и спросилъ прямо:

— Ка̀къ, развѣ онъ сватается?

— Нѣтъ не совсѣмъ или, можетъ-быть, отвѣчала та: — но я все-таки желала бы знать заблаговременно мысли твои, Боринька, объ этомъ человѣкѣ, и затѣмъ пустилась расхваливать его.

Зять долго слушалъ молча, потомъ сказалъ:

— Матушка, мое мнѣніе вотъ какое: вы все заботитесь о женихѣ, ищете его за тридевять земель, а передъ собой его не видите. Я думаю, если намъ не вмѣшиваться, а предоставить дѣло судьбѣ и тѣмъ, до кого оно всего ближе касается, то оно и сдѣлается безъ насъ, и сдѣлается недурно.

Марья Аѳанасьевна, въ свою очередь, выпрямилась въ креслѣ своемъ и съ крайнимъ изумленіемъ смотрѣла на зятя: она не хотѣла, не смѣла понять его.

— Что̀ это значитъ, о комъ вы это говорите? я васъ не понимаю.

— А я истинно не понимаю, матушка, отчего слова мои ставятъ васъ въ такое недоумѣніе. Взгляните на молодыхъ нашихъ: я думаю, что они будутъ просить, не старанія

нашего, чтобъ ихъ сблизить, а одного только благословенія.

Но бабушка долго еще не могла утѣшиться и успокоиться; она ставила сотни причинъ, почему объ этомъ союзѣ и думать нельзя было, оканчивая, впрочемъ, каждое возраженіе свое тою же поговоркой: «да притомъ же, помилуй, она ему сестра!» Борисъ Михайловичъ не спорилъ ни противъ того, что Никандръ сирота, безъ роду безъ племени, что отецъ его не былъ даже записанъ въ родословную, не только въ шестую книгу, какъ этого требовала Марья Аѳанасьевна, что Никандръ былъ бѣднякъ, живущій однимъ жалованьемъ съ небольшимъ только пособіемъ отъ незначительныхъ частныхъ построекъ, что Наташа можетъ и должна составить не такую партію, и пр. Противъ всего этого Борисъ Михайловичъ не возражалъ ни слова, считая это, до времени, излишнимъ, а покончилъ тѣмъ же, чѣмъ началъ, то-есть просилъ бабушку не торопиться и не затѣвать отъ себя никакихъ переговоровъ по этимъ дѣламъ. Борисъ Михайловичъ поступилъ такъ не только потому, что будущее насущное благосостояніе Наташи зависѣло отъ бабушки ея, владѣтельницы порядочнаго имѣнія, но и потому, что такое поведеніе было вообще согласно съ ровнымъ, разсудительнымъ нравомъ его, и что онъ очень уважалъ бабушку, занимавшую уже столько лѣтъ въ домѣ мѣсто полной хозяйки.

Не знаю, замѣтили ль отецъ или бабушка какую-нибудь перемѣну въ молодыхъ людяхъ въ тотъ же вечеръ, но на другой день, къ-сожалѣнью, это было уже слишкомъ замѣтно, и непріятная перемѣна эта усиливалась со-дня-на-день и дѣлалась для отца, и въ-особенности для бабушки, невыносимою. Никандръ былъ либо въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, либо сидѣлъ молча въ темномъ углу и просыпался, какъ со сна, когда съ нимъ заговаривали; онъ сталъ наконецъ явно бѣгать изъ дома, подъ предлогомъ дѣлъ и занятій. Наташа измѣнилась еще замѣтнѣе: куда

дѣвалась торопливость ея, прежняя опрометчивость и скорохватность, куда это дѣтское простодушіе и независимость, свобода пріемовъ? Она сдѣлалась робка, пуглива, будто безпрестанно держала ушки на макушкѣ и въ то же время — какое противорѣчіе! во всѣхъ пріемахъ, въ обращеніи и рѣчи ея появилась какая-то плавность, степенность и обдуманная осторожность.

Перемѣна эта, какъ легко понять, была слѣдствіемъ дошедшихъ до молодыхъ нашихъ объясненій бабушки и отца. Горничная, лакомая до подобныхъ разговоровъ, незамѣтно подслушала все и сочла обязанностью передать слышанное любимой барышнѣ своей. Наташа, конечно, остановила бы ее и не стала бы слушать отъ горничной подобныхъ вещей, но у бѣдняжки захватило духъ съ первыхъ словъ разсказщицы, и она, подъ вліяніемъ новой для нея мысли, поразившей ее, какъ изъ тучи громъ, молча дослушала все, едва переводя духъ, и даже не отвѣчала ни слова, когда Палаша въ третій разъ уже окончила разсказъ свой и готовилась начать его въ четвертый. Къ-сожалѣнію, все это было также предметомъ разговора въ людской, въ застольной, и человѣкъ, раздѣвая вечеромъ Никандра, затянулъ-было, съ оглядкой и осторожностью, ту же пѣсню. Никандръ Петровичъ остановилъ его тотчасъ, заговорилъ о другомъ и отправилъ; но долго онъ не могъ сомкнуть глазъ, и не зная, что́ именно было сказано и по какому поводу, рѣшилъ наконецъ, въ крайнемъ безпокойствѣ своемъ, заглянуть въ комнату Бориса Михайловича и переговорить съ нимъ, о чемъ онъ доселѣ еще и не думалъ. Борисъ Михайловичъ не спалъ еще, удивился появленію Никандра, но выслушалъ его спокойно и отвѣчалъ:

— До времени, любезный Никандръ, совѣтую тебѣ отложить вовсе мысль объ этомъ. Есть много причинъ, которыя затруднятъ это, и, между-прочимъ, вы братъ и сестра. Прими совѣтъ мой къ сердцу, позабудь объ этомъ думать.

Дня три затѣмъ, Борисъ Михайловичъ, глядя на дѣтей, молчалъ; Марья Аѳанасьевна терпѣла долго, наконецъ, съ негодованіемъ и безпокойствомъ спросила:

— Такъ что́ жъ это такое будетъ?

— Не знаю, матушка, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ:— вамъ лучше знать это. Я знаю только, что Никандръ просится въ переводъ въ какой-нибудь другой губернскій городъ.

— Ка̀къ, что́ это значитъ?

— А развѣ вы хотите требовать, чтобъ здѣсь, при этихъ обстоятельствахъ, онъ подвергался ежеминутной пыткѣ, чтобъ онъ то-и-дѣло казнился, глядя на.... да хоть бы на всѣхъ насъ? Его держать нельзя, пусть съ Богомъ ѣдетъ.

Бабушка вздохнула и промолчала; черезъ нѣсколько дней однакожъ, у нея опять лопнуло терпѣніе и она выбрала время, чтобъ поговорить съ Наташей. Но Наташа молчала; съ трудомъ только бабушка могла заставить ее вымолвить словечко; молчала, кротко и покорно, но съ этого часа еще болѣе повѣсила головку и на слѣдующій день, безъ всякаго упрямства, но по нездоровью, не могла выйти къ обѣду.

Бабушку взяла тоска не на шутку. Никандръ уѣхалъ, напросившись на командировку, и ожидалъ перевода въ другую губернію. Это смущало бабушку въ высшей степени; она привыкла къ нему и не хотѣла бы съ нимъ разстаться. Наташа не была похожа на себя; самъ Борисъ Михайловичъ сдѣлался малословнымъ и скучалъ. Марья Аѳанасьевна пришла вечеромъ въ покой зятя, притворила двери и залилась слезами: жизнь ей опостылѣла, въ своемъ же домѣ, да и житья нѣтъ—она для дѣтей живетъ, и должна видѣть несчастіе дѣтей и прочее.

— Да въ чемъ же дѣло? спросилъ, наконецъ, Борисъ Михайловичъ:— я не разъ уже выслушалъ всѣ ваши причины и доводы и, виноватъ, не понимаю ихъ. Какъ постелешь, бабушка, такъ и выспишься....

— Такъ ты думаешь, Боринька, что можно?

— Я думаю даже, что должно.

— Боже мой! куда же дѣвались всѣ заботы мои, всѣ золотые сны.... я чаяла богатаго, чаяла родословнаго, чаяла знатнаго....

— А я чаялъ добраго, благороднаго, молодаго, здороваго, умнаго, работящаго....

Бабушка вздохнула, прочитала про-себя короткую молитву, перекрестилась и опять спросила:

— Такъ что́ жъ, Боринька, съ Богомъ что́ ли? и весело улыбалась сквозь слёзы.

— Я думаю съ Богомъ, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ.

Бабушка обняла его и вышла, сказавъ:

— Ну ужъ коли такъ, то молчи: я улажу это дѣло.

Борисъ Михайловичъ отъ души поцѣловалъ старушку и охотно предоставилъ ей удовольствіе улаживать то, что̀ давно само-собой уладилось.

Бабушка пришла въ свой покой, поставила на столикъ чернильницу съ перомъ, положила бумагу и послала за Наташей.

— Ну, сударыня моя, начала она, улыбаясь: да что жъ это будетъ у насъ? что́ вы тамъ надѣлали, кайтесь! Наташа молчала, глядя во всѣ глаза, нѣкогда лучистые, а теперь туманные, съ поволокою.

— Куда, продолжала бабушка: — куда и зачѣмъ ты у меня сына-то загнала, зачѣмъ онъ уѣхалъ?

Никогда еще Наташа не была въ такомъ странномъ положеніи и рѣшительно не знала, что́ отвѣчать.

— Садись, сударыня моя, садись же, мать моя, вотъ тебѣ перо и бумага; садись и пиши ему, пиши что́ и ка̀къ знаешь, да чтобъ онъ пріѣхалъ; коли любитъ тебя, пусть пріѣзжаетъ, я васъ благословлю, и отецъ благословитъ — а сама зарыдала.

Наташа, какъ стояла передъ бабушкой, бросилась къ ногамъ ея и обняла ея колѣни. Она нѣсколько разъ всхли-

пывала, но когда подняла голову и смотрѣла бабушкѣ въ лицо, то глаза ея были уже сухи и опять попрежнему лучисты, а на лицѣ не было и слѣду слезъ; бабушка также вскорѣ оправилась, поцѣловала внучку, но приняла опять нѣсколько-важный и степенный видъ и требовала настоятельно, чтобъ Наташа тотчасъ же писала. Нѣсколько секундъ, не болѣе того, Наташа не могла опомниться и собраться съ мыслями: положеніе ея было слишкомъ-странно и непривычно; но когда бабушка повторила въ третій разъ все одно и то же и сказавъ: «пиши, матушка, пиши», указывала повелительно на бумагу, то Наташа вдругъ кинулась къ столу, схватила перо, и не призадумавшись ни на одно мгновеніе, написала:

«Любезный братецъ! не удивляй$\frac{\text{ся,}}{\text{тесь}}$ что я $\frac{\text{тебѣ}}{\text{вамъ}}$ пишу.
«Бабушка посадила меня и строго приказываетъ: «пиши!»
«И что́ жъ писать.... Пиши: пусть онъ скорѣе пріѣзжаетъ,
«я васъ благословлю, и отецъ благословитъ....»

Бабушка съ нѣкоторымъ изумленіемъ пробѣжала записку; она не ожидала такой сговорчивости отъ секретарши своей и такой быстрой исполнительности; бабушкѣ было очень-любопытно увидѣть, какъ-то она вывернется изъ этого положенія, что-то она ему напишетъ — а тутъ никакихъ затрудненій не оказалось и дѣло было кончено, какъ-нельзя-яснѣе и короче, въ четырехъ строкахъ...

Я проѣзжалъ этотъ городъ; соборъ и новыя присутственныя мѣста, несмотря на малый просторъ, предоставленный при постройкѣ зодчему, выстроены съ большимъ вкусомъ. Но лучшій домъ въ городѣ, не большой и вовсе не великолѣпный—это домъ архитектора, Никандра Петровича, о которомъ говорятъ, что онъ завидно-хорошо живетъ съ молоденькою женою.... Живите, любовь вамъ и совѣтъ!

XLVII.

МНИМОУМЕРШІЕ.

—

Зашла рѣчь въ бесѣдѣ о мнимоумершихъ, о зарытыхъ живьёмъ, объ ожившихъ подъ землей, либо въ гробу, до погребенія; каждый изъ собесѣдниковъ зналъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, съ большими подробностями, зналъ навѣрное, что все это точно такъ было, но на повѣрку выходило, что все это было Богъ-вѣсть гдѣ начитано и наслышано, а изъ семи человѣкъ собесѣдниковъ ни одинъ не могъ подкрѣпить подобнаго случая своимъ личнымъ свидѣтельствомъ, ни одинъ всѣхъ этихъ страстей самъ не видалъ. «А вы же что молчите?» спросили восьмаго: «не случалось ли вамъ быть на дѣлѣ свидѣтелемъ чего-нибудь подобнаго? — «Случалось», отвѣчалъ тотъ спокойно. Всѣ обратились съ мѣстъ своихъ къ нему, уставили на него глаза, и вопросы: какъ? гдѣ? когда? посыпались со всѣхъ сторонъ. — «Мнѣ два раза случилось быть при подобной — какъ бы это сказать — исторіи, что ли» отвѣчалъ врачъ, «но обѣ окончились, каждая въ своемъ родѣ, довольно спокойно и безъ большихъ страстей; такъ, можетъ-быть, и не стоитъ того разсказывать. Вы, кажется, сегодня пустились

въ погоню за сильными ощущеніями.» — «Нѣтъ, докторъ, разсказывайте, пожалуйста, разскажите!» — «Извольте.»

«Мы были, при самомъ окончаніи турецкой войны и во время довольно-продолжительныхъ переговоровъ о мирѣ, въ Адріанополѣ. Огромная казарма, выстроенная за городомъ четыреугольникомъ, о двухъ ярусахъ, съ широкими навѣсами кругомъ на дворъ, занята была подъ госпиталь. Зданіе было такъ велико, что въ немъ помѣщалось подъ конецъ десять тысячъ больныхъ. Но какъ они помѣщались и въ какомъ положеніи находились — это другой вопросъ. Начальство наше дѣлало все, что могло, для улучшенія этого помѣщенія; но какъ вы улучшите нѣсколько сотъ палатъ, съ кирпичными полами, безъ кроватей, разумѣется, и безъ наръ, и притомъ съ красивенькими деревянными рѣшетками, вмѣсто стеклянныхъ оконъ? Дѣло походное, земля, въ которой, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и соломки-то почти нельзя было достать, а ноябрь пришелъ въ свое время и рѣшетчатые, пустые переплеты оконъ плохо утѣшали больныхъ.

«Сперва принялась душить насъ перемѣжающаяся лихорадка, за нею по пятамъ понеслись подручники ея, изнурительныя болѣзни и водянки; не дождавшись еще и чумы, половина врачей вымерла; фельдшеровъ не стало вовсе, то есть при нѣсколькихъ тысячахъ больныхъ не было буквально ни одного; аптекарь одинъ на весь госпиталь. Когда бы можно было накормить каждый день больныхъ до-сыта горячимъ, да подать имъ въ волю воды напиться, то мы бы перекрестились. Между-тѣмъ снѣжокъ порошилъ въ окна и вѣтерокъ подувалъ.

«При такомъ огромномъ числѣ больныхъ, которые, сверхъ того, еще находились въ положеніи несовсѣмъ-выгодномъ для здоровья, разумѣется, было не безъ смертности.... Вы знаете, что такое мертвая камера; это отдѣльный покой, въ который относятъ до времени покойниковъ. Въ адріанопольскомъ госпиталѣ, гдѣ всѣ безъ изъятія палаты обращены

были дверьми подъ общій навѣсъ и всѣ были одинаковыхъ размѣровъ, мертвая камера тѣмъ только отличалась отъ прочихъ живыхъ палатъ, что въ ней лежали мертвые, а въ другихъ живые; по наружности никакихъ особенныхъ примѣтъ не было и она, какъ келья, шла сподрядъ съ прочими.

«Однажды, вечеромъ, приходитъ въ госпиталь нашъ посланный отъ начальства строгій ревизоръ, или инспекторъ, что ли, только не изъ врачей, а по другой части; но больныхъ допрашивалъ онъ именно по врачебной части, то есть получаютъ ли они черезъ часъ по ложкѣ. Я объяснилъ уже, въ какомъ положеніи мы находились, а потому и предоставляю судить вамъ, господа, о неудовольствіи ревизора на отрицательные отвѣты. Насчетъ пищи и питья утѣшалъ онъ больныхъ по сущей справедливости тѣмъ, что въ полѣ и жукъ мясо, что въ военное время въ непріятельской землѣ по–неволѣ приходится иногда терпѣть; но насчетъ лекарства онъ былъ другаго мнѣнія и не могъ надивиться беззаботности нашей и непростительному небреженію. Этотъ открытый имъ безпорядокъ долженъ былъ привести его въ крайнее негодованіе, въ самое дурное расположеніе, и угрозы его на насъ грѣшныхъ возрастали постепенно, по мѣрѣ перехода изъ одной палаты въ другую, по холодному, темному и мокрому навѣсу; а палатъ было гораздо за сотню, такъ было надъ чѣмъ и сердцу порасходиться.

Инспекторъ вступилъ въ госпиталь одинъ, тихомолкомъ, не желая, вѣроятно, дѣлать напрасной тревоги, и какъ ворота на широкій дворъ и подъ навѣсы никогда не запирались, фельдшеровъ не было, а дежурный врачъ, сидѣвшій въ первой комнатѣ направо отъ воротъ, ничего не зналъ о прибытіи грознаго инспектора, который повернулъ налѣво и пошелъ кругомъ этимъ порядкомъ, то онъ и продолжалъ обходъ свой одинъ и самое это обстоятельство приписывалъ также безпорядку.

Обойдя нѣсколько десятковъ палатъ, инспекторъ раство-

рилъ поочереди двери въ слѣдующую палату, поздоровался съ больными — отвѣта нѣтъ. Спрашиваетъ: «получаете ли лекарство?» Молчатъ. «Не можетъ быть, чтобъ тутъ лежали нѣмые», подумалъ инспекторъ, который въ потьмахъ едва только могъ отличать на полу лежащихъ въ два ряда по стѣнамъ больныхъ, «видно тутъ трудные — тѣмъ болѣе надобно допытаться, заботится ли этотъ безсовѣстный народъ, доктора наши, хотя по-крайней-мѣрѣ объ этихъ больныхъ и получаютъ ли они черезъ часъ по ложкѣ».... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, услышалъ вздохъ или стонъ, затѣмъ шелестъ по соломѣ, шаги и кто-то въ полупотьмахъ съ нимъ столкнулся. «Кто это?» Жалкое, сиплое «я» было едва-внятно произнесено въ отвѣтъ и кто-то, протѣснившись подлѣ инспектора, по дорожкѣ въ срединѣ, между встрѣчными ногами двухъ рядовъ больныхъ, вышелъ въ двери и исчезъ подъ навѣсомъ. Посторонившись отъ этого встрѣчнаго, инспекторъ невольно толкнулъ ногой одного изъ больныхъ и удивился твердой вытяжкѣ его: онъ лежалъ, какъ исправные солдаты стоятъ во фронтѣ. Ревизоръ нагнулся, пощупалъ рукой — и отскочилъ; но наткнулся по другую сторону на другаго, такого же фронтоваго. Тогда онъ выбѣжалъ изъ палаты и поднялъ тревогу. Коммиссаръ и нѣсколько врачей мало-по-малу сбѣжались съ разныхъ сторонъ; принесли фонарей. Инспекторъ былъ, какъ само-собою разумѣется, просто взбѣшенъ; а какъ въ подобномъ состояніи не всегда знаешъ и помнишъ что говоришь, то и тутъ, съ крикомъ и шумомъ было высказано очень-много. Мы стояли, разинувъ рты, и ровно ничего не понимали. Долго длилось это громкое негодованіе съ одной стороны и молчаніе изумленія съ другой, покуда, наконецъ, объяснилось, что ревизоръ, между прочими непростительными безпорядками, нашелъ и неслыханную законопротивность: онъ наткнулся на двухъ покойниковъ, въ палатѣ трудно-больныхъ. Каждый изъ насъ подумалъ: «быть-можетъ, жизнь наша въ руцѣ Божьей, умри и теперь кто-нибудь изъ насъ

на мѣстѣ, какъ стоимъ, то случится то же: будетъ одинъ покойникъ между нѣсколькими живыми. Мы поспѣшили вслѣдъ за негодующимъ, который отправился теперь, въ сопровожденіи нашемъ и двухъ фонарей въ роковую палату, и тутъ только увидѣли и объяснили инспектору, что это была не палата а мертвая камера; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ могъ удостовѣриться при свѣтѣ огня, что два фронта эти, направо и налѣво отъ дверей, вдоль стѣнъ, болѣе не встанутъ и команднаго слова не услышутъ до роковой трубы, и отвѣта никакого не дадутъ до втораго пришествія....

— Такъ это еще хуже того! закричалъ ревизоръ, когда онъ самъ, въ свою очередь, опомнился отъ изумленія. — Я думалъ, что вы только не убираете во-время покойниковъ, покидая ихъ между живыми; а вы вмѣсто того укладываете живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми и, стало-быть, вмѣстѣ же ихъ и хоронитѣ? какъ?

Опять пришла наша очередь недоумѣвать и мы послушно стояли въ недоумѣніи, ожидая какой-нибудь развязки.

— Да продолжалъ инспекторъ: — войдя въ эту палату, или, какъ я теперь вижу, въ мертвую камеру, я встрѣтилъ живаго человѣка; онъ поднялся вотъ съ этого мѣста, всталъ, простоналъ, закашлялъ, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ мой, что это *онъ*, вышелъ въ дверь и исчезъ; стало-быть, вы, разбойники, положили сюда живаго человѣка — а?

Теперь мы поняли наконецъ въ чемъ дѣло, но не менѣе прежняго затруднялись въ отвѣтѣ. Сказать, что этого-де быть не можетъ, значило бы крѣпко разсердить и безъ того уже немилостиваго ревизора, да притомъ каждый изъ насъ долженъ былъ по совѣсти сознаться, что это дѣло сбыточное. Что дѣлать! бывали и не такіе примѣры, а здѣсь, при объясненныхъ мною данныхъ и обстоятельствахъ, ничего нѣтъ мудренаго въ подобной ошибкѣ. Одно только было сомнительно: если хворый, который уже истощенъ до такой степени, какъ были всѣ наши больные, обомретъ, то едва-ли

очнется на кирпичномъ полу безъ подстилки, какъ лежали покойники, при нѣсколькихъ градусахъ мороза и безъ всякой покрышки. Но спорить было нечего; приходилось молчать, и мы молчали. Пушеніе съ угрозами продолжалось, постепенно возрастая, какъ буря, которая начинаетъ маленькою погудкой, а оканчиваетъ большою. Все шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ единый отъ весьма-немногихъ служителей госпитальныхъ, страшный заика, тащитъ въ мертвую камеру за воротъ какое-то жалкое, тщедушное, еле-дышащее существо, а самъ мычитъ и шипитъ и щелкаетъ языкомъ и, въ-добавокъ, еще вертитъ головой. На этотъ разъ послѣдовало уже всеобщее изумленіе, поддерживаемое напряженнымъ любопытствомъ. Никто не понималъ еще, что изъ этого выйдетъ, а служитель, на бѣду, все-еще щелкалъ и присвистывалъ и не могъ произнести ни слова, тогда-какъ приведенный имъ больной пропищалъ въ безсиліи что-то, на повторенные со всѣхъ сторонъ вопросы, и мы все-таки не понимали, что изъ этого выйдетъ.

— Пой, пой! закричали мы служителю-заикѣ, потому-что онъ, запнувшись однажды до такой степени, могъ поправиться однимъ только способомъ: если ему дозволить пѣть; въ пѣсняхъ онъ не заикался и произносилъ слова медленно, въ растяжку, но понятно. И служитель мой, не упуская поличное изъ рукъ, запѣлъ самымъ заунывнымъ образомъ:

— Ваше высокоблагородіе! вотъ солдатикъ, который лежалъ въ мертвой камерѣ: онъ попадъ туда самъ-собой, ошибкой; вышедъ изъ своей, сосѣдней палаты, онъ угодилъ послѣ невзначай въ эту.

Опять перешла очередь недоумѣнія не на нашу сторону; теперь уже намъ было все очень ясно. Ревизоръ распрашивалъ и переспрашивалъ много разъ то больнаго, приставляя ко рту его ухо свое, то заику, заставляя его отвѣчать на-распѣвъ, и слова его оправдались: ни покойники небыли забыты между живыми, ни живой не положенъ заживо про-

межь покойниковъ, ниже мертвые не оживали. Кандидатъ мертвой камеры самъ до времени туда забрелъ, а пришедъ въ себя и замѣтивъ ошибку свою, поспѣшилъ оттуда убраться и, на бѣду, встрѣтился со взыскательнымъ ревизоромъ.

Слушатели, приготовившіеся къ какой-нибудь страшной развязкѣ о заживо-схороненныхъ, разсмѣялись этой путаницѣ вздоровъ и просили доктора разсказать другой обѣщанный случай, предполагая, впрочемъ, что и второй, вѣроятно, будетъ не лучше перваго. «Ну», сказалъ докторъ «другой-то случай поважнѣе и притомъ не шуточный, если вы не захотите признать шуткой положеніе человѣка, надъ которымъ насыпано земли въ косую сажень, и который, между-тѣмъ, лежитъ въ полной памяти, ожидая своего спасителя! Дѣло было въ Россіи.

«Кантонистъ изъ евреевъ, одинъ изъ тѣхъ, что общества отдаютъ попарно двухъ маленькихъ за одного большаго, нѣсколько разъ уже поступалъ къ намъ въ госпиталь сомнительными болѣзнями и выкидывалъ разныя штуки, чтобъ попасть въ неспособные. У кого онъ побывалъ въ рукахъ разъ-другой, тотъ его уже зналъ и выживалъ изъ госпиталя мушками, да моксами; но плутъ этотъ былъ терпѣливъ и крѣпко намъ надоѣдалъ. Однажды случилось, что, прибывъ опять въ госпиталь съ притворнымъ кашлемъ, ломотою и прочими семью недугами, онъ попалъ въ палату къ новичку, человѣку и не опытному и нерадивому. Больныхъ, сверхъ того, въ то время было много; всѣхъ наизустъ не всякій могъ упомнить; такимъ-образомъ, на моего Шмуля никто не обратилъ вниманія; онъ лежалъ-себѣ да лежалъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцовъ батальйонъ получаетъ увѣдомленіе изъ госпиталя, что больной этотъ умеръ. Его исключили изъ списковъ и о немъ ужъ было забыли, какъ вдругъ изъ какого-то дальнаго мѣста препровождаютъ въ этотъ батальйонъ, по пересылкѣ, пойманнаго бѣглаго; призываютъ его, разсматриваютъ и — что жь бы вы думали?

оказывается, что это Шмуль, тотъ самый еврей, покойникъ. При допросѣ онъ показалъ слѣдующее:

«Давно уже я страдалъ припадками, которые наводили на меня повременамъ забытье, какое-то безпамятство, но они были непродолжительны; мнѣ не вѣрили въ болѣзни моей ни въ батальйонѣ, ни въ госпиталѣ; полагали, что я притворяюсь, а между тѣмъ я иногда самъ былъ болѣе мертвый, чѣмъ живой. Мнѣ дѣлалось все хуже и хуже; я по ночамъ сталъ обмирать, такъ-что пролежу, бывало, цѣлую ночь какъ мертвый, но не сплю. Вотъ на меня и нашелъ однажды такой столбнякъ съ полуночи, но на этотъ разъ я поутру не очнулся; помню, какъ меня щупали и смотрѣли, какъ больные, сосѣди мои, просили фельдшера убѣдительно приказать вынести покойника — все это я слышалъ, но не могъ пошевелить пальца. Пришли служители, положили меня на носилки, понесли изъ дверей палаты направо, по длиннымъ переходамъ, тамъ на лѣво, въ мертвую камеру, и положили на столъ. Лежу, все знаю и слышу, не могу перевести духу, не могу пошевелить мизинцомъ. Такъ проходитъ цѣлый день; входили ко мнѣ люди еще раза три, вносили другихъ покойниковъ и клали со мною рядомъ; вошелъ однажды и лекарь, взглянулъ на насъ и сказалъ фельдшеру: «хорошо, я ужъ подписалъ записку.» Понявъ, какая это записка, то-есть о томъ, чтобъ насъ похоронить, я силился страшнымъ образомъ, чтобъ закричать или поднять руку; мнѣ и казалось, что я кричалъ, но глухо, такъ-что и самъ не слышалъ и другіе ничего не слышали, а вышли опять и заперли двери. Но страхъ мой былъ такъ великъ, что я сталъ вскорѣ приходить въ себя и мало-по-малу очнулся. Я сѣлъ и осмотрѣлся: семь покойниковъ лежали со мною рядомъ, я третьимъ съ краю. Къ счастью, это было лѣтомъ, иначе я бы давно окоченѣлъ. Я всталъ тихонько и увидѣлъ въ углу ушатъ воды съ ковшомъ; выпивъ немного воды, я освѣжился и сталъ думать, что мнѣ теперь дѣлать; страхъ не хотѣлось мнѣ опять на

службу. Что, подумалъ я, еслибъ мнѣ теперь сказаться мертвымъ? Вѣдь ужъ я зачисленъ умершимъ, изъ списковъ меня исключатъ, а я бы жилъ себѣ да жилъ, и никто бы не могъ догадаться, что я опять ожилъ.

Придумавъ какъ бы это сдѣлать, я легъ опять на свое мѣсто въ покойники, какъ только услышалъ, что идутъ въ мертвую камеру. Служители принесли гробы, поставили и ушли. Между служителями было несколько человѣкъ евреевъ и они всегда брали погребеніе умершихъ одновѣрцевъ на свое попеченіе. Я подстерегъ такую минуту, когда въ покоѣ оставался одинъ только служитель, землякъ мой, который меня зналъ; не зная какъ заговорить съ нимъ, чтобъ не испугать его и боясь притомъ упустить время, я наконецъ сталъ звать его шопотомъ по имени: онъ со страхомъ оглянулся, не понимая, что это значитъ, а я продолжалъ съ осторожностью, упрашивая его не пугаться, а молчать, и увѣряя что я не померъ, а только притворился мертвымъ. Онъ опомнился, понялъ въ чемъ дѣло и хотя сначала крѣпко испугался, но вскорѣ согласился на мою просьбу и обѣщалъ подговорить другихъ евреевъ. Я умолялъ его со слезами, онъ ушелъ, а я легъ опять на свое мѣсто. Вскорѣ воротился онъ еще съ двумя товарищами, меня положили въ гробъ, забили крышку и повезли съ прочими покойниками хоронить. Земляки мои сунули мнѣ въ гробъ ломоть хлѣба и аптекарскую склянку съ квасомъ и обѣщали, если можно будетъ, выпустить на кладбищѣ, а если нельзя, то прійти опять черезъ часъ и откопать меня, что не могло бы возбудить подозрѣнія, потому-что всякій подумалъ бы со стороны, что копаютъ новую могилу.

Страшно было мнѣ лежать въ гробу, а еще страшнѣе, какъ опустили въ яму и стали засыпать землей; но я долженъ объяснить, что товарищи не могли выпустить меня изъ гроба по причинѣ бывшихъ тутъ по близости другихъ служителей, поэтому они и уговаривали меня потерпѣть, обѣщая вскорѣ отрыть. Какъ еврея, похоронили меня стоймя,

а могилу приготовили такую, что голова моя, или головной конецъ гроба, едва только покрытъ былъ землей. Понемногу все стало стихать вокругъ меня; отпѣваніе русскихъ, которыхъ хоронили по сосѣдству, кончилось; я не слышалъ ни голоса человѣческаго, ни походки. Мнѣ стало такъ страшно, что я то снова готовъ былъ обмереть, то хотѣлъ стучать и кричать. Начинало дѣлаться въ гробу жарко, душно, такъ что я уже почти не могъ дышать; послѣднее терпѣніе мое лопнуло и я громко завылъ; въ то же самое время началась надо мною работа и меня стали поспѣшно отрывать. Евреи сказали прочимъ работникамъ, что приказано приготовить еще могилу, а потому они, два еврея эти, остаются на кладбищѣ; выждавъ затѣмъ только, чтобъ тѣ нѣсколько удалились, они тотчасъ же меня откопали. Я вылѣзъ опять на Божій свѣтъ, поспѣшно одѣлся кой въ какое платье, принесенное ими же; они опять закопали могилу мою, а я, простившись съ ними, пустился куда глаза глядятъ.» Покончивъ разсказъ этотъ, Шмуль только прибавилъ: «Вотъ мои похожденія; а прошатавшись три мѣсяца то тутъ, то тамъ, я наконецъ попался и присланъ сюда.»

Все это разсказано было бойкимъ языкомъ тертаго пройдохи, извѣданнаго плута, безъ запинки и безъ поправки и подчистки. Шмуля разспрашивали десять разъ и не могли надивиться необычайнымъ похожденіямъ его; но батальйонный командиръ, зная этого пріятеля, какъ-то все еще сомнѣвался и не довѣрялъ разсказу его и сдѣлалъ, для вѣрности, запросъ госпиталю, требуя свидѣтельство о смерти такого-то Шмуля. И свидѣтельство прислали, и день былъ въ немъ означенъ, согласно съ показаніемъ еврея. Оставалось донести обо всемъ и предать суду виновныхъ въ показаніи живаго Шмуля мертвымъ; но, къ-счастію, слухъ о явкѣ покойника въ батальйонъ дошелъ до госпитальнаго начальства; тамъ переполошились и перепугались; начали, хоть и поздненько, строжайшее разбирательство, послѣ котораго

смотритель пріѣхалъ къ батальйонному командиру съ просьбой, ради Бога пощадить жену его и семерыхъ дѣтей. «Еврей вашъ вретъ, навѣрное. Дѣло, по произведенному мною разбирательству, не могло статься по разсказу его, потому что около того времени, не только въ тотъ день, на дѣлѣ не было у насъ похоронено ни одного еврея, хотя одинъ, именно вашъ Шмуль, и показанъ умершимъ. Какъ разрѣшить загадку эту — не понимаю, хоть лобъ взрѣжь. Но Щмуль вретъ, а мы пропадаемъ всѣ.»

Батальйонный командиръ позвалъ еще разъ Шмуля и приложилъ стараніе свое, чтобъ онъ высказалъ правду. Тогда еврей сознался, что онъ выдумалъ и солгалъ всю исторію о мнимой смерти своей и погребеніи, а что онъ просто бѣжалъ изъ госпиталя, живой и здоровый, и съ-тѣхъ-поръ шатался по свѣту.

По этому признанію все объяснилось: при безпорядкѣ въ госпиталѣ, по несмотрѣнію беззаботнаго ординатора и частому отсутствію памяти у фельдшера, отсутствіе бѣжавшаго замѣтили не прежде, какъ на третій или на четвертый день; тогда прочіе больные показали, что его нѣтъ уже съ воскресенья. Фельдшеръ, во избѣжаніе отвѣтственности, надѣясь на несмотрѣнье ординатора и на безпорядки въ конторѣ, показалъ его умершимъ съ того дня, когда больной бѣжалъ. Все это прошло благополучно и Шмуль погулялъ нѣсколько мѣсяцевъ; но когда его поймали, отправили, по его же сознанію, въ батальйонъ, а здѣсь его встрѣтили восклицаніями: «Какъ, развѣ ты живъ, Шмуль? вѣдь ты померъ, тебя изъ госпиталя показали умершимъ и ты исключенъ изъ списковъ!....» Тогда моему Шмулю, большому затѣйнику, продувному вралю и хвастуну, пришло въ голову прикинуться хотя полумертвымъ и возбудить къ себѣ общее вниманіе и состраданіе необычайностью своихъ похожденій. Кто былъ живой зарытъ въ землю, подумалъ онъ, того скорѣе простятъ за вину его.

«Вотъ вамъ мои мнимоумершіе», кончилъ докторъ, «а другихъ я не видалъ.» Всѣ согласились въ томъ, что оба разсказа доктора довольно-плохи, потому-что не идутъ къ дѣлу и не отвѣчали надеждамъ слушателей, у которыхъ уже заблаговременно волосъ начиналъ-было подыматься дыбомъ.

XLVIII.

БОЯРЫНЯ.

—

Въ Москвѣ, въ Лафертовской части, стоялъ старинный боярскій домъ, замѣчательный, если не по наружности своей, то по-крайней-мѣрѣ по внутреннему расположенію и по своимъ жильцамъ. Внизу былъ цѣлый рядъ закоптѣлыхъ комнатъ, съ безконечнымъ числомъ переборокъ и перегородокъ, испещренныхъ картинками такого разбора, которыя обыкновенно прилѣпляются мякишемъ хлѣба къ стѣнѣ; тряпицы разнаго рода висѣли, перекинутыя черезъ ширмы и перегородки; мужчины и женщины, дѣти всѣхъ возрастовъ, нѣсколько собакъ и кошекъ, птицы въ клѣткахъ, крикъ и говоръ со всѣхъ сторонъ. а въ особенности нѣсколько дряхлыхъ стариковъ и старухъ, которыхъ удушливый кашель раздавался подъ сводами — все это придавало цѣлому видъ какой-то богадѣльни; но развѣшенныя тутъ и тамъ ветхія, изношенныя ливреи и восьмидесятилѣтній швейцаръ въ передней, котораго перевязь, повѣшенная, для сподручности, на поставленную въ уголъ булаву, разсыпалась уже въ бахромчатыхъ мохрахъ, показывали, что это должно быть заведеніе инаго рода: тутъ жило семнадцать семей, до семидесяти душъ дворни. Швейцаръ былъ почти слѣпой, и

заставляя, по временамъ, внука своего читать вслухъ священное писаніе, надѣвалъ на носъ очки и глядѣлъ въ книгу только по старой привычкѣ: онъ уже буквъ не различалъ....

Во второмъ ярусѣ были такъ-называемыя парадныя комнаты. Этотъ безконечный рядъ направо и налѣво растворялся со временъ императрицы Екатерины, только нѣсколько разъ для провѣтриванія и очистки. Здѣсь, уже въ царствованіе блаженныя памяти императора Павла, все было съѣдено молью и мышами, что только моль и мыши могутъ ѣсть; остальное истлѣло само-собой и шелковыя занавѣсы, обои и покрышка мебели висѣли въ огромныхъ лохмотьяхъ до самаго полу. Поэтому такъ-называемая уборка парадныхъ комнатъ, совершавшаяся ежегодно къ святой недѣлѣ, представляла довольно-замѣчательное зрѣлище: избранные и испытанные въ теченіе пятидесяти лѣтъ старые слуги, на которыхъ одежда была почти въ такомъ же положеніи, какъ обои на стѣнахъ парадныхъ комнатъ, съ благоговѣніемъ переступали завѣтный порогъ прадѣдовскаго жилья, осторожно обметали столы, окна и мебель, между-тѣмъ, какъ призванная на помощь барская барыня, также слѣпая, ходила съ молоденькою внучкою своею и подшпиливала, по ея указаніямъ, булавками висящія со стѣнъ, дивановъ и занавѣсокъ лохмотья. Затѣмъ, вѣрные слуги, помолившись передъ золотыми иконами въ этихъ покояхъ, чинно выходили, дверь затворялась на замокъ и круглый годъ, до слѣдующей пасхи, ничья живая нога не переступала завѣтнаго порога.

Переходимъ по старой, тяжелой дубовой лѣстницѣ въ третій ярусъ. Здѣсь одна половина, цѣлый рядъ покоевъ, служитъ кладовою, самою разнообразною и пестрою изъ всѣхъ кладовыхъ, потому-что барская барыня, или ключница, ужъ пятьдесятъ лѣтъ сряду совала туда все, что ни попадалось ей подъ-руку, начиная отъ лишняго шкапа, кресла, хомута и ковра, и до отопковъ или обносковъ, отъ

початой бутылки вина и до початой ватрушки или пирога. Здѣсь никогда и никакой уборки не допускалось; все стояло и лежало такъ, какъ было поставлено и положено 10, 20, 30, 40 и 50 лѣтъ назадъ.... На другой половинѣ этого третьяго яруса жила сама хозяйка, почтенная кавалерственная дама давнихъ, предавнихъ временъ, которая сама занимала только двѣ комнаты, родъ гостинной и спальни, между-тѣмъ, какъ прочіе покои стояли также въ пустѣ или были обращены въ дѣвичьи, въ звѣринецъ мосекъ и шавокъ, да въ подручныя, ближнія кладовыя.... Хозяйка постоянно сидѣла въ своей спальнѣ, выглядывала въ гостинную рѣдко, иногда въ недѣлю разокъ или два, когда ходила осматривать свое хозяйство. Этотъ осмотръ состоялъ въ томъ, что она проходила по дѣвичьей и заглядывала въ небольшую боковую комнату, насыщенную неизъяснимымъ благоуханіемъ: тутъ содержались и доживали вѣкъ свой, отставленныя за дряхлостью и болѣзнью, моськи, шавки и болонки, съ особенной при нихъ прислугой. Съ ними же былъ заключенъ и сидѣлъ подъ всегдашнимъ колпакомъ, въ потьмахъ, попугай, попавшій въ немилость за неосторожное словцо, выпущенное имъ какъ-то съ-дуру и очень-некстати по случаю смерти старшаго сына почтенной хозяйки, человѣка лѣтъ пятидесяти, котораго она, впрочемъ, все еще трепала по щечкѣ, гладила по головкѣ, называя, притомъ, мальчикомъ и заботясь о томъ, чтобъ онъ не обкушался за обѣдомъ и не простудился, выѣзжая со двора.

Спальня старушки нашей, или просто жилая комната ея, была загромождена до потолка самою разнообразною, исключительно-старинною утварью и украшеніями, такъ-что въ теченіе часа или двухъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ со старушкою, рѣшительно невозможно было обознаться и осмотрѣться, и вы выходили отъ нея съ какимъ-то темнымъ понятіемъ о хаотическомъ смѣшеніи всѣхъ возможныхъ предметовъ. У васъ въ памяти оставался развѣ только загро-

можденный по уступамъ фарфоромъ и другою мелочью шкапъ, огромный, тяжелый, поселяющій невольное понятіе о постоянствѣ, довольствѣ и домовитости, да за тѣмъ еще образной уголъ, гдѣ передъ иконою Всѣхъ Скорбящихъ, развѣшены были на блеклыхъ розовыхъ лентахъ, приношенія усерднаго, вѣрующаго сердца, серебряныя ручки, ножки и глазки.

Но этимъ описаніе наше еще не кончено. Въ домѣ есть и четвертый ярусъ, также цѣлый рядъ покоевъ, на двѣ половины, только пониже и потеплѣе прочихъ. Тутъ вы встрѣчали на каждомъ шагу какую-нибудь вдову или безродную сироту, въ вѣковѣчной печали, во всегдашнемъ черномъ платьѣ, съ чашечкою кофейку въ рукахъ. Это были отставныя порутчицы, секретарши и совѣтницы, подчиненныя вдовой и сирой майоршѣ, которая, улыбаясь, перекачивалась изъ кельи въ келью, стараясь убѣдительнымъ краснорѣчіемъ своимъ, помирить перессорившихся и возбудить въ нихъ признательность къ хозяйкѣ, пріютившей ихъ, сиротъ, подъ старость. Вы видите, что это, какъ и въ нижнемъ ярусѣ, была родъ богадѣльни, но только въ другомъ родѣ: тамъ жили дворовые, старые слуги, а здѣсь вольнопромышляющія проживалки, много-пострадавшія на вѣку своемъ за отечество и успокоившіяся на хлѣбахъ благодѣтельницы. Ихъ жило тутъ постоянно до пятнадцати; но эта буйная команда толстой майорши, не смотря на желаніе хозяйки, пріобрѣсти себѣ этимъ способомъ дюжину богомолицъ, не поминала ее добромъ, какъ это само-собой разумѣется; всѣ онѣ полагали, что такая вельможа, кавалерственная дама, и притомъ страшная богачка, могла бы содержать получше заслуженныхъ, почтенныхъ, хотя и обиженныхъ завистливымъ свѣтомъ сиротъ.... Много проклятій раздавалось въ этихъ кельяхъ надъ головою бѣдной хозяйки дома, точно будто ихъ тутъ держали въ неволѣ, и много труда стоило начальствующей майоршѣ помирить, или хотя успокоить нѣсколько двухъ разгнѣванныхъ сожительницъ, которыя

сталкивались за очагомъ съ кофейниками своими, или кидали часть одежды своей такъ неосторожно на перегородку, что подолъ, либо рукава перевѣшивались къ тоскующей по убитомъ мужѣ сосѣдкѣ, которая въ неутолимой двадцатилѣтней печали своей не могла равнодушно переносить подобныхъ обидъ....

Само-собою разумѣется, что добродѣтельная хозяйка этого замѣчательнаго дома славилась въ кругу своемъ примѣрной женщиной. При заботѣ ея о заслуженныхъ, старыхъ слугахъ, о вдовахъ и сиротахъ, она, конечно, напередъ всего заботилась о родныхъ и ближнихъ своихъ, напримѣръ, о дѣтяхъ.... Разскажемъ же въ нѣсколькихъ словахъ, что она сдѣлала въ этомъ отношеніи.

Богъ далъ ей во время оно до пяти дѣтей, но четверо изъ нихъ умерли уже въ дѣтствѣ; одинъ только сынъ выросъ и возмужалъ. Мы упомянули о немъ въ началѣ этого разсказа. Старина легко забывается и потому о воспитаніи дѣтей этихъ до нашего поколѣнія дошли одни только темные слухи, или, вѣрнѣе сказать, отрывочныя свѣдѣнія.

Не жалѣя расходовъ для образованія дѣтей своихъ, вельможная боярыня приняла для нихъ нѣсколькихъ нѣмцовъ и французовъ обоего пола; между ними были главные наблюдатели, учители, блюстители нравственности, наставники и проч.; но, любя притомъ дѣтей своихъ всею горячностью материнскаго сердца, она не предоставила ихъ произволу этихъ наемщиковъ, въ особенности же самолично чинила ежедневно судъ и расправу, являясь для этого въ урочный часъ. Послѣдствія этого были двоякія: во первыхъ, гувернёры и гувернантки вымѣщали немощь свою на дѣтяхъ одними только щипками и толчками, а во вторыхъ, дѣти знали и видѣли мать свою только въ качествѣ грозной Немезиды, такъ-что съ самымъ именемъ ея соединялось одно только понятіе о карательной власти. Правда, что природа вложила въ дитя невольную любовь и привязанность къ ро-

дителямъ, какъ мы это видимъ даже у всѣхъ, безъизъятія, животныхъ; но эта безотчетная привязанность, основанная на чувствѣ самохраненія, длится не долѣе того времени, какъ и возрастъ младенческій и отроческій, гдѣ существо слабое, несовершенное, чувствуетъ безсиліе свое и ищетъ вещественнаго покровительства; далѣе остается уже одно нравственное вліяніе, котораго у животныхъ нѣтъ, почему у нихъ возмужалыя дѣти и покидаютъ родителей, не узнавая ихъ вовсе впослѣдствіи и не отличая отъ чужихъ. И если человѣкъ унизится, въ качествѣ родителя, до животнаго, ограничивъ связь свою съ дѣтьми своими только плотскими и вещественными отношеніями, оставивъ нравственныя въ сторонѣ, то ихъ и не будетъ у сына или дочери; а возмужавъ, они отпадутъ навсегда, какъ отрѣзанный ломоть.

Не баловать дѣтей было первымъ правиломъ благоразумной матери, но въ переводѣ на общій языкъ это значило: перечить имъ во всемъ, даже въ самыхъ невинныхъ дѣтскихъ затѣяхъ и скромныхъ желаніяхъ, требуя отъ нихъ, чтобъ они, вопреки основныхъ законовъ природы, отказались отъ всякой свободной воли, дарованной человѣку, а жили и даже думали чужою волею. Отъ этого, какъ извѣстно, человѣкъ глупѣетъ и нерѣдко становится вовсе юродивымъ, а между-тѣмъ, подавленная природа силится высказаться хоть чѣмъ-нибудь, потому-что ее убить нельзя, покуда жива плоть, и слѣдствіемъ этото бываетъ нравственная уродливость, основанная на двухъ крайностяхъ: на отсутствіи нравственныхъ убѣжденій и упорномъ упрямствѣ; на отсутствіи воли и необузданности своеволія.

При многоначаліи подобнаго воспитанія, гдѣ еще, кромѣ наставниковъ и наблюдателей всѣхъ родовъ, должно вспомнить значеніе и вліяніе прислуги, благородства, чести и откровенности быть не можетъ въ воспитанникахъ, которые невольно сродняются съ ложью и обманомъ, какъ съ ходячею монетой. Коль-скоро безразсудство воспитателя требу-

етъ отъ воспитанника несбыточнаго, забывая притомъ, что на желанія и помышленія нѣтъ пошлины, то неминуемое послѣдствіе этого было и всегда будетъ: ложь, утайка, обманъ, подлогъ. Вотъ чему мы учимъ дѣтей, воображая, что учимъ ихъ добру, а послѣ называемъ неблагодарными выродками!

Итакъ четверо дѣтей боярыни нашей умерли еще въ дѣтствѣ, несмотря на то, что ихъ кутали въ хлопчатую бумагу, или даже, можетъ-быть, собственно по этой причинѣ. По тогдашнему повѣрью старыхъ слугъ, ходила по-крайней-мѣрѣ молва, что барыня ***замучила*** своихъ дѣтей. Пережилъ всѣ искусы эти одинъ сынъ, выросъ и возмужалъ, но, конечно, былъ и духовно и тѣлесно тѣмъ, чѣмъ подобное воспитаніе могло его сдѣлать.

Скорбя душой о преждевременной смерти прочихъ дѣтей своихъ, боярыня до того прилѣпилась материнскимъ сердцемъ къ своему одинцу, что берегла и стерегла его поистинѣ какъ зеницу ока. Въ глазахъ ея онъ не выросталъ, не возмужалъ, онъ все еще былъ ребенкомъ, который не могъ жить безъ няньки, не могъ обѣдать безъ подвязной салфетки, не могъ уснутъ безъ припѣва: баю, дитятко, баю. Ему, по общему закону природы, стукнуло двадцать лѣтъ, потомъ двадцать-пять и тридцать, но онъ оставался для матушки все тѣмъ же Петрушей, и она покатилась замертво съ кресла, когда кто–то вздумалъ убѣждать ее отпустить сына на службу, или хоть опознаться на бѣломъ свѣтѣ, куда-нибудь за Москву-бѣлокаменную. Съ-тѣхъ-поръ о такихъ ужасахъ не было и рѣчи. Нашлась другая пріятельница нашей барыни, которая, зная о Петрушѣ гораздо-болѣе, чѣмъ родная мать, стала намекать ей, что пора бы его женить; но послѣдствія были тѣ же: обморокъ, весьма-близкій къ смерти; стало-быть, кончено: и объ этомъ нельзя было поминать. Боярыня, испуганная такими ужасными предложеніями, позвала сына, привѣсилась мертвымъ узломъ на шею его и, изъявляя иступленную

материнскую любовь свою, подъ страшными заклятіями требовала отъ него троекратнаго повторенія клятвы, что онъ, не желая убить нѣжную мать свою, остается при ней на всю ея жизнь и будетъ слѣдовать во всемъ неотступно ея святой волѣ, не дозволяя себѣ даже и помышленій о волѣ собственной. Это ее нѣсколько успокоило и она повеселѣла; въ такомъ радостномъ расположеніи, желая излить милости свои на послушнаго сына, она позволила ему отдѣлать и убрать надворную пристройку, въ которой онъ жилъ, по прихотямъ и желаніямъ его, и несчастному осталось одно только утѣшеніе: убрать свои комнаты, по произволу, малиновыми, желтыми или голубыми обоями и занавѣсками.

При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ прошло еще пять, а потомъ и десять лѣтъ. Петруша сталъ уже сорокалѣтнимъ мальчикомъ.... Тѣ, которые знали его, увѣряли, что онъ отъ природы былъ не золъ, не глупъ, и что изъ него, безъ всякаго сомнѣнія, вышелъ бы человѣкъ довольно-дѣльный и порядочный, еслибъ не было этихъ необычайныхъ материнскихъ заботъ и усилій о томъ, чтобъ вывернуть въ немъ все наизнанку. Что дѣлать! сердце матери больно.

Петруша внезапно заболѣлъ, пасмурная задумчивость его и нелюдимость (онъ стыдился людей) увеличилась, недужное тѣло стало изнемогать; врачи призадумывались, а матушка служила молебны, посылая каждые полчаса освѣдомляться о здоровьѣ сына, потому-что сама она ужъ лѣтъ десять не выходила изъ комнаты. Каждая изъ посылокъ этихъ, чрезъ полчаса по ложкѣ, гдѣ попеременно то старая ключница, то одинъ изъ старыхъ слугъ являлись предъ постелью больнаго съ затверженнымъ привѣтствіемъ и вопросомъ; каждая изъ посылокъ этихъ уже сама-по-себѣ волновала кровь больнаго и отзывалась желчью. Онъ всегда отвѣчалъ: *лучше;* но врачи и окружающіе находили, что ему со дня на день становилось хуже. Прошло еще два

дня, и природа обнаружила тайну свою: Петруша лежалъ на смертномъ одрѣ; ему приходилось скоро умереть. Кто посмѣетъ сказать это матери? Никто. Каждые полчаса докладывали ей, что ему лучше. Срокъ насталъ, часъ ударилъ и душа молча отлетѣла. И этого никто не посмѣлъ бы сказать барынѣ, страшась внезапной смерти ея отъ такого извѣстія, но общая тревога, шумъ, суетня и вой въ цѣломъ домѣ вскорѣ заявили боярынѣ о какомъ-то необычайномъ событіи.

— Что такое, спрашиваетъ она, позвонивъ: — что тамъ сдѣлалось?

— Не знаю, сударыня.

— Такъ поди, узнай, да сходи кстати къ Петру Иванычу, что-то онъ, голубчикъ, дѣлаетъ?

Посланная поспѣшила выскочить изъ дверей и, разумѣется, не возвращалась, а повыла съ прочими на дворѣ или въ сѣняхъ и потомъ забилась куда-то за двери.

Боярыня встревожилась, не постигая, что все это значитъ, позвала и отправила другаго, а затѣмъ и третьяго гонца, и наконецъ, ужъ не могла никого докликаться, ни дозвониться: всякій боялся показаться на глаза; ждали священника и нѣсколькихъ ближнихъ, пріятельницъ и друзей дома, за которыми послали. Въ нетерпѣніи и изумленіи своемъ, боярыня сама поднялась съ мѣста и пошла въ дѣвичью, въ которой она бывала только по нѣскольку разъ въ году, при такъ–называемомъ осмотрѣ своего хозяйства: тутъ встрѣтила ее забившаяся за сундуки ключница, съ воемъ повалилась въ ноги и начала во весь голосъ причитывать....

Обморокъ боярыни на сей разъ длился недолго, чувство несчастной матери одержали верхъ: она приказала взять себя двумъ слугамъ подъ-руки и вести въ пристрой. Со стономъ и плачемъ, всплескивая руками и роняя голову

свою то на одно плечо, то на другое, старушка наконецъ добралась до сыновнихъ покоевъ и переступила завѣтный порогъ; но, кинувшись къ трупу и упавъ въ безпамятствѣ у одра, она столкнулась съ какою-то вовсе незнакомою ей женщиною, которая, припавъ тутъ же на колѣни, выла, кричала, голосила и ломала руки. Боярыня еще несовсѣмъ опамятовалась, какъ слухъ ея поразили также дѣтскіе голоса и вопли, протяжно-возвышавшіеся отчаяннымъ завываньемъ своимъ надъ голосами сосѣдки ея и прислуги. Она открыла глаза и невольно взглянула на цѣлое семейство, повидимому столь близкое къ покойнику....

— Что это значитъ, спросила она: — кто это?

— Всѣ молчали, а несчастная женщина съ девятью дѣтьми бросилась ей въ ноги. Она жила ужъ лѣтъ десять въ одномъ домѣ съ боярыней, а до хозяйки объ этомъ не дошло даже и слуха....

Смерть кажетъ животы, говоритъ пословица, и въ этомъ случаѣ смерть ихъ выказала, если живое назвать можно животомъ. Боярыня лишилась послѣдняго дѣтища: она оставалась на свѣтѣ одна, какъ перстъ, переживъ и старшихъ и младшихъ, и выдержавъ сына до пятидесяти лѣтъ какъ ребенка. Покинутая имъ семья, конечно, не входила въ разсчетъ нѣжной матери, но что̀ было дѣлать?

Съ этого времени она посвятила себя благотворенію и основала въ собственномъ барскомъ дворцѣ богадѣльню, въ которой, какъ мы видѣли, ее бранятъ и клянутъ съ утра до вечера. Она окончательно удалилась отъ свѣта, не снимала печальной одежды, не переступала черезъ порогъ своей кельи, день и ночь молилась и плакала по сынѣ. Она понынѣ увѣрена, что посвятила всю жизнь свою любимому сыну и что во всѣхъ отношеніяхъ принесла себя ему на жертву. Ей и въ мысли не приходитъ, что жизнь эта соткалась изъ какой-то запутанной сѣти ханже-

ства и неограниченнаго властолюбія и что, промаявшись восемьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, она жила только на муку ближнихъ. Ее, впрочемъ, очень уважаютъ и, называя женщиною святой жизни, ставятъ въ примѣръ всѣхъ добродѣтелей, не объясняя, впрочемъ, какихъ именно.

XLIX.

ФОКУСНИКЪ.

—

— А, мой драгоцѣнный! Вотъ встрѣча — истинный подарокъ, право! Куда путешествуете?

— Да я просто вышелъ послоняться немного.

— Такъ зайдемте же ко мнѣ. Не откажите хоть теперь; васъ поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня въ нынѣшнемъ жилищѣ моемъ, не видѣли ларовъ моихъ и пенатовъ, какъ говаривали поэты наши, лѣтъ двадцать или тридцать. А помните ли вы это время? Да гдѣ вамъ! вы ужъ составляете другое поколѣніе; вы молодецъ въ сравненіи съ нами, старичками.... а согласитесь, пора была замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Сколько проснулось тутъ юныхъ силъ! сколько воспрянуло истинно-родныхъ чувствъ, горячихъ, благородныхъ.... и гдѣ же это все? Все опошлилось, все замерло въ самомъ зачатіи; снаружи не дозрѣло, а въ срединѣ ужъ загнило.... знаете ли, сколько есть замѣчательныхъ анекдотовъ того времени, которое я помню еще, будто все это случилось вчера или третьяго дня?... Ну, замолчу, однако, во-первыхъ, потому, что объ этомъ нехорошо говорить вообще, въ-особенности же послѣ обѣда, когда еще пищевареніе некончено; во-вто-

рыхъ, и потому, что объ этомъ неловко говорить на улицѣ, а втретьихъ, наконецъ, потому, что помню предостерегательный для нашего брата-говоруна анекдотъ, извѣстный подъ заголовкомъ: *Еще одинъ казакъ остался*.... Вы, конечно его знаете?

— Нѣтъ, виноватъ, не знаю. А между-тѣмъ мы продолжали прогулку свою, причемъ правая рука моя ущемлена была локтемъ пріятнаго собесѣдника.

— Такъ послушайте: у насъ былъ — когда я еще носилъ военный мундиръ и, какъ говорится, не разъ за отечество жизнь терялъ — былъ нѣкто майоръ Посконный, человѣкъ, впрочемъ, почтенный, даже храбрый офицеръ, но самый несносный изъ всѣхъ говоруновъ и разскащиковъ въ мірѣ. Вотъ онъ, послѣ похода двѣнадцатаго года, бывало, засѣкалъ до смерти несчастныхъ слушателей безконечными повѣствованіями о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Надобно вамъ сказать, что человѣкъ этотъ никогда не вралъ, но правда его была хуже всякой лжи, потому-что ей никогда не было конца. Любимымъ разсказомъ его была переправа войскъ нашихъ черезъ Рейнъ. Поймавъ-однажды слушателя — разумѣется, за пуговицу — которому небыло никакой возможности дослушать все это до конца, потому-что ему необходимо было поспѣшить въ другое мѣсто, гдѣ его давно ожидали — поймавъ этого несчастнаго, майоръ Посконный продержалъ его за пуговицу неболѣе какихъ нибудь двухъ часовъ, переправляя войска съ большою осторожностью, батальйонъ по батальйону и эскадронъ по эскадрону и, наконецъ, благодаря Богу, переправилъ ихъ благополучно; нетерпѣливый слушатель, порывавшійся во все время въ тоскѣ на просторъ, обрадовался этому — какъ я теперь этой встрѣчѣ съ вами — и, вздохнувъ, сказалъ: «Ну, и слава Богу; теперь всѣ», а самъ ухватился-было за шапку; но майоръ спокойно отвѣчалъ, не выпуская, впрочемъ, пуговицы изъ рукъ: «Нѣтъ, позвольте, еще одинъ казакъ остался»... и съ этого отсталаго казака за-

вязывалась рацея, которую, бывало, не переслушаешь съ утра до полуночи. Такъ вотъ, я говорю, уроки нашему брату! Ну, а вы какъ поживаете?

Между-тѣмъ мы дошли до его квартиры. Я слышалъ объ отдѣлкѣ ея, о томъ, что она устроена на англійскій манеръ, въ трехъ ярусахъ дома, съ теплой и красивой лѣстницей по срединѣ. При всемъ томъ я съ трудомъ вѣрилъ глазамъ своимъ и не постигалъ чудесъ, которыя видѣлъ. Человѣкъ, безъ всякаго состоянія, безъ капиталовъ, безъ имѣнія, безъ всякихъ доходовъ, жилъ всегда, сколько люди запомнятъ, и живетъ теперь, великолѣпно, роскошно, проживая десятки тысячъ въ годъ. Ему надоѣла старая квартира не только потому, что она по отдѣлкѣ и убранству сдѣлалась уже несовсѣмъ-модною, но и потому, что несчастный хозяинъ около полугода употребляетъ всевозможныя средства, чтобъ избавиться отъ жильца, который никогда не платилъ за квартиру, а умѣлъ, Богъ-вѣсть какъ, занимать ее военнымъ постоемъ; иной бы затруднился при такихъ обстоятельствахъ, но фокусникъ нашъ, напротивъ, извлекъ изъ этого еще значительную для себя пользу: онъ выбралъ другую квартиру, гораздо шире и удобнѣе старой, въ лучшей части столицы, отдѣлалъ ее по–княжески, не щадя ничего, и перебрался. Какъ это сдѣлалось, чѣмъ уплачены расходы, непосильные даже для человѣка съ состояніемъ, какимъ-образомъ въ-теченіе тридцати лѣтъ, то-есть со времени возмужалости своей, фокусникъ нашъ, живя постоянно въ одномъ и томъ же городѣ, всегда находитъ такой запасъ новыхъ и свѣжихъ дураковъ, готовыхъ для него разориться — все это тайна его, какъ были свои непроницаемыя тайны у знаменитаго Пинетти и его собратій.

У входа съ крыльца въ переднюю, на половину барина, я замѣтилъ вставленное въ двери, на вышинѣ человѣческаго роста, стеклышко. Необыкновенное устройство это обратило на себя мое вниманіе. Замѣтивъ это, хозяинъ спросилъ: «Чтó вы смотрите — а? это.... это такъ, для удобства,

для предварительнаго знакомства съ посѣтителемъ. Ужасно много мошенниковъ всякаго рода шатается теперь по городу.» Я уже слышалъ прежде, что, вслѣдствіе такого предварительнаго знакомства съ посѣтителемъ, иному предоставлялось оборвать колокольчикъ, но дверь для него не отворялась. Мы вошли въ первую комнату этой половины: палевыя, шелковыя обои, съ бѣлыми разводами; мебель орѣховая, рѣзная, новѣйшаго вкуса; занавѣсы надъ окнами и дверьми ярко-желтаго штофа съ малиновымъ приборомъ; люстры и канделабры прямо изъ Парижа; картины не одинаковаго, но и не послѣдняго достоинства, о которыхъ разсказы и поясненія словоохотливаго хозяина могутъ только развѣ поспорить съ великолѣпіемъ и изяществомъ замѣчательныхъ по красотѣ своей рамокъ. Я былъ истинно-изумленъ, постоянно думая о томъ, что тутъ нѣтъ ни одной нитки, за которую были бы заплачены деньги. Мы прошли еще двѣ комнаты, заглянули въ боковую, уборную, и вошли въ кабинетъ. Уборная эта была самая важная и таинственная комната въ домѣ, которая всегда показывалась только поверхностно, истинное же достоинство и назначеніе ея хозяинъ оставлялъ для посѣтителей подъ спудомъ; но молва — этотъ злодѣй всѣхъ тайнъ людскихъ и тайниковъ — знала все и разсказывала вотъ что: когда прорывался въ переднюю докучливый и грозный посѣтитель, для котораго хозяина разъ навсегда не было дома, то онъ въ одинъ прыжокъ спасался въ уборную, замыкалъ ее изнутри, вынималъ ключъ и спокойно ждалъ развязки. Для этого, вопервыхъ, въ уборную было двое дверей: одна явная, изъ гостиной, и если посѣтитель требовалъ впустить его туда, то объявлялось, что баринъ, выходя со двора, ключъ отъ уборной всегда уноситъ съ собой; другая же, потайная, подъ лицо съ шпалерами и съ другими затѣями, вела туда прямо изъ кабинета. Во-вторыхъ, не только въ уборной, но и во всѣхъ комнатахъ была принята особенная предосторожность, чтобъ нельзя было пустить соглядатая въ замочную щелку: всѣ

дверные замки были завѣшаны небольшими ковриками прекрасной работы. Въ-третьихъ, не только великолѣпный умывальный шкапъ, стоявшій въ уборной, могъ служить, въ случаѣ крайности, довольно-сноснымъ помѣщеніемъ для хозяина, но изъ уборной же вела дверь, скрытая въ подобіи шкапа, прямо на черную лѣстницу, гдѣ, насупротивъ, жилъ сапожникъ, большой пріятель нашего милаго хозяина, потому-что этотъ, какъ лиса, никогда не промышлялъ по сосѣдству съ жилищемъ своимъ, и у сапожника обуви не заказывалъ. Еслибъ нужно было сдѣлать о фокусникѣ по законамъ нашимъ повальный обыскъ, то всѣ отзывы о немъ — кромѣ развѣ только отзыва хозяина дома — были бы въ его пользу, потому-что онъ разъ навсегда жилъ со всѣми сосѣдями въ ладахъ и умѣлъ всякаго на первыхъ порахъ обворожить и расположить въ свою пользу. Къ этому-то сапожнику спасся нашъ фокусникъ, между-прочимъ, однажды, какъ гласитъ молва, когда какой-то отчаянный заимодавецъ хотѣлъ прибѣгнуть къ крайней степени преступнаго самоуправства и ворвался въ жилище фокусника, не смотря на всѣ предосторожности хозяина, съ нарочно-купленною для этого случая, надежною камышевою тростью.

Кабинетъ въ-самомъ-дѣлѣ озадачилъ меня, и я готовъ признать его кабинетомъ рѣдкостей, художества, ремеслъ и промысловъ — словомъ, чѣмъ угодно. Гуськамъ и кронштейнамъ съ статуйками лучшей работы не было конца; книгамъ, картинамъ и счету нѣтъ; а куда ни обратишься, на что ни взглянешь — все привлекаетъ вниманіе то блескомъ, то вкусомъ, то странностью, то удобствомъ и уютностью....

Я стоялъ и изумлялся, между-тѣмъ, какъ хозяинъ занималъ меня очень-пріятно, безъ умолку. Признаюсь, я слушалъ только краемъ уха. Я думалъ тогда про-себя: «еслибъ я былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ находился хозяинъ за нѣсколько мѣсяцевъ, что́ бы я сталъ дѣлать? еслибъ, то-есть, я задолжалъ во всѣ лавочки, лавки, магазины, лабазы, под-

валы, винные погреба, портерныя, ликерныя и штофныя, всѣмъ сапожникамъ, портнымъ, обойщикамъ, столярамъ, даже полотерамъ, задолжалъ десятки тысячъ, то-есть гораздо-болѣе, чѣмъ у меня, вѣроятно, во всю остальную жизнь мою будетъ въ рукахъ наличными... еслибъ, сверхъ-того, я забралъ у всѣхъ добрыхъ пріятелей, у кого сто, у кого тысячу, у кого наконецъ, пять или десять рублей, да у ростовщиковъ, курьеровъ, вольноотпущенныхъ, крещенныхъ жидовъ и армянъ, по двадцати и двадцати-пяти со ста, также десятки тысячъ.... еслибъ, къ этому, со всѣхъ сторонъ поступали на меня взысканія, полиція ходила описывать и опечатывать гуськи, картины и кронштейны мои, а отчаянные заимодавцы, скрежеща зубами, гонялись за мною съ палками ... а хозяинъ выживалъ бы меня, чрезъ полицію, на улицу, и мнѣ потому только осталась бы, для преклоненія главы отъ непогоды, моя бывшая передняя; что полиція же обязала хозяина дома подпиской хранить вошедшія въ опись вещи мои, запечатавъ, впрочемъ, всѣ комнаты, между-тѣмъ, какъ я же былъ обязанъ подпиской отвѣчать за цѣлость печатей.... спрашиваю: что бы я сталъ дѣлать въ такомъ положеніи?.... Холодъ пробѣжалъ по мнѣ отъ головы до пятокъ и встряхнулъ всѣ мои члены.... Люди находятъ одинъ только выходъ изъ этой пропасти — пулю въ лобъ!.... Я опять, какъ снова очнувшись, оглянулся вокругъ и не могъ не сознаться внутренно, что фокусникъ умнѣе насъ: онъ перешелъ изъ описаннаго мною положенія непосредственно въ настоящее.... Какимъ-образомъ? — Это его тайна.

Звонокъ заставилъ меня опомниться и оглянуться. Хозяинъ не показалъ въ движеніяхъ своихъ никакого участія къ этому ничтожному событію, или старался не показать его, но природа ему измѣнила: лицо его приняло выраженіе человѣка, сосредоточившаго все вниманіе свое, всѣ напряженныя умственныя силы на одинъ предметъ, и въ то же время онъ очень-ловко, будто случайно, понизилъ го-

лосъ; я сталъ продолжать разговоръ очень-тихо, прислушиваясь чуткимъ ухомъ своимъ къ тому, что происходило въ передней. Я уже прежде слышалъ, что если посѣтитель фокусника принадлежалъ не къ числу желанныхъ, и притомъ какъ-нибудь прорывался, не смотря на всѣ отказы и запреты часоваго, то этотъ подавалъ условленный знакъ, задерживая между-тѣмъ посѣтителя по возможности громкимъ провозглашеніемъ въ залѣ словъ: «да я же вамъ говорю, сударь, что ихъ нѣтъ у себя».... И тогда хозяинъ поспѣшно скрывался, чрезъ потаенную дверь, либо въ уборную, либо къ другу своему, сапожнику, увѣряя его, что съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ точаютъ голенища или проторачиваютъ рантъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я подобнаго явленія, но вышло совсѣмъ иное: хозяинъ вдругъ принялъ прежнюю, непринужденную и неозабоченную складку свою, опять возвысилъ голосъ и встрѣтилъ очень привѣтливо и снисходительно молодаго человѣка, который съ нимъ раскланивался. «Ничего, ничего, все равно» отвѣчалъ любезный хозяинъ на извиненія художника, опоздавшаго нѣсколькими днями противъ обѣщанія своего и представлявшаго теперь заказанную картину на судъ знатока и своего патрона. Этотъ взглянулъ на картину, отнесъ ее подальше, опять приблизился, опять отставилъ, посмотрѣлъ въ кулакъ и съ благороднымъ движеніемъ головы, будто невольно вырвавшимся у знатока, сказалъ: «очень-мило, очень-мило; это талантъ.» Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: «это вамъ истинно приноситъ много чести, молодой человѣкъ; очень-много чести.»

— Вы незнакомы? спросилъ онъ меня: — это молодой художникъ N. N. Вы, вѣроятно, слышали о немъ; онъ подаетъ большія надежды, большія надежды. Посмотрите, какъ это мило! Это, такъ-сказать, моя мысль, моя задача, и посмотрите, какъ это прекрасно исполнено! Очень-хорошо, продолжалъ онъ, обращаясь къ художнику. — Вамъ слѣдуетъ.... мы, кажется, условились за триста рублей?

— Двѣсти рублей, сказалъ художникъ робко и въ небольшомъ недоумѣніи, видимо сожалѣя, что ограничился такою скромною цѣною, когда этотъ богачъ, передъ которымъ онъ теперь стоитъ, даже не помнитъ хорошенько цѣны и, повидимому, съ такою же беззаботностью заплатилъ бы триста, какъ теперь платитъ двѣсти.

— Да, виноватъ, извините, двѣсти.... сейчасъ.... благодарю васъ.... право, очень, очень-благодаренъ.

Онъ отошелъ къ столу; пружина машиннаго ларца отозвалась нѣсколькими ударами, въ родѣ часовъ съ репетиціею; замокъ щолкнулъ, и хозяинъ явился опять передъ нами, передавая художнику съ благодарностью деньги....

Признаюсь, я не вѣрилъ глазамъ своимъ и мысленно самъ схватился за карманъ; мнѣ казалось, что комедія эта не могла быть съиграна ни для кого, кромѣ меня недостойнаго, изъ чего бы и слѣдовало заключить, что у хозяина есть какіе-нибудь виды на меня.... Но я въ то же мгновеніе былъ пораженъ явленіемъ, которое могъ ожидать еще менѣе перваго: фокусникъ только далъ бѣдному художнику протянуть руку за деньгами, какъ вдругъ быстро отдернулъ ихъ, ударилъ себя другою рукою по лбу, назвалъ себя скотиной, извинился и продолжалъ:

— Боже мой! какъ я разсѣянъ, какимъ я подъ старость дѣлаюсь забывчивымъ, не повѣрите, ей-Богу! Вообразите: теперь только, отдавая вамъ должокъ свой, вотъ эти двѣсти рублей, я вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ.... (онъ поспѣшно взглянулъ на часы) ну да, слава Богу, еще не опоздалъ, часъ только.... обѣщалъ сегодня непремѣнно къ двумъ часамъ отослать эти деньги.

Онъ позвонилъ, человѣкъ вошелъ; онъ подалъ ему деньги и сказалъ:

— Отослать сію же минуту эти двѣсти рублей съ Никифоромъ къ Ивану Павлычу — знаешь? Да сейчасъ же! Извините, любезнѣйшій, продолжалъ онъ, обратившись къ художнику: — завтра же ровно объ эту пору вы получите

свое — объ этомъ не безпокойтесь: картина ваша у меня на глазахъ, и я не забуду.... завтра въ часъ, непремѣнно, даже, пожалуй, въ полдень, ровно въ полдень; я уже къ одиннадцати часамъ буду при деньгахъ. Тогда я попрошу васъ еще зайти ко мнѣ: у меня есть еще другая мысль, которую вы, конечно, не откажетесь исполнить и исполните съ такимъ же талантомъ, какъ эту, и, право, вамъ это впередъ послужитъ на пользу!

Бѣдный художникъ до того былъ этимъ пораженъ, что покраснѣлъ до самыхъ мочекъ ушей, раскланялся, ушелъ, и — распростился съ деньгами своими навсегда: онъ ихъ только понюхалъ. Впередъ хозяина для него никогда болѣе не было дома, а, встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ, онъ долженъ былъ выслушать нѣсколько разъ преловкій и презабавный разсказъ фокусника о томъ, какъ онъ, фокусникъ, разсѣянъ, и какъ вотъ этотъ молодой человѣкъ спасъ его однажды, случайно, отъ непріятности не сдержать слово свое, напомнивъ такимъ-то именно образомъ о другомъ долгѣ.... «Вообразите» говорилъ онъ: «и въ ту самую минуту, когда я уже протянулъ руку, чтобъ передать ему деньги, я вдругъ вспомнилъ» и прочее. Все это бѣдный художникъ долженъ былъ выслушивать терпѣливо; онъ не могъ, безъ слишкомъ-грубаго нарушенія всякаго общественнаго приличія, напомнить при этомъ случаѣ, что другіе двѣсти рублей о-сю-пору еще не заплачены.... А между-тѣмъ, само-собою разумѣется, деньги возвратились въ шкатулку хозяина, у котораго и не бывало въ домѣ слуги, подъ названіемъ Никифора, и самое имя Ивана Павловича сказано было на-обумъ, и придумано въ ту критическую минуту, когда отгадалось загадочное порученіе идти туда, невѣдомо–куда, искать того, невѣдомо-кого, отдать тому, невѣдомо кому,...

Художникъ, какъ я сказалъ уже, ушелъ, и я довольно-разсѣянно продолжалъ слушать пріятные разсказы моего любезнаго хозяина, но за то съ истиннымъ изумленіемъ наблюдалъ всѣ дѣйствія и движенія его, уловки и непринуж-

денные, глубоко-обдуманные пріемы, и разсматривалъ по временамъ всѣ окружающіе меня предметы. Чѣмъ больше я видѣлъ и слышалъ, тѣмъ болѣе изумлялся. Кончивъ презабавный и просто-разсказанный анекдотъ, хозяинъ отнялъ у меня, безъ обиняковъ, шляпу, позвонилъ и приказалъ подать завтракъ. Я спокойно ожидалъ исполненія этого приказанія — виноватъ, считая его за надувательство: я зналъ очень-хорошо, что на фокусника, какъ выше упомянуто, вообще, по принятымъ имъ правиламъ, работали портные и сапожники самыхъ отдаленныхъ странъ; что припасы также забирались сначала въ дальнихъ лавочкахъ и магазинахъ, а въ ближайшихъ уже тогда только, когда счастіе начинало измѣнять и вскорѣ предстояло перемѣнить жилище; я зналъ, что люди его, на этомъ основаніи, бѣгали за каждой свѣчой и за кускомъ мыла изъ Морской къ Николѣ-Морскому, что и тамъ кой-какіе припасы добывались почти съ бою, а большею частью не давалось ничего; но, къ крайнему изумленію моему, черезъ десять минутъ появился балыкъ, икра, сельди въ маслѣ, маринованная форель, сыръ двухъ родовъ, вино.... Я поправился на стулѣ и подумалъ рѣшительно: «пора бѣжать: это не къ добру; тутъ непремѣнно кроются какіе-нибудь виды на меня; буду держать ухо востро.»

Заманчивая бесѣда продолжалась, и хозяинъ, вспомнивъ, что я играю на віолончели, присталъ неотступно, чтобъ назначить вечеръ и съиграть что-нибудь съ супругой его, большой любительницей музыки и искусной пьянисткой. Я старался замять разговоръ, не желая завязывать такого короткаго знакомства и зная притомъ, что супруга фокусника играетъ вольно, не стѣсняясь ладомъ и мѣрой, почему и играть съ нею вмѣстѣ бѣда. Надобно также сказать, что у нихъ бывали, не смотря на это, музыкальные вечера, на которыхъ хозяйка пожинала рукоплесканія, будучи сопровождаема скрипкой или віолончелью лучшихъ здѣшнихъ солистовъ. Виртуозовъ этихъ приглашали, какъ на урокъ, по

двадцати-пяти рублей ассигнаціями за часъ, съ условіемъ платить за десять уроковъ. Девять вечеровъ оканчивались благополучно, хозяева старались обворожать скрипача своею свѣтскою любезностью; но когда онъ приходилъ на десятый урокъ, то барыни не было дома; на слѣдующей недѣлѣ случалось тоже, тамъ опять тоже: не отказываютъ, не приказываютъ, а въ урочный часъ нездорова, либо нѣтъ дома. Между-тѣмъ, взятъ уже вмѣсто скрипача віолончелистъ и день перемѣненъ; заработавъ также смычкомъ своимъ двѣсти-двадцать-пять рублей и натѣшивъ отборное общество, онъ приходитъ за десятымъ билетикомъ, положивъ и бумажникъ свой про запасъ въ карманъ для полученія денегъ; но господъ дома нѣтъ. «Это неловко» подумалъ онъ: «я временемъ своимъ дорожу и попрошу, безъ обиняковъ, чтобъ часъ этотъ былъ зачтенъ въ число уроковъ....» Проси, другъ мой; было бы кого просить: тебѣ прійдется еще потерять много такихъ часовъ и много разъ прогуляться даромъ, если ты не рѣшишься похерить изъ своего прихода двухсотъ-пятидесяти рублей и тѣмъ избавиться отъ лишнихъ и вовсе безполезныхъ хлопотъ!

Расположивъ меня окончательно любезными шуточками въ свою пользу, фокусникъ взялъ меня чуть не подъ-мышку, и, снабдивъ превосходной сигарой, повелъ прогуляться взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ искусно навелъ бесѣду на промышленное направленіе вѣка, коснулся неминуемыхъ злоупотребленій, изъ этого возникающихъ, отвергъ съ негодованіемъ и заклеймилъ презрѣніемъ недостойныхъ сподвижниковъ этого зла, изобразилъ яркими и теплыми красками всю пользу благомыслящаго производителя и смышленаго, оборотливаго промышленника, смѣлаго и оборотливаго, но честнаго человѣка; требовалъ отъ него, кромѣ святой добросовѣстности и страстной любви къ отечеству, также нѣсколько геніальности, а затѣмъ объявилъ мнѣ, до времени въ видѣ тайны, что онъ намѣренъ основать товарищество особаго рода — добродѣтельное, благодѣтельное, общеполез-

ное, обѣщающее, между-прочимъ, ровно пятьдесятъ процентовъ ретивымъ членамъ своимъ. «Предпріятіе это» продолжалъ онъ: «вѣрное; оно разсчитано какъ дважды-два, а между-тѣмъ оно и довольно-ново и можно сказать даже безпримѣрно. Чтожъ! пора же и намъ указывать путь другимъ; не все тянуться гуськомъ. Вотъ изволите видѣть: я хочу основать дружное, тѣсное товарищество, которое мы назовемъ именно товариществомъ, а не компаніею, на зло всѣмъ нѣмцамъ — товарищество изъ весьма-немногихъ избранныхъ людей, для образованія на паяхъ артелей мирныхъ маркитантовъ. Вамъ это покажется страннымъ? Слушайте: всякому извѣстно неудобство, затрудненіе, дороговизна, заботы и хлопоты по доставленію на домъ необходимѣйшихъ, насущныхъ потребностей: воды, дровъ и пищи. То нѣкого послать въ мясные, зеленные ряды и къ хлѣбнику, то водовозъ запилъ къ празднику, то человѣкъ васъ обманулъ, то мясникъ обвѣсилъ, то дворникъ надулъ — словомъ, объ этомъ нечего и говорить, это аксіома. Ну, я предполагаю учредить артели, за круговой порукой, какъ учреждены биржевыя артели великимъ, геніальнымъ преобразователемъ Россіи, и артели эти будутъ не разносить — замѣтьте, а развозить по столицѣ, доставляя на домъ, всѣ съѣстные припасы, воду и всѣ питія. На всѣхъ улицахъ устроены будутъ особыя кружки, въ которыя каждый хозяинъ опускаетъ записку, съ поименованіемъ нужнаго ему на слѣдующій день; адресы будутъ печатные, и по этой запискѣ, съ выставкой на ней счета, въ восемь часовъ утра все принесено будетъ на вашу кухню. А? подумайте объ этомъ удобствѣ! Все это развозиться будетъ въ опрятныхъ, крытыхъ рыдванахъ, съ гербомъ и девизомъ общества на бокахъ, съ девизомъ *честность и точность* — и вы расплачиваетесь тогда, когда кухарка ваша приметъ все счетомъ, мѣрою и вѣсомъ… Вотъ обзоръ этого товарищества, съ подробными разсчетами: видите, пятьдесятъ процентовъ чистаго барыша — это

вѣрно, это цифры, факты, математика.... Если вы хотите присоединиться....»

Звонокъ раздался сильнѣе обыкновеннаго и дважды сряду: фокусникъ поднялъ ушки на макушку, пронеслись громкіе и смѣшанные звуки изъ передней, говоръ перешелъ въ крикъ и явную брань.... Я не успѣлъ оглянуться, какъ хозяина моего не стало: онъ исчезъ въ моихъ глазахъ, какъ сквозь землю провалился, и крупные, рѣшительные шаги послышались въ залѣ, а за ними громкое оправданіе лакея «Хоть сами извольте посмотрѣть, нѣтъ; вотъ и они пришли-было дожидаться, да нѣтъ; видно не скоро будетъ....»

Я ухватилъ шапку, прошелъ мимо какого-то усача съ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, спустился бѣгомъ съ лѣстницы, и съ какою-то чадной головой пришелъ домой....

I.

НЕВОЛЬНЫЕ СОПЕРНИКИ.

—

Бугровъ и Уключиновъ сошлись на одиннадцатомъ году возраста въ одномъ изъ казенныхъ заведеній и росли вмѣстѣ. Судьба свела ихъ въ одну роту и одну камеру, и даже кровати ихъ постоянно стояли рядомъ, потому-что они оба были волосъ-въ-волосъ одного роста, такъ-что по ранжиру никого нельзя было всунуть между ними. Въ-теченіе шести лѣтъ то Бугровъ становился предъ Уключиновымъ, то опять Уключиновъ напередъ Бугрова, смотря по тому, кто кого въ теченіе года на поллиніи переросталъ; но никогда нельзя было подобрать кого-нибудь въ средину между обоими. Пришедшись другъ другу по нраву, они свыклись и крѣпко сдружились. Дружба ребяческая ничего не стóитъ: она забывается, какъ вчерашній обѣдъ; но если она продлится до юношескихъ лѣтъ и успѣетъ наполнить ту страшную, отчаянную пустоту, которую чувствуетъ человѣкъ, когда въ первый разъ начнетъ постигать назначеніе свое, широко разведетъ сильныя руки, чтобъ обнять весь свѣтъ, и заплачетъ о своемъ одиночествѣ; если, говорю, дѣтская дружба доживетъ до этой поры и потребность союза пробудится одновременно въ той и другой груди, то тамъ

дружба бываетъ сильна и могуча.... Она рѣдка — это правда: мы подавляемъ, изъ свѣтскаго приличія, это горячее чувство, заковываемъ его благовременно въ ручныя и ножныя кандалы, и воображаемъ, что сдѣлали дѣло, что одержали надъ собою побѣду.... Мы ходимъ тогда по бѣлу свѣту, заложивъ руки въ карманы, и смѣло приподнявъ бороду, какъ побѣдители; но, вѣрьте мнѣ, нашъ взоръ дѣлается либо мутнымъ, либо наглымъ, а чистоты въ немъ нѣтъ; осанка наша самодовольна, но внутренняго раздора намъ не укротить.... Чего недостаетъ — этого мы не знаемъ, не догадываемся, а недостаетъ того, безъ чего Богъ не велѣлъ жить человѣку — друга и товарища....

Уже за годъ до выпуска Бугровъ и Уключиновъ толковали все о томъ, какъ они повезутъ другъ друга знакомить у себя въ родительскомъ домѣ, какъ будутъ тамъ дѣтски веселиться, хозяйничать въ саду, ѣздить верхомъ въ полѣ, удить рыбу, пить молоко, ѣсть творогъ и масло, какъ примутъ ихъ родители того и другаго, какъ имъ обрадуются сестры — словомъ, они долго напередъ ужъ бредили домашнимъ благополучіемъ своимъ, и это принесло имъ много, много пользы. Мечты такого рода, заставляющія насъ ежеминутно считать милыхъ своихъ присущими, очищаютъ помыслы наши и хотѣніе, облагороживаютъ нравственность.

Настало наконецъ желанное время это; оба стали готовиться къ отъѣзду и, обнимая другъ друга втихомолку (потому-что имъ какъ-то совѣстно было товарищей), они повторяли, то одинъ, то другой, что едва только достаетъ силы дождаться терпѣливо этого благополучія.... Ихъ, по просьбѣ, назначили въ одинъ полкъ; они отправились вмѣстѣ, положивъ заѣхать сперва къ одному, къ Бугрову, въ Тверскую губернію, а тамъ къ другому, въ Орловскую.

Офицерскій мундиръ и первые эполеты, тряска рядкомъ на троичной телегѣ, чистый воздухъ, тепло и зелень, просторъ до безконечности во всѣ четыре стороны, легкая фуражечка на головѣ, день и ночь колокольчикъ подъ дугой,

ободрительные привѣты ямщика къ лошадямъ, своя волюшка, чинъ прàпора и наконецъ сабля съ темлякомъ — какое это счатливое время!

Ранымъ-ранешенько утромъ дорожные наши своротили съ большой дороги на проселочную, и у Бугрова сердце вдругъ забилось вдвое сильнѣе. Оставалось всего верстъ двадцать-пять до родной усадьбы его, гдѣ не бывалъ онъ шесть лѣтъ. Тамъ, по письмамъ, давно ужъ знали и любили Уключинова и примутъ обоихъ съ криками радости.... выбѣгутъ на крыльцо, во дворъ, сестры напереди, за ними мать, а тамъ и разсудительный отецъ, который никогда и ни въ чемъ не любитъ торопиться и потому спокойно пропуститъ всю молодежь эту мимо себя, а самъ развѣ немного только прибавитъ шагу противъ обыкновеннаго, зная, что онъ не опоздаетъ....

Было еще очень-рано, май на исходѣ, а въ маѣ хорошо.... даже и въ Тверской губерніи. Легонькій туманъ, какъ-будто налегшій за ночь для отдыха на землю, вялó поднимался опять въ походъ; потягиваясь спросонья по всѣмъ продоламъ и ложбинамъ, принимая образъ, онъ кутался въ сѣрый охобень свой, сливаясь тутъ и тамъ со столбами дыма; вершины холмовъ и проснувшіеся лѣса ужъ стряхнули съ себя это ночное одѣяло, въ свѣжей зелени встрѣчали красное солнышко и готовились продышать денекъ среди раздолья, на радость человѣку, во славу Создателя. Жаворонокъ ликовалъ надъ гнѣздышкомъ своимъ, потряхивая лётками; грачи стаями тянулись вдалекѣ съ ночлега въ поле, впереди глухо раздавался равномѣрный стукъ валька какой-то ранней прачки, а ему вторилъ двойной отголосокъ. Все было празднично и чинно; даже крестьянъ не видно было въ полѣ, потому-что это было время такъ-называемаго междупàрья.

«Кàкъ мы съ тобой счастливы!» сказалъ живой и вертлявый Бугровъ своему товарищу, который сидѣлъ задумавшись: «кàкъ мы счастливы! какія радости насъ ожида-

ютъ, не правда ли? — «Что?» спросилъ Уключиновъ, приподнявъ брови, потому-что онъ изъ-за колокольчика не слыхалъ ни одного слова. Бугровъ принужденъ былъ возвысить голосъ и прокричать товарищу изъявленіе своего восхищенія на ухо. Тотъ кивнулъ головой, промолчалъ, а потомъ, немного погодя, надумался и пожалъ товарищу руку. Бугровъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, оглядывался во всѣ стороны, старался узнавать и припоминать мѣстность, кричалъ, разсказывалъ и объяснялъ. Впервые еще испытывалъ онъ это чувство, увидать послѣ первой и долгой разлуки родину свою, и не зналъ, куда дѣваться отъ восторга. Два часа прошли скоро; поднялись небольшимъ изволокомъ на взлобокъ, и увидѣли еще за горой невысокую колокольню; спустились, перевалились черезъ холмистую гряду — и вотъ усадьба лицомъ къ лицу: просадь толстыхъ, старыхъ деревьевъ проѣхали мимо; потому-что она когда-то посажена была вдоль и посрединѣ двора, въ томъ предположеніи, что современемъ выстроится тутъ барскій домъ; но дѣло не состоялось: просадь выросла и заглохла, а маленькій домикъ, поставленный въ сторонѣ и назначенный современемъ подъ ухожи, все еще служилъ, ужъ другому поколѣнію Бугровыхъ, жилымъ домомъ, постепенно расползаясь въ ширину, какъ старый боровикъ; остановились противъ воротъ; путники соскочили, и Бугровъ, покинувъ своего товарища, пустился бѣгомъ на крылечко, перескочилъ въ одинъ прыжокъ нѣсколько ступеней и остановился, озадаченный встрѣчею старушки въ самыхъ дверяхъ. Поглядѣвъ съ секунду на нее, онъ закричалъ: «няня Василиса!» и бросился ее обнимать. Старуха, съ своей стороны, обняла его пріемовъ въ десять, опускаясь послѣдовательно все ниже и ниже, такъ-что Бугровъ не успѣлъ опомниться, какъ она дошла ужъ до икръ его и сапожныхъ носковъ.

Въ домѣ не спали, но никто почти не былъ еще готовъ для пріема такихъ дорогихъ гостей, особенно одного чужаго. Отецъ, вопреки предположеній сына, явился первый и обнялъ

Уключинова почти съ такимъ же отеческимъ чувствомъ, какъ своего сына. Затѣмъ вышла поспѣшно мать, приготовившись принять сына, ради гостя, съ нѣкоторымъ приличіемъ и чинностью; но она ужъ вошла въ комнату съ чепцомъ на бекрень, хотѣла-было начать раскланиваться, но залилась слезами и бросилась на шею сына, который обнялъ ее въ одинъ прыжокъ. Какъ только показалась старшая дочь Варвара, то братецъ ловко подсунулъ ей, вмѣсто себя, гостя, на котораго она и разлетѣлась со всего разгону, а самъ за него уклонился.... Она внезапно вспыхнула, когда руки ея уже коснулись плечъ мнимаго братца, который стоялъ, руки по швамъ, наклонивъ сперва почтительно голову, а потомъ какъ-будто готовый отклонить ее въ бокъ или назадъ.... Братецъ, захохотавъ, выскочилъ изъ-за друга и обнялъ обоихъ въ одинъ пріемъ, а тамъ еще разъ сестрицу въ-одиночку, и не успѣлъ еще выпустить ее изъ объятій своихъ, какъ въ комнату влетѣла другая сестра и втерлась между ними третьею....

«Что ты сдѣлалъ со мною сегодня?» укорялъ Уключиновъ вечеромъ своего товарища; «я во весь день не зналъ куда дѣваться, право; и самъ не знаю, что̀ со мной, а какъ только взгляну на сестру твою, такъ бы вотъ въ землю ушелъ....»

Прошла недѣля; болѣе оставаться имъ нельзя было, и товарищи, между слезъ, благословеній, пожеланій, снова усѣлись въ бричку, которая должна была довезти ихъ до первой станціи, и покатили....

Куда ушли всѣ радости эти? гдѣ минута, когда Бугровъ воскликнулъ: «о какъ мы счастливы?....» Всего прошла одна только недѣля, ничего существеннаго не измѣнилось, а горько ему было и очень тяжело на душѣ. Оставалось заѣхать еще въ Орловскую губернію къ Уключинову, погостить и тамъ съ недѣльку, и затѣмъ прямымъ и скорымъ путемъ чрезъ Днѣстръ, чрезъ Прутъ, чрезъ Дунай — и Богъ вѣсть куда дальше, куда полетитъ двуглавый орелъ.

На первой станціи, при перекладкѣ вещей въ телегу, встрѣтилось маленькое затрудненіе уложить вещи, хотя онѣ прежде укладывались свободно: оказалось, что старушка напекла цѣлый возъ однихъ подорожниковъ, не говоря ужъ о жареныхъ индѣйкахъ и поросятахъ. Не смотря ни на какое стараніе, значительная часть этого продовольствія была снова погружена въ бричку и поѣхала при нѣжномъ, благодарственномъ письмѣ, домой. Уключиновъ, получившій позволеніе называть Вареньку также милою сестрицей, приписывалъ ей, въ этомъ званіи, нѣсколько строкъ, и сбоку, поперегъ письма, выставилъ парочку многозначительныхъ стишковъ, выбранныхъ на память изъ Жуковскаго....

Чѣмъ ближе путники наши подъѣзжали къ Орлу, тѣмъ смирнѣе и задумчивѣе становился вѣтрогонъ Бугровъ, между-тѣмъ какъ Уключиновъ постепенно оживалъ и дѣлался развязнѣе обыкновеннаго. Подъ-вечеръ, въ жаркій день первыхъ чиселъ іюня, Уключиновъ сталъ мало-по-малу признавать полузабытую мѣстность: «Вотъ эту ветхую, деревянную церковь я помню; въ это село я ѣздилъ однажды съ отцомъ; но она ужъ, какъ видно, упразднена, стоитъ и разсыпается, а подлѣ усердіемъ зажиточныхъ прихожанъ выстроена каменная.... но неужели она красивѣе старой? Нѣтъ, наши старыя, даже и деревянныя церкви, красивѣе новыхъ: новыя гладкія и голы. Вотъ эти три мельницы я помню: онѣ виднѣются даже съ кровли нашей голубятни.... а вонъ и разсыпной курганъ, одинокій свидѣтель никому-невѣдомыхъ событій. Помню разсказы няньки о каменной бабѣ, которая стояла на немъ и пошла, разсердившись на орловцевъ, куда-то въ Тмутараканское княжество, къ татарамъ: слѣды поступи ея семь лѣтъ травой не поростали.... «Бугровъ, взгляни впередъ, неужто тебѣ вѣщее не говоритъ, чья усадебка будетъ вонъ — вонъ, за тѣмъ лѣсочкомъ?» Уключиновъ сдѣлался противъ обыкновенія говорливъ; онъ какъ-то ожилъ. Тамъ, за лѣсочкомъ этимъ, тя-

нется овражекъ; по подошвѣ его прыгаетъ по камешкамъ рѣчка, небольшая, но чистая и быстрая; лѣсокъ переходитъ на ту сторону оврага, скучивается въ полугорьи густо, а деревья ростутъ на этомъ мѣстѣ дружно и высоко; далѣе лѣсокъ разсыпается мелкимъ кустарникомъ, и гдѣ стоитъ въ полѣ одинокій вязъ, тамъ ему конецъ.... подъ самымъ густымъ и дружнымъ лѣскомъ стоитъ домикъ, съ широкимъ навѣсомъ въ видѣ выступа напереди; на выступъ ведутъ полукружіемъ двѣнадцать ступеней, и подъ каждой ступенькой яркими красками изображена охота: тутъ травятъ зайца, повыше стрѣляютъ куропатокъ, тамъ гоняютъ волка — помнишь? Виноватъ, ты вѣдь этого и не видалъ!.... По обѣ стороны воротъ скворечницы, на длинныхъ жердяхъ; насупротивъ, въ глубинѣ двора, голубятня, подъ скворечницами собачьи势 кануры, пустыя, а собаки бѣгаютъ на свободѣ; отъ крылечка идетъ чуть-покатый заповѣдный лужокъ, чрезъ который нѣтъ ѣзды, и ты пускаешься къ рѣчкѣ, гдѣ съ большимъ трудомъ пріурочены два большіе куста тростника; на нашей рѣчкѣ его нѣтъ.. . Мы съ тобой поселимся на вышкѣ, о которой я забылъ тебѣ сказать: она на самой срединѣ, надъ выступомъ, низенькая, уютная и зимой нежилая; но теперь будетъ въ ней прекрасно: отъ жара, чтобъ не пропекло, нанесена двойная кровелька, и промежутокъ той и другой биткомъ набитъ птичьими гнѣздами, которыя я, бывало, потрошилъ дюжинами.... Бугровъ, видишь?» Бугровъ обнялъ товарища, подбилъ ему при этомъ случаѣ на кочкѣ глазъ вискомъ своимъ и успокоился.

Солнце по лѣвую руку собиралось садиться, когда они взяли направо за лѣсокъ и вправѣ же увидѣли усадебку, какъ ее описалъ Уключиновъ. Телега неслась по чистому, ровному мѣсту, открытому со стороны усадьбы, гдѣ, безъ сомнѣнія, услышали колокольчикъ, потому-что женщина, въ розовомъ платьецѣ, быстро выбѣжала на крылечко, взглянула на ѣдущихъ и въ ту же минуту, закричавъ что-то

въ растворенную дверь комнатъ, пустилась бѣгомъ чрезъ лужокъ, чрезъ кладку на рѣчкѣ, прямо на нихъ.... Покуда телега спускалась по объѣзду, дѣвушка ужъ перерѣзала путникамъ дорогу, и они не успѣли соскочить съ телеги, какъ молоденькая и пригоженькая Анюта, вскочивъ будто на крылышкахъ въ повозку, лежала въ объятіяхъ брата. Тогда только ямщикъ успѣлъ повернуть лошадей немного бокомъ, противъ косогора, и остановивъ ихъ, съ улыбкой оглядывался назадъ себя на баръ. Анюта безъ обиняковъ усѣлась между двумя товарищами, слегка поздоровалась съ Бугровымъ, и закричала ямщику: «пошелъ, пошелъ!»

Между-тѣмъ отецъ и мать вышли скорыми шагами на крылечко; двое маленькихъ сыновей пустились бѣгомъ на встрѣчу, также перебѣжали-было въ-торопяхъ кладку, но увидѣвъ, что ужъ опоздали, воротились назадъ и встрѣтили телегу почти у самыхъ воротъ. Вся дворня высыпала, женщины напереди, позади ихъ мужская прислуга, покрикивая исподтишка на бойкихъ ребятишекъ, совавшихся, ради диковинки и общей тревоги въ домѣ, подъ ноги пріѣзжимъ.

На другой же вечеръ, когда товарищи сидѣли на вышкѣ своей, простившись съ хозяевами, и собирались ко сну, Бугровъ разсыпался предъ Уключиновымъ въ самомъ короткомъ любовномъ признаніи. Онъ не хотѣлъ и слышать ни о скоромъ отъѣздѣ, ни о службѣ, ни о славѣ, которая ждала ихъ за Дунаемъ. «Я остаюсь здѣсь, у тебя» говорилъ онъ: «будь что будетъ, пусть меня исключатъ, пусть отдадутъ подъ судъ, пусть, наконецъ, казнятъ — я отсюда не тронусь ни на шагъ. Сетра твоя.... ну, я не знаю, что она изъ меня сдѣлала въ одни сутки — я себя не помню, не узнаю.... Весь свѣтъ мнѣ теперь вдвое милѣе, вдвое краснѣе и пригоже; все умное, доброе и хорошее вдвое умнѣе и лучше; но ужъ за то все глупое и пошлое вдвое глупѣе и пошлѣе. Воля твоя, а я остаюсь здѣсь, на вышкѣ этой, или, пожалуй, на голубятнѣ, и буду жить тамъ до

скончанія вѣка.» Уключиновъ помалчивалъ и улыбался, отвѣчалъ на бѣшенныя объятія друга умѣренными ласками, призадумался и погасилъ свѣчу.

Рѣзвая пятнадцатилѣтняя Анюта, съ золотистыми кудрями своими и розовымъ личикомъ, почти съ первой встрѣчи не отличала родного братца отъ названнаго, котораго, ужъ по предварительному письменному уговору, обязана была называть братцемъ, да, сверхъ-того, еще милымъ; онъ же гонялся за нею по саду, какъ за козочкой, и въ нѣсколько дней вовсе позабылъ свою сестрицу Вареньку. Между-тѣмъ недѣля ушла, прошли и еще два дня, и еще день, которые Бугровъ вымолилъ у товарища своего, какъ отчаянную, послѣднюю отсрочку, и русскій инвалидъ, прибывшій въ сельцо Помалово съ вѣстями о взятіи Браилова, едва только могъ заставить обезумѣвшаго Бугрова опомниться, выслушать спокойно Уключинова и согласиться, что точно ѣхать пора и нельзя терять болѣе ни одного часа. При прощаніи онъ плакалъ на̀-взрыдъ, какъ ребенокъ, и сѣлъ въ телегу точно какъ приговоренный.

Прошло слишкомъ три года послѣ этого, какъ молодой подпоручикъ, съ крестикомъ, ѣхалъ въ домовый отпускъ, въ Тверскую губернію. Онъ ѣхалъ одинъ, безъ друга и товарища своего и былъ очень похожъ на вѣтрогона Бугрова, потому-что это онъ самый и есть; неподросшія бакенбарды придавали ему болѣе-степенный и мужественный видъ, а въ наружности и осанкѣ его трудно было узнать бывшаго Бугрова. Велико ли дѣло три года, а какъ они иногда измѣняютъ человѣка!

Опять лежалъ ему путь съ юга на Орелъ, но онъ и не подумалъ заѣхать къ Уключиновымъ, въ Помелово. Что ему тамъ дѣлать? Друга и товарища, въ которомъ онъ души не слышалъ, нѣтъ; названной сестры, Анюты, нѣтъ.... «О, ка̀къ грустно жить на свѣтѣ» думалъ онъ, сидя небрежно на чемоданчикѣ своемъ и понуривъ голову ... «Какъ мертва вся природа вкругъ меня! какъ дико кар-

каютъ грачи на пашняхъ! какъ уныло и однообразно звенитъ докучливый колокольчикъ!....

Радостенъ былъ пріемъ, особенно первая встрѣча Бугрова въ тверской усадебкѣ; тамъ, какъ-будто на перекоръ всему свѣту, ничего не измѣнилось въ три года — по-крайней-мѣрѣ по наружности: почтенный старичокъ со старушкой немного постарѣли, но были еще свѣжи и бодры: Варенька, изъ пятнадцатилѣтняго полуребенка распустилась и расцвѣла въ восьмнадцатилѣтнюю дѣвицу, но грусть по другомъ братѣ, по Уключиновѣ, о которомъ писалъ Бугровъ родителямъ своимъ изъ-подъ Шумлы, такъ-глубоко врѣзалась въ мягкія черты варенькина личика, что грустно было на нее смотрѣть. Счастіе, или надежда на житейское спокойствіе будущности для обѣихъ семей этихъ было разстроено, разбито.

Уключиновъ палъ при какой-то незначительной ночной стычкѣ, а сестра его, спустя около года послѣ этого печальнаго случая, вышла противъ воли замужъ, за довольно-богатаго старичка, сосѣда ихъ, который, по мнѣнію родителей ея, непремѣнно долженъ былъ составить ея счастіе. Вотъ какіе безбожные каламбуры, не вѣдая того, строятъ иногда старички наши, и вотъ какъ играютъ, не только словами, но и самою жизнью людей! Они пристроили дочь и сами были довольны; заботы ихъ о ней миновались: какъ же не быть ей счастливою? Но, почтенные старички, какъ же вы не разсудите, что у нея не было и быть не могло вашихъ заботъ, а были и есть и долго еще будутъ свои, о которыхъ вы теперь и знать не хотите, потому-что память ваша коротка и вы давно о нихъ забыли?....

Проходитъ еще годокъ; семейство Бугровыхъ сидѣло за вечернимъ чаемъ. Поручикъ, который состоялъ въ расположенномъ около Москвы корпусѣ, былъ опять наѣздомъ дома, пріѣхавъ только на нѣсколько дней. Это было зимой; на окнахъ наросла цѣлая моховина льду и инея, къ которымъ привѣшивались снаружи хлопья снѣга; весь домишко

тонулъ въ сугробахъ снѣжныхъ, и бесѣда между старикомъ и сыномъ шла о хозяйствѣ, о томъ, между-прочимъ, что «у насъ, разсчитывая рабочія силы крестьянина, надо класть въ счетъ то, чего за границей и не знаютъ: сколько рабочихъ дней пойдетъ у крестьянина самымъ незамѣтнымъ образомъ, потому-что онъ къ этому привыкъ, на отвалъ снѣгу при молотьбѣ отъ стожка, на ежедневную очистку ладони, на вывозъ дровъ изъ лѣса, который засыпанъ снѣгомъ, до первой развилины пней, и наконецъ, на самую бездѣлицу — на обрубку льда вкругъ прорубей и колодцевъ, чтобъ добыть воды.... все это надо положить въ разсчетъ» говорилъ старикъ, не замѣчая, въ горячности разговора, что слуга стоитъ предъ нимъ въ какомъ-то томительномъ и суетливомъ ожиданіи. «Что такое?» спросилъ сынъ. «Кто-то на дворъ въѣхалъ» отвѣчалъ тотъ, «въ дорожной повозкѣ.» Оглянулись — Уключиновъ, съ мерзлыми усами, съ мохнатою шапкой въ рукахъ, стоитъ ужъ въ дверяхъ.... Общее молчаніе длилось нѣсколько секундъ; явленіе это было слишкомъ-непонятно и неожиданно; притомъ Уключиновъ измѣнился въ-теченіе послѣдняго времени и, въ добавокъ, еще распухъ и раскраснѣлся отъ безсонницы и отъ морозовъ. Молодой Бугровъ перекрестился; Варенька поблѣднѣла, какъ полотно, и устремивъ взоры прямо на привидѣніе, медленно начала приподыматься со стула; но она внезапно опять присѣла, и голова ея скатилась на плечо. Мгновенно все общество ожило: старики, братъ и гость — все бросилось безъ разбора къ ней на помощь, и только когда она опять пришла въ себя и подала молча руку стоявшему подлѣ Уключинову, тогда только начались восторги, привѣтствія, крики и громкія лобзанія, въ продолженіе которыхъ, впрочемъ, Уключиновъ располагалъ только лѣвою рукой своею и стоялъ на одномъ мѣстѣ, принимая постепенно въ объятія свои всѣхъ членовъ семейства.

Успокоившись нѣсколько, сѣли. На всѣхъ лицахъ написано было рѣзкими чертами радостное изумленіе и любо-

пытство, кромѣ одного только личика, которое было въ эту минуту облечено въ сіяніе блаженства и покоя. Она была такъ счастлива настоящимъ, что въ груди ея не вмѣщалось болѣе никакого чувства; она не хотѣла знать ничего, кромѣ того, что милый ея здѣсь, предъ нею, и что она держитъ теперь его руку.

Неменѣе того Уключиновъ долженъ былъ объяснить чудо и сдѣлалъ это на первый случай, въ немногихъ словахъ. «Я былъ брошенъ замертво» сказалъ онъ, «и полкъ, какъ тебѣ извѣстно, не останавливаясь ни на пять минутъ, понесся бѣглымъ шагомъ въ траншеи, гдѣ, какъ я слышалъ, продержали васъ безсмѣнно нѣсколько дней. Между-тѣмъ линейки подвижнаго госпиталя подоспѣли, подобрали всѣхъ, кто еще дышалъ, и въ томъ числѣ меня; прямо съ позиціи отправили насъ, послѣ перевязки, въ Бальчикъ, оттуда въ Каварну, оттуда въ Браиловъ; всюду я оставался однимъ изъ послѣднихъ, потому-что остальные поголовно вымирали чумой. Сюртукъ былъ снятъ съ меня, когда я былъ убитъ на-повалъ пулею въ грудь на-вылетъ; мнѣ досталась солдатская шинель. Однополчанъ со мною вмѣстѣ не случилось, никто меня не зналъ, говорить я не могъ болѣе мѣсяца. Иванъ непомнящій — да и кончено дѣло» продолжалъ онъ, разсмѣявшись, когда замѣтилъ, что Варенька опять начинала блѣднѣть и крѣпче сжимать его руку — и въ этомъ видѣ провалялся я до сентября, а тамъ отправленъ былъ моремъ въ Одессу, но, за бурей, попался въ Севастополь; отыскавъ же наконецъ полкъ свой и доказавъ самоличность свою, я снова поступилъ въ списки и ряды живыхъ, поспѣшилъ, при первой возможности, домой, гдѣ встрѣтилъ молоденькую вдовушку свою, а тамъ и сюда....»

Молодой Бугровъ вспыхнулъ отъ какого-то вертижа и потомъ поблѣднѣлъ и будто потерялъ вдругъ всякое участіе къ судьбѣ сестры своей и дорогаго товарища, спросилъ робкимъ и озабоченнымъ голосомъ: какую молодую вдовушку?.... «А развѣ ты и этого не знаешь?» сказалъ тотъ.

«Помилуй, Анюта жила замужемъ неполныхъ два мѣсяца, шесть или семь недѣль. Дѣдушка Макаръ Иванычъ, какъ я привыкъ еще съ малыхъ лѣтъ называть покойнаго зятя, дѣдушка не на радость задумалъ жениться....»

Пошли привѣтствія и радушныя пожеланія стариковъ, между-тѣмъ какъ Уключиновъ слышалъ ихъ только краемъ уха: онъ былъ занятъ другимъ, а Бугровъ, который, въ свою очередь, также едва усидѣлъ на стулѣ, хотя и посмѣялся было сестрѣ, всталъ и вышелъ на морозъ, подъ предлогомъ распорядиться о поклажѣ гостя.

Къ ночи, когда друзья наши, послѣ многихъ, нѣжныхъ прощаній и пожеланій, остались одни, они крѣпко обнялись еще разъ и радостно прослезились. «Ну, дружище» сказалъ одинъ изъ нихъ, «дѣло-то подходитъ къ развязкѣ? какъ ты думаешь, не всякому поручику довелось познать на себѣ все то, что намъ съ тобой — а?» Бугровъ, въ отвѣтъ на это, принялся разспрашивать друга объ Анютѣ, и продолжалъ спрашивать и слушать, покуда ужъ нечего болѣе было ни спросить, ни отвѣтить. Оба заснули въ такомъ блаженствѣ, что проснулись словно въ раю; разница была только та, что одинъ достигъ ужъ, можно сказать, предѣловъ своихъ желаній: счастье было у него въ рукахъ и на этотъ разъ онъ не намѣревался упустить его; а другой, предвидя довольно-надежнымъ образомъ то же и для себя, порывался туда, гдѣ все должно было свершиться. И этотъ день прошелъ въ такой отрадной существенности, въ такихъ блаженныхъ мечтахъ и залетныхъ грезахъ, что, конечно, не было на свѣтѣ человѣка, который бы не позавидовалъ низенькой кровелькѣ въ тверскомъ захолустьѣ, скрывавшей подъ собою столько благоденствія.... Уключиновъ еще не объяснялся ни съ Варенькой, ни съ ея родителями; но дѣло само-собой покончилось и порѣшилось; никто, ни даже сами родители, взглянувъ хотя однажды въ продолженіе дня на чету эту, не могли усомниться, чтобъ не видѣли предъ собою жениха и невѣсту.

Но старикъ Бугровъ, не смотря на это, Богъ-вѣсть отчего, былъ какъ-то во весь день озабоченъ и даже скученъ; онъ развеселялся только, какъ-будто забывшись, а тамъ опять ходилъ или сидѣлъ призадумавшись. Наконецъ онъ отозвалъ сына въ другую комнату и сказалъ ему вотъ что: «Послушай, другъ мой, подумайте о томъ, что вы дѣлаете: вспомните, что вамъ, въ одно и то же время и шурьями и зятьями быть нельзя; либо то, либо другое.»—«Какъ?» спросилъ молодой Бугровъ, озадаченный дотого, что не могъ сообразить простаго смысла этихъ словъ. «А какъ же?» продолжалъ отецъ: «Богъ съ тобой, другъ мой, опомнись; этого нельзя, не позволяется: родство!

Что оставалось дѣлать теперь нашимъ бѣднымъ поручикамъ, когда судьба еще разъ поставила ихъ въ самое неожиданное и отчаянное положеніе? Неужели Бугрову было противиться видимому блаженству сестры и друга, разорвать теперь этотъ неразрывный, искусившійся союзъ, и неужели ему отказаться навѣкъ отъ своего счастья, которое, послѣ такихъ, едва-сбыточныхъ превратностей, ему окончательно улыбнулось? Но что же будетъ изъ бѣдной Анюты, горькой вдовы почти до ненавистнаго ей замужества, изъ Анюты, которая была все та же, по словамъ брата, и даже сказала ему, обнявъ его въ послѣдній разъ въ повозкѣ: «я не выйду, братецъ, изъ повозки твоей.... вези меня съ собой, туда....»

Да, это бореніе было жестоко. Десять разъ приставала сестра къ милому брату, а женихъ ея къ другу: они не понимали, какой недобрый духъ могъ въ это блаженное время поселиться въ домѣ и заставить отца, мать, а наконецъ и сына, ходить изъ угла въ уголъ съ такимъ стѣсненнымъ, унылымъ видомъ.... Но Бугровъ упорно молчалъ; онъ ужъ объяснился съ отцомъ, который обнялъ его при этомъ и на глазахъ котораго сынъ, сколько могъ припомнить, отъ-роду въ первый разъ увидѣлъ слезу.... Бугровъ отказывался отъ своего счастья, отказывался отъ предполо-

женной поѣздки въ Орелъ, и, вмѣсто того, завтра же уѣзжалъ въ полкъ,... Та́къ бы оно и сталось, вѣроятно, еслибъ мать не проговорилась дочери, которая, въ свою очередь, выплакала все горе это на грудь своего милаго.

Итакъ, много ли дней прошло опять съ того времени, какъ Уключиновъ вошелъ съ намерзшими усами и какъ всеобщее счастье почти каждаго изъ членовъ этихъ двухъ семействъ казалось прочно-обезпеченнымъ? А что жь теперь? И кто пособитъ этому горю, этому бѣдствію?

Я вамъ скажу, кто пособитъ: собственная сила и воля надъ собою человѣка. Не вѣрьте, чтобъ счастіе было извнѣ; оно въ васъ, внутри васъ: это — воля ваша, сила души и вѣра.

Уключиновъ не долго боролся и страдалъ; онъ рѣшился скоро. «Варенька» сказалъ онъ ей, когда они были одни: «послушай и пойми меня, другъ мой; я теперь ужъ не свой; я не могу располагать ни собою, ни своею волею: я твой. Но смотри, что мы дѣлаемъ: хладнокровно, обдуманно и умышленно мы разбиваемъ навѣкъ счастіе моей сестры и твоего брата; только этою цѣною мы можемъ искупить бракъ свой. Но, другъ мой, необходимо ли это для насъ и не будетъ ли насъ преслѣдовать навсегда угрызеніе совѣсти, когда мы будемъ осуждены смотрѣть на отравленную нами жизнь любимцевъ нашихъ? Не отравитъ ли это навсегда и нашу жизнь, и гдѣ жъ мы тогда найдемъ того, чего мы такъ жадно и продолжительно искали — счастія?»

Лицо Вареньки постепенно свѣтлѣло; глаза ея принимали необычайный блескъ; кроткія черты становились рѣзче и переходили въ выраженіе рѣшимости и покоя; одно только бурное колыханіе груди измѣняло ей. Уключиновъ продолжалъ: «а еслибъ мы остались навсегда братомъ и сестрой, еслибъ всегда любили другъ друга, какъ любимъ теперь, развѣ мы бы не были счастливы?»

Варенька бросилась ему на шею и могла только проговорить: «братъ....»

Предоставляю вамъ судить о новомъ изумленіи цѣлаго семейства, когда Варенька съ женихомъ своимъ вошла рука-въ-руку и, вмѣсто ожидаемаго всѣми со страхомъ и радостью объясненія, просила отца и мать благословить — не жениха и невѣсту, а брата съ сестрой! Старики недоумѣвали, что́ дѣлать, какъ это принять; мать горько плакала: братъ выходилъ изъ себя и рвалъ на себѣ волосы.... Одна только чета эта, Варенька съ новымъ братцемъ своимъ, стояла спокойно и безмятежно, ублажаемая чистымъ и сладкимъ чувствомъ своего мечтательнаго самопожертвованія....

Но дѣло разъигралось совсѣмъ-иначе. «Дѣти» сказалъ, подумавъ, отецъ: «я вижу, что все это такимъ образомъ добромъ кончиться не можетъ: беру грѣхъ на себя и устрою по крайнему своему разумѣнію.» Онъ разсказалъ имъ, что и какъ предполагаетъ сдѣлать, и не успѣлъ онъ кончить, какъ опять ужъ всѣ обнимались со слезами чистой радости, и не было ни одной слезинки горькой, слезы отчаянія и печали.

Чрезъ нѣсколько дней два друга опять ужъ сидѣли въ повозкѣ путника и, заѣхавъ на короткое время, для двухнедѣльнаго отпуска Бугрову, въ Подмосковную, помчались далѣе, въ Орелъ. «Вы меня еще помните?» спросилъ онъ, вошедши съ полукруглаго крылечка подъ навѣсомъ въ комнату, въ которой сидѣла за работой молодая женщина, въ печальномъ платьѣ.... Опять чрезъ два дня Уключиновъ, устроивъ дома все нужное, несся во весь духъ на Тверь, въ усадьбу Бугровыхъ, а Бугровъ остался у Уключиновыхъ, которымъ, конечно, было и довольно времени и случая одуматься, пожалѣть о прошломъ и не противиться будущему ...

Въ одинъ день и въ одинъ часъ вѣнчались двѣ четы: одна въ селѣ Радищевѣ, близъ Помелова, Орловской губер-

нiи, — другая въ Тверской, также въ приходской сельской церкви, куда причислялась вотчина Бугровыхъ. Кто вѣнчался — объ этомъ не нужно и говорить, хотя ни та, ни другая свадьба не была *краденая*, какъ называютъ у насъ вообще всякую тайную свадьбу; обѣ происходили гласно, среди бѣлаго дня, съ соблюденiемъ всѣхъ установленныхъ церковью и гражданскими законами правилъ. Въ тотъ часъ, въ который четы эти вѣнчались, между ними не было ни какой степени родства, могущей быть законной помѣхой, ни для той, ни для другой.

Дай же имъ Богъ любовь да совѣтъ, жить-поживать, добра наживать; денегъ съ нужу, платья съ ношу, а дѣтокъ — что вѣтокъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

BUCHBINDEREI
VON
AUGUST WERZ
MÜNCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Dal, Vladimir I.,

Sotschinenija Novoje polnoje isdanijer

Bd.: 1

Petersburg (1861)

P.o.rel. 3003-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036258-3